ЖЮЛЬ
ВЕРН

ГОСУДАРСТВЕННОЕ
ИЗДАТЕЛЬСТВО
ХУДОЖЕСТВЕННОЙ
ЛИТЕРАТУРЫ

ЖЮЛЬ ВЕРН

СОБРАНИЕ СОЧИНЕНИЙ

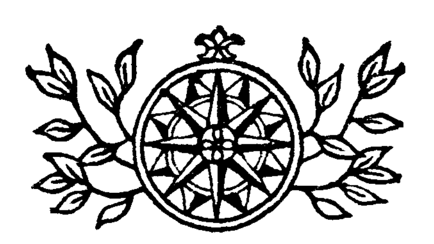
В ДВЕНАДЦАТИ ТОМАХ

Государственное Издательство Художественной Литературы

Москва 1957

ЖЮЛЬ ВЕРН

СОБРАНИЕ СОЧИНЕНИЙ



ТОМ ВОСЬМОЙ

ЧЕРНАЯ ИНДИЯ

ПЯТНАДЦАТИЛЕТНИЙ КАПИТАН

ПЯТЬСОТ МИЛЛИОНОВ
БЕГУМЫ

Государственное Издательство
Художественной Литературы
Москва 1957

*Издание осуществляется под редакцией
Б. Н. Агапова, проф. Ю. И. Данилина,
акад. Д. И. Щербакова*

Переводы с французского

Иллюстрации художника
П. И. Луганского

ЧЕРНАЯ ИНДИЯ

Перевод З А Бобырь
под редакцией О. В. Волкова

ГЛАВА ПЕРВАЯ

Два противоречивых письма

«Мистеру Дж. Р. Старру, инженеру.
Эдинбург. Канонгэт, 30.

Если мистер Джемс Старр соблаговолит явиться завтра на рудники Эберфойла, шахта Дочерт, ствол Ярроу, то ему будет сделано сообщение, которое может его заинтересовать.

На станции Колландер в течение целого дня мистера Джемса Старра будет ждать Гарри Форд, сын бывшего рудничного мастера Симона Форда.

Просьба хранить это приглашение в тайне».

Таково было письмо, полученное Джемсом Старром с первой почтой 3 декабря 18.. года, — письмо со штемпелем Эберфойлской почтовой конторы, графство Стерлинг, Шотландия.

Любопытство инженера было сильно задето. Ему даже не приходило в голову, что это письмо могло быть мистификацией. Он давно знал Симона Форда, в прошлом рудничного мастера копей Эберфойла, где сам он, Джемс Старр, в течение двадцати лет был директором, или, как говорят на английских шахтах, «управляющим».

Джемс Старр отличался крепким сложением и чувствовал себя в пятьдесят пять лет, словно ему было не больше сорока. Он принадлежал к старинной эдинбург-

ской семье и, несомненно, являлся одним из самых выдающихся ее отпрысков. Его деятельность делала честь почтенной корпорации горных инженеров Соединенного королевства как в Кардиффе и Ньюкасле, так и в равнинных графствах Шотландии. Однако имя Старра завоевало особое признание в связи с его работами в неизведанных глубинах копей Эберфойла, граничащих с копями Аллоа и занимающих часть графства Стерлинг. Именно в Эберфойле протекла почти вся его жизнь. Кроме того, Джемс Старр состоял членом Общества шотландских антиквариев, которые избрали его своим президентом. Он считался также одним из самых деятельных членов Королевского института, и в «Эдинбургском обозрении» нередко печатались его замечательные статьи. Как видим, он был одним из тех ученых-практиков, которым Англия обязана своим благосостоянием. Вообще он занимал видное положение в древней шотландской столице, которая не только своим обликом, но еще более своей культурой заслужила название «Северных Афин».

Известно, что англичане дали своим обширным угольным копям очень выразительное название «Черная Индия», и эта Индия, быть может, еще больше, чем настоящая, способствовала поразительному обогащению Соединенного королевства. Действительно, там днем и ночью работает целая армия шахтеров, добывая из недр Англии драгоценное горючее, без которого не может обойтись современная промышленность.

В те времена копи еще далеко не были истощены, и по вычислениям специалистов в ближайшем будущем нечего было опасаться недостатка угля. Угольные залежи Старого и Нового Света еще можно было широко разрабатывать. Фабрикам, изготовляющим всевозможные предметы, паровозам, локомобилям, пароходам, газовым заводам — никому еще не грозила опасность остаться без минерального топлива. Однако за последние годы потребление угля возросло настолько, что некоторые залежи оказались выработанными вплоть до самых тонких угольных пластов. Заброшенные стволы и опустевшие штреки покинутых шахт отныне без пользы пронизывали и прорезали землю.

Именно такая участь постигла копи Эберфойла.

Десять лет назад последняя вагонетка вывезла из этих рудников последнюю тонну угля. Подземное оборудование — машины, приводившие в движение рельсовый транспорт в штреках, вагонетки, из которых составлялись подземные поезда, шахтные трамваи, клети для спуска и подъема, трубопроводы, подававшие сжатый воздух в перфораторы, — словом, все орудия производства были извлечены из глубины шахт и брошены на поверхности. Истощенная копь походила на труп мастодонта фантастических размеров, у которого изъяли все жизненные органы и оставили только скелет.

Из всего этого оборудования остались на месте лишь длинные деревянные лестницы, по которым можно было спуститься вглубь шахты по стволу Ярроу — единственному, дававшему теперь доступ к нижним штрекам шахты Дочерт.

Лишь уцелевшие надшахтные строения указывали на те места, где уходили под землю стволы этой покинутой шахты, совершенно заброшенной, как и все другие шахты, составлявшие в совокупности копи Эберфойла.

Печален был день, когда шахтеры в последний раз вышли из шахты, в которой они работали столько лет.

По приглашению инженера Джемса Старра в огромном дворе шахты Дочерт, когда-то загроможденном излишками угля, собралось несколько тысяч рабочих, составлявших трудолюбивое и отважное население копей. Тут были отбойщики, откатчики, проводники, закладчики, крепильщики, дорожники, приемщики, весовщики, кузнецы, плотники — все подземные и надземные рабочие со своими семьями.

Эти честные люди, работавшие в шахтах Эберфойла долгие годы, из поколения в поколение, и вынужденные теперь в силу сложившихся обстоятельств разъехаться в разные стороны, собрались все вместе перед тем, как навсегда покинуть свой старый рудник, и ждали последних прощальных слов инженера. Фирма раздала им в виде вознаграждения прибыль текущего года.

Правда, деньги были небольшие, так как доход от добычи едва превышал эксплуатационные расходы; но и это было подспорьем для рабочих — ведь они должны были теперь искать себе работы где-нибудь на соседних шахтах или на фермах и заводах в других частях графства.

Джемс Старр стоял перед дверью обширного здания, в котором столько лет работали мощные паровые машины подъемного ствола. Инженера окружали мастера, и среди них был Симон Форд, пятидесятипятилетний мастер шахты Дочерт.

Джемс Старр снял шляпу. Шахтеры, обнажив головы, хранили глубокое молчание. В этой прощальной сцене было нечто трогательное и не лишенное величия.

— Друзья мои, — произнес инженер, — для нас наступило время расстаться. Копи Эберфойла, где мы столько лет работали вместе, ныне истощены. Наши разведки не привели к открытию новых пластов, и из шахты Дочерт только что извлечен последний кусок угля!

В доказательство своих слов Джемс Старр указал шахтерам на глыбу угля, оставленную в бадье.

— Этот кусок угля, друзья мои, — продолжал он,— словно последняя капля крови из жил нашего рудника! Мы сохраним его, как сохранили первый кусок, извлеченный из Эберфойлских залежей полтораста лет назад. От того дня, когда была добыта первая глыба угля, и до дня, когда подняли наверх последний кусок, на наших шахтах сменилось много поколений рабочих. Но теперь все кончено! Последние слова, с которыми обращается к вам ваш инженер, — это слова прощания. Вы жили шахтой, и она выработана вашими руками. Труд был тяжелым, но для вас небезвыгодным. Наша большая семья вынуждена рассеяться, и мало вероятно, чтобы в будущем мы встретились снова. Но не забудьте, что мы долго жили вместе и что помогать друг другу — долг шахтеров Эберфойла. Ваши бывшие начальники тоже не забудут вас. Когда долго работали вместе, нельзя оставаться чужими друг другу. Мы будем следить за вами, и куда бы вы ни обратились в поисках честного заработка, вам обеспечены наши

добрые отзывы. Итак, прощайте, друзья мои, и да поможет вам небо!

Сказав это, Джемс Старр крепко обнял старейшего из рабочих шахты, и у старика слезы навернулись на глазах. Потом пожать руку инженеру подошли мастера с различных шахт, а шахтеры размахивали шляпами и кричали:

— Прощайте, Джемс Старр, наш начальник и друг!

Это прощание оставило неизгладимый след в их честных сердцах. Но надо было расходиться, и все разошлись, с грустью покидая обширный двор. Вокруг Джемса Старра стало пусто. На черных дорогах, ведущих к шахте Дочерт, в последний раз отзвучали шаги рабочих, и шумное оживление, ранее наполнявшее Эберфойлские копи, сменилось тишиной.

С Джемсом Старром осталось только два человека.

Это были мастер Симон Форд и его сын Гарри, юноша лет пятнадцати, уже несколько лет работавший под землей.

Джемс Старр и Симон Форд знали и уважали друг друга.

— Прощайте, Симон, — сказал инженер.

— Прощайте, мистер Джемс, — ответил старший мастер, — или, вернее, до свиданья!

— Да, до свиданья, Симон! — продолжал Джемс Старр. — Вы знаете, что я всегда буду рад видеть вас и поговорить с вами о прошлом нашего старого Эберфойла.

— Я в этом уверен, мистер Джемс.

— Мой дом в Эдинбурге всегда открыт для вас.

— Эдинбург далеко, — возразил мастер, покачав головой, — далеко от шахты Дочерт!

— Как далеко, Симон? Где же вы собираетесь жить?

— Здесь, мистер Джемс! Мы не покинем шахту, нашу старую кормилицу, за то, что у нее молоко иссякло! Моя жена, сын и я сам постараемся не изменять ей.

— Прощайте же, Симон, — ответил инженер, голос которого невольно выдавал волнение.

— Нет, мистер Джемс, — я еще раз повторю: до свиданья, — возразил мастер. — Именно до свиданья, а не прощайте. Поверьте слову Симона Форда, Эберфойл еще увидит вас!

Инженер не захотел отнимать у старого мастера эту последнюю иллюзию. Он обнял юного Гарри, который смотрел на него большими взволнованными глазами, еще раз пожал руку Симону Форду и окончательно покинул рудник

Все это произошло десять лет назад; но, несмотря на выраженное стариком мастером желание когда-нибудь увидеться, Джемс Старр все это время ничего о нем не слышал.

И вот после десяти лет разлуки от Симона Форда пришло письмо, приглашающее его немедленно отправиться на старые Эберфойлские копи.

Какое же сообщение могло заинтересовать Джемса Старра? Шахта Дочерт, ствол Ярроу! Сколько воспоминаний вызывали в нем эти имена! Да! Это было хорошее время, заполненное трудом и борьбой, — лучшее время в его жизни!

Джемс Старр перечитал письмо. Потом осмотрел его со всех сторон. По правде сказать, он жалел, что Симон Форд не прибавил больше ни строчки, и даже досадовал на старика за такую краткость.

Неужели старому мастеру удалось открыть какой-нибудь новый, пригодный к разработке пласт? Вряд ли!

Джемс Старр помнил, как тщательно и обстоятельно были обследованы Эберфойлские шахты перед прекращением работ Он сам производил последние разведки и не нашел никаких новых залежей в недрах, истощенных предельной эксплуатацией. Были сделаны даже попытки подсечь угленосные пласты под слоями, обычно подстилающими их вроде красного девонского песчаника. Попытки были безрезультатны. Джемс Старр покинул шахту с твердой уверенностью, что в ней нет больше ни куска угля.

— Нет, — повторял он себе, — нет! Как допустить, что Симону Форду удалось найти то, чего я найти не мог? Однако старый мастер хорошо знает, что меня может интересовать только одно обстоятельство. И по-

чему надо держать в тайне это приглашение на шахту Дочерт?

Мысли Джемса Старра все время возвращались к одному и тому же.

Инженер знал Симона Форда как искусного горняка, в высокой степени одаренного прирожденными качествами, необходимыми для шахтера Он не видел Симона с тех пор, как были оставлены Эберфойлские копи, и не слыхал даже, что сталось со старым мастером. Он не имел никаких сведений о том, чем занимается сейчас Симон Форд и даже где он живет с женой и сыном. Ему известно было только то, что свидание назначено у ствола Ярроу и что Гарри, сын Симона Форда, будет ожидать его на станции Колландер в течение всего следующего дня. Речь шла, очевидно, о том, чтобы посетить шахту Дочерт.

— Поеду, поеду! — повторял Джемс Старр; возбуждение его все возрастало.

Дело в том, что достойный инженер принадлежал к категории тех пылких людей, мозг у которых все время кипит, как котелок на жарком огне. В иных головах мысли кипят ключом, в других они варятся потихоньку. В этот день мысли Джемса Старра бурлили вовсю.

Но тут произошло нечто неожиданное, и словно холодный душ разом охладил кипение этого разгоряченного мозга.

В конце дня слуга Джемса Старра принес второе письмо, доставленное вечерней почтой.

Письмо было вложено в грубый конверт, почерк, которым подписан был адрес, изобличал руку, мало привыкшую к перу.

Джемс Старр разорвал конверт. Там оказался пожелтевший от времени клочок бумаги, словно вырванный из старой тетради.

На клочке стояла только одна фраза:

«Инженеру Джемсу Старру незачем беспокоиться, — письмо Симона Форда теперь утратило всякое значение».

Подписи не было.

ГЛАВА ВТОРАЯ

В дороге

Прочтя это письмо, в корне противоречащее первому, Джемс Старр был совершенно озадачен.

«Что все это значит?» — думал он.

Он снова взял полуразорванный конверт. На нем, как и на первом, был штемпель Эберфойлской почтовой конторы. Значит, оно пришло из того же пункта графства Стерлинг. Писал его не Симон Форд — это было очевидно. Но столь же очевидно было и то, что автор письма знал тайну старого мастера, если так решительно отменял полученное инженером приглашение.

Действительно ли первое письмо теперь не имело значения? Или Джемсу Старру просто хотели помешать ехать и поэтому уверяли, что его путешествие бесцельно. Не было ли здесь злого умысла, желания нарушить планы Симона Форда?

К этому выводу и пришел Джемс Старр по зрелом размышлении. Противоречивость обоих писем только усилила его желание ехать на шахту Дочерт. Если здесь была мистификация, то лучше было выяснить все до конца. Однако Джемсу Старру казалось, что следует скорее уж доверять первому письму, чем второму, то есть верить такому человеку, как Симон Форд, а не анонимному автору.

«В самом деле, если на мое решение хотят повлиять, — сказал он себе, — то, значит, сообщение Симона Форда должно быть крайне важным. Завтра в назначенное время я буду в указанном месте!»

Вечером Джемс Старр подготовился к отъезду. Так как его отсутствие могло продлиться несколько дней, он предупредил письмом сэра Эльфистона, председателя Королевского института, что не сможет присутствовать на ближайшем заседании. Он отложил несколько других дел, которыми должен был заниматься в ближайшие дни. Потом, приказав слуге уложить саквояж, он лег спать, взволнованный более, чем этого, быть может, заслуживало дело.

На следующий день в пять часов утра Джемс Старр вскочил с постели, оделся потеплее, так как была холодная, дождливая погода, и вышел из своего дома на Канонгэт [1], намереваясь на пристани Грэнтон сесть на пароход, который за три часа довезет его до Стерлинга по реке Форт.

Вероятно, впервые в жизни Джемс Старр, проходя по Канонгэту, не обернулся, чтобы взглянуть на Холируд — дворец прежних властителей Шотландии. Он не заметил дворцовых часовых, одетых в старинные шотландские костюмы: юбки из зеленой материи, клетчатые пледы и сумки из козьего меха, свисавшие чуть ли не до полу. Хотя инженер, как и всякий истинный сын старой Каледонии, был фанатичным почитателем Вальтера Скотта, он, против обыкновения, даже не взглянул на гостиницу, где останавливался Вэверлей и куда портной принес ему знаменитый боевой наряд из тартана, вызвавший столь наивное восхищение у вдовы Флокхерт. Не приветствовал он и маленькую площадь, где после победы Претендента горцы стреляли из ружей, рискуя убить Флору Мак-Айвор. Часы тюремного замка выставляли посреди улицы свой роковой циферблат: он взглянул на них лишь для того, чтобы удостовериться, что не опоздает. Нужно признаться также, что и в Нелхер Боу он даже не посмотрел на домик великого реформатора Джона Нокса, единственного человека, которого не соблазнили улыбки Марии Стюарт. Свернув на Хай-стрит, оживленную улицу, так подробно описанную в романе «Аббат», он зашагал к гигантскому мосту Бридж-стрит, соединяющему между собой три холма, на которых раскинулся Эдинбург.

Через несколько минут Джемс Старр прибыл на вокзал, а полчаса спустя вышел из поезда в Ньюхейвене, красивом рыбацком поселке в одной миле от Лейса, который служил Эдинбургу портом. Надвигающийся прилив постепенно покрывал водою черноватую, усеянную камнями песчаную полосу у берега. Первые волны уже омывали эстакаду, род причала, укреплен-

---

[1] Главная и знаменитая улица старого Эдинбурга *(Прим. автора.)*

ного цепями. Слева, у пирса Грэнтон, был пришвартован один из пароходов, делающих регулярные рейсы по Форту между Эдинбургом и Стерлингом.

В эту минуту труба «Принца Уэльского» изрыгала клубы черного дыма, котел парохода глухо шумел. На звук колокола, прозвонившего несколько раз, спешили к пароходу запоздавшие пассажиры. На причале толпились торговцы, фермеры, духовные лица, — этих последних можно было узнать по коротким панталонам, длинным сюртукам и узким белым воротничкам, плотно облегавшим шею.

Джемс Старр взошел на палубу «Принца Уэльского» вместе с последними пассажирами. Хотя шел проливной дождь, никто не думал укрываться в салоне парохода. Все стояли неподвижно, кутаясь в дорожные плащи, а некоторые время от времени согревались изнутри — то есть подбадривали себя глотком джина или виски из своих фляг. Раздался последний удар колокола, отдали концы, и «Принц Уэльский» стал разворачиваться, чтобы выйти из бухты, защищенной молом от волн Северного моря. «Ферс оф Форт» — таково название, данное заливу, который врезается в сушу между берегами Файфского графства на севере и побережьем графств Линлитгоу, Эдинбургского и Хаддингтонского — на юге. Он составляет устье Форта, небольшой, но глубоководной реки, вроде Темзы или Мерсея, которая, стекая с западных склонов Бен-Ломонда, впадает в море в Кинкардайне.

От пристани Грэнтон до конца этого залива можно было бы дойти быстро, если бы не необходимость делать бесчисленные повороты, чтобы останавливаться у пристаней по обоим берегам. Берега Форта усеяны городами, поселками, коттеджами, приютившимися среди деревьев. Стоя под широким мостиком, перекинутым между двумя кожухами, Джемс Старр мало интересовался пейзажем, затянутым в тот день тонкой сеткой дождя. Он старательно наблюдал, не следит ли за ним кто-нибудь из пассажиров. Было весьма вероятно, что автор безыменного письма находится на пароходе. Однако инженер не мог подметить ни одного подозрительного взгляда.

Отойдя от пристани Грэнтон, «Принц Уэльский» направился к узкому проливу между двумя мысами Саут-Куинсферри и Норт-Куинсферри, за которыми Форт образует нечто вроде озера, доступного для судов тоннажем до ста тонн.

В просветах, порой разрывающих туман, вдали показывались снежные вершины Грампианских гор.

Вскоре пароход потерял из виду городок Эвердоур, остров Колм, увенчанный развалинами монастыря XII века, миновал остатки замка Барнбугл, потом Донибристл, где был убит зять регента Меррея, потом укрепленный островок Гарви. Он вышел из пролива Куинсферри, оставил влево замок Росайт, древнее гнездо той ветви Стюартов, с которой была в родстве мать Кромвеля; миновал Блэкнесс-Кэстл, все еще укрепленный согласно одной из статей Союзного договора, и прошел вдоль набережных маленького порта Чарлстона, откуда вывозится известь из разработок лорда Элджина. Наконец, колокол «Принца Уэльского» возвестил остановку у пристани Кромби-Пойнт.

Погода была отвратительная. Резкие порывы ветра дробили струи дождя в водяную пыль. Кружа ее, словно смерч, то и дело налетал ревущий шквал.

Джемс Старр испытывал немалое беспокойство Встретит ли его сын Симона Форда? Он знал по опыту, что шахтеры, привыкшие к глубокой тишине шахт, не очень-то любят выходить в непогоду. Крестьяне мало обращали внимания на дождь и бурю. От Колландера до шахты Дочерт и до ствола Ярроу насчитывалось мили четыре. Из-за всего этого сын старого мастера мог запоздать. Но еще больше инженера тревожила мысль, что письмо второе отменяло встречу, назначенную первым. Это, по правде сказать, больше всего беспокоило Джемса Старра. И Джемс Старр решил, что если он не увидит Гарри Форда на перроне станции в Колландере, то отправится один на шахту Дочерт и даже, если понадобится, в поселок Эберфойл. Там, несомненно, он узнает что-нибудь о Симоне Форде и

о том, где в настоящее время живет старый мастер.

Тем временем плицы «Принца Уэльского» продолжали вздымать огромные волны. Оба берега реки были затянуты туманом, в его влажной дымке исчезали и городок Кромби, Торриберн, Торри-хоуз, Ньюмиллс, Кэрриден-хоуз, Керк-грэндж и Солт-пэнс по правому берегу, маленький порт Боунесс, порт Грэнджмоут, построенный в устье Клайдского канала. Густая сетка косого дождя скрывала старое селение Келресс с развалинами аббатства, верфи Кинкардина, куда зашел пароход, Эйрс-Кэстл с квадратной башней XIII века, Клакманнан и его замок, построенный Робертом Брюсом.

«Принц Уэльский» остановился у пристани Аллоа, чтобы высадить нескольких пассажиров. У Джемса Старра сжалось сердце: впервые после десятилетнего отсутствия увидел он этот городок, центр крупного рудничного района, кормившего огромное рабочее население. Воображение увлекло его под землю, где кирка шахтера все еще работала с великой пользой. Рудники Аллоа, почти смежные с Эберфойлскими, попрежнему обогащали графство, а соседние были давно уже выработаны, и в них не осталось больше ни одного рабочего!

Миновав Аллоа, пароход на протяжении девятнадцати миль быстро двигался вперед бесчисленными излучинами Форта между лесистыми его берегами. Мелькнули в конце просеки развалины монастыря Камбескеннет, восходящего к XII веку, потом замок Стерлинг и королевская крепость того же имени; около нее через Форт перекинуты два моста, не пропускающие судов с высокими мачтами.

Едва «Принц Уэльский» причалил, как инженер ловко спрыгнул на набережную. Через пять минут он был на вокзале. Спустя час уже сошел с поезда в Колландере, большом поселке на левом берегу Тейта.

У станционного здания стоял молодой человек, он тотчас же пошел навстречу инженеру.

Это был Гарри, сын Симона Форда.

ГЛАВА ТРЕТЬЯ

Недра Соединенного королевства

Чтобы читатели лучше поняли эту повесть, необходимо напомнить им в нескольких словах, каково происхождение каменного угля.

В течение тех геологических эпох, когда Земной шар находился еще в стадии образования, его окружала густая атмосфера, насыщенная водяными парами и пропитанная углекислотой. Постепенно эти пары сконденсировались в проливные дожди, низвергавшиеся, словно их выбрасывали миллиарды бутылок сельтерской воды. Эта вода, насыщенная углекислотой, изливалась потоками на вязкую, еще не отвердевшую, подверженную быстрым или медленным деформациям почву, полужидкое состояние которой поддерживалось как жаром солнца, так и жаром внутренней массы. Внутренняя теплота еще не была сосредоточена в центре Земного шара. Она проникала на поверхность тонкой и не совсем затвердевшей земной коры через трещины. Поэтому Земля была покрыта роскошной растительностью, — такой, какая, быть может, произрастает на поверхности внутренних планет, Венеры и Меркурия, находящихся ближе к Солнцу, чем Земля.

Итак, почва материков, еще не очень прочная, покрылась обширными лесами. Углекислоты, столь нужной для развития растительного царства, в воздухе было очень много. Поэтому растения принимали форму деревьев. Ни одного травянистого растения не было. Повсюду высились огромные массивы деревьев, без цветов, без плодов, однообразных с виду и совершенно несъедобных для живых существ. Земля не была еще готова для появления животного царства.

Каким был состав этих допотопных лесов? В них преобладал класс сосудистых тайнобрачных. Каламиты — род древовидных хвощей, лепидодендроны — род гигантских плаунов, высотой по двадцать пять — тридцать метров и толщиной у основания в метр, астерофиллы, папоротники, великаны сигиллярии,

отпечатки которых находят в Сент-Этьенских шахтах, — все они были тогда грандиозными, а сейчас их родичей можно найти лишь среди самых скромных представителей флоры — такова была мало разнообразная по видам, но громадная по размерам растительность, из которой только и состояли леса той эпохи.

Эти деревья росли на почве, чрезвычайно сырой, болотистой, напоминавшей огромную лагуну, где пресные воды смешивались с морскими. Деревья жадно усваивали углерод, постепенно извлекая его из атмосферы, еще непригодной для жизни животных организмов; можно сказать, деревья эти были предназначены к тому, чтобы отложить запасы углерода в глубоких недрах Земли в виде угля.

Это была эпоха землетрясений, которые вызывались внутренними сдвигами и плутонической деятельностью и внезапно изменяли еще неустоявшиеся очертания земной поверхности. Здесь — бугры, которые становились горами; там — пропасти, которым предстояло заполниться океанами или морями. При этом целые леса погружались в земную кору сквозь неотвердевшие слои, пока не находили себе точку опоры, вроде первичных гранитоидных слоев, или пока сдавливание не превращало их самих в плотную массу.

В самом деле, внутреннее геологическое строение Земли представляется в следующем виде: поверх первобытных пород лежат осадочные, состоящие из первичных слоев, затем вторичных, в которых нижний ярус занимают угленосные залежи, третичных, а поверх всего этого лежит древний и новый аллювий.

В эту эпоху воды, не сдерживаемые еще никаким руслом и возникавшие вследствие конденсации водяных паров сразу во всех точках земной поверхности, бурно текли и размывали едва образовавшиеся скалы, увлекая с собою материал, из которого впоследствии слагались сланцы, песчаники, известняки. Они заливали болотистые леса и отлагали материал для слоев, которые должны были лечь поверх угленосных. Со временем — периоды здесь исчисляются миллионами лет — эти слои отвердели, нагромоздились друг на

друга и похоронили всю массу упавших деревьев под толстым панцырем конгломератов, сланцев, хрупких или твердых песчаников, гравия и щебня.

Что же происходило в гигантском тигле, где накоплялось растительное вещество, погруженное на различную глубину? Там шла подлинная химическая переработка, нечто вроде перегонки. Здесь собирался весь углерод, содержавшийся в растениях, и под двойным влиянием — огромного давления и высокой температуры, исходившей от расплавленной магмы, которая в те времена подходила очень близко к земной коре, — образовался каменный уголь.

Таким образом, в этой медленной, но неотвратимой реакции одно царство сменялось другим. Растение превращалось в минерал. Все растения, прожившие свою жизнь под действием первозданных сил, окаменели. Некоторые из образцов этого колоссального гербария, неполностью превращенные в минерал, оставляли свои отпечатки на других продуктах, которые окаменели быстрее, и сжимали их, словно гидравлический пресс неслыханной мощности. В то же время раковины, зоофиты, — например, морские звезды, — полипы, позвоночные, вплоть до рыб и до увлеченных водою ящериц, оставляли на мягком еще слое угля свои отпечатки, отчетливые, словно великолепные оттиски [1].

Давление, повидимому, играет большую роль в образовании угольных залежей. Именно от его силы зависят различия в сортах углей, применяющихся в промышленности. Так, в самых нижних слоях угольных районов залегает антрацит, почти вовсе лишенный летучих веществ и содержащий наибольшее количество углерода. В верхних слоях, напротив, встречаются лигнит и ископаемое дерево, в которых углерода гораздо меньше.

---

[1] Нужно заметить, впрочем, что все эти растения, отпечатки которых сохранились, принадлежат к видам, произрастающим сейчас только в экваториальных зонах Земного шара Отсюда можно заключить, что по всей Земле было одинаково жарко, благодаря ли притоку горячей воды, или же потому, что внутренний огонь давал себя чувствовать сквозь кору на поверхности. Таким образом объясняется образование угольных залежей под всеми широтами на Земле. *(Прим. автора)*

За этими слоями располагаются графиты, жирные и тощие угли: различия между ними зависят от давления, под которым они находились. Можно даже утверждать, что слои торфа не подверглись полному превращению именно потому, что давление на них слишком мало.

Таким образом, происхождение угольных залежей, в каком бы месте Земного шара они ни находились, таково: сначала погружение гигантских лесов каменноугольной эпохи в земную кору, затем минерализация растений под действием времени, давления, тепла и углекислоты.

Однако природа, обычно столь расточительная, не похоронила лесов в таком большом количестве, чтобы их хватило на многие тысячелетия. В один прекрасный день уголь исчезнет — это несомненно. Машины во всем мире окажутся обреченными на бездействие, если уголь не заменят каким-нибудь другим видом топлива. Рано или поздно угольных залежей больше не останется, если не считать тех, которые покрыты вечными льдами в Гренландии, в области Баффинова моря, и разрабатывать которые почти невозможно. Такова неизбежная судьба. Добыча угольных бассейнов Америки, еще очень богатых, — у Соленого озера, в Орегоне в Калифорнии, — начнет когда-нибудь сокращаться. То же произойдет с угольными копями Бретонского мыса, бассейна Святого Лаврентия, с залежами в Аллегени, в Пенсильвании, в Виргинии, в Иллинойсе, в Индиане, в Миссури. Хотя угольные залежи Северной Америки вдесятеро богаче всех остальных в мире, но не пройдет и ста столетий, как промышленность, это миллионноголовое чудовище, поглотит последний кусочек угля на Земле.

В Старом Свете, конечно, этот недостаток станет заметен быстрее. В Абиссинии, в Натале, по берегам Замбези, в Мозамбике, на Мадагаскаре есть много угольных залежей, но правильная разработка их представляет величайшие трудности. Залежи в Бирме, в Китае, в Индокитае, в Японии, в Средней Азии будут исчерпаны довольно быстро. Англичане, конечно, извле-

кут из недр Австралии, довольно богатой углем, все скрытое там минеральное топливо, прежде чем Соединенное королевство начнет ощущать недостаток в угле. К этому времени угольные районы Европы, выработанные до последних пластов, будут заброшены.

Вот цифры, по которым можно судить о количестве угля, потребленного со времени открытия первых залежей. Угольные бассейны в России, Саксонии и Баварии занимают шестьсот тысяч гектаров; в Испании — сто пятьдесят тысяч; в Богемии и Австрии — сто пятьдесят тысяч. Бельгийские бассейны, длиной в сорок лье и шириной в три, тоже занимают полтораста тысяч гектаров и простираются под территориями Льежа, Намюра, Монса и Шарлеруа. Во Франции бассейн расположен между Луарой и Роной, в Рив-де-Жьер, Сент-Этьене, Живоре, Эпинаке, Бланзи, ле-Крезо, — разработки в Гаре, Алѐ, Гранд-Комб, в Авейроне и Обене, месторождения в Кармо, Бассаке, Грессаке; на севере страны — в Анзэне, Валансьене, Лансе, Бетюне — занимают все вместе около трехсот пятидесяти тысяч гектаров.

Соединенное королевство — чрезвычайно богатая углем страна, это несомненно. За исключением Ирландии, почти лишенной минерального топлива, оно обладает огромными угольными богатствами, но, как и всякое богатство, они могут исчерпаться. Важнейший из его бассейнов, Ньюкаслский, охватывающий недра Нортумберлендского графства, дает до тридцати миллионов тонн угля в год, то есть около трети всего английского потребления и больше чем вдвое, сравнительно с добычей во Франции. Уэлский бассейн, сосредоточивший многочисленную армию горняков в Кардиффе, в Свэнси, в Ньюпорте, дает десять миллионов тонн ценного угля, называющегося кардиффским. В центре Англии разрабатываются бассейны в графствах Йорк, Ланкастер, Дерби, Стаффорд; производительность у них меньше, но все же велика. Наконец, в Шотландии, в районе между Эдинбургом и Глазго, между двумя морями, врезающимися далеко в сушу навстречу друг другу, находится одно из самых обширных в Англии угольных месторождений. В общем, все эти бассейны занимают,

не менее миллиона шестисот тысяч гектаров и дают в год до ста миллионов тонн минерального топлива.

Но что из этого! Расход угля на промышленные и торговые нужды станет таким, что все эти богатства будут исчерпаны. Еще не окончится третье тысячелетие нашей эры, как рука шахтера опустошит в Европе эти склады, в которых, по одному меткому сравнению, накоплена первозданная солнечная энергия.

И вот, именно в ту эпоху, когда происходит действие в нашей повести, одно из крупнейших угольных месторождений шотландского бассейна оказалось истощенным слишком быстрыми разработками. Шахты Эберфойла, где инженер Джемс Старр так долго руководил работами, находились на территории между Эдинбургом и Глазго, достигающей в ширину десять — двенадцать миль.

Вот уже десять лет, как эти шахты были заброшены. Новых месторождений не удалось найти, хотя бурение доходило до глубины полутора и даже двух тысяч футов, и Джемс Старр покинул Эберфойл, уверенный, что самый тонкий из пластов был разработан до полного истощения.

Было совершенно очевидно, что в таких обстоятельствах открытие нового угольного бассейна в глубинах английских недр имело бы огромную важность. Но относилось ли сообщение Симона Форда к чему-либо в этом роде? Вот о чем спрашивал себя Джемс Старр, вот на что хотелось ему надеяться.

Одним словом, не приглашали ли его завоевать еще один уголок богатой Черной Индии? Ему хотелось в это верить.

Второе письмо на миг спутало его мысли по этому поводу, но сейчас Джемс Старр не думал о нем. Кроме того, сын старого мастера был перед ним, ожидая его в назначенном месте. Значит, с анонимным письмом можно было не считаться.

Едва только инженер вышел на платформу, как молодой человек поспешил к нему.

— Ты Гарри Форд? — с живостью спросил Джемс Старр без всяких предисловий.

— Да, мистер Старр.

— Я не узнал бы тебя, дружок! За десять лет ты стал совсем взрослым.

— А я вас узнал, — ответил молодой шахтер, держа шляпу в руке. — Вы не изменились, сударь. Вы тот самый человек, который обнимал меня в прощальный день на шахте Дочерт. Такие вещи не забываются!

— Надень шляпу, Гарри, — сказал инженер. — Дождь так и льет, а вежливость не должна доводить до насморка.

— Хотите, где-нибудь укроемся, мистер Старр? — спросил Гарри Форд.

— Нет, Гарри. Ненастная погода установилась надолго. Дождь будет идти весь день, а я спешу. Идем.

— Как вам угодно, — ответил молодой человек.

— Скажи, Гарри, отец здоров?

— Вполне, мистер Старр.

— А мать?

— Мать тоже.

— Это твой отец писал мне, назначая свидание у ствола Ярроу?

— Нет, я.

— А кто написал мне второе письмо с отменой этого свидания — Симон Форд? — живо спросил инженер.

— Нет, мистер Старр, — ответил молодой горняк.

— Так! — отозвался Джемс Старр, не говоря больше об анонимном письме. Потом он снова обратился к молодому человеку: — А можешь ты мне сказать, чего хочет от меня старик Симон?

— Мистер Старр, мой отец намерен сам сказать вам об этом.

— Но ты это знаешь?

— Знаю.

— Пусть так, Гарри, я не стану больше тебя расспрашивать. Итак, в путь. Мне хочется поскорее поговорить с Симоном Фордом. Кстати, где он живет?

— В шахте.

— Как, в шахте Дочерт?

— Да, мистер Старр, — ответил Гарри Форд.

— Значит, твоя семья не покидала старую шахту со времени окончания работ?

— Ни на один день, мистер Старр. Вы же знаете моего отца. Там он родился, там хочет и умереть.

— Понимаю, Гарри, понимаю... Родная шахта! Он не захотел покинуть ее! И вам нравится там?

— Да, мистер Старр,— ответил молодой шахтер,— потому что мы сердечно любим друг друга и нам немного нужно.

— Ладно, Гарри, — повторил инженер. — В путь!

И Джемс Старр вслед за молодым человеком направился по улицам Колландера.

Через десять минут они вышли из города.

ГЛАВА ЧЕТВЕРТАЯ

Шахта Дочерт

Гарри Форд был высоким молодым человеком лет двадцати пяти, сильным и хорошо сложенным. Несколько серьезное лицо и сосредоточенный вид еще в детские годы выделяли его среди товарищей. Правильные черты лица, глубокие добрые глаза, волосы, скорее каштановые, чем русые, природная привлекательность — все соединилось в нем, чтобы создать законченный тип лоулендера, то есть равнинного шотландца. Закаленный работой в копях, начавшейся почти с детства, он был здоровым юношей и надежным товарищем с отважной и доброй душой. Руководимый своим отцом и побуждаемый собственным стремлением, он рано начал работать и учиться и в том возрасте, когда другие бывают простыми учениками, сумел стать одним из первых в своем кругу, — и это в стране, где почти нет невежд, ибо она делает все, чтобы искоренить невежество. В первые годы своей юности Гарри Форд не расставался с кайлом, но позднее он приобрел достаточно познаний, чтобы выделиться из среды шахтеров, и наверное сменил бы своего отца в качестве старшего горного мастера шахты Дочерт, если бы не прекратили ее разработку.

Джемс Старр был еще хорошим ходоком, но все же

не мог бы угнаться за своим проводником, если бы тот не умерил шага.

Дождь утихал. Крупные редкие капли рассыпались водяной пылью, не достигая земли. В воздухе как будто проносились в порывах ветра волны холодной влаги.

Гарри Форд и Джемс Старр прошли около мили по извилистому левому берегу реки. Молодой человек нес легкий багаж инженера. Затем они свернули на дорогу, уходившую вглубь края под большими деревьями, струящимися дождевой водой. С обеих сторон там и тут виднелись одинокие фермы, окруженные обширными пастбищами. Стада мирно щипали траву, всегда зеленую на лугах Нижней Шотландии; это были безрогие коровы или мелкие овцы с шелковистой шерстью, похожие на игрушечных барашков. Пастухов не было видно, они прятались, вероятно, по каким-нибудь дуплистым деревьям; но вокруг стад бродили «колли» — собаки характерной для этой местности породы, известные своей бдительностью.

Ствол Ярроу находился милях в четырех от Колландера. Джемс Старр был взволнован. Он не видел этих мест с тех пор, как последняя тонна эберфойлского угля была погружена в вагон железной дороги в Глазго. Сельская жизнь сменила промышленную, всегда более деятельную и шумную. Контраст был тем разительнее, что зимой полевые работы приостанавливаются. Но в прежнее время горняки оживляли эту местность, работа шла и на поверхности и под землей в любое время года. Большие транспорты с углем проходили днем и ночью. Рельсы, прежде стонавшие под тяжестью вагонов, ныне засыпаны были землей на истлевших шпалах. На смену рельсовым путям пришли простые стародавние дороги, мощеные или даже грунтовые. Джемсу Старру казалось, что он пересекает пустыню.

Инженер грустно оглядывался. Временами он останавливался, чтобы перевести дух. Он слушал. Теперь уже не разносились далекие гудки и грохочущее дыхание машин. На горизонте не было сливающейся с

облаками темной дымки, которую любят видеть рабочие. Ни одной высокой трубы, круглой или квадратной, извергающей дым; ни одного трубопровода, который бы изо всех сил выдувал клубы белого пара. Земля, ранее покрытая угольной пылью, теперь имела опрятный вид, непривычный для глаз Джемса Старра.

Когда инженер останавливался, задерживался и Гарри Форд. Молодой горняк ждал молча. Он понимал, что происходит в душе у его спутника, и разделял эти чувства, — он был сыном шахты, и вся его жизнь прошла в глубине недр под этой землей.

— Да, Гарри, все изменилось,— произнес Джемс Старр. — Но здесь добывали столько угля, что копи в один прекрасный день должны были иссякнуть! Ты жалеешь о том времени?

— Жалею, мистер Старр, — ответил Гарри. — Работа была тяжелой, но захватывала, как всякая борьба.

— Без сомнения, дружок! Борьба ежеминутная, опасность обвалов, пожаров, наводнений, взрывов газа, поражающих, как молния... Нужно было отражать все эти опасности. Ты хорошо сказал. Это была борьба и, следовательно, кипучая жизнь!

— Шахтерам в Аллоа повезло больше, чем эберфойлским, мистер Старр.

— Да, Гарри, — согласился инженер.

— Право, — вскричал молодой человек, — можно пожалеть, что не весь Земной шар состоит из каменного угля! Тогда его хватило бы на много миллионов лет!

— Конечно, Гарри. Но нужно признаться, что природа поступила предусмотрительно, создав нашу планету главным образом из песчаника, известняка и гранита, которых огонь не может сжечь.

— Вы хотите сказать, мистер Старр, что люди в конце концов сожгли бы весь Земной шар?

— Вот именно, дружок, — ответил инженер. — Ведь Земля целиком, до последнего кусочка, перешла бы в топки паровозов, пароходов, локомобилей, газовых заводов; так и кончился бы наш мир в один прекрасный день!

— Этого нечего бояться, мистер Старр. Но и запасы углей, несомненно, иссякнут раньше, чем предполагает статистика.

— Весьма вероятно, Гарри. Мне кажется, Англия поступает неправильно, обменивая свое топливо на золото других стран.

— Разумеется, — согласился Гарри.

— Я знаю, конечно, — прибавил инженер, — что ни гидравлика, ни электричество еще не сказали своего последнего слова и что когда-нибудь эти силы будут использованы полнее. Но что из того! Уголь очень удобен и легко может быть использован для любых промышленных целей. К несчастью, люди не могут производить его по своему желанию! Если леса на поверхности растут все время под действием тепла и влаги, то под землей угольные залежи не возобновляются, и наша планета никогда больше не окажется в таких условиях, чтобы они могли образоваться снова!

Беседуя таким образом, Джемс Старр и его проводник зашагали быстрее. Через час после выхода из Колландера они подошли к шахте Дочерт.

Даже самый равнодушный человек был бы растроган грустным видом, какой являла покинутая шахта. Это был словно голый остов того, что раньше жило полной жизнью.

На обширной площади, окаймленной несколькими чахлыми деревьями, почва еще была покрыта черной угольной пылью, но ни штыба, ни более крупных кусков угля уже не было нигде: все давно подобрали и сожгли

На невысоком холме вырисовывался силуэт огромного копра, медленно разрушаемого солнцем и дождем. На вершине этого сооружения еще виднелось большое чугунное колесо или шкив, а ниже круглились большие барабаны, на которые когда-то наматывались канаты для подъема клетей на поверхность.

В нижнем этаже можно было распознать разрушенный зал для машин, некогда сиявших стальными и медными частями. Обломки рухнувшей стены валялись на земле, среди сгнивших, позеленевших от сырости балок. Остатки коромысел, к которым прикреплялись поршни

откачивающих насосов, треснувшие, покрытые грязью подшипники, шестерни с отбитыми зубьями, опрокинутые подъемные механизмы, несколько ступенек лестницы, еще державшиеся на подпорах, похожих на ребра ихтиозавра, рельсы на сгнивших шпалах с торчащими кое-где расшатанными костылями, подвесные канаты, которые не выдержали бы веса даже пустой вагонетки, — таков был унылый вид шахты Дочерт.

Растрескавшаяся каменная кладка по краям стволов исчезала под густым слоем мха. Здесь угадывались остатки клети, там развалины сарая, куда складывали уголь перед тем, как сортировать по размерам кусков и по качеству. Виднелись обломки бадей, на которых еще болтались обрывки цепей, остатки гигантских опор, стальные листы обшивки паровых котлов, исковерканные поршневые штоки, длинные коромысла, свисающие над краем насосного ствола, дрожащие от ветра эстакады, трепещущие под ногою мостики, растрескавшиеся стены, полуобвалившиеся крыши, над которыми поднимались трубы с рассыпающимся кирпичом, похожие на стволы пушек, у которых казенная часть опоясана массивными кольцами; все это создавало впечатление заброшенности, нищеты, уныния, которого не производят ни развалины старинного каменного замка, ни остатки разрушенной крепости.

— Какое запустение! — произнес Джемс Старр, взглянув на Гарри Форда, но тот ничего не ответил.

Они вошли под навес, прикрывавший устье ствола Ярроу; по лестницам можно было спуститься в нижние горизонты шахты.

Инженер склонился над устьем.

Здесь некогда ощущался мощный ток воздуха, всасываемого вентиляторами. Теперь это была немая пропасть, словно жерло потухшего вулкана.

Джемс и Гарри ступили на первую площадку.

В период работ в некоторых прекрасно механизированных стволах Эберфойла действовали остроумные устройства: клети, скользящие по деревянным направляющим, движущиеся лестницы, позволяющие рабочим спускаться без риска и подниматься без усталости.

Но с прекращением работ все эти усовершенствованные приспособления были сняты. В стволе Ярроу остался только длинный ряд лестниц, разделенных узкими площадками на отрезки по пятьдесят — шестьдесят футов. Тридцать таких лестниц, соединенных между собою, позволяли спуститься до самого нижнего горизонта, на глубину полутора тысяч футов. Это было единственным средством сообщения между поверхностью и нижними ярусами шахты Дочерт. Что касается вентиляции, то она происходила по стволу Ярроу, соединенному штреками с другим стволом, устье которого находилось на более высоком уровне: теплый воздух создавал естественную тягу в этом своеобразном опрокинутом сифоне.

— Я вслед за тобой, дружок, — сказал инженер, делая молодому человеку знак спускаться первым.

— Как вам угодно, мистер Старр.

— Лампа с тобой?

— Да, и дай бог, чтобы снова пришлось нам прибегать к безопасной лампе, которой мы пользовались когда-то!

— Действительно, — ответил Джемс Старр, — взрывов газа теперь нечего опасаться.

У Гарри была только простая керосиновая лампа, которую он и зажег. В лишенной угля шахте больше не выделялся метан — следовательно, нечего было бояться взрыва и отгораживать огонь от окружающего воздуха металлической сеткой. Лампа Дэви, столь усовершенствованная в то время, была здесь не нужна. Но если опасности не было, то лишь потому, что исчезла ее причина, а этой причиной было горючее, составлявшее некогда богатство шахты Дочерт.

Гарри спустился по первым ступенькам лестницы, и Джемс Старр последовал за ним. Их обступил глубокий мрак, рассеиваемый лишь лампой, которую молодой человек держал высоко над головой, чтобы лучше светить своему спутнику.

Инженер со своим проводником прошли уже около десятка лестниц, спускаясь мерным, привычным для горняков шагом.

Лестницы все еще были в хорошем состоянии.

Джемс Старр с любопытством оглядывал видневшиеся в скудном освещении стены мрачного колодца, еще обшитые полусгнившими досками.

Дойдя до пятнадцатой площадки, то есть до половины дороги, они остановились на несколько минут.

— Да, ноги у меня не такие, как у тебя, — сказал инженер, глубоко переводя дыхание, — но все-таки еще служат.

— О, вы человек крепкий, мистер Старр, — ответил Гарри, — очевидно, прожить долго в шахтах что-нибудь да значит.

— Верно, Гарри. Когда-то, когда мне было двадцать лет, я мог спуститься одним духом, не останавливаясь. Ну, в путь!

Но в тот момент, когда они готовились сойти с площадки, в глубине ствола раздался отдаленный голос. Он приближался, как постепенно нарастающая волна звука, становился все отчетливее.

— Погоди. Кто там идет? — спросил инженер, останавливая Гарри.

— Право, не знаю, — ответил молодой человек.

— Это не твой отец?

— Отец? Нет, мистер Старр.

— Тогда какой-нибудь сосед?

— У нас в глубине шахты нет соседей, — ответил Гарри. — Мы одни, совсем одни.

— Ладно! Давай пропустим этого пришельца, — произнес Джемс Старр. — Те, кто спускается, должны уступать дорогу тем, кто поднимается.

Оба стали ждать.

Голос звучал великолепно, словно в большом акустическом павильоне, и вскоре Гарри различил несколько слов шотландской песни.

— «Песня озер»! — вскричал молодой горняк. — Ну, я бы очень удивился, услыхав ее от кого-нибудь, кроме Джека Райана!

— А кто такой этот Джек Райан, который так чудесно распевает? — спросил Джемс Старр.

— Прежний товарищ по шахте, — ответил Гарри. Потом, наклонившись с площадки, он крикнул: — Эй, Джек!

— Это ты, Гарри? — послышалось в ответ. — Подожди меня, я иду!

И песня полилась снова, громче прежнего.

Через несколько минут в полосе света, отбрасываемого лампой, появился высокий парень лет двадцати пяти, с веселым лицом, улыбающимися глазами и яркой, золотистой шевелюрой. Он вступил на площадку пятнадцатой лестницы и прежде всего крепко пожал руку Гарри Форду.

— Рад тебя встретить! — воскликнул он. — Но, клянусь святым Мунго, если бы я знал, что ты был сегодня наверху, я мог бы и не спускаться в ствол Ярроу!

— Мистер Джемс Старр, — сказал тогда Гарри, повернув лампу к инженеру, остававшемуся в тени.

— Мистер Старр? — отозвался Джек Райан. — Ах, господин инженер, я не узнал вас! С тех пор как я ушел из шахты, глаза мои отвыкли видеть в темноте, как раньше.

— А, я вспоминаю теперь мальчика, который всегда пел. Вот уже десять лет прошло с тех пор. Это был ты, конечно?

— Я самый, мистер Старр. Работа у меня теперь другая, а характер все тот же, как видите. Чего там! Смеяться и петь, я думаю, лучше, чем стонать и плакать!

— Конечно, Джек. А что ты делаешь с тех пор, как ушел из шахты?

— Я работаю на ферме Мельроз, близ Эрвина, в сорока милях отсюда. Но ферма не стоит наших Эберфойлских копей! Обушок мне больше по руке, чем лопата или мотыга. И потом в старой шахте были звонкие уголки, гулкое эхо, так весело отражавшее голос, — не то что наверху... А вы идете навестить старика Симона, мистер Старр?

— Да, Джек, — ответил инженер.

— Не буду вас задерживать.

— Скажи, Джек, — спросил Гарри, — что тебя привело сегодня к нам?

— Я хотел повидать тебя, приятель, — ответил Джек Райан, — и пригласить на праздник клана

Эрвин. Ты ведь знаешь, я там волынщиком! Будем петь, плясать...

— Спасибо, Джек. Но мне нельзя.

— Нельзя?

— Да. Мистер Старр может задержаться у нас, а я должен проводить его обратно в Колландер.

— Э, Гарри, праздник Эрвинского клана будет только через неделю! К тому времени мистер Старр, наверное, уедет, и тебя ничто не задержит.

— Конечно, Гарри, — отозвался Джемс Старр. — Нужно принять приглашение товарища.

— Хорошо, я согласен, Джек, — сказал Гарри. — Через неделю увидимся на Эрвинском празднике.

— Через неделю, ладно, — ответил Джек Райан. — Прощай, Гарри! Ваш слуга, мистер Старр! Очень рад был вас встретить! Теперь могу рассказать о вас всем друзьям. Вас никто не забыл, господин инженер.

— И я никого не забыл, — произнес Джемс Старр.

— Спасибо за всех, сударь.

— Прощай, Джек! — сказал Гарри, пожимая напоследок руку своему другу.

И Джек Райан, снова затянув песню, исчез в верхней части ствола, слабо освещенного светом его лампы.

Через четверть часа Джемс Старр и Гарри спустились с последней лестницы на нижний горизонт шахты.

От круглой площадки, составлявшей основание ствола Ярроу, расходились штреки, служившие для разработки нижнего угольного пласта шахты. Они углублялись в массив сланцев и песчаников, — одни укрепленные окладами из толстых, едва обтесанных бревен, другие выложенные сплошной каменной кладкой. Пустоты, оставленные разработкой, были повсюду заполнены бутом.

Столбы, сложенные из камня, взятого в соседних каменоломнях, поддерживали своды, то есть двойную толщу третичных и четвертичных пород, некогда покоившиеся на самом пласте. Темнота стояла теперь в этих штреках, некогда освещавшихся то шахтерскими лампочками, то электрическим светом, введенным в шахте в последние годы эксплуатации. В темных проходах не раздавалось больше скрежета вагонеток,

бегущих по рельсам, шума быстро закрывающихся воздушных заслонок, голосов откатчиков, ржанья лошадей и мулов, ударов кайла и грохота взрывов, разбивавших угольный массив.

— Хотите отдохнуть, мистер Старр? — спросил молодой человек.

— Нет, дружок, — ответил инженер, — мне хочется поскорее дойти до коттеджа старика Симона.

— Так идите за мной, мистер Старр. Я пойду вперед, хотя уверен, что вы отлично нашли бы дорогу в этом темном лабиринте штреков.

— Да, конечно! У меня сохранился в голове весь план шахты.

Гарри высоко поднял лампу и углубился в высокий штрек, похожий на боковой придел собора. Инженер следовал за ним, иногда натыкаясь на деревянные шпалы, уцелевшие от старого рельсового пути.

Но не успели они сделать и пятидесяти шагов, как к ногам Джемса Старра упал огромный камень.

— Осторожнее, мистер Старр! — вскричал Гарри, хватая инженера за руку.

— Это камень, Гарри! Видно, старые своды не так уж прочны, и...

— Мистер Старр, — возразил Гарри, — мне кажется, что камень упал не сам по себе, а был брошен... брошен человеческой рукой!

— Брошен! — воскликнул Джемс Старр. — Что ты хочешь этим сказать, мой мальчик?

— Ничего, ничего, мистер Старр, — уклончиво ответил Гарри, и озабоченный взгляд его, казалось, хотел пронизать толстые стены. — Идемте дальше. Возьмите меня под руку, прошу вас, и не бойтесь оступиться.

— Хорошо, Гарри.

Они пошли дальше. Гарри поминутно оглядывался назад, освещая своей лампой стены штрека.

— Долго еще идти? Скоро ли мы дойдем? — спросил инженер.

— Минут десять.

— Отлично.

— А все-таки странно, — тихо сказал Гарри. — В первый раз со мной случается такое происшествие.

Нужно же было, чтобы камень упал как раз когда мы проходили!

— Гарри, это просто случайность!

— Случайность? — повторил молодой человек, качая головой. — Да, случайность...

Он остановился, прислушиваясь.

— Что там? — спросил инженер.

— Мне показалось, что за нами кто-то идет, — ответил Гарри, внимательно вслушиваясь. — Нет, я, наверно, ошибся. Обопритесь, пожалуйста, на мою руку покрепче, мистер Старр. Пусть она послужит для вас костылем.

— Крепким костылем, Гарри, — ответил Джемс Старр. — Нет лучшей опоры, чем славный парень вроде тебя.

Оба молча продолжали путь под мрачными сводами. Гарри, явно встревоженный, то и дело оборачивался, стараясь уловить отдаленный звук или слабый свет. Но впереди и позади были только мрак и безмолвие.

ГЛАВА ПЯТАЯ

Семейство Форд

Через десять минут Джемс Старр и Гарри Форд вышли, наконец, из главного штрека.

Молодой горняк со своим спутником подошли к большому гроту, если только можно так назвать обширную и мрачную подземную выработку. Это пространство, однако, не было совершенно темным. Из устья заброшенного ствола, пробитого из верхних горизонтов, в него проникал слабый свет. По этому же стволу происходила и вентиляция шахты Дочерт. Благодаря своей меньшей плотности теплый воздух устремлялся отсюда к стволу Ярроу.

Таким образом сквозь толстый сланцевый свод в это подземелье попадало немного воздуха и света.

Там-то, в подземном жилище, выдолбленном в сланцевых массивах, на том самом месте, где некогда ра-

ботали могучие подъемные машины, и жил уже десять лет Симон Форд со своей семьей.

Старый мастер охотно называл свое жилище «коттеджем».

Благодаря небольшим сбережениям, накопленным за долгую трудовую жизнь, Симон Форд мог бы жить на солнце, среди деревьев, в любом месте Соединенного королевства; но он и его домашние предпочли не покидать копей, где они были счастливы, — у них были одинаковые мысли и вкусы. Да, им нравился этот коттедж, погребенный в недрах шотландской земли, на глубине в полторы тысячи футов. Одним из достоинств этого жилища являлось то обстоятельство, что здесь нечего было бояться налоговых агентов, которым поручалось производить перепись налогоплательщиков: сюда-то они не придут отыскивать хозяев коттеджа.

В описываемое время Симон Форд, бывший рудничный мастер шахты Дочерт, был еще очень бодр для своих шестидесяти пяти лет. Высокий, сильный, хорошо сложенный, он мог бы считаться одним из самых замечательных уроженцев кантона, поставляющего столько бравых и рослых солдат в полки гайлендеров.

Симон Форд принадлежал к старинной шахтерской семье, — его родословная восходила к тем временам, когда начались первые разработки шотландских угольных залежей.

Не производя археологических изысканий, чтоб узнать, пользовались ли углем древние греки и римляне и разрабатывали ли китайцы угольные копи задолго до нашей эры, не исследуя вопрос о том, действительно ли название минерального топлива происходит от имени одного бельгийского кузнеца XII века, — можно и без этого утверждать, что английские угольные бассейны были первыми, в которых началась правильная разработка. Уже в XI веке Вильгельм Завоеватель делил между своими соратниками добычу Ньюкаслского бассейна. В XIII веке Генрих III выдал патент на разработку «морского угля». Наконец, к тому же веку относится упоминание о залежах в Шотландии и Уэлсе.

Именно в это столетие предки Симона Форда спустились в рудники Каледонии. И с тех пор все Форды,

поколение за поколением, трудились там. Они были простыми рабочими. Извлекая драгоценное топливо, они работали, как каторжники. Полагают даже, что рабочие в угольных шахтах, как и в солеварнях, были настоящими рабами. В XVIII веке это мнение было так широко распространено в Шотландии, что в эпоху войны Претендента опасались, не восстанут ли двадцать тысяч шахтеров в Ньюкасле, чтобы отвоевать себе свободу, которой, по их убеждению, они были лишены.

Как бы то ни было, Симон Форд гордился тем, что принадлежит к великому племени шотландских шахтеров. Он работал там же, где и его предки орудовали кайлом, обушком и киркой. К тридцати годам он стал мастером на шахте Дочерт, крупнейшей на Эберфойлских копях. Он страстно любил шахтерское дело и долгие годы усердно выполнял свои обязанности. Единственным его огорчением было то, что он видел, как истощается пласт, и предчувствовал наступление момента, когда месторождение будет выработано.

Тогда-то он занялся разведкой новых пластов во всех шахтах Эберфойла, сообщавшихся между собой под землей. Ему посчастливилось открыть несколько пластов — уже в последний период эксплуатации рудника. Он чудесно пользовался своим шахтерским чутьем, и инженер Джемс Старр высоко ценил его. Можно сказать, что он угадывал залежи в глубине копей, как деревенский вещун обнаруживает скрытые в земле родники.

Но, как уже сказано, настал момент, когда в копях совсем не стало угля. Бурение не давало больше никаких результатов. Ясно было, что угольная залежь полностью выработана. Работы прекратились. Шахтеры разбрелись.

Поверят ли нам? Большинство из них было в отчаянии. Те, кто знает, как человек может любить свой труд, не удивятся этому. Симон Форд, несомненно, был потрясен больше всех. Он был прирожденным шахтером, из тех, чья жизнь тесно связана с жизнью шахты. Он не покидал шахту со дня рождения и, когда работы прекратились, пожелал остаться в ней. И он остался.

На Гарри было возложено снабжение подземного жилища всем необходимым; что же касается Симона, то за десять лет он не поднимался на поверхность и десяти раз.

— Идти наверх? Зачем? — говорил он и не покидал своих черных владений.

Впрочем, в этом совершенно здоровом месте, при постоянно ровной температуре, старый мастер не знал ни летней жары, ни зимних холодов. Семья его была здорова. Чего еще он мог желать?

Но в глубине души он был сильно опечален. Он тосковал о шуме, о движении, о жизни прежних дней, когда шахта так деятельно разрабатывалась. Однако его поддерживала одна постоянная мысль.

— Нет! нет! Залежь еще не исчерпана! — повторял он.

И плохо пришлось бы тому, кто при Симоне Форде посмел бы усомниться, что Старый Эберфойл когда-нибудь воскреснет из мертвых! Почтенный мастер не расставался с надеждой открыть новый пласт, который вернет шахте прежнее великолепие. Да! если бы понадобилось, он снова взялся бы за кайло и его старые, но еще крепкие руки уверенно врубились бы в скалу. Итак, он бродил по темным штрекам, то один, то с сыном, наблюдая, ища, и к вечеру возвращался в коттедж усталый, но не отчаявшийся.

Мэдж, высокая и сильная женщина, была достойной подругой Симона Форда, «доброй женой», как говорят в Шотландии. Как и ее муж, Мэдж не захотела уходить из шахты Дочерт. Она разделяла в этом отношении все надежды и мечты Симона. Она ободряла его, побуждала к действию, она твердила с уверенностью, согревавшей сердце старого мастера:

— Эберфойл только спит, Симон! Ты прав. Это только отдых, а не смерть!

Мэдж тоже умела обходиться без внешнего мира и довольствоваться счастьем семейной жизни в темном коттедже.

Туда-то и прибыл Джемс Старр.

Инженера ждали. Хозяин коттеджа Симон Форд, стоявший у порога, бросился навстречу своему

бывшему начальнику, лишь только вдали показалась лампа Гарри Форда.

— Добро пожаловать, мистер Джемс! — вскричал он, и голос его громко отдался под сланцевыми сводами. — Добро пожаловать в коттедж шахтного мастера! Если дом семейства Форд и погребен под землей на глубине в полторы тысячи футов, он от этого не стал менее гостеприимным.

— Как поживаете, дорогой Симон? — спросил Джемс Старр, пожимая руку хозяину.

— Очень хорошо, мистер Старр. Да и как могло бы быть иначе? Ведь мы защищены здесь от всякой непогоды. Ваши леди ездят летом подышать воздухом в Ньюхейвен и Порто-Белло [1], а лучше бы они проводили по нескольку месяцев в Эберфойлских копях. Они бы не рисковали схватить насморк, как в осеннюю сырость на улицах старой столицы.

— Не буду вам противоречить, Симон, — ответил Джемс Старр, радуясь, что старый мастер ничуть не изменился. — Право, я сам не знаю, почему не обменяю своего дома в Эдинбурге на какой-нибудь коттедж рядом с вашим!

— Как вам будет угодно, мистер Старр. Я знаю одного из ваших бывших шахтеров, который был бы особенно рад оказаться вашим соседом.

— А как Мэдж?.. — спросил инженер.

— Здорова, еще здоровее меня, если это возможно, — ответил Симон Форд. — И рада случаю угостить вас. Я думаю, она превзойдет самое себя, чтобы достойным образом принять вас!

— Увидим, Симон, увидим! — сказал инженер, который не мог остаться равнодушным при мысли о хорошем завтраке после такой долгой прогулки.

— Вы проголодались, мистер Старр?

— Положительно проголодался. За дорогу у меня разыгрался аппетит. Я приехал в такую ужасную погоду!

— А-а! Там, наверху, идет дождь! — заметил Симон Форд с видом глубокого сострадания.

---

[1] Курорты в окрестностях Эдинбурга.

— Да, Симон, и Форт волнуется, как море!

— Так вот, мистер Джемс, здесь никогда не бывает дождя! Но мне не нужно описывать вам, какие у нас преимущества. Вы знаете их не хуже меня! Вы прибыли в коттедж — это главное, и я еще раз говорю: добро пожаловать!

Симон Форд и Гарри ввели Джемса Старра в большую комнату, освещенную несколькими лампами, из которых одна была подвешена к крашеной потолочной балке. Вокруг стола, накрытого вышитой скатертью, стояло четыре обитых кожей стула.

— Здравствуйте, Мэдж, — произнес инженер.

— Здравствуйте, мистер Джемс, — ответила шотландка, вставая навстречу гостю.

— Очень рад видеть вас, Мэдж.

— Охотно верю, мистер Джемс. Всегда приятно видеть тех, к кому вы были добры.

— Суп ждет, жена, — сказал Симон Форд, — а его нельзя заставлять ждать, да и мистера Джемса тоже. Он проголодался, как шахтер, и должен увидеть, что благодаря нашему мальчику в нашем коттедже ни в чем нет недостатка! Кстати, Гарри, — прибавил старый мастер, обратясь к сыну, — к тебе приходил Джек Райан.

— Я знаю, отец. Мы встретились в стволе Ярроу.

— Он славный и веселый парень, — продолжал Симон Форд. — Но ему, кажется, нравится наверху! У него в жилах не настоящая шахтерская кровь! Пожалуйте к столу, мистер Джемс, надо позавтракать поплотнее, так как возможно, что ужинать нам придется очень поздно.

Готовясь уже сесть за стол, инженер обратился к хозяину:

— Минутку, Симон. Хотите вы, чтобы я ел с аппетитом?

— Это будет для нас величайшей честью, мистер Джемс, — ответил Симон Форд.

— Но для этого нужно душевное спокойствие, а мне так хочется задать вам два вопроса.

— Говорите, мистер Джемс.

— Вы писали, что сообщите мне нечто интересное.

— Действительно, крайне интересное.

— Для вас?

— Для вас и для меня, мистер Джемс. Но я хочу рассказать вам все только после обеда и прямо на месте. Иначе вы мне не поверите.

— Симон, — проговорил инженер, — посмотрите на меня хорошенько... вот так... в глаза... Интересное сообщение? Да? Хорошо, я не прошу у вас дальнейших разъяснений, — прибавил он, словно прочитав в глазах у старого мастера ответ, на который надеялся.

— А второй вопрос? — осведомился мастер.

— Не знаете ли вы, Симон, кто мог написать вот это? — ответил инженер, показывая полученное им анонимное письмо.

Симон Форд взял его, очень внимательно прочел, потом передал сыну.

— Ты знаешь этот почерк? — спросил он.

— Нет, отец, — ответил Гарри.

— И на этом письме был штемпель Эберфойлской почтовой конторы? — спросил Симон Форд у инженера.

— Да, как и на вашем.

— Что ты об этом думаешь, Гарри? — встревоженно спросил Симон Форд.

— Я думаю, отец, — ответил Гарри, — что кому-то было нужно помешать мистеру Старру явиться на назначенное свидание.

— Но кто же, кто мог так хорошо отгадать мои мысли? — вскричал старый горняк.

И Симон Форд впал в глубокую задумчивость, из которой его вскоре вывел голос Мэдж.

— Сядем за стол, мистер Старр, — сказала она. — Суп остывает. Давайте пока не думать об этом письме.

По приглашению старушки все уселись за стол: Джемс Старр — напротив Мэдж, чтобы оказать ей честь, а отец с сыном — друг против друга.

Это был настоящий шотландский обед. Он начался крепким бульоном, в котором плавал основательный кусок мяса. По словам старого Симона, в искусстве приготовления такого супа у его жены не было соперниц.

Впрочем, то же можно было сказать и о курином рагу с пореем, заслуживавшем всяческих похвал.

Все это запивалось прекрасным элем из лучших пивоварен Эдинбурга.

Но главным национальным блюдом был пудинг из мяса и ячменной муки. Это замечательное блюдо, внушившее поэту Бернсу одну из его лучших од, постигла та же судьба, что и все прекрасные вещи в мире: оно исчезло, как сон.

Мэдж с удовольствием выслушала сердечные похвалы гостя.

После обеда подали сыр и превосходно приготовленное овсяное печенье. Десерт сопровождался несколькими стаканчиками превосходной хлебной водки двадцатипятилетнего возраста, то есть ровесницы Гарри.

Пиршество продолжалось добрый час. Джемс Старр и Симон Форд не только плотно поели, но и вдоволь наговорились — главным образом о прошлом старых Эберфойлских копей.

Гарри был молчалив. Дважды он вставал из-за стола и даже выходил из дома. Видно было, что нежданный случай с камнем тревожит его и что ему хочется осмотреть окрестности коттеджа. Анонимное письмо тоже не могло не обеспокоить его.

— Славный у вас сын, друзья мои! — сказал инженер Симону Форду и Мэдж, когда Гарри вышел из комнаты.

— Да, мистер Джемс, Гарри — любящий сын и надежный помощник, — с живостью ответил старый мастер.

— Ему нравится здесь, в коттедже?

— Он ни за что не покинет нас.

— Однако вам придется женить его.

— Женить Гарри! — вскричал Симон Форд. — Но на ком? На девушке сверху, которая любит праздники, танцы и будет предпочитать свой клан нашей шахте? Гарри не захочет этого!

— Симон, — возразила Мэдж, — ведь ты не потребуешь, чтобы наш Гарри никогда не женился?

— Я не буду требовать ничего, — ответил старый шахтер, — но с этим спешить нечего. Кто знает, не найдем ли мы для него хорошую невесту...

В этот момент возвратился Гарри, и Симон Форд умолк.

Когда Мэдж встала из-за стола, все последовали за ней и вышли посидеть у дверей коттеджа.

— Ну, Симон, — сказал инженер, — я вас слушаю.

— Мистер Джемс, — ответил Симон Форд, — мне не уши ваши нужны, а ноги. Хорошо ли вы отдохнули?

— И отдохнул и подкрепился. Я готов сопровождать вас, куда вам угодно.

— Гарри, — сказал Симон Форд, оборачиваясь к сыну, — зажги безопасные лампы.

— Вы берете с собой безопасные лампы? — воскликнул удивленный Джемс Старр.

В шахте, совершенно лишенной угля, нечего было бояться взрыва рудничного газа.

— Да, мистер Джемс, из осторожности.

— Не собираетесь ли вы, дорогой Симон, предложить мне одеться в костюм углекопа?

— Нет еще, мистер Джемс, нет еще! — отвечал старый мастер, глаза которого странно блестели из-под нависших бровей.

Гарри вошел в коттедж и почти тотчас же вышел, неся три безопасных лампы. Одну из них он подал инженеру, другую отцу, а третью оставил себе; она висела у него на левой руке, тогда как в правой он держал длинный шест.

— В путь! — произнес Симон Форд, беря тяжелое кайло, стоявшее у дверей коттеджа.

— В путь! — отозвался инженер. — До свиданья, Мэдж!

— Помоги вам бог, — ответила шотландка.

— Приготовь хороший ужин, жена, слышишь? — вскричал Симон Форд. — Вернувшись, мы будем голодны, как волки, и воздадим ему честь!

ГЛАВА ШЕСТАЯ

Несколько необъяснимых явлений

Известно, как распространены суеверия в горных и низменных областях Шотландии. В некоторых кланах арендаторы землевладельца, собравшись вечерком, любят рассказывать друг другу сказки, заимствованные из сокровищницы северной мифологии. Образование, так широко и щедро распространяемое в стране, не смогло еще низвести легенды, которыми словно пропитана самая почва старой Каледонии, до степени простых сказок. Шотландия — это все еще страна духов и привидений, домовых и фей. Там все еще появляются то злой гений, от которого надо откупаться, то «прозорливец» горцев, наделенный даром ясновидения и предсказывающий близкие смерти, то «Мэй Моуллок», появляющаяся в виде девушки с волосатыми руками и предупреждающая избранные ею семьи о грозящих им опасностях, или фея «Бэнши», предвещающая печальные события, или «Броуни», которым поручена охрана домашнего имущества, или «Уриск», обитающий чаще всего в диких ущельях у озера Кэтрайн, и много других.

Разумеется, население шотландских шахт должно было сделать и свой вклад легенд и преданий в эту сокровищницу мифов. Если добрыми или злыми сверхъестественными существами населены нагорья, то насколько больше их должно быть в мрачной глубине копей. Кто в грозовые ночи заставляет пласты содрогаться? Кто наводит на след еще нетронутой жилы? Кто поджигает рудничный газ и производит страшные взрывы? Кто, если не дух рудника?

По крайней мере таково было общепринятое мнение суеверных шотландцев. Действительно, большинство горняков охотно видит в чисто физических явлениях нечто фантастическое, и разубеждать их было бы напрасной тратой времени. Где легче развиться суеверию, как не в мрачных пропастях.

Не удивительно, что шахты Эберфойла, расположенные в самом центре этой страны легенд, оказались

ареной сверхъестественных событий: таинственным рассказам о них не было конца.

Нужно сказать, впрочем, что некоторые явления, до сих пор необъяснимые, давали обильную пищу всеобщему суеверию.

В первом ряду суеверных обитателей шахты Дочерт стоял Джек Райан, приятель Гарри. Это был величайший в мире поклонник сверхъестественного. Все фантастические рассказы он превращал в песни, доставлявшие ему огромный успех на вечеринках.

Но Джек Райан не был единственным, кто обнаруживал свое легковерие. Его товарищи столь же убежденно заявляли, что в шахтах Эберфойла «нечисто», что в них часто появляются какие-то таинственные существа, какие населяют горные ущелья. По их мнению, было бы даже невероятно, если бы дело обстояло иначе. Действительно, есть ли место более пригодное для козней и шуток духов, гномов, кобольдов и прочих актеров фантастических драм, чем глубокая, мрачная угольная шахта? Декорации были готовы, почему бы сверхъестественным существам не появиться и не разыграть своих ролей? Так рассуждали Джек Райан и его товарищи.

Как уже сказано, различные шахты Эберфойлских копей соединялись между собой длинными подземными коридорами, проделанными между пластами. Таким образом, под графством Стерлинг находился огромный массив, пронизанный туннелями, изрытый пещерами, иссверленный стволами шахт, — что-то вроде огромных катакомб или подземного лабиринта, похожего на гигантский муравейник.

Шахтеры с различных горизонтов постоянно встречались друг с другом, когда шли в свои забои либо возвращались оттуда. Поэтому у них было немало случаев обмениваться рассказами и распространять из шахты в шахту легенды, связанные с копями. Рассказы расходились с невероятной быстротой, передаваясь из уст в уста и при этом, как и должно, приукрашиваясь.

Только лишь два человека, более образованные и трезвого склада ума, всегда противились этому общему

увлечению и не допускали вмешательства гномов, духов и фей в человеческую жизнь.

То были Симон Форд и его сын. Свое неверие во всякую чертовщину они доказали, поселившись в мрачном подземелье после прекращения работ на шахте Дочерт. Может быть, добрая Мэдж, как всякая шотландка с нагорий, и имела некоторую склонность к сверхъестественному, но ей приходилось рассказывать истории о привидениях только себе самой, что она и делала добросовестно, дабы поддержать старые традиции.

Будь даже Симон Форд и Гарри так же суеверны, как и их товарищи, они и тогда не отдали бы шахту ни духам, ни феям. Надежда открыть новый пласт заставила бы их пренебречь целым сонмом привидений. Они были легковерными только в одном: ни отец, ни сын не могли допустить мыслей, что угольные месторождения Эберфойла истощены окончательно. До некоторой степени справедливо было бы сказать, что у Симона Форда и его сына была в этом отношении своя «шахтерская вера», которую ничто не могло поколебать.

Поэтому уже в течение десяти лет, не пропуская ни одного дня, отец и сын, твердо и пламенно веря в конечный успех своих планов, брали кайло, шест и лампочку и бродили вдвоем по шахте, ища, пробуя короткими ударами породу, прислушиваясь, не ответит ли она благоприятным звуком.

Так как бурение не было доведено до гранитов, то Симон Форд и Гарри полагали, что разведка, не дававшая до сих пор положительных результатов, принесет их в будущем, и поэтому ее нужно продолжать. Они готовы были провести всю свою жизнь в попытках вернуть Эберфойлским копям их прежнее процветание. Если бы отец умер, не дождавшись успеха, сын должен был продолжать поиски один.

Эти горячие друзья шахты заботливо следили за ее сохранностью. Они испытывали прочность закладки и сводов, проверяли, не грозит ли где-нибудь обвал и не нужно ли замуровать какую-нибудь часть шахты, следили за просачиванием поверхностных вод, собирали их, отводили в отстойники. Словом, они стали

добровольными защитниками и хранителями этого бесплодного царства, откуда было извлечено столько богатств, ныне развеявшихся дымом.

Во время этих обходов Гарри иногда замечал явления, которые тщетно старался уяснить себе.

Так не раз, идя по узкому встречному забою, он слышал звуки, похожие на стук кайла, с силой врубающегося в закладку.

Гарри, не боявшийся ни естественного, ни сверхъестественного, ускорял шаги, чтобы узнать причину таинственных звуков. Но штрек был пуст. Освещая стены лампой, молодой горняк не обнаруживал никаких свежих следов работы кайла или лома и спрашивал себя, не было ли это обманом чувств или странным причудливым эхом.

Иногда, внезапно осветив какое-нибудь подозрительное углубление, Гарри словно видел чью-то проскользнувшую тень. Он кидался за нею — и не находил ничего, хотя в этом месте не было никакого выхода, который позволил бы живому существу скрыться от него.

Дважды за последний месяц, навещая западную часть шахты, Гарри явственно слышал отдаленные взрывы, словно где-то рвали динамитные шашки.

В последний раз, после тщательных поисков, он обнаружил, что один целик подорван взрывом.

При свете лампы Гарри внимательно осмотрел подорванную стенку. Она состояла не из каменной закладки, а из глыбы сланца, вдавившегося на этой глубине в угольную залежь. Хотели ли взрывом вскрыть новый пласт? Или кто-то намеревался вызвать обвал этой части шахты? Вот о чем спрашивал себя Гарри, и когда он рассказал об этом случае своему отцу, то ни он сам, ни старый мастер не могли удовлетворительно ответить на этот вопрос.

— Странно! — повторил Гарри. — Присутствие неизвестного существа в шахте кажется невозможным, а сомневаться в нем нельзя. Неужели еще кто-нибудь, кроме нас, ищет пригодные к разработке пласты? Или, вернее, хочет уничтожить то, что осталось от Эбер-

фойлских копей? Но с какой целью? Я узнаю это, пусть даже ценою жизни!

За две недели до того дня, когда он вел инженера по лабиринту шахты Дочерт, Гарри чуть не достиг цели своих розысков.

Он обходил юго-западную часть шахты, держа в руке мощный фонарь.

Вдруг ему показалось, что в нескольких сотнях футов впереди, в глубине узкого прохода, наискось прорезавшего массив, мелькнул и погас огонек. Он кинулся туда... Напрасные поиски.

Не допуская сверхъестественного объяснения физических явлений, Гарри заключил, что в шахте наверняка бродит кто-то неизвестный. Однако ни самые тщательные поиски, ни исследование малейших неровностей стен не дали результатов; он не нашел ничего и не смог прийти ни к какому определенному выводу.

Итак, Гарри положился на случай, чтобы раскрыть тайну. Он замечал иногда вдали светлые вспышки, перелетавшие с места на место, как блуждающие огоньки; но они были коротки, как молнии, и ему пришлось отказаться от выяснения их природы.

Если бы эти фантастические огни попались на глаза Джеку Райану и другим суеверным жителям рудников, те, конечно, начали бы кричать о сверхъестественном!

Но Гарри, так же как и его отец, даже не думал об этом. И когда они беседовали об этих явлениях, вызванных, очевидно, чисто физическими причинами, то старый горняк говорил:

— Подождем, мой мальчик. Все когда-нибудь объяснится.

Нужно, однако, заметить, что до сих пор ни на Гарри, ни на Симона Форда не было сделано никаких покушений. Если камень, упавший в этот самый день к ногам Джемса Старра, был брошен злодейской рукой, то это была первая преступная попытка такого рода.

Джемс Старр, с которым говорили об этом происшествии, высказал предположение, что камень оторвался от свода штрека. Но Гарри не допускал столь простого объяснения. По его мнению, камень не упал

сам собою, а был брошен. Он никогда не описал бы такой большой траектории, если бы не получил толчка извне.

Итак, Гарри видел здесь прямое покушение на себя, на своего отца или даже на инженера. Взвесив все, что ему пришлось наблюдать, можно согласиться, что он имел основание так думать.

ГЛАВА СЕДЬМАЯ

Опыт Симона Форда

На старых деревянных часах в зале пробило полдень, когда Джемс Старр и два его спутника вышли из коттеджа.

Свет, проникая через вентиляционный ствол, слабо озарял площадку. Тут лампочка Гарри казалась бесполезной, но вскоре должна была понадобиться, так как старый мастер хотел вести инженера в самый дальний конец шахты Дочерт.

Пройдя мили две по главному штреку, три разведчика, — мы увидим, что это была именно разведка, — подошли ко входу в узкий туннель, свод которого опирался на деревянные крепления, обросшие беловатым мхом. Туннель шел примерно в том же направлении, что и верхнее течение Форта, находившееся в полутора тысячах футов над головой.

Джемс Старр и Симон Форд шли, беседуя между собой. Полагая, что инженер мог несколько позабыть расположение шахты Дочерт, Симон Форд напоминал ему очертания и сопоставлял ее план с географическими ориентирами.

Гарри шел впереди, освещая дорогу. Иногда, внезапно направляя свет в сумрачные углубления, он старался уловить в них какую-нибудь подозрительную тень.

— Далеко нам идти, старина Симон? — спросил инженер.

— Еще с полмили, мистер Джемс. Раньше мы сделали бы этот путь в вагонетке, по рельсам... Как давно это было.

— Значит, мы направляемся к концу последнего пласта?

— Да. Я вижу, вы хорошо помните шахту.

— Еще бы, Симон, — произнес инженер, — если не ошибаюсь, это было трудное место для проходки.

— Верно, мистер Джемс. Там наши кайла отбили последний кусок угля. Я помню это, как сейчас! Я сам нанес этот последний удар, и он отдался у меня в груди еще сильнее, чем в пластах! Дальше шли только песчаники да сланцы, и когда вагонетка покатилась к подъемному стволу, мне показалось, что я иду за гробом бедняка. Словно вся жизнь ушла из шахты с этой вагонеткой!

Глубокая грусть, с которой старый мастер произнес эти слова, взволновала инженера, которому была понятна эта скорбь. Такие чувства испытывает моряк, покидая свое тонущее судно, или фермер, у которого разрушают дом его предков.

Джемс Старр пожал руку Симону Форду. Тот ответил крепким рукопожатием.

— В тот день мы все ошиблись, — сказал он. — Нет, старая шахта не умерла! Шахтеры покидали не труп, и я смею утверждать, что сердце шахты еще бьется!

— Говорите же, Симон! Вы открыли новый пласт? — взволнованно вскричал инженер. — Я так и знал! Ваше письмо не могло иметь другого значения! Такое известие, да еще с шахты Дочерт... Что еще могло бы меня интересовать, кроме открытия угленосного слоя?

— Мистер Джемс, — ответил Симон Форд, — я не хотел говорить об этом никому, кроме вас...

— И хорошо сделали, Симон! Но скажите, как, с помощью какого бурения вы убедились...

— Послушайте, мистер Джемс, — произнес Симон Форд. — Я нашел не залежь...

— А что же?

— Только доказательство того, что эта залежь существует.

— Какое доказательство?..

— Можете ли вы допустить, чтобы из недр земли выделялся рудничный газ, если там нет угля, из которого он получается?

— Конечно, нет! — ответил инженер. — Без угля не может быть и газа. Без причины следствия не бывает...

— Как нет дыма без огня.

— И вы обнаружили присутствие метана?

— Старый горняк не может ошибиться, — ответил Симон Форд. — Я сразу узнал нашего старого врага, рудничный газ.

— Но может быть, это другой газ? — возразил Джемс Старр. — Метан почти лишен запаха, он бесцветен! По-настоящему он выдает свое присутствие только взрывом...

— Мистер Джемс, — ответил Симон Форд, — угодно ли будет вам позволить мне рассказать о том, что я сделал... и как сделал... по-своему, извинив за длинноты?

Джемс Старр хорошо знал старого мастера — почтенному шахтеру нужно было предоставить рассказывать, не перебивая его.

— Мистер Джемс, — продолжал Симон Форд, — за эти десять лет не было дня, когда бы мы с Гарри не думали о том, чтобы вернуть копям их прежнее благосостояние, — ни одного дня! Если существуют какие-нибудь залежи, мы решили во что бы то ни стало их открыть. Но каким способом? Буренье применить мы не могли, но у нас было шахтерское чутье, а чутье часто бывает сильнее разума. По крайней мере я так думаю...

— И я с вами совершенно согласен, — вставил инженер.

— Так вот что раза два Гарри пришлось видеть, когда он бродил по западной части шахты: где-нибудь за поворотом или сквозь щели в закладке крайних штреков появлялись и внезапно исчезали огни. Отчего они вспыхивали — я не понимал и до сих пор не понимаю. Ясно одно — эти огни доказывают присутствие рудничного газа, а наличие этого газа означает, что там есть пласт угля.

— Огни не давали взрывов? — живо спросил инженер.

— Лишь мелкие, частные взрывы, — ответил Симон Форд. — Такие же, какие вызывал я сам, когда хотел убедиться в наличии рудничного газа. Вы помните, каким способом предупреждали взрывы в шахте, пока наш добрый гений Гемфри Дэви не изобрел своей безопасной лампы?

— Да, помню, — ответил Джемс Старр. — Вы говорите о «кающемся». Мне не случалось видеть его за работой.

— Да, мистер Джемс, вы еще слишком молоды, несмотря на свои годы, и не могли этого застать. Но я на десять лет старше вас и видел, как работал последний «кающийся» в копях. Его называли так потому, что он носил рясу вроде монашеской. Его настоящее название было «человек огня». В то время уничтожать вредный газ умели только путем сжигания его мелкими взрывами раньше, чем он благодаря своей легкости накопится в большом количестве в верхних частях штреков. Вот почему «кающийся», с маской на лице, закутанный с головой в рясу с капюшоном, передвигался ползком. Так он мог дышать свободно, потому что в нижнем слое воздух чист, а правой рукой водил у себя над головой горящим факелом. Если в воздухе было достаточно газа, чтобы образовать взрывчатую смесь, то взрыв получался неопасный, и, повторяя эту операцию несколько раз, можно было предотвратить катастрофу. Иногда «кающийся», пораженный сильным взрывом, погибал на месте, и его заменял другой. Так было до тех пор, пока во всех шахтах не ввели лампочки Дэви. Но я знал этот способ. Именно пользуясь им, я и открыл наличие газа, а следовательно, и наличие новой угольной залежи в шахте Дочерт.

Все, что рассказывал старый мастер о «кающемся», было совершенно верно. Именно так поступали когда-то в шахтах, чтобы очищать воздух от метана.

Рудничный газ, иначе называемый болотным газом или метаном, бесцветен, почти лишен запаха, слабо светится при горении и абсолютно непригоден для

дыхания. Шахтеры не могут жить в атмосфере этого вредного газа, как нельзя жить в газометре, наполненном светильным газом. Кроме того, как и светильный газ, являющийся окисью углерода, метан образует с воздухом взрывчатую смесь, как только его содержание в нем достигнет восьми или даже пяти процентов. Если по какой-либо причине эта смесь воспламенится, то происходит взрыв, почти всегда сопровождающийся страшными катастрофами.

Эту-то опасность и предотвращает лампа Дэви, изолирующая пламя в сетчатой металлической трубке. Газ горит только внутри этой трубки, не дающей пламени распространиться. Эту безопасную лампу усовершенствовали десятки раз. Разбиваясь, она гаснет. Если шахтер, несмотря на строгие запреты, откроет ее, она тоже гаснет. Почему же все-таки случаются взрывы? Потому что нельзя избежать ни неосторожности рабочего, который во что бы то ни стало хочет раскурить свою трубку, ни удара инструмента, могущего высечь искру.

Не все шахты богаты рудничным газом. Там, где его нет, разрешается пользоваться обыкновенными лампами. Такова, между прочим, шахта Тьер в Анзэнских копях. Но если разрабатывается месторождение жирного угля, в котором содержится большое количество летучих веществ, газ может выделяться в изобилии. Одна лишь безопасная лампа устроена так, чтобы не допускать взрывов, тем более ужасных, что даже шахтеры, не пострадавшие непосредственно, рискуют задохнуться, когда штреки наполняются газообразным продуктом взрыва — углекислотой.

В пути Симон Форд рассказывал инженеру, что он сделал для достижения своей цели: как он убедился в том, что в глубине крайнего штрека западной части шахты выделяется газ, как ему удалось вызвать в трещинах между слоями сланца частичные взрывы — вернее, воспламенения, не позволяющие сомневаться в природе газа, который выделялся понемногу, но постоянно.

Через час после выхода из коттеджа Джемс Старр со своими спутниками был уже в четырех милях от него. Увлекаемый надеждой и желанием, инженер про-

делал этот путь, даже не думая о его длине. Он размышлял обо всем, что сообщил ему старый горняк. Он мысленно взвешивал доводы, которые тот приводил в защиту своей идеи. Джемс Старр тоже полагал, что непрерывное выделение метана наверняка указывает на наличие нового угольного месторождения. Если бы это был только «карман», наполненный газом, какие образуются иногда между пластами, то он быстро опустел бы и явление прекратилось бы. Но дело обстояло далеко не так. По словам Симона Форда, метан выделялся непрерывно, и можно было заключить о существовании значительного пласта. Следовательно, богатства шахты Дочерт не были окончательно исчерпаны. Но был ли это только слой незначительного протяжения или же залежь, занимающая целый горизонт угленосного района? Вот в чем состоял главный вопрос.

Гарри, шедший впереди отца и инженера, остановился.

— Ну, вот мы и пришли! — вскричал старый горняк. — Слава богу, мистер Джемс, вы здесь, и мы сейчас узнаем...

Голос старого мастера, всегда такой твердый, слегка дрожал.

— Дорогой мой Симон, успокойтесь, старый друг, — сказал ему инженер. — Я волнуюсь так же, как и вы, но не будем терять хладнокровия.

В этом месте крайний штрек шахты, расширяясь, образовал нечто вроде темной пещеры. Здесь не было стволов, и штрек, глубоко ушедший в недра земли, не имел прямого сообщения с поверхностью графства Стерлинг.

Джемс Старр, сильно заинтересованный, внимательно все разглядывал.

На дальней стене пещеры еще виднелись следы последних ударов кайла и даже несколько отверстий для шпуров, взорвавших скалу при окончании разработки. Тут сланцевая порода была крайне твердой. Поэтому в тупике, в котором работы должны были остановиться, не было сделано закладки. Здесь, упершись в сланцы и песчаники третичной эпохи, угольный

пласт окончился. Как раз тут, в этом самом тупике, был вынут последний в шахте Дочерт кусок угля.

— Вот здесь, мистер Джемс, — сказал Симон Форд, поднимая свое кайло, — здесь мы вскроем пустую породу, ибо позади этой стенки на большей или меньшей глубине наверняка находится тот угольный пласт, о котором я говорил.

— Именно на этой стенке вы обнаружили просачивание рудничного газа? — спросил Джемс Старр.

— Да, — подтвердил Симон Форд. — Мне удавалось поджечь его попросту, приблизив лампу к срезу слоев. Гарри делал то же, что и я.

— На какой высоте? — спросил Джемс Старр.

— В десяти футах от пола, — ответил Гарри.

Джемс Старр сел на камень. Казалось, подышав воздухом этой пещеры, он усомнился в рассказах шахтеров, хотя слова их звучали вполне убедительно.

Дело в том, что метан не совсем лишен запаха, и инженер был прежде всего удивлен тем, что его обоняние, вообще очень тонкое, не обнаруживает присутствия взрывчатого газа. Во всяком случае, если здесь газ и примешивался к воздуху, то в очень малом количестве. Следовательно, можно было, не опасаясь взрыва, открыть безопасную лампу, чтобы решиться на опыт. Старый горняк так и сделал.

В этот миг Джемс Старр беспокоился не о том, что в воздухе слишком много газа, а о том, что его слишком мало или даже нет совсем.

— Неужели они ошиблись? — прошептал он. — Нет, эти люди знают свое дело. И все-таки...

Он не без тревоги ожидал, чтобы в его присутствии произошло явление, описанное Симоном Фордом. Но в этот момент Гарри, очевидно, тоже заметил отсутствие характерного запаха рудничного газа, потому что голос его изменился, когда он сказал:

— Отец, кажется, газ не проникает больше сквозь слои сланца.

— Не проникает! — вскричал старый горняк.

Плотно сжав губы, он несколько раз с силой потянул воздух носом, потом резко сказал:

— Лампу, Гарри!

Симон Форд взял лампу дрожащей рукой. Он отвинтил металлическую сетчатую трубку, окружавшую фитиль, и пламя стало гореть в открытом воздухе.

Как они и предвидели, взрыва не произошло. Но, что было важнее, горение даже не сопровождалось тем потрескиванием, которое говорит о наличии небольших количеств газа.

Симон Форд взял у Гарри шест и, прикрепив лампу к его концу, поднял ее вверх, где вследствие своего малого удельного веса должен был скопиться газ, хотя бы его было в воздухе самое незначительное количество.

Пламя лампы, ровное и белое, не обнаруживало никаких следов газа.

— Подведи ближе к стенке, — сказал инженер.

— Сейчас, — ответил Симон Форд, поднося лампу к той части стенки, где они с Гарри еще вчера наблюдали просачивание газа.

Рука старого мастера дрожала, когда он стал проводить лампу на уровне трещины в сланце.

— Замени меня, Гарри, — сказал он.

Гарри взял шест и поднес лампу поочередно к различным местам стенки, где слои словно раздваивались... но потрескивания, характерного для выходящего рудничного газа, не слышалось, и Гарри угрюмо хмурил брови.

Воспламенения не было. Очевидно, ни одна молекула газа не выходила из трещин в стене.

— Ничего нет! — вскричал Симон Форд, сжимая кулаки скорее от гнева, чем от разочарования.

Вдруг у Гарри вырвался крик.

— Что с тобой? — живо спросил Джемс Старр.

— Трещины в сланце замазаны!

— Не может быть! — воскликнул старый горняк.

— Смотрите!

Гарри не ошибся: замазанные трещины были ясно видны при свете лампы. Свежая известковая шпаклевка оставила на стене длинную беловатую полосу, плохо скрытую под слоем угольной пыли.

— Он! — воскликнул Гарри. — Это может быть только он!

— Он? — переспросил Джемс Старр.

— Да, это он! — ответил Гарри. — Тот самый таинственный человек, который бродит по нашей шахте, кого я сто раз подстерегал и ни разу не мог поймать! Это безусловно автор письма, которое должно было помешать вам, мистер Старр, приехать на свидание, назначенное отцом! Это он и сбросил на нас камень в штреке ствола Ярроу! О, сомнений больше быть не может! Во всем этом видна человеческая рука!

Гарри говорил так горячо, что его уверенность мгновенно передалась инженеру. Что касается старого мастера, то его и не нужно было убеждать. Впрочем, налицо был неоспоримый факт: замазанные трещины, из которых только еще накануне газ выходил свободно.

— Бери кайло, Гарри! — вскричал Симон Форд. — Встань мне на плечи, мальчик! Я еще достаточно крепок, чтобы выдержать тебя.

Гарри понял. Его отец встал вплотную к стене. Гарри взобрался ему на плечи, чтобы достать кайлом до замазанной трещины. Потом несколькими ударами он пробил небольшое отверстие в этой шпаклевке.

Тотчас же послышалось легкое потрескиванье, похожее на звук, который передается у английских шахтеров звукоподражанием: «пуфф».

Гарри схватил лампу и приблизил ее к трещине.

Раздался слабый взрыв, и на стенке запорхало, как блуждающий огонек, небольшое красное пламя, синеватое по краям.

Гарри тотчас же спрыгнул на землю, а старый мастер, не в силах сдержать свою радость, схватил инженера за руку.

— Ура! ура! ура, мистер Джемс! Газ горит! Значит, уголь есть!

ГЛАВА ВОСЬМАЯ

Взрыв динамита

Опыт, о котором говорил старый мастер, удался. Метан, как известно, образуется только в угольных залежах. Следовательно, нельзя было сомневаться в

том, что здесь есть пласт этого драгоценного топлива. Велики ли его размеры и высоко ли качество — это можно было определить позже.

Таковы были выводы, сделанные инженером из его наблюдений. Они во всем согласовались с теми, к которым уже пришел Симон Форд.

«Да, — сказал себе Джемс Старр, — за этой стенкой простирается угольный пласт, до которого не дошли скважины! Досадно, потому что придется возобновлять все оборудование шахты, покинутой десять лет назад. Ничего! Месторождение считалось выработанным, а мы нашли новый пласт и на этот раз используем его до конца!»

— Ну как, мистер Джемс, — спрашивал Симон Форд, — что вы думаете о нашем открытии? Вы не раскаиваетесь, что посетили шахту Дочерт? Я не зря побеспокоил вас?

— Нет, нет, мой старый товарищ, — ответил Джемс Старр. — Мы пока не потеряли времени, но сейчас можем потерять его, если не отправимся немедленно в коттедж. Нам следует возвратиться сюда завтра. Мы взорвем эту стенку динамитом и вскроем выход нового пласта; если после ряда бурений окажется, что пласт значительный, я организую Общество Нового Эберфойла, к величайшей радости прежних акционеров. Нужно, чтобы не позже чем через три месяца были поданы на-гора́ первые бадьи угля из новой залежи!

— Золотые слова, мистер Джемс! — вскричал Симон Форд. — Значит, старые копи помолодеют, как вдова, снова выходящая замуж. С ударами лопаты и кайла, с рокотом вагонеток, ржаньем лошадей, скрипом бадей, грохотом машин к шахте снова вернется прежнее оживление! И я увижу все это. Надеюсь, мистер Джемс, вы не считаете меня слишком старым для того, чтобы снова принять обязанности мастера?

— Нет, Симон, конечно нет! Да вы моложе меня, старый друг!

— И да хранит нас святой Мунго! А вы опять будете нашим директором! Пусть новая разработка длится долгие годы, и дай мне бог умереть, не увидев ее конца!

Радость старого мастера била через край; Джемс Старр был счастлив не меньше, чем он, но предоставлял Симону Форду восторгаться за двоих.

Один лишь Гарри оставался задумчивым. Он вспоминал о тех странных, необъяснимых случаях, которыми сопровождалось открытие новой залежи, и это не переставало тревожить его.

Через час Джемс Старр и его спутники вернулись в коттедж.

Инженер поужинал с большим аппетитом, выражая одобрение всем планам старого мастера, и, не жди он с таким нетерпением наступления завтрашнего дня, он нигде не мог бы выспаться лучше, чем в этом коттедже, где стояла такая глубокая тишина.

На следующий день, плотно позавтракав, Джемс Старр, Симон Форд, Гарри и даже Мэдж собрались в путь. На этот раз они снарядились, как настоящие шахтеры, они несли различные инструменты и динамитные патроны для взрыва стенки в конце штрека. Гарри, кроме мощного фонаря, захватил еще большую безопасную лампу, которая могла гореть двенадцать часов. Этого было более чем достаточно, чтобы пройти всю дорогу к штреку и обратно и произвести разведку, если бы оказалось возможным ее произвести.

— За дело! — вскричал Симон Форд, дойдя со своими спутниками до конца штрека, и, схватив тяжелый лом, с силой взмахнул им.

— Минутку, — возразил Джемс Старр. — Посмотрим, не произошло ли каких-нибудь перемен и просачивается ли рудничный газ сквозь трещины в стенке.

— Вы правы, мистер Старр, — ответил Гарри. — То, что было замазано вчера, вполне может быть замазано и сегодня.

Мэдж, сидя на камне, внимательно оглядывала пещеру и стенку, которую предстояло пробить.

Все оставалось таким же, как было накануне. Трещины в сланце нисколько не изменились. Метан сочился сквозь них, но довольно слабо. Это объяснялось, конечно, тем, что со вчерашнего дня у газа был свободный выход. Выделение газа было так незначительно, что он не мог образовать с воздухом взрывчатую смесь.

Поэтому Джемс Старр со своими товарищами могли работать в полной безопасности. Впрочем, воздух понемногу очистился бы, и рудничный газ, рассеявшись по всему штреку, не мог бы произвести никакого взрыва.

— Итак, за дело! — повторил Симон Форд, и вскоре под мощными ударами его кайла полетели во все стороны осколки породы.

Слой состоял из кварцевого конгломерата, перемежавшегося песчаниками и сланцами, как это чаще всего встречается у выклинивания угольных пластов.

Джемс Старр подбирал отбитые кайлом осколки и внимательно осматривал их, надеясь обнаружить следы угля.

Первый этап работы продолжался около часа. В стенке образовалось довольно большое углубление.

Джемс Старр выбрал место для бурения. Гарри с помощью бура и кайла быстро пробил отверстие. Туда заложили динамитные патроны, прикрепили к ним длинный просмоленный фитиль безопасного запала, заканчивающийся пироксилиновым капсюлем, и тотчас же подожгли его у самого пола. Джемс Старр и его товарищи отошли в сторону.

— Ах, мистер Джемс, — говорил Симон Форд, даже не стараясь скрыть охватившее его волнение, — никогда, нет, никогда еще мое старое сердце не билось так сильно. Как мне хотелось бы поскорее приняться за разработку пласта!

— Терпение, Симон, — ответил инженер. — Уж не ожидаете ли вы найти за этой стенкой готовый штрек?

— Простите, мистер Джемс, — возразил старый мастер, — я теперь ожидаю всего! Если нам с Гарри посчастливилось открыть эту залежь, то почему бы нашей удаче не продолжаться и дальше?

Динамит взорвался. По сети подземных галерей прокатился глухой рокот.

Джемс Старр, Мэдж, Гарри и Симон Форд тотчас же вернулись к стенке пещеры.

— Мистер Джемс, мистер Джемс! — вскричал старый мастер. — Смотрите, дверь взломана!

Образовавшееся в стене отверстие, глубины которого нельзя было определить, оправдывало такое сравнение.

Гарри готов был кинуться в пробитую брешь, но инженер, хотя и крайне удивленный появлением этой пустоты, удержал его.

— Погоди, пока воздух очистится, — сказал он.

— Да, берегись вредных газов, — подтвердил Симон Форд.

Четверть часа прошло в тревожном ожидании. Потом в отверстие ввели фонарь на конце шеста, и он продолжал гореть так же ярко.

— Ступай вперед, Гарри, — сказал Джемс Старр. — Мы за тобою.

Пробитое динамитом отверстие было более чем достаточно для того, чтобы мог пройти человек. Гарри, не колеблясь, вошел туда с фонарем в руке и исчез во мраке.

Джемс Старр, Симон Форд и Мэдж, не двигаясь, ждали его. Прошла минута, показавшаяся им очень долгой. Гарри не появлялся и не подавал голоса. Подойдя к отверстию, Джемс Старр не увидел даже огонька его лампы, которая должна была освещать эту подземную пещеру.

Не оступился ли как-нибудь Гарри? Не провалился ли молодой горняк в какую-нибудь яму? Или его голос уже не долетал до спутников?

Старый мастер, не слыша ничего, хотел уже в свою очередь лезть в отверстие, когда показался свет, сначала слабый, затем усилившийся, и послышался голос Гарри:

— Идите, мистер Старр! Идите, отец! Путь в Новый Эберфойл свободен!

ГЛАВА ДЕВЯТАЯ

Новый Эберфойл

Если бы с помощью какой-нибудь сверхъестественной силы инженерам удалось сразу приподнять слой земной коры толщиною в тысячу футов в той полосе

Англии, где расположены все реки, озера, заливы и береговые области графств Стерлинг, Думбартон и Ренфру, то они нашли бы под этой огромной крышкой колоссальную пустоту, для сравнения с которой в мире найдется только одна подобная ей — знаменитая Мамонтова пещера в Кентукки.

Эта пустота состоит из сотен ячеек всевозможных форм и размеров. Она похожа на причудливо расположенный улей огромных масштабов, который мог бы приютить вместо пчел всех ихтиозавров, мегатериев и птеродактилей доисторических эпох.

Целый лабиринт ходов, то расположенных выше соборных сводов, то низких, узких и извилистых, то идущих горизонтально, то поднимающихся и спускающихся наклонно по всем направлениям, соединял эти ячейки и создавал свободное сообщение между ними.

Опоры этих сводов, словно заимствованных из всех архитектурных стилей, толстые стены, прочно вставшие между проходами, самые своды — все это состояло из песчаника и сланцевых пород. Но между слоями пустых пород шли сильно сдавленные ими превосходные угольные жилы, словно по запутанной сети кровеносных сосудов текла черная кровь этой странной залежи. Залежь простиралась по меридиану на сорок миль, заходя даже под ложе Северного канала. Мощность этого бассейна можно было рассчитать лишь путем разведок, но она, повидимому, превышала мощность угленосных пластов Кардиффа в Уэлсе и Ньюкасла в графстве Нортумберленд.

Эксплуатация этой залежи сильно облегчалась тем, что ввиду причудливого расположения слоев вторичного периода и сжатия минеральных веществ в эпоху затвердевания этого массива сама природа прорыла в Новом Эберфойле множество переплетающихся ходов и туннелей.

Да, сама природа! С первого взгляда могло показаться, что открыты древние, давно покинутые копи. Но это было не так. Подобные богатства не забрасывают. Люди-термиты еще не вгрызались в эту часть шотландских недр, и все это было создано природой. Но, повторяем, никакие подземные гробницы Египта и

катакомбы древнего Рима нельзя было с этим сравнить, — разве только знаменитую Мамонтову пещеру, в которой на протяжении более двадцати миль насчитывается двести двадцать шесть коридоров, одиннадцать озер, семь рек, восемь водопадов, тридцать два бездонных колодца и пятьдесят семь куполов, причем некоторые из них достигают более четырехсот пятидесяти футов в высоту.

Как и эта пещера, Новый Эберфойл был созданием не человеческих рук, а самого бога.

Таковы были новые, неслыханно богатые владения, честь открытия которых по праву принадлежала старому мастеру. Десять лет жизни в старых копях, редкостное упорство в розысках, твердая уверенность, поддерживаемая чудесным шахтерским чутьем, — все это привело к тому, что он добился успеха там, где очень многие потерпели бы поражение. Почему скважины, пробуренные некогда под руководством Джемса Старра, остановились именно на этой глубине, на самой границе новой залежи? Случайно, конечно, но в подобных разведках случай играет большую роль.

Как бы то ни было, здесь, в недрах Шотландии, находилось нечто вроде подземного графства, которому, чтобы быть обитаемым, не хватало только лучей солнца или какого-нибудь искусственного светила, которое могло бы его заменить.

Вода была собрана там в нескольких впадинах, образуя большие пруды или даже озера, обширнее озера Кэтрайн, находившегося как раз над ними. Конечно, на этих озерах не было движения воды, течений, прибоя. В них не отражался силуэт какого-нибудь готического замка. Ни березы, ни дубы не склоняли с их берегов свои ветви; горы не отбрасывали длинные тени на поверхность этих вод, пароходы не бороздили их, никакие огни не отражались в них, солнце не заливало их своими яркими лучами, луна никогда не поднималась над их горизонтом. Но все же эти глубокие озера, зеркальная гладь которых никогда не морщилась от ветра, не были бы лишены своеобразной прелести при свете какого-нибудь электрического светила; а если бы их соединить сетью каналов, то они удачно допол-

нили бы географию этой удивительной подземной страны.

В этом подземелье, хотя и вовсе непригодном для выращивания растений, могло бы укрыться целое население. И кто знает, не найдет ли когда-нибудь бедный класс Соединенного королевства себе убежище в копях Эберфойла, как и в копях Кардиффа и Ньюкасла, когда и там запасы угля будут исчерпаны?

ГЛАВА ДЕСЯТАЯ

Туда и обратно

Услыхав голос Гарри, Джемс Старр, Мэдж и Симон Форд прошли сквозь узкое отверстие, соединявшее шахту Дочерт с Новым Эберфойлом.

Они очутились в довольно широком проходе. Казалось, он пробит рукой человека, проделан кайлом и лопатой для разработки новой залежи. Разведчики недоумевали, не попали ли они, по странной случайности, в какую-то старинную шахту, о существовании которой не было известно даже старейшим углекопам.

Но нет! Геологические пласты в эпоху, когда происходило отложение слоев вторичного периода, «пощадили» этот проход. Может быть, он служил некогда руслом бурному потоку, в котором поверхностные воды смешивались с занесенными илом растениями; но сейчас он был так же сух, как если бы был прорыт несколькими тысячами футов ниже, в гранитоидных породах. Однако воздух проникал сюда свободно: это значило, что проход соединяется какими-нибудь природными «вентиляционными ходами» с поверхностью земли.

Это замечание, сделанное инженером, было вполне справедливо: можно было предвидеть, что устроить вентиляцию на новой шахте будет нетрудно. Что касается рудничного газа, сочившегося сквозь сланцевую стенку, то он скопился, повидимому, в каком-нибудь «кармане», то есть полости, сейчас опустевшей. В галерее, где они находились, не было и признаков газа.

Однако Гарри из предосторожности взял с собой только безопасную лампу, которая могла гореть двенадцать часов.

Сделанные открытия превзошли все ожидания Джемса Старра и его спутников. Вокруг них был только уголь! От радостного волнения они не могли говорить, даже Симон Форд проявлял свои чувства лишь в коротких восклицаниях.

Быть может, с их стороны было неосторожностью заходить в подземелье так далеко. Ба! они вовсе не думали о возвращении. Было так хорошо идти по удобному, почти прямому проходу, не опасаясь ни трещин, преграждающих путь, ни воздуха, отравленного вредными газами. Следовательно, не было никаких причин останавливаться, и Джемс Старр, Мэдж, Гарри и Симон Форд шли так в течение часа, причем ничто не указывало им, в какую сторону идет этот неизвестный туннель.

И они, конечно, пошли бы еще дальше, если бы не достигли конца этой широкой галереи, по которой продвигались с первой же минуты, как попали в новое угольное месторождение.

Проход заканчивался огромной пещерой, размеров которой нельзя было определить. На какой высоте закруглялся купол этой пещеры, на каком расстоянии находилась ее противоположная стена, — мрак не давал рассмотреть. При свете лампы разведчики могли установить лишь то, что в пещере находится огромный пруд или озеро со стоячей водой, высокие, скалистые берега которого терялись в темноте.

— Стоп! — вскричал Симон Форд, вдруг остановившись. — Еще шаг, и мы можем скатиться в пропасть!

— Давайте отдохнем, друзья мои, — предложил инженер. — Нужно подумать и о возвращении.

— Наша лампа может гореть еще десять часов, — сказал Гарри.

— А все-таки сделаем привал, — повторил Джемс Старр. — Признаюсь, мои ноги нуждаются в отдыхе. А вы, Мэдж, не устали после такой долгой ходьбы?

— Нет, не очень, мистер Джемс, — ответила крепкая шотландка. — Мы привыкли ходить по копям Эберфойла целыми днями.

— Э! — прибавил Симон Форд. — Мэдж пройдет вдесятеро больше, если понадобится. Но я опять спрошу вас, мистер Джемс, заслуживало ли мое сообщение вашего внимания? Посмейте только сказать «нет», мистер Джемс, посмейте!

— Э, дружище, я давно уже не испытывал такой радости! — ответил инженер. — То немногое, что мы уже разведали в этой чудесной залежи, указывает на ее значительную протяженность по крайней мере в длину.

— И вширь и вглубь тоже, мистер Джемс, — возразил Симон Форд.

— Это мы узнаем позже.

— А я за это ручаюсь! Положитесь на чутье старого шахтера, оно меня никогда не обманывало.

— Охотно вам верю, Симон, — ответил инженер улыбаясь.

— Но, насколько можно судить по этой предварительной разведке, тут запасов угля хватит по меньшей мере на несколько веков.

— Конечно, — вскричал Симон Форд. — Я так и думаю, мистер Джемс! Пройдет не меньше тысячи лет, прежде чем из нашей новой шахты будет вынут последний кусок угля!

— Дай-то бог! — произнес Джемс Старр. — Что касается качества угля, выходящего на поверхность этих стен...

— Великолепное, мистер Джемс, великолепное! Да вот, посмотрите сами.

С этими словами Симон Форд отколол ударом кайла кусок от черной стены.

— Взгляните только, — повторял он, поднося уголь к лампе. — Видите, как он блестит! У нас будет жирный, смолистый уголь. А как он разбивается на куски, — почти без пыли! Ах, мистер Джемс, лет двадцать назад это месторождение было бы опасным соперником для свэнсийского и кардиффского угля! Ну, что ж, кочегары и сейчас будут драться из-за этого угля. Если нам он и будет стоить дешево, то все равно будет продаваться дорого наверху.

— Верно, — сказала Мэдж, взяв осколок угля и разглядывая его с видом знатока, — уголь очень хороший. Возьмем его, Симон, с собой, принесем в коттедж. Я хочу, чтобы первый кусок этого угля сгорел в нашей печи.

— Хорошо сказано, жена, — ответил старый мастер. — И ты увидишь, что я не ошибся.

— Мистер Старр, — спросил тут Гарри, — представляете ли вы себе хотя бы приблизительно направление того длинного прохода, по которому мы шли все время?

— Нет, мой мальчик, — ответил инженер. — Будь у меня компас, я мог бы определить его общее направление. Но без компаса я здесь, словно моряк в открытом море среди тумана, когда отсутствие солнца не позволяет ему определиться.

— Конечно, мистер Джемс, — возразил Симон Форд.— Но не сравнивайте, пожалуйста, нашего положения с положением моряка, у которого всегда и везде под ногами бездна. Мы здесь находимся на суше, и нам нечего бояться утонуть.

— Не буду огорчать вас, старина Симон, — ответил инженер, — я нисколько не намеревался обидеть новую эберфойлскую залежь несправедливым сравнением. Я хотел только сказать, что мы не знаем, где находимся.

— Под почвой графства Стерлинг, мистер Джемс, — сказал Симон Форд. — И я в этом уверен, как в...

— Слушайте! — прервал его Гарри.

По примеру старого горняка все стали прислушиваться. Изощренный слух шахтера уловил шум, отдаленный рокот. Вскоре то же услышали и остальные. Из верхних слоев массива доносились, хотя и очень слабо, какие-то раскаты, которые то затихали, то нарастали.

Все четверо прислушивались некоторое время, не произнося ни слова. Потом Симон Форд воскликнул:

— Э, клянусь святым Мунго! Разве в Новом Эберфойле уже бегают по рельсам вагонетки?

— Отец, — сказал Гарри, — мне кажется, что это шумят волны, разбиваясь о берег.

— Но мы ведь находимся не под морем, — возразил старый мастер.

— Нет, — ответил инженер, — но вполне возможно, что над нами лежит озеро Кэтрайн.

— Значит, свод не очень толст в этом месте, если шум воды слышен так ясно?

— Да, не очень, — ответил Джемс Старр. — Потому-то эта пещера так высока и обширна.

— Должно быть, вы правы, мистер Старр, — произнес Гарри.

— Кроме того, наверху такой дождь, — продолжал Джемс Старр, — что вода в озере должна подняться наравне с заливом Форта.

— Э, что за важность в конце концов! — возразил Симон Форд. — Угольный пласт не станет хуже от того, что лежит под озером. Уже не в первый раз за углем отправляются под самое дно морское. Если нам придется разведать все недра и глуби под Северным каналом, — что в этом плохого?

— Прекрасно! — воскликнул инженер и невольно улыбнулся при виде энтузиазма старого мастера. — Проведем наши штреки под морскими волнами! Изрешетим ложе Атлантического океана! Пойдем навстречу нашим американским товарищам, прорубая себе путь под океанским дном! Пробьем Земной шар до самого центра, если нужно, чтобы вырвать оттуда последний кусок каменного угля!

— Вы смеетесь, мистер Джемс? — недоуменно спросил Симон Форд.

— И не думаю, старина Симон! Ничуть! Но вы полны такого энтузиазма, что увлекаете в область несбыточного и меня. Вернемся к действительности, она и без того прекрасна. Оставим здесь кайла, мы вернемся за ними когда-нибудь в другой раз, а сейчас пойдемте обратно в коттедж.

Пока ничего иного и не оставалось делать: позднее сюда придут инженер с бригадой горняков, захватив с собою лампы и необходимые инструменты, и начнут разработку Нового Эберфойла. Теперь же необходимо было вернуться в шахту Дочерт. Впрочем, дорога не представляла трудностей. Проход шел сквозь угольный

массив, почти напрямик к отверстию, пробитому динамитом, так что опасности заблудиться не было.

Но в тот момент, когда Джемс Старр повернулся к проходу, Симон Форд остановил его.

— Мистер Джемс, — сказал он. — Видите ли вы эту огромную пещеру, это подземное озеро, чьи воды сдва не касаются наших ног? Ну вот, я хочу переселиться сюда, здесь я построю себе новый коттедж, и если какие-нибудь отважные товарищи захотят последовать моему примеру, то меньше чем через год в нашей старой Англии вырастет еще один поселок!

Джемс Старр одобрительно улыбнулся проектам Симона Форда, пожал ему руку, и все трое, а Мэдж за ними, углубились в проход, дабы вернуться на шахту Дочерт.

На первой миле обратного пути не случилось ничего особенного. Гарри шагал впереди и освещал дорогу, поднимая лампу над головой. Он шел все время по главному штреку, не отклоняясь в узкие туннели, расходившиеся вправо и влево. Казалось, обратный путь будет таким же легким, как и путь в новую залежь, но вдруг неожиданный случай поставил разведчиков в затруднительное и опасное положение.

В ту минуту, когда Гарри поднял свою лампу повыше, воздух вдруг всколыхнулся, словно от взмаха невидимых крыльев. Что-то ударило в лампу сбоку, она выскользнула из рук у Гарри, упала на каменистую почву и разбилась.

Джемс Старр со своими спутниками очутились в полной темноте. Керосин из лампы разлился, и она не могла больше служить.

— Эх, Гарри, — воскликнул Симон Форд, — ты хочешь, чтобы мы сломали себе шею, возвращаясь в коттедж?

Гарри не ответил. Он задумался. Должен ли он видеть в этом случае снова руку таинственного существа? Не живет ли в недрах земли какой-то недруг, необъяснимая вражда которого может создать в будущем серьезные осложнения? Заинтересован ли кто-нибудь в том, чтобы охранять новую угольную залежь от всяких попыток к разработке? Правда, это было неве-

роятно, но факты говорили сами за себя, их накопилось так много, что простые догадки могли превратиться в уверенность.

Положение разведчиков оказалось незавидным. Им предстояло пройти в глубочайшем мраке еще миль пять по проходу, ведущему к шахте Дочерт, да оттуда оставалось еще с час пути до коттеджа.

— Идемте, — сказал Симон Форд. — Нельзя терять ни секунды. Будем подвигаться вперед ощупью, как слепые. Заблудиться здесь невозможно. Туннели, которые попадаются на пути, узки, как кротовые норы, а по главному проходу мы непременно придем к пролому, в который вошли. А дальше уже идет старая шахта. Мы ее знаем наизусть, нам с Гарри не в первый раз бродить по ней в темноте. Впрочем, там ведь мы оставили лампы. Итак, в путь! Гарри, ступай вперед! Мистер Джемс, вы — за ним. Мэдж, ты пойдешь за мистером Джемсом, а я буду в арьергарде. Главное, не разбиваться, и если уж нельзя держаться рядом, будем идти след в след.

Оставалось только подчиниться указаниям старого мастера. Как он сказал, сбиться с дороги, идя ощупью, было невозможно. Пришлось только заменить глаза руками и довериться тому инстинкту, который у Симона Форда и его сына был развит в высшей степени.

Итак, Джемс Старр и его спутники двинулись в путь в указанном порядке. Они не разговаривали, но совсем не от недостатка мыслей. Становилось очевидным, что у них есть враг. Но кто он и как защищаться от его коварных, подготовленных нападений? Вот какие тревожные мысли возникали в мозгу у всех. Однако не время было падать духом.

Вытянув руки, Гарри продвигался уверенным шагом. Он переходил от одной стены прохода к другой. Если ему встречались углубления или боковые отверстия, он ощупью убеждался, что уклоняться туда не следует, так как углубление невелико, а отверстие слишком узко; таким образом он не терял направления.

Это трудное возвращение, совершавшееся в полной темноте, где не видно было ни зги, продолжалось около

двух часов. Рассчитав время и приняв во внимание, что идти надо было медленно, Джемс Старр полагал, что выход должен быть уже близко.

Действительно, почти тотчас же Гарри остановился.

— Мы что, дошли, Гарри? — спросил Симон Форд.

— Да, — ответил молодой горняк.

— Ну, ищи теперь отверстие, соединяющее Новый Эберфойл с шахтой Дочерт.

— Его нет, — ответил Гарри, руки которого встречали только сплошную стену.

Старый мастер шагнул вперед и начал сам ощупывать слой сланца. Вдруг он вскрикнул.

Либо разведчики заблудились на обратном пути, либо отверстие, пробитое в стене динамитом, было недавно заделано.

Как бы там ни было, Джемс Старр со своими спутниками оказался замурованным в Новом Эберфойле!

ГЛАВА ОДИННАДЦАТАЯ

Огненные женщины

Через неделю после этих событий друзья Джемса Старра начали сильно беспокоиться. Инженер исчез, и его исчезновения ничем нельзя было объяснить.

Из расспросов его слуги выяснилось, что он сел на пароход на пристани Грэнтон, а от капитана «Принца Уэльского» стало известно, что он высадился в Стерлинге. Но с этого момента следы Джемса Старра терялись. Симон Форд в своем письме просил инженера сохранять тайну, и Джемс Старр не сказал никому, что едет в Эберфойл.

В Эдинбурге только и было разговоров, что о необъяснимом исчезновении инженера. Сэр Эльфистон, председатель Королевского института, сообщил своим коллегам о письме, которое прислал ему Джемс Старр, с извинением, что не сможет быть на очередном заседании. Двое или трое друзей инженера показали подобные же письма. Но если эти документы доказывали,

что Джемс Старр уехал из Эдинбурга, — а это и без них было известно, — то они не объясняли, что с ним случилось.

Неожиданная отлучка Джемса Старра, столь несогласная с его привычками, могла вызвать недоумение, а потом и тревогу, так как она затягивалась.

Никто из его друзей не мог предположить, что он отправился на Эберфойлские копи. Все знали, что он вовсе не стремится снова увидеть места своей прежней деятельности. Он не был там с того самого дня, как на поверхность поднялась последняя бадья. Однако поскольку пароход высадил его на пристани Стерлинг, то розыски были направлены в эту сторону.

Но и тут розыски не дали никаких результатов. Никто не помнил, чтобы видел инженера в этих краях. Всеобщее любопытство мог бы удовлетворить лишь Джек Райан, встретивший его вместе с Гарри на одной из площадок в стволе Ярроу. Но веселый парень, как известно, работал на ферме Мельроз, в сорока милях юго-западнее, в графстве Ренфру, и даже не подозревал, что об исчезновении Джемса Старра так тревожатся. А через неделю после своего посещения коттеджа Джек Райан преспокойно распевал бы на вечеринках клана Эрвин, не будь у него тоже повода для серьезной тревоги, о котором будет сказано далее.

Джемс Старр был слишком значительным и уважаемым человеком не только в городе, но и во всей Шотландии, чтобы что-нибудь касающееся его могло пройти незамеченным. Лорд-префект, главное официальное лицо Эдинбурга, судьи, советники — в большинстве своем друзья инженера — приступили к самым деятельным розыскам. Повсюду были разосланы агенты, но они ничего не нашли.

Пришлось поместить в главнейших газетах Соединенного королевства заметку об инженере Джемсе Старре с описанием его примет и датой отъезда из Эдинбурга и ждать результатов. Это не могло не вызвать сильной тревоги. Ученый мир Англии был близок к тому, чтобы поверить в окончательное исчезновение одного из своих выдающихся членов.

В то время как все так тревожились о Джемсе Старре, личность Гарри была предметом не меньшего беспокойства. Но судьба сына старого шахтера не занимала собою общественное мнение, а смущала покой лишь его друга, Джека Райана.

Мы помним, что при встрече в стволе Ярроу Джек Райан просил Гарри быть на празднике Эрвинского клана. Гарри согласился и твердо обещал прийти, а Джек не раз убеждался, что его друг всегда верен своему слову. Что он обещал, то и делал.

И вот на Эрвинском празднике ни в чем не было недостатка — ни в песнях, ни в плясках, ни в развлечениях всякого рода, — не было только Гарри Форда.

Джек Райан начал даже досадовать на него, так как отсутствие друга портило ему настроение. Он даже сбился посреди одной из своих песен и впервые в жизни запнулся во время джиги, обычно снискивавшей ему заслуженные похвалы.

Нужно сказать, что заметка о Джемсе Старре, помещенная в газетах, еще не попадалась на глаза Джеку Райану. Поэтому честный малый тревожился только об отсутствии Гарри и думал, что лишь какое-нибудь важное обстоятельство могло помешать его товарищу выполнить свое обещание. На следующий день после Эрвинского праздника Джек Райан собирался поехать поездом в Глазго, чтобы оттуда отправиться в шахту Дочерт, и он бы так и сделал, если бы не помешало событие, чуть не стоившее ему жизни.

Случай этот был такого рода, что мог бы подтвердить правоту всех суеверных людей, каких было немало на ферме Мельроз. Вот что произошло в ночь на 12 декабря.

Эрвин, приморский городок графства Ренфру, насчитывающий около семи тысяч жителей, расположен в крутом изгибе шотландского побережья, почти у входа в Клайдский залив. Его порт, довольно хорошо защищенный от ветров, дующих с открытого моря, освещается ярким маяком, который указывает место для причала, так что осторожный моряк не может ошибиться. Поэтому в этой части побережья крушения бывают редко, и корабли каботажного или дальнего

плавания, если они идут Клайдским заливом, чтобы попасть в Глазго, входя в Эрвинский залив, могут маневрировать вполне безопасно даже в самые темные ночи.

Если у городка есть хотя бы самое маленькое историческое прошлое, да к тому же его замок принадлежал некогда Роберту Стюарту, то у него непременно имеются развалины. В Шотландии же во всех развалинах обитают духи, — по крайней мере так думают везде, в нагорьях и на равнинах. А самыми древними развалинами, пользовавшимися в этой части побережья самой дурной славой, были именно развалины замка Роберта Стюарта, носившие имя Дендональд Кэстль.

В то время замок Дендональд — убежище всех бродячих духов в стране — был совершенно заброшен. Мало кто посещал высокую скалу над морем, в двух милях от города, где возвышался замок. Иногда какой-нибудь проезжий желал осмотреть эти исторические руины, но ему приходилось идти туда одному: жители Эрвина ни за какие деньги не согласились бы послужить проводниками в это страшное место. Здесь ходили рассказы об «Огненных женщинах», населявших старый замок. Самые суеверные люди утверждали даже, что видели эти фантастические создания собственными глазами. Конечно, в числе их был и Джек Райан.

Правда же состояла в том, что время от времени то на полуразрушенной стене, то на вершине башни, возвышающейся над развалинами замка Дендональд, появлялись длинные языки пламени.

Были ли эти языки похожи на человеческие фигуры? Заслуживали ли они названия «Огненных женщин», данного им жителями побережья? Очевидно, это была лишь иллюзия склонных к суеверию умов; наука же могла бы найти этому явлению вполне естественное объяснение.

Во всяком случае, по всей стране твердо знали, что Огненные женщины часто навещают развалины старого замка и иногда, особенно в темные ночи, устраивают там диковинные хороводы. Каким бы храбрецом

ни был Джек Райан, он не посмел бы поиграть для них на своей волынке.

— Довольно с них и Старого Ника, — говорил он, — а в его сатанинском оркестре я не нужен!

Понятно, эти необычные привидения были обязательной темой разговоров по вечерам. У Джека Райана был целый запас легенд об Огненных женщинах, и, когда ему приходилось о них рассказывать, он мог говорить без конца.

Итак, в вечер праздника Эрвинского клана, после обильных возлияний эля, брэнди и виски, которым заканчивалось пиршество, Джек Райан не преминул вернуться к своей любимой теме, к великому удовольствию, а быть может, и к великому страху слушателей.

Вечеринка происходила в обширном сарае фермы Мельроз, недалеко от берега. Посредине в большом железном треножнике пылал кокс. Густой туман катился над волнами, гонимыми к берегу сильным юго-западным ветром. Ночь была черная; в облаках не было ни одного просвета; земля, море и небо сливались в глубокой тьме. В такую погоду плохо пришлось бы судну, отваживавшемуся войти в Эрвинскую бухту.

Вообще эта маленькая бухта посещается мало — по крайней мере крупными судами. Торговые суда, парусные или паровые, если хотят войти в Клайдский залив, причаливают к берегу немного севернее.

В этот вечер, однако, запоздалый рыбак подивился бы, увидев корабль, направлявшийся к берегу. А если бы вдруг стало светло, он не только удивился бы, но и испугался, так как этот корабль шел под ветром, распустив все свои паруса.

Узкое устье залива было окаймлено огромными скалами, и войти в него было трудно; к тому же неосторожный корабль рисковал сейчас тем, что, приблизившись к скалам, мог о них разбиться.

Вечер заканчивался последним рассказом Джека Райана. Слушатели перенеслись в мир привидений и были настроены так, что вполне могли в него поверить.

Вдруг снаружи раздались крики.

Джек Райан оборвал свой рассказ, и все выбежали из сарая. Ночь была темная; порывы ветра несли с моря косые струи дождя.

Два или три рыбака, держась за скалу, чтобы противостоять напору бури, громко звали, напрягая голос. Джек Райан со спутниками подбежал к ним.

Рыбаки кричали не обитателям фермы, а кораблю, который несся навстречу гибели, не подозревая об этом.

В самом деле, в нескольких кабельтовых от берега смутно виднелась темная масса. По сигнальным огням было видно, что это корабль: на бизань-мачте у него был белый огонь, на правом борту зеленый, на левом красный. Очевидно, судно на всех парусах приближалось прямо к берегу.

— Погибнет корабль! — вскричал Джек Райан.

— Да, — ответил один из рыбаков, — и теперь уже он не сможет переменить галс, если даже заметит опасность!

— Надо подать сигнал! — закричал один из шотландцев.

— Какой? — возразил рыбак. — Такой ветер затушит любой факел.

Пока они обменивались этими быстрыми словами, крики раздались снова. Но кто мог услышать их при бушующем ветре? Корабль уже не мог избежать своей участи.

— Зачем же он так маневрировал? — вскричал один моряк.

— Неужели хочет подойти к берегу? — спросил другой.

— Разве капитан не знает об Эрвинском маяке? — спросил Джек Райан.

— Вероятно, знает, — ответил один из рыбаков, — если только не обманут каким-нибудь...

Не успел рыбак договорить, как Джек Райан испустил страшный вопль. Был ли он услышан экипажем? Едва ли, да и во всяком случае слишком поздно, чтобы корабль мог отклониться от линии бурунов, белевшей во мраке.

Но этот крик не был, как могло показаться, последней, отчаянной попыткой Джека предупредить гибнущих людей. В эту минуту Джек Райан стоял к морю спиной. Его спутники тоже смотрели на что-то, находившееся в полумиле от них.

Там был замок Дендональд. На вершине башни извивался под порывами ветра длинный язык пламени.

— Огненная женщина! — с ужасом закричали суеверные шотландцы.

По правде говоря, нужно было обладать богатым воображением, чтобы найти в этом пламени сходство с человеком. Развеваясь по ветру, как светящийся флаг, оно порою отрывалось от вершины башни и словно готово было погаснуть, а через мгновенье снова прилеплялось к ней своим синеватым кончиком.

— Огненная женщина! Огненная женщина! — кричали в испуге крестьяне и рыбаки.

Все объяснялось. Очевидно, корабль, затерявшись в тумане, сбился с пути и принял пламя, игравшее на вершине замка Дендональд, за огонь Эрвинского маяка. Капитан думал, что находится у входа в залив, расположенный в десяти милях севернее, и несся прямо к берегу, где для него не было никакого прибежища.

Что предпринять, чтобы спасти судно, если еще не поздно? Может быть, подняться на развалины и погасить пламя, чтобы его не принимали больше за свет маяка?

Конечно, так и нужно было бы сделать, и немедленно; но какой шотландец мог бы подумать, а подумав — найти в себе смелость посягнуть на Огненную женщину? Один разве Джек Райан. Он был отважен, и, как ни укоренились в нем предрассудки, они не могли бы остановить его великодушного порыва.

Но было поздно. Среди грохота стихии раздался страшный треск. Корабль сел кормой на мель. Огни его погасли. Беловатая линия бурунов, казалось, сломалась: корабль остановился на ней, опрокинулся на бок и разбился о рифы.

В тот же миг, по странному совпадению, которое могло быть только случайным, длинное пламя исчезло,

словно сорванное сильным порывом ветра. Море, небо, берег снова погрузились в глубочайший мрак.

— Огненная женщина! — в последний раз вскричал Джек Райан, когда это непонятное явление, сверхъестественное для него и его товарищей, вдруг исчезло.

Тут мужество, покинувшее суеверных шотландцев перед призрачной опасностью, вернулось к ним перед лицом реальной опасности, — нужно было спасать своих ближних. Разыгравшиеся стихии не пугали их. Обвязав себя веревками, они кинулись на помощь потерпевшему крушение кораблю, обнаруживая теперь столько же героизма, сколько проявляли до этого суеверия.

К счастью, спасти людей им удалось, хотя некоторые из спасателей, в том числе и отважный Джек Райан, сильно ушиблись о камни. Но капитан корабля и восемь человек экипажа были доставлены на берег живыми и невредимыми.

Корабль оказался норвежским бригом «Мотала», шедшим в Глазго с грузом леса. Капитан, введенный в заблуждение огнем, пылавшим на башне замка Дендональд, направил судно прямо к берегу, вместо того чтобы войти в Клайдский залив.

Теперь от «Мотала» не осталось ничего, кроме обломков, которые прибой разметал по береговым скалам.

ГЛАВА ДВЕНАДЦАТАЯ

Подвиги Джека Райана

Джека Райана и трех его товарищей, тоже раненных, перенесли на ферму Мельроз, где им немедленно была оказана помощь.

Джек пострадал больше всех, так как в тот момент, когда он, обвязавшись веревкой, кинулся в море, яростные волны швырнули его на риф. Еще немного, и товарищи вытащили бы на берег только его безжизненное тело.

Отважный юноша был принужден пролежать два дня в постели, что его страшно бесило. Однако, когда ему позволили петь сколько угодно, он стал терпеливее переносить свою беду, и веселые переливы его голоса постоянно оглашали ферму. Но в этом приключении он почерпнул еще более живое чувство страха перед всякими гномами и духами, которые любят беспокоить бедных людей, и обвинял их в гибели «Мотала». Невозможно было бы уверить его, что никаких Огненных женщин не существует и что пламя, внезапно появившееся на развалинах, вызвано только физическими причинами. Его товарищи еще упорнее, чем он, держались своего суеверия. По их мнению, Огненная женщина умышленно завлекла «Мотала» на берег, а ее не притянешь к ответственности — это все равно что оштрафовать ураган! Судебные чиновники могут возбуждать преследование сколько им вздумается: пламя не посадишь в тюрьму, неосязаемое существо не закуешь в цепи. И нужно сказать, что проведенное в дальнейшем расследование подтвердило, по крайней мере с виду, такой суеверный взгляд.

В самом деле, судейский чиновник, которому поручили расследовать крушение, явился, чтобы опросить свидетелей катастрофы. Все стояли на том, что крушение было вызвано сверхъестественным появлением Огненной женщины на развалинах замка Дендональд.

Разумеется, правосудие не могло удовлетвориться такими объяснениями. Несомненно, в развалинах произошло нечто вполне естественное. Но было ли это случайностью или злым умыслом? Вот что предстояло выяснить следователю.

Пусть слова «злой умысел» не удивляют читателя. Не нужно углубляться в историю, чтобы найти им подтверждение. Многие грабители судов на бретонском берегу занимались тем, что заманивали корабль на рифы и после его крушения делили между собой добычу. То купа смолистых деревьев, зажженных ночью, заводила корабль в такие места, откуда он больше не мог выйти; то факел, привязанный к рогам быка и движущийся по прихоти животного, обманывал экипаж относительно пути, по которому нужно следовать. В ре-

зультате подобных козней неизбежно следовало кораблекрушение, которым пользовались злоумышленники. Потребовалось вмешательство правосудия, чтобы уничтожить это варварство. Могло случиться, что и в этом случае преступная рука воскресила старые повадки береговых грабителей.

Так думали полицейские агенты, что бы ни говорили Джек Райан и его товарищи. Узнав о расследовании, люди разделились на два лагеря: одни только пожимали плечами, другие, более робкие, заявляли, что такой вызов, брошенный сверхъестественным существам, наверняка приведет к новым катастрофам.

Тем не менее расследование велось очень тщательно. Полицейские агенты отправились в замок Дендональд и провели там самые кропотливые розыски.

Следователь хотел прежде всего установить, не сохранилось ли на земле следов, которые можно было бы приписать кому-либо другому, кроме духов. Но никаких следов, ни старых, ни позднейших, не обнаружили, хотя земля, размокшая накануне от дождя, сохранила бы малейший отпечаток.

— Следы духов! — вскричал Джек Райан, узнав о неуспехе первых розысков. — Это все равно, что искать на болоте следы блуждающего огонька.

Итак, первая часть расследований не дала результатов. Невероятно было, чтобы вторая дала что-нибудь большее.

Речь шла о том, чтобы определить, каким образом мог быть зажжен огонь на вершине башни, какие материалы послужили горючим и, наконец, что после этого горения осталось.

Обнаружить следов разжигания огня не удалось: ни обгоревших спичек, ни клочков бумаги найдено не было.

Точно так же не нашли ни сухой травы, ни сучьев, ни поленьев, хотя ясно было, что топлива нужно было немало, чтобы поддерживать ночью столь сильное пламя.

Что касается остатков костра — их тоже нигде не оказалось. Полное отсутствие золы, пепла, углей, головешек, сажи даже не позволяло определить, в каком месте был зажжен огонь. Ни на земле, ни на скалах

не было никаких черных пятен. Может быть, кто-либо из злоумышленников держал огонь в руках? Это было малоправдоподобно, так как, по словам свидетелей, пламя было огромное, — настолько, что экипаж «Мотала» мог, несмотря на туман, различить его в нескольких милях от берега.

— Так! — вскричал Джек Райан. — Огненная женщина умеет обходиться без спичек! Ей стоит дунуть, чтобы воздух вокруг нее воспламенился, а золы от ее костра никогда не остается!

Таким образом, следственные власти остались при своих хлопотах, а ко множеству местных легенд прибавилась еще одна, которая должна была увековечить гибель «Мотала» и неоспоримо доказать существование Огненных женщин.

Такой храбрый и крепко сложенный юноша, как Джек Райан, не мог, конечно, долго оставаться в постели. Ушибы и растяжение связок не могли уложить его на большой срок. Ему было некогда болеть. А кому в здоровом климате Южной Шотландии некогда болеть, тот и не болеет.

Итак, Джек Райан быстро поправился. Едва встав на ноги, он решил, прежде чем снова взяться за работу на ферме, выполнить одно свое намерение. Он хотел навестить своего друга Гарри и узнать, почему тот не пришел на Эрвинский праздник.

Со стороны такого человека, как Гарри, всегда выполнявшего свои обещания, это отсутствие было необъяснимым. Кроме того, невероятно было, чтобы сын старого мастера не слыхал о катастрофе «Мотала», подробно описанной в газетах. Он должен был узнать о роли, которую Джек Райан играл в спасении погибавших, о том, что с ним случилось. Почему же он не явился на ферму пожать руку своему другу? Что за невнимание!

Нет, если Гарри не пришел, значит он не мог прийти. Джек Райан готов был скорее отрицать существование Огненных женщин, чем поверить, что Гарри способен изменить дружбе.

Итак, уже через два дня после крушения Джек Райан бодро отправился в путь. Крепкий парень уже

совершенно не чувствовал своих ушибов. Разбудив веселой песней эхо скалистого берега, он отправился на станцию железной дороги, идущей через Глазго и Стерлинг в Колландер.

Там, пока он ожидал поезда, внимание его привлекли объявления следующего содержания:

«4 декабря инженер Джемс Старр из Эдинбурга сел на пристани Грэнтон на пароход «Принц Уэльский» и в тот же день высадился в Стерлинге. С тех пор о нем ничего не известно.

Все сведения, касающиеся его, просят адресовать председателю Королевского института в Эдинбурге».

Джек Райан, остановившись перед этим объявлением, перечел его дважды, крайне изумляясь.

— Мистер Старр! — вскричал он. — Но как раз четвертого декабря я встретил его с Гарри на лестницах в стволе Ярроу! Прошло вот уже десять дней! И с тех пор он больше не появлялся... Не этим ли объясняется и то, что мой приятель не пришел на Эрвинский праздник?

Не тратя времени на письменное сообщение председателю Королевского института о том, что он знал о Джемсе Старре, честный малый прыгнул в поезд, твердо решив отправиться прежде всего к стволу Ярроу. Там он, если нужно, спустится на дно шахты Дочерт, чтобы найти Гарри, а с ним и инженера Джемса Старра.

Через три часа он вышел из поезда на станции Колландер и быстро направился к стволу Ярроу.

— Они не появлялись больше, — говорил он себе. — Почему? Возникло какое-нибудь препятствие? Или их задержала в глубине шахты важная работа? Я это узнаю!

И Джек Райан, ускорив шаги, достиг ствола Ярроу меньше чем за час.

Снаружи ничто не изменилось. Вокруг такое же молчание. Ни одного живого существа в этой пустыне.

Джек Райан вошел под разрушенный навес, прикрывающий устье ствола. Он вгляделся в пропасть — и ничего не увидел; он прислушался — и ничего не услышал.

— А моя лампа! — вскричал он. — Почему она не на обычном месте?

Лампа, которой пользовался Джек Райан, посещая шахту, стояла обычно в углу, возле площадки верхней лестницы. Сейчас ее там не было.

— Вот и первое осложнение, — сказал Джек Райан, начиная беспокоиться. Потом, не колеблясь, несмотря на все свое суеверие, он воскликнул: — Я пойду, будь там темнее, чем в преисподней!

И он стал спускаться по длинному ряду лестниц, уходивших в бездонный колодец.

Чтобы решиться на это, Джек Райан должен был хорошо помнить свои прежние шахтерские привычки и знать наизусть шахту Дочерт.

Впрочем, он спускался очень осторожно. Ноги его ощупывали каждую ступеньку. Некоторые из них были источены червем. Всякий неверный шаг означал гибельное падение в пропасть глубиною в полторы тысячи футов. Поэтому Джек Райан считал каждую пройденную площадку между лестницами. Он знал, что ступит на дно шахты только после тридцатой. А там уж будет нетрудно, как он думал, найти коттедж, находившийся, как известно, в конце главного штрека.

Так достиг он двадцать шестой площадки. От дна шахты его отделяло только двести футов. Он опустил ногу, чтобы нащупать первую ступеньку двадцать седьмой лестницы. Но его нога повисла в пустоте, не встретив никакой опоры.

Он опустился на колени и попытался рукой найти конец лестницы... Напрасно.

Было ясно, что двадцать седьмой лестницы на месте нет. Следовательно, ее убрали.

— Уж не прошел ли здесь Старый Ник! — сказал он себе с некоторым страхом.

Джек Райан стоял, скрестив руки, стараясь разглядеть что-нибудь в этой непроницаемой тьме. Потом ему пришло в голову, что если он не может спуститься, то, значит, обитатели шахты не могут подняться. Действительно, между внешним миром и глубинами шахты не было больше никакого сообщения. И если нижние лестницы ствола Ярроу были сняты после его последнего

посещения, то что сталось со старым Симоном Фордом, с его женой, сыном и с инженером? Длительное отсутствие Джемса Старра доказывало, что он не покидал шахты с того дня, как Джек Райан встретил его в стволе Ярроу. Как же существовали с тех пор обитатели коттеджа? Хватило ли съестных припасов этим несчастным, запертым под землей на глубине полутора тысяч футов?

Все эти мысли мгновенно промелькнули в голове у Джека Райана. Он понял, что один не сможет сделать ничего, чтобы добраться до коттеджа. В том, что за этим перерывом сообщения в стволе кроется злой умысел, он не сомневался. Судебные чиновники, конечно, убедятся в этом, но их нужно поскорее предупредить.

Джек Райан наклонился с площадки.

— Гарри! Гарри! — закричал он своим могучим голосом.

Эхо повторило несколько раз имя Гарри и замерло в глубинах ствола Ярроу.

Джек Райан быстро поднялся по верхним лестницам и вышел на дневной свет. Он решил не терять времени. Без отдыха, одним духом добежал он до станции Колландер. Там ему пришлось подождать лишь несколько минут, пока подошел эдинбургский экспресс, и в три часа пополудни он уже явился к лорду-префекту столицы.

Там его сообщение выслушали. Точность приводимых им подробностей не оставляла сомнений в их правдивости. Немедленно дали знать сэру Эльфистону — не только коллеге, но и личному другу Джемса Старра, — и он попросил разрешения руководить розысками, которые решено было провести в шахте Дочерт незамедлительно. В распоряжение сэра Эльфистона предоставили несколько агентов. Они взяли с собой лампы, кайла, длинные веревочные лестницы, не забыв также о пище и лекарствах. Затем под предводительством Джека Райана все отправились на Эберфойлские копи.

В тот же вечер сэр Эльфистон, Джек Райан и агенты прибыли к устью ствола Ярроу и спустились до

двадцать шестой площадки, на которой Джек останавливался несколькими часами раньше. В глубину ствола спустили лампы, привязанные к длинным веревкам, и убедились, что четырех последних лестниц нет.

Не было сомнений, что всякое сообщение между поверхностью и недрами шахты намеренно прервано.

— Чего мы ждем, сударь? — нетерпеливо спрашивал Джек Райан.

— Ждем, чтобы лампы были подняты, мой друг, — ответил сэр Эльфистон. — Потом мы спустимся в нижний штрек, и ты поведешь нас...

— К коттеджу! — вскричал Джек Райан. — А если нужно, то и в самые глубокие пропасти шахты!

Как только лампы были подняты, агенты прикрепили к площадке веревочную лестницу. Она, разворачиваясь, упала вниз. Нижние площадки были целы, и ими можно было пользоваться, чтобы спускаться с одной на другую.

Спуск был очень труден. Джек Райан первым повис на колеблющейся лестнице и первым достиг дна шахты. Вскоре к нему присоединились сэр Эльфистон и агенты.

Круглая площадка, составлявшая дно ствола Ярроу, была совершенно пуста, и сэр Эльфистон немало удивился, услыхав восклицание Джека Райана:

— Вот обломки лестницы, — они наполовину обгорели!

— Обгорели? — повторил сэр Эльфистон. — Да, верно, вот и головешки.

— Как вы думаете, сэр, — спросил Джек Райан, — зачем понадобилось инженеру Джемсу Старру сжигать эти лестницы и прерывать всякое сообщение с внешним миром?

— Да, — задумчиво ответил сэр Эльфистон. — В путь, друг мой, в коттедж! Там все выяснится!

Джек Райан с сомнением покачал головой и, взяв лампу у одного из агентов, быстро направился по главному штреку шахты Дочерт. Остальные последовали за ним.

Через четверть часа сэр Эльфистон со спутниками достигли углубления, в конце которого был выстроен коттедж Симона Форда. Света в окнах не было.

Джек Райан кинулся к двери и быстро распахнул ее. Коттедж был пуст.

Комнаты темного жилища были тщательно осмотрены. Внутри — никаких следов насилия. Все оказалось в порядке, словно старая Мэдж еще была здесь. Запас провизии был еще достаточно велик, чтобы семейству Форд его хватило на несколько дней.

Таким образом, отсутствие хозяев было необъяснимым. Но представлялось ли возможным установить, когда они ушли? Вполне, так как в этом подземелье, где нельзя было отличить день от ночи, Мэдж обычно помечала каждый день крестиком в своем календаре.

Этот календарь висел на стене в гостиной. Последний крестик был сделан 6 декабря, то есть через день после прибытия Джемса Старра, что мог подтвердить и Джек Райан. Очевидно, 6 декабря, десять дней назад, Симон Форд, его жена, сын и гость покинули коттедж. Могло ли такое долгое отсутствие объясняться тем, что инженер предпринял новую разведку? Повидимому, нет. Так по крайней мере думал сэр Эльфистон. Тщательно осмотрев коттедж, он положительно не знал, что предпринять.

Тьма была непроглядная. Только лампы в руках агентов освещали, как звезды, этот непроницаемый мрак.

И вдруг Джек Райан вскрикнул.

— Там! Там! — повторял он, и его рука указывала на довольно яркое пятно света, двигавшееся в темной глубине штрека.

— Друзья, бежим на этот свет! — сказал сэр Эльфистон.

— На огонек духа? — вскричал Джек Райан. — К чему? Мы его никогда не догоним.

Председатель Королевского института и агенты, мало склонные к суеверию, кинулись к мелькающему огню. Джек Райан, поборов свой страх, бросился за ними.

Это была долгая и утомительная погоня. Казалось, светлый огонек находится в руках у небольшого, но поразительно проворного существа, которое ежеминутно исчезало за поворотами и снова показывалось в глубине какого-нибудь поперечного штрека. Быстро кидаясь из стороны в сторону, оно скрывалось из виду. Казалось, что оно пропало окончательно, но вдруг фонарик снова бросал свой яркий луч. В общем, расстояние между ним и преследователями сокращалось медленно, и Джек Райан не без основания думал, что догнать его невозможно.

Бесполезная погоня длилась уже час. Сэр Эльфистон со спутниками углубились в юго-восточную часть шахты Дочерт. Они тоже начали спрашивать себя, не имеют ли дела с неуловимым блуждающим огоньком.

В этот момент, однако, расстояние между огоньком и его преследователями начало как будто уменьшаться. Утомилось ли убегавшее существо, или оно хотело увлечь сэра Эльфистона и его спутников туда, куда, быть может, были завлечены обитатели коттеджа, — трудно сказать. Во всяком случае, агенты, видя, что цель стала ближе, удвоили усилия. Огонек, блестевший все время больше, чем в двухстах шагах, находился теперь ближе, чем в пятидесяти, и это расстояние продолжало сокращаться. Тот, кто нес фонарик, стал виден яснее. Иногда, когда он поворачивал голову, можно было смутно различить профиль человеческого лица, — если только не дух принял этот облик. Джек Райан был вынужден признать, что имеет дело с существом отнюдь не сверхъестественным.

— Смелее, товарищи! — кричал он, прибавляя ходу. — Оно устает! Мы скоро догоним его, и если оно говорит так же хорошо, как и бегает, то многое сможет рассказать нам!

Однако погоня становилась все труднее. В самой глубокой части шахты штреки скрещивались, как ходы лабиринта. В такой путанице беглец легко мог ускользнуть: для этого ему было достаточно погасить свой фонарик и броситься в сторону, в какой-нибудь темный проход.

«В сущности, — думал сэр Эльфистон, — если он хочет скрыться от нас, почему он этого не делает?»

Неуловимое существо до сих пор не гасило фонарь, но едва подобная мысль промелькнула у сэра Эльфистона, как огонек вдруг исчез, и агенты, продолжая погоню, почти тотчас же очутились перед узким отверстием между сланцевыми пластами, в конце низкого прохода.

Проскользнуть туда, поправив свои лампы, было для сэра Эльфистона, Джека Райана и их спутников минутным делом.

Но не сделали они и сотни шагов по новому проходу, более широкому и высокому, как внезапно остановились.

У стены лежали на земле четыре тела — четыре трупа, быть может.

— Джемс Старр! — проговорил сэр Эльфистон.

— Гарри! Гарри! — вскричал Джек Райан, бросаясь к своему другу.

Действительно, это были инженер, Мэдж, Симон Форд и Гарри. Они лежали без движения. Но вдруг одно из распростертых тел приподнялось, и послышался слабый шепот старой Мэдж:

— Их!.. Сначала их...

Сэр Эльфистон, Джек Райан и агенты поспешили привести в чувство инженера и его спутников, дав им выпить несколько капель укрепляющего лекарства. Это им удалось почти сразу. Несчастные, десять дней погребенные в Новом Эберфойле, умирали от истощения.

И если они не умерли за время своего долгого заключения, — как сказал Джемс Старр сэру Эльфистону, — то лишь потому, что трижды находили подле себя хлеб и кувшин воды. Несомненно, сострадательное существо, которому они были обязаны жизнью, не могло сделать для них большего.

Сэр Эльфистон спросил себя, не было ли это делом того же неуловимого создания, которое привело их прямо к месту, где лежали Джемс Старр и его товарищи.

Как бы то ни было, инженер, Мэдж, Симон Форд и Гарри были спасены. Их отвели в коттедж, пройдя через то самое отверстие, которое неуловимый проводник как будто нарочно указал сэру Эльфистону.

Того отверстия, которое Джемс Старр и его товарищи пробили динамитом, они не могли найти потому, что оно было плотно заделано нагроможденными друг на друга каменными глыбами. В глубокой тьме им не удалось ни распознать, ни разрушить эту преграду.

Значит, пока они обследовали огромное подземелье, чья-то враждебная рука намеренно прервала всякое сообщение между Старым и Новым Эберфойлом!

ГЛАВА ТРИНАДЦАТАЯ

Колсити

Через три года после описанных событий печатные путеводители Жоанна или Муррея стали рекомендовать многочисленным туристам, посещающим графство Стерлинг, «провести несколько часов в копях Нового Эберфойла».

Никакие копи ни в какой стране Старого или Нового Света не представляли более любопытного зрелища.

Прежде всего посетитель спускался без всякого труда и риска до самого дна разработки, на глубину полутора тысяч футов. В семи милях юго-западнее Колландера на поверхность земли выходил наклонный туннель с монументальным входом, украшенным зубцами и башенками. Этот широкий, со слабым уклоном туннель вел прямо в подземелье, так чудесно созданное природой в толще шотландской почвы.

Возникший под землей графства поселок с гордым названием «Колсити» [1] обслуживался двухколейным рельсовым путем, поезда приводились в движение гидравлической тягой.

---

[1] «Город угля» *(англ.)*.

Посетитель, прибывавший в Колсити, оказывался в особой обстановке, — электричество служило здесь главным источником света и тепла.

Действительно, вентиляционные стволы, хотя и многочисленные, не могли бы в достаточной мере разогнать мрак Нового Эберфойла. Тем не менее эту темную пещеру заливал яркий свет, так как множество электрических дисков заменяло диск солнечный. Подвешенные к сводам, укрепленные на естественных колоннах, непрерывно питаясь током, доставляемым электромагнитными машинами, эти светила, попеременно игравшие роль то звезд, то солнца, щедро освещали подземный мир. Когда наступало время отдыха, довольно было повернуть выключатель, чтобы создать в глубинах этих копей искусственную ночь.

Все осветительные аппараты, большие и маленькие, работали в вакууме, то есть их светящиеся дуги вовсе не соприкасались с окружающим воздухом. Если бы даже к воздуху был примешан в опасном количестве рудничный газ, бояться взрыва было нечего. Поэтому электричество широко применялось для всех нужд домашнего хозяйства и промышленности как в коттеджах Колсити, так и в забоях Нового Эберфойла.

Нужно сказать прежде всего, что предположения Джемса Старра относительно новой залежи вполне оправдались. Богатства угольных месторождений были неисчерпаемы. Кайло шахтеров впервые вонзилось в новые пласты в западной части пещеры, в четверти мили от Колсити. Следовательно, новый поселок не был центром разработок. Подземные работы связывались с надземными непосредственно по вентиляционным и подъемным стволам, по которым происходило сообщение между различными горизонтами шахты, а также с поверхностью земли. Большой туннель, по которому ходили поезда с гидравлической тягой, предназначался только для перевозки пассажиров.

Читатель помнит ту замечательную, громадную пещеру, в которой старый мастер остановился со своими спутниками во время первой разведки. Над ними где-то высоко возносился стрельчатый купол. Устои, на которых он покоился, терялись на высоте трехсот футов, —

грот мог равняться высотою с Мамонтовым залом в Кентуккийской пещере.

Известно, что этот огромный зал, самый крупный во всех американских пещерах, может вместить пять тысяч человек. В этой части Нового Эберфойла зал был таких же размеров и почти такого же вида. Но вместо великолепных сталактитов знаменитой пещеры взгляд останавливался здесь на выступах угольных пластов, которые повсюду торчали из стен, словно под давлением сланцевых слоев. Они походили на рельефы из черного янтаря, грани которых сверкали под лучами осветительных дисков.

Под этим сводом расстилалось озеро, протяжением примерно такое же, как Мертвое море в Мамонтовой пещере, — глубокое озеро, прозрачные воды которого кишели безглазыми рыбами и которое инженер назвал озером Малькольм.

Здесь, в этом огромном естественном подземелье, Симон Форд выстроил себе новый коттедж, который не променял бы на лучший особняк на улице Принцев в Эдинбурге. Это жилище стояло на берегу озера, и пять его окон глядели на мрачные воды, простиравшиеся далеко за пределы человеческого зрения.

Через два месяца рядом с коттеджем Симона Форда появилось другое жилище: это был дом Джемса Старра. Инженер отдался Новому Эберфойлу душой и телом. Он тоже захотел жить там, и только неотложные дела могли заставить его подняться на поверхность. Здесь, внизу, он был среди углекопов и жил их жизнью.

С открытием новых залежей все рабочие старых копей забросили плуг и борону, чтобы снова взяться за лом и кайло. Привлеченные уверенностью, что в работе не будет недостатка, и высокой платой, которую успешные разработки позволяли дать рабочим, они покинули поверхность земли ради ее недр и устроились в шахте, по своему природному строению удобной для таких поселков.

Кирпичные домики шахтеров живописно расположились по берегам озера Малькольм и под арками, как контрфорсы собора поддерживающими своды. За-

бойщики, дробящие породу, десятники, руководящие работами, откатчики, перевозящие уголь, крепильщики, подпирающие стойками галереи, дорожники, которым поручен ремонт путей, бутовщики, заполняющие камнем выработанные забои, — словом, все рабочие, занятые на подземных работах, поселились в Новом Эберфойле, и так постепенно образовался Колсити, расположенный под восточной оконечностью озера Кэтрайн, в северной части графства Стерлинг.

Таким образом на берегах озера Малькольм возникло что-то вроде фламандского селения. Над ним, на огромной скале, подножье которой омывалось водами подземного озера, возвышалась часовня, посвященная святому Жилю.

Когда этот подземный город освещался лучами электрических солнц, подвешенных к пилястрам сводов или под арками куполов, он являл вид несколько фантастический, необычный, вполне оправдывавший рекомендацию путеводителей. Поэтому туристов там всегда было много.

Разумеется, жители Колсити гордились своим подземным городом. Они редко покидали его, по примеру Симона Форда, никогда не желавшего подниматься на поверхность. Старый мастер утверждал, что там, наверху, всегда идет дождь. И, принимая во внимание климат Соединенного королевства, нужно признать, что он был не совсем неправ.

Итак, жители Нового Эберфойла процветали. За три года они достигли известного благосостояния, которого никогда не добились бы наверху. Многие из детей, рожденных после возобновления работ, никогда не дышали вольным воздухом.

Джек Райан говорил поэтому:

— Вот уже полтора года, как их отняли от груди, а они все еще не появлялись на свет!

Нужно сказать, что Джек Райан одним из первых откликнулся на призыв инженера. Веселый малый счел своим долгом вернуться к прежнему ремеслу, и ферма Мельроз потеряла своего певца и музыканта. Но это не значило, что Джек Райан перестал петь. Наоборот,

звонкое эхо Нового Эберфойла надрывало свои каменные легкие, вторя ему.

Джек Райан поселился в новом коттедже Симона Форда. Ему предложили комнату, и он принял ее не чинясь, как и подобает такому простому, открытому человеку. Старая Мэдж любила его за доброту и неизменно хорошее настроение. Она почти целиком разделяла его представления о фантастических существах, будто бы населяющих шахту; и, оставаясь одни, они рассказывали друг другу страшные сказки, вполне достойные того, чтобы обогатить северную мифологию.

Итак, Джек Райан пришелся в коттедже всем по душе. Впрочем, он действительно был славный парень и хороший работник. Через полгода после возобновления работ его уже назначили бригадиром.

— Вот как хорошо пошло дело, мистер Форд, — говорил он через несколько дней после своего переселения. — Вы нашли новый пласт, и если чуть не заплатили за это открытие своей жизнью, так это не слишком дорого!

— Нет, Джек, и не было бы дорого, даже если бы мы действительно заплатили своей жизнью, — ответил старый мастер. — Но ни мистер Старр, ни я никогда не забудем, что мы обязаны своим спасением тебе.

— Ну, нет, — возразил Джек Райан. — Вы обязаны этим своему сыну Гарри, потому что он так любезно принял мое приглашение на Эрвинский праздник...

— И не пришел туда, не так ли? — ответил Гарри, пожимая руку своему другу. — Нет, Джек, тем, что нас нашли в этой шахте живыми, мы обязаны тебе: ты едва оправился от своих ран, но не потерял ни дня, ни часа...

— Ну, нет! — повторил упрямый малый. — Я не позволю говорить то, чего нет! Я, конечно, поторопился узнать, почему ты не пришел, Гарри, вот и вся моя роль. Но, чтобы воздать должное каждому, я прибавлю, что без этого неуловимого духа...

— А! я так и знал! — вскричал Симон Форд. — Духа!

— Духа, гнома, сына феи, — повторил Джек Райан, — внука Огненных женщин, уриска, кого хо-

тите! А все-таки верно то, что без него мы никогда не попали бы в галерею, из которой вы не могли больше выйти!

— Несомненно, Джек, — ответил Гарри. — Остается только узнать, настолько ли сверхъестественно это существо, как тебе хочется думать.

— Еще бы! — вскричал Джек Райан. — Такое же сверхъестественное, как и домовой, которого ты бы увидел с огоньком в руке и захотел бы поймать, а он ускользал бы, как сильф. Существо это появилось перед нами с огоньком в руке и исчезло, словно тень. Но будь покоен, Гарри, рано или поздно мы его разыщем.

— Правильно, Джек, — сказал Симон Форд, — домовой это или нет, но мы будем его разыскивать, а ты нам поможешь.

— Наживете вы себе с этим хлопот, мистер Форд, — ответил Джек Райан.

— Ничего, Джек, пусть только представится случай!

Легко представить себе, как освоилось с Новым Эберфойлом семейство Форд, особенно Гарри. Молодой шахтер изучил самые тайные закоулки его. Он даже научился определять, какой точке поверхности соответствует та или иная точка копей. Он знал, что вот над этим пластом простирается Клайдский залив, а вон там протянулось озеро Ломонд или Кэтрайн; такие-то столбы служат опорой для Грампианских гор, тот свод — фундаментом Думбартона; над этим большим прудом проходит железная дорога в Боллок; там кончается шотландское побережье, а здесь начинается море, шум которого ясно слышен во время великих бурь поры равноденствия. Гарри был бы великолепным проводником по этим естественным катакомбам; то, что альпийские проводники делают среди снежных вершин, при ярком свете, он мог бы делать в шахте, в полной тьме, но с тою же несравненной верностью инстинкта.

А как он любил свой Новый Эберфойл! Сколько раз, прикрепив к шляпе лампочку, проникал он в самые дальние уголки копей! Он исследовал озера на челноке, которым ловко управлял. Он даже охотился, так

как в пещеру налетало множество дикой птицы, куликов, шилохвостов, чистиков, питавшихся рыбой, которой кишели эти черные воды. Казалось, глаза Гарри созданы для темных подземелий, как глаза моряка — для дальних горизонтов.

Но, странствуя, Гарри был увлечен надеждой найти таинственное существо, чье вмешательство, правду сказать, более всего способствовало спасению жизни его спутников и его самого. Удастся ли ему это? Да, конечно, — если верить предчувствиям. Нет, — если судить по тому, что до сих пор он ничего не достиг своими поисками.

Что касается нападений, которым семейство старого мастера подвергалось до открытия Нового Эберфойла, то они не возобновлялись больше.

Так обстояли дела в этой необычной местности.

Не нужно думать, что в то время, когда Колсити только еще начинало обстраиваться, в подземном городе не было никаких развлечений и что жизнь там была скучная. Напротив. Население города, спаянное одинаковыми интересами, одинаковыми вкусами и обладавшее почти одинаковым достатком, составляло в сущности одну большую семью. Все знали друг друга, все жили вместе, и потребности подниматься за развлечениями наверх почти не ощущалось.

Кроме того, приятными развлечениями служили по воскресеньям прогулки по шахте, экскурсии по прудам и озерам.

Нередко на берегах озера Малькольм раздавались звуки волынки. Шотландцы сходились на зов своего родного инструмента. Начинались танцы, и Джек Райан в своем костюме горца был королем праздника.

Словом, Колсити, по словам Симона Форда, уже мог бы соперничать со столицей Шотландии, городом, который подвержен зимним холодам, летнему зною, непогодам, а из-за своего воздуха, загрязненного дымом заводов, вполне справедливо заслужил название «Старой коптильни».

ГЛАВА ЧЕТЫРНАДЦАТАЯ

На волоске

Итак, все заветные желания семейства Форд были исполнены, и оно было счастливо. Но все же можно было заметить, что Гарри, всегда несколько мрачный по характеру, все больше «замыкается в себе», по выражению Мэдж. И даже Джеку Райану, несмотря на свое заразительное добродушие, не удавалось развеселить его.

Однажды, в июньское воскресенье, два друга прогуливались по берегу озера Малькольм. Колсити отдыхал. Наверху свирепствовали грозы. Сильные дожди и жара вызывали густые испарения. На поверхности графства нечем было дышать. Напротив, в Колсити царили полное спокойствие, приятная температура: ни дождя, ни ветра. Борьба стихий здесь не чувствовалась. Поэтому туристы из Стерлинга и окрестностей спустились сюда в поисках прохлады.

Электрические диски сияли так, что им наверняка позавидовало бы британское солнце, более тусклое, чем полагалось бы для воскресного дня.

Джек Райан старался обратить внимание Гарри на шумное сборище туристов, но тот, казалось, едва вслушивался в его слова.

— Посмотри же, Гарри, — восклицал Джек Райан, — как они торопятся взглянуть на нас! Полно, друг, отгони свои печальные мысли, чтобы не создать превратного представления о нашем царстве! А то эти люди сверху подумают, что мы можем позавидовать их судьбе.

— Джек, — ответил Гарри, — не беспокойся обо мне. Ты весел за двоих, и этого довольно.

— Забери меня Старый Ник, — возразил Джек Райан, — если твоя меланхолия не отражается в конце концов и на мне! Глаза у меня туманятся, губы сжимаются, смех застревает в горле, песни ускользают из памяти... Ну, Гарри, в чем же дело?

— Ты знаешь, Джек.

— Ты думаешь все о том же?

— Все о том же.

— Ах, бедный мой Гарри! — воскликнул Джек Райан, пожав плечами. — Если бы ты приписал все это духам шахты, как я, у тебя на сердце было бы спокойнее.

— Ты знаешь хорошо, Джек, что духи существуют только в твоем воображении. Со времени возобновления работ в Эберфойле ни одного из них не видели.

— Пусть так, Гарри! Но если духи не показываются, то, повидимому, и те, кому ты хочешь приписать все эти необычайные происшествия, тоже не показываются.

— Я их разыщу, Джек!

— Ах, Гарри, Гарри! Духов Нового Эберфойла поймать нелегко!

— Я их найду, твоих предполагаемых духов, — повторил Гарри с величайшей убежденностью.

— Значит, ты хочешь покарать?..

— Покарать и вознаградить, Джек. Если одна рука замуровала нас в этом проходе, то я не забываю, что другая нас спасла. Нет, я не забуду этого!

— Э, Гарри, — возразил Джек Райан, — уверен ли ты, что эти руки не принадлежат одному и тому же существу?

— Почему, Джек? Откуда тебе могла прийти в голову такая мысль?

— Ну... знаешь, Гарри... Существа, живущие в этих глубинах... они не такие, как мы...

— Такие же, Джек!

— Нет, Гарри, нет... Да и нельзя предположить, чтобы какому-нибудь сумасшедшему удалось...

— Сумасшедшему! — прервал Гарри. — Это у сумасшедшего такая последовательность в мыслях? По-твоему, тот злодей, который с того дня, как он бросил камень в стволе Ярроу, не переставал делать нам зло, — сумасшедший?

— Но он больше его не делает, Гарри. Вот уже три года как ни против тебя, ни против твоих близких не было предпринято ничего дурного.

— Все равно, Джек, — возразил Гарри. — Я чувствую, что это злобное существо, кем бы оно ни было,

не отказалось от своих планов. На чем я основываюсь, говоря так, я не смогу тебе объяснить, но ради всех нас и ради новых копей я хочу знать, кто он такой и откуда взялся!

— Ради всех нас? — удивленно спросил Джек Райан.

— Да, Джек, — продолжал Гарри. — Возможно, что я неправ, но во всем этом деле я вижу враждебный умысел. Я часто об этом думал и едва ли ошибаюсь. Вспомни весь ряд необъяснимых явлений, логически связанных между собою. Анонимное письмо, противоречащее письму моего отца, доказывает прежде всего, что кто-то узнал о наших планах и хотел нам помешать. Затем, мистер Старр приезжает к нам в шахту Дочерт. Едва я ввожу его туда, как на нас сбрасывают огромный камень; лестницы в стволе Ярроу сжигают, чтобы прервать сообщение с поверхностью. Начинается наша разведка. Опыт, который должен доказать существование новой залежи, терпит неудачу, так как трещины в сланце замазаны. Несмотря на это, опыт проделан, пласт найден. Мы возвращаемся. Вдруг — необычайное движение воздуха, лампа разбита, мы оказываемся в непроницаемой тьме. Нам удается, однако, пройти по главной галерее... но из нее нет выхода: отверстие заделано, мы замурованы, отрезаны от мира... Ну, Джек, разве ты не видишь во всем этом преступного умысла? Да! В копях скрывалось существо, до сих пор неуловимое, но не сверхъестественное, как ты упорно думаешь. С целью, которой я не могу понять, оно хотело преградить нам доступ в шахту. Оно было здесь!.. Предчувствие говорит мне, что оно здесь и сейчас, и кто знает, не готовит ли оно нам еще какого-нибудь ужасного удара!.. Так вот, Джек, пусть даже с опасностью для жизни, но я найду его!

Гарри говорил с такой убежденностью, что сильно поколебал своего друга.

Джек Райан чувствовал, что Гарри прав, — по крайней мере относительно прошлого. Каковы бы ни были причины всех этих фактов — естественные или

сверхъестественные, — сами они были от этого не менее очевидными.

Однако добрый малый не отказывался от своего собственного объяснения этих явлений. Но, понимая, что Гарри никогда не поверит во вмешательство таинственных духов, он ухватился за случай, казавшийся несовместимым с враждебными чувствами, направленными против семейства Форд.

— Пусть так, Гарри, — произнес он, — я должен в некоторых пунктах согласиться с тобою. Но не думаешь ли и ты, что какой-нибудь благодетельный дух, принося вам хлеб и воду, мог спасти вас от...

— Джек, — прервал его Гарри, — благородное создание, котóрое ты считаешь сверхъестественным, существует так же реально, как и злодей, о котором я говорю, и я буду искать их везде, вплоть до самых отдаленных глубин.

— Но есть ли у тебя какие-нибудь указания, которые помогли бы тебе в твоих поисках?

— Может быть, — ответил Гарри. — Слушай внимательно. В пяти милях от Нового Эберфойла, в той части массива, которая находится под озером Ломонд, есть природный колодец, спускающийся отвесно на огромную глубину. Неделю назад я захотел его измерить. И вот, пока мой отвес опускался, а сам я наклонился над колодцем, мне показалось, что воздух внутри колышется, как от взмахов больших крыльев.

— Какая-нибудь большая птица залетела в глубинные штреки, — заметил Джек.

— Это не все, Джек, — продолжал Гарри. — Сегодня утром я вернулся к этому колодцу и, прислушавшись, уловил в нем какие-то стоны.

— Стоны? — вскричал Джек. — Ты ошибся, Гарри! Это был порыв ветра... если только какой-нибудь дух не...

— Завтра, Джек, — продолжал Гарри, — я узнàю, в чем дело.

— Завтра? — переспросил Джек, взглянув на своего друга.

— Да! Завтра я спущусь в эту пропасть.

— Гарри, это значит искушать провидение!

— Нет, Джек, нисколько, потому что я буду просить бога помочь мне в моем предприятии. Завтра мы с тобой пойдем к этому колодцу вместе с товарищами. Длинная веревка, которой я обвяжусь, позволит вам опускать и поднимать меня по сигналу. Могу я рассчитывать на тебя?

— Гарри, — ответил Джек Райан, покачав головой, — я сделаю все, чего ты просишь, но, повторяю, ты поступаешь неправильно.

— Лучше поступить ошибочно, чем мучиться оттого, что ничего не сделал, — решительно возразил Гарри. — Итак, завтра утром, в шесть часов, и никому ни слова! Прощай, Джек!

И, чтобы не продолжать разговора, в котором Джек Райан попытался бы снова возражать против его планов, Гарри поспешил проститься со своим товарищем и вернулся в коттедж.

Нужно, однако, согласиться, что опасения Джека не были преувеличены. Если молодому горняку угрожал личный враг и находился он в глубине колодца, куда Гарри намеревался спуститься, то молодой горняк подвергался несомненной опасности. Однако можно ли было допустить, чтобы враг скрывался именно там?

— Кроме того, — твердил Джек Райан, — зачем искать причины всех этих случаев, если их так легко объяснить сверхъестественным вмешательством духов нашей шахты?

Как бы то ни было, на следующее утро Джек Райан и трое шахтеров из его бригады сопровождали Гарри к таинственному колодцу. Гарри ничего не сказал о своем плане ни Джемсу Старру, ни своему отцу, а Джек Райан умел держать язык за зубами. Остальные рабочие, видя их сборы, подумали, что дело идет просто о разведке залежи по вертикальному направлению.

Гарри запасся веревкой длиною около двухсот футов. Она была нетолстая, но прочная и вполне могла выдержать его вес. Гарри не должен был ни спускаться в колодец, ни подниматься. Этот труд доставался на долю его товарищей. Сигналом должно было служить подергивание веревки.

Отверстие колодца было довольно широкое — около двенадцати футов в диаметре. Поперек него положили балку, так, чтобы веревка, скользя по ней, разматывалась как раз посредине колодца. Это было необходимо для того, чтобы Гарри при спуске не ударялся о стены.

Гарри был готов.

— Ты настаиваешь на том, чтобы исследовать эту пропасть? — тихо спросил у него Джек Райан.

— Да, Джек, — ответил Гарри.

Его обвязали веревкой вокруг стана, потом подмышками, — чтобы он не перевернулся. Таким образом руки у Гарри оставались свободными. К поясу он подвесил безопасную лампочку и широкий шотландский нож в кожаных ножнах. Он добрался до середины балки, через которую была перекинута веревка, и товарищи начали медленно опускать его в колодец.

Так как веревка слегка крутилась, то свет лампочки последовательно поворачивался кругом, и Гарри мог тщательно осматривать стены.

Стены колодца состояли из углистого сланца и были такими гладкими, что по ним невозможно было бы взобраться наверх.

Гарри рассчитал, что спускается с умеренной скоростью — около фута в секунду. Таким образом у него была возможность все хорошо видеть вокруг и подготовиться ко всякой неожиданности.

В течение двух минут, то есть до глубины около ста двадцати футов, спуск происходил без всяких задержек или осложнений. В стенках колодца, суживавшегося наподобие воронки, не было никаких боковых ходов. Но снизу тянуло свежим воздухом, и Гарри решил, что нижний конец колодца сообщается с каким-нибудь ходом нижнего яруса пещеры.

Веревка постепенно разматывалась. Темнота была абсолютная, тишина тоже. Если живое существо, кем бы оно ни было, нашло себе убежище в этой таинственной бездне, то либо его сейчас здесь не было, либо оно затаилось, не выдавая своего присутствия ни малейшим движением.

Гарри, все более настораживавшийся по мере своего спуска, обнажил нож и держал его наготове в правой руке.

На глубине ста восьмидесяти футов он почувствовал, что ноги его коснулись дна колодца, а веревка ослабела и не разматывалась больше.

Гарри перевел дыхание. Одно из его опасений не оправдалось: никто во время спуска не перерезал у него над головой веревку. Впрочем, он не заметил в стенках колодца никаких углублений, где могло бы спрятаться живое существо.

Нижний конец колодца был сильно сужен. Сняв лампу с пояса, Гарри стал освещать почву. Он не ошибся в своих заключениях: отсюда шел узкий проход в сторону, в нижние горизонты залежи. Войти туда можно было лишь согнувшись и двигаться дальше на четвереньках.

Гарри хотел узнать, куда ведет этот ход и не оканчивается ли он новой пропастью. Он опустился на землю и пополз, но почти тотчас же наткнулся на препятствие. На ощупь ему показалось, что поперек туннеля лежит труп, и он в ужасе отпрянул назад, но потом вновь вернулся.

Он не ошибся: действительно, дорогу загораживало человеческое тело. Гарри ощупал его и убедился, что хотя конечности его похолодели, но жизнь в нем еще теплилась. Притянуть его к себе, оттащить на дно колодца, направить на него свет лампы — все это заняло меньше времени, чем нужно, чтобы рассказать об этом.

— Ребенок! — вскричал Гарри.

Ребенок, найденный на дне этой пропасти, еще дышал, но так слабо, что Гарри боялся услышать его последний вздох. Надо было, не теряя времени, поднять бедное маленькое создание наверх, отнести в коттедж и поручить заботам Мэдж.

Забыв обо всем остальном, Гарри привязал веревку к поясу, подвесил к нему лампу, взял ребенка, прижимая его к груди левой рукой, и, оставив правую с оружием свободной, дал условный сигнал осторожного подъема.

Веревка натянулась, и Гарри начал медленно подниматься.

Теперь он осматривался с удвоенным вниманием: опасность грозила уже не ему одному.

В первые минуты все шло хорошо; казалось, ничего не могло случиться. Но внезапно Гарри ощутил словно мощное дыхание, всколыхнувшее воздух в глубине колодца. Он взглянул вниз и увидел в полумраке темную массу, которая, медленно поднимаясь, слегка задела его.

Огромная птица (но какая — он не мог различить) поднималась за ним могучими взмахами крыльев.

Пернатое чудовище на миг повисло в воздухе, потом со свирепым ожесточением кинулось на Гарри.

Юноша мог отбиваться от ударов грозного клюва хищника только одной рукой. Он стал защищаться, стараясь как можно лучше оградить ребенка. Однако птица не трогала ребенка и нападала только на него самого. Вращение веревки мешало ему нанести ей смертельный удар.

Борьба затягивалась. Гарри закричал во всю силу легких, надеясь, что его крики будут услышаны наверху. Так и случилось, ибо веревка сразу же пошла быстрее.

Оставалось преодолеть еще футов восемьдесят. Птица перестала кидаться на Гарри. Но — что было еще опаснее — она набросилась на веревку, футах в двух у него над головой, там, где он не мог достать ее, вцепилась в веревку и стала рвать ее клювом.

Волосы у Гарри встали дыбом.

Птице удалось перервать одну из прядей. На высоте более ста футов над пропастью веревка стала постепенно сдавать.

Гарри испустил отчаянный вопль.

Еще одна прядь веревки лопнула под двойным грузом. Гарри выпустил нож и, сделав нечеловеческое усилие, схватился за веревку выше поврежденного места — в то самое мгновенье, когда она была готова оборваться. Но хотя рука у него была железная, он почувствовал, что веревка мало-помалу выскальзывает у него из пальцев.

Он мог бы схватиться за нее обеими руками, пожертвовав ребенком, но это ему даже не пришло в голову.

Тем временем Джек Райан и остальные, встревоженные криками Гарри, тянули веревку все сильнее.

Гарри чувствовал, что не выдержит. Лицо у него налилось кровью. Он закрыл глаза, ожидая, что упадет в пропасть, потом снова открыл их...

Птица, без сомнения испугавшись, исчезла.

Что касается Гарри, то в тот миг, когда он готов был выпустить веревку, которую уже едва удерживал, его подхватили и вытащили из колодца вместе с ребенком.

Тогда наступила реакция, и он без сознания упал на руки товарищей.

ГЛАВА ПЯТНАДЦАТАЯ

Нелль в коттедже

Через два часа Гарри, не сразу пришедший в себя, и едва живой ребенок с помощью Джека Райана и его товарищей добрались до коттеджа. Здесь они рассказали старому мастеру все происшедшее, и Мэдж окружила заботами бедное создание, спасенное ее сыном.

Гарри думал, что спас из пропасти ребенка. Но это была девушка лет пятнадцати — шестнадцати. Ее затуманенный, полный удивления взгляд, худенькое, осунувшееся от страданий личико, словно никогда не видевшее дневного света, и хрупкая, невысокая фигурка придавали ей странную прелесть. Джек Райан с некоторым основанием сравнил ее с миловидным эльфом. Вероятно, благодаря особым условиям, в которых она, быть может, жила до сих пор, девушка казалась не вполне человеческим существом. Выражение лица у нее было странное; в глазах, видимо утомленных светом лампы в коттедже, сквозило недоумение, словно все вокруг было новым для них.

Когда девушку уложили в постель и стало ясно, что она возвращается к жизни, будто приходит в себя после долгого сна, старая шотландка спросила ее:

— Как тебя зовут?

— Нелль, — ответила девушка.

— Нелль, — продолжала Мэдж, — ты больна?

— Я голодна, — ответила Нелль. — Я не ела уже... уже...

По этим немногим словам чувствовалось, что Нелль не привыкла говорить. Она объяснялась на старом гаэльском наречии, принятом в семье Симона Форда.

Услыхав ответ девушки, Мэдж тотчас же принесла ей поесть. Нелль умирала от голода. Сколько времени она пробыла в глубине колодца — никто не мог сказать.

— Сколько дней ты пробыла там внизу, дитя мое? — спросила Мэдж.

Нелль не ответила. Казалось, она не поняла заданного ей вопроса.

— Сколько дней? — повторила Мэдж.

— Дней? — переспросила Нелль, — это слово, повидимому, ничего ей не говорило; потом она покачала головой, как человек, не понимающий, о чем его спрашивают.

Мэдж взяла руку Нелль и, тихонько поглаживая ее, спросила, ласково глядя на девушку:

— Сколько тебе лет, дитя мое?

Нелль опять покачала головой.

— Да, да, — повторила Мэдж, — сколько лет?

— Лет? — переспросила Нелль, — это слово, видимо, имело для нее не больше смысла, чем слово «день».

Симон Форд, Гарри, Джек Райан и его товарищи смотрели на нее со смешанным чувством жалости и симпатии. Это бедное хрупкое существо, одетое в жалкое рубище из грубой ткани, глубоко трогало их.

Гарри более всего в Нелль привлекала именно ее странность. Он подошел к ней и, взяв за руку, которую его мать только что выпустила, взглянул девушке прямо в лицо; на губах у нее появилось что-то вроде улыбки. Он спросил:

— Нелль... там, внизу... в шахте... ты была одна?

— Одна! одна! — воскликнула девушка, приподнимаясь. В чертах у нее выразился испуг, глаза, смягчившиеся было под взглядом молодого человека, снова стали дикими. — Одна! одна! — повторила она и вновь упала на подушку: силы вдруг оставили ее.

— Бедная девочка еще слишком слаба и не может говорить, — сказала Мэдж, уложив ее опять. — Несколько часов сна и хорошая еда вернут ей силы. Идем, Симон! Идем, Гарри! Уйдемте все, друзья мои, и дадим ей уснуть.

По совету Мэдж Нелль оставили одну, и через минуту она заснула крепким сном.

Это происшествие наделало немало шуму не только в копях, но и в графстве Стерлинг, а вскоре и во всем Соединенном королевстве. Ореол таинственности вокруг Нелль все усиливался. Если бы девушку нашли внутри сланцевого пласта, подобно тем допотопным созданиям, которых удар кайла вызволяет из каменного плена, то и тогда этот случай не вызвал бы таких шумных толков.

Сама того не зная, Нелль прославилась. Ее приключения послужили суеверным людям новой темой для фантастических рассказов. Они охотно считали Нелль духом Нового Эберфойла, и когда Джек Райан говорил об этом своему другу Гарри, тот отвечал:

— Пусть так, Джек. Во всяком случае, это добрый дух. Он помогал нам, приносил хлеб и воду, когда мы были замурованы в шахте. Этим духом могла быть только она! А что касается злого духа, то если он остался в шахте, мы его непременно разыщем!

Разумеется, инженера Джемса Старра тотчас же известили о случившемся. Он с величайшей осторожностью расспросил девушку, к которой уже на следующий день после появления в коттедже вернулись силы. Она показалась ему существом, совершенно не знающим жизни. Нелль была умна, и это обнаружилось очень быстро, но не имела представления о некоторых простейших вещах, — между прочим, о времени. Было очевидно, что она не привыкла делить время ни на часы, ни на дни, и даже слова эти были ей незнакомы.

Кроме того, ее глаза, привыкшие к темноте, с трудом переносили блеск электричества; в темноте же ее зрение было необычайно острым, а сильно расширенный зрачок позволял ей видеть в самом глубоком мраке. Было ясно также, что ей никогда не приходилось воспринимать впечатления внешнего мира, что никакой горизонт, кроме горизонта копей, не развертывался перед ее глазами, что весь мир для нее ограничивался этими мрачными подземельями. Знала ли бедная девушка, что в мире существуют солнце и звезды, города и села, вселенная, где движутся бесчисленные миры? Это нельзя было выяснить до тех пор, пока некоторые слова, до сих пор неизвестные ей, не получат для нее определенного значения.

Что касается вопроса о том, жила ли Нелль в недрах Нового Эберфойла одна, то Джемсу Старру пришлось отказаться от его разрешения. Всякий намек на это приводил странное создание в ужас. Нелль или не могла, или не хотела отвечать; в ее молчании, несомненно, крылась какая-то тайна.

— Хочешь ты остаться с нами? Хочешь ли вернуться туда, где была? — спросил ее Джемс Старр.

На первый из этих вопросов она ответила «О да!», на второй лишь вскрикнула от ужаса, но не сказала ни слова.

Упорное молчание Нелль тревожило Джемса Старра, Симона Форда и Гарри. Они не могли забыть о странных событиях, сопровождавших открытие копей. И несмотря на то, что за три года не случилось ничего дурного, они продолжали ожидать от своего незримого врага какого-нибудь нового нападения. Собравшись большой группой и хорошо вооружившись, они исследовали таинственный колодец, но не нашли там никаких подозрительных признаков. Колодец сообщался с нижними ярусами пещеры, расположенными в угленосных слоях.

Джемс Старр, Симон Форд и Гарри часто обсуждали все это. Если в шахте скрывается один или несколько злоумышленников, если они готовят новое нападение, Нелль, вероятно, могла бы сказать об этом, — но она молчала. Малейший намек на про-

шлое вызывал у нее слезы, и лучше было не настаивать. Со временем ее тайна, несомненно, откроется.

Через две недели после своего появления в коттедже Нелль уже стала понятливой и усердной помощницей старой Мэдж. Очевидно, ей казалось вполне естественным остаться в доме, где ее так радушно приняли сострадательные люди; возможно также, что она не представляла себе, что могла бы жить где-либо в ином месте. Она вполне удовлетворялась обществом семейства Форд, а эти добрые люди само собой стали считать ее своей приемной дочерью с того мгновения, как она вошла в их дом.

Нелль действительно была прелестна, а в новой жизни стала еще красивее. Несомненно, это были первые счастливые дни в ее жизни. Она чувствовала глубокую благодарность к людям, которым была обязана этим счастьем. Мэдж относилась к Нелль с материнской нежностью; старый мастер не чаял в ней души. Впрочем, ее любили все, и Джек Райан сожалел только о том, что не спас ее сам. Он часто приходил в коттедж. Он часто пел, и Нелль, никогда ранее не слышавшей пения, это очень нравилось; но видно было, что песням Джека Райана девушка предпочитает более серьезные беседы с Гарри, который мало-помалу учил ее всему, чего она не знала о внешнем мире.

Нужно сказать, что с тех пор как Нелль приняла вполне естественный вид прелестной девушки, Джеку Райану пришлось признаться, что его вера в духов значительно ослабела.

Кроме того, через два месяца его суеверию был нанесен новый удар. К этому времени Гарри сделал довольно неожиданное открытие, которым отчасти объяснялось появление Огненных женщин на развалинах замка Дендональд в Эрвине.

Однажды, обследуя самые дальние закоулки южной части шахты, что продолжалось несколько дней, Гарри с трудом пробрался в узкий штрек между слоями сланца. Внезапно он, к своему удивлению, очутился на открытом воздухе. Штрек, поднимавшийся наклонно к поверхности земли, кончался как раз в

развалинах замка Дендональд. Следовательно, между Новым Эберфойлом и холмом, на котором возвышался старый замок, существовал тайный ход. Верхнее устье его, скрытое камнями и кустарником, было совершенно невидимо извне, и не удивительно, что при расследовании его не нашли.

Через несколько дней Джемс Старр, которого привел сюда Гарри, сам осмотрел этот естественный выход из угольных копей.

— Вот убедительное доказательство для суеверных людей, — сказал он. — Прощайте, духи, гномы и Огненные женщины!

— Не думаю, мистер Старр, — возразил Гарри, — что мы должны этому радоваться. Их преемники вряд ли лучше, чем они, а может быть, и хуже.

— Это верно, Гарри, — ответил инженер, — но что же делать? Очевидно, существа, скрывающиеся в шахте, сообщаются по этому проходу с поверхностью земли. Это они, конечно, завлекли своим факелом в ту бурную ночь судно «Мотала» к берегу и, как старинные береговые пираты, ограбили бы его, не будь там Джека Райана с товарищами. Во всяком случае, все объясняется. Вот и вход в их притон! Но там ли они?

— Там, потому что Нелль дрожит, когда ей говорят об этом, — убежденно ответил Гарри. — Конечно, там. Но она не хочет или не смеет об этом говорить!

Очевидно, Гарри был прав. Если бы таинственные хозяева шахты покинули ее или умерли, то у девушки не было бы причин хранить молчание.

Однако Джемс Старр непременно хотел проникнуть в ее тайну. Он чувствовал, что от этого может зависеть будущее новых копей. И тогда были предприняты новые, очень тщательные розыски. Предупредили судебные власти. Агенты устроили засаду в развалинах замка Дендональд. Гарри сам в течение нескольких ночей прятался в чаще кустарников, покрывавших холм. Напрасный труд. Ничего не удалось открыть. Никто не появлялся в устье прохода.

Вскоре пришлось заключить, что злоумышленники, должно быть, окончательно покинули Новый Эберфойл; что касается Нелль, то они, вероятно, считают

ее погибшей в колодце, где она была оставлена. До начала разработок копь служила им надежным убежищем, безопасным от всяких преследований. Но теперь обстоятельства изменились. Притон стало затруднительно скрыть. Итак, вполне разумно было предположить, что за будущее опасаться нечего.

Однако Джемс Старр не был вполне уверен в этом. Гарри тоже не хотел сдаваться и часто повторял:

— Нелль явно была замешана во всей этой тайне. Если ей бояться нечего, то почему она молчит? Она счастлива с нами, — в этом сомневаться нельзя. Она любит всех нас, обожает мою мать. А если она не рассказывает о своем прошлом, о том, что могло бы успокоить нас за будущее, то, значит, над ней тяготеет какая-то тайна, раскрыть которую запрещает ей совесть. Может быть также, она считает своим долгом хранить это необъяснимое молчание больше ради нас, чем ради себя!

По всем этим соображениям решено было не касаться в разговорах ничего, что могло бы напомнить девушке о ее прошлом.

Но все же Гарри случилось однажды открыть ей, насколько Джемс Старр, он сам и его родители считают себя обязанными ей.

Был праздничный день. Все отдыхали как на поверхности графства Стерлинг, так и в подземном царстве. Рабочие гуляли; под звонкими сводами Нового Эберфойла всюду раздавались песни.

Гарри и Нелль покинули коттедж и медленно шли вдоль левого берега озера Малькольм. Электрические фонари горели здесь не так ярко, и их лучи причудливо дробились на живописных утесах, поддерживавших своды. Эта полутьма была приятна для Нелль, с трудом привыкавшей к свету.

После прогулки, длившейся час, Гарри со своей спутницей остановились перед часовней святого Жиля на природной площадке, возвышавшейся над водами озера.

— Твои глаза, Нелль, еще не привыкли к свету, — сказал Гарри, — и тебе не вынести солнечного блеска.

— Нет, конечно, — ответила девушка, — если солнце таково, каким ты мне его описывал, Гарри.

— Нелль, — возразил Гарри, — рассказывая тебе о солнце, я не мог дать тебе верного представления ни о его великолепии, ни о красотах того мира, которого ты еще не видела. Но скажи мне, возможно ли, чтобы со дня своего рождения в глубинах шахты ты никогда не поднималась на поверхность?

— Никогда, Гарри, — ответила Нелль. — И не думаю, чтобы отец или мать носили меня туда даже маленькой. Я, несомненно, помнила бы об этом.

— Пожалуй, — сказал Гарри. — Впрочем, в те времена, Нелль, многие, не только ты, не покидали шахты. Сообщение с внешним миром было трудное, и я знавал немало юношей и девушек, которые в твоем возрасте совсем не знали, какая жизнь идет наверху, как не знаешь и ты. Но теперь поезд за несколько минут выносит нас по большому туннелю на поверхность земли. И я с нетерпением жду, Нелль, чтобы ты сказала мне: «Идем, Гарри, мои глаза вынесут дневной свет! Я хочу увидеть солнце! Я хочу увидеть божий мир!»

— Я и скажу это, Гарри, и надеюсь, что скоро. Я пойду с тобой полюбоваться миром, и все же...

— Что ты хочешь сказать, Нелль? — с живостью спросил Гарри. — Неужели ты будешь жалеть о том, что покинула черную пропасть, где ты провела первые годы своей жизни и откуда тебя извлекли почти мертвой?

— Нет, Гарри, — ответила девушка. — Я лишь думала, что мрак тоже прекрасен. Если бы ты знал, что̀ видят глаза, привыкшие к нему! В нем есть тени, — они скользят, и за их полетом хочется последовать. Иногда взору представляются переплетенные круги, от которых не хочется оторвать глаз! В самой глубине копи есть черные углубления, полные смутных отсветов. А то слышатся шорохи, словно говорящие о чем-то. Знаешь, Гарри, нужно прожить здесь долго, чтобы понять то, что я чувствую и чего не могу выразить словами!

— И тебе, Нелль, было не страшно оставаться одной?

— Гарри, — ответила девушка, — я ничего не боялась, именно когда я была одна.

Голос Нелль слегка изменился при этих словах. Гарри, однако, счел своим долгом расспросить ее и потому продолжал:

— Но ведь ты могла заблудиться в длинных коридорах, Нелль. Разве ты не боялась этого?

— Нет, Гарри. Я давно знала все закоулки новых копей.

— Ты выходила оттуда когда-нибудь?

— Да... иногда... — ответила девушка нерешительно. — Мне случалось доходить до Старого Эберфойла.

— Значит, ты знала старый коттедж?

— Коттедж — да... но тех, кто там жил, видела только издали.

— Это были мои отец и мать, — сказал Гарри, — это был я! Мы не хотели покинуть нашу старую шахту.

— Может быть, это было бы лучше для вас, — прошептала девушка.

— Но почему, Нелль? Разве открытием новой залежи мы обязаны не тому, что решили остаться здесь? И разве это открытие не было благодеянием для множества людей, нашедших заработок? Оно было счастьем и для тебя, Нелль, — ты вернулась к жизни и встретила любящие сердца!

— Для меня это, конечно, счастье! — воскликнула Нелль. — Да, что бы ни случилось! Но для других... кто знает...

— Что ты хочешь сказать?

— Ничего... ничего!.. Но тогда — тогда было очень опасно ходить в новые копи. Да, очень опасно, Гарри! Однажды неосторожные люди проникли в эти глубины. Они зашли далеко, очень далеко... Они заблудились...

— Заблудились? — переспросил Гарри, взглянув на Нелль.

— Да, заблудились, — дрожащим голосом ответила девушка. — Лампа у них погасла... они не могли найти дорогу...

— И там, — вскричал Гарри, — замурованные в течение недели, они были близки к смерти! И без сострадательного существа, тайком приносившего им немного пищи, без таинственного проводника, который привел к ним избавителей, они никогда не вышли бы из этой могилы!

— Почему ты это знаешь? — спросила девушка.

— Потому, что эти люди были Джемс Старр, мой отец, мать и я!

Нелль, подняв голову, схватила молодого человека за руку и взглянула на него так пристально, что он почувствовал глубокое смущение.

— Ты? — прошептала она.

— Да, — ответил Гарри, помолчав. — А та, кому мы обязаны жизнью, — это ты, Нелль: это не мог быть никто другой, кроме тебя.

Нелль закрыла лицо руками, не отвечая. Гарри никогда еще не видел ее такой взволнованной.

— Те, кто спас тебя, Нелль, — прибавил он с волнением, — сами были обязаны тебе жизнью. Неужели ты думаешь, что они могли забыть об этом?

ГЛАВА ШЕСТНАДЦАТАЯ

На движущейся лестнице

Разработка Нового Эберфойла давала громадную прибыль. Разумеется, значительную долю ее получали инженер Джемс Старр и Симон Форд, открывшие этот богатейший угольный бассейн. Гарри становился поэтому завидным женихом. Но он не собирался покидать коттедж. Он заменил своего отца в должности старшего мастера и ревностно следил за всеми работами. Джек Райан гордился удачей своего друга и радовался ей. Собственные его дела тоже шли хорошо. Оба виделись часто — то в коттедже, то на подземных работах. Джек Райан быстро подметил чувства, которые Гарри питал к девушке. Гарри не признавался в

них, но Джек Райан хохотал от души, когда на расспросы его товарищ отвечал отрицательно.

Одним из самых страстных желаний Джека Райана было сопровождать Нелль, когда она впервые выйдет на поверхность графства. Ему хотелось видеть, как девушка будет удивлена, как восхитят ее картины природы — зрелище, еще незнакомое ей. Он надеялся, что Гарри пригласит его на эту прогулку, но Гарри что-то молчал, и это несколько беспокоило его друга.

Однажды Джек Райан спускался по вентиляционному стволу, которым нижний горизонт копей сообщался с поверхностью. Он воспользовался механической лестницей, одной из тех лестниц, которые, равномерно покачиваясь, сами двигались то вверх, то вниз, что позволяло подниматься и спускаться не утомляясь. Двадцать таких качаний механизма уже опустили его примерно на полтораста футов, и на одной из узких площадок лестницы он повстречался с Гарри, поднимавшимся на поверхность.

— Это ты? — спросил Джек, глядя на своего товарища, ярко освещенного электрическими лампами.

— Да, Джек, — ответил Гарри, — и рад тебя видеть. Я хочу предложить тебе кое-что...

— Я ничего не стану слушать, пока не узнаю новостей о Нелль! — воскликнул Джек Райан.

— Нелль здорова, Джек, и даже настолько, что через месяц или полтора я надеюсь...

— Жениться на ней?

— Ты сам не знаешь, что говоришь, Джек.

— Может быть, Гарри; зато я знаю, что сделаю.

— Что же?

— Сам женюсь на ней, если ты не женишься! — ответил Джек Райан, расхохотавшись. — Сохрани меня святой Мунго. Она мне нравится. Очень милая, славная девушка и к тому же никогда не покидала шахты, — как раз такая жена и нужна шахтеру! Нелль — сирота, как и я, и если ты, Гарри, сам о ней не думаешь, а она захочет взглянуть на твоего друга...

Гарри молча смотрел на Джека, даже и не думая отвечать ему.

— Ты слышишь, Гарри, что я говорю? Не ревнуешь? — спросил Джек Райан несколько серьезнее.

— Нет, Джек, — спокойно ответил Гарри.

— Но если ты не собираешься жениться на Нелль, то не предполагаешь же ты, что она останется старой девой?

— Я вовсе ничего не предполагаю, — ответил Гарри.

Движение лестницы позволило бы в эту минуту друзьям разойтись, одному вверх, другому вниз по стволу. Однако они не разошлись.

— Гарри, — сказал Джек, — ты думаешь, я серьезно говорил о Нелль?

— Нет, Джек, — ответил Гарри.

— Ну, а вот сейчас будет серьезный разговор.

— Ты — и вдруг серьезный разговор?

— Мой дорогой Гарри, — произнес Джек, — поверь, что я могу дать другу добрый совет.

— Говори, Джек.

— Так вот что. Ты любишь Нелль, и она достойна твоей любви. Твои родители, старик Симон, старая Мэдж, любят ее, как дочь. И тебе так легко сделать, чтобы она стала им настоящей дочерью. Почему ты не женишься на ней?

— Разве ты настолько знаешь чувства Нелль, Джек, — возразил Гарри, — чтобы говорить так?

— Их знают все, и даже ты сам, потому-то ты не ревнуешь ни ко мне, ни к другим. Но вот лестница спускается, и я...

— Погоди, Джек, — сказал Гарри, удерживая товарища, уже спустившего ногу с площадки, чтобы встать на движущуюся ступеньку.

— Ну, вот, Гарри, — со смехом вскричал Джек, — ты добьешься того, что меня разорвет пополам!

— Слушай внимательно, Джек, — ответил Гарри, — потому что на этот раз серьезно буду говорить я.

— Слушаю. До следующего звена лестницы, не дольше.

— Джек, — продолжал Гарри, — я не хочу скрывать, что люблю Нелль. Мое заветное желание — назвать ее своей женой...

— Вот и отлично...

— Но пока она в таком состоянии, как сейчас, совесть не позволяет мне просить ее принять решение, которое должно быть бесповоротным.

— Что ты хочешь сказать, Гарри?

— Я хочу сказать, Джек, что Нелль никогда не покидала шахты, где, вероятно, и родилась. Она не знает ничего о внешнем мире, она его не видела. Ее глазам нужно ознакомиться с ним, — и сердцу, вероятно, тоже. Кто знает, какими станут ее мысли, когда она испытает новые впечатления? Ей не с чем сравнить то, что она до сих пор знала, и мне кажется, было бы обманом добиваться ее согласия, пока она не решится вполне сознательно предпочесть жизнь под землей всему остальному. Ты понимаешь меня, Джек?

— Да... смутно... Я понимаю... и особенно то, что из-за тебя пропущу еще одно звено лестницы!

— Джек, — серьезно возразил Гарри, — пусть эти механизмы перестанут работать, пусть даже площадка обрушится у нас под ногами, но ты выслушаешь то, что я хочу тебе сказать.

— В добрый час, Гарри! Вот такой разговор мне по душе! Итак, мы говорили, что раньше, чем жениться на Нелль, ты пошлешь ее в пансион в Старой коптильне?

— Нет, Джек, — возразил Гарри, — я сам могу дать образование той, которая должна стать моей женой.

— Тем лучше, Гарри!

— Но перед тем, — продолжал Гарри, — я хочу, как уже сказал тебе, чтобы Нелль по-настоящему познакомилась с внешним миром. Вот тебе сравнение, Джек. Если бы ты любил слепую девушку и тебе бы сказали: «Через месяц она прозреет», — неужели бы ты не подождал жениться на ней, пока она не выздоровеет?

— Да, честное слово, да! — ответил Джек Райан.

— Ну, вот, Джек, Нелль еще слепа, и прежде, чем связать себя словом, она должна убедиться, что предпочитает именно меня и условия моего существования. Я хочу, чтобы глаза ее увидели, наконец, дневной свет!

— Хорошо, Гарри, очень хорошо! — воскликнул Джек Райан. — Теперь я тебя понимаю. А когда будет произведен опыт?

— Через месяц, Джек. Глаза у Нелль постепенно привыкают к свету наших ламп. Это подготовка. Через месяц, надеюсь, она увидит землю с ее чудесами и небо во всем его блеске. Она узнает, что природа открыла человеческому взору более широкие горизонты, чем горизонт мрачной копи! Она увидит, что вселенная беспредельна.

Но пока Гарри с увлечением говорил о своих планах, Джек соскочил с площадки на ступеньку движущейся лестницы.

— Эй, Джек, — крикнул Гарри, — где же ты?

— Под тобой! — ответил, смеясь, его веселый друг. — Пока ты возносишься к небесам, я спускаюсь в бездну.

— Так прощай, Джек! — крикнул Гарри, прыгнув на ступеньку поднимающейся лестницы. — Пожалуйста, не говори никому о том, что я тебе сказал!

— Никому, — ответил Джек Райан. — Но с одним условием...

— С каким?

— Что вы и меня возьмете с собой в первое путешествие Нелль по поверхности Земли.

— Конечно, Джек, это я тебе обещаю, — ответил Гарри.

Новое скольжение механизма еще больше увеличило расстояние между друзьями, и голоса их доносились уже слабо. Тем не менее Гарри еще расслышал, когда Джек крикнул ему:

— А когда Нелль увидит звезды, луну и солнце, — знаешь, что она им предпочтет?

— Нет, Джек, не знаю!

— Тебя, дружище; снова тебя, и всегда тебя!

И голос Джека Райана затих, наконец, в далеком возгласе «ура».

Гарри посвящал все свое свободное время обучению Нелль. Он научил ее читать и писать, и девушка делала большие успехи. Она словно понимала и угадывала все интуитивно. Никогда более живой ум

не торжествовал над более полным невежеством. Это удивляло всех, кто с ней сталкивался.

Симон и Мэдж с каждым днем все сильнее привязывались к своей приемной дочери, прошлое которой, однако, не переставало их тревожить. Они прекрасно видели чувство Гарри к ней и одобряли его.

Читатель помнит, как при первом посещении Джемсом Старром коттеджа Симон Форд говорил инженеру:

— Зачем моему сыну жениться? Разве девушка «сверху» годится в жены человеку, вся жизнь которого проходит в глубине шахты?

Не выглядело ли теперь все так, точно провидение послало его сыну единственную подходящую для него подругу? Не было ли это даром неба?

И старый мастер давал себе слово, что если эта свадьба когда-нибудь состоится, то он устроит такой пир, что шахтеры Колсити будут долго о нем вспоминать!

Симон Форд и не думал, что так хорошо читает в сердцах влюбленных. Нужно добавить, что брака между Нелль и Гарри не менее горячо желал еще один человек. Это был инженер Джемс Старр. Конечно, больше всего он желал счастья молодым людям, но у него к этому прибавлялись и другие соображения.

Как известно, у Джемса Старра оставались некоторые опасения, хотя теперь для них как будто и не было оснований. Однако то, что произошло не так давно, могло повториться. Тайну новой копи знала, очевидно, одна только Нелль. А если в будущем перед шахтерами Нового Эберфойла возникнут новые опасности, то как предотвратить их, не зная, чем они вызваны?

— Нелль не хотела рассказывать, — повторял нередко Джемс Старр. — Но то, о чем она до сих пор не говорила никому, она не станет скрывать от своего мужа. Ведь опасность, которая будет грозить нам всем, нависнет и над Гарри. А если брак принесет молодым супругам счастье, друзьям же их безопасность, — значит, это хороший брак, или таких браков вообще не бывает на свете!

Рассуждение инженера Джемса Старра было вполне логично. Он поделился своими соображениями со стариком Симоном, и тот не мог их не одобрить. Итак, ничто, повидимому, не препятствовало союзу Гарри и Нелль.

Да и что могло бы ему препятствовать? Гарри и Нелль любили друг друга. Старики родители не желали сыну лучшей подруги. Товарищи Гарри завидовали его счастью, но признавали, что он заслужил его. Девушка зависела только от себя самой и должна была спрашивать согласия только у своего сердца.

Но если никто не собирался мешать этому браку, то почему, когда в час отдыха гасли электрические фонари, когда над рабочим городом спускалась ночь и жители Колсити расходились по своим домам, — почему тогда из самого темного закоулка Нового Эберфойла во мраке выползало какое-то таинственное существо? Какой инстинкт руководил этим призраком, ведя его по узким, казалось бы, недоступным человеку проходам? Почему это загадочное создание, чьи глаза пронизывали глубочайший мрак, прокрадывалось к берегам озера Малькольм? Почему оно так упорно направлялось к жилищу Симона Форда, двигаясь с осторожностью, ускользая от всякого наблюдения? Зачем оно прикладывало ухо к окнам коттеджа и старалось уловить сквозь ставни обрывки разговора?

И когда некоторые слова достигали его слуха, почему оно злобно грозило кулаком мирному жилищу? Почему, наконец, с его искривленных гневом губ срывались слова:

— Она и он? Никогда!

ГЛАВА СЕМНАДЦАТАЯ

Восход солнца

Через месяц, вечером 20 августа, Симон Форд и Мэдж провожали наилучшими пожеланиями четырех туристов, собиравшихся покинуть коттедж. Джемс

Старр, Джек Райан и Гарри сопровождали Нелль на поверхность земли, туда, куда ее нога еще не ступала ни разу, — в тот ослепительный мир, блеска которого ее глаза еще не знали.

Поездка должна была продолжаться два дня. Джемс Старр, а с ним и Гарри хотели, чтобы за эти сорок восемь часов, проведенных на поверхности, девушка увидела все, чего нельзя увидеть в мрачной шахте, то есть самые различные пейзажи, — чтобы ее глазам открылась панорама города, поля и горы, реки, озера, заливы, море.

В этой части Шотландии, между Эдинбургом и Глазго, природа словно собрала воедино все земные чудеса, а небо было таким же, как и везде: с вечно бегущими облаками, с ясной иль затуманенной луной, с сияющим солнцем, с россыпью звезд.

Поездка была задумана так, чтобы удовлетворить всем требованиям программы.

Симон Форд и Мэдж были бы рады сопровождать Нелль; но, как известно, они были домоседами и не могли решиться хотя бы на один день покинуть свое подземное царство.

Джемс Старр поехал как наблюдатель и философ; с точки зрения психологии, ему было очень интересно наблюдать наивные впечатления Нелль, — быть может, угадать что-нибудь из тех таинственных событий, которые были связаны с ее детством.

Гарри с тревогой спрашивал себя, не изменится ли Нелль при этом быстром посвящении в тайны внешнего мира, не станет ли она во всем отличной от той девушки, которую он до сих пор знал и любил.

Что касается Джека Райана, то он радовался, как зяблик, порхающий в первых лучах солнца. Юноша надеялся, что его заразительная веселость сообщится и остальным путникам: этим он хотел отблагодарить их за приглашение.

Нелль была задумчива и сосредоточенна.

Джемс Старр благоразумно рассудил, что выехать нужно вечером. Действительно, для девушки было лучше перейти от ночного мрака к дневному свету постепенно. С полуночи до полудня она должна была

последовательно увидеть все переходы теней и света, и ее глаза могли мало-помалу приспособиться к ним.

Выходя из коттеджа, Нелль взяла Гарри за руку и сказала:

— Гарри, значит, мне непременно нужно оставить нашу старую шахту хотя бы на несколько дней?

— Да, Нелль, — ответил молодой человек, — это необходимо. Необходимо и для тебя и для меня.

— Но, Гарри, — продолжала Нелль, — с тех пор как ты меня нашел, я счастлива, совершенно счастлива. Ты меня многому научил. Разве этого не довольно? Что я буду делать наверху?

Гарри взглянул на нее, не отвечая. Доводы, высказанные девушкой, совпадали с его собственными мыслями.

— Дитя мое, — сказал тогда Джемс Старр, — я понимаю твои колебания, но все же тебе следует идти с нами. Те, кого ты любишь, сопровождают тебя, и с ними ты вернешься. Если ты захочешь после этого продолжать жить в шахте, как старый Симон, как Мэдж, как Гарри, — будь по-твоему! Я не сомневаюсь, что именно так и будет, и одобряю тебя. Но ты по крайней мере получишь возможность сравнить то, что оставляешь, с тем, что ты выберешь, и действовать свободно. Идем же!

— Идем, милая Нелль, — произнес Гарри.

— Я готова, — ответила девушка.

В девять часов Нелль и ее спутники отправились на поверхность с последним поездом. Через двадцать минут он доставил их на станцию, куда подходила короткая ветка пути из Думбартона в Стерлинг, обслуживавшая Новый Эберфойл.

Уже стемнело. По небу бежали редкие облачка, гонимые северо-восточным ветерком, освежавшим воздух. На смену погожему дню спускалась теплая ясная ночь.

В Стерлинге Нелль и ее спутники вышли из вокзала. Перед ними тянулась дорога к Форту, окаймленная высокими деревьями.

Девушка жадно вдыхала свежий воздух, испытывая приятное ощущение прохлады.

— Дыши хорошенько, — сказал Джемс Старр. — Дыши этим воздухом, насыщенным живительными ароматами полей!

— Что это за клубы дыма несутся у нас над головами? — спрашивала Нелль.

— Это облака, — ответил Гарри, — полусгустившиеся водяные испарения, ветер их гонит к востоку.

— Ах! — сказала Нелль. — Как было бы чудесно нестись вместе с их беззвучной вереницей! А что это за светлые точки мерцают меж облаками?

— Это звезды, о которых я тебе говорил, Нелль. Это все солнца, центры миров, быть может, подобных нашему.

Созвездия вырисовывались все яснее на темной синеве неба. Ветер постепенно разгонял тучи. Нелль долго смотрела на эти тысячи сверкающих звезд.

— Но если это солнца, — спросила она, — то как могут мои глаза выносить их блеск?

— Дитя мое, — ответил Джемс Старр, — это действительно солнца, но они находятся от нас на огромном расстоянии. Самая близкая звезда из многих тысяч звезд, посылающих нам свои лучи, — это Вега, в созвездии Лиры. Погляди, она сверкает почти в зените, а от нее до нас пятьдесят тысяч миллиардов лье. Поэтому твои глаза могут выдержать ее блеск. А солнце поднимется завтра всего в тридцати восьми миллионах лье от нас, и на него никакой человеческий глаз смотреть не может, ибо оно пылает сильнее самого раскаленного горна. Но идем, Нелль, идем!

Они пошли по дороге. Джемс Старр вел девушку под руку, Гарри шел рядом с ней, а Джек Райан то убегал вперед, то возвращался, словно щенок, которого медлительность хозяев выводит из терпения.

Дорога была пустынна. Нелль смотрела на силуэты больших деревьев, колеблемых ветром; она могла бы принять их в потемках за великанов, размахивающих руками. Шелест ветра в густых ветвях, глубокая тишина в те минуты, когда он спадал, горизонт, выделявшийся отчетливой чертой в открытых местах, — все вызывало в ней новые чувства, оставляло неизгладимое впечатление. После первых расспросов Нелль

умолкла, и ее спутники, словно по общему согласию, не мешали ее задумчивости. Они не хотели повлиять своими речами на чуткое воображение девушки и предпочитали дать мыслям самостоятельно зарождаться у нее в уме.

Около половины двенадцатого они дошли до северного берега Форта. Там их ждала лодка, нанятая Джемсом Старром; она должна была за несколько часов доставить их в Эдинбургский порт.

Нелль увидела у своих ног блестящую воду, колеблемую приливом и словно усеянную дрожащими звездами.

— Это озеро? — спросила она.

— Нет, — ответил Гарри, — это большой залив с проточной водой, это устье реки, почти морской рукав. Зачерпни рукой этой воды, Нелль, и ты увидишь, что она не пресная, как в озере Малькольм.

Девушка наклонилась, обмакнула руку в набежавшие волны и поднесла ее к губам.

— Вода соленая, — заметила она.

— Да, — ответил Гарри, — море дошло сюда, потому что сейчас прилив. Такой соленой водой, которой ты сейчас отведала, покрыто почти три четверти Земного шара.

— Но если вода в реках та же, которая падает из туч, образуемых из морской воды, то почему она пресная? — спросила Нелль.

— Потому что, испаряясь, вода теряет соль, — ответил Джемс Старр. — Тучи образуются из испарений и изливают на землю эту пресную воду обратно в виде дождя.

— Гарри, Гарри! — вскричала вдруг девушка. — Что это за красноватый свет на горизонте? Не лесной ли это пожар?

И она указала на восток, где небо, подернутое дымкой, было слегка окрашено в красный цвет.

— Нет, Нелль, — ответил Гарри. — Это восходит луна.

— Да, луна! — воскликнул Джек Райан. — Великолепное серебряное блюдо, которое духи проносят по небу, чтобы собрать целую россыпь звездных монет!

— Право, Джек, — заметил, смеясь, инженер, — я и не знал за тобой такой склонности к смелым сравнениям!

— Что ж, мистер Старр, мое сравнение верно. Вы видите, звезды исчезают по мере того, как луна движется. Потому я и думаю, что они на нее падают.

— Это значит, Джек, — возразил инженер, — что луна затмевает своим блеском звезды до шестой величины, и потому они как будто исчезают на ее пути.

— Как это прекрасно, — повторяла Нелль, вся обратившаяся в зрение. — Но я думала, что луна совсем круглая.

— Она бывает круглой в полнолуние, — ответил Джемс Старр, — то есть когда стоит против солнца. Но сейчас она на ущербе, в последней четверти, и от серебряного блюда нашего друга Джека остался лишь тазик для бритья.

— Ах, мистер Старр, — воскликнул Джек Райан, — какое недостойное сравнение! Я как раз хотел запеть песню в честь луны:

Светило ночи, что лучом
Своим ласкаешь...

Но нет, теперь это невозможно! Ваш бритвенный таз сбрил все мое вдохновение!

Тем временем луна постепенно поднималась над горизонтом. Последние облачка вокруг нее растаяли. В зените и на западе звезды еще блистали на черном фоне, который должен был вскоре побледнеть в лунном сиянии. Нелль молча созерцала это прекрасное зрелище, глаза ее не утомлялись от этого мягкого, серебристого света, но рука дрожала в руке Гарри и говорила за нее.

— Сядем в лодку, друзья мои, — произнес инженер. — Нам нужно подняться на Трон Артура до восхода солнца.

Лодка была привязана у берега; ее сторожил моряк. Нелль и ее спутники заняли свои места. Подняли парус, и его сейчас же надул северо-восточный ветер.

Какое неизведанное ощущение для Нелль! Она каталась несколько раз по озерам Нового Эберфойла, но

как бы плавно Гарри ни двигал веслом, оно всегда выдавало усилия гребца. Здесь же Нелль впервые почувствовала себя увлекаемой вперед, скользящей почти так же плавно, как скользит воздушный шар в атмосфере. Залив был спокоен, словно озеро. Полулежа на корме, Нелль отдавалась этому движению. Иногда, при перемене галса, лунные блики дробились блестками на поверхности воды, и тогда лодка плыла словно по мерцающему серебряному покрывалу. Это было восхитительно!

Глаза у Нелль невольно закрывались. Ею овладела неодолимая дремота, и, склонившись головой на плечо Гарри, она уснула спокойным сном.

Гарри хотел разбудить ее, чтобы она не пропустила ни одного из чудес этой ночи.

— Дай ей поспать, мой мальчик, — сказал ему инженер. — Два часа отдыха помогут ей перенести впечатления дня.

В два часа ночи лодка достигла пристани Грэнтон. Едва она коснулась берега, как Нелль пробудилась.

— Я спала? — спросила она.

— Нет, дитя мое, — ответил Джемс Старр. — Тебе только снилось, что ты спишь.

Ночь была очень ясная. Луна, на полпути от горизонта к зениту, разливала по небу свои лучи.

В маленьком Грэнтонском порту стояли только две-три рыбачьих лодки, тихо покачиваясь на волнах. С приближением зари ветер утих. Небо очистилось от туч, все предвещало один из тех дивных августовских дней, которые так прекрасны близ моря. Вдали поднимался теплый пар, такой тонкий и прозрачный, что первые же лучи солнца должны были рассеять его без остатка. Девушка могла видеть море, сливавшееся с краем небосклона. Это расширяло ее горизонт, но все же она еще не получала того особого впечатления, какое дает океан, когда свет словно раздвигает его пределы до бесконечности.

Гарри взял Нелль за руку, и они пошли за Джемсом Старром и Джеком Райаном по пустынным улицам. В представлении Нелль это предместье столицы было лишь скоплением темных домов, напоминавшим

ей Колсити, с той лишь разницей, что свод здесь был выше и мерцал блестящими точками. Она шла легко, и Гарри ни разу не пришлось замедлять шага, из боязни утомить ее.

— Ты не устала? — спросил он после получасовой ходьбы.

— Нет, — ответила она. — Мои ноги словно не касаются земли. Небо так высоко над нами, что мне хочется улететь туда, будто у меня есть крылья.

— Держи ее крепче! — вскричал Джек Райан. — Нам нужно сохранить нашу маленькую Нелль! У меня тоже иной раз бывает такое ощущение, когда я некоторое время безвыходно проведу в шахте.

— Оно вызвано тем, — пояснил Джемс Старр, — что мы больше не чувствуем давления сланцевых сводов, поднимающихся над Колсити. Тут нам кажется, что небо — это глубокая бездна, и хочется в него устремиться. Не это ли ты ощущаешь, Нелль?

— Да, мистер Старр, — ответила девушка, — именно это. У меня, право, кружится голова.

— Ты привыкнешь, Нелль, — возразил Гарри. — Ты привыкнешь к бесконечности внешнего мира и, быть может, забудешь нашу мрачную шахту...

— Никогда, Гарри! — ответила Нелль и прикрыла глаза рукою, словно хотела оживить в душе воспоминание обо всем, что она покинула недавно.

Дома̀ вокруг спали. Джемс Старр со своими спутниками пересекли Лейс-Уок, обогнули Колтон-Хилл, где в полумраке возвышались Обсерватория и памятник Нельсону; потом они пошли по Реджент-стрит и, сделав после моста небольшой крюк, достигли конца Канонгэт.

В городе еще не было движения. На готической колокольне канонгэтской церкви пробило два часа.

Здесь Нелль остановилась.

— Что это за темная масса? — спросила она, указывая на здание, стоявшее отдельно в глубине небольшой площади.

— Это дворец прежних властелинов Шотландии, Холируд, где совершилось столько печальных событий! — ответил Джемс Старр. — Историк мог бы

вызвать тут немало царственных теней, начиная с злосчастной Марии Стюарт и кончая старым французским королем Карлом Десятым. И все-таки, несмотря на эти мрачные воспоминания, когда рассветет, Нелль, вид этого дворца не покажется тебе чересчур угрюмым. Со своими четырьмя толстыми зубчатыми башнями Холируд похож на загородную резиденцию, у которой каприз ее владельца сохранил феодальный облик. Но двинемся дальше. Там, в ограде старинного Холирудского аббатства, возвышаются живописные скалы Солсбюри, а над ними господствует Трон Артура. Туда-то мы и поднимемся. С его вершины, Нелль, ты увидишь, как восходит солнце над морским горизонтом.

Они вошли в Королевский парк, потом, постепенно поднимаясь, миновали Виктория-Драйв — прекрасную круговую дорогу, удобную для экипажей и удостоившуюся нескольких строк в романе Вальтера Скотта.

В сущности Трон Артура представляет собою лишь холм высотой в семьсот пятьдесят футов, одинокая вершина которого господствует над окружающими возвышенностями. Поднимаясь по тропе, извивавшейся по его склону, Джемс Старр и его спутники меньше чем за полчаса достигли вершины, похожей на львиную голову, если смотреть на нее с запада.

Там все четверо сели, и Джемс Старр, у которого всегда была наготове цитата из сочинений великого шотландского романиста, сказал:

— Вот что написал Вальтер Скотт в главе восьмой «Эдинбургской темницы»: «Если бы мне нужно было выбрать место, откуда лучше всего видны восход или закат солнца, я выбрал бы именно это». Погоди же, Нелль, вскоре появится солнце, и ты увидишь его во всем великолепии.

Взоры девушки обратились к востоку. Гарри, сидевший рядом, внимательно и тревожно наблюдал за нею: не окажется ли восход солнца слишком сильным для нее впечатлением? Все молчали; притих даже Джек Райан.

В прозрачной дымке над горизонтом обозначилась узкая светлая полоса с розовым оттенком. Воздушные

облачка, заблудившиеся в зените, были тронуты нежным светом. У подножья Трона Артура смутно виднелся еще окутанный сумраком спящий Эдинбург; в темноте там и сям виднелись светлые точки — первые огоньки, засветившиеся в окнах старого города. На западе горный хребет, поднимавшийся вдали причудливыми зубцами, замыкался линией острых вершин, каждую из которых солнечные лучи должны были вскоре украсить огненным султаном.

Тем временем на востоке морская даль вырисовывалась все яснее. Гамма красок возникала постепенно, в том же порядке, что и в радуге. Красный цвет дымки на горизонте мало-помалу переходил к зениту в фиолетовый. С каждой секундой палитра становилась все ярче. Розовый цвет переходил в красный, красный — в огненный. В точке пересечения светозарной дуги с окружностью моря рождался день.

Нелль переносила взгляд от подножья холма к городу, отдельные кварталы которого начали постепенно выступать из общей массы. Там и сям поднимались высокие строения, остроконечные колокольни, и контуры их рисовались все отчетливее. В воздухе разливался словно какой-то пепельный свет. Наконец, первый солнечный луч коснулся глаз девушки; это был тот самый зеленоватый луч, который поднимается утром или вечером из моря, когда горизонт совершенно чист.

Еще через полминуты Нелль выпрямилась, указывая рукой на какую-то одну точку над новым городом.

— Огонь! — воскликнула она.

— Нет, Нелль, — ответил Гарри, — это не огонь. Это золотой венец, которым солнце отмечает вершину памятника Вальтеру Скотту!

Действительно, верхушка колокольни высотою в двести футов блистала, как маяк первого класса.

День настал. Взошло солнце. Его диск казался влажным, точно действительно вышел из морских волн. Сначала сплюснутый вследствие рефракции, он постепенно принял круглую форму. Его сияние вскоре стало нестерпимым, словно открылся в небе зев раскаленного горна.

Нелль была вынуждена тотчас же зажмуриться и даже прикрыть слишком тонкие веки плотно сжатыми пальцами.

Гарри хотел, чтобы она отвернулась в другую сторону.

— Нет, Гарри, — возразила она, — нужно, чтобы мои глаза привыкли видеть то, что видят твои.

Сквозь ладони Нелль видела свет, еще розовый, но белевший по мере того, как солнце поднималось над горизонтом. Постепенно ее глаза привыкли к нему. Потом ее веки разомкнулись, и глаза наполнились, наконец, сиянием дня.

Девушка упала на колени и взволнованно воскликнула:

— Бог мой, как прекрасен твой мир!

Потом она опустила глаза и огляделась. У ее ног расстилалась панорама Эдинбурга: чистенькие, прямые кварталы нового города, нагромождение домов и причудливая сетка улиц Старой коптильни. Надо всем этим господствовали две высоты: зáмок, прилепившийся к базальтовой скале, и Колтон-Хилл с руинами современного греческого памятника на своем округлом хребте. От столицы лучами расходились прекрасные, обсаженные деревьями дороги. На севере Фортский залив, подобно морскому рукаву, глубоко врезывался в берег, в котором открывался Лейсский порт. Выше, на третьем плане, развертывалось живописное побережье Файфского графства. Эти северные Афины соединялись с морем дорогой, прямой, как Пирей. К западу расстилались прекрасные песчаные пляжи Ньюхейвена и Портобелло, где песок окрашивал в желтый цвет первые волны прилива. Даль оживляли рыбачьи лодки и два-три парохода, поднимавших к небу султаны черного дыма. За всем этим зеленели необозримые поля.

Равнина была там и сям слегка всхолмлена. Ломонд-Хилл на севере, Бен-Ломонд и Бен-Лиди на западе отражали солнечные лучи так, словно их вершины были покрыты вечными снегами.

Нелль не могла говорить. Уста ее шептали несвязные слова. Руки у нее дрожали, голова кружилась.

Силы на миг оставили ее. На этом свежем воздухе, перед этим дивным зрелищем она вдруг почувствовала, что слабеет, и упала без сознания на руки Гарри, успевшего подхватить ее.

Эта девушка, жизнь которой до сих пор протекала в глубине шахты, увидела, наконец, все то, что составляет мир, каким его создала природа и человек. Ее взгляд, обежав город и поля, впервые обратился к необъятности моря и к бесконечности небес.

ГЛАВА ВОСЕМНАДЦАТАЯ

От озера Ломонд к озеру Кэтрайн

Неся Нелль на руках, Гарри вместе с Джемсом Старром и Джеком Райаном спустился с Трона Артура. После нескольких часов отдыха и завтрака в «Ламберт-отеле» решено было закончить экскурсию прогулкой по стране озер.

Силы вернулись к Нелль. Глаза ее могли теперь спокойно переносить солнечный свет, а легкие — вдыхать свежий, живительный воздух. Зелень деревьев, изменчивые оттенки растений, небесная лазурь развертывали перед ее глазами богатую гамму красок.

Поезд, на который они сели, привез Нелль и ее спутников в Глазго. С моста, переброшенного через Клайд, они любовались движением морских судов на реке. Ночь они провели в «Королевском отеле».

На следующий день они поехали поездом, идущим через Думбартон и Баллох к южной оконечности озера Ломонд.

— Это родина Роб-Роя и Фергуса Мак-Грегора, так поэтично воспетая Вальтером Скоттом, — воскликнул Джемс Старр. — Ты знаешь эти места, Джек?

— Знаю по песням, мистер Старр, — ответил Джек Райан, — а когда край так дивно воспет, он должен быть великолепным!

— Так оно и есть, — произнес инженер, — и наша милая Нелль сохранит о нем самые лучшие воспоминания.

— С таким проводником, как вы, мистер Старр, — ответил Гарри, — путешествовать вдвойне полезно: пока мы будем осматривать страну, вы будете рассказывать нам ее историю.

— Согласен, Гарри, — сказал инженер, — насколько мне позволит память, но с одним условием: пусть наш веселый Джек помогает мне. Когда я устану рассказывать, он должен петь.

— Ну, меня упрашивать не придется, — ответил Джек и взял вибрирующую ноту, словно желая настроить горло на основной тон.

Между торговой столицей Шотландии и южной оконечностью озера Ломонд по железной дороге Глазго — Баллох насчитывается не более двадцати миль.

Поезд миновал Думбартон, королевский город и столицу графства, замок которого, все еще укрепленный согласно Союзному договору, живописно венчает обе вершины огромного базальтового утеса.

Думбартон построен при слиянии Клайда с Ливеном. По этому поводу Джемс Старр рассказал несколько эпизодов из полной приключений жизни Марии Стюарт. Из этого замка отправлялась она во Францию, чтобы стать женой Франциска II и французской королевой. Там же в 1815 году английское правительство намеревалось заточить Наполеона, но потом выбор пал на остров Святой Елены, и пленник Англии отправился умирать на скалу в Атлантическом океане, что еще более умножило его легендарную славу.

Вскоре поезд остановился в Баллохе, возле деревянной эстакады, у самого берега озера. Туристов, совершающих экскурсию по озерам, ожидал пароход «Синклер». Нелль и ее спутники сели на него, купив билеты до Инверснайда, на северной оконечности озера Ломонд.

День начинался ясный и солнечный, без обычного британского тумана. Ни одна из деталей пейзажа, разворачивающегося на протяжении тридцати миль, не должна была ускользнуть от пассажиров «Синклера».

Нелль, сидя на корме между Джемсом Старром и Гарри, всем своим существом впитывала величавую поэзию, столь щедро разлитую в прекрасной природе Шотландии.

Джек Райан ходил взад и вперед по палубе «Синклера», без конца расспрашивая инженера, который, впрочем, и без расспросов с энтузиазмом описывал страну Роб-Роя по мере того, как она проходила перед глазами.

Прежде всего показались многочисленные мелкие островки. Словно целый выводок их рассыпался тут по озеру. «Синклер» обходил их крутые берега, пробираясь в проливах между ними, и тогда перед путниками открывались то одинокие долины, то дикие ущелья, ощетинившиеся отвесными утесами.

— Нелль, — говорил Джемс Старр, — у каждого из этих островов есть своя легенда и, быть может, своя песня, как и у гор, окаймляющих озеро. Без особого преувеличения можно сказать, что история этой страны написана гигантскими буквами — островами и скалами.

— Знаете, мистер Старр, — сказал Гарри, — что мне напоминает эта часть озера Ломонд?

— Что же, Гарри?

— Тысячу островов озера Онтарио, так восхитительно описанного Купером. Это сходство должно поразить тебя так же, как и меня, милая Нелль, — ведь несколько дней назад я читал тебе роман, который по справедливости можно назвать шедевром американского писателя.

— В самом деле, Гарри, — ответила девушка, — пейзаж здесь такой же, а «Синклер» скользит среди этих островов, как скользил по водам Онтарио куттер Джаспера Пресная Вода.

— Ну, вот, — продолжал инженер, — это доказывает, что обе местности одинаково заслуживали быть воспетыми большими писателями. Я не знаю тысячи островов на Онтарио, Гарри, но не думаю, чтобы они являли вид более разнообразный, чем архипелаг озера Ломонд. Взгляните на этот пейзаж! Вот остров Меррей со своим старым фортом Леннокс, где жила престарелая герцогиня Олбени после того, как ее отец, муж и

двое сыновей были обезглавлены по приказанию Иакова Первого. Вот остров Клар, остров Кро, остров Торр, — одни скалистые, дикие, другие округлые и зеленые. Вот лиственницы и березы. Вот целые поля пожелтевшего, засохшего вереска. Право, мне трудно поверить, чтобы острова озера Онтарио были столь же разнообразны по виду!

— Что это за маленький порт? — спросила Нелль, смотревшая на восточный берег озера.

— Это Балма, врата в нагорья, — ответил Джемс Старр. — Отсюда начинается горная Шотландия. Вон там, — погляди, Нелль, — развалины старинного женского монастыря, а в этих разбросанных могилах погребены члены рода Мак-Грегор, который еще славится по всей стране.

— Славится пролитой кровью, своей и чужой, — заметил Гарри.

— Ты прав, — ответил Джемс Старр, — и нужно заметить, что слава, купленная в битвах, всегда бывает самой громкой. Эти сказания о битвах идут из глубины веков...

— И увековечиваются в песнях, — прибавил Джек Райан и в подтверждение своих слов затянул первую строфу старинной боевой песни о подвигах Александра Мак-Грегора в его войне с сэром Гемфри Колкхоуром из Лесской долины.

Нелль слушала, но все эти воинственные сказания навевали на нее грусть. Зачем пролито столько крови на этих равнинах, где было, казалось, достаточно места для всех?

С приближением к маленькому порту Лесс ширина озера, достигавшая от трех до четырех миль, несколько уменьшилась. На мгновение мелькнула старая башня древнего замка. Потом «Синклер» снова взял курс на север, и взорам туристов открылась гора Бен-Ломонд, возвышающаяся почти на три тысячи футов над уровнем озера.

— Какая чудесная гора! — воскликнула Нелль. — И как, верно, прекрасен вид с ее вершины!

— Да, Нелль, — ответил Джемс Старр. — Смотри, как гордо вздымается эта вершина над ковром из ду-

бов, берез, лиственниц, одевшим нижнюю часть горы! Отсюда видны две трети нашей старой Каледонии. Здесь, у восточного берега озера, обычно жил клан Мак-Грегор. Невдалеке отсюда пустынные ущелья не раз обагрялись кровью в стычках между якобитами и ганноверцами. В ясные ночи здесь льет свой таинственный свет бледная луна, называемая в старых легендах «фонарем Мак-Фарлана». Здесь эхо еще повторяет бессмертные имена Роб-Роя и Мак-Грегора Кэмпбелла!

Бен-Ломонд, последняя вершина Грампианской цепи, вполне заслуженно воспета великим шотландским романистом. Как заметил Джемс Старр, есть горы более высокие, вершины которых одеты вечными снегами, но, вероятно, во всем мире нет горы более поэтической.

— И подумать только, — прибавил он, — что этот Бен-Ломонд целиком принадлежит герцогу Монтрозу! Его светлость владеет целой горой, как лондонский горожанин — клумбой в своем цветнике!

Тем временем «Синклер» подошел к селению Тарбет, на противоположном берегу озера, где высадил пассажиров, направляющихся в Инверери. Отсюда Бен-Ломонд открывался взгляду во всей своей красоте. Его склоны, изрезанные потоками, блестели, словно обрызганные расплавленным серебром.

По мере того как «Синклер» огибал гору, берег становился все более скалистым и голым. Лишь изредка попадались деревья, в том числе ивы, на гибких ветвях которых в старину вешали людей низшего сословия.

— Чтобы не тратить веревки, — заметил Джемс Старр.

Озеро постепенно суживалось и вытягивалось к северу. Горы все теснее сжимали его с двух сторон. Пароход обогнул еще несколько островов и островков, Инверюглес, Эйлед-Уо, где возвышаются остатки крепости, принадлежавшей Мак-Фарланам. Наконец, оба берега сошлись, и «Синклер» остановился у пристани Инверснайда.

Там, пока для них готовился завтрак, Нелль и ее спутники отправились осматривать поток, низвергавшийся в озеро с большой высоты. Он казался декорацией, поставленной для удовольствия туристов. В клубах водяной пыли над его струями повис зыбкий мостик. С этой высоты взгляд охватывал большую часть озера, на поверхности которого «Синклер» казался лишь точкой.

После завтрака решено было отправиться на озеро Кэтрайн. В распоряжении туристов было несколько экипажей с гербом семьи Бредалбэн — той самой, которая некогда снабжала водой и дровами изгнанника Роб-Роя; эти экипажи отличались всеми удобствами, какими славятся изделия английских каретников.

Гарри усадил Нелль на империале, как требовал обычай; остальные сели позади нее. Великолепный кучер в красной ливрее собрал в левой руке вожжи своей четверки, и экипаж стал подниматься по склону горы вдоль русла извилистого потока.

Дорога была очень крутая. По мере подъема форма окружающих вершин словно изменялась. На противоположном берегу озера гордо вырастала вся горная цепь и над ней — вершины Аррохара, господствующие над долиной Инверюглеса. Слева возвышался Бен-Ломонд, обращенный к озеру крутыми обрывами своего северного склона.

Местность между озерами Ломонд и Кэтрайн хранила дикий вид. Долина начиналась узкими ущельями, заканчивавшимися лощиной Эберфойл. Это название болезненно отозвалось в сердце девушки, напомнив ей полные ужасов пропасти, в глубине которых проходило ее детство; поэтому Джемс Старр поспешил отвлечь ее своими рассказами.

Впрочем, местность благоприятствовала этому. На берегах озера Ард происходили главнейшие события жизни Роб-Роя. Там высились зловещего вида утесы из известняка с каменистыми вкраплениями, затвердевшего под действием климата и времени, словно цемент. Меж разрушенных овечьих загонов виднелись жалкие хижины, похожие на звериные логовища; трудно было сказать, кто в них живет, — люди или ди-

кие звери. Белоголовые ребятишки, у которых волосы выцвели от постоянных непогод, провожали экипаж большими изумленными глазами.

— Вот места, которые особенно заслуживают названия страны Роб-Роя, — сказал Джемс Старр. — Здесь добродетельный олдермен Николь Джарви, достойный сын своего отца — декана, был схвачен людьми графа Леннокса. Вот на этом самом месте он повис, зацепившись штанами, которые, к счастью, были сшиты из добротного шотландского сукна, а не из легкого французского камлота! Недалеко от истоков Форта, питаемого ручьями Бен-Ломонда, еще можно найти брод, которым переправился герой, чтобы уйти от солдат герцога Монтроза. Ах, если бы он знал о мрачных пещерах нашей копи! Там он мог бы не бояться никаких преследований! Вы видите, друзья мои, по этой стране, замечательной во многих отношениях, нельзя ступить ни шагу, не столкнувшись с воспоминаниями прошлого, вдохновившими Вальтера Скотта, когда он перелагал в великолепные строфы боевую песнь клана Мак-Грегор.

— Все это очень хорошо сказано, мистер Старр, — возразил Джек Райан, — но если верно, что Николь Джарви был подвешен за штаны, то как быть с нашей поговоркой: «Хитер тот, кто снимет штаны с горца»?

— Честное слово, Джек, ты прав, — ответил, смеясь, Джемс Старр, — и это доказывает только, что в тот день наш судья не был одет по моде своих предков.

— И вышло хуже для него, мистер Старр!

— Не спорю, Джек.

С крутого берега потока экипаж спустился в безводную, безлесную долину, покрытую тощим вереском. В нескольких местах возвышались кучи камней, похожие на пирамиды.

— Это «кэрны», — сказал Джемс Старр. — В старину каждый прохожий должен был принести сюда камень, чтобы почтить героев, спящих в этих могилах. Ведь старинная гаэльская поговорка гласила: «Горе тому, кто пройдет мимо кэрна, не положив на него камня вечного спасения!» Если бы сыновья сохранили

веру отцов, то эти каменные кучи превратились бы теперь в холмы. Действительно, в этих краях все способствует развитию врожденной поэзии в сердцах горцев! Так всегда бывает в горных странах. Чудеса природы возбуждают воображение, и если бы греки жили среди равнин, они никогда не создали бы античной мифологии!

Пока путники вели беседу, затрагивая многие темы, экипаж углубился в узкую долину, которая очень подходила для проделок домашних духов великой Мег Мериллис. Маленькое озеро Арклет осталось слева, показав дорогу, поднимавшуюся по крутому склону к гостинице на берегу озера Кэтрайн.

Там, у самого конца мостков, покачивался пароходик, носивший, разумеется, гордое имя «Роб-Рой». Путешественники тотчас же сели на него: он готовился отплыть.

Озеро Кэтрайн имеет в длину не более десяти миль при ширине не свыше двух. Ближайшие береговые холмы не лишены величия.

— Так вот это озеро, которое справедливо сравнивают с длинным угрем! — воскликнул Джемс Старр. — Говорят, оно никогда не замерзает. Об этом я не знаю, но нельзя забывать, что оно служило местом подвигов «Девы Озера». Я уверен, что если бы наш друг Джек Райан присмотрелся, он еще увидел бы, как по поверхности воды скользит легкая тень прекрасной Елены Дуглас!

— Конечно, мистер Старр, — ответил Джек Райан, — и почему бы мне ее не увидеть? Почему бы этой красавице не показываться на водах озера Кэтрайн, как духам Нового Эберфойла — на водах озера Малькольм?

В этот момент с кормы «Роб-Роя» раздались звонкие звуки волынки. Горец в национальном костюме играл на волынке с тремя трубками, из которых самая большая издавала ноту «соль», вторая — ноту «си», а меньшая — октаву первой трубки. Что касается дудочки с восемью отверстиями, то она давала гамму соль-мажор с чистым «фа».

Напев горца был прост, нежен и не лишен наивной прелести. Можно было подумать, что эти народные напевы не сочинены никем, что они — естественное сочетание дуновения ветра, шепота волн и шелеста листьев. Форма рефрена, повторявшегося с правильными промежутками, была необычной. Его фраза состояла из трех двухдольных тактов и одного трехдольного, заканчивавшегося на слабой доле. В противоположность другим старинным песням рефрен был мажорным, и по цифровой системе, дающей не ноты, а интервалы тонов, его можно записать следующим образом:

$$\bar{5}\,|\; 1.\bar{2} \;|\; \overline{35}\,\overline{25} \;|\; \overline{1.\underset{\cdot}{\bar{7}}}\,\overline{\underset{\cdot}{6}\underset{\cdot}{5}} \;|\; 2\overline{2.\bar{2}2}$$

$$|\; 1.\bar{2} \;|\; \overline{35}\,\overline{25} \;|\; \overline{1.\underset{\cdot}{\bar{7}}}\,\overline{\underset{\cdot}{6}\underset{\cdot}{5}} \;|\; 1\overline{1.\bar{1}1}$$

Джек Райан был в этот момент поистине счастлив. Он знал эту шотландскую песню. Поэтому, пока горец играл на волынке, он запел звонким голосом гимн, посвященный поэтическим легендам старой Каледонии:

Шотландские озера!
На лоне тишины
Храните все преданья
Далекой старины!

На ваших берегах остались
Следы героев прежних дней,
Воспетых Вальтером достойно
И славных доблестью своей!
Вот эта башня, где колдуний
Зловещий ужин собирал;
Вот вересковые равнины,
Где бродит тень твоя, Фингал!

Сквозь тьму полночную несется
Здесь эльфов резвый хоровод,
А там из сумрака, суровый,
Лик Пуританина встает;
И между скал крутых прибрежных
Увидишь ты, в тиши ночей,
Как вместе с Флорою Мак-Айвор
Отважный мчится Вэверлей.

Там Дева Озера несется
На благородном скакуне,
И рогу дальнему Роб-Роя
Диана внемлет в тишине;

Могучий Фергус там когда-то
Свой клан отважный собирал
И боевым своим пиброхом[1]
Нагорий эхо пробуждал!

О легендарные озера!
Куда бы рок ни бросил нас, —
Кто ваши берега увидел,
Тот вечно будет помнить вас!
О быстролетное виденье,
Ужель вернуть тебя нельзя?
Тебе все помыслы и чувства,
Тебе, Шотландия моя!

Шотландские озера!
На лоне тишины
Храните все преданья
Далекой старины!

Было три часа пополудни. Западные берега озера Кэтрайн, не столь крутые, вырисовывались в двойной рамке Бен-Ана и Бен-Винью. В полумиле оттуда виднелась узкая бухточка, в глубине которой «Роб-Рой» должен был высадить пассажиров, возвращавшихся в Стерлинг через Колландер.

Нелль изнемогала от непрерывного душевного напряжения. Гарри снова взял ее за руку и сказал, с волнением глядя на девушку:

— Нелль, дорогая Нелль, скоро мы вернемся в наше мрачное царство. Не пожалеешь ли ты о том, что видела за эти часы при дневном свете?

— Нет, Гарри, — ответила девушка. — Я всегда буду вспоминать об этом путешествии, но вернусь в наши любимые копи с радостью.

— Нелль, — продолжал Гарри, стараясь сдержать волнение, — хочешь ли, чтобы священные узы навсегда соединили нас? Хочешь ли, чтобы я был твоим мужем?

— Хочу, Гарри, — ответила Нелль, глядя на него своими ясными глазами.— Хочу, если ты думаешь, что я смогу наполнить твою жизнь...

Не успела Нелль закончить фразу, в которой для Гарри заключалось все его будущее, как случилось нечто необъяснимое.

---

[1] Ария для волынки у шотландцев.

«Роб-Рой», находившийся еще в полумиле от берега, ощутил резкий толчок. Киль его стукнулся о дно озера, и машина, несмотря на все усилия, не могла сдвинуть судно с места.

Это произошло потому, что озеро Кэтрайн внезапно обмелело в своей восточной части, словно в его ложе открылась огромная трещина. В несколько секунд озеро высохло, как морской берег во время самого большого отлива. Почти все его воды ушли в недра земли.

— Друзья мои! — воскликнул Джемс Старр, внезапно догадавшись о причине этого явления. — Да спасет бог Новый Эберфойл!

ГЛАВА ДЕВЯТНАДЦАТАЯ

Последняя угроза

В этот день работы в Новом Эберфойле шли, как обычно. Грохот взрывов, подрывавших угольные пласты, слышался издали. Здесь раздавались удары кайла и лома, отбивающих уголь, там — скрежет перфораторов, буры которых пробивались сквозь прослойки песчаника и сланца. В шахтах стоял непрерывный глухой шум. Воздух, всасываемый машинами, устремлялся в вентиляционные ходы, и деревянные заслонки со стуком захлопывались под его напором. В нижних штреках двигались со скоростью пятнадцати миль в час вагонетки поездов с механической тягой, и автоматические сигналы предупреждали рабочих о том, что нужно укрыться в нишах. Клети опускались и поднимались безостановочно с помощью огромных барабанов, установленных на поверхности земли. Лампы, накаленные до предела, ярко освещали Колсити.

Работа шла с величайшей интенсивностью. Уголь, добытый из пласта, ссыпался в вагонетки, — сотни вагонеток непрерывно опоражнивались в бадьи у нижнего конца подъемного ствола. Пока одна часть

рабочих отдыхала после ночной смены, дневные бригады работали, не теряя ни часа. После обеда Симон Форд и Мэдж, как обычно, сидели во дворе коттеджа. Старый мастер отдыхал, покуривая свою трубку, набитую превосходным французским табаком. Если супруги разговаривали, то лишь о Нелль, о своем мальчике, о Джемсе Старре, об их поездке на поверхность земли. Где они? Что делают в эту минуту? Как могут оставаться так долго наверху, не скучая о шахте?

Вдруг раздался рев неслыханной силы, словно в шахту ворвался огромный водопад. Симон Форд и Мэдж вскочили. Почти тотчас же воды озера Малькольм вздулись. Высокая волна, набежав, как вал прилива, залила берег и разбилась о стену коттеджа.

Симон Форд, схватив Мэдж, быстро увлек ее в верхний этаж дома. В то же время со всех концов Колсити, которому угрожало это внезапное наводнение, донеслись крики и вопли. Жители города искали спасения на высоких сланцевых скалах, окаймлявших озеро. Ужас достиг предела. Несколько шахтерских семейств, обезумев от страха, кинулось к туннелю, чтобы бежать в верхние горизонты. Можно было опасаться, что в копи, штреки которых проходили под ложем Северного канала, прорвалось море. Как ни была обширна пещера, ее тогда затопило бы целиком и никто из обитателей Нового Эберфойла не избежал бы смерти.

Но первые же беглецы, достигнув устья туннеля, столкнулись с Симоном Фордом, уже покинувшим коттедж.

— Остановитесь, остановитесь, друзья мои! — кричал старый мастер. — Если городу грозит наводнение, то вода все равно побежит быстрее вас и никто от нее не уйдет! Но вода не поднимается больше. Опасность как будто миновала.

— А наши товарищи? Те, что работают внизу? — крикнул кто-то из шахтеров.

— За них бояться нечего, — ответил Симон Форд. — Работы ведутся выше уровня озера.

Слова старого мастера подтвердились. Наводнение произошло внезапно; но, распространившись по ниж-

нему ярусу обширных копей, оно только подняло на несколько футов уровень озера Малькольм. Следовательно, Колсити не угрожала опасность, и можно было надеяться, что наводнение, затопив самые нижние, еще не разрабатываемые горизонты, никого не погубит.

Было ли наводнение вызвано разливом какого-нибудь подземного водоема по трещинам в массиве или то прорвался подземный поток, ложе которого было пробито разработкой, — Симон Форд и его товарищи не могли этого сказать. Но никто не сомневался, что это был несчастный случай, какие иногда бывают в шахтах.

В тот же вечер стало известно, что̀ нужно думать о происшествии. Газеты графства поместили описание странного явления на озере Кэтрайн.

Нелль, Гарри, Джемс Старр и Джек Райан, поспешно вернувшиеся в коттедж, подтвердили эту новость и с радостью узнали, что для Нового Эберфойла все ограничилось лишь материальным ущербом.

Итак, дно озера Кэтрайн внезапно провалилось. Его воды ворвались в шахту сквозь широкую трещину. От любимого озера шотландского романиста — по крайней мере во всей его южной части — не осталось даже лужицы, где могла бы промочить ножки Дева Озера. Пруд в несколько акров — вот и все, что от него осталось, вода сохранилась лишь там, где дно озера оказалось ниже обрушившейся части.

Сколько шума наделало это странное явление! Впервые случалось, чтобы целое озеро вдруг ушло в недра земли. Оставалось только вычеркнуть его из карт Соединенного королевства, пока его не наполнят снова, предварительно организовав для этой цели всеобщую подписку. Вальтер Скотт умер бы от огорчения, случись это событие при его жизни.

В конечном счете странное явление было объяснимым. Вторичные пласты между обширной пещерой и ложем озера были очень тонкими вследствие особенностей геологического строения массива.

Однако хотя обвал мог быть вызван и естественными причинами, но Джемс Старр, Симон и Гарри Форд спрашивали себя, не следует ли приписать его

злому умыслу. Прежние подозрения пробудились в них с новой силой. Неужели какой-то злой гений возобновил свои покушения на тех, кто разрабатывает новую копь?

Через несколько дней Джемс Старр завел об этом разговор в коттедже со старым мастером и его сыном.

— Симон, — говорил он, — хотя этот случай может объясниться и сам собой, но я чувствую, что он относится к разряду тех, причины которых мы до сих пор ищем.

— Я держусь того же мнения, мистер Старр, — ответил Симон Форд, — но поверьте мне — лучше не разглашать ничего. Поведемте расследование сами, без посторонних.

— Да я заранее знаю результаты! — воскликнул инженер.

— А именно?

— Мы обнаружим доказательства злого умысла, но самого злоумышленника не найдем.

— Однако он существует, — возразил Симон Форд. — Где он прячется? И неужели один человек, каким бы злодеем он ни был, может осуществить такой адский замысел, как обвал целого озера? Право же, я в конце концов начну думать вместе с Джеком Райаном, что всему виной какой-нибудь дух шахты, разозлившийся на нас за то, что мы проникли в его царство!

Разумеется, Нелль старались держать в стороне от всех этих совещаний. Впрочем, она и сама словно шла навстречу желанию своих покровителей не посвящать никого в эти тайны. Однако по ее поведению было видно, что она разделяет заботы своей приемной семьи. На ее печальном личике отражалась тяжелая внутренняя борьба.

Было решено, что Джемс Старр, Симон Форд и Гарри отправятся на место обвала и попытаются выяснить его причины. Они не говорили никому о своем намерении. Всякому, незнакомому с теми фактами, на которых оно основывалось, их предположения могли показаться совершенно невероятными.

Через несколько дней все трое отправились в легком челноке, которым правил Гарри: они решили осмотреть природные устои, на которых покоилась часть массива, находившаяся под ложем озера Кэтрайн. Осмотр подтвердил их предположения. Устои были подорваны динамитом, и черные следы копоти были еще заметны, так как вода, впитавшись, обнажила их.

Этот частичный обвал сводов купола был задуман заранее и, несомненно, выполнен человеческими руками.

— Сомневаться невозможно, — сказал Джемс Старр. — И кто знает, что произошло бы, если бы вместо этого маленького озера обвал открыл доступ в копи морским водам!

— Да! — вскричал с гордостью старый мастер. — Чтобы затопить Новый Эберфойл, понадобилось бы целое море, не меньше! Но я опять спрашиваю, кому и для какой цели может послужить гибель наших копей?

— Непонятно, — ответил Джемс Старр. — Тут и речи быть не может о шайке обыкновенных разбойников, которые скрываются в пещере и делают оттуда вылазки, чтобы воровать и грабить. Таких злодеев обнаружили бы за три года. Нельзя предполагать также, хотя мне это и приходило иногда в голову, что к этому причастны контрабандисты или фальшивомонетчики, скрывающие свой преступный промысел в каком-нибудь еще неизвестном закоулке здешних огромных пещер и, следовательно, заинтересованные в том, чтобы выгнать нас отсюда. Ни контрабандой, ни фальшивой монетой не занимаются для того, чтобы держать их при себе! Очевидно, однако, что некий безжалостный враг поклялся погубить Эберфойл и какая-то цель заставляет его искать всевозможные способы, чтобы утолить свою ненависть к нам. Несомненно, он слишком слаб, чтобы действовать открыто, и готовит свои покушения в тени, но обнаруживает при этом такой разум, что превращается в опаснейшее существо. Друзья мои, он знает все тайны нашего царства лучше, чем мы, так как давно уже ускользает от всех

наших поисков! Он большой мастер своего подлого дела, искуснейший из искусных, — в этом нет сомнения, Симон! Это явствует из всего, что мы узнали о его образе действий. Вспомните, нет ли у вас личного врага, которого вы могли бы заподозрить? Поройтесь хорошенько в своей памяти. Бывают случаи, когда время не угашает ненависти. Обратитесь к своему прошлому, к самому далекому, если нужно. Все, что здесь происходит, продиктовано холодной, терпеливой ненавистью какого-то безумца. Постарайтесь же воскресить самые свои отдаленные воспоминания.

Симон Форд молчал. Видно было, что честный мастер прежде, чем ответить, добросовестно вглядывается в свое прошлое.

Наконец, он поднял голову.

— Нет, как перед богом клянусь вам, ни я, ни Мэдж не делали зла никогда и никому. Мы не думаем, чтобы у нас был хотя бы один враг!

— Ах, — вскричал инженер, — если бы Нелль захотела говорить!

— Мистер Старр и вы, отец, — возразил Гарри, — умоляю вас, сохраним пока в тайне наши розыски! Не расспрашивайте мою бедную Нелль! Я чувствую, что она уже встревожена и мучается. Для меня несомненно, что ее сердце с трудом сдерживает тайну, от которой она задыхается. Если она молчит, то либо потому, что ей нечего сказать, либо потому, что считает молчание своим долгом. Мы не можем сомневаться в ее любви, в ее привязанности ко всем нам! Возможно, позднее она расскажет мне все, о чем до сих пор молчала, и тогда вы тотчас же узнаете об этом.

— Пусть так, Гарри, — ответил инженер. — Но если Нелль знает что-нибудь, ее молчание необъяснимо.

Гарри хотел возразить, но инженер прибавил:

— Будь спокоен, мы ничего не скажем ей. Ведь она должна стать твоей женой.

— И станет ею немедленно, если вы этого захотите, отец!

— Мой мальчик, — произнес Симон Форд, — ровно через месяц день в день будет твоя свадьба. Вы будете у Нелль посаженым отцом, мистер Джемс?

— Рассчитывайте на меня, Симон, — ответил инженер.

Джемс Старр и его спутники вернулись в коттедж. Они никому не сказали о результатах своего расследования, и для всех обвал шахты остался простой случайностью. В Шотландии стало одним озером меньше, вот и все.

Нелль мало-помалу вернулась к своим прежним занятиям. О недавнем путешествии у нее остались неувядаемые светлые воспоминания, которыми Гарри пользовался, чтобы пополнять ее образование. Но это знакомство с жизнью внешнего мира не оставило в ней никаких сожалений: как и раньше, она любила свое мрачное царство, где должна была жить, став замужней женщиной, как жила, будучи ребенком и девушкой.

Весть о предстоящей свадьбе Гарри Форда и Нелль разнеслась по всему Новому Эберфойлу. В коттедж отовсюду стекались поздравления, и Джек Райан поспешил, конечно, принести свои. Теперь его не раз заставали где-нибудь в укромном уголке, где он разучивал свои лучшие песни для праздника, в котором должно было участвовать все население Колсити.

Но случилось так, что в течение месяца, предшествовавшего свадьбе, Новый Эберфойл подвергся еще большим испытаниям, чем прежде. Близость брака Нелль и Гарри словно вызывала одну катастрофу за другой. Несчастные случаи происходили главным образом на подземных работах, и настоящую причину их невозможно было установить.

Так, в одном из нижних штреков пожар истребил деревянные крепления; была найдена лампа, которой воспользовался поджигатель. Гарри и его товарищи с риском для жизни затушили пожар, угрожавший гибелью всей шахте; это удалось им только благодаря огнетушителям, которыми предусмотрительно были снабжены шахты: вода в них была насыщена углекислотой.

В другой раз произошел обвал, оттого что лопнули распорки ствола, — Джемс Старр установил, что они были предварительно подпилены. Гарри Форда, руководившего работами в этом месте, засыпало обломками, и он спасся от смерти только чудом.

Через несколько дней подземный поезд, на котором ехал Гарри, наткнулся на какое-то препятствие и опрокинулся. Позже обнаружилось, что поперек рельсов была положена балка.

Словом, несчастные случаи стали повторяться так часто, что среди шахтеров началась паника. Нужно было присутствие начальников, чтобы люди оставались на работе.

— Значит, здесь орудует целая шайка злодеев, — повторял Симон Форд. — А мы не можем поймать ни одного!

Снова начались розыски. Была поставлена на ноги вся полиция графства, но ничего не смогла открыть. Джемс Старр запретил Гарри, на которого были, повидимому, направлены все эти покушения, выходить одному за пределы центрального участка работ.

Так же поступили и с Нелль, от которой, однако, по настоянию Гарри, были скрыты все преступные покушения, которые могли напомнить ей о прошлом. Симон Форд и Мэдж охраняли ее строго, — вернее, с суровой заботливостью, — днем и ночью. Бедная девушка видела это, но у нее не вырвалось ни одной жалобы, ни одного замечания. Понимала ли она, что это делается для ее пользы? Вероятно, да. Но и она посвоему охраняла других и казалась спокойной лишь после того, как те, кого она любила, сходились в коттедже. Вечером, когда Гарри возвращался, она не могла удержать безумной радости, мало совместимой с ее характером, скорее сдержанным, чем экспансивным. Не успевала пройти ночь, как она была на ногах раньше всех: тревога охватывала ее уже с утра, в час выхода на работу.

Оберегая ее покой, Гарри очень хотел, чтобы их брак был уже совершившимся фактом. Ему казалось, что пред лицом этого бесповоротного события злоба, отныне бесполезная, должна будет сложить оружие и

что Нелль почувствует себя в безопасности, только когда станет его женой. Впрочем, его нетерпение одинаково разделяли Джемс Старр, Симон Форд и Мэдж. Каждый считал дни, оставшиеся до свадьбы.

Дело в том, что каждого обуревали самые тревожные предчувствия. Шепотом говорили, что скрытый враг, о котором никто не знал, где его искать или как с ним бороться, — этот враг, очевидно, не может оставаться равнодушным ни к чему, связанному с Нелль. Торжество ее бракосочетания с Гарри может поэтому послужить поводом для какого-нибудь нового проявления его ненависти.

Однажды утром, за неделю до свадьбы, Нелль — очевидно, под влиянием какого-то мрачного предчувствия — захотелось выйти из коттеджа первой, чтобы осмотреть окрестности. Едва она переступила порог, как у нее вырвался крик невыразимого ужаса; он раздался по всему дому, на этот вопль сбежались Мэдж, Симон и Гарри.

Нелль была бледна как смерть, и в ее искаженном лице отражался величайший ужас. Она не могла говорить, не спуская глаз с двери коттеджа, которую только что отворила, и дрожащей рукой указывала на строки, приводившие ее в трепет и, очевидно, написанные ночью:

«Симон Форд, ты украл у меня последний пласт наших старых копей! Гарри, твой сын, украл у меня Нелль! Горе вам! Горе всем! Горе Новому Эберфойлу!

Сильфакс».

— Сильфакс! — вскричали разом Симон Форд и Мэдж.

— Кто это? — спросил Гарри, переводя взгляд с отца на девушку.

— Сильфакс! — повторяла с отчаянием Нелль. — Сильфакс!

Она вся трепетала, повторяя это имя, пока Мэдж почти силой не увела ее в комнату.

Прибежал Джемс Старр. Прочитав угрожающие слова, он произнес:

— Эти строки написаны той же рукой, которая написала мне письмо, противоречившее вашему, Симон! Человек этот называется Сильфаксом. По вашему волнению я вижу, что вы его знаете? Кто такой этот Сильфакс?

ГЛАВА ДВАДЦАТАЯ

«Кающийся»

Это имя было откровением для старого мастера.

Так звали последнего «кающегося» в шахте Дочерт.

Некогда, еще до изобретения безопасной лампы, Симон Форд знавал этого нелюдимого человека, который должен был, рискуя жизнью, каждый день вызывать частичные взрывы рудничного газа. Он видел это странное существо, блуждавшее по шахте всегда в сопровождении огромного гарфанга — чудовищной совы, помогавшей ему в его опасном ремесле. Птица держала в клюве горящий фитиль и проникала туда, куда не могла достать рука Сильфакса. Однажды этот старик исчез, а с ним исчезла и маленькая сиротка, родившаяся в шахте и не имевшая других родственников, кроме Сильфакса, своего прадеда. Это дитя, очевидно, и была Нелль.

Значит, они пятнадцать лет прожили в каком-нибудь потаенном ущелье, вплоть до того дня, когда Гарри спас Нелль.

Старый мастер, охваченный и жалостью и гневом, рассказал инженеру и своему сыну все, о чем напомнило ему имя Сильфакса.

Теперь все объяснялось. Сильфакс и был тем таинственным существом, которого они тщетно разыскивали в недрах Нового Эберфойла!

— Так вы его знали, Симон? — спросил инженер.

— Хорошо знал, — ответил мастер. — Человек с гарфангом! Он был уже немолод, лет на пятнадцать — двадцать старше меня. Совершеннейший дикарь, он не знался ни с кем; говорили, что он не боится

ни огня, ни воды! Он сам выбрал себе ремесло «кающегося», на которое было немного охотников. Эта опасная работа повлияла на его рассудок. Его считали злым, но, возможно, он был только сумасшедшим. Сила у него была необычайная. Он знал копи, как никто, — по крайней мере так же, как я сам. Говорили, что он человек довольно состоятельный. Но, право же, я давно считал его мертвым!

— Но, — продолжал Джемс Старр, — что он хочет сказать этими словами: «Ты украл у меня последний пласт наших старых копей»?

— Ах, вот что! — ответил Симон Форд. — Давно уже старик Сильфакс, мозг которого, как я уже сказал, был расстроен, вообразил, что у него есть права на Старый Эберфойл. Поэтому его характер становился все более диким по мере того, как истощалась шахта Дочерт — его шахта! Помилуйте, ему казалось, что каждый удар кайла вырывает у него внутренности. Ты, должно быть, помнишь это, Мэдж?

— Да, Симон, — ответила старая шотландка.

— Все это вспомнилось мне, — продолжал Симон Форд, — когда я увидел имя Сильфакса на двери; но, повторяю, я считал его мертвым и не мог представить себе, чтобы злобное создание, которое мы так долго искали, было старым «кающимся» шахты Дочерт!

— В самом деле, — произнес Джемс Старр, — теперь все объясняется. Случай открыл Сильфаксу существование новой залежи. Помешанный старик решил стать ее защитником. Живя в шахте, он бродил в ней днем и ночью и проник в вашу тайну. Он узнал, что вы спешно вызываете меня в коттедж. Отсюда — это письмо, противоречившее вашему; отсюда — камень, брошенный в Гарри в день моего приезда, и разрушенные лестницы в стволе Ярроу; отсюда — заделка трещин в стене новой залежи; отсюда, наконец, наше заточение и освобождение, которым мы обязаны Нелль, но, конечно, оно произошло без ведома и против воли Сильфакса!

— Все, вероятно, так и было, как говорит мистер Джемс, — ответил Симон Форд. — Теперь старый «кающийся», несомненно, совсем уж сошел с ума.

— Это и лучше, — заметила Мэдж.

— Не знаю, — возразил Джемс Старр, покачав головой. — Его безумие должно быть страшным. Я понимаю, почему Нелль не может думать о нем без ужаса, и понимаю также, что она не хотела выдавать его, своего деда. Какие тяжелые годы она провела рядом с этим стариком!

— Убийственные! — подтвердил Симон Форд. — Она жила в обществе этого дикого старика и его не менее дикого гарфанга, — ведь эта птица, конечно, тоже жива! Как раз она и погасила нашу лампу, она чуть не оборвала веревку, на которой повисли Гарри и Нелль!

— И я понимаю, — прибавила Мэдж, — что известие о браке его внучки с нашим сыном усилило его злобу и ненависть.

— Брак Нелль с сыном человека, который, как он думает, украл у него последний пласт Эберфойла, может действительно довести до предела его бешеную злобу, — подтвердил Симон Форд.

— Ему, однако, придется примириться с нашим браком! — вскричал Гарри. — Как ни чуждается он людей, он в конце концов убедится, что новая жизнь Нелль лучше той, какую он заставлял ее вести в глубине шахты! Я уверен, мистер Старр, что если бы нам удалось захватить его, мы бы его убедили!

— Нельзя убедить безумца, мой бедный Гарри, — возразил инженер. — Разумеется, лучше знать своего врага, чем не знать, но нельзя на этом успокаиваться. Будем настороже, друзья мои. Прежде всего, Гарри, нужно расспросить Нелль. Это необходимо! Она поймет, что теперь ее молчание не имеет смысла. Даже в интересах ее деда нужно, чтобы она заговорила. И для него и для нас одинаково важно, чтобы мы положили конец его злодейским замыслам.

— Я не сомневаюсь, мистер Старр, — ответил Гарри, — что Нелль теперь сама все скажет, не ожидая ваших расспросов. Вы знаете, что она молчала из чувства долга. И это же чувство заставит ее заговорить, как только вы захотите. Моя мать хорошо сделала, что

увела ее. Ей нужно было оправиться, но я сейчас схожу за ней...

— Не нужно, Гарри, — твердым и ясным голосом сказала девушка, входя в комнату.

Нелль была бледна. Глаза ее покраснели от слез, но чувствовалось, что она решилась поступить так, как требовала ее совесть.

— Нелль! — вскричал Гарри, бросаясь к ней.

— Гарри, — заговорила Нелль, жестом останавливая жениха, — ты и твои родители должны сегодня узнать все. Нужно, чтобы и вы, мистер Старр, узнали все о девушке, которую вы приняли, не зная, кто она, и которую Гарри — на свое несчастье, увы! — спас из пропасти.

— Нелль!.. — снова вскричал Гарри.

— Дай Нелль говорить, — остановил его Джемс Старр.

— Я внучка старого Сильфакса, — продолжала Нелль. — Я не знала матери, пока не пришла сюда, — прибавила она, взглянув на Мэдж.

— Будь благословен этот день, дитя мое! — отозвалась старая шотландка.

— Я не знала отца, пока не увидела Симона Форда, — продолжала Нелль. — Не знала и друга, пока рука Гарри не коснулась моей руки. Пятнадцать лет я жила одиноко в самых отдаленных уголках шахты вместе с дедом. Вместе с ним — не совсем точно сказано. Вернее — с его помощью. Я редко видела его. Исчезнув из Старого Эберфойла, он укрылся в глубинах, известных ему одному. Он был по-своему добр ко мне, хотя и страшен. Он кормил меня тем, что приносил с поверхности земли, но я смутно помню, что в самые ранние годы моей кормилицей была коза, потеря которой меня очень огорчила. Дедушка, видя, что я так опечалена, заменил ее другим животным — собакой, как он мне сказал. К несчастью, собака была веселая и лаяла. Мой дед не любил веселья и ненавидел шум. Меня он заставлял молчать, но собаку не мог приучить к молчанию, и бедное животное очень быстро исчезло. Товарищем дедушки была большая птица, гарфанг; я сначала ее боялась, но она так полюбила

меня, что мое отвращение рассеялось, и я, наконец, тоже к ней привязалась. Она стала слушаться меня даже больше, чем своего хозяина, и это внушало мне тревогу за нее: дедушка был ревнив. Мы с гарфангом всячески скрывали свою дружбу. Мы понимали, что это необходимо. Но я слишком много говорю о себе. Дело касается вас...

— Нет, дитя мое, — ответил Джемс Старр, — говори как тебе хочется.

— Мой дедушка, — продолжала Нелль, — всегда был недоволен вашим соседством, хотя места в шахте было довольно. Он выбирал себе убежища далеко, очень далеко от вас. Ваше присутствие было ему неприятно. Когда я его расспрашивала о людях, живущих наверху, он становился мрачным и долго не разговаривал со мной. Но особенно гнев его усилился, когда он заметил, что вы, не довольствуясь старыми владениями, хотите захватить те, что он считал своими. Он поклялся, что, если вам удастся проникнуть в новую залежь, о которой до сих пор знал только он, вы погибнете! Несмотря на возраст, он был еще необычайно силен, и его угрозы заставили меня бояться за вас и за него.

— Продолжай, Нелль, — сказал Симон Форд, когда девушка умолкла на минуту, словно для того, чтобы лучше разобраться в воспоминаниях.

— Как только дедушка увидел, что вы проникли в Новый Эберфойл, он заделал ход и запер вас, как в тюрьме. Для меня вы были просто тени, промелькнувшие во мраке; но мне была непереносима мысль, что вы умрете от голода в этих глубинах, и, рискуя быть застигнутой на месте «преступления», я посмела несколько раз принести вам немного воды и хлеба. Я хотела бы вывести вас на поверхность земли, но обмануть бдительность деда было так трудно! Вас ждала смерть... Но тут пришли Джек Райан и его товарищи... По воле божией я встретила их в этот день и привела к вам. На обратном пути дедушка застиг меня. Гнев его был ужасен. Я думала, что погибну от его руки! С тех пор жизнь для меня стала невыносимой. Рассудок дедушки окончательно помрачился. Он провозгласил себя ца-

рем огня и мрака... Когда доносились удары кайла по пластам, которые он считал своими, он приходил в ярость и бил меня. Я хотела бежать, но это было невозможно: он зорко следил за мной. Наконец, три месяца назад, в приступе несказанной ярости, он спустил меня в пропасть, где вы меня нашли, и исчез, тщетно зовя гарфанга, который остался со мной. Сколько времени я пробыла там — не знаю. Знаю только, что я умирала, когда пришел ты, мой Гарри, и спас меня. Но ты видишь, внучке старого Сильфакса нельзя быть женою Гарри Форда.

— Нелль! — прошептал Гарри.

— Нет, — продолжала девушка, — я должна пожертвовать собой. Есть только один способ предотвратить вашу гибель — это вернуться к деду. Он угрожает всему Новому Эберфойлу... Это человек, неспособный прощать, и никто не может угадать, что внушит ему жажда мщения! Мой долг ясен. Я была бы презреннейшим созданием, если бы поколебалась выполнить его. Прощайте! Благодаря вам я познала счастье в этом мире. Спасибо вам! Что бы ни случилось, — знайте, что мое сердце остается с вами!

При этих словах Симон Форд, Мэдж и Гарри вскочили с мест, обезумев от горя.

— Как, Нелль! — воскликнули они с отчаянием. — Ты хочешь покинуть нас?

Джемс Старр властным жестом отстранил их, подошел прямо к Нелль и взял ее за обе руки.

— Хорошо, дитя мое, — сказал он. — Ты сказала все, что должна была сказать; но вот что мы должны тебе ответить. Мы не дадим тебе уйти и, если понадобится, удержим тебя силой. Неужели, по-твоему, мы настолько низкие люди, что можем принять твое великодушное предложение? Угрозы Сильфакса опасны, — пусть так! Но в конце концов человек — это только человек, и мы примем меры предосторожности. Но не можешь ли ты, в интересах самого Сильфакса, рассказать нам о его привычках, о том, где он скрывается? Мы хотим только одного: лишить его возможности вредить и, может быть, вернуть ему рассудок.

— Вы хотите невозможного, — ответила Нелль. — Мой дед везде и нигде. Я никогда не знала его убежищ. Я никогда не видела его спящим. Найдя себе какой-нибудь тайник, он оставлял меня одну и скрывался. Принимая решение, мистер Старр, я знала все, что вы можете мне возразить. Верьте мне! Есть только один способ обезоружить моего деда: искать его мне самой! Он невидим, но сам видит все. Спросите себя, как он узнал бы ваши самые тайные замыслы, начиная с письма, написанного мистеру Старру, и кончая моей помолвкой с Гарри, если бы у него не было чудесной способности узнавать все? Насколько я могу судить, его разум даже в безумии остался могучим. Раньше он говорил мне замечательные вещи. Он рассказывал мне о боге и обманул меня лишь в одном: он уверял меня, что люди вероломны, и хотел внушить мне ненависть к человечеству. Когда Гарри принес меня в коттедж, вы думали, что я была только невежественна? Нет, я была еще и запугана. Ах, простите меня, но несколько дней я считала себя во власти злодеев и хотела убежать от вас! Но постепенно, благодаря вам, Мэдж, мне открылась истина. И вы сделали это не словами, это показал мне весь уклад вашей жизни, ваше взаимное уважение, уважение и любовь. Потом, наблюдая, как эти добрые, счастливые труженики чтут мистера Старра, рабами которого я их считала, увидев впервые, как все население Эберфойла преклоняет колена в часовне и молится богу, благодаря его за безграничные милости, — я сказала себе: «Дедушка обманул меня». Но теперь, когда вы многому научили меня, я поняла, что он обманывался сам. Теперь я снова пойду по тайным путям, по которым раньше сопровождала его. Он, наверно, караулит меня! Я позову его... он услышит... И кто знает, может быть, возвратившись к нему, я верну его к истине?

Все молча слушали девушку. Каждый чувствовал, что ей нужно открыть свою душу перед друзьями в тот момент, когда в своем великодушном заблуждении она думала, что должна покинуть их навсегда...

Она умолкла, изнемогая от волнения, и опустила глаза, полные слез, и тогда Гарри сказал матери:

— Матушка, что подумали бы вы о человеке, который покинул бы эту благородную девушку?

— Я подумала бы, — ответила Мэдж, — что этот человек подлый трус, и если бы он был моим сыном, я отреклась бы от него и прокляла его!

— Нелль, ты слышала, что сказала наша мать, — продолжал Гарри. — Куда ты пойдешь, пойду и я. Если ты настаиваешь на том, чтобы уйти, мы уйдем вместе.

— Гарри! Гарри! — вскричала Нелль.

Но волнение было слишком сильно. Губы у девушки побелели, и она упала на руки своей приемной матери. Мэдж попросила инженера, Симона и Гарри оставить их одних.

ГЛАВА ДВАДЦАТЬ ПЕРВАЯ

Свадьба Нелль

Все разошлись, условившись, что обитатели коттеджа будут настороже более, чем когда-либо.

Угроза старого Сильфакса была слишком прямой, чтобы пренебречь ею. Можно было предположить, что старый «кающийся» знает какой-нибудь страшный способ уничтожить весь Новый Эберфойл.

У входов в шахты был расставлен вооруженный караул с приказанием бодрствовать днем и ночью. Всякого незнакомого человека приводили к Джемсу Старру «для выяснения личности». Жителей Колсити предупредили об угрозах, направленных против подземной колонии. Так как у Сильфакса там не было никаких знакомств, то опасаться измены было нечего. Нелль сообщили о принятых мерах предосторожности, и она немного успокоилась. Впрочем, больше, чем все остальное, на нее повлияло решение Гарри следовать за нею повсюду, так что она обещала не уходить.

В течение недели, предшествовавшей свадьбе Нелль и Гарри, в Новом Эберфойле не произошло никаких событий. Поэтому шахтеры понемногу опомнились от страха, едва не поставившего эксплуатацию копей под угрозу, но они не ослабляли бдительности.

Тем временем Джемс Старр продолжал разыскивать старого Сильфакса. Так как мстительный старик заявил, что Нелль не будет женою Гарри, то нужно было полагать, что он не отступит ни перед чем, чтобы помешать свадьбе. Лучше всего было бы захватить безумца, пощадив его жизнь. Снова начались тщательные розыски. Штреки были обследованы до верхних горизонтов, выходивших на поверхность земли в развалинах замка Дендональд в Эрвине. Предполагали, и не без основания, что именно этим путем старый Сильфакс сообщался с внешним миром, где он покупал или похищал все, что нужно было для его жалкого существования.

Что касается Огненных женщин, то, по мнению Джемса Старра, Сильфакс поджег струю рудничного газа, выделявшегося в этой части шахты, чем и вызвал это странное явление. Джемс Старр не ошибался. Но все поиски были напрасными.

Тайная борьба с неуловимым существом стоила Джемсу Старру большого напряжения, хотя он и скрывал его. С приближением дня свадьбы его опасения росли, и он счел нужным поделиться ими со старым мастером; тот тревожился не меньше самого инженера.

Наконец, долгожданный день настал.

Сильфакс не подавал признаков жизни.

С утра все население Колсити было на ногах. Работы в Новом Эберфойле были приостановлены. Начальникам и рабочим хотелось поздравить старого мастера и его сына: это было только долгом благодарности двум смелым и упорным людям, вернувшим шахте ее былое благосостояние.

Венчание должно было совершиться в одиннадцать часов, в часовне у озера Малькольм. В назначенный час из коттеджа вышли Гарри под руку с матерью и Симон Форд, который вел Нелль. За ними следовали Джемс Старр, невозмутимый с виду, но приготовившийся ко всему, и Джек Райан, великолепный в своем наряде волынщика. Затем шли инженеры, лучшие люди колонии, друзья старого мастера, все члены огромной шахтерской семьи, составлявшей население Нового Эберфойла.

На поверхности земли был один из тех знойных

августовских дней, которые на севере бывают особенно тягостными. Грозовой воздух проникал даже в глубину шахты, где температура поднялась выше обычного. Воздух насыщался электричеством через вентиляционные стволы и широкий туннель Малькольм.

Было отмечено довольно редкое явление: барометр в Колсити сильно упал. Право, можно было думать, что под сланцевым куполом, который служил небом огромной пещере, того и гляди разразится настоящая гроза.

Но, сказать правду, никого внизу не беспокоили атмосферные угрозы внешнего мира.

Разумеется, все надели свои лучшие наряды. На Мэдж был старинный костюм и клетчатая мантилья на плечах, которую шотландки носят с особым изяществом.

Нелль обещала себе не выказывать волнения. Она запретила своему сердцу биться, своим тайным страхам проявляться; лицо отважной девушки показалось всем спокойным и сосредоточенным.

Она была одета просто, и простота наряда, которую она предпочла более роскошным уборам, еще больше подчеркивала ее природную привлекательность. Единственным ее украшением была пестрая лента на голове — обычный убор молодых девушек Каледонии.

Симон Форд облекся в наряд, от которого не отказался бы и достойный олдермен Николь Джарви в романе Вальтера Скотта.

Все направились к часовне, роскошно украшенной по случаю торжества. Фонари в небе Колсити, питаемые мощным током, сияли, как множество солнц. Весь Новый Эберфойл был залит ярким светом.

Электрические лампы в часовне тоже разливали ослепительный свет, и цветные стекла в окнах сверкали, как огненный калейдоскоп.

Брачную церемонию должен был совершать достопочтенный Уильям Гобсон. Он ожидал жениха и невесту перед входом в часовню.

Торжественное шествие приближалось, огибая озеро Малькольм. Раздались звуки органа, и обе четы вслед за достопочтенным Гобсоном направились к алтарю.

На всех присутствующих было призвано небесное благословение; потом Гарри и Нелль остались одни перед пастором, державшим в руках священную книгу.

— Гарри, — спросил достопочтенный Гобсон, — хотите ли вы взять Нелль в жены и клянетесь ли любить ее вечно?

— Клянусь! — с силой ответил молодой человек.

— А вы, Нелль, — продолжал священник, — хотите ли вы взять Гарри Форда в мужья и...

Не успела девушка ответить, как раздался страшный грохот.

Один из огромных утесов, образующих террасу над озером Малькольм, шагах в ста от часовни, внезапно отвалился без всякого взрыва, словно его падение было подготовлено заранее. Вода устремилась в черную впадину, о существовании которой никто не подозревал.

Потом из углубления между утесами показался челнок, могучим ударом весел вынесенный на середину озера.

В челноке стоял старик в темной рясе, со взъерошенными волосами, с длинной седой бородой, падавшей ему на грудь. В руке у него была лампа Дэви, пламя которой было защищено металлической сеткой. Старик громко кричал:

— Газ! газ! Горе всем! горе!

В воздухе мгновенно разлился легкий запах метана.

Очевидно, падение утеса дало выход большому количеству взрывчатого газа, скопившегося в огромных «карманах», закрытых слоями сланца. Струи газа летели к сводам купола под давлением в пять-шесть атмосфер.

Старик знал о существовании этих карманов и открыл их сразу, чтобы воздух в пещере стал взрывчатым.

Тем временем Джемс Старр и некоторые другие, выбежав из часовни, кинулись на берег.

— Бегите из шахты! Бегите из шахты! — закричал с порога часовни инженер, понявший неизбежность катастрофы.

— Газ! Газ! — повторял старик, плывя дальше в своем челне по озеру.

Гарри, увлекая свою невесту, отца и мать, поспешно выбежал из часовни.

— Бегите из шахты! Бегите из шахты! — повторял Джемс Старр.

Но бежать было поздно. Старый Сильфакс был здесь, готовый выполнить свою последнюю угрозу и похоронить все население Колсити под развалинами копей, лишь бы помешать браку Гарри и Нелль.

Над головой у него летал огромный гарфанг с черными пятнами на белых перьях.

Вдруг какой-то человек кинулся в воду и быстро поплыл к челноку. Это был Джек Райан. Он хотел добраться до сумасшедшего прежде, чем тот успеет сделать свое гибельное дело.

Сильфакс увидел его. Он разбил стекло своей лампы и, выхватив горящий фитиль, провел им по воздуху.

Мертвое молчание повисло над потрясенной толпой. Джемс Старр, покорившись неизбежности, удивлялся, что неотвратимый взрыв еще не уничтожил Нового Эберфойла.

Сильфакс, черты которого исказились, понял, что рудничный газ, слишком легкий, не мог удержаться в нижних слоях воздуха и скопился под самым куполом.

Тогда гарфанг по знаку Сильфакса схватил в лапы горящий фитиль, как он привык это делать в штреках шахты Дочерт, и начал подниматься к куполу, куда старик указал ему рукой.

Еще несколько секунд, и Нового Эберфойла не станет...

Но в этот момент Нелль вырвалась из объятий Гарри. Спокойная и вдохновенная, она подбежала к берегу озера, к самому краю воды.

— Гарфанг! Гарфанг! — звонко закричала она. — Ко мне! Лети ко мне!

Верная птица, удивившись, заколебалась на мгновение. Но вдруг, узнав голос Нелль, она уронила горящий фитиль в озеро и, описав широкий круг, опустилась к ногам девушки.

Верхние, взрывчатые слои воздуха, насыщенные рудничным газом, не успели воспламениться.

Тогда своды огласил страшный крик. Это был последний крик старого Сильфакса.

В тот момент, когда Джек Райан схватился рукой за борт челнока, старик, видя, что мщение ускользнуло от него, кинулся в озеро.

— Спасите его! Спасите! — раздирающим голосом закричала Нелль.

Гарри услышал ее. Бросившись в воду в свою очередь, он быстро доплыл до Джека Райана и нырнул несколько раз.

Но усилия его были напрасны.

Воды озера Малькольм не отдали своей добычи. Они навсегда сомкнулись над старым Сильфаксом.

ГЛАВА ДВАДЦАТЬ ВТОРАЯ

Легенда о старом Сильфаксе

Через полгода после этих событий в часовне над озером Малькольм происходила свадьба Гарри Форда и Нелль, ранее так странно прерванная.

Достопочтенный Гобсон благословил их союз, и молодые супруги, еще в трауре, вернулись в коттедж.

Джемс Старр и Симон Форд, отныне свободные от всяких тревог, весело открыли свадебный пир. Торжество продолжалось до следующего дня.

На этом памятном празднике Джек Райан, одетый в костюм волынщика, надул мех своей волынки и ухитрился одновременно петь, играть и плясать при рукоплесканиях всех собравшихся.

А через день возобновились подземные и надземные работы под руководством Джемса Старра.

Излишне говорить, что Гарри и Нелль были счастливы. Два сердца, перенесшие столько испытаний, обрели в своем союзе заслуженное счастье.

Что касается Симона Форда, почетного мастера Нового Эберфойла, то он собирался прожить столько,

чтобы отпраздновать пятидесятилетие своей свадьбы с доброй Мэдж, которая, надо сказать, ничего не имела против этого.

— А после первой золотой свадьбы справим и вторую, — говорил Джек Райан. — Два пятидесятилетия — не слишком много для вас, мистер Симон.

— Ты прав, мальчик, — отвечал спокойно старый мастер. — В чудном климате Нового Эберфойла, где неизвестны перемены погоды, не удивительно прожить целых два столетия.

Смогут ли жители Колсити присутствовать на этом новом празднике? Будущее покажет.

Во всяком случае, одно существо собиралось, повидимому, достигнуть необычайного долголетия: это был гарфанг старого Сильфакса. Он все летал по своему мрачному царству. Но, несмотря на все старания Нелль удержать его, через несколько дней после смерти старика он улетел совсем.

Положительно, общество людей не нравилось ему так же, как и его бывшему хозяину; кроме того, он, казалось, питал особенную злобу к Гарри. Похоже было, что ревнивая птица всегда узнавала и ненавидела первого похитителя Нелль, того, которому она тщетно пыталась помешать при подъеме из пропасти.

С тех пор Нелль лишь изредка видела, как гарфанг парит над озером Малькольм.

Хотел ли он снова увидеть свою прежнюю подругу? Хотел ли проникнуть своим острым зрением до самого дна пропасти, поглотившей старого Сильфакса?

Приняты были оба объяснения, так как гарфанг стал легендарной птицей и внушил Джеку Райану немало фантастических историй.

Именно благодаря этому веселому малому на шотландских вечеринках до сих пор поют легенду о птице старого Сильфакса, последнего «кающегося» в Эберфойлских копях.

ПЯТНАДЦАТИЛЕТНИЙ КАПИТАН

Перевод И. Петрова
под редакцией Л. Савельева

Часть первая

ГЛАВА ПЕРВАЯ

Шкуна-бриг «Пилигрим»

Второго февраля 1873 года шкуна-бриг «Пилигрим» находилась под 43°57′ южной широты и 165°19′ западной долготы от Гринвича. Это судно водоизмещением в четыреста тонн было снаряжено в Сан-Франциско для охоты на китов в южных морях.

«Пилигрим» принадлежал богатому калифорнийскому судовладельцу Джемсу Уэлдону; командовал судном в продолжение многих лет капитан Гуль.

Джемс Уэлдон ежегодно отправлял целую флотилию судов в северные моря, за Берингов пролив, а также в моря Южного полушария, к Тасмании и к мысу Горн. «Пилигрим» считался одним из лучших кораблей флотилии. Ход у него был отличный. Превосходная оснастка позволяла ему с небольшой командой доходить до самой границы сплошных льдов Южного полушария.

Капитан Гуль умел лавировать, как говорят моряки, среди пловучих льдин, дрейфующих летом южнее Новой Зеландии и мыса Доброй Надежды, то есть на более низких широтах, чем в северных морях. Правда, это только небольшие айсберги, уже потрескавшиеся и размытые теплой водой, и большая часть их быстро тает в Атлантическом или Тихом океанах.

На «Пилигриме» под началом капитана Гуля, прекрасного моряка и одного из лучших гарпунщиков юж-

ной флотилии, находилось пять опытных матросов и один новичок. Этого было недостаточно: охота на китов требует довольно большого экипажа для обслуживания шлюпок и для разделки добытых туш. Но мистер Джемс Уэлдон, как и другие судовладельцы, считал выгодным вербовать в Сан-Франциско лишь матросов, необходимых для управления кораблем. В Новой Зеландии среди местных жителей и дезертиров всех национальностей не было недостатка в искусных гарпунщиках и матросах, готовых наняться на один сезон. По окончании кампании они получали расчет и на берегу дожидались следующего года, когда их услуги снова могли понадобиться китобойным судам. При такой системе судовладельцы экономили немалые суммы на жалованье судовой команды и увеличивали свои доходы от промысла.

Именно так поступил и Джемс Уэлдон, снаряжая в плавание «Пилигрим».

Шкуна-бриг только что закончила китобойную кампанию на границе южного Полярного круга, но в ее трюмах оставалось еще много места для китового уса и немало бочек, не заполненных ворванью. Уже в то время китовый промысел был нелегким делом. Киты стали редкостью: сказывались результаты их беспощадного истребления. Настоящие киты начали вымирать, и охотникам приходилось промышлять полосатиков [1], охота на которых представляет немалую опасность.

То же самое вынужден был делать и капитан Гуль, но он рассчитывал пройти в следующее плавание в более высокие широты, — если понадобится, вплоть до земель Клары и Адели, открытых, как это твердо установлено, французом Дюмоном д'Юрвилем, как бы это ни оспаривал американец Уилкс.

«Пилигриму» не повезло в этом году. В начале

---

[1] Настоящие киты дают охотникам ворвань (китовый жир) — ценное промышленное сырье — и китовый ус. Китовый ус — роговые пластины — употребляется для изготовления разных изделий. Полосатики дают только ворвань; пластинки китового уса у них развиты слабо.

января, в самый разгар лета в Южном полушарии и, следовательно, задолго до конца промыслового сезона, капитану Гулю пришлось покинуть место охоты. Вспомогательная команда — сборище довольно темных личностей — вела себя дерзко, нанятые матросы отлынивали от работы, и капитан Гуль вынужден был расстаться с ней.

«Пилигрим» взял курс на северо-запад и 15 января прибыл в Вайтемату, порт Окленда, расположенный в глубине залива Хаураки на восточном берегу северного острова Новой Зеландии. Здесь капитан высадил китобоев, нанятых на сезон.

Постоянная команда «Пилигрима» была недовольна: шкуна-бриг не добрала по меньшей мере двести бочек ворвани. Никогда еще результаты промысла не были столь плачевны.

Больше всех недоволен был капитан Гуль. Самолюбие прославленного китобоя было глубоко уязвлено неудачей: впервые он возвращался с такой скудной добычей; он проклинал лодырей и тунеядцев, которые сорвали промысел.

Напрасно пытался он набрать в Окленде новый экипаж: моряки были уже заняты на других китобойных судах. Пришлось, таким образом, отказаться от надежды дополна нагрузить «Пилигрим». Капитан Гуль собирался уже уйти из Окленда, когда к нему обратились с просьбой принять на борт пассажиров. Отказать в этом он не мог.

Миссис Уэлдон, жена владельца «Пилигрима», ее пятилетний сын Джек и ее родственник, которого все называли «кузен Бенедикт», находились в это время в Окленде. Они приехали туда с Джемсом Уэлдоном, который изредка посещал Новую Зеландию по торговым делам, и предполагали вместе с ним вернуться в Сан-Франциско. Но перед самым отъездом маленький Джек серьезно занемог. Джемса Уэлдона призывали в Америку неотложные дела, и он уехал, оставив жену, заболевшего ребенка и кузена Бенедикта в Окленде.

Прошло три месяца, три тяжких месяца разлуки, показавшихся бесконечно долгими бедной миссис Уэлдон. Когда маленький Джек оправился от болезни, она

стала собираться в дорогу. Как раз в это время «Пилигрим» пришел в Оклендский порт.

В ту пору прямого сообщения между Оклендом и Калифорнией не существовало. Миссис Уэлдон предстояло сначала поехать в Австралию, чтобы там пересесть на один из трансокеанских пароходов компании «Золотой век», связывающих пассажирскими рейсами Мельбурн с Панамским перешейком через Папеэте. Добравшись до Панамы, она должна была ждать американского парохода, курсировавшего между перешейком и Калифорнией.

Такой маршрут предвещал длительные задержки и пересадки, особенно неприятные для женщин, путешествующих с детьми. Поэтому, узнав о прибытии «Пилигрима», миссис Уэлдон обратилась к капитану Гулю с просьбой доставить ее в Сан-Франциско вместе с Джеком, кузеном Бенедиктом и Нан — старухой негритянкой, которая вынянчила еще самое миссис Уэлдон.

Совершить путешествие в три тысячи лье на парусном судне! Но судно капитана Гуля всегда содержалось в безукоризненном порядке, а время года было еще благоприятно по обе стороны экватора.

Капитан Гуль согласился и тотчас предоставил в распоряжение пассажирки свою каюту. Ему хотелось, чтобы во время плаванья, которое должно было продлиться дней сорок — пятьдесят, миссис Уэлдон была окружена возможно большим комфортом на борту китобойного судна.

Таким образом, для миссис Уэлдон путешествие на «Пилигриме» имело много преимуществ. Правда, шкуна-бриг должна была сначала зайти для разгрузки в порт Вальпарайсо в Чили, лежащий в стороне от прямого курса. Зато от Вальпарайсо до самого Сан-Франциско судну предстояло идти вдоль американского побережья при попутных береговых ветрах.

Миссис Уэлдон, опытная путешественница, не раз делившая с мужем тяготы дальних странствований, была храбрая женщина и не боялась моря; ей было около тридцати лет, и она отличалась завидным здоровьем. Она знала, что капитан Гуль отличный моряк,

которому Джемс Уэлдон вполне доверял, а «Пилигрим» надежный корабль и на отличном счету среди американских китобойных судов. Случай представился, — надо было им воспользоваться. И миссис Уэлдон решилась совершить плавание на борту судна небольшого тоннажа. Разумеется, кузен Бенедикт должен был сопровождать ее.

Кузену было лет пятьдесят. Несмотря на солидный возраст, его нельзя было выпускать одного из дому. Скорее сухопарый, чем худой, и не то чтобы высокий, но какой-то длинный, с огромной взлохмаченной головой, с золотыми очками на носу — таков был кузен Бенедикт. С первого взгляда в этом долговязом человеке можно было распознать одного из тех почтенных ученых, безобидных и добрых, которым на роду написано всегда оставаться взрослыми детьми, жить на свете лет до ста и умереть с младенческой душой.

«Кузеном Бенедиктом» звали его не только члены семьи, но и посторонние: такие простодушные добряки, как он, кажутся всеобщими родственниками. Кузен Бенедикт никогда не знал, куда ему девать свои длинные руки и ноги; трудно было найти человека более беспомощного и несамостоятельного, особенно в тех случаях, когда ему приходилось разрешать обыденные, житейские вопросы.

Нельзя сказать, что он был обузой для окружающих, но он как-то ухитрялся стеснять каждого и сам чувствовал себя стесненным собственной неуклюжестью. Впрочем, он был неприхотлив, покладист, нетребователен, нечувствителен к жаре и холоду, мог не есть и не пить целыми днями, если его забывали накормить и напоить. Казалось, кузен Бенедикт принадлежит не столько к животному, сколько к растительному царству. Он был как бесплодное, почти лишенное листьев дерево, не способное ни приютить, ни накормить путника. Но у него было доброе сердце. Он охотно оказывал бы услуги людям, если бы в состоянии был оказывать их, как сказал бы Прюдом, и его все любили, несмотря на его слабости, а может быть, именно за них. Миссис Уэлдон смотрела на него как на своего сына, как на старшего брата маленького Джека.

Следует, однако, оговориться, что кузена Бенедикта никто бы не назвал бездельником. Напротив, это был неутомимый труженик. Единственная страсть — естественная история — поглощала его целиком.

Сказать «естественная история» — это значит сказать очень многое. Известно, что эта наука включает в себя зоологию, ботанику, минералогию и геологию. Но кузен Бенедикт ни в какой мере не был ни ботаником, ни минералогом, ни геологом.

Был ли он в таком случае зоологом в полном смысле слова — кем-то вроде Кювье[1] Нового Света, способным аналитически разложить или синтетически воссоздать любое животное? Посвятил ли он свою жизнь изучению тех четырех типов — позвоночных, мягкотелых, суставчатых и лучистых, — на какие современное естествознание делит весь животный мир? Изучал ли этот наивный, но прилежный ученый разнообразные отряды, подотряды, семейства и подсемейства, роды и виды этих четырех типов?

Нет!

Посвятил ли себя кузен Бенедикт изучению позвоночных: млекопитающих, птиц, пресмыкающихся и рыб?

Нет и нет!

Быть может, его занимали моллюски? Быть может, головоногие и мшанки раскрыли перед ним все свои тайны?

Тоже нет!

Значит, это ради изучения медуз, полипов, иглокожих, простейших и других представителей лучистых он до глубокой ночи жег керосин в лампе?

Надо прямо сказать, что не лучистые поглощали внимание кузена Бенедикта.

А так как из всей зоологии остается только раздел суставчатых, то само собой разумеется, что именно этот раздел и был предметом всепоглощающей страсти

---

[1] Жорж Кювье (1769—1832) — известный французский натуралист, прославившийся иследованиями ископаемых животных, предложил классификацию животного мира, разделив его на четыре основных типа; эта классификация теперь устарела.

кузена Бенедикта. Однако и тут требуется сделать уточнение.

Суставчатых насчитывают шесть отрядов: насекомые, многоногие, паукообразные, ракообразные, усоногие, кольчатые черви.

Кузен Бенедикт, откровенно говоря, не сумел бы отличить земляного червя от медицинской пиявки, домашнего паука от лжескорпиона, морского желудя от креветки, кивсяка от сколопендры.

Кем же был в таком случае кузен Бенедикт?

Только энтомологом и никем иным!

На это могут возразить, что энтомология есть часть естественной истории, занимающаяся изучением всех суставчатых. Вообще говоря, это верно. Но обычно в понятие «энтомология» вкладывается более ограниченное содержание. Этот термин применяется только для обозначения науки о насекомых, то есть суставчатых беспозвоночных, в теле которых различаются три отдела — голова, грудь и брюшко — и которые снабжены одной парой сяжков и тремя парами ног, почему их и назвали шестиногими.

Итак, кузен Бенедикт был энтомологом, посвятившим свою жизнь изучению насекомых.

Из этого не следует, что кузену Бенедикту нечего было делать. В этом классе не менее десяти отрядов:

Прямокрылые (представители: кузнечики, сверчки и т. д.).

Сетчатокрылые (представители: муравьиные львы, стрекозы).

Перепончатокрылые (представители: пчелы, осы, муравьи).

Чешуекрылые (представители: бабочки).

Полужесткокрылые (представители: цикады, блохи).

Жесткокрылые (представители: майские жуки, бронзовки).

Двукрылые (представители: комары, москиты, мухи).

Веерокрылые (представители: стилопсы, или веерокрылы).

Паразиты (представители: клещи).

Низшие насекомые (представители: чешуйницы).

Но среди одних лишь жесткокрылых насчитывается не менее тридцати тысяч разных видов, а среди двукрылых — шестьдесят тысяч [1], поэтому нельзя не признать, что работы для одного человека здесь больше чем достаточно.

Жизнь кузена Бенедикта была посвящена безраздельно и исключительно энтомологии. Этой науке он отдавал все свое время. не только часы бодрствования, но также и часы сна, потому что ему даже во сне неизменно грезились насекомые. Немыслимо сосчитать, сколько булавок было вколото в обшлага его рукавов, в отвороты и полы его пиджака, в поля его шляпы. Когда кузен Бенедикт возвращался домой с загородной прогулки, всегда предпринимаемой с научной целью, его шляпа представляла собою витрину с коллекцией самых разнообразных насекомых. Наколотые на булавки, они были пришпилены к шляпе как снаружи, так и изнутри.

Чтобы дорисовать портрет этого чудака, скажем, что он решил сопровождать мистера и миссис Уэлдон в Новую Зеландию исключительно ради того, чтобы удовлетворить свою страсть к новым открытиям в энтомологии В Новой Зеландии ему удалось обогатить свою коллекцию несколькими редкими экземплярами, и теперь кузен Бенедикт с понятным нетерпением рвался назад, в Сан-Франциско, желая поскорее рассортировать драгоценные приобретения по ящикам в своем рабочем кабинете.

Так как миссис Уэлдон с сыном возвращались домой на «Пилигриме», то вполне понятно, что кузен Бенедикт ехал вместе с ними.

Миссис Уэлдон меньше всего могла рассчитывать на помощь кузена Бенедикта в случае какой-нибудь опасности. К счастью, ей предстояло совершить лишь приятное путешествие по морю, спокойному в это время года, и на борту судна, которое вел капитан, заслуживающий полного доверия.

---

[1] Теперь известно более миллиона видов насекомых, из них свыше двухсот тысяч разновидностей жуков

В продолжение трех дней стоянки «Пилигрима» в Вайтемате миссис Уэлдон успела сделать все приготовления к отъезду. Она очень торопилась, так как не хотела задерживать отправление судна. Рассчитав туземную прислугу, она 22 января перебралась на «Пилигрим» вместе с Джеком, кузеном Бенедиктом и старой негритянкой Нан.

Кузен Бенедикт со всеми предосторожностями уложил свою драгоценную коллекцию в особую жестяную коробку, которую он носил на ремне через плечо. В этой коллекции, между прочим, хранился экземпляр жука-стафилина — плотоядного жесткокрылого, с глазами, расположенными в верхней части головки, которого до этого времени считали присущим только новокаледонской фауне. Кузену Бенедикту предлагали захватить с собой ядовитого паука «катипо», как его называют маори[1], укус которого смертелен для человека. Но паук не принадлежит к насекомым, его место среди паукообразных, — и, следовательно, он не представлял никакого интереса для кузена Бенедикта; наш энтомолог пренебрежительно отказался от паука и считал самым ценным экземпляром своей коллекции новозеландского жука-стафилина.

Конечно, кузен Бенедикт застраховал свою коллекцию, не пожалев денег на уплату страхового взноса. Эта коллекция на его взгляд была дороже, чем весь груз ворвани и китового уса, хранившийся в трюме «Пилигрима».

Когда миссис Уэлдон и ее спутники поднялись на борт шкуны-брига, и настала минута сниматься с якоря, капитан Гуль подошел к своей пассажирке и сказал:

— Само собой разумеется, миссис Уэлдон, вы принимаете на себя всю ответственность за то, что выбрали «Пилигрим» для плавания через океан

— Что за странные слова, капитан Гуль?

— Я вынужден напомнить вам это, миссис Уэлдон, потому что не получил никаких указаний от вашего

---

[1] Маори — коренное население Новой Зеландии.

супруга. Это во-первых. А во-вторых, шкуна-бриг в смысле безопасности, конечно, уступает пакетботам [1], специально приспособленным для перевозки пассажиров.

— Как вы думаете, мистер Гуль, если бы муж был здесь, решился бы он совершить это плавание на «Пилигриме» вместе со мной и с нашим сыном?

— О да, несомненно! — ответил капитан. — Сам я, не задумываясь, взял бы на борт «Пилигрима» свою семью. «Пилигрим» — отличное судно, хоть в этом году оно неудачно закончило промысловый сезон. Я уверен в нем так, как только может быть уверен в своем судне моряк, командующий им много лет. Я задал вам этот вопрос, миссис Уэлдон, только для очистки совести да еще для того, чтобы лишний раз извиниться за то, что у меня нет возможности окружить вас удобствами, к которым вы привыкли.

— Если все дело сводится к удобствам, капитан Гуль, это не остановит меня. Я не принадлежу к числу тех капризных пассажирок, которые досаждают капитанам жалобами на тесноту кают и плохой стол.

Посмотрев на своего маленького сына, которого она держала за руку, миссис Уэлдон закончила:

— Итак, в путь, капитан!

Капитан Гуль тотчас же приказал поднять якорь. Через короткое время «Пилигрим», поставив паруса, вышел из Оклендского порта и взял курс к американскому побережью.

Однако через три дня после отплытия с востока задул сильный ветер, и шкуна-бриг вынуждена была лечь на левый галс, чтобы следовать против ветра. Поэтому 2 февраля капитан Гуль еще находился в широтах более высоких, чем он желал, — в положении моряка, который намеревался бы обогнуть мыс Горн, а не плыть кратчайшим путем к западному берегу Нового Света.

---

[1] Пакетбот — устарелое название почтово-пассажирского судна.

ГЛАВА ВТОРАЯ

Дик Сэнд

Погода стояла хорошая, и, если не считать отклонения от курса и удлинения пути, плавание совершалось в сносных условиях.

Миссис Уэлдон устроили на борту «Пилигрима» как можно удобнее. На корме не было ни юта, ни рубки, и, следовательно, отсутствовали каюты для пассажиров. Миссис Уэлдон предоставили крошечную каюту капитана Гуля. Это было лучшее помещение на судне. Да еще пришлось уговаривать деликатную женщину занять его. В этой тесной каморке с нею поселились маленький Джек и старуха Нан. Там они завтракали и обедали вместе с капитаном и кузеном Бенедиктом, которому отвели клетушку на носу судна. Капитан Гуль перебрался в каюту, предназначенную для его помощника. Но экипаж «Пилигрима» ради экономии не был укомплектован полностью, и капитан обходился без помощника.

Команда «Пилигрима» — пять искусных и опытных моряков, державшихся одинаковых взглядов и одинаковых привычек, — жила мирно и дружно. Они плавали вместе уже четвертый промысловый сезон. Все матросы были американцами, все с побережья Калифорнии и с давних пор знали друг друга.

Эти славные люди были очень предупредительны по отношению к миссис Уэлдон как к жене судовладельца, к которому они питали беспредельную преданность. Надо сказать, что все они были широко заинтересованы в прибылях китобойного промысла и до сих пор получали немалый доход от каждого плавания. Если они и трудились, не жалея сил, так как судовая команда была весьма невелика, то всякая лишняя работа увеличивала их долю в доходах при подведении баланса по окончании сезона. На этот раз, правда, не ожидалось почти никакого дохода, и потому они с достаточным основанием проклинали «этих негодяев из Новой Зеландии».

Только один человек на судне не был американцем по происхождению. Негоро, выполнявший на «Пилигриме» скромные обязанности судового кока, родился в Португалии. Впрочем, и он отлично говорил по-английски. После того как в Окленде сбежал прежний кок, Негоро предложил свои услуги. Этот хмурый на вид, неразговорчивый человек сторонился товарищей, но дело свое знал неплохо. У капитана Гуля, который его нанял, очевидно, был верный глаз: за время своей работы на «Пилигриме» Негоро не заслужил ни малейшего упрека.

И все-таки капитан Гуль сожалел, что не успел навести справок о прошлом нового кока. Внешность португальца, вернее — его бегающий взгляд, не очень нравились капитану. В том крохотном, тесном мирке, каким является китобойное судно, каждый человек на счету, и, прежде чем допустить незнакомца в этот мирок, необходимо все узнать о его прежней жизни.

Негоро было около сорока лет. Худощавый, жилистый, черноволосый и смуглый, он, несмотря на небольшой рост, производил впечатление сильного человека. Получил ли он какое-нибудь образование? Повидимому, да, если судить по замечаниям, которые у него изредка вырывались. Негоро никогда не говорил о своем прошлом, о своей семье. Никто не знал, где он жил и что делал раньше. Никто не ведал, чего ждет он от будущего. Известно было только, что он намерен списаться на берег в Вальпарайсо. Окружающие считали его странным человеком.

Негоро, очевидно, не был моряком. Больше того — товарищи по шкуне заметили, что в морских делах он смыслит меньше, чем всякий кок, который значительную часть своей жизни провел в плаваниях. Но ни боковая, ни килевая качка на него не действовали, морской болезнью, которой подвержены новички, он не страдал, а это уже немалое преимущество для судового повара.

Негоро редко выходил на палубу. Весь день он проводил в своем крохотном камбузе, большую часть площади которого занимала кухонная плита. С наступлением ночи, погасив огонь в плите, Негоро уда-

лялся в свою каморку, отведенную ему на носу. Там он тотчас же ложился спать.

Как уже было сказано, экипаж «Пилигрима» состоял из пяти бывалых матросов и одного юного новичка.

Этот пятнадцатилетний матрос был сыном неизвестных родителей. В младенческом возрасте его нашли у чужих дверей, и вырос он в воспитательном доме.

Дик Сэнд — так звали его — повидимому, родился в штате Нью-Йорк, а может быть, и в самом городе Нью-Йорке.

Имя Дик, уменьшительное от Ричарда, было дано подкидышу в честь сострадательного прохожего, который подобрал его и доставил в воспитательный дом. Фамилия Сэнд служила напоминанием о том месте, где был найден Дик, — о песчаной косе Сэнди-Гук в устье реки Гудзона, у входа в Нью-Йоркский порт.

Дик Сэнд был не высок и не обещал стать в дальнейшем выше среднего роста, но крепко сколочен. В нем сразу чувствовался англосакс, хотя он был темноволос и с огненным взглядом голубых глаз. Трудная работа моряка уже подготовила его к житейским битвам. Его умное лицо дышало энергией. Это было лицо человека не только смелого, но и способного дерзать.

Часто цитируют три слова незаконченного стиха Виргилия: «Audaces fortuna juvat...» («Смелым судьба помогает...»), но цитируют неправильно. Поэт сказал: «Audentes fortuna juvat...» («Дерзающим судьба помогает...») Дерзающим, а не просто смелым почти всегда улыбается судьба. Смелый может иной раз действовать необдуманно. Дерзающий сначала думает, затем действует. В этом тонкое различие. Дик Сэнд был «audens» — дерзающий.

В пятнадцать лет он умел уже принимать решения и доводить до конца все то, на что обдуманно решился. Его оживленное и серьезное лицо привлекало внимание. В отличие от большинства своих сверстников Дик был скуп на слова и жесты. В возрасте, когда дети еще не задумываются о будущем, Дик осознал свою

участь и пообещал себе «стать человеком» своими силами.

И он добился своего: он был уже взрослым в ту пору, когда его сверстники еще оставались детьми. Ловкий, подвижный и сильный, Дик был одним из тех одаренных людей, о которых можно сказать, что они родились с двумя правыми руками и двумя левыми ногами: что бы они ни делали — им все «с руки», с кем бы они ни шли — они всегда ступают «в ногу».

Как уже было сказано, Дика воспитывали за счет общественной благотворительности. Сначала поместили его в приют для подкидышей, каких много в Америке. В четыре года стали учить его чтению, письму и счету в одной из тех школ штата Нью-Йорк, которые содержатся на пожертвования великодушных благотворителей. Восьми лет его пристроили юнгой на судно, совершавшее рейсы в южные страны; к морю у него было врожденное влечение. На корабле он стал изучать морское дело, которому и следует учиться с детских лет. Судовые офицеры хорошо относились к пытливому мальчугану и охотно руководили его занятиями. Юнга вскоре должен был стать младшим матросом в ожидании лучшего.

Тот, кто с детства знает, что труд есть закон жизни, кто смолоду понял, что хлеб добывается только в поте лица (заповедь библии, ставшая правилом для человечества), тот предназначен для больших дел, ибо в нужный день и час у него найдется воля и силы для свершения их.

Капитан Гуль, командовавший торговым судном, на котором служил Дик, обратил внимание на способного юнгу. Бравый моряк полюбил смелого мальчика, а вернувшись в Сан-Франциско, рассказал о нем Джемсу Уэлдону. Тот заинтересовался судьбой Дика, определил его в школу в Сан-Франциско и помог окончить ее; воспитывали его в католической вере, которой придерживалась и семья самого судовладельца.

Дик жадно поглощал знания, особенно его интересовали география и история путешествий; он ждал, когда вырастет и начнет изучать ту часть математики, которая имеет отношение к навигации. Окончив школу,

он поступил младшим матросом на китобойное судно своего благодетеля Джемса Уэлдона. Дик знал, что «большая охота» — китобойный промысел — не менее важна для воспитания настоящего моряка, чем дальние плавания. Это отличная подготовка к профессии моряка, чреватой всяческими неожиданностями. К тому же этим учебным судном оказался «Пилигрим», плававший под командованием его покровителя — капитана Гуля. Таким образом, молодому матросу были обеспечены наилучшие условия для обучения.

Стоит ли говорить, что юноша был глубоко предан семье Уэлдона, которой он был столькими обязан? Пусть факты говорят сами за себя. Легко представить себе, как обрадовался Дик, когда узнал, что миссис Уэлдон с сыном совершат плаванье на «Пилигриме». Миссис Уэлдон в продолжение нескольких лет заменяла Дику мать, а маленького Джека он любил, как родного брата, хотя и понимал, что положение у него совсем иное, чем у сына богатого судовладельца. Но его благодетели отлично знали, что семена добра, которые они посеяли, пали на плодородную почву. Сердце сироты Дика было полно благодарности, и он, не колеблясь, отдал бы жизнь за тех, кто помог ему получить образование и научил любить бога.

В общем, пятнадцатилетний юноша действовал и мыслил, как взрослый человек тридцати лет, — таков был Дик Сэнд.

Миссис Уэлдон высоко ценила Дика и понимала, что может всецело положиться на его преданность. Она охотно доверяла ему своего маленького Джека. Ребенок льнул к Дику, понимая, что «старший братец» любит его.

Плавание в хорошую погоду в открытом море, когда все паруса поставлены и не требуют маневрирования, оставляет матросам много досуга. Дик все свободное время отдавал маленькому Джеку. Молодой матрос развлекал ребенка, показывал ему все, что могло быть для мальчика занимательным в морском деле. Миссис Уэлдон без страха смотрела на то, как Джек взбирался по вантам на мачту или даже на салинг

брам-стеньги[1] и стрелой скользил по снастям вниз на палубу. Дик Сэнд всегда был возле малыша, готовый поддержать, подхватить его, если бы ручонки пятилетнего Джека вдруг ослабели. Упражнения на вольном воздухе шли на пользу ребенку, только что перенесшему тяжелую болезнь; морской ветер и ежедневная гимнастика быстро возвратили здоровый румянец его побледневшим щечкам.

В таких условиях совершался переход из Новой Зеландии в Америку. Не будь восточных ветров, у экипажа «Пилигрима» и пассажиров не было бы никаких оснований к недовольству.

Однако упорство восточного ветра не нравилось капитану Гулю. Ему никак не удавалось лечь на более благоприятный курс. К тому же он опасался на дальнейшем пути попасть в полосу штилей у тропика Козерога, не говоря о том, что экваториальное течение могло больше отбросить его на запад. Капитан беспокоился главным образом о миссис Уэлдон, хотя и сознавал, что он неповинен в этой задержке. Если бы неподалеку от «Пилигрима» прошел какой-нибудь океанский пароход, направляющийся в Америку, он непременно уговорил бы свою пассажирку пересесть на него. Но, к несчастью, «Пилигрим» находился под такой высокой широтой, что трудно было надеяться встретить пароход, следующий в Панаму. Да и сообщение между Австралией и Новым Светом через Тихий океан в то время не было столь частым, каким оно стало впоследствии.

Капитану Гулю оставалось только ждать, пока погода не смилостивится над ним. Казалось, ничто не должно было нарушить однообразия этого морского перехода, как вдруг 2 февраля, под широтой и долготой, указанными в начале этой повести, произошло неожиданное событие.

День был солнечный и ясный. Часов около девяти утра Дик Сэнд и Джек забрались на салинг фор-брам-стеньги; оттуда им видна была вся палуба корабля и

[1] Стеньга — продолжение мачты, прикрепленное к ее основной (нижней) части; брам-стеньга — третья часть составной мачты, служащая продолжением стеньги.

плещущий далеко внизу океан. Кормовая часть горизонта заслонялась грот-мачтой, которая несла косой грот и топсель. Перед их глазами над волнами поднимался острый бушприт с тремя туго натянутыми кливерами, похожими на три крыла неравной величины. Под ногами у них вздувалось полотнище фока, а над головой — фор-марсель и брамсель. Шкуна-бриг держалась возможно круче к ветру.

Дик Сэнд объяснял Джеку, почему правильно нагруженный и уравновешенный во всех своих частях «Пилигрим» не может опрокинуться, хотя он и дает довольно сильный крен на штирборт[1], как вдруг мальчик прервал его восклицанием:

— Что это?!

— Ты что-нибудь увидел, Джек? — спросил Дик Сэнд, выпрямившись во весь рост на рее.

— Да, да! Вон там! — сказал Джек, указывая пальчиком на какую-то точку, видневшуюся в просвете между кливером и стакселем.

Вглядевшись в ту сторону, куда указывал Джек, Дик Сэнд крикнул во весь голос:

— С правого борта, впереди, под ветром, обломок судна!

ГЛАВА ТРЕТЬЯ

Судно, потерпевшее крушение

Возглас Дика Сэнда всполошил весь экипаж. Свободные от вахты матросы бросились на палубу. Капитан Гуль вышел из своей каюты. Миссис Уэлдон, Нан и даже невозмутимый кузен Бенедикт, облокотившись о поручни штирборта, с пристальным вниманием разглядывали обломок судна, видневшийся на море.

Только Негоро остался в каморке, которая служила на судне камбузом. Из всей команды лишь его одного не заинтересовала эта неожиданная встреча.

---

[1] Штирборт — правая сторона (борт) судна.

Замеченный мальчиком предмет покачивался на волнах примерно в трех милях от «Пилигрима».

— Что бы это могло быть? — спросил один из матросов.

— По-моему, плот! — ответил другой.

— Может быть, там люди?.. Несчастные терпят бедствие... — сказала миссис Уэлдон.

— Подойдем поближе — узнаем, — ответил капитан Гуль. — Однако мне кажется, что это не плот, скорее это опрокинувшийся набок корпус корабля...

— Нет!.. По-моему, это гигантское морское животное! — заявил кузен Бенедикт.

— Не думаю, — сказал юноша.

— А что же это, по-твоему, Дик? — спросила миссис Уэлдон.

— Я полагаю так же, как и капитан Гуль, что это накренившийся набок корпус судна, миссис Уэлдон. Мне сдается, что я различаю даже, как блестит на солнце его обшитый медью киль.

— Да... да... теперь и я вижу, — подтвердил капитан.

И, повернувшись к рулевому, он скомандовал:

— Спускайся под ветер, Болтон, держи прямо на это судно!

— Есть, капитан! — ответил рулевой.

— Я остаюсь при своем мнении, — заявил кузен Бенедикт. — Бесспорно, перед нами морское животное.

— В таком случае это медный кит, — сказал капитан Гуль. — Глядите, как он сверкает на солнце.

— Если это и кит, кузен Бенедикт, то во всяком случае мертвый, — заметила миссис Уэлдон. — Ясно видно, что он лежит без движения.

— Что ж из этого, кузина Уэлдон? — настаивал на своем ученый. — Мало ли было случаев, когда корабли встречали спящих на воде китов!

— Совершенно верно, — сказал капитан Гуль. — И все-таки перед нами не спящий кит, а судно.

— Посмотрим, — ответил упрямец.

Впрочем, кузену Бенедикту не было никакого дела до китов, и он променял бы всех млекопитающих аркти-

ческих и антарктических морей на одно редкое насекомое.

— Одерживай, Болтон, одерживай! — крикнул капитан Гуль. — Не надо подходить к судну ближе чем на кабельтов [1]. Мы-то уж ничем не можем повредить этому обломку, но мне вовсе не улыбается, чтобы он помял бока «Пилигриму». Приводи в бейдевинд! [2]

Легким движением руля «Пилигрим» повернули немного влево.

Шкуна-бриг находилась на расстоянии одной мили от погибшего корабля. Матросы с жадным любопытством вглядывались в опрокинувшееся набок судно. Быть может, в трюмах его хранился ценный груз, который удастся перегрузить на «Пилигрим»? Известно, что за спасение груза с тонущего корабля выдается премия в размере одной трети его стоимости. Если содержимое трюма не повреждено водой, экипаж «Пилигрима» мог получить «хороший улов» — за один день возместить неудачу целого сезона.

Через четверть часа «Пилигрим» был уже в полумиле от плавающего предмета. Теперь не осталось никаких сомнений: это действительно был корпус опрокинувшегося набок корабля. Палуба его стояла почти отвесно. Мачты были снесены. От всех снастей остались лишь повисшие обрывки троса и порванные такелажные цепи. На скуле правого борта зияла большая пробоина. Крепление и обшивка были вмяты внутрь пробоины.

— Этот корабль столкнулся с каким-то другим судном! — воскликнул Дик Сэнд.

— Да, несомненно, — подтвердил капитан Гуль. — Но меня поражает, что он тут же не затонул. Это просто чудо.

— Будем надеяться, что корабль, который налетел на это судно, снял с него всю команду, — заметила миссис Уэлдон.

---

[1] Кабельтов — морская мера длины, равная 0,1 морской мили, или 185,2 метра

[2] Бейдевинд — курс под острым углом к встречному ветру.

— Да, будем надеяться, миссис Уэлдон, — ответил капитан Гуль. — Но вполне возможно, что экипажу после столкновения пришлось спасаться на собственных шлюпках. К сожалению, морская практика знает случаи, когда виновники аварии, не заботясь об участи пострадавшей команды, спокойно продолжали свой путь.

— Не может быть, капитан! Ведь это ужаснейшая бесчеловечность!

— К сожалению, так бывает, миссис Уэлдон. Примеров сколько угодно. Судя по тому, что на этом корабле не осталось ни одной шлюпки, надо полагать, что команда покинула его. Будем надеяться, что несчастных подобрало встречное судно. Ведь отсюда почти невозможно добраться до суши на шлюпках — слишком велико расстояние до ближайших островов и тем более до американского континента.

— Удастся ли когда-нибудь разгадать тайну этой катастрофы? — сказала миссис Уэлдон. — Как вы думаете, капитан Гуль, остался на судне кто-нибудь из команды?

— Это мало вероятно, миссис Уэлдон, — ответил капитан Гуль. — Нас бы уже давно заметили и подали какой-нибудь сигнал. Впрочем, мы сейчас проверим это... Держи немного круче к ветру, Болтон, приводи в крутой бейдевинд! — крикнул капитан, указывая рукой направление.

«Пилигрим» был всего в трех кабельтовых от потерпевшего крушение корабля. Теперь уже не было никаких сомнений, что команда покинула его.

Внезапно Дик Сэнд жестом попросил всех замолчать.

— Слушайте! Слушайте! — воскликнул он.

Все насторожились.

— Кажется, собака лает...

Из корпуса тонущего корабля действительно доносился собачий лай. Там, несомненно, была живая собака. Должно быть, она не могла выйти, потому что люки были закрыты. Во всяком случае, ее не было видно.

— Если даже там осталась одна лишь собака, — спасем ее, капитан, — сказала миссис Уэлдон.

— Да, да, — воскликнул маленький Джек. — Надо спасти собачку! Я сам буду кормить ее. Она нас полюбит... Мама, я сейчас сбегаю принесу ей кусочек сахару!

— Стой на месте, сынок, — улыбаясь, сказала миссис Уэлдон. — Бедное животное, должно быть, умирает с голоду и, вероятно, предпочло бы похлебку твоему сахару.

— Так отдай ей мой суп, — сказал мальчик. — Я могу обойтись без супа!

Между тем лай с каждой минутой слышался все явственнее. Между двумя кораблями было теперь менее трехсот футов расстояния. Вдруг над бортом показалась голова крупного пса. Уцепившись передними лапами за фальшборт, животное отчаянно лаяло.

— Говик! — позвал капитан боцмана. — Ложитесь в дрейф и велите спустить на воду шлюпку.

— Держись, собачка! Держись! — кричал Джек, и собака, казалось, отвечала ему глухим лаем.

Паруса «Пилигрима» быстро были обрасоплены [1] таким образом, что он оставался почти неподвижным в полукабельтове от потерпевшего крушение судна.

Шлюпка уже покачивалась на волне. Капитан Гуль, Дик Сэнд и два матроса соскочили в нее.

Собака цеплялась за фальшборт, срываясь с него, падала на палубу и лаяла, не переставая; но казалось, что она лаяла не на быстро приближавшуюся шлюпку. Может быть, она звала пассажиров или матросов, запертых, как в тюрьме, на потерпевшем крушение судне?

«Неужели там есть живые люди?» — думала миссис Уэлдон.

Шлюпка была уже близка к цели, — еще несколько взмахов весел, и она подойдет к опрокинувшемуся корпусу судна.

Собака снова залаяла. Но теперь она уже не призывала своим лаем спасителей на помощь. Наоборот, в ее лае и рычанье слышалась яростная злоба. Всех удивила такая странная перемена.

---

[1] Обрасопить — поставить паруса в другое положение, поворачивая реи при помощи брасов (прикрепленных к ним снастей).

— Что с собакой? — спросил капитан Гуль, когда шлюпка огибала корму судна, чтобы пристать к борту, погрузившемуся в воду.

Ни капитан Гуль, ни даже оставшиеся на «Пилигриме» матросы не заметили, что собака стала угрожающе рычать как раз в ту минуту, когда Негоро, выйдя из камбуза, появился на баке.

Неужели собака знала судового кока? Предположение совершенно неправдоподобное.

Как бы там ни было, но, мельком взглянув на бешено лающего пса и ничем не выразив удивления, Негоро только нахмурился на мгновенье, повернулся и ушел обратно в камбуз.

Шлюпка обогнула корму судна. Надпись на корме гласила: «Вальдек».

Наименование порта, к которому приписано судно, не было обозначено. Но по форме корпуса, по некоторым особенностям конструкции, которые сразу бросаются в глаза моряку, капитан Гуль установил, что корабль американский. Да и название подтверждало эту догадку. Корпус — вот все, что уцелело от большого брига водоизмещением в пятьсот тонн.

На носу «Вальдека» зияла широкая пробоина — след рокового столкновения. Благодаря тому, что судно дало крен, пробоина поднялась над водой на пять-шесть футов, и «Вальдек» не затонул.

На палубе не было ни души.

Собака, оставив борт, добралась по наклонной палубе до открытого центрального люка и, просунув в него голову, отчаянно залаяла.

— Очевидно, этот пес — не единственное живое существо на корабле, — заметил Дик Сэнд.

— Я и сам так думаю, — сказал капитан Гуль.

Шлюпка плыла теперь вдоль полузатонувшего борта. Первая же большая волна неминуемо должна была пустить «Вальдек» ко дну.

На палубе брига все было начисто сметено. Торчали только основания грот-мачты и фок-мачты, переломленные в двух футах от пяртнерса [1]. Очевидно, мачты

[1] Пяртнерс — отверстие в палубе, через которое проходит мачта

рухнули при столкновении и упали за борт, увлекая за собой паруса и снасти. Однако, сколько видел глаз, нельзя было обнаружить никаких обломков. Из этого можно было сделать только один вывод: катастрофа с «Вальдеком» произошла уже много дней назад.

— Если люди и уцелели после столкновения, — сказал капитан Гуль, — то, вероятнее всего, они погибли от жажды и голода: ведь камбуз залит водой. Должно быть, на борту судна остались одни трупы.

— Нет! — воскликнул Дик Сэнд. — Нет! Собака не стала бы так лаять. Тут есть живые.

И он позвал собаку. Умное животное тотчас же соскользнуло в море и, едва перебирая лапами от слабости, поплыло к шлюпке. Когда собаку втащили в лодку, она с жадностью набросилась не на сухарь, который протянул ей Дик Сэнд, а на ведерко с пресной водой.

— Бедная собака умирает от жажды! — воскликнул Дик Сэнд.

В поисках удобного места для причала шлюпка отошла на несколько футов от палубы тонувшего корабля. Собака, очевидно, решила, что ее спасители не хотят подняться на борт. Схватив Дика Сэнда за полу куртки, она громко и жалобно залаяла.

Все движения собаки и ее лай были понятнее всяких слов.

Шлюпка подошла к крамболу левого борта. Матросы надежно закрепили ее, а капитан Гуль с Диком Сэндом поднялись на палубу, взяв с собой собаку. Не без труда, ползком, добрались они до отверстия центрального люка, зиявшего между двумя обломками мачт, и спустились в трюм.

В наполовину затопленном трюме не было никаких товаров. Балластом бригу служил песок; теперь он пересыпался на бакборт [1] и своей тяжестью удерживал судно на боку. Надежды на ценный груз не оправдались. Тут нечего было спасать.

— Здесь нет никого, — сказал капитан Гуль.

— Никого, — подтвердил юноша, пройдя в переднюю часть трюма.

---

[1] Бакборт — левая сторона (борт) судна.

Но собака на палубе продолжала заливаться лаем, как будто настойчиво требовала внимания людей.

— Здесь делать нечего, — сказал капитан Гуль. — Идем назад.

Они поднялись на палубу.

Собака подбежала к ним, потом поползла к юту [1], как будто звала их туда.

И люди пошли за нею.

Пять человек — вероятно, пять трупов — лежали в кубрике [2].

При ярком дневном свете, проникавшем в отверстие меж двумя балками, капитан Гуль увидел, что это были негры.

Дику Сэнду, переходившему от одного к другому, показалось, что несчастные еще дышат.

— На борт «Пилигрима»! Всех на борт! — приказал капитан Гуль.

Матросы, оставшиеся в шлюпке, были призваны на помощь. Они помогли вынести потерпевших крушение из кубрика.

Это было нелегкое дело, но через несколько минут всех пятерых спустили в шлюпку. Никто из них не приходил в сознание. Однако капитан Гуль надеялся, что несколько капель лекарства и глоток-другой воды возвратят этих людей к жизни.

«Пилигрим» лежал в дрейфе всего в полукабельтове, и шлюпка быстро подплыла к нему.

При помощи подъемного горденя [3], спущенного с грот-мачты, потерпевших крушение поочередно подняли на палубу «Пилигрима». Собака также не была забыта.

— О, несчастные! — воскликнула миссис Уэлдон при виде пяти распростертых неподвижных тел.

— Они живы, миссис Уэлдон! — сказал Дик Сэнд. — Они еще живы. Мы их спасем!

— Что с ними случилось? — спросил кузен Бенедикт.

---

[1] Ют — кормовая часть палубы судна.

[2] Кубрик — жилое помещение для команды.

[3] Гордень — снасть, проходящая через неподвижный блок. Используется для подъема грузов или натягивания парусов.

— Дайте им прийти в себя, и они расскажут нам свою историю, — ответил капитан Гуль. — Но сначала их надо напоить водой и дать им немножко рому.

И, повернувшись к камбузу, он громко крикнул:

— Негоро!

При этом имени собака вся вытянулась, словно делая стойку, глухо заворчала, а шерсть у нее поднялась дыбом.

Кок не показывался и не отвечал.

— Негоро! — еще громче крикнул капитан Гуль.

Собака яростно зарычала.

Негоро вышел из камбуза.

Не успел он сделать и шагу, как собака прыгнула, стремясь вцепиться ему в горло.

Португалец отшвырнул ее ударом кочерги, которой он вооружился, выходя из камбуза. Двое матросов схватили собаку и удержали ее силой.

— Вы знаете этого пса? — спросил капитан Гуль у кока.

— Я? — удивленно воскликнул Негоро. — И в глаза его никогда не видел!

— Вот странно! — прошептал Дик Сэнд.

ГЛАВА ЧЕТВЕРТАЯ

Спасенные с «Вальдека»

Работорговля все еще широко распространена во всей Экваториальной Африке. Несмотря на то, что вдоль берегов континента крейсируют английские и французские военные корабли, суда работорговцев попрежнему вывозят из Анголы и Мозамбика негров-невольников. Спрос на «черный товар» все еще велик во многих странах, и, надо сказать, — даже цивилизованного мира.

Капитану Гулю это было известно.

Хотя та часть океана, где сейчас находился «Пилигрим», лежала в стороне от обычных путей невольничьих судов, капитан Гуль подумал, что спасенные негры, вероятно, принадлежали к партии рабов,

которых «Вальдек» вез для продажи в какую-нибудь колонию на Тихом океане.

На «Пилигриме» спасенных негров окружили самым заботливым уходом. Миссис Уэлдон с помощью Нан и Дика Сэнда поила их с ложки холодной водой, которой они, вероятно, были лишены несколько дней.

В конце концов вода, которой они так долго были лишены, и несколько глотков бульона вернули бедных негров к жизни. Один из них — на вид старик лет шестидесяти — говорил по-английски; вскоре он уже был в состоянии отвечать на вопросы.

— Что случилось с «Вальдеком»? — спросил прежде всего капитан Гуль. — Он столкнулся с другим судном?

— Дней десять тому назад, темной ночью, когда все спали, на нас налетел какой-то корабль, — ответил старый негр.

— Что сталось с командой «Вальдека»?

— Не знаю. Когда мы поднялись на палубу, там уже никого не было, господин.

— Вы думаете, что экипаж «Вальдека» успел перебраться на борт того судна, которое столкнулось с «Вальдеком»?

— Надо надеяться, что так было, господин.

— И это судно после столкновения не остановилось, чтобы подобрать пострадавших?

— Нет.

— Может быть, оно затонуло?

— О нет, — покачав головой, ответил старый негр, — мы видели, как оно удалялось.

То же самое утверждали и все спасенные с «Вальдека». Как бы это ни казалось невероятным, однако действительно часто случается, что капитан корабля, по вине которого произошло какое-нибудь ужасное столкновение, спешит поскорее скрыться, нимало не заботясь о несчастных, которых он обрек на гибель, и даже не пытается оказать им помощь!

Строгого осуждения заслуживает возница, наехавший на улице на прохожего и пытающийся скрыться, предоставляя другим заботу о жертве своей неосторожности. Но пострадавшему от несчастного случая на

улице быстро окажут первую помощь. А что же сказать о людях, которые бросают на произвол судьбы утопающих в открытом море? Такие люди позорят человеческий род!

Капитан Гуль мог бы рассказать о многих случаях такой бесчеловечной жестокости. Он повторил миссис Уэлдон, что, как ни чудовищны подобные факты, они, к сожалению, не так уж редки.

Затем он продолжал допрос:

— Откуда шел «Вальдек»?

— Из Мельбурна.

— Значит, вы не рабы?

— Нет, господин, — живо ответил негр, выпрямившись во весь рост. — Мы жители Пенсильвании, граждане свободной Америки.

— Друзья мои, — сказал капитан, — знайте, что на борту «Пилигрима», американского брига, никто не будет покушаться на вашу свободу.

Действительно, пять негров, спасенных «Пилигримом», были из штата Пенсильвания. Самого старого из них продали в рабство шестилетним ребенком. Из Африки его доставили в Соединенные Штаты. Здесь он получил свободу после отмены рабства. Младшие его спутники родились свободными гражданами, и никто из белых не вправе был назвать их своей собственностью. Они даже не знали того жаргона, на котором говорили негры перед войной [1], жаргона, где не существовало спряжения и глаголы всегда употреблялись только в неопределенном наклонении. Эти негры, как свободные граждане, покинули Америку и свободными же гражданами возвращались обратно.

Старик негр рассказал капитану Гулю, что его спутники и сам он поступили на плантацию некоего англичанина неподалеку от Мельбурна, в Южной Австралии. Они проработали там три года и, скопив денег, по окончании контракта решили вернуться на родину.

Они уплатили за проезд на «Вальдеке», как обык-

---

[1] Речь идет о гражданской войне 1861—1865 годов в Северной Америке между северными и южными штатами. Северяне официально отменили рабство негров.

новенные пассажиры, и 5 января отплыли из Мельбурна. Спустя семнадцать суток, темной ночью, «Вальдек» столкнулся с каким-то большим кораблем. Негры спали. Их разбудил страшный толчок. Через несколько секунд они выбежали на палубу.

Мачты уже рухнули за борт, и «Вальдек» лежал на боку; но он не пошел ко дну, так как в трюм попало сравнительно немного воды.

Капитан и команда «Вальдека» исчезли: вероятно, одних сбросило в море, другие уцепились за снасти налетевшего корабля, который после столкновения с «Вальдеком» поспешил скрыться.

Пятеро негров остались на потерпевшем крушение судне, в тысяче двухстах милях от ближайшей земли.

Старшего из негров звали Томом. Спутники признавали его своим руководителем. Этим Том был обязан не только возрасту, но и своей энергии и большому опыту, накопленному за долгую трудовую жизнь. Остальные негры были молодые люди в возрасте от двадцати пяти до тридцати лет. Звали их: Бат, Остин, Актеон и Геркулес. Бат был сыном старика Тома.

Все четверо были рослыми и широкоплечими молодцами, — на невольничьих рынках Центральной Африки за них дали бы высокую цену. Сейчас они были изнурены, измучились, но все же сразу бросалась в глаза могучая стать этих великолепных представителей крепкой черной расы и чувствовалось также, что на них наложило свою печать некоторое воспитание, полученное ими в одной из многочисленных школ Северной Америки.

Итак, после катастрофы Том и его товарищи остались в одиночестве. Они не могли ни исправить повреждения «Вальдека», ни покинуть его, потому что обе шлюпки разбились при столкновении. Спасти их могла только встреча с каким-нибудь кораблем. Потеряв управление, «Вальдек» стал игрушкой ветра и течения. Этим и объясняется, что «Пилигрим» встретил потерпевшее крушение судно в стороне от его курса, много южнее обычного пути кораблей, следующих из Мельбурна в Соединенные Штаты.

В течение десяти дней, которые прошли с момента катастрофы до появления «Пилигрима», пятеро негров питались продуктами, найденными в буфете кают-компании. Бочки с пресной водой, хранившиеся на палубе, разбились при столкновении, а камбуз, в котором можно было достать спиртные напитки, был залит водой.

На девятый день Том и его товарищи, жестоко страдавшие от жажды, потеряли сознание; «Пилигрим» как раз во-время подоспел на помощь.

В немногих словах Том рассказал все это капитану Гулю. Не было никаких оснований сомневаться в правдивости рассказа старого негра. Сами факты говорили за это, да и спутники Тома подтверждали его слова.

Другое живое существо, спасенное с тонущего корабля, вероятно, повторило бы то же самое, будь оно наделено даром речи. Речь идет о собаке, которая пришла в такую ярость, когда увидела Негоро. Было что-то странное в этой антипатии животного к судовому коку.

Динго — так звали собаку — был из породы крупных сторожевых собак, какие водятся в Новой Голландии [1]. Однако капитан «Вальдека» приобрел Динго не в Австралии. Два года назад капитан нашел полумертвую от голода собаку на западном берегу Африки близ устья реки Конго. Ему понравилось прекрасное животное, и он взял его к себе на корабль. Однако Динго не привязался к новому владельцу. Можно было подумать, что он тоскует по прежнему хозяину, с которым его насильно разлучили и которого невозможно было разыскать в этой пустынной местности.

Две буквы — «С» и «В», выгравированные на ошейнике, — вот все, что связывало собаку с ее прошлым, остававшимся для нового хозяина неразрешимой загадкой.

Динго был большим, сильным псом, крупнее пиренейских собак, и мог считаться превосходным образцом новоголландской породы собак. Когда он вставал

---

[1] Новая Голландия — старинное название Австралии.

на задние лапы и вскидывал голову, то был ростом с человека. Мускулистые, сильные, необычайно подвижные родичи Динго, не колеблясь, нападают на ягуара и пантеру и не боятся в одиночку бороться с медведем. Шерсть у Динго была густая, темнорыжая, с белесоватыми подпалинами на морде, хвост длинный, пушистый и упругий, как у льва. Такая собака в разъяренном состоянии могла стать опасным врагом, и не удивительно, что Негоро не был в восторге от приема, который ему оказал этот сильный пес.

Динго не отличался общительностью, но его нельзя было назвать и злым. Скорее он казался грустным. Старый Том еще на «Вальдеке» заметил, что Динго как будто недолюбливает негров. Он не пытался причинить им зло, но неизменно держался от них в стороне. Быть может, во время его блужданий по африканскому побережью туземцы дурно обращались с ним? Так или иначе, но он не подходил к Тому и его товарищам, хотя это были славные, добрые люди. В те десять дней, которые они провели вместе на борту потерпевшего крушение корабля, Динго попрежнему сторонился товарищей по несчастью. Как и чем он питался в эти дни, осталось неизвестным, но так же, как и люди, он жестоко страдал от жажды.

Вот и все, кто уцелел на потерпевшем крушение судне. При первом же волнении на море оно должно было затонуть и, конечно, унесло бы с собой в пучину океана лишь трупы. Но неожиданная встреча с «Пилигримом», который задержался в пути из-за штилей и противных ветров, дала возможность капитану Гулю совершить доброе дело.

Надо было только довести это дело до конца, вернув на родину спасенных с «Вальдека» негров, которые в довершение несчастья лишились всех своих сбережений, скопленных за три года работы. Это и предполагалось сделать. «Пилигрим», разгрузившись в Вальпарайсо, должен был подняться вдоль американского побережья до берегов Калифорнии. И миссис Уэлдон великодушно обещала Тому и его спутникам, что там они найдут приют у ее мужа, мистера Джемса Уэлдона, и он снабдит их всем необходимым для возвращения

в Пенсильванию. Несчастные могли теперь быть уверенными в будущем, и им оставалось лишь благодарить миссис Уэлдон и капитана Гуля. Действительно, бедные негры были им многим обязаны и, чувствуя себя в долгу перед ними, надеялись когда-нибудь доказать им на деле свою благодарность.

ГЛАВА ПЯТАЯ

«С» и «В»

«Пилигрим» пошел дальше, стараясь, насколько возможно, держать курс на восток. Упорные штили немало беспокоили капитана Гуля. В том, что переход из Новой Зеландии в Вальпараисо продлится лишнюю неделю или две, не было ничего тревожного. Однако эта непредвиденная задержка могла утомить пассажиров.

Но миссис Уэлдон не жаловалась и терпеливо сносила все неудобства плавания.

К вечеру этого дня, 2 февраля, корпус «Вальдека» исчез из виду.

Капитан Гуль первым долгом постарался поудобнее устроить Тома и его спутников. Тесный кубрик «Пилигрима» не мог вместить лишних пять человек, и капитан решил отвести им место на баке[1]. Впрочем, эти закаленные люди, привыкшие работать в тяжелых условиях, были неприхотливы. В хорошую погоду — а дни стояли жаркие и сухие — они вполне могли там оставаться на все время плаванья.

Жизнь на судне, однообразное течение которой лишь ненадолго нарушила встреча с «Вальдеком», снова вошла в колею.

Том, Остин, Бат, Актеон и Геркулес рады были всякой работе. Но когда ветер дует все время в одном направлении и паруса уже поставлены, на судне нечего делать. Зато, когда нужно было лечь на другой галс[2],

---

[1] Бак — носовая часть верхней палубы

[2] Судно идет левым или правым галсом в зависимости от того, с какого борта (левого или правого) дует ветер.

старый негр и его товарищи спешили на помощь экипажу. И надо сказать, что, когда гигант Геркулес принимался тянуть какую-нибудь снасть, остальные матросы могли стоять сложа руки. Этот могучий человек, ростом в шесть футов с лишком, мог заменить собой лебедку.

Маленький Джек с восхищением смотрел, как работает великан. Он нисколько не боялся Геркулеса, когда тот высоко подкидывал его в воздух, словно куклу. Джек визжал от восторга.

— Еще выше, Геркулес! — кричал он.

— Извольте, мистер Джек, — отвечал Геркулес.

— А тебе не тяжело?

— Да вы, как перышко!

— Тогда подними меня высоко-высоко! Как можно выше!

И когда Геркулес, подставив свою широкую ладонь, предлагал Джеку стать на нее обеими ножками и, вытянув руку, ходил с мальчиком по палубе, словно цирковой атлет, Джек глядел на всех сверху вниз и, воображая себя великаном, от души веселился. Он старался «сделаться тяжелее», но Геркулес даже не замечал его усилий.

Таким образом, у маленького Джека уже стало два друга: Дик Сэнд и Геркулес.

Вскоре он приобрел и третьего друга — Динго.

Как уже упоминалось, Динго был необщительным псом. Возможно, это свойство развилось у него на «Вальдеке», где люди пришлись ему не по вкусу. Но на «Пилигриме» характер собаки быстро изменился. Джек, очевидно, сумел завоевать сердце Динго. Собака с удовольствием играла с мальчиком, а ему эти игры доставляли большую радость. Скоро стало видно, что Динго был из тех собак, которые особенно любят детей. Правда, Джек никогда не мучил его. Но превращать пса в резвого скакуна, разве это не заманчиво? Можно смело сказать, что всякий ребенок предпочтет такую лошадку самому красивому деревянному коню, даже если у того к ногам привинчены колесики. Джек часто с упоением скакал верхом на Динго, который охотно выполнял эту прихоть своего маленького друга;

худенький мальчуган был для него не более тяжелой ношей, чем жокей для скакового коня.

Зато какой урон терпел ежедневно запас сахара в камбузе!

Динго скоро стал любимцем всего экипажа. Один Негоро старался избегать встреч с Динго, который с первого же мгновения, непонятно почему, возненавидел его.

Однако увлечение собакой не охладило любви Джека к старому другу — Дику Сэнду. Попрежнему юноша проводил со своим маленьким приятелем все часы, свободные от вахты. Миссис Уэлдон, само собой разумеется, была очень довольна этой дружбой.

Однажды — это было 6 февраля — она заговорила с капитаном Гулем о Дике Сэнде. Капитан горячо хвалил молодого матроса.

— Ручаюсь вам, — говорил он миссис Уэлдон, — что этот мальчик станет замечательным моряком. Право, у него врожденный инстинкт моряка. Меня поражает, с какой быстротой он усваивает знания в нашем деле, хотя не имеет теоретической подготовки, и как много он узнал за короткое время!

— К этому надо добавить, — сказала миссис Уэлдон, — что он честный и добрый юноша, не по летам серьезный и очень прилежный. За все годы, что мы знаем его, ни разу он не подал ни малейшего повода к недовольству им.

— Что и говорить! — подхватил капитан Гуль. — Славный малый этот Дик! Недаром все его так любят.

— Когда мы вернемся в Сан-Франциско, — продолжала миссис Уэлдон, — муж отдаст его в морское училище, чтобы он мог впоследствии получить диплом капитана.

— И очень хорошо сделает мистер Уэлдон, — заметил капитан Гуль. — Я уверен, что Дик Сэнд когда-нибудь станет гордостью американского флота.

— У бедного мальчика было тяжелое, сиротское детство. Он прошел трудную школу, — сказала миссис Уэлдон.

— Уроки ее не пропали даром. Дик понял, что только упорный труд поможет ему выбиться в люди, и сейчас он на правильном пути.

— Да, он будет человеком долга.

— Вот посмотрите на него, миссис Уэлдон, — продолжал капитан Гуль. — Он несет сейчас вахту у штурвала и не спускает глаз с фока. Он весь — сосредоточенность и внимание, поэтому судно не рыскает, а идет прямо по курсу. У мальчика уже сейчас сноровка старого рулевого. Хорошее начало для моряка! Знаете, миссис Уэлдон, ремеслом моряка надо заниматься с детства. Кто не начал службы юнгой, тот никогда не будет настоящим моряком, по крайней мере в торговом флоте. В детстве из всего извлекаешь уроки, и постепенно твои действия становятся не только сознательными, но и инстинктивными, и в результате моряк привыкает принимать решения так же быстро, как и маневрировать парусами.

— Однако, капитан, есть ведь немало отличных моряков и в военном флоте, — заметила миссис Уэлдон.

— Разумеется. Но насколько я знаю, почти все лучшие моряки с детства начали службу. Достаточно вспомнить Нельсона [1], да и многих других, начинавших службу юнгами.

В эту минуту из каюты вышел кузен Бенедикт. Погруженный, по обыкновению, в свои мысли, он с рассеянным видом блуждал по палубе, заглядывая во все щели, шаря под клетками с курами, проводя пальцами по швам в обшивке борта, — там, где вар облупился.

— Как вы себя чувствуете, кузен Бенедикт? — спросила миссис Уэлдон.

— Благодарю вас, хорошо, кузина. Как всегда... Но мне не терпится поскорее вернуться на землю.

— Что вы там ищете под скамьей, мистер Бенедикт? — спросил капитан Гуль.

— Насекомых, сударь, насекомых! — сердито ответил кузен Бенедикт. — Что, по-вашему, я могу искать, если не насекомых?

— Насекомых? К сожалению, вам придется потерпеть: в открытом море вам вряд ли удастся пополнить свою коллекцию.

---

[1] Нельсон (1758—1805) — английский адмирал.

— Почему же так, сударь? Разве нельзя себе представить, что на корабле окажется несколько экземпляров...

— Нет, кузен Бенедикт, вы ничего тут не найдете, — прервала его миссис Уэлдон. — Сердитесь, не сердитесь на капитана Гуля, но он содержит свой корабль в такой безукоризненной чистоте, что все ваши поиски будут напрасны.

Капитан Гуль рассмеялся.

— Миссис Уэлдон преувеличивает, — сказал он. — Однако, мне кажется, вы действительно потеряете напрасно время, если будете искать насекомых в каютах.

— Знаю, знаю! — досадливо пожав плечами, воскликнул кузен Бенедикт. — Я уже обшарил все каюты сверху донизу...

— Но в трюме, — продолжал капитан Гуль, — вы, пожалуй, найдете несколько тараканов, если они вас, конечно, интересуют.

— Разумеется, интересуют! Как могут не интересовать меня эти ночные прямокрылые насекомые, которые навлекли на себя проклятия Виргилия и Горация! — возразил кузен Бенедикт, гордо выпрямившись во весь рост. — Как могут не интересовать меня эти близкие родственники «Periplaneta orientalis» и американского альбиноса, тараканы, обитающие...

— Грязнящие... — сказал капитан Гуль.

— Царящие на борту! — гордо поправил его кузен Бенедикт.

— Тараканье царство!

— О, сразу видно, что вы не энтомолог, сударь!

— Ни в какой мере!

— Послушайте, кузен Бенедикт, — улыбаясь, сказала миссис Уэлдон, — надеюсь, вы не потребуете, чтобы из любви к науке мы безропотно отдали себя на съедение тараканам?

— Я ничего не требую, кузина! — ответил пылкий энтомолог. — Единственно, чего я добиваюсь, — это украсить свою коллекцию каким-нибудь редким экземпляром.

— Вы недовольны своими новозеландскими находками?

— Напротив, очень доволен, кузина. Мне посчастливилось поймать там экземпляр жука-стафилина, которого до меня находили только в Новой Каледонии, то есть на несколько сот миль дальше.

В эту минуту Динго, который все время играл с Джеком, подбежал к кузену Бенедикту.

— Поди прочь, поди прочь! — закричал тот, отталкивая собаку.

— О мистер Бенедикт! — воскликнул капитан Гуль. — Как можно любить тараканов и ненавидеть собак?

— Да еще таких хороших собачек! — сказал маленький Джек, обхватив обеими ручками голову Динго.

— Да... может быть... — проворчал кузен Бенедикт. — Но это мерзкое животное обмануло мои надежды.

— Как, кузен Бенедикт! — воскликнула миссис Уэлдон. — Неужели вы и Динго собирались зачислить в отряд двукрылых или перепончатокрылых?

— Нет, конечно, — вполне серьезно ответил ученый. — Но ведь Динго, хоть он и принадлежит к австралийской породе собак, был подобран на западно-африканском побережье!

— Совершенно верно, — подтвердила миссис Уэлдон. — Том слышал, как об этом говорил капитан «Вальдека».

— Так вот... я думал... я надеялся... что на этом животном окажутся какие-нибудь насекомые, присущие только западноафриканской фауне...

— О, небо! — воскликнула миссис Уэлдон.

— И я полагал, что, может быть, на нем найдется какая-нибудь особенно злая блоха еще неизвестного, нового вида...

— Слышишь, Динго? — сказал капитан Гуль. — Слышишь, пес? Ты не выполнил своих обязанностей!

— Но я напрасно вычесал ему шерсть, — продолжал с нескрываемым огорчением энтомолог, — на нем не оказалось ни одной блохи!

— Если бы вам удалось найти блох, надеюсь, вы бы немедленно уничтожили их? — воскликнул капитан.

— Сударь, — сухо ответил кузен Бенедикт, — вам не мешает знать, что сэр Джон Франклин[1] никогда напрасно не убивал насекомых, даже американских комаров, укусы которых несравненно болезненнее блошиных укусов. Полагаю, вы не станете оспаривать, что сэр Джон Франклин в морском деле кое-что смыслил?

— Верно! — с поклоном ответил капитан Гуль.

— Однажды его страшно искусал москит. Но Франклин только дунул на него и, отогнав, учтиво сказал: «Пожалуйста, уйдите. Мир достаточно велик для вас и для меня!»

— Ага! — произнес капитан Гуль.

— Да, сударь!

— А знаете ли вы, господин Бенедикт, — заметил капитан Гуль, — что другой человек сказал это много раньше, чем Франклин?

— Другой?!

— Да. Звали его дядюшка Тоби.

— Кто он? Энтомолог? — живо спросил кузен Бенедикт.

— О нет, стерновский дядюшка Тоби[2] не был энтомологом, но это не помешало ему, без излишней, правда, учтивости, сказать мухе, которая жужжала около его носа: «Убирайся, бедняга! Свет велик, и мы можем жить, не стесняя друг друга».

— Молодчина этот дядюшка Тоби! — воскликнул кузен Бенедикт. — Он умер?

— Полагаю, что да, — невозмутимо ответил капитан Гуль, — так как он никогда не существовал.

Все смеялись, глядя на кузена Бенедикта.

Такие дружеские беседы помогали коротать долгие часы затянувшегося плавания. Само собой разумеется, что в присутствии кузена Бенедикта разговор неизменно вращался вокруг каких-нибудь вопросов энтомологической науки.

---

[1] Джон Франклин (1786—1847) — английский мореплаватель, исследователь полярных стран

[2] Дядюшка Тоби — один из персонажей романа «Жизнь и мнения Тристрама Шенди» английского писателя Лоренса Стерна (1713—1768).

Море все время было спокойное, но слабый ветер еле надувал паруса шкуны-брига, и «Пилигрим» почти не подвигался на восток. Капитан Гуль с нетерпением ждал, когда же судно достигнет, наконец, тех мест, где подуют более благоприятные ветры.

Надо сказать, что кузен Бенедикт пытался посвятить Дика Сэнда в тайны энтомологии. Но юноша уклонился от этой чести; тогда ученый начал читать лекции неграм. Дело кончилось тем, что Том, Бат, Остин и Актеон стали убегать от кузена Бенедикта, как только он показывался на палубе. Почтенному энтомологу приходилось довольствоваться только одним слушателем — Геркулесом, у которого он обнаружил врожденную способность отличать паразитов от вилохвостых насекомых.

Великан негр жил теперь окруженный жуками-кожеедами, жужелицами, щелкунами, рогачами, жуками-могильщиками, долгоносиками, навозниками, божьими коровками, короедами, хрущами, зерновками. Он исследовал всю коллекцию кузена Бенедикта, который трепетал от страха, видя своих хрупких насекомых в толстых и крепких, как тиски, пальцах Геркулеса. Но великан ученик так внимательно слушал лекции, что профессор решил даже рискнуть ради него своими сокровищами.

В то время как кузен Бенедикт занимался с Геркулесом, миссис Уэлдон учила чтению и письму маленького Джека, а его друг, Дик Сэнд, знакомил его с начатками арифметики.

Пятилетний ребенок легче усваивает знания, когда уроки похожи на занимательную игру. Миссис Уэлдон учила Джека чтению не по азбуке, а при помощи деревянных кубиков, на которых были нарисованы большие красные буквы. Малыша забавляло, что от сочетания их получаются слова. Сначала мать сама складывала какое-нибудь слово, затем, перемешав кубики, предлагала Джеку самостоятельно сложить то же слово.

Мальчику нравилось учиться играючи. Каждый день он подолгу возился со своими кубиками в каюте

или на палубе, то складывал слова, то вновь перемешивал все буквы алфавита.

Эта игра послужила причиной происшествия, настолько необычайного и неожиданного, что о нем стоит рассказать подробнее.

Случилось это утром 9 февраля.

Джек полулежал на палубе и составлял из кубиков какое-то слово; старик Том должен был вновь составить это слово после того, как мальчик перемешает кубики. Соблюдая правила игры, Том закрыл глаза ладонью, чтобы не видеть, какое слово складывает Джек.

В наборе кубиков были не только заглавные и строчные буквы, но также и цифры, — таким образом, эта игра служила пособием для обучения не только чтению, но и счету.

Джек выстроил все кубики в один ряд и, нахмурив брови, выбирал нужные ему буквы. Работа нелегкая, и мальчик так увлекся ею, что не обращал внимания на Динго, который кружил возле него. Вдруг собака замерла на месте, уставившись на один кубик. Потом подняла переднюю правую лапу и завиляла хвостом. Затем схватила в зубы кубик, отбежала в сторону и положила его на палубу.

На этом кубике была изображена заглавная буква «С».

— Динго, отдай! — крикнул мальчик, испугавшись, что собака проглотит кубик.

Но Динго вернулся, взял еще один кубик и положил его рядом с первым.

На втором кубике было нарисовано заглавное «В».

Тут Джек вскрикнул.

На его крик прибежали миссис Уэлдон, капитан Гуль и Дик Сэнд, гулявшие по палубе.

Джек рассказал о том, что произошло.

Динго различал буквы! Динго умел читать! Да, да! Джек видел это собственными глазами.

Дик Сэнд пошел за кубиками, чтобы вернуть их Джеку. Динго встретил его рычаньем.

Тем не менее юноша поднял кубики с палубы и поставил их в выстроенную шеренгу. Динго опять

бросился к ней, снова выбрал те же две буквы и отнес их в сторонку. Он лег и, положив лапы на кубики, вызывающе смотрел на людей, ясно показывая, что никому не намерен их отдать. Другие буквы алфавита его не занимали и как будто и не существовали для него.

— Как странно! — воскликнула миссис Уэлдон.

— Действительно, очень странно, — сказал капитан Гуль, пристально глядя на кубики.

— С, В, — прочитала миссис Уэлдон.

— С, В, — повторил капитан Гуль. — Те же буквы, что и на ошейнике Динго!

И, внезапно обернувшись к старому негру, он спросил:

— Том, вы, кажется, говорили, что эта собака лишь с недавних пор принадлежала капитану «Вальдека»?

— Да, сударь. Динго попал на «Вальдек» всего года два тому назад.

— Капитан «Вальдека» нашел его на западном побережье Африки?

— Да, сударь, близ устья Конго. Я не раз слышал, как капитан «Вальдека» говорил об этом.

— И никто не знает, кому раньше принадлежал Динго и как он попал в Африку?

— Никто, капитан. Ведь с собаками дело обстоит хуже, чем с брошенными детьми: документов у них нет никаких, да и рассказать они ничего не могут.

Капитан Гуль умолк и задумался.

— Разве эти две буквы что-нибудь говорят вам, капитан? — спросила миссис Уэлдон, решившись, наконец, нарушить молчание.

— Да, мисисс Уэлдон. Они наводят меня на мысль... А впрочем, может быть, это просто случайное совпадение.

— Какое?

— Может быть, в этих двух буквах есть смысл и они помогут выяснить судьбу одного отважного путешественника.

— Не понимаю. Что вы хотите сказать?

— Сейчас объясню, миссис Уэлдон. В тысяча восемьсот семьдесят первом году, то есть два года назад, один путешественник-француз отправился в

Африку по инициативе парижского Географического общества, предпринимая попытку пересечь континент с запада на восток. Исходным пунктом его экспедиции как раз было устье реки Конго. Конечной точкой, по возможности, должен был быть мыс Дельгадо в устье реки Рувума, по течению которой путешественник намеревался спуститься. Этого человека звали Самюэль Вернон.

— Самюэль Вернон?! — повторила миссис Уэлдон.

— Да, миссис Уэлдон. Заметьте, что имя и фамилия начинаются как раз с тех букв, которые Динго выбрал из всего алфавита, и они же выгравированы на его ошейнике.

— В самом деле, — сказала миссис Уэлдон. — А что сталось с путешественником?

— Он отправился в экспедицию, — ответил капитан Гуль, — и с тех пор от него не было известий.

— Ни одной весточки? — спросил Дик Сэнд.

— Ни одной, — сказал капитан.

— Какой же из всего этого вывод вы делаете? — спросила миссис Уэлдон.

— Я полагаю, что Самюэлю Вернону не удалось добраться до восточного берега Африки. Либо он погиб в пути, либо его взяли в плен туземцы.

— Значит, эта собака...

— Эта собака могла принадлежать Самюэлю Вернону. Но если мое предположение правильное, Динго оказался счастливее своего хозяина: ему удалось вернуться назад к устью Конго, где его нашел капитан «Вальдека».

— А вы уверены, что француза-путешественника действительно сопровождала собака, или это только ваша догадка?

— Нет, миссис Уэлдон, это только моя догадка, — ответил капитан Гуль. — Зато бесспорным фактом является то, что Динго знает буквы «С» и «В», инициалы путешественника. Каким образом и где собака научилась различать эти две буквы, я, разумеется, не могу вам сказать. Но Динго отлично знает их. Глядите, он подталкивает кубики лапой, точно просит нас прочитать буквы.

И правда, поведение Динго нельзя было иначе истолковать.

— Разве Самюэль Вернон один предпринял такую трудную экспедицию? — спросил Дик Сэнд.

— Не знаю, — ответил капитан Гуль. — Но весьма вероятно, что он взял с собой отряд носильщиков-туземцев.

В эту минуту Негоро вышел из каюты на палубу. Сначала никто не обратил внимания на его приход, и поэтому никто не заметил странного взгляда, который португалец бросил на собаку, попрежнему оберегавшую два кубика с буквами «С» и «В». Но Динго, увидев судового кока, яростно зарычал и оскалил зубы.

Негоро тотчас же ушел назад в каюту, но взгляд, который он бросил на собаку, и угрожающий жест, который вырвался у него, не предвещали Динго ничего хорошего.

— Здесь кроется какая-то тайна, — прошептал капитан Гуль, от глаз которого не ускользнула ни одна подробность этой краткой сцены.

— А все-таки странно, мистер Гуль, — заметил Дик Сэнд. — Как же это собака научилась различать буквы алфавита?

— И ничего тут нет странного! — заявил маленький Джек. — Мама часто рассказывала мне про собаку, которая умела читать и писать, как настоящий школьный учитель, и даже играла в домино.

— Дорогой мой мальчик, — улыбаясь, сказала миссис Уэлдон, — собака Мунито, о которой я тебе рассказывала, совсем не была такой ученой, как тебе кажется. Если верить тому, что мне говорили, Мунито не умела отличить одну от другой буквы, из которых она составляла слова. Весь секрет ее «учености» заключался в замечательно остром слухе. Ее хозяин, ловкий американец, заметил это качество у Мунито, стал развивать его и в конце концов добился удивительных результатов.

— Как же он достиг этого, миссис Уэлдон? — спросил Дик Сэнд. Тайна ученой собаки заинтересовала его не меньше, чем Джека.

— Вот как, друг мой. Когда Мунито предстояло «работать» перед публикой, на столе расставляли кубики с буквами, вроде кубиков Джека. Собака ходила по столу в ожидании, пока из публики назовут слово, которое ей надлежало сложить. Обязательным условием было, чтобы это слово знал хозяин Мунито.

— Значит, в отсутствие хозяина... — начал юноша.

— ...собака ничего не могла сделать, — сказала миссис Уэлдон. — И вот почему. Буквы были расставлены на столе, собака расхаживала взад и вперед вдоль этого алфавита. Подойдя к букве, которая входила в заданное слово, она останавливалась, но не потому, что знала эту букву, а потому, что различала звук, неуловимый ни для кого другого; слышала, как американец щелкал зубочисткой, спрятанной в кармане. Это служило для нее сигналом, Мунито брала кубик и ставила его рядом с другим кубиком в определенном порядке.

— И в этом заключался весь секрет? — воскликнул Дик Сэнд.

— Да. Секрет, как видишь, несложный, — ответила миссис Уэлдон. — Впрочем, и большинство других фокусов обычно так же просты. Когда хозяина не было вблизи, Мунито теряла свой «дар». Поэтому-то меня так удивляет, что и в отсутствие Самюэля Вернона, — если только он действительно был хозяином собаки, — Динго сумел распознать эти две буквы.

— В самом деле, — заметил капитан Гуль, — это достойно удивления. Впрочем, здесь ведь собака не складывает из букв любое слово, по выбору публики: она выбирает только две буквы — всегда одни и те же. В конце концов собака, которая звонила у дверей монастыря, чтобы получить остатки обеда, предназначенные к раздаче нищим, или та собака, которая поочередно с другой через день должна была вращать вертел и отказывалась работать не в свою очередь, — быть может, эти собаки гораздо сообразительнее нашего Динго. Но не в этом дело. Перед нами неоспоримый факт: из всех букв алфавита Динго выбрал только две — «С» и «В». Других букв он, повидимому,

не знает. Из этого можно сделать только один вывод, что существовали какие-то причины, которые заставили собаку запомнить именно эти две буквы.

— Ах, капитан Гуль, — вздохнул Дик Сэнд, — если бы Динго мог говорить! Он объяснил бы нам, что означают эти буквы и почему он точит зубы на нашего кока!

— Да еще какие зубы! — рассмеялся капитан Гуль, указывая на Динго, который в эту минуту зевнул, обнажив свои страшные клыки.

ГЛАВА ШЕСТАЯ

Кит на горизонте

Легко себе представить, что этот странный случай с Динго не раз служил темой бесед, которые вели на корме «Пилигрима» миссис Уэлдон, капитан Гуль и Дик Сэнд. Молодой матрос инстинктивно не доверял Негоро, хотя поведение судового кока попрежнему было безупречным. На баке, в помещении команды, тоже немало говорили о Динго, но пришли к другому выводу: он был признан ученейшим псом, который не только читает, но, может быть, и пишет получше иного матроса. И если он еще не заговорил на человеческом языке, то только потому, что у него, очевидно, имеются веские основания хранить молчание.

— Вот увидите, — ораторствовал рулевой Болтон, — в один прекрасный день этот пес подойдет ко мне и спросит: «Куда мы держим курс, Болтон? Какой ветер нынче дует? Норд-вест или вест-норд-вест?» И мне придется ответить.

— Мало ли есть говорящих животных, — рассуждал другой матрос, — сороки, попугаи!.. Почему бы и собаке не заговорить, если ей захочется? Кажется, клювом говорить труднее, чем пастью.

— Правильно, — подтвердил боцман Говик, — а все-таки говорящих собак никогда не бывало.

Команда «Пилигрима» чрезвычайно удивилась бы,

узнав, что говорящие собаки существуют. У одного датского ученого была собака, которая отчетливо произносила слов двадцать. Но непроходимая пропасть отделяет такое умение от настоящей осмысленной речи. У собаки датского ученого голосовые связки были устроены так, что она могла издавать членораздельные звуки. Но смысл произносимых слов она понимала не больше, чем, скажем, попугаи, сойки или сороки. Для всех «говорящих» животных слова — это только разновидность пения или крика, — значение этих звуков остается для них непостижимым.

Как бы там ни было, но Динго стал героем дня на борту «Пилигрима». К чести его надо сказать, что он от этого не возгордился. Капитан Гуль неоднократно повторял опыт: он раскладывал деревянные кубики перед собакой, и Динго без ошибок и колебаний всякий раз вытаскивал два кубика с буквами «С» и «В», не обращая внимания на остальные буквы алфавита.

Несколько раз капитан этот опыт проделывал и при кузене Бенедикте. Но ученого занимали только насекомые, и поведение Динго нисколько не заинтересовало его.

— Не следует думать, — сказал он однажды, — что только собаки одарены подобной сообразительностью. Есть немало и других умных животных. Но и они, так же как собаки, лишь подчиняются инстинкту. Вспомните хотя бы крыс, которые бегут с кораблей, обреченных на гибель; вспомните бобров: они предвидят подъем воды в реке и надстраивают свои плотины; вспомните ослов, у которых замечательная память; вспомните, наконец, трех коней, принадлежавших Никомеду, Скандербегу и Оппиену, — они умерли от горя после смерти своих хозяев. Были и другие животные, которые делают честь всему миру животных. Известны случаи, когда на диво обученные птицы писали без ошибки слова под диктовку своего учителя, когда попугаи считали, сколько гостей в комнате с точностью, которой позавидовал бы вычислитель Бюро долгот и широт. Разве не существовало попугая, за которого заплатили сто золотых, ибо он читал некоему кардиналу, своему хозяину, весь символ веры без запинки.

Разве энтомолог не должен испытывать законного чувства гордости, когда видит, как простые насекомые дают доказательства высоко развитого интеллекта и убедительно подтверждают изречение: «In minimis maximus Deus» [1]. Ведь муравьи могли бы поспорить со строителями наших больших городов. Я бесконечно горжусь тем, что некоторые крохотные насекомые также обнаруживают развитой интеллект. Водяные пауки-серебрянки, не знающие законов физики, строят воздушные колокола, блохи везут экипажи, как заправские рысаки, выполняют строевые упражнения не хуже карабинеров, стреляют из пушек лучше, чем дипломированные артиллеристы, окончившие Вест-Пойнт [2]. Нет, Динго не заслужил чрезмерных похвал. Если он так сведущ в азбуке, — это не его заслуга: он принадлежит к еще не получившей своего места в зоологии породе canis alphabeticus — «собак-грамотеев», как видно, встречающихся в Новой Зеландии.

Но такие речи завистливого энтомолога нисколько не унизили Динго в общественном мнении, и на баке о нем попрежнему говорили, как о настоящем чуде.

Один лишь Негоро не разделял общего восхищения собакой. Быть может, он считал ее слишком умной. Динго относился к судовому коку все так же враждебно, и Негоро не преминул бы отплатить ему за это, если бы Динго не был способен «постоять за себя», во-первых, и если бы, во-вторых, он не стал любимцем всего экипажа.

Негоро теперь больше, чем когда-либо, избегал показываться на глаза Динго. Это не помешало Дику Сэнду заметить, что после случая с кубиками взаимная ненависть человека и собаки усилилась. В этом было нечто необъяснимое.

Десятого февраля томительные штили, во время которых «Пилигрим» не двигался с места, чередовались с порывами налетавшего встречного ветра. Но в этот день норд-ост заметно стих, и капитан Гуль стал надеяться на скорую перемену ветра. Он мечтал о северо-

---

[1] В самых малых — величайший бог *(лат.)*.

[2] В е с т - П о й н т — военная школа в штате Нью-Йорк.

западном ветре, который позволил бы шкуне-бригу поднять все паруса. Из Оклендского порта «Пилигрим» вышел всего девятнадцать дней тому назад. Задержка была не так уж велика, и при попутном ветре отлично оснащенная шкуна-бриг могла быстро наверстать потерянное время. Но желанная перемена ветра еще не наступила. Надо было ждать еще несколько дней.

Попрежнему океан простирался водной пустыней. Ни одно судно не заглядывало в эти широты. Мореплаватели покинули их. Китобои, охотившиеся в южных полярных морях, не собирались еще возвращаться на родину, и «Пилигрим», в силу чрезвычайных обстоятельств оставивший место охоты раньше времени, не мог надеяться на встречу с каким-нибудь кораблем, идущим к тропику Козерога.

Трансокеанские пакетботы, как уже говорилось, совершали рейсы между Америкой и Австралией под более низкими широтами.

Однако именно потому, что море было таким пустынным, оно особенно привлекало к себе внимание. Однообразное на взгляд поверхностного наблюдателя, оно представляется настоящим морякам, людям, которые умеют видеть и угадывать, бесконечно разнообразным. Неуловимая его изменчивость восхищает людей, обладающих воображением и чувствующих поэзию океана. Вот плывет пучок морской травы; вот длинная водоросль оставляет на поверхности воды легкий волнистый след; а вот волны колышут обломок доски, и так хочется отгадать, какое происшествие связано с этим обломком. Бесконечный простор дает богатую пищу воображению. В каждой из этих молекул воды, то поднимающихся в дымке пара к облакам, то проливающихся дождем в море, заключается, быть может, тайна какой-нибудь катастрофы. Как надо завидовать тем пытливым умам, которые умеют выведывать у океана его тайны, подниматься от его вечно движущихся вод к небесным высотам.

Всюду жизнь — и под водой и над водой! Пассажиры «Пилигрима» наблюдали, как охотятся на маленьких рыбок стаи перелетных птиц, покинувших

приполярные области перед наступлением зимних холодов. Дик Сэнд, перенявший у Джемса Уэлдона наряду со многими другими полезными навыками также и искусство меткой стрельбы, доказал, что он одинаково хорошо владеет ружьем и револьвером: юноша подстрелил на лету несколько птиц.

Над водой кружили буревестники — одни совершенно белые, другие с темной каймой на крыльях. Иногда пролетали стаи капских буревестников, а в воде проносились пингвины, у которых на земле такая неуклюжая и смешная походка. Однако, как отметил капитан Гуль, обрубки крыльев служат пингвинам настоящими плавниками, в воде птицы эти могут состязаться с самыми быстрыми рыбами, так что моряки иногда принимают их за тунцов. Высоко в небе реяли гигантские альбатросы, раскинув крылья в десять футов шириной. Они спускались на воду и клювом искали себе в ней пищу.

Эти непрестанно сменяющиеся картины представляют собой увлекательное зрелище. Только человеку, глубоко равнодушному к природе, море может показаться однообразным.

Днем 10 февраля миссис Уэлдон, прогуливаясь по палубе «Пилигрима», заметила, что поверхность моря внезапно стала красноватой. Казалось, вода окрасилась кровью. Сколько видел глаз, во все стороны простиралось это загадочное красное поле.

Дик Сэнд играл с маленьким Джеком недалеко от миссис Уэлдон, она сказала ему:

— Посмотри, Дик, что за странный цвет у моря. Откуда эта окраска? Может быть, тут какая-нибудь морская трава?

— Нет, миссис Уэлдон, — ответил юноша, — эту окраску воде придают мириады крохотных ракообразных, которые служат обычно пищей крупным морским млекопитающим. Рыбаки метко прозвали этих рачков «китовой похлебкой».

— Рачки! — сказала миссис Уэлдон. — Но они такие крохотные, что их, пожалуй, можно назвать морскими насекомыми! Кузен Бенедикт, наверное, с радостью включит их в свою коллекцию.

И миссис Уэлдон громко позвала:

— Кузен Бенедикт! Идите сюда.

Кузен Бенедикт вышел из каюты почти одновременно с капитаном Гулем.

— Поглядите, кузен Бенедикт! Видите огромное красное пятно на море? — спросила миссис Уэлдон.

— Ага! — воскликнул капитан Гуль. — Китовая похлебка! Вот удобный случай изучить весьма любопытных рачков, господин Бенедикт!

— Ерунда! — сказал энтомолог.

— Как «ерунда»?! — вскричал капитан. — Вы не имеете права проявлять такое равнодушие! Если не ошибаюсь, эти рачки относятся к одному из шести классов суставчатых и в качестве таковых...

— Ерунда! — повторил кузен Бенедикт, замотав головой.

— Однако! Такое равнодушие у энтомолога...

— Не забывайте, капитан Гуль, — прервал его кузен Бенедикт, — что я изучаю насекомых, в особенности шестиногих.

— Значит, вас эти рачки мало занимают, господин Бенедикт? Но если бы вы обладали желудком кита, как бы вы обрадовались этому пиру! Знаете, миссис Уэлдон, когда нам, китобоям, случается наткнуться в море на такую стаю рачков, мы спешим привести в готовность гарпуны и шлюпки. В таких случаях можно не сомневаться, что добыча близка...

— Но как могут такие крохотные рачки насытить огромного кита? — спросил Джек.

— Что ж тут удивительного, дружок? — ответил капитан Гуль. — Ведь готовят вкусные кушанья из манной крупы, из крахмала, из муки тончайшего помола. Так уж пожелала природа: когда кит плывет в этой красной воде, похлебка для него готова, — ему стоит только открыть свою огромную пасть. Мириады рачков попадают туда, и он закрывает рот. Тогда роговые пластинки, — так называемый «китовый ус», — которые щеткой свисают с его нёба, выполняют роль рыбачьих сетей. Ничто не может ускользнуть из его рта, и масса рачков отправляется в обширный желудок кита так же просто, как суп в твой животик.

— Ты понимаешь, Джек, — добавил Дик Сэнд, — что господин кит не тратит времени на то, чтобы очищать от скорлупы каждого рачка в отдельности, как ты очищаешь креветок.

— В то время как огромный обжора лакомится своей «похлебкой», — сказал капитан Гуль, — кораблю легче подойти к нему, не возбуждая у кита тревоги. Самая подходящая минута пустить в ход гарпун...

В это мгновение, как бы в подтверждение слов капитана Гуля, вахтенный матрос крикнул:

— Кит на горизонте — впереди по левому борту!

Капитан Гуль выпрямился во весь рост.

— Кит! — воскликнул он и, побуждаемый инстинктом охотника, побежал на нос.

Миссис Уэлдон, Джек, Дик Сэнд и даже кузен Бенедикт последовали за ним.

Действительно, в четырех милях, под ветром, в одном месте море как бы кипело. Опытный китобой не мог ошибиться: среди красных волн двигалось крупное морское млекопитающее. Но расстояние еще было слишком велико, чтобы можно было определить породу этого млекопитающего. Пород этих несколько, и каждая довольно резко отличается от других.

Может быть, это один из видов настоящих китов, за которыми главным образом и охотятся китобои северных морей? У настоящих китов нет спинного плавника, под кожей у них толстый слой жира. Длина настоящих китов иногда достигает восьмидесяти футов, но средняя их длина не больше шестидесяти футов. От одного такого чудища можно получить до ста бочек ворвани.

А может, это полосатик, принадлежащий к породе спиноперых китов, — одно уже это название должно, как-никак, внушать уважение энтомологу. У полосатиков — похожие на крылья спинные белые плавники длиной в половину туловища, это своего рода летающий кит.

Но это мог быть и большой полосатик, известный также под названием полосатика-горбача, у него тоже есть спинной плавник, а по длине он не уступает настоящим китам.

Пока еще нельзя было решить, к какому виду принадлежит кит, замеченный вахтенным.

Капитан Гуль и весь экипаж «Пилигрима» с жадностью следили за млекопитающим.

Если часовщик, глядя на стенные часы в чужой комнате, испытывает непреодолимую потребность их завести, то какое страстное желание загарпунить добычу охватывает китобоя при виде плавающего в океане кита? Говорят, охота на крупного зверя увлекает больше, чем охота на мелкую дичь. Если охотничий пыл тем сильнее, чем крупнее дичь, то что же должны ощущать ловцы слонов и китобои?

Экипаж «Пилигрима» волновался еще и потому, что судно возвращалось на родину с неполным грузом!..

Капитан Гуль пристально всматривался вдаль. Кита еще трудно было рассмотреть на таком расстоянии, но искушенный глаз китобоя безошибочно улавливал некоторые признаки, различимые даже издали: по фонтанам, вырывавшимся из водометных отверстий кита, уже можно было определить, к какой породе он принадлежит.

— Это не настоящий кит! — воскликнул капитан Гуль. — У настоящих китов фонтаны выше и тоньше. И несомненно это не горбач! Когда фонтан вылетает с шумом, похожим на отдаленный гул канонады, можно с уверенностью сказать, что имеешь дело с горбачом. Но тут ничего такого нет. Прислушайтесь хорошенько. Тут фонтан производит шум совсем другого рода. Что ты скажешь об этом, Дик? — спросил капитан Гуль, обернувшись к юноше.

— Мне кажется, капитан, что это полосатик, — ответил Дик Сэнд. — Посмотрите, с какой силой взлетают в воздух фонтаны. И как будто водяных струй в них больше, чем пара. Если я не ошибаюсь, эта особенность присуща полосатикам?

— Правильно, Дик! — ответил капитан Гуль. — Сомневаться уж не приходится! Там, в красной воде, плывет полосатик.

— Как красиво! — воскликнул маленький Джек.

— Да, голубчик! Подумать только, что это огромное животное спокойно кормится и даже не подозревает, что за ним наблюдают китобои!

— Мне думается, — скромно заметил Дик, — что это очень крупный экземпляр полосатика.

— Несомненно! — ответил капитан Гуль, у которого сверкали глаза от волнения. — Длины в нем по меньшей мере семьдесят футов.

— Здорово! — воскликнул боцман. — Загарпунить бы с полдюжины таких китов, и тогда полностью нагрузили бы все трюмы нашего корабля.

— Да, полдюжины вполне было бы достаточно, — со вздохом сказал капитан Гуль.

Чтобы лучше рассмотреть кита, он влез на бушприт.

— У нас пустуют двести бочек. Вот если поймать этого кита, — прибавил боцман, — сразу заполнили бы ворванью не меньше сотни бочек...

— Да... Не меньше сотни! — шептал капитан Гуль.

— Это правда, — подтвердил Дик Сэнд, — но напасть на такого огромного полосатика — дело далеко не легкое.

— Верно. Дело трудное, очень трудное. У больших полосатиков хвост чудовищной силы, и к ним надо приближаться очень осторожно. Самая крепкая шлюпка разлетается в щепки от удара их хвоста. Но ради такой поживы стоит рискнуть.

— Большой полосатик — большая добыча! — сказал один из матросов.

— И выгодная! — добавил другой.

— Жаль пройти мимо и не поздороваться с таким китом! — заключил третий.

Всей команде страстно хотелось поохотиться. Сколько ворвани было заключено в туше, плававшей на поверхности воды так близко, рукой подать! Казалось, стоило только подставить бочки — и ворвань польется в них широкой струей. Немного усилий — и трюм «Пилигрима» будет заполнен.

Взобравшись на ванты фок-мачты, матросы жадным взглядом следили за каждым движением кита, и нетерпеливые возгласы выдавали их чувства.

Капитан Гуль умолк и грыз от досады ногти.

Словно мощный магнит, полосатик притягивал к себе «Пилигрим» и весь его экипаж.

— Мама! Мама! — воскликнул вдруг маленький Джек. — Я хочу посмотреть, как устроен кит!

— Ах, ты хочешь посмотреть кита вблизи, дружок? Что ж, почему бы не доставить тебе такого удовольствия? Не правда ли, друзья? — обратился капитан Гуль к матросам, будучи уже не в силах противостоять соблазну. — Людей у нас маловато... Ну, да как-нибудь справимся...

— Справимся, справимся! — в один голос закричали матросы.

— Мне не в первый раз придется выполнять обязанности гарпунщика, — продолжал капитан Гуль. — Посмотрим, не разучился ли я метать гарпун...

— Ура, ура, ура! — закричали матросы.

ГЛАВА СЕДЬМАЯ

Приготовления к охоте

Понятно, почему появление огромного морского животного привело в такое возбуждение экипаж «Пилигрима». Кит, плававший посреди красного водного поля, казался гигантским.

Добыть его и заполнить трюм корабля — искушение было велико! Могли ли китобои пропустить такой случай?

Миссис Уэлдон задала капитану Гулю вопрос: не опасна ли в таких условиях для команды и для него самого охота на кита.

— Нет, миссис Уэлдон, — ответил капитан Гуль. — Опасности нет никакой. С одной шлюпкой мне не раз приходилось охотиться на китов, и не было случая, чтобы я не добился цели. Повторяю, никакая опасность не грозит нам, а следовательно, и вам.

Миссис Уэлдон успокоилась и прекратила расспросы.

Капитан Гуль тотчас же распорядился сделать все необходимые приготовления к охоте на полосатика. Он по опыту знал, что охота будет трудной, и решил принять все меры предосторожности.

На «Пилигриме» была шлюпка, установленная на кильблоках между грот-мачтой и фок-мачтой, затем три китобойные шлюпки: одна была подвешена с левого, другая с правого борта, а третья — на корме, за гакабортом.

Обычно эти три китобойные лодки шли все разом в погоню за китами.

Но капитан Гуль мог выслать против полосатика только одну шлюпку. Как известно, при стоянке в Новой Зеландии вербовались матросы и гарпунщики, которые помогали постоянной команде «Пилигрима» во время промыслового сезона. Теперь же этой вспомогательной команды не было, и «Пилигрим» мог снарядить на охоту только пять матросов, то есть столько, сколько нужно для обслуживания одной шлюпки. От помощи Тома и его товарищей, которые поспешили предложить свои услуги, капитан Гуль должен был отказаться: управление шлюпкой во время охоты на кита под силу только опытным морякам. Неверный поворот руля или несвоевременный взмах весла в момент нападения угрожают шлюпке гибелью.

С другой стороны, капитан Гуль не мог покинуть свое судно, не оставив на борту хотя бы одного опытного моряка: мало ли что могло случиться.

Но так как на китобойной шлюпке нужны сильные люди, капитану Гулю волей-неволей пришлось поручить судно Дику Сэнду.

— Дик, — сказал он, — оставляю тебя своим заместителем на время охоты. Надеюсь, что она будет непродолжительной.

— Есть, капитан! — ответил юноша.

Дику Сэнду самому хотелось принять участие в охоте, но он понимал, что на шлюпке больше пользы принесет опытный китобой, да, кроме того, лишь он один может заменить капитана Гуля на «Пилигриме». Поэтому он беспрекословно повиновался.

Итак, на охоту отправлялась вся команда «Пилигрима». Четверо матросов сядут на весла, а боцман Говик станет у кормового весла, заменяющего руль обычного типа. Руль не позволяет мгновенно выполнить маневры. Если во время охоты гребные весла сломаются, то кормовое весло в умелых руках может вывести шлюпку из-под ударов разъяренного кита.

Капитан Гуль займет место гарпунщика — ему не впервой была эта работа. Он должен был бросить гарпун, следить за разматыванием длинной веревки, закрепленной на конце гарпуна, и, наконец, добить раненого кита копьем, когда тот всплывет на поверхность океана.

Иногда для китобойного промысла пользуются огнестрельным оружием. На борту корабля или на носу шлюпки устанавливается особая пушка, она стреляет разрывными пулями, которые кромсают тело кита, или же при помощи ее выбрасывают гарпун, к концу которого привязана веревка. Но на «Пилигриме» не было таких приспособлений. Кстати сказать, моряки не очень любят новшества, предпочитая этим дорогим и трудным для управления приборам простой гарпун и копье, которыми они владеют очень искусно. И капитан Гуль тоже пускался на охоту, снабженный только обычным холодным оружием китобоев.

Полосатик находился милях в пяти от «Пилигрима».

Погода как будто благоприятствовала охоте. Море было спокойно — значит, шлюпке легче будет маневрировать. Ветра почти не было, и не приходилось опасаться, что «Пилигрим» отнесет далеко в сторону, пока экипаж будет охотиться.

Штирбортную шлюпку спустили на воду, и четверо матросов заняли в ней места.

Боцман Говик сбросил им два гарпуна и несколько длинных копий с острыми наконечниками. К этим орудиям нападения он добавил пять бухт[1] гибкого и прочного троса, по шестисот футов в каждой бухте. Когда одна бухта размотается, матросы подвязывают

---

[1] Бухта — трос, свернутый кругами.

к концу троса вторую, третью и т. д. Но иногда и трех тысяч футов троса оказывается недостаточно, — так глубоко ныряет кит.

Гарпуны, копья и трос — все снаряжение для китобоев было уложено в порядке на носу лодки. Заняв свои места, Говик и четверо матросов ожидали только приказа отдать концы. Теперь осталось только одно свободное место на носу шлюпки, его должен был занять капитан Гуль.

Перед отправлением на охоту экипаж «Пилигрима» положил корабль в дрейф, то есть реи были обрасоплены так, что паруса оказывали взаимное противодействие, и судно оставалось на месте почти неподвижно.

Перед тем как сесть в шлюпку, капитан Гуль бросил последний взгляд на шкуну. Паруса были надежно закреплены, снасти хорошо вытянуты. Дику Сэнду предстояло остаться одному на судне, быть может, в продолжение многих часов. Капитан хотел избавить его от необходимости переставлять паруса и маневрировать, если только не потребуют этого особые обстоятельства.

Удостоверившись, что все в порядке, капитан подозвал к себе юношу и сказал ему:

— Дик, оставляю тебя одного. Смотри в оба! Может быть, против ожидания, «Пилигриму» придется пойти нам навстречу, если мы уплывем слишком далеко, тогда Том и его товарищи помогут тебе поставить паруса. Ты хорошенько растолкуешь им, что надо делать, и я уверен, что они отлично справятся с работой.

— Капитан Гуль, — сказал старый Том. — Мистер Дик может рассчитывать на нас.

— Приказывайте, приказывайте! — воскликнул Бат. — Мы покажем, как мы умеем работать!

— Что тянуть? — спросил Геркулес, засучивая рукава.

— Пока что ничего, — улыбаясь, ответил юноша.

— Я готов! — сказал гигант.

— Погода сегодня отличная, — продолжал капитан

Гуль, — да и ветер, надо полагать, не посвежеет. Но, что бы ни случилось, Дик, не спускай на воду шлюпку и не покидай судна!

— Есть, капитан!

— Если, преследуя кита, мы уйдем далеко в сторону и нужно будет, чтобы «Пилигрим» пошел за нами, я подам тебе сигнал: подниму вымпел на конце багра.

— Будьте покойны, капитан. Я глаз не спущу с вашей шлюпки, — ответил Дик Сэнд.

— Отлично, голубчик, — сказал капитан Гуль. — Побольше хладнокровия и храбрости! Помни, ты теперь помощник капитана. Смотри, Дик, не посрами своего звания. Никому еще не случалось носить его в твоем возрасте.

Дик не ответил, только улыбнулся и покраснел. Капитан Гуль понял значение этой улыбки и румянца.

«Какой славный мальчик! — подумал он. — Скромность и доброта — в этих двух словах весь характер Дика!»

Судя по прощальным наставлениям, легко было догадаться, что капитан Гуль неохотно покидает корабль даже на несколько часов, хотя никакой опасности не предвиделось. Но всесильная страсть охотника и, главное, горячее желание пополнить груз ворвани, чтобы выполнить обязательства, взятые на себя Джемсом Уэлдоном в Вальпарайсо, — все это побуждало его отважиться на опасную экспедицию.

Спокойное море сулило легкую погоню за китом. Ни команда «Пилигрима», ни сам капитан не могли устоять перед искушением. К тому же китобойная экспедиция будет, наконец, окончена, — и это последнее соображение взяло верх над всем остальным в душе капитана.

Он решительно шагнул к шторм-трапу, спущенному в шлюпку.

— Счастливой охоты! — напутствовала его миссис Уэлдон.

— Спасибо!

— Пожалуйста, капитан Гуль, не бейте больно этого бедного кита! — крикнул маленький Джек.

— Постараюсь, мой мальчик! — ответил капитан Гуль.

— Поймайте его тихонько!..

— Да... да... Я надену перчатки!

— Иногда на спинах этих млекопитающих находят довольно любопытных насекомых! — заметил кузен Бенедикт.

— Что ж, господин Бенедикт, — смеясь, ответил капитан Гуль, — никто не помешает и вам «поохотиться», когда наш полосатик будет пришвартован к борту «Пилигрима»!

И, повернувшись к Тому, он добавил:

— Том, я рассчитываю, что вы и ваши товарищи поможете нам разделать тушу.. когда мы притащим кита к кораблю... Мы с ним живо управимся.

— К вашим услугам, господин капитан! — ответил старик негр.

— Спасибо! — сказал капитан Гуль. — Дик, эти славные люди помогут тебе выкатить на палубу пустые бочки, пока мы будем охотиться. И когда мы вернемся, работа пойдет быстро

— Есть, капитан! Будет сделано!

Людям несведущим следует пояснить, что в случае удачной охоты убитого кита предстояло дотянуть на буксире до «Пилигрима» и крепко пришвартовать его к судну с правого борта. Тогда матросы, надев сапоги с шипами на подошвах, должны были взобраться на спину гиганта, рассечь слой покрывающего его жира на параллельные полосы от головы до хвоста, затем эти полосы разделить поперек на ломти толщиной в полтора фута, разрезать каждый на куски, уложить в бочки и спустить их в трюм.

Обычно китобойное судно по окончании охоты маневрирует так, чтобы скорее причалить к берегу и там довести до конца обработку туши. Экипаж сходит на берег и приступает к выплавке жира; растопившись на огне, китовый жир выделяет всю свою полезную часть, то есть ворвань [1].

---

[1] При перетапливании китовый жир теряет около трети своего веса (*Прим. автора*)

Но теперь капитан Гуль не мог бы после охоты повернуть обратно к суше, чтобы закончить эту операцию. Он рассчитывал «выплавить» дополнительно добытый жир только в Вальпарайсо. Ветер должен был вскоре измениться на западный, и капитан «Пилигрима» надеялся подойти к американскому побережью недели через три — за такой срок добыча не могла испортиться.

Наступил момент отплытия. Прежде чем лечь в дрейф, «Пилигрим» несколько приблизился к тому месту, где полосатик попрежнему выдавал свое присутствие, выбрасывая фонтаном струи пара и воды.

Полосатик все плавал по обширному водному полю, красному от крохотных рачков, и, поминутно разевая широкую пасть, захватывал при каждом глотке мириады микроскопических существ.

По мнению опытных китобоев, следивших за ним, нечего было опасаться, что он попытается скрыться. Это, несомненно, был один из тех китов, которых гарпунщики называют «боевыми».

Капитан Гуль перелез через борт и по шторм-трапу спустился на нос шлюпки.

Миссис Уэлдон, Джек, кузен Бенедикт, Том и его товарищи в последний раз пожелали капитану удачи.

Даже Динго, поднявшись на задние лапы и выставив голову за борт, как будто прощался с экипажем.

Затем пассажиры «Пилигрима» перешли на нос, чтобы не упустить ни одной подробности увлекательной охоты.

Шлюпка отчалила, и равномерные сильные взмахи четырех весел быстро погнали ее вдаль от «Пилигрима».

— Дик, следи за всем, следи хорошенько! — в последний раз крикнул капитан Гуль юноше.

— Положитесь на меня, капитан.

— Следи, дружок, одним глазом за судном, а другим — за шлюпкой. Не забывай этого!

— Будет сделано, капитан, — ответил Дик и, подойдя к румпелю, встал возле него.

Легкое суденышко было уже на расстоянии в не-

сколько сот футов от «Пилигрима». Капитан Гуль стоял на носу. Он еще что-то говорил, но уже голоса его не было слышно, и только по выразительным жестам капитана Дик понял, что тот повторяет свои наставления.

В эту минуту Динго, не отходивший от борта, жалобно завыл. Протяжный вой собаки обычно производит тяжелое впечатление на людей, склонных к суеверию. Миссис Уэлдон даже вздрогнула.

— Молчи, Динго! — сказала она. — Стыдись! Разве так провожают друзей на охоту! Ну-ка, залай повеселее!

Но Динго молчал. Сняв лапы с поручней, он медленно подошел к миссис Уэлдон и лизнул ей руку.

— Динго не машет хвостом, — прошептал Том. — Плохой знак!.. Плохой знак!

Вдруг Динго, охваченный сильнейшей и совершенно необъяснимой яростью, ощетинился и зарычал. Миссис Уэлдон обернулась. Негоро вышел из своей каюты. Видно, его заинтересовала предстоящая охота и он намеревался посмотреть на маневры шлюпки.

Динго кинулся к судовому коку, весь дрожа от совершенно явной и непонятной ненависти.

Негоро поднял с палубы вымбовку [1] и стал в оборонительную позицию.

Собака бросилась на него и хотела вцепиться ему в горло.

— Динго, назад! — крикнул Дик Сэнд.

Покинув на мгновение свой наблюдательный пост, юноша бросился на бак. Миссис Уэлдон, со своей стороны, старалась успокоить собаку. Динго нехотя повиновался и, глухо рыча, отошел к юноше.

Негоро не вымолвил ни слова, только сильно побледнел. Бросив на палубу вымбовку, он повернулся и ушел в свою каюту.

— Геркулес! — сказал Дик Сэнд. — Я поручаю вам следить за этим человеком.

---

[1] Вымбовка — деревянный рычаг для вращения ручного ворота, при помощи которого поднимается якорь.

— Буду следить, — просто ответил великан, сжимая огромные кулачищи.

Миссис Уэлдон и Дик Сэнд снова обратили взгляд к шлюпке, быстро удалявшейся от судна.

Теперь она казалась уже маленькой точкой среди бесконечного моря.

ГЛАВА ВОСЬМАЯ

Полосатик

Опытный китобой, капитан Гуль не полагался на счастливый случай. Охота на полосатика — дело трудное, — тут никакие меры предосторожности не будут лишними. И капитан Гуль не пренебрег ни одной из них.

Прежде всего он приказал рулевому подойти к киту с подветренной стороны, и так, чтобы шум не выдал приближения охотников.

Говик повел шлюпку в обход границ красного поля, посреди которого плавал кит. Таким образом, охотники должны были его обогнуть.

Боцман был старым, опытным моряком и отличался редким хладнокровием. Капитан Гуль знал, что может всецело положиться на своего рулевого: он не растеряется в решительную минуту, быстро и точно выполнит нужный маневр.

— Внимание, Говик! — сказал капитан Гуль. — Попробуем застать полосатика врасплох. Постарайтесь незаметно подойти на такое расстояние, откуда можно уже бросить гарпун.

— Есть, капитан! — ответил боцман. — Если идти по краю красного поля, ветер все время будет в нашу сторону.

— Хорошо! — сказал капитан.

И, обращаясь к матросам, он добавил:

— Гребите без шума, ребята! Как можно меньше шума!

Весла, предусмотрительно обмотанные кожей, не скрипели в уключинах и бесшумно погружались в воду.

Искусно направляемая боцманом шлюпка подошла вплотную к полю красных рачков. Весла правого борта погружались еще в зеленую прозрачную воду, а по веслам левого борта уже стекали струйки красной, похожей на кровь жидкости.

— Вино и вода, — заметил один из матросов.

— Да, — ответил капитан Гуль, — но это вода не утолит жажды, а вино не напоит пьяным! Ну, друзья, теперь помалкивайте! И приналягте на весла!

Шлюпка скользила по воде, точно по слою масла, — совершенно бесшумно Полосатик не шевелился и как будто не замечал шлюпки, которая описывала круг, обходя его.

Следуя по этому кругу, шлюпка, разумеется, удалялась от «Пилигрима»; корабль казался все меньше и меньше.

Все предметы в океане, когда удаляешься от них, быстро уменьшаются в размерах, и это всегда производит странное впечатление, словно смотришь в перевернутую подзорную трубу. Оптический обман в данном случае, очевидно, объясняется тем, что на широком морском просторе не с чем сравнивать удаляющийся предмет.

Так было и с «Пилигримом» — он уменьшался на глазах с каждой минутой, и людям в шлюпке казалось, что он находится гораздо дальше, чем это было в действительности.

Через полчаса после того как шлюпка отвалила от корабля, она находилась как раз под ветром от кита, занимавшего теперь положение между шлюпкой и «Пилигримом». Настала пора подойти поближе к полосатику. Это нужно было сделать бесшумно. Быть может, удастся незаметно подойти к киту сбоку и бросить гарпун с близкого расстояния.

— Медленнее, ребята! — тихо скомандовал гребцам капитан Гуль.

— Кажется, наша рыбка что-то учуяла, — сказал Говик. — Дышит сейчас не так шумно, как раньше.

— Тише! Тише! — повторил капитан Гуль.

Через пять минут охотники были всего в одном кабельтове от кита.

Боцман Говик, стоя во весь рост на корме, направил шлюпку так, чтоб подойти к левому боку кита, стараясь, однако, держаться в некотором отдалении от страшного хвоста, ибо одного его удара было достаточно, чтоб сокрушить шлюпку.

Капитан Гуль стоял на носу шлюпки, расставив ноги для устойчивости, и держал в руке гарпун. Орудие это, брошенное его ловкой рукой, несомненно должно было крепко вонзиться в мясистую спину кита, горбом выступавшую из воды.

Рядом с капитаном в бадье лежала первая из пяти бухт каната, прочно привязанная к тупому концу гарпуна. Остальные четыре находились под рукою, чтобы без задержки подвязывать одну к другой, если кит уйдет на большую глубину.

— Готовься! — прошептал капитан Гуль.

— Есть! — ответил Говик, крепче сжав рулевое весло.

— Подходи!

Боцман выполнил команду, и шлюпка поровнялась с полосатиком. Едва ли разделяло их расстояние в десять футов.

Животное не шевелилось. Казалось, оно спало. Кит, застигнутый во время сна, легко становится добычей охотника. Иногда удается прикончить его с первого удара.

«Какая неподвижность! Что-то странно! — подумал капитан Гуль. — Вряд ли эта бестия спит... Нет, здесь что-то кроется!»

Такая же мысль мелькнула и у боцмана Говика, который старался рассмотреть другой бок кита, но это ему никак не удавалось.

Однако времени для размышлений не было: пришла пора действовать.

Ухватив гарпун посредине древка, капитан Гуль несколько раз взмахнул им, чтобы лучше прицелиться, и затем с силой бросил его в полосатика.

— Назад, назад! — крикнул он тотчас же.

Матросы, дружно навалившись на весла, рванули шлюпку назад, чтобы вывести ее из-под ударов хвоста раненого кита.

В эту минуту возглас боцмана объяснил всем причину загадочного поведения полосатика, его длительную неподвижность.

— Детеныш! — воскликнул Говик.

Раненая самка, судорожно метнувшись, почти перевернулась на бок, и тогда моряки тоже увидели ее детеныша. Гарпун застиг их во время кормления.

Капитан Гуль знал: присутствие детеныша делает охоту опасной. Самка, несомненно, станет защищаться с удвоенной яростью, спасая не только себя, но и своего «малыша», если только так можно назвать животное длиною в двадцать футов.

Однако, вопреки опасениям капитана Гуля, полосатик не набросился сразу на шлюпку, и команде не пришлось рубить привязанный к гарпуну канат, чтобы бежать от разъяренного животного.

Напротив, как это часто бывает, кит нырнул и, описав в воде дугу, мощным рывком поднялся на поверхность и с невероятной быстротой поплыл. Детеныш последовал за маткой.

Капитан Гуль и боцман Говик успели рассмотреть кита, прежде чем он нырнул, и, следовательно, оценить его по достоинству. Полосатик оказался могучим животным длиной не меньше восьмидесяти футов. Желтовато-коричневая кожа его была испещрена множеством темнокоричневых пятен.

Было бы досадно после удачного начала отказаться от такой богатой добычи. Началось преследование. Шлюпка с поднятыми веслами стрелой неслась по волнам. Говик невозмутимо направлял ее следом за китом, несмотря на то, что шлюпку отчаянно бросало из стороны в сторону.

Капитан Гуль, не спускавший глаз со своей добычи, неустанно повторял:

— Внимание, Говик! Внимание!

Но и без этого предупреждения боцман был настороже.

Шлюпка шла медленнее кита, и бухта разматывалась с такой скоростью, что капитан Гуль опасался, как бы канат не загорелся от трения о борт лодки. Он

поспешил поэтому наполнить морской водой бадью, в которой лежала бухта.

Полосатик, видимо, не собирался ни останавливаться, ни умерять быстроту своего бега. Капитан Гуль подвязал вторую бухту. Но и ее хватило ненадолго. Через пять минут пришлось подвязать третью, которая тоже скоро размоталась под водой.

Полосатик стремглав несся вперед. Очевидно, гарпун не задел каких-нибудь важных для его жизни органов. Судя по наклону каната, можно было догадаться, что кит не только не собирается выйти на поверхность, но, наоборот, все глубже и глубже уходит в воду.

— Черт возьми! — воскликнул капитан Гуль. — Кажется, эта тварь намерена сожрать все пять бухт!

— И оттащит нас далеко от «Пилигрима», — добавил боцман Говик.

— А все-таки киту придется подняться на поверхность, чтобы набрать воздуха, — заметил капитан Гуль. — Ведь кит — не рыба: воздух ему нужен так же, как человеку.

— Он задерживает дыхание, чтобы быстрее плыть, — смеясь, сказал один из матросов.

В самом деле, канат продолжал разматываться с прежней быстротой. К третьей бухте вскоре пришлось привязать четвертую.

Матросы, уже подсчитавшие в уме свою долю барыша от поимки кита, приуныли.

— Вот проклятая тварь! — бормотал капитан Гуль. — Ничего подобного я не видел в своей жизни.

Наконец, и пятая бухта была пущена в дело. Она размоталась почти наполовину, и вдруг натяжение каната ослабло.

— Ура! — воскликнул капитан Гуль. — Канат провисает — значит, полосатик устал!

В эту минуту шлюпка находилась в пяти милях от «Пилигрима».

Капитан Гуль, подняв вымпел на конце багра, дал кораблю сигнал приблизиться.

Через мгновение он увидел, как на «Пилигриме» брасопили реи, наполняя паруса[1]. Этот маневр Дик Сэнд с помощью Тома и его товарищей проделал четко и быстро.

Но ветер был слабый, он задувал порывами и очень быстро спадал. При этих условиях «Пилигриму» трудно было настигнуть шлюпку.

Тем временем, как и предвидел капитан Гуль, полосатик поднялся на поверхность океана подышать. Гарпун попрежнему торчал у него в боку. Раненое животное несколько времени неподвижно лежало на воде, дожидаясь детеныша, который, должно быть, отстал во время этого бешеного бега.

Капитан Гуль приказал гребцам налечь на весла, и скоро шлюпка снова очутилась вблизи полосатика.

Двое матросов сложили весла и, так же как сам капитан, вооружились длинными копьями, которыми добивают раненого кита.

Говик насторожился. Минута была опасная: кит мог броситься на них, и нужно было держаться начеку, чтобы тотчас же отвести шлюпку на безопасное расстояние.

— Внимание! — крикнул капитан Гуль. — Цельтесь хорошенько, ребята, бейте без промаха! Ты готов, Говик?

— Я-то готов, капитан, — ответил боцман, — но меня смущает, что после такого бешеного бега наш полосатик вдруг затих!

— Мне это тоже кажется подозрительным.

— Надо поостеречься!

— Да. Однако не бросать же охоты! Вперед!

Капитан Гуль пришел в возбуждение.

Шлюпка приблизилась к киту, который только вертелся на одном месте. Детеныша возле него не было, и, может быть, мать искала его.

Вдруг полосатик взмахнул хвостовым плавником и сразу уплыл вперед футов на тридцать.

Неужели он снова собирался бежать? Неужели

---

[1] Наполнить паруса — поставить паруса под ветер для ускорения хода судна.

придется возобновить это бесконечное преследование?

— Берегись! — крикнул капитан Гуль. — Полосатик сейчас возьмет разгон и бросится на нас. Поворачивай, Говик! Поворачивай!

И действительно, полосатик повернулся головой к шлюпке. Затем, с силой ударяя по воде плавниками, ринулся на людей.

Боцман, верно рассчитав направление атаки, рванул шлюпку в сторону, и кит с разбегу проплыл мимо, не задев ее. Капитан Гуль и оба матроса воспользовались этим, чтобы всадить копья в тело чудовища, стараясь задеть какой-нибудь важный для жизни орган.

Полосатик остановился, выбросил высоко вверх два окрашенных кровью фонтана и снова ринулся на шлюпку. Нужно было обладать большим мужеством, чтобы не потерять головы при виде разъяренного гиганта. Но Говик опять успел отвести шлюпку в сторону и уклониться от удара.

Снова в тот миг, когда полосатик проносился мимо шлюпки, ему нанесли три глубокие раны. Кит с такой силой ударил своим страшным хвостом по воде, что поднялась огромная волна, как будто внезапно налетел шквал. Шлюпка чуть не перевернулась. Волна переплеснула через борт и наполовину затопила шлюпку.

— Ведра! Ведра! — крикнул капитан Гуль.

Матросы бросили весла и с лихорадочной быстротой стали вычерпывать воду. Тем временем капитан Гуль обрубил канат, теперь уже бесполезный, — обезумевшее от боли животное и не помышляло больше о бегстве. Кит в свою очередь нападал сам, его агония становилась страшной.

В третий раз полосатик повернулся к шлюпке. Но отяжелевшее от воды суденышко потеряло подвижность: оно не могло ни отступить, ни увернуться от нападения. Как ему теперь избежать грозящего удара? Уже нельзя было управлять им и тем более нельзя было спастись бегством.

Как ни усердно гребли матросы, теперь полосатик несколькими рывками мог настигнуть шлюпку.

Надо было прекратить нападение и подумать о самозащите. Капитан Гуль хорошо это понимал.

При третьей атаке Говику удалось только ослабить удар, но не избежать его. Полосатик задел шлюпку своим огромным спинным плавником. Толчок был так силен, что Говик опрокинулся на спину.

От того же толчка неверным стал прицел трех копий: на этот раз они не попали в цель.

— Говик! Говик! — крикнул капитан Гуль, который сам едва удержался на ногах.

— Здесь, капитан! — ответил боцман и, поднявшись, встал на свое место.

Но тут он увидел, что кормовое весло переломилось посредине. Он молча показал обломок капитану Гулю.

— Бери другое!

— Есть! — ответил Говик.

В эту минуту вода неподалеку от шлюпки словно закипела. В нескольких саженях показался детеныш кита.

Полосатик его увидел и стремительно поплыл к нему.

С этой минуты полосатик должен был сражаться за двоих. Борьба становилась еще более ожесточенной.

Капитан Гуль бросил взгляд в сторону «Пилигрима» и отчаянно замахал вымпелом, поднятым на конце багра.

Но Дик Сэнд уже по первому сигналу капитана сделал все, что мог. Паруса на «Пилигриме» были поставлены, и ветер начал наполнять их. К несчастью, шкуна-бриг ничем больше не могла ускорить своего хода, на ней не было винтового двигателя. Что оставалось делать Дику? Спустить на воду еще одну шлюпку и спешить с неграми на помощь капитану? Но гребной шлюпке понадобилось бы немало времени, чтобы одолеть такое расстояние, да и сам капитан запретил юноше покидать корабль, что бы ни случилось.

Все же Дик приказал спустить на воду кормовую шлюпку и повел ее за судном на буксире, чтобы капитан и его товарищи могли ею воспользоваться, если понадобится.

В это время, прикрывая своим телом детеныша,

полосатик опять стремительно понесся прямо на охотников.

— Берегись, Говик! — в последний раз крикнул капитан Гуль.

Но рулевой теперь был безоружен. Вмѐсто длинного кормового весла, которым можно было пользоваться как рычагом, у Говика было гребное, довольно короткое, весло.

Он попытался повернуть шлюпку.

Это было невозможно.

Матросы поняли, что они погибли. Все они вскочили на ноги и закричали. Быть может, ужасный крик этот донесся до «Пилигрима».

Страшный удар хвоста подбросил шлюпку, чудовищная сила взметнула ее на воздух. Расколовшись на три части, она упала в водоворот, поднятый китом.

Несчастные матросы, хотя все они были тяжело ранены, могли бы еще удержаться на поверхности. С «Пилигрима» видно было, как капитан Гуль помогал боцману Говику уцепиться за обломок шлюпки... Но кит в предсмертных судорогах яростно заколотил хвостом по воде.

В продолжение нескольких минут не было видно ничего, кроме бешено крутившегося водяного смерча, брызг и пены. Дик Сэнд бросился с неграми в шлюпку, но когда они достигли места сражения, там не было уже ничего живого. На поверхности красной от крови воды плавали только обломки шлюпки.

ГЛАВА ДЕВЯТАЯ

Капитан Сэнд

Скорбь и ужас — вот первые чувства, охватившие пассажиров «Пилигрима» при виде ужасной катастрофы. Всех потрясла гибель капитана Гуля и пятерых матросов. Быть свидетелями страшного бедствия, бессильными помочь погибающим товарищам!.. Дик и его спутники не могли даже подоспеть во-время, чтобы вытащить из воды раненых, но еще живых людей,

и, подняв их на борт, защитить корпусом корабля от ужасных ударов разъяренного кита.

Когда «Пилигрим» подплыл, наконец, к месту катастрофы, ничто уже не могло вернуть к жизни капитана Гуля и пятерых матросов, — океан поглотил их...

Миссис Уэлдон упала на колени и простерла руки к небу.

— Помолимся! — сказала она.

Маленький Джек, плача, опустился на колени рядом с матерью. Бедный ребенок все понял. Дик Сэнд, Нан, Том и остальные негры стояли, склонив голову. Все повторяли слова молитвы, которую миссис Уэлдон воссылала к богу, прося его беспредельного милосердия для тех, кто только что предстал перед ним.

Затем миссис Уэлдон, повернувшись к своим спутникам, сказала:

— А теперь, друзья мои, попросим у всевышнего силы и мужества для нас самих!

Ведь им так нужна была помощь всемогущего, ибо положение их было очень тяжелое.

Затерянный среди бескрайнего простора Тихого океана, в сотнях миль от ближайшей земли, корабль, лишившийся капитана и матросов, должен был стать беспомощной игрушкой ветров и течений.

Какой злой рок послал этого кита навстречу «Пилигриму»? Какой злой рок побудил капитана Гуля, обычно такого осторожного и благоразумного, пуститься на охоту ради того, чтобы пополнить груз?

В истории китобойного промысла случаи, когда погибает весь экипаж шлюпки и никого не удается спасти, насчитываются единицами.

Да, гибель капитана Гуля и его сотоварищей была страшным бедствием! На «Пилигриме» не осталось ни одного человека из команды. Остался в живых Дик Сэнд. Но ведь Дик был юношей пятнадцати лет, почти мальчиком. И этот мальчик должен был заменить теперь капитана, боцмана, весь экипаж!..

На борту судна находились пассажиры — мать с малым ребенком, их присутствие еще более осложняло положение.

Правда, было еще пятеро негров, и эти честные,

храбрые и усердные люди готовы были выполнять любую команду, но ведь они ничего не понимали в морском деле.

Дик Сэнд долго неподвижно стоял на палубе. Скрестив на груди руки, он смотрел на воду, поглотившую капитана Гуля, его покровителя, человека, которого он любил, как отца.

Потом он обвел взглядом горизонт. Он искал какое-нибудь судно, чтобы попросить у него помощи, содействия или хотя бы отправить с ним миссис Уэлдон.

Сам он не собирался покинуть «Пилигрим». О нет! Сначала он сделает все, чтобы довести судно до ближайшего порта. Но на другом корабле миссис Уэлдон и ее сын были бы в безопасности и Дику не приходилось бы тревожиться за жизнь этих двух существ, к которым он привязался всей душой.

Но океан был пустынен. После исчезновения полосатика вокруг «Пилигрима» были только небо да вода.

Дик Сэнд прекрасно знал, что «Пилигрим» находится в стороне от обычных путей торговых судов и что все китобойные флотилии в это время года плавают еще далеко, занятые промыслом.

Он понимал, что опасности нужно глядеть прямо в глаза, не приукрашая свое положение. И, вознеся в глубине сердца молитву к небу о помощи и покровительстве, Дик глубоко задумался.

Какое же решение примет он?

В эту минуту на палубу вышел судовой кок, куда-то уходивший после катастрофы.

Негоро с величайшим вниманием следил за всеми перипетиями злосчастной охоты, но не промолвил ни слова, не сделал ни одного движения. Никто не мог сказать, какое впечатление произвело на него непоправимое несчастье. Если бы в такую минуту кому-нибудь пришла мысль понаблюдать за ним, то всякого бы поразило равнодушное выражение его лица, на котором ни один мускул не дрогнул. Он как будто и не слыхал благочестивого призыва миссис Уэлдон, молившейся за утонувших, и не отозвался на него.

Негоро не спеша прошел на корму, где стоял Дик Сэнд, и остановился в трех шагах от юноши.

— Вы хотите поговорить со мной? — спросил Дик Сэнд.

— Нет, — холодно ответил кок. — Я хотел бы поговорить с капитаном Гулем или хотя бы с боцманом Говиком.

— Вы же знаете, что они погибли! — воскликнул Дик.

— Кто же теперь командир судна? — нагло спросил Негоро.

— Я! — не колеблясь, ответил Дик Сэнд.

— Вы?! — Негоро пожал плечами. — Пятнадцатилетний капитан!

— Да, пятнадцатилетний капитан! — ответил Дик, наступая на него.

Негоро попятился.

— На «Пилигриме» есть капитан,— сказала миссис Уэлдон. — Это Дик Сэнд. И не мешает всем знать, что новый капитан Дик Сэнд сумеет каждого заставить повиноваться ему.

Негоро поклонился, насмешливо пробормотав под нос несколько слов, которых никто не разобрал, и удалился в свой камбуз.

Итак, Дик Сэнд принял решение!

Тем временем ветер начал свежеть, и шкуна-бриг уже оставила позади обширное водное пространство, где кишели красные рачки.

Дик Сэнд осмотрел паруса, а затем обвел внимательным взглядом людей, стоявших на палубе. Юноша почувствовал, что, как ни тяжела ответственность, которую он принимал на себя, он не вправе от нее уклониться. Глаза всех путников были теперь устремлены на него, и, прочитав в них, что он может положиться на этих людей, юноша просто сказал, что и они могут положиться на него.

Дик не переоценивал своих сил. При помощи Тома и его товарищей он мог в зависимости от обстоятельств ставить или убирать паруса. Но он сознавал, что у него нет достаточных знаний, чтобы определять с помощью приборов место судна в открытом море.

Еще года четыре или пять, и Дик Сэнд основательно подготовился бы к трудной и увлекательной

профессии моряка. Он научился бы обращаться с секстаном — прибором, при помощи которого капитан Гуль ежедневно измерял высоту светил, а по ней определял широту судна. Пользуясь хронометром, указывающим время Гринвичского меридиана, он высчитывал бы долготу по часовому углу. Солнце было бы его верным советчиком. Луна и планеты говорили бы ему: «Твой корабль находится в такой-то точке океана!» Совершеннейшие и непогрешимые часы, в которых циферблатом служит небосвод, а стрелками — звезды, ежедневно докладывали бы ему о пройденном расстоянии. По астрономическим наблюдениям он мог бы ежедневно, как это делал капитан Гуль, определять с точностью до одной мили место «Пилигрима», курс судна и курс, которого следует держаться.

А Дик Сэнд мог определять место судна лишь приблизительно, руководствуясь компасом и показаниями лага [1], с поправками, вызванными дрейфом.

Однако Дик не испугался.

Миссис Уэлдон поняла все, что творилось в душе отважного юноши.

— Спасибо, Дик! — сказала она не дрогнувшим голосом. — Капитана Гуля больше нет на свете, весь экипаж погиб вместе с ним. Судьба корабля в твоих руках. Я верю, Дик, ты спасешь корабль и всех нас!

— Да, миссис Уэлдон, — ответил Дик, — я постараюсь это сделать с помощью божьей.

— Том и его товарищи — славные люди. Ты можешь всецело положиться на них.

— Я знаю это. Я обучу их морскому делу, и мы вместе будем управлять судном. В хорошую погоду это нетрудно. Если же погода испортится... Ну, что ж, мы преодолеем и дурную погоду, миссис Уэлдон, и спасем вас, маленького Джека и всех остальных! Я чувствую себя в силах это сделать! — И он повторил: — С божьей помощью.

— Ты знаешь, Дик, где сейчас находится «Пилигрим»? — спросила миссис Уэлдон.

---

[1] Лаг — прибор для измерения скорости хода судна и пройденного расстояния.

— Это легко узнать, — ответил Дик. — Достаточно взглянуть на карту: капитан Гуль вчера нанес на нее нашу точку.

— А ты сможешь повести судно в нужном направлении?

— Надеюсь. Я буду держать курс на восток, на тот пункт американского побережья, к которому мы должны пристать.

— Но ты, конечно, понимаешь, Дик, что после случившегося бедствия надо изменить наш первоначальный маршрут? Разумеется, «Пилигрим» не пойдет теперь в Вальпарайсо. Ближайший американский порт — вот куда ты должен вести судно!

— Конечно, миссис Уэлдон, — ответил Дик. — Не тревожьтесь. Американский континент простирается так далеко на юг, что мы никак его не минуем.

— В какой стороне он находится? — спросила миссис Уэлдон.

— Вон там... — сказал Дик, указывая рукой на восток, который он определил по компасу.

— Итак, Дик, теперь ведь безразлично, придет ли судно в Вальпарайсо или в какой-нибудь другой американский порт. Единственная наша цель — добраться до суши!

— И мы доберемся до нее, миссис Уэлдон! — уверенно ответил юноша. — Я ручаюсь, что доставлю вас в безопасное место. Впрочем, я не теряю надежды, что вблизи от суши мы встретим какое-нибудь судно, совершающее каботажные рейсы [1]. Видите, миссис Уэлдон, поднимается северо-западный ветер. Даст бог, он удержится, а тогда мы и оглянуться не успеем, как доберемся до берега. Поставим все паруса — от грота до кливера и полетим стрелой!

Молодой матрос говорил с уверенностью бывалого моряка, знающего цену своему кораблю и не сомневающегося, что при любой скорости этот корабль не выйдет у него из повиновения.

---

[1] Каботаж — плавание вдоль берегов и между портами своего государства, без захода в заграничные порты.

Дик уже собирался созвать своих спутников, чтобы поставить паруса и стать самому за штурвал, но миссис Уэлдон напомнила ему, что прежде всего необходимо выяснить, где находится «Пилигрим».

Действительно, это была первоочередная задача. Дик сбегал в каюту капитана Гуля и принес оттуда карту, на которую было нанесено вчерашнее положение судна. Теперь он мог показать миссис Уэлдон, что «Пилигрим» находится под 43° 35′ южной широты и 164° 13′ западной долготы, — за истекшие сутки он почти не двинулся с места.

Миссис Уэлдон склонилась над картой. Она пристально смотрела на коричневое пятно, изображавшее землю, по правую сторону океана. Это был материк Южной Америки, огромный барьер, протянувшийся от мыса Горн до берегов Колумбии и отгораживающий Тихий океан от Атлантического. При взгляде на разостланную карту, где умещался не только южноамериканский континент, но и весь океан, казалось, что земля совсем близко и пассажирам «Пилигрима» легко будет вернуться на родину. Это обманчивое впечатление неизменно возникает у всех, кто не привык к масштабам морских карт.

Увидев землю на листе бумаги, миссис Уэлдон вообразила, что и настоящая земля вот-вот предстанет перед ее глазами.

Между тем, если бы «Пилигрим» был изображен на этом листе бумаги в правильном масштабе, он оказался бы меньше самой малой инфузории. И тогда эта математическая точка, не имеющая ощутимого размера, оказалась бы такой же одинокой и затерянной на карте, каким был и «Пилигрим» среди бесконечного простора океана.

Дик был иного мнения, чем миссис Уэлдон. Он знал, что земля далеко, что много сотен миль отделяют ее от корабля. Но это не могло поколебать его решимость. Ответственность за судьбы людей преобразила Дика во взрослого мужчину.

Пришла пора действовать. Нужно было воспользоваться попутным северо-западным ветром, который с каждым часом становился все свежее. Перистые

облака, плывшие высоко в небе, предвещали, что ветер не скоро спадет.

Дик Сэнд позвал Тома и его товарищей.

— Друзья мои, — сказал он,— на «Пилигриме» нет другого экипажа, кроме вас. Без вашей помощи я не могу выполнить ни одного маневра. Вы не моряки, конечно, но у вас умелые руки. Если вы не пожалеете труда, мы сумеем управлять «Пилигримом». От этого зависит наше спасение.

— Капитан Дик, — ответил Том, — мои товарищи и я сам охотно станем вашими матросами. В доброй воле у нас нет недостатка. Все, что могут сделать пять человек под вашим командованием, мы сделаем!

— Отлично сказано, старина Том! — воскликнула миссис Уэлдон.

— Однако мы должны соблюдать величайшую осторожность, — сказал Дик Сэнд. — Я не пойду ни на какой риск и зря не стану поднимать всех парусов. Пусть мы проиграем немного в скорости, зато выиграем в безопасности. Такое решение диктуют нам обстоятельства. Сейчас я укажу каждому из вас его обязанности. Сам я буду стоять у штурвала, сколько хватит сил. Время от времени я позволю себе поспать часок-другой. Но, как ни короток будет мой сон, кому-нибудь из вас придется заменять меня. Хотите, Том, я обучу вас? Не так уж трудно вести корабль по компасу. При желании вы быстро научитесь держать судно на курсе.

— Я готов, капитан Дик, — ответил старый негр.

— Хорошо, — сказал юноша. — Постойте до вечера со мной у штурвала, и, если я свалюсь от усталости, вы сегодня же с успехом замените меня на короткое время.

— А я? — спросил маленький Джек. — Разве я ничем не могу помочь моему другу Дику?

— Разумеется, дорогой мальчик! — ответила миссис Уэлдон, прижимая Джека к груди. — И тебя тоже научат управлять судном. Я уверена, что когда ты будешь стоять у штурвала, уж обязательно ветер будет попутный.

— Конечно, мама, конечно! — воскликнул мальчик, хлопая в ладоши. — Я тебе это обещаю!

— Да, — улыбаясь, сказал Дик, — старые моряки говорят, что хороший юнга приносит судну счастье и попутный ветер.

И, обращаясь к Тому и остальным неграм, Дик добавил:

— За дело, друзья! Пошли брасопить реи в полный бакштаг [1]. Я покажу, что делать, а вы в точности выполняйте мои указания.

— Приказывайте, капитан Сэнд, — сказал Том, — мы готовы!

ГЛАВА ДЕСЯТАЯ

Следующие четыре дня

Итак, Дик Сэнд стал капитаном «Пилигрима». Не теряя времени он решил поднять все паруса.

У пассажиров было только одно желание: поскорее добраться до Вальпарайсо или до какого-нибудь другого порта на американском побережье. Дик Сэнд намеревался следить за направлением и скоростью хода «Пилигрима» и, вычислив среднюю скорость, наносить ежедневно на карту пройденный путь. Для этого достаточно было располагать компасом и лагом.

На судне как раз имелся патент-лаг с вертушкой и циферблатом. Стрелка на циферблате показывала скорость движения судна в течение какого-нибудь определенного промежутка времени. Патент-лаг мог сослужить большую службу; прибор был весьма прост, и обучить пользоваться им даже неопытных новых матросов «Пилигрима» было нетрудно.

Но существовал один неустранимый источник ошибок в счислении — это океанские течения.

Лаг и компас не учитывают скорости и направления течения. Только астрономические наблюдения по

[1] Бакштаг — курс корабля, проложенный под тупым углом к линии направления ветра. Быстрее всего парусные суда ходят в бакштаг.

зволяют определить точное место судна в открытом море. Но, к несчастью, молодой капитан еще не умел делать астрономических наблюдений.

Сперва у Дика Сэнда мелькнула мысль отвести «Пилигрим» обратно к берегам Новой Зеландии. Этот переход был бы короче. Вероятно, Дик так бы и поступил, если бы ветер, дувший все время навстречу судну, не сменился вдруг попутным. Поэтому легче было продолжать путь к Америке.

Ветер переменил направление почти на 180°; теперь он дул с северо-запада и как будто крепчал. Этим следовало воспользоваться, чтобы пройти при попутном ветре как можно дальше.

Дик Сэнд намеревался идти в полный бакштаг.

На шкуне-бриге фок-мачта несет четыре прямых паруса: фок — на мачте, выше — марсель на стеньге, затем на брам-стеньге брамсель и бом-брамсель.

Грот-мачта несет меньше парусов: только косой грот, а над ним — топсель.

Между этими двумя мачтами на штагах, которые крепят грот-мачту спереди, можно поднять еще три яруса косых парусов-стакселей.

Наконец, на бушприте — наклонной мачте, торчащей впереди носа, — поднимают три кливера: наружный, внутренний и бом-кливер.

Кливер, стаксели, косой грот и топсель легко ставить и убирать прямо с палубы, не поднимаясь на реи. Но постановка парусов на фок-мачте требует морской сноровки. Для того чтобы произвести какой-нибудь маневр с этими парусами, нужно взобраться по вантам на стеньгу, брам-стеньгу или бом-брам-стеньгу. Лазать на мачту приходится не только для того, чтобы поднять или убрать парус, но и тогда, когда нужно уменьшить площадь, подставленную парусом ветру, — «взять рифы» [1], как говорят моряки. Поэтому матросы должны уметь лазать по пертам [2] — канатам, свободно

---

[1] **Рифы** (точнее риф-сезни) — ряды продетых сквозь парус завязок, посредством которых можно уменьшить его площадь.

[2] **Перты** — подвески под реями, на которых стоят матросы при креплении парусов.

подвязанным под реями, и работать одной рукой, держась другой за канат. Маневр этот опасен, особенно для непривычных людей. Не говоря уже о бортовой и килевой качке, которая ощущается тем сильнее, чем выше матрос поднимается на мачты, порыв маломальски свежего ветра, внезапно наполнившего паруса, может сбросить матроса за борт.

Итак, Тому и его товарищам предстояла опасная работа.

К счастью, ветер дул с умеренной силой. На море не успело еще подняться волнение, и качка была невелика.

Когда Дик Сэнд, по сигналу капитана Гуля, повел «Пилигрим» к месту катастрофы, на судне были подняты косой грот, кливер, фок и марсель. Чтобы сняться с дрейфа, нужно было перебрасопить все паруса на фок-мачте. Негры без особого труда помогли ему в этом маневре. А чтобы идти в полный бакштаг, теперь достаточно было поднять брамсель, бом-брамсель, топсель и стаксели.

— Друзья мои, — сказал молодой капитан своим помощникам, — исполняйте в точности все мои приказания, и дело у нас пойдет замечательно.

Стоя у штурвала, Дик Сэнд скомандовал:

— Том, травите шкот!

— Травить?

Том недоуменно взялся за трос, не зная, что с ним делать.

— Ну да, травите! Это значит — ослабить шкот! И вы, Бат, делайте то же самое! Так, хорошо! Теперь вытягивайте! Вытягивайте же, Бат!

— Вот так?

— Да, да! Очень хорошо! Геркулес, ваша очередь! Ну-ка, понатужьтесь, здесь нужна сила!

Просить Геркулеса «понатужиться» было по меньшей мере неосторожно: великан рванул снасть с такой силой, что чуть не оторвал ее совсем.

— Не так сильно! — закричал Дик Сэнд улыбаясь. — Этак вы вырвете мачту из гнезда!

— Да ведь я только чуть-чуть потянул, — оправдывался Геркулес.

— Это называется «чуть-чуть»?.. Вот что, Геркулес: вы уж лучше только делайте вид, что тянете. Этого будет достаточно. Внимание, друзья! Потравите еще... Ослабьте!.. Так... Крепите... Да крепите же!.. Не понимают! Ах, да привязывайте! Так, так! Хорошо! Дружнее! Выбирайте брасы!..

И все паруса фока, у которого с левой стороны брасы были ослаблены, медленно повернулись.

Ветер наполнил их, и судно рванулось вперед.

Затем Дик велел ослабить шкоты кливера и созвал после этого негров на корме.

— Отлично работали, друзья мои! — похвалил Дик Сэнд матросов. — А теперь займемся грот-мачтой. Только смотрите, Геркулес, ничего не рвите и не ломайте.

— Постараюсь, — кротко ответил великан, не решаясь дать твердое обязательство.

Второй маневр дался матросам уже легче. Косой грот был поставлен под нужным углом, он сразу наполнился ветром, и его мощное действие прибавилось к действию передних парусов.

Затем над косым гротом подняли топсель, и, так как он был просто взят на гитовы[1], достаточно было подобрать фал, выбрать галс, а затем закрепить их. Но Геркулес, его друг Актеон, не считая маленького Джека, взявшегося помогать им, выбирали фал с такой силой, что он лопнул.

Все трое опрокинулись навзничь, к счастью, не причинив себе ни малейшего вреда. Мальчик был в восторге!

— Ничего, ничего! — крикнул молодой капитан. — Свяжите концы фала и тяните, только послабее!

Наконец, паруса были закреплены надлежащим образом, и Дику Сэнду не пришлось даже отойти от штурвала. Теперь «Пилигрим» быстро шел на восток,

---

[1] Гитовы — снасти, служащие для подтягивания парусов; фал — снасть для подъема парусов; галс — снасть для закрепления нижнего наветренного угла нижних парусов; выбирать — тянуть, подтягивать.

и оставалось лишь следить за тем, чтобы судно не отклонялось от курса. Это было проще простого, так как ветер был умеренный, и судно не рыскало.

— Отлично, друзья мои, — сказал Дик Сэнд. — Скоро вы станете настоящими моряками.

— Постараемся, капитан Сэнд, — ответил за всех старый Том.

Миссис Уэлдон тоже похвалила старательных матросов. Немало похвал заслужил и маленький Джек: ведь он трудился не покладая рук.

— Мне кажется, Джек, что это ты оборвал фал, — улыбаясь, сказал Геркулес. — Ты такой сильный! Не знаю, что бы мы делали без тебя!

Мальчик покраснел от удовольствия и крепко потряс руку своего друга Геркулеса.

Однако «Пилигрим» нес еще не все паруса. Не были подняты брамсель, бом-брамсель и стаксели. А между тем при ходе в бакштаг они могли значительно ускорить ход «Пилигрима». Дик Сэнд решил поднять и эти паруса.

Если стаксели можно было поставить без особенного труда, прямо с палубы, то с прямыми парусами фок-мачты дело обстояло хуже: чтобы поднять их, нужно было взобраться на реи. Не желая подвергать риску свою неопытную команду, Дик Сэнд сам занялся этим делом.

Он передал Тому штурвал и показал, как следует вести судно. Затем, поставив Геркулеса, Бата, Актеона и Остина у горденей брамселя и бом-брамселя, он полез на мачту.

Взобраться по выбленкам вант фок-мачты, достигнуть марса, добраться до рея — для Дика было сущей игрой. Подвижной и ловкий юноша мигом побежал по пертам брам-реи и отдал сезни, стягивающие брамсель.

Потом он перебрался на бом-брам-рей[1] и быстро распустил парус. Покончив с этим делом, Дик Сэнд

---

[1] Бом-брам-рей — четвертый снизу рей на мачте.

соскользнул по одному из фордунов[1] правого борта прямо на палубу.

Здесь по его указанию матросы растянули оба паруса, то есть притянули их шкотами за нижние углы к нокам[2] ниже лежащих реев, и прочно закрепили шкоты.

Затем были подняты стаксели между грот-мачтой и фок-мачтой, и этим кончилась работа по подъему парусов.

Геркулес старался не тянуть снасти изо всех сил и ничего не разорвал на этот раз.

«Пилигрим» шел теперь на всех парусах.

Дик мог поставить еще лисели, но при таких условиях их было трудно ставить, еще труднее было бы быстро убрать их в случае шквала. Поэтому молодой капитан решил ограничиться уже поднятыми парусами.

Том получил разрешение отойти от штурвала, и Дик Сэнд снова стал на свое место.

Ветер свежел. «Пилигрим», слегка накренившись на правый борт, быстро скользил по морю. Плоский след, оставляемый им на воде, свидетельствовал об отличной форме подводной части судна.

— Вот мы и на правильном пути, миссис Уэлдон, — сказал Дик Сэнд. — Только бы, дай бог, удержался попутный ветер!

Миссис Уэлдон пожала руку юноше. И вдруг она почувствовала сильную усталость от всех пережитых за последние часы волнений, ушла в свою каюту и задремала. Это было какое-то тяжелое забытье, а не сон.

Новая команда шкуны-брига осталась на палубе. Негры-матросы несли вахту на баке, готовые по первому слову Дика Сэнда выполнить любую работу, переменить положение парусов. Но, пока сила и направление ветра не изменились, команде нечего было делать.

Однако чем же занят был в это время кузен Бенедикт?

---

[1] Фордуны — снасти, крепящие верхние части мачт и стеньги с одним из бортов судна.

[2] Ноки — оконечности реев.

Кузен Бенедикт изучал при помощи лупы членистоногое насекомое, которое ему, наконец, удалось разыскать на борту «Пилигрима». Это было простое прямокрылое; головка его исчезала под выступающим краем переднегрудия, усики были длинные, а кожистые передние крылья превратились в надкрылья. Насекомое это принадлежало к отряду тараканов и к виду американских тараканов.

Кузену Бенедикту посчастливилось сделать эту находку в камбузе, — он подоспел как раз во-время: Негоро только что занес ногу, чтобы безжалостно раздавить драгоценное насекомое. Ученый с негодованием обрушился на португальца. Заметим, впрочем, что гнев кузена Бенедикта не произвел никакого впечатления на кока.

Знал ли кузен Бенедикт, какие события разыгрались после того, как капитан Гуль и его спутники отправились на злополучную охоту за полосатиком? Конечно, знал. Больше того: он был на палубе, когда «Пилигрим» подошел к месту катастрофы, где еще плавали обломки разбитой шлюпки. Следовательно, экипаж шкуны-брига погиб на его глазах.

Предположить, что эта катастрофа не огорчила его, значило бы обвинить кузена Бенедикта в жестокосердии. Чувство сострадания не было ему чуждо, он жалел несчастных охотников. Он скорбел также о том, что кузина его оказалась в тяжелом положении. Он подошел к миссис Уэлдон и пожал ей руку, как бы говоря: «Не бойтесь! Разве я не с вами? При мне вам не грозит ничто!»

Затем он вернулся в свою каюту. Вероятно, он намеревался хорошенько обдумать, какие могут быть последствия этого прискорбного события, и наметить план решительных действий.

Но по дороге он наткнулся на упомянутого уже таракана, и таракан целиком поглотил его внимание. Ведь кузен Бенедикт намеревался доказать, и вполне основательно, что, вопреки мнению некоторых энтомологов, нравы тараканов, принадлежащих к роду фораспеев, замечательных своей окраской, совершенно отличны от нравов тараканов обыкновенных, и теперь

он принялся за исследование, мгновенно позабыв, что на свете существует шкуна-бриг «Пилигрим», что ею командовал капитал Гуль и что этот несчастный погиб вместе со всем своим экипажем. Он любовался своим тараканом, как будто это противное насекомое было редчайшим золотым жуком.

Жизнь на борту снова вошла в колею, хотя все еще долго пассажиры оставались под впечатлением страшной катастрофы, стоившей жизни шести человекам.

В первый день Дик Сэнд прямо разрывался на части: он стремился привести судно в полный порядок, чтобы быть готовым ко всяким неожиданностям. Негры-матросы усердно исполняли все распоряжения. К вечеру на борту «Пилигрима» уже царил образцовый порядок. Можно было надеяться, что и дальше все пойдет хорошо.

Негоро не пытался больше оспаривать авторитет пятнадцатилетнего капитана. Казалось, он безмолвно признал Дика Сэнда начальством. Он попрежнему много времени проводил в своем тесном камбузе и редко выходил на палубу.

Дик Сэнд твердо решил посадить Негоро под арест на все время плавания при малейшей попытке его нарушить дисциплину. По первому знаку молодого капитана Геркулес схватил бы кока за шиворот и отнес бы его в трюм. Эта операция нисколько не затруднила бы великана. Старая Нан, умелая кухарка, отлично могла бы исполнять в камбузе обязанности кока. Очевидно, Негоро понимал, что он не является незаменимым, и, чувствуя, что за ним зорко следят, не желал навлечь на себя нареканий.

Ветер к вечеру усилился, но направление его оставалось неизменным, и до наступления ночи не пришлось переставлять паруса. Солидные мачты, железные крепления их, хорошее состояние всей оснастки корабля позволят сохранять такую большую парусность даже и при более сильном ветре.

К ночи корабли обычно уменьшают парусность главным образом за счет спуска верхних парусов —

брамселя, бом-брамселя, топселя и других парусов. Тогда кораблю не страшны внезапно налетевшие шквалы. Но Дик Сэнд не стал принимать этих мер предосторожности: погода не предвещала никаких неприятных неожиданностей, и ему не хотелось уменьшать скорость судна, пока оно не выбралось из этой пустынной части океана. Кроме того, молодой капитан намеревался простоять на вахте первую ночь и лично следить за всем.

Мы уже упоминали, что лаг и компас были единственными приборами, которыми Дик Сэнд мог пользоваться для приблизительного счисления пути, пройденного «Пилигримом».

Молодой капитан приказал бросать лаг каждые полчаса и записывал показания прибора.

Что касается компаса, который называют также буссолью, то на борту их было два: один был установлен в нактоузе [1], перед глазами рулевого. Его картушка, днем освещенная солнечным светом, а ночью двумя боковыми лампами, каждую минуту указывала направление, по которому следует судно.

Второй компас представлял собою перевернутую буссоль и был укреплен в каюте, которую занимал раньше капитан Гуль. Таким образом капитан, не выходя из каюты, мог всегда знать, ведет ли рулевой корабль точно по заданному курсу, или, напротив, по неопытности или вследствие небрежности позволяет ему рыскать.

Все суда, совершающие дальние плавания, обычно имеют не меньше двух компасов, так же как они запасаются по меньшей мере двумя хронометрами. Время от времени приходится сличать показания этих приборов, чтобы удостовериться, исправны ли они. «Пилигрим», как видим, не отставал в этом отношении от других судов.

Дик Сэнд предложил своему экипажу с величайшей осторожностью обращаться с обоими компасами, которые были ему так необходимы.

---

[1] Нактоуз — деревянный шкафчик, в котором устанавливается судовой компас, сверху закрывается медным колпаком, под которым укреплены лампы

Но в ночь с 12 на 13 февраля, когда юноша нес вахту у штурвала, случилась беда с компасом, находившимся в капитанской каюте. Медный крючок, на котором он висел, вырвался из дерева, и компас упал на пол. Заметили это только на следующее утро.

Каким образом вырвался крючок?

Никто не мог объяснить, как произошло это несчастье. Оставалось предположить, что боковая качка постепенно расшатала крючок, а килевая, встряхивая прибор, довершила дело. Ночью было довольно сильное волнение. Но так или иначе, а второй компас разбился, и починить его было невозможно.

Дик Сэнд очень огорчился Теперь он вынужден был доверяться показаниям компаса, заключенного в нактоузе. Никто не был ответственен за поломку второго компаса, и все же она могла иметь весьма неприятные последствия.

Дику Сэнду оставалось лишь принять меры к тому, чтобы оградить от всяких случайностей последний компас.

Если не считать этого происшествия, то на «Пилигриме» до сих пор все обстояло благополучно.

Видя, как спокоен Дик, миссис Уэлдон снова поверила в счастливый исход путешествия. Впрочем, она никогда не поддавалась отчаянию, ибо прежде всего полагалась на милость неба и черпала душевную бодрость в искренней вере и молитве.

Дик Сэнд распределил время так, что на его долю выпали ночные вахты у штурвала. Днем он спал пять-шесть часов, и, повидимому, этот недолгий сон восстанавливал его силы, — он не чувствовал большой усталости. Когда молодой капитан отдыхал, у штурвала стояли Том или его сын Бат. Благодаря толковому руководству Дика они мало-помалу становились неплохими рулевыми.

Часто миссис Уэлдон беседовала с Диком. Юноша очень ценил советы этой отважной и умной женщины. Ежедневно он показывал ей на карте путь, пройденный «Пилигримом» за сутки, определяя его лишь по направлению судна и средней скорости его хода.

— Вот видите, миссис Уэлдон, — говорил он, — при таком попутном ветре перед нами скоро откроются берега Южной Америки. Я не решаюсь утверждать, но очень надеюсь, что мы окажемся тогда близ Вальпараисо.

Миссис Уэлдон не сомневалась, что «Пилигрим» держит правильный курс и что попутный северо-западный ветер несет его к намеченной цели. Но каким еще далеким казался берег Америки! Сколько опасностей подстерегало судно на пути к суше, хотя бы от тех перемен, какими грозят и небо и море!

Беспечный, как все дети его возраста, Джек попрежнему шалил, бегал по палубе, играл с Динго. Он замечал, конечно, что Дик уделяет ему теперь меньше времени, но миссис Уэлдон сумела внушить сыну, что не следует отрывать Дика от работы, и послушный мальчик не приставал больше к «капитану Сэнду».

Так текла жизнь на борту «Пилигрима». Негры все больше усваивали свое матросское ремесло и толково справлялись с делом. Старый Том выполнял обязанности боцмана, и, несомненно, сотоварищи сами выбрали бы его на эту должность. В те часы, когда молодой капитан отдыхал, Том был начальником вахты; вместе с ним дежурили Бат и Остин; Актеон и Геркулес составляли вторую вахту под начальством Дика Сэнда. Таким образом, каждый раз один правил, а двое других несли вахту на носу.

Судно находилось в пустынной части океана, и здесь можно было не опасаться столкновения с встречным кораблем. Но Дик Сэнд требовал от вахтенных настороженной бдительности. С наступлением темноты он приказывал зажигать ходовые огни: зеленый фонарь по правому борту и красный — по левому, — требование, конечно, вполне разумное.

Ночь за ночью Дик Сэнд проводил у штурвала. Иногда он совсем изнемогал, чувствовал непреодолимую слабость, рука его почти инстинктивно правила тогда рулем. Усталость, с которой он не хотел считаться, брала свое.

В ночь с 13 на 14 февраля Дику пришлось разрешить себе несколько часов отдыха. У штурвала его заменил старик Том.

Небо сплошь затягивали облака; к вечеру, когда похолодало, они нависли очень низко. Было так темно, что с палубы нельзя было разглядеть верхние паруса, терявшиеся во мраке. Геркулес и Актеон несли вахту на баке.

На корме слабо светился нактоуз, и этот мягкий свет отражался в металлической отделке штурвала. Ходовые огни бросали свет лишь за борт, а палуба судна погружена была в темноту.

Около трех часов ночи со старым Томом, утомленным долгой вахтой, произошло что-то похожее на явление гипнотизма: глаза его, слишком долго устремлявшиеся на светящийся круг нактоуза, вдруг перестали видеть, и он оцепенел в сковавшей его дремоте. Он не только ничего не видел, но если бы даже его сильно ущипнули, он, вероятно, ничего не почувствовал бы.

Он не заметил, как по палубе скользнула какая-то тень.

Это был Негоро.

Судовой кок подкрался к компасу и подложил под нактоуз какой-то тяжелый предмет, который он принес с собой.

С минуту он смотрел на освещенную в нактоузе картушку и затем бесшумно исчез.

Если бы Дик Сэнд, сменивший поутру Тома, заметил предмет, положенный Негоро под нактоуз, он поспешил бы убрать его, потому что Негоро положил под компас железный брусок. Под влиянием этого куска железа показания компаса изменились, и вместо того, чтобы указывать направление на магнитный полюс, которое немного отличается от направления на полюс мира, стрелка указывала теперь на северо-восток; девиация компаса достигла четырех румбов [1], то есть половины прямого угла.

---

[1] Румб — один румб равен 1/32 доли окружности, то есть 11°15′.

Том через мгновение очнулся. Он бросил взгляд на компас... Ему показалось — могло ли быть иначе? — что «Пилигрим» сошел с курса.

Том повернул штурвал и направил корабль прямо на восток... Так ему по крайней мере казалось.

Но вследствие отклонения стрелки, о котором вахтенный рулевой, конечно, и не подозревал, курс корабля, измененный на четыре румба, взят был теперь на юго-восток.

Таким образом «Пилигрим» уклонился от заданного курса на 45°, продолжая нестись вперед с прежней скоростью!

ГЛАВА ОДИННАДЦАТАЯ

Буря

За всю следующую неделю, с 14 по 21 февраля, на судне не произошло ничего примечательного. Северо-западный ветер все усиливался, и «Пилигрим» быстро продвигался вперед, делая в среднем по сто шестьдесят миль в сутки. Большего и нельзя было требовать от судна такого тоннажа.

Дик Сэнд предполагал, что шкуна-бриг приближается к водам, посещаемым трансокеанскими пароходами, которые поддерживают пассажирское сообщение между двумя полушариями.

Юноша все надеялся встретить один из таких пароходов и твердо решил либо переправить на него своих пассажиров, либо добиться у капитана помощи: получить на «Пилигрим» временное подкрепление из нескольких матросов, а может быть, и офицера. Зорким взглядом он неустанно всматривался вдаль и все не обнаруживал ни одного судна. Море попрежнему оставалось пустынным.

Это не могло не удивлять Дика Сэнда. Молодой матрос, участвовавший уже в трех дальних плаваниях на китобойных судах, несколько раз пересекал эту часть Тихого океана, где, по его расчетам, находился сейчас «Пилигрим». При этом он неизменно встречал

то американское, то английское судно, которые либо поднимались от мыса Горн к экватору, либо спускались к этой крайней южной точке американского континента.

Но Дик Сэнд не знал и не мог даже подозревать, что сейчас «Пилигрим» идет на более высокой широте, то есть гораздо южнее, чем он предполагал. Это обусловливалось двумя причинами.

Во-первых, течениями. Дик Сэнд имел лишь смутное представление об их скорости. Между тем течения здесь были сильные, и они незаметно для глаз, но непрерывно сносили корабль в сторону от курса, а Дик не мог установить это.

Во-вторых, компас, испорченный преступной рукой Негоро, давал неправильные показания, а Дик Сэнд не мог их проверить, так как второй компас был сломан.

Итак, молодой капитан считал, — и не мог не считать, — что ведет судно на восток, в действительности же вел его на юго-восток!

Компас всегда находился перед его глазами. Лаг регулярно опускали за борт. Эти два прибора позволяли приблизительно определять число пройденных миль и вести судно по курсу. Но достаточно ли этого было?

Дик Сэнд всячески старался внушить бодрость миссис Уэлдон, которую иногда тревожили тяжелые мысли.

— Неделей раньше или неделей позже, — говорил он ей, — но мы доберемся до американского побережья. И не так уж важно, в каком месте мы пристанем... Главное то, что мы все-таки выйдем на берег!

— Я не сомневаюсь в этом, Дик!

— Разумеется, миссис Уэлдон, я был бы куда спокойнее, если бы вас не было на борту, если бы мне приходилось нести ответственность только за экипаж, но...

— Но если бы случай не привел меня на борт, — ответила мисс Уэлдон, — и если бы кузен Бенедикт, Джек, Нан и я не плыли на «Пилигриме», если бы в море не подобрали Тома и его товарищей, то ведь тебе, мой мальчик, пришлось бы остаться с глазу на

глаз с Негоро... А разве ты можешь питать доверие к этому злому человеку? Что бы ты тогда сделал?

— Прежде всего, — решительно сказал юноша, — я лишил бы Негоро возможности вредить...

— И один управился бы с судном?

— Да, один... с помощью божьей.

Твердый и решительный тон юноши успокаивал миссис Уэлдон. И все же она не могла отделаться от тревожного чувства, когда смотрела на своего маленького сына. Мужественная женщина старалась ничем не проявлять своего беспокойства, но как щемило материнское сердце от тайной тоски!

Если молодой капитан еще не обладал достаточными знаниями по гидрографии, чтобы определять место своего корабля в море, зато у него было чутье истого моряка и «чувство погоды». Вид неба и моря, во-первых, и показания барометра, во-вторых, подготавливали его наперед ко всем неожиданностям.

Капитан Гуль, хороший метеоролог, научил его понимать показания барометра. Мы вкратце расскажем, как надо пользоваться этим замечательным прибором [1].

«1. Когда после долгого периода хорошей погоды барометр начинает резко и непрерывно падать, — это верный признак дождя. Однако если хорошая погода стояла очень долго, то ртутный столбик может опускаться два-три дня, и лишь после этого произойдут в атмосфере сколько-нибудь заметные изменения. В таких случаях чем больше времени прошло между началом падения ртутного столба и началом дождей, тем дольше будет стоять дождливая погода.

2. Напротив, если во время долгого периода дождей барометр начнет медленно, но непрерывно подниматься, можно с уверенностью предсказать наступление хорошей погоды. И хорошая погода удержится тем дольше, чем больше времени прошло между началом подъема ртутного столба и первым ясным днем.

---

[1] Извлечено из «Иллюстрированного словаря» Ворпьера. (*Прим. автора.*)

3 В обоих случаях изменение погоды, происшедшее сразу после подъема или падения ртутного столба, удерживается весьма непродолжительное время.

4. Если барометр медленно, но беспрерывно поднимается в течение двух-трех дней и дольше, это предвещает хорошую погоду, хотя бы все эти дни и лил, не переставая, дождь, и vico versa[1]. Но если барометр медленно поднимается в дождливые дни, а с наступлением хорошей погоды тотчас же начинает падать, — хорошая погода удержится очень недолго, и vice versa.

5. Весной и осенью резкое падение барометра предвещает ветреную погоду. Летом, в сильную жару, оно предсказывает грозу. Зимой, особенно после продолжительных морозов, быстрое падение ртутного столба говорит о предстоящей перемене направления ветра, сопровождающейся оттепелью и дождем. Напротив, повышение ртутного столба во время продолжительных морозов предвещает снегопад.

6. Частые колебания уровня ртутного столба, то поднимающегося, то падающего, ни в коем случае не следует рассматривать как признак приближения длительного периода сухой либо дождливой погоды. Только постепенное и медленное падение или повышение ртутного столба предвещает наступление долгого периода устойчивой погоды.

7. Когда в конце осени, после долгого периода ветров и дождей, барометр начинает подниматься, это предвещает северный ветер и наступление морозов».

Вот общие выводы, которые можно сделать из показаний этого ценного прибора.

Дик Сэнд отлично умел разбираться в предсказаниях барометра и много раз убеждался, насколько они правильны. Каждый день он советовался со своим барометром, чтобы не быть застигнутым врасплох переменой погоды.

Двадцатого февраля юношу обеспокоили показания барометра, и несколько раз в день он подходил к прибору, чтобы записать колебания ртутного столба. Барометр медленно и непрерывно падал. Это предсказы-

[1] И наоборот *(лат.)*.

вало дождь. Но так как дождь все не начинался, Дик Сэнд пришел к выводу, что дурная погода продержится долго. Так и должно было произойти.

Но вместе с дождем в это время года должен был прийти и сильный ветер. В самом деле, через день ветер посвежел настолько, что скорость перемещения воздуха достигла шестидесяти футов в секунду, то есть тридцати одной мили в час [1].

Молодому капитану пришлось принять некоторые меры предосторожности, чтобы ветер не изорвал парусов «Пилигрима» и не сломал мачт.

Он велел убрать бом-брамсель, топсель и кливер, но, сочтя это недостаточным, вскоре приказал еще опустить брамсель и взять два рифа на марселе.

Этот последний маневр нелегко было выполнить с таким неопытным экипажем. Но нельзя было останавливаться перед трудностями, и действительно они никого не остановили.

Дик Сэнд в сопровождении Бата и Остина взобрался на рей и, правда не без труда, убрал брамсель. Если бы падение барометра не было таким зловещим, он оставил бы на мачте оба рея. Но когда ветер переходит в ураган, нужно уменьшить не только площадь парусов, но и облегчить мачты: чем меньше они нагружены, тем лучше переносят сильную качку. Поэтому Дик спустил оба рея на палубу.

Когда работа была закончена, — а она отняла около двух часов, — Дик Сэнд и его помощники взяли два рифа на марселе. У «Пилигрима» не было двойного марселя, какой ставят теперь на большинстве судов. Экипажу пришлось, как в старину, бегать по пертам, ловить хлопающий по ветру конец паруса, притягивать его и затем уже накрепко привязывать линями [2]. Работа была трудная, долгая и опасная; но в конце концов площадь марселя была уменьшена, и шкуна-бриг пошла ровнее.

Дик Сэнд, Бат и Остин спустились на палубу только тогда, когда «Пилигрим» был подготовлен к плаванию

---

[1] То есть 57,5 километра *(Прим. автора)*

[2] Линь — трос тоньше двух с половиной сантиметров.

при очень свежем ветре, как называют моряки погоду, именуемую на суше бурей.

В течение следующих трех дней — 20, 21 и 22 февраля — ни сила, ни направление ветра заметно не изменились. Барометр неуклонно падал, и двадцать второго Дик отметил, что он стоит ниже двадцати восьми и семи десятых дюйма [1].

Не было никакой надежды на то, что барометр начнет в ближайшие дни подниматься. Небо грозно хмурилось, пронзительно свистел ветер. Над морем все время стоял туман. Темные тучи так плотно затягивали небо, что почти невозможно было определить место восхода и захода солнца.

Дик Сэнд начал тревожиться. Он не покидал палубы, он почти не спал. Но силой воли он заставлял себя хранить невозмутимый вид.

Двадцать третьего февраля утром ветер как будто начал утихать, но Дик Сэнд не верил, что погода улучшится. И он оказался прав: после полудня задул крепкий ветер, и волнение на море усилилось.

Около четырех часов пополудни Негоро, редко покидавший свой камбуз, вышел на палубу. Динго, очевидно, спал в каком-нибудь уголке: на этот раз он, против своего обыкновения, не залаял на судового кока.

Молчаливый, как всегда, Негоро с полчаса простоял на палубе, пристально всматриваясь в горизонт.

По океану катились длинные волны. Они сменяли одна другую, но еще не сталкивались. Волны были выше, чем обычно бывают при ветре такой силы. Отсюда следовало заключить, что неподалеку на западе свирепствовал сильнейший шторм и что он в самом скором времени догонит корабль.

Негоро обвел глазами взбаламученную водную ширь вокруг «Пилигрима», а затем поднял к небу всегда спокойные холодные глаза.

Вид неба внушал тревогу.

---

[1] Шкала английских и американских барометров поделена на дюймы и линии; 28,7 дюйма равняются 728 миллиметрам. *(Прим. автора.)*

Облака перемещались с неодинаковой скоростью, — верхние тучи бежали гораздо быстрее нижних. Нужно было ожидать, что в непродолжительном времени воздушные потоки, несущиеся в небе, опустятся к самой поверхности океана. Тогда вместо очень свежего ветра разыграется буря, то есть воздух будет перемещаться со скоростью сорока трех миль в час.

Негоро либо ничего не смыслил в морском деле, либо это был человек бесстрашный: на лице его не отразилось ни тени беспокойства. Больше того: злая улыбка скривила его губы. Можно было подумать, что такое состояние погоды скорее радует, чем огорчает его.

Он влез верхом на бушприт и пополз к бом-утлегарю. Казалось, что он силится что-то разглядеть на горизонте. Затем он спокойно слез на палубу и, не вымолвив ни слова, скрылся в своей каюте.

Среди всех этих тревожных предзнаменований одно обстоятельство оставалось неизменно благоприятным для «Пилигрима»: ветер, как бы силен он ни был, оставался попутным. Все на борту знали, что, превратись он даже в ураган, «Пилигрим» только скорее приблизится к американскому берегу. Сама по себе буря еще ничем не угрожала такому надежному судну, как «Пилигрим», и действительные опасности начнутся лишь тогда, когда нужно будет пристать к незнакомому берегу.

Эта мысль весьма беспокоила Дика Сэнда. Как поступить, если судно очутится в виду пустынной земли, где нельзя найти лоцмана или рыбака, знающего ее берега? Что делать, если непогода заставит искать убежище в каком-нибудь совершенно неизвестном уголке побережья? Без сомнения, сейчас еще не время было ломать себе голову над такими вопросами, но рано или поздно они могут возникнуть, и тогда нужно будет решать быстро.

Что ж, когда настанет час, Дик Сэнд примет решение!

В продолжение следующих тринадцати дней — от 24 февраля до 9 марта — погода почти не изменилась. Небо попрежнему заволакивали тяжелые темные тучи.

Иногда ветер утихал, но через несколько часов снова начинал дуть с прежней силой. Раза два-три ртутный столб в барометре начинал ползти вверх; но, поднявшись на несколько линий, снова падал. Колебания атмосферного давления были резкими, и это не предвещало перемены погоды к лучшему, по крайней мере на ближайшее время.

Несколько раз разражались сильные грозы; они очень тревожили Дика Сэнда. Молнии ударяли в воду в расстоянии всего лишь одного кабельтова от судна. Часто выпадали проливные дожди, и «Пилигрим» теперь почти все время был окружен густым клубившимся туманом. Случалось, вахтенный часами ничего не мог разглядеть, и судно шло наугад.

Корабль хорошо держался на волнах, но его все-таки жестоко качало. К счастью, миссис Уэлдон прекрасно выносила и боковую и килевую качку. Но бедный Джек очень мучился, и мать заботливо ухаживала за ним.

Кузен Бенедикт страдал от качки не больше, чем американские тараканы, в обществе которых он проводил все свое время. По целым дням энтомолог изучал свои коллекции, словно сидел в своем спокойном кабинете в Сан-Франциско.

По счастью, и Том и остальные негры не были подвержены морской болезни: они попрежнему исполняли все судовые работы по указанию молодого капитана. А уж он-то сам давно привык ко всякой качке на корабле, гонимом буйным ветром.

«Пилигрим» быстро несся вперед, несмотря на малую парусность, и Дик Сэнд предвидел, что скоро придется еще уменьшить ее. Однако он не спешил с этим, пока не было непосредственной опасности.

По расчетам Дика земля была уже близко. Он приказал вахтенным быть настороже. Но молодой капитан не надеялся, что неопытные матросы заметят издалека появление земли. Ведь недостаточно обладать хорошим зрением, чтобы различить смутные контуры земли на горизонте, затянутом туманом. Поэтому Дик Сэнд часто сам взбирался на мачту и подолгу вглядывался в горизонт.

Но берег Америки все не показывался.

Молодой капитан недоумевал. По нескольким словам, вырвавшимся у него, миссис Уэлдон догадалась об этом.

Девятого марта Дик Сэнд стоял на носу. Он то смотрел на море и на небо, то переводил взгляд на мачты «Пилигрима», которые гнулись под сильными порывами ветра.

— Ничего не видно, Дик? — спросила миссис Уэлдон, когда юноша отвел от глаз подзорную трубу.

— Ничего, миссис Уэлдон, решительно ничего... А между тем ветер — кстати, он как будто еще усиливается — разогнал туман на горизонте...

— А ты попрежнему считаешь, что теперь американский берег недалеко?

— Несомненно, миссис Уэлдон. Меня очень удивляет, что мы еще его не видим.

— Но корабль ведь все время шел правильным курсом?

— О да! Все время, с тех пор как подул северо-западный ветер, — ответил Дик Сэнд. — Если помните, это произошло десятого февраля, в тот злополучный день, когда погиб капитан Гуль и весь экипаж «Пилигрима». Сегодня девятое марта, значит прошло двадцать семь дней!

— На каком расстоянии от материка мы были тогда? — спросила миссис Уэлдон.

— Примерно в четырех тысячах пятистах милях, миссис Уэлдон. Если что-нибудь другое и может вызывать у меня сомнения, то уж в этой цифре я уверен. Ошибка не может превышать двадцать миль в ту или другую сторону.

— А с какой скоростью шел корабль?

— С тех пор как ветер усилился, мы в среднем проходим по сто восемьдесят миль в день. Поэтому-то я и удивлен, что до сих пор не видно земли. Но еще удивительнее то, что мы за последние дни не встретили ни одного корабля, а между тем эти воды часто посещаются судами.

— Не ошибся ли ты в вычислении скорости хода? — спросила миссис Уэлдон.

— Нет, миссис Уэлдон! На этот счет я совершенно спокоен. Никакой ошибки быть не может. Лаг бросали каждые полчаса, и я всякий раз сам записывал его показания. Хотите, я сейчас прикажу снова бросить лаг: вы увидите, что мы идем со скоростью десяти миль в час, то есть с суточной скоростью свыше двухсот миль!

Дик Сэнд позвал Тома и велел ему бросить лаг. Эту операцию старый негр проделывал теперь с большим искусством. Принесли лаг, Том проверил, прочно ли он привязан к линю, и бросил его за борт. Но едва он вытравил двадцать пять ярдов [1], как вдруг линь провис.

— Ах, капитан! — воскликнул Том.

— Что случилось, Том?

— Линь лопнул!

— Лопнул линь? — воскликнул Дик. — Значит, лаг пропал!

Старый негр вместо ответа показал обрывок линя, оставшийся у него в руке.

Несчастье действительно произошло. Лаг привязан был прочно, линь оборвался посредине. А между тем линь был скручен из прядей наилучшего качества. Он мог лопнуть только в том случае, если волокна на месте обрыва основательно перетерлись. Так оно и оказалось, — Дик Сэнд убедился в этом, когда взял в руки конец линя. «Но почему перетерлись волокна? Неужели от частого употребления лага?» — недоверчиво думал юноша и не находил ответа на этот вопрос.

Как бы там ни было, лаг пропал безвозвратно, и Дик Сэнд лишился теперь возможности определять скорость движения судна. У него оставался только один прибор — компас

Но Дик не знал, что показания этого компаса неверны!

Видя, что Дик очень огорчен этим происшествием, миссис Уэлдон не стала продолжать расспросы. С тяжелым сердцем она удалилась в каюту.

---

[1] Ярд — английская мера длины Равен 3 футам, или 91,4 сантиметра.

Но хотя теперь уже нельзя было определять скорость хода «Пилигрима», а следовательно и вычислять пройденный им путь, однако и без лага легко было заметить, что скорость судна не уменьшается.

На следующий день, 10 марта, барометр упал до двадцати восьми и двух десятых дюйма [1]. Это предвещало приближение порывов ветра, несущегося со скоростью около шестидесяти миль в час.

Безопасность судна требовала, чтобы площадь поднятых парусов была немедленно уменьшена, иначе судну грозила опасность.

Дик Сэнд решил спустить фор-брам-стеньгу и грот-стеньгу, убрать основные паруса и следовать дальше только под стакселем и зарифленным марселем.

Он вызвал Тома и всех его товарищей на палубу, — этот трудный маневр мог выполнить только весь экипаж сообща. К несчастью, уборка парусов требовала довольно продолжительного времени, а между тем буря с каждой минутой все усиливалась.

Дик Сэнд, Остин, Актеон и Бат поднялись на реи. Том встал у штурвала, а Геркулес остался на палубе, чтобы травить шкоты, когда это понадобится.

После долгих безуспешных попыток фор-брам-стеньга и грот-стеньга были, наконец, спущены. Мачты так раскачивались и ветер задувал с такой бешеной силой, что этот маневр едва не стоил жизни смельчакам матросам, — сотни раз они рисковали полететь в воду. Затем взяли рифы на марселе, фок убрали, и шкуна-бриг не несла теперь других парусов, кроме стакселя и зарифленного марселя.

Несмотря на малую парусность, «Пилигрим» продолжал быстро нестись по волнам.

Двенадцатого марта погода стала еще хуже. В этот день, взглянув на барометр, Дик Сэнд похолодел от ужаса: ртутный столб упал до двадцати семи и девяти десятых дюйма [2].

Это предвещало сильнейший ураган. «Пилигрим» не мог нести даже немногих оставленных парусов.

---

[1] 716 миллиметров.
[2] 709 миллиметров.

Видя, что ветер, того и гляди, изорвет марсель, Дик Сэнд приказал убрать парус.

Но приказание его запоздало. Страшный шквал, налетевший в это время на судно, мигом сорвал и унес парус. Остина, находившегося на брам-рее, ударило свободным концом горденя. Он получил довольно легкий ушиб и мог сам спуститься на палубу.

Дика Сэнда охватила страшная тревога: по его расчетам с минуты на минуту должен был показаться берег, и он боялся, что мчавшееся с огромной скоростью судно с разбегу налетит на прибрежные рифы.

Он бросился на нос и стал вглядываться вдаль. Однако впереди не было видно никаких признаков земли.

Дик вернулся к штурвалу. Через минуту на палубу вышел Негоро. Словно против воли, он вытянул руку, указывая на какую-то точку на горизонте. Можно было подумать, что он видит знакомый берег в тумане...

Снова злая усмешка мелькнула на лице португальца, и, не промолвив ни слова, он вернулся в камбуз.

ГЛАВА ДВЕНАДЦАТАЯ

Остров на горизонте

В этот день разразился ураган — самая ужасная форма бури. Воздушные потоки неслись теперь с юго-запада со скоростью девяноста миль в час.

Это был настоящий ураган, один из тех, которые швыряют на берег суда, стоящие в порту на якорях, срывают с домов крыши и валят на землю прочные строения. Таков был ураган, разрушивший 23 июля 1825 года Гваделупу.

Если ураганный ветер может сбросить с лафетов тяжелые орудия, то легко себе представить, как он швыряет судно, не имеющее другой точки опоры, кроме разбушевавшихся волн.

Но в этой подвижности и заключается для корабля единственная надежда на спасение. Корабль не пытается противостоять страшным порывам ветра, он ус-

тупает им, и, если только его конструкция прочна, он может устоять перед любым неистовством бури.

Так было и с «Пилигримом».

Через несколько минут после того, как ветер унес марсель, новый порыв изодрал в клочья стаксель. Дик Сэнд не мог поставить даже трисель, хотя этот маленький кусок прочной парусины значительно облегчил бы управление судном.

Все паруса на «Пилигриме» были убраны, но ветер давил на корпус судна, на мачты, на такелаж, и корабль мчался с огромной скоростью. Порой казалось даже, что он выскакивает из волн и мчится, едва касаясь воды. Судно отчаянно подбрасывало на громадных валах, катившихся по океану, и эта килевая качка была страшна.

Но волны угрожали судну и предательским ударом сзади, потому что целые горы воды неслись по морю и скорее, чем шкуна-бриг. Когда корма недостаточно быстро поднималась на гребень набегавшего сзади вала, он грозил обрушиться на нее и утопить корабль. В этом-то и заключалась главная опасность для судов, убегающих от бури.

Но как бороться с этой опасностью? Ускорить ход «Пилигрима» было нельзя — ведь на судне все паруса были убраны, а поставить их — не уцелел бы даже крошечный лоскутик. Единственно, что оставалось делать, — это держать нос вразрез волне при посредстве руля, но судно часто не слушалось руля.

Дик Сэнд не отходил от штурвала. Он привязал себя веревкой, чтобы какая-нибудь шальная волна не смыла его в море. Том и Бат, также привязанные, стояли рядом, готовые прийти на помощь своему капитану. На носу дежурили, ухватившись за битенг[1], Геркулес и Актеон.

Миссис Уэлдон, маленький Джек, старая Нан и кузен Бенедикт, повинуясь приказу Дика Сэнда, не поки-

---

[1] Битенг — стойка или тумба на парусном судне, предназначенные для крепления якорного каната, когда судно стоит на якоре.

дали своих кают Миссис Уэлдон охотнее осталась бы на палубе, но Дик категорически воспротивился этому, — он не мог позволить ей без нужды рисковать жизнью.

Все люки были наглухо задраены. Дик надеялся, что они выдержат даже в том случае, если, по несчастью, волна обрушится на судно. Но если они не выдержат тяжести воды, случится беда корабль наполнится водой, потеряет пловучесть и пойдет ко дну К счастью, «Пилигрим» был правильно нагружен, и, несмотря на страшную качку, груз в трюмах не сдвинулся с места.

Дик еще больше сократил часы, отведенные им для сна. Миссис Уэлдон начала даже тревожиться, как бы он не заболел от переутомления. Она настояла, чтобы Дик хотя бы ненадолго лег спать.

В ночь с 13 на 14 марта, в то время как Дик отдыхал, произошло следующее.

Том и Бат находились на корме. Негоро, — он редко появлялся в этой части корабля, — неожиданно подошел к ним и даже попытался завести разговор. Но ни старик Том, ни его сын ничего не ответили ему.

Вдруг судно резко накренилось на борт. Негоро упал и, наверное, был бы снесен в море, если бы не успел уцепиться за нактоуз

Том вскрикнул: он испугался за компас.

Дик Сэнд, расслышав сквозь сон этот крик, мгновенно выбежал на палубу и бросился на корму.

Но Негоро уже поднялся на ноги. В руках у него был железный брусок, который он вынул из-под нактоуза. Он выбросил этот брусок в воду, прежде чем Дик увидел его.

Значит, Негоро хотел, чтобы стрелка компаса снова указывала правильное направление? Повидимому, юго-западный ветер, гнавший теперь судно вперед, служил его тайным целям.

— Что случилось? — спросил юноша.

— Да вот проклятый кок упал на компас! — ответил Том.

В страшной тревоге Дик нагнулся к нактоузу, — он был невредим, и компас, освещенный лампочками, по-

прежнему покоился на двух концентрических кругах своего подвеса.

Молодой капитан вздохнул с облегчением. Если бы испортился единственный компас, это было бы непоправимым несчастьем.

Но Дик Сэнд не мог знать, что после того, как из-под нактоуза был убран железный брусок, стрелка компаса заняла вновь нормальное положение и указывала своим острием прямо на магнитный полюс.

Негоро нельзя было винить за то, что он упал на компас (это могло быть простой случайностью), но все же Дик Сэнд вправе был удивиться, застав его в такой поздний час на корме судна.

— Что вы делаете здесь? — спросил он.

— То, что мне нравится, — отвечал Негоро.

— Что вы сказали?. — сердито крикнул Дик.

— Я сказал, — спокойно ответил судовой кок, — что нет правила, которое запрещало бы гулять по корме.

— Такого правила не было, но с этого часа я его устанавливаю, — сказал Дик Сэнд. — Я запрещаю вам ходить на корму!

— Вот как! — насмешливо протянул Негоро

И этот человек, обычно так хорошо владевший собой, сделал угрожающее движение

Молодой капитан выхватил из кармана револьвер и прицелился в судового кока.

— Негоро, — сказал он, — знайте, что я никогда не расстаюсь с револьвером и что при первом же случае нарушения дисциплины я прострелю вам голову!

Негоро вдруг почувствовал, что какая-то непреодолимая сила клонит его к палубе.

Это Геркулес положил свою тяжелую руку ему на плечо.

— Капитан Сэнд, — сказал великан, — разрешите мне выбросить этого негодяя за борт? Акулы будут довольны. Они ведь ничем не брезгают.

— Нет, еще не время, Геркулес, — ответил Дик Сэнд.

Негоро выпрямился, когда гигант снял руку с его плеча. Проходя мимо Геркулеса, он пробормотал сквозь зубы:

— Погоди, проклятый негр, ты дорого заплатишь мне за это!

Направление ветра изменилось, по крайней мере так подумал Дик Сэнд, посмотрев на компас, — он перескочил сразу на четыре румба. Юношу очень удивило, что такая резкая перемена никак не отразилась на море.

Судно шло прежним курсом, но волны, вместо того чтобы ударять в корму, били теперь под углом в левый борт. Такое положение было опасным, и Дику Сэнду пришлось, спасаясь от этих коварных ударов волн, изменить курс на четыре румба.

Тревожные мысли не давали покоя молодому капитану. Он спрашивал себя, не существовало ли связи между сегодняшним нечаянным падением Негоро и поломкой первого компаса. Зачем пришел на корму судовой кок? Что ему было делать там? Может быть, он почему-либо заинтересован в том, чтобы и второй компас пришел в негодность? Для чего это могло ему понадобиться? Дик не мог найти объяснения этой загадке. Ведь Негоро не меньше, чем все остальные, должен был желать поскорее добраться до американского материка.

Миссис Уэлдон, когда Дик Сэнд рассказал ей об этом происшествии, заметила, что и она не доверяет Негоро, но не видит оснований подозревать его в предумышленной порче навигационных приборов.

Все же осторожности ради Дик решил постоянно наблюдать за Негоро. Не довольствуясь этим, он переселил Динго на корму, зная, что судовой кок избегает собаки. Но Негоро помнил запрет молодого капитана и больше не показывался на корме, где ему решительно нечего было делать по своим служебным обязанностям.

Всю неделю буря свирепствовала с прежней силой. Барометр упал еще ниже. С 14 по 26 марта ветер не спадал ни на минуту, так что нельзя было выбрать момента затишья, чтобы поставить паруса.

«Пилигрим» несся на северо-восток со скоростью не менее двухсот миль в сутки, а земля все не показыва-

лась! Между тем эта земля — континент Америки — огромным барьером протянулась более чем на сто двадцать градусов между Тихим и Атлантическим океаном.

Дик Сэнд спрашивал себя, не потерял ли он рассудка, не совершил ли он какой-нибудь ужасной ошибки в счислении, — ошибки, вследствие которой «Пилигрим» уже много дней идет по неправильному курсу. Но нет, он не мог так ошибиться. Солнце, хоть и пряталось за тучами, неизменно всходило перед носом корабля и закатывалось позади кормы. Что же в таком случае произошло с землей, о которую его корабль мог разбиться? Куда девалась эта Америка, если ее нет здесь? Северная или Южная Америка — все было возможно в этом хаосе, — но к одной из двух должен был пристать «Пилигрим». Что произошло с начала этой ужасной бури? Что происходит сейчас, если этот берег — к счастью или несчастью путников — все не появлялся перед их глазами? И не следовало ли предположить, что компас обманул их? Ведь Дик не мог проверять его показания после того, как был испорчен второй компас? Предположение это все крепло у Дика, потому что только оно одно могло объяснить, почему до сих пор не видно никакой земли.

Все время, свободное от дежурства у штурвала, Дик внимательно изучал карту. Но сколько он ни вопрошал карту, он не находил объяснения непостижимой загадки.

Около восьми часов утра 26 марта произошло событие величайшей важности.

Вахтенный — это был Геркулес — вдруг закричал:

— Земля! Земля!

Дик Сэнд ринулся на бак. Геркулес не был моряком. Может быть, глаза обманывали его?

— Где земля? — крикнул Дик.

— Там! — ответил Геркулес, указывая рукой на едва различимую точку на северо-восточной части горизонта.

Голос его был едва слышен среди отчаянного рева ветра и моря.

— Вы видели землю? — переспросил юноша.

— Да! — ответил Геркулес, кивая головой.

И он снова протянул руку, указывая на северо-восток. Юноша вперил глаза вдаль... и ничего не увидел.

В эту минуту, нарушая обещание, данное Дику, на палубу вышла миссис Уэлдон, — она услышала восклицание Геркулеса.

— Миссис Уэлдон! — крикнул Дик.

Слов миссис Уэлдон нельзя было расслышать; она тоже пыталась разглядеть землю, которую заметил Геркулес, и, казалось, вся жизнь ее сосредоточилась в этом взгляде.

Но, очевидно, Геркулес указывал неверное направление, — ни миссис Уэлдон, ни Дик ничего не обнаружили на горизонте.

Но вдруг Дик в свою очередь вытянул руку вперед.

— Да! Земля! Земля! — крикнул он.

В просвете между тучами показалось что-то похожее на горную вершину. Глаза моряка не могли ошибиться: это была земля.

— Наконец-то, наконец-то! — повторял он вне себя от радости.

Дик крепко ухватился за поручни; миссис Уэлдон поддерживал Геркулес, она не сводила глаз с земли, которую уже не чаяла увидеть.

Берег находился в десяти милях с подветренной стороны, по левому борту. Просвет между тучами увеличился, показался кусок неба. И теперь уже явственно можно было различить высокую вершину горы. Без сомнения, это был какой-нибудь мыс на американском континенте.

«Пилигрим», плывший с оголенными мачтами, не мог держать курс на этот мыс. Но судно неизбежно должно было подойти к земле, — это стало вопросом нескольких часов. Было уже восемь часов утра; значит, до наступления полудня «Пилигрим» подойдет к самому берегу.

По знаку юного капитана Геркулес отвел в каюту миссис Уэлдон: в такую сильную качку она не могла бы сама пройти по палубе.

Постояв еще минутку на носу, молодой капитан вернулся к штурвалу, у которого стоял Том.

Наконец-то Дик увидел эту долгожданную и такую желанную землю! Почему же вместо радости он испытывал страх? Потому что появление земли под ураганным ветром перед быстро несущимся кораблем означало крушение со всеми его ужасными последствиями.

Прошло два часа. Скалистый мыс был уже виден на траверсе [1].

В этот момент Негоро снова появился на палубе. Он пристально посмотрел на берег, кивнул головой с многозначительным видом человека, знающего то, чего не знают другие, и, пробормотав какое-то слово, которое никто не расслышал, тотчас же ушел в свой камбуз.

Дик Сэнд тщетно старался разглядеть за мысом низкую линию побережья.

На исходе второго часа мыс остался справа за кормой судна, но очертания берега все еще не обрисовались.

Между тем горизонт прояснился, и высокий американский берег, окаймленный горной цепью Андов, должен был бы отчетливо виднеться даже на расстоянии двадцати миль.

Дик Сэнд вооружился подзорной трубой и, медленно переводя ее, осмотрел всю восточную сторону горизонта.

Земли в виду не было.

В два часа пополудни замеченная утром земля исчезла бесследно позади «Пилигрима».

Впереди подзорная труба не могла обнаружить ни высоких, ни низких берегов.

Тогда Дик, громко вскрикнув, бросился вниз по трапу и вбежал в каюту, где находились миссис Уэлдон, маленький Джек, Нан и кузен Бенедикт.

— Остров! Это был остров! — воскликнул он. — Только остров!

— Остров, Дик? Но какой? — спросила миссис Уэлдон.

---

[1] Траверс — направление, перпендикулярное к курсу судна.

— Сейчас посмотрим по карте! — ответил юноша.

И, сбегав в каюту, он принес корабельную карту.

— Вот, миссис Уэлдон, вот! — сказал он, развернув карту. — Земля, которую мы заметили, может быть только этой точкой, затерянной среди Тихого океана. Это остров Пасхи. Других островов в этих местах нет.

— Значит, земля осталась позади? — спросила миссис Уэлдон.

— Да, нас уже далеко отнесло ветром...

Миссис Уэлдон пристально всматривалась в едва заметную точку на карте — остров Пасхи.

— На каком расстоянии от американского берега находится этот остров?

— В тридцати пяти градусах.

— Сколько это миль?

— Около двух тысяч.

— Но, значит, «Пилигрим» почти не сдвинулся с места! Как могло случиться, что мы все еще находимся так далеко от земли?

— Миссис Уэлдон... — начал Дик Сэнд и несколько раз провел рукой по лбу, как бы для того, чтобы собраться с мыслями. — Я не знаю... Я не могу объяснить... Да, не могу... Разве что компас у нас неисправен... Но этот остров может быть только островом Пасхи — ветер все время гнал нас к северо-востоку... Да, это остров Пасхи, и надо бога благодарить, что мы, наконец, узнали, где мы находимся. Мы в двух тысячах миль от берега — что ж!.. Зато я теперь знаю, куда нас загнала буря! Когда она утихнет, мы высадимся на американском побережье! У нас есть надежда на спасение! По крайней мере теперь наш корабль не затерян в беспредельности Тихого океана.

Уверенность молодого капитана передалась всем окружающим. Даже миссис Уэлдон повеселела. Несчастным путешественникам казалось, что уже все беды миновали, и «Пилигрим» как будто находится близ надежной гавани, и надо теперь только подождать прилива, чтобы войти в нее.

Остров Пасхи — его настоящее название Вай-Гу, или Рап-Нуи — был открыт Дэвидом в 1686 году; его

посетили Кук и Лаперуз. Он расположен под 27° южной широты и 112° восточной долготы. Так выяснилось, что шкуна-бриг на пятнадцать градусов уклонилась на север от своего курса. Дик Сэнд приписал это буре, которая гнала корабль на северо-запад.

Итак, «Пилигрим» все еще находился в двух тысячах миль от суши. Если ветер будет дуть с той же ураганной силой, судно пробежит это расстояние дней за десять и достигнет побережья Южной Америки. Но неужели за это время погода не улучшится? Неужели нельзя будет поднять паруса даже тогда, когда «Пилигрим» окажется в виду земли?

Дик Сэнд надеялся на это, он говорил себе, что ураган, бушующий уже много дней подряд, в конце концов утихнет. Появление острова Пасхи юноша считал счастливым предзнаменованием: ведь теперь он точно знал, в каком месте океана находится «Пилигрим». Это вернуло ему веру в самого себя и надежду на благополучный исход путешествия.

Да, словно по милости провидения, путники заметили средь беспредельного простора океана одинокий остров, малую точку, и это сразу подняло в них бодрость. Корабль их все еще был игрушкой ветра, но по крайней мере они плыли теперь не вслепую.

Прочно построенный и хорошо оснащенный «Пилигрим» мало пострадал от неистовых натисков бури. Он лишился только марселя и стакселя, но этот ущерб нетрудно будет возместить. Ни одна капля воды не просочилась внутрь судна сквозь тщательно законопаченные швы корпуса и палубы. Помпы были в полной исправности.

В этом отношении опасность не грозила «Пилигриму».

Но ураган все еще продолжал бушевать, и казалось — ничто не могло умерить ярость стихий. Молодой капитан в какой-то мере вооружил свое судно для борьбы с ними, но не в его силах было заставить ветер утихнуть, волны — успокоиться, небо — проясниться... На борту своего корабля он был первым после бога, а за бортом — один лишь бог повелевал ветрами и волнами.

ГЛАВА ТРИНАДЦАТАЯ

«Земля! Земля!»

Надеждам Дика как будто суждено было сбыться.

Уже на другой день, 27 марта, ртутный столбик барометра поднялся, правда, всего на несколько делений. Увеличение атмосферного давления было незначительным, но обещало быть стойким. Буря, очевидно, шла на убыль, и хотя волнение на море было очень велико, ветер начал спадать и поворачивать к западу.

Дик понимал, что еще рано думать о том, чтобы ставить паруса. Ветер сорвал бы даже самый малый клочок парусины. Все же молодой капитан надеялся, что не позже как через двадцать четыре часа можно будет поставить хотя бы один из стакселей.

И верно: ночью ветер заметно ослабел, да и качка уже не так свирепо встряхивала корабль, а ведь накануне она грозила разнести его на куски.

Утром на палубу начали выходить пассажиры. Они уже не опасались, что внезапно набежавшая волна смоет их за борт.

Миссис Уэлдон первая покинула каюту, где она по требованию Дика просидела взаперти все время, пока длилась буря. Она подошла к Дику.

Сверхчеловеческая сила воли этого юноши помогла ему преодолеть неслыханные трудности. Он стоял похудевший, побледневший, обветренный. Тяжелее всего в его возрасте были, может быть, бессонные ночи. Казалось, силы отважного юноши должны были ослабеть. Но нет, его мужественная натура устояла перед всеми испытаниями. Быть может, перенесенные лишения когда-нибудь и скажутся на нем. Но сейчас не время было сдаваться, говорил себе Дик. И миссис Уэлдон видела, что он так же полон энергии, как и раньше. К тому же у смелого юноши появилась теперь уверенность в своих действиях, — ее насильно не внушишь, а сколько она прибавляет силы!

— Дорогой мой мальчик, мой дорогой капитан! — сказала миссис Уэлдон, протягивая ему руку.

— Ах, миссис Уэлдон, — улыбаясь, ответил Дик, — вы не слушаетесь своего капитана. Ну зачем вы вышли на палубу? Я ведь просил вас...

— Да, я ослушалась тебя, — призналась миссис Уэлдон, — но что-то подсказало мне, что буря проходит.

— В самом деле, погода улучшается, миссис Уэлдон, — ответил юноша. — Вы не ошиблись. Со вчерашнего дня столбик ртути в барометре не понизился. Ветер утихает, и мне кажется, что самое тяжелое уже позади.

— Дай бог, дорогой мой, дай бог! Но сколько ты выстрадал, бедный мальчик! Знаешь, ты вел себя, как...

— Я только выполнил свой долг, миссис Уэлдон.

— Теперь тебе необходимо отдохнуть.

— Отдохнуть? — возразил юноша. — Я нисколько не нуждаюсь в отдыхе, миссис Уэлдон. Я чувствую себя великолепно и надеюсь продержаться до конца. Вы назначили меня капитаном «Пилигрима», и я сохраню это звание до тех пор, пока все пассажиры моего корабля не окажутся в безопасности!

— Дик, — сказала миссис Уэлдон, — ни я, ни мой муж никогда не забудем того, что ты сделал!

— Ну, что вы... миссис Уэлдон! — пробормотал Дик. — Господь бог нам помог.

— Милый мой мальчик, я повторяю, ты вел себя, как настоящий мужчина. Ты проявил себя умелым и достойным командиром судна. И в недалеком будущем, как только ты закончишь свое образование, ты станешь капитаном судна, принадлежащего торговому дому Джемса Уэлдона. Я уверена, что мой муж скажет то же самое.

— Я... я... — начал Дик, и глаза его наполнились слезами.

— Дик, — продолжала миссис Уэлдон, — ты был нашим приемным сыном, а теперь ты поистине родной мой сын. Ты спас свою мать и своего маленького брата Джека! Дорогой мой, дай я тебя поцелую за мужа и за себя!

Миссис Уэлдон не могла сдержать свое волнение. Сердце этой мужественной женщины было переполнено, и слезы выступили у нее на глазах, когда она обнимала

юношу. Что сказать о чувствах, которые испытывал Дик? Он рад был бы отдать жизнь за своих благодетелей, больше чем жизнь, и ради них он заранее принимал все испытания, которые готовит ему будущее.

После этого разговора Дик почувствовал себя сильнее. Он не сомневался, что сумеет привести судно в безопасный порт и спасти пассажиров. Только бы утих ветер, хотя бы настолько, чтобы можно было поставить паруса!

Двадцать девятого марта ветер стал слабее. Дик решил поставить фок и марсель, чтоб увеличить скорость хода своего судна и вести его по определенному направлению.

— Друзья мои, — сказал он матросам, поднявшись на палубу на заре этого дня. — Идите сюда. Мне нужна ваша помощь.

— Мы готовы, капитан Сэнд, — ответил за всех старик Том.

— Конечно, готовы! — добавил Геркулес. — В бурю нам нечего было делать, и я начал уже покрываться ржавчиной.

— А ты дул бы в паруса своим большим ртом, — сказал маленький Джек. — Я уверен, ты можешь дуть так же сильно, как ветер.

— Вот замечательная мысль, Джек! — рассмеялся Дик Сэнд. — Как только наступит штиль, мы попросим Геркулеса надувать наши паруса.

— Прикажите только, капитан Сэнд, — ответил великан, надувая щеки, как Борей.

— Начнем с того, друзья мои, — сказал Дик, — что поставим новый марсель на смену изодранному бурей. Работа нелегкая, но ее нужно сделать.

— Сделаем! — ответил Актеон.

— А мне можно вам помогать? — спросил маленький Джек, всегда готовый трудиться вместе с матросами.

— Разумеется, Джек, — ответил Дик Сэнд. — Ты станешь за штурвал с нашим другом Батом и будешь помогать ему править.

Конечно, маленький Джек с гордостью принял свою новую должность помощника рулевого.

— А теперь, — продолжал Дик Сэнд, — за дело! Только помните, друзья: не рисковать собой без нужды!

Негры энергично взялись за дело под руководством молодого капитана. Надо было скатанный парус поднять на мачту и там привязать его к рею. Дело нелегкое. Но Дик Сэнд так умело распоряжался работой, а матросы повиновались ему с таким усердием и готовностью, что по истечении часа парус был привязан, рей поднят и на марселе взяты два рифа.

Несмотря на сильный ветер, команда без особого труда подняла паруса, убранные перед бурей, и к десяти часам утра «Пилигрим» уже бежал под фоком, марселем и одним из кливеров.

Дик Сэнд из осторожности решил не ставить остальных парусов. Те, что были подняты, обеспечивали суточный пробег в двести с лишним миль, а этой скорости было достаточно, чтобы меньше чем в десять дней достигнуть американского континента.

Дик с удовлетворением подумал, что теперь «Пилигрим» перестал всецело зависеть от капризов ветра и волн. Он бежал с достаточной скоростью и в нужном направлении. Радость Дика должны понять все, кто хоть немного знает морское дело.

Молодой капитан вернулся к штурвалу и, поблагодарив маленького помощника рулевого, стал на свой пост.

На следующий день по небу все так же быстро неслись тучи, но между ними уже возникали широкие просветы, и лучи солнца пробивались сквозь них, золотя поверхность океана. Временами «Пилигрим» попадал в полосу солнечного света. Какое счастье — этот животворящий свет! Иногда набегавшие облака затемняли его, но ветер отгонял их к востоку, и солнце снова показывалось во всем своем блеске. Погода явно улучшалась.

На судне открыли все люки, чтобы проветрить помещения. Свежий, напоенный солью воздух ворвался в трюм, в кубрик, в кают-компанию. Мокрые паруса разложили для просушки на рострах [1]. На палубе началась

---

[1] Ростры — настил над верхней палубой, на котором хранятся запасные части мачт, реи и установлены шлюпки.

генеральная уборка. Дик Сэнд не мог допустить, чтобы его корабль пришел в порт грязным и неубранным. Достаточно было нескольких часов ежедневной работы, чтобы, не переутомляя экипажа, привести судно в надлежащий вид.

Теперь на корабле уже не могли бросать лаг, Дик измерял скорость хода судна только по следу, оставляемому на поверхности океана. Способ этот был неточен, и все же Дик Сэнд не сомневался, что судно окажется в виду земли не позже как через неделю. Он сумел убедить в этом и миссис Уэлдон, показав ей на карте то место, где, по его предположениям, находился «Пилигрим».

— Хорошо, Дик,— сказала миссис Уэлдон.— Теперь скажи мне, к какому пункту побережья мы подойдем?

— Вот сюда, миссис Уэлдон, — ответил Дик, указывая на длинную полосу берега, тянущуюся от Перу до Чили. — Точнее указать я не могу. Глядите, вот остров Пасхи, который мы оставили на западе. Ветер не менял направления все последние дни, и, следовательно, мы должны увидеть землю вот здесь, на востоке. Вдоль этого побережья разбросано немало портов, но сказать с уверенностью, какой порт окажется ближе других, когда «Пилигрим» подойдет к земле, я сейчас не могу.

— Да это и не важно, Дик... Лишь бы добраться до какого-нибудь порта!

— Разумеется, миссис Уэлдон. Куда бы мы ни пришли, вы отовсюду сможете вернуться в Сан-Франциско. «Тихоокеанская мореходная компания» превосходно обслуживает это побережье. Ее пароходы заходят во все главные порты, а из них легко уж попасть в Калифорнию.

— Разве ты не собираешься привести «Пилигрим» обратно в Сан-Франциско? — спросила миссис Уэлдон.

— Ну, конечно! Но только после того, как вы пересядете на какой-нибудь пассажирский пароход, миссис Уэлдон. Если нам удастся заполучить офицера и команду, мы отправимся в Вальпараисо, чтобы сдать груз ворвани, — несомненно, так поступил бы капитан Гуль. Оттуда мы пойдем в Сан-Франциско. Но для вас

это было бы лишней задержкой, и как мне ни грустно расставаться с вами...

— Хорошо, Дик, — прервала его миссис Уэлдон. — Об этом мы еще поговорим. Скажи мне — раньше ты как будто боялся приблизиться к незнакомому берегу?..

— Я и сейчас боюсь, — признался юноша. — Но я надеюсь встретить в тех водах какое-нибудь судно. Меня, по правде сказать, очень удивляет, что этого еще не случилось... О, если бы показалось хоть какое-нибудь судно! Мы бы связались с ним, узнали точно, где находится «Пилигрим», и тогда можно было бы без опаски причалить к берегу.

— Разве в этих местах нет лоцманов, которые проводят суда в гавани? — спросила миссис Уэлдон.

— Наверно, есть, — ответил Дик Сэнд. — Но они плавают у самого берега. Поэтому мы должны стараться подойти как можно ближе к земле.

— А если мы не встретим лоцмана? — спросила миссис Уэлдон. Она настойчиво допрашивала молодого капитана, чтобы выяснить, подготовился ли он ко всяким случайностям.

— В этом случае, миссис Уэлдон... если погода будет хорошая и ветер умеренный, я направлю судно вдоль берега и буду плыть до тех пор, пока не найду какого-нибудь безопасного места для высадки. Если же ветер снова посвежеет...

— Что тогда, Дик?..

— Видите ли, если ветер прибьет «Пилигрим» к земле...

— То?.. — спросила миссис Уэлдон.

— То я буду вынужден выбросить корабль на берег, — ответил юноша, и лицо его на мгновенье омрачилось. — Но это в самом крайнем случае. Я надеюсь, что нам не придется прибегнуть к этому последнему средству. Вы не тревожьтесь напрасно, миссис Уэлдон: погода, повидимому, улучшается. Не может быть, чтобы мы не встретили ни одного судна или лоцманского катера. Будем надеяться, что «Пилигрим» идет прямо к земле и скоро мы ее увидим.

Выбросить судно на берег! На такую последнюю крайность даже самые смелые моряки не решаются без

трепета. Не удивительно, что Дик Сэнд также не хотел думать о ней, пока у него еще была надежда на иной исход.

В следующие дни погода была неустойчивой, и это очень тревожило молодого капитана. Ветер дул с неослабевающей силой, и падение ртутного столбика в барометре предвещало новый натиск урагана.

Дик Сэнд начал опасаться, что снова придется, убрав все паруса, бежать от бури. А ведь так важно было сохранить хотя бы один парус, и он решил не спускать марселя, пока не явится опасность, что его снесет ветер.

Чтобы укрепить мачты, он распорядился вытянуть ванты и фордуны. Это была необходимая предосторожность: положение «Пилигрима» стало бы чрезвычайно тяжелым, если бы он лишился своего рангоута [1].

За последние дни барометр два раза делал скачок кверху — это заставляло опасаться резкой перемены в направлении ветра. Что делать, если ветер будет дуть с востока, прямо в лоб кораблю? Лавировать? Но если обстоятельства принудят его лавировать, — какая задержка, какой риск снова быть отброшенным в открытое море!

К счастью, его опасения не оправдались. В продолжение нескольких дней ветер метался по румбам, перескакивая с севера на юг, но в конце концов снова задул с запада. Ветер был очень свежий и расшатывал рангоут.

Наступило 5 апреля. Уже прошло больше двух месяцев с тех пор, как «Пилигрим» покинул Новую Зеландию. В течение первых двадцати дней то штили, то встречные ветры препятствовали продвижению судна. Затем подул попутный ветер, и «Пилигрим» быстро стал приближаться к земле. Особенно велика была скорость хода во время урагана: Дик Сэнд считал, что судно проходило в среднем не менее двухсот миль в

---

[1] Рангоут — совокупность круглых деревянных брусьев (а позднее трубчатых стальных частей), предназначенных для несения парусов на судах (мачты, стеньги, реи, бушприт и т. д.)

сутки. Почему же в таком случае оно до сих пор не достигло берега? Это было совершенно необъяснимо!

Один из матросов непрерывно высматривал сушу с высоты бом-брам-рея. Часто Дик Сэнд сам поднимался на мачту. Он подолгу смотрел в подзорную трубу, не мелькнет ли среди облаков темный контур какой-нибудь горы: цепь Андов, как известно, изобилует высокими вершинами, и с большого расстояния их нужно было искать на горизонте в поднебесье.

Много раз Том и его товарищи ошибались, принимая за сушу какое-нибудь отдаленное облако необычной формы. Случалось, что они упорно утверждали, будто действительно обнаружили землю, и признавали свою ошибку только тогда, когда очертания мнимой земли расплывались и она терялась бесследно среди других облаков.

Но 6 апреля сомнениям не осталось места.

Было восемь часов утра. Дик Сэнд только что взобрался на рей. Первые лучи солнца разогнали туман, и линия горизонта виднелась достаточно отчетливо.

Из уст Дика Сэнда вырвался, наконец, долгожданный возглас:

— Земля! Перед нами земля!

При этих словах все выбежали на палубу: маленький Джек, любопытный, как все дети; миссис Уэлдон, надеявшаяся, что возникшая вдали суша положит конец всем ее страданиям; Том и его товарищи, которым не терпелось ступить на свою землю; даже кузен Бенедикт, который мечтал обогатить свою коллекцию новыми насекомыми.

Один лишь Негоро не вышел на палубу.

Землю видели теперь все: одним острое зрение действительно позволяло различить ее, а другие так стосковались по земле, что принимали ее появление на веру.

Но юноша был опытным моряком, привыкшим всматриваться в морские дали. Он не мог ошибиться. И действительно, через час всем стало ясно, что на этот раз надежда их не обманула.

На востоке, на расстоянии около четырех миль, виднелся контур довольно низкого берега, — таким по

крайней мере он казался. Нависшие облака не позволяли разглядеть горную цепь Андов, которая тянется невдалеке от морского берега.

«Пилигрим» направлялся прямо к берегу, полоса его ширилась и приближалась с каждой минутой.

Через два часа судно было уже в трех милях от суши. Береговая линия замыкалась на северо-востоке довольно высоким мысом, у основания которого виднелось нечто вроде открытого рейда. На юго-востоке земля вдавалась в океан узкой и низменной косой.

У берега поднималась гряда невысоких утесов, на которых вырисовывались в небе деревья. Судя по характеру местности, эти утесы являлись только предгорьями высокой цепи Андов.

Ни человеческого жилья, ни порта, ни устья реки, где корабль мог бы найти безопасное убежище!

Ветер гнал «Пилигрим» прямо к земле. Уменьшенная парусность и сильный прижимной ветер не давали Дику возможности изменить курс и отойти в открытое море.

Впереди вырисовывалась длинная полоса прибрежных рифов. Над ними бурлило и пенилось море. Прибой, несомненно, был чудовищный. Видно было, как волны взлетают до середины высоты утесов.

Молодой капитан постоял некоторое время на носу, пристально всматриваясь в берег. Затем, не промолвив ни слова, он возвратился на корму и стал за штурвал.

Ветер все крепчал. Скоро шкуна-бриг оказалась всего лишь в одной миле от берега.

Тогда Дик Сэнд мог разглядеть маленькую бухту. Он решил направить в нее корабль. Но вход в бухту преграждал барьер подводных скал, между которыми пройти кораблю было очень трудно. Буруны указывали на малую глубину воды над всей полосой рифов.

В эту минуту Динго, бегавший взад и вперед по палубе, бросился на нос и, уставившись на землю, протяжно и жалобно завыл. Казалось, собака узнала этот берег и его вид разбудил в ней какие-то горестные воспоминания.

Услышав этот вой, Негоро вышел из своей каюты и, хотя имел все основания опасаться соседства собаки, встал на баке, прислонившись к борту. Но Динго продолжал жалобно выть, глядя на берег и, к счастью для судового кока, не обращая на него никакого внимания.

Негоро смотрел на свирепые буруны без тени страха. Наблюдавшей за ним миссис Уэлдон показалось, однако, что в лицо ему бросилась краска и черты его исказились.

Быть может, Негоро знал этот берег, к которому ветер нес «Пилигрим»?

Дик Сэнд в это время передал штурвал старому Тому и пошел на нос, чтобы в последний раз посмотреть на постепенно открывавшийся вход в бухту. Через несколько минут он твердым голосом сказал:

— Миссис Уэлдон, у меня нет никакой надежды найти безопасное убежище для «Пилигрима». Не позже как через полчаса корабль, несмотря на все мои усилия, будет на рифах... Придется выброситься на берег. Мне не удалось привести «Пилигрим» в порт. Чтобы спасти вас, я должен погубить корабль. Иного выхода нет... и колебаться тут не приходится.

— Ты сделал все, что от тебя зависело, Дик? — спросила миссис Уэлдон.

— Все! — коротко ответил юноша.

И тотчас же он занялся приготовлениями к предстоящему опасному маневру.

Прежде всего он заставил миссис Уэлдон, Джека, кузена Бенедикта и Нан надеть спасательные пояса. Негры-матросы и сам Дик были искусными пловцами, но и они приняли меры на случай, если их толчком сбросит в море.

Геркулесу поручили помогать миссис Уэлдон. Молодой капитан взял на себя заботу о Джеке. Кузен Бенедикт, очень спокойный, вышел на палубу: на ремне через плечо у него висела металлическая коробка с насекомыми. Дик поручил его Бату и Актеону. Что касается Негоро, то поразительное его хладнокровие говорило о том, что он не нуждается ни в чьей помощи.

На всякий случай Дик Сэнд велел поднять на палубу десяток бочек с ворванью.

Если вылить китовый жир на поверхность воды, когда «Пилигрим» будет проходить сквозь буруны, это на миг успокоит волнение и облегчит кораблю проход через рифы. Дик решил не пренебрегать ничем, лишь бы спасти жизнь экипажа и пассажиров.

Покончив со всеми приготовлениями, юноша вернулся на корму и стал к штурвалу.

«Пилигрим» был теперь всего в двух кабельтовых от берега, иными словами — почти у самых рифов. Правый борт его уже купался в белой пене прибоя. Молодой капитан ждал, что с секунды на секунду киль судна наткнется на какую-нибудь подводную скалу.

Вдруг по цвету воды Дик догадался, что перед ним проход между рифами. Необходимо было смело войти в него, чтобы выброситься на мель как можно ближе к берегу.

Молодой капитан не колебался ни одной минуты. Он круто повернул штурвал и направил корабль в узкий извилистый проход.

В этом месте море бушевало особенно яростно. Волны стали заливать палубу.

Матросы стояли на носу возле бочек с жиром, ожидая приказа капитана.

— Лей ворвань! — крикнул Дик. — Живей!

Под слоем жира, который потоками лился на волны, море успокоилось, словно по волшебству, с тем чтобы через минуту забушевать с удвоенной яростью.

Но этой минуты затишья было достаточно, чтобы «Пилигрим» проскочил за линию рифов. Теперь его несло на берег.

Страшный толчок. Огромная волна подняла корабль и бросила его на камни. Мачты рухнули, но никого не поранило.

При ударе корпус судна получил пробоину, и в нее хлынула вода. Но до берега было меньше полкабельтова. До него легко было добраться по цепочке торчащих из воды черных камней.

Через десять минут после катастрофы все пассажиры и команда «Пилигрима» очутились на суше, у подножия прибрежного утеса.

ГЛАВА ЧЕТЫРНАДЦАТАЯ

Что делать?

Итак, после перехода, длившегося не менее семидесяти четырех дней, после упорной борьбы со штилями, противными ветрами и ураганом «Пилигрим» кончил тем, что выбросился на берег и разбился о рифы.

Однако миссис Уэлдон и ее спутники возблагодарили провидение, почувствовав себя бесконечно счастливыми, когда очутились на суше. Ведь они были на материке, а не на каком-нибудь злосчастном острове Полинезии, куда буря могла бы их забросить. В каком бы месте Южной Америки они ни высадились, все равно они без особого труда возвратятся на родину.

Но «Пилигрим» погиб безвозвратно; за несколько часов прибой разбросает во все стороны обломки его остова. Нечего и думать о спасении груза.

Если Дику Сэнду и не удалось сберечь корабль и доставить его владельцу, все же он вправе был гордиться тем, что целыми и невредимыми доставил на берег всех находившихся на борту и среди них жену и сына Джемса Уэлдона.

В какой же части южноамериканского побережья потерпел крушение «Пилигрим»? На побережье Перу, как предполагал Дик Сэнд? Вполне возможно: ведь после того как корабль миновал остров Пасхи, экваториальные течения и ветры гнали его к северо-востоку. При этих условиях он, разумеется, мог с сорок третьего градуса южной широты попасть на пятнадцатый градус.

Необходимо было как можно скорее установить, где именно потерпел крушение «Пилигрим». На побережье Перу много портов, городков и селений, и если предположение Дика Сэнда окажется правильным, легко будет добраться до какого-нибудь населенного пункта.

Крутой, но не слишком высокий берег у места крушения казался пустынным... Узкая песчаная полоса была усеяна черными обломками скал. Кое-где в скалах зияли широкие трещины, кое-где по более отлогим местам можно было взобраться на гребень утеса.

В четверти мили к северу скалы расступались, давая выход маленькой речке, которую с моря не было видно. Над речкой склонились многочисленные ризофоры — разновидность мангового дерева, имеющая существенные отличия от своих индийских родичей.

Густой зеленый лес, начинавшийся у самого обрыва, тянулся вдаль, до линии гор, возвышавшихся на горизонте. Будь кузен Бенедикт ботаником, он пришел бы в восторг от бесконечного разнообразия древесных пород, — тут росли высокие баобабы, которым раньше приписывали невероятное долголетие, а кору их сравнивали с египетским сиенитом, тут росли веерники, белые сосны, тамаринды, перечники и сотни других растений, не встречающихся в северной части Нового Света и непривычные для американцев.

Но любопытным обстоятельством было то, что среди этих древесных пород не встречалось ни единого представителя многочисленного семейства пальм, которое насчитывает более тысячи видов и распространено почти по всему земному шару.

Над берегом реяли стаи крикливых птичек — главным образом ласточек с иссиня-черным оперением и светлокаштановыми головками. Кое-где взлетали и куропатки — серые птицы со стройным телом и голой шейкой.

Миссис Уэлдон и Дик Сэнд заметили, что птицы не очень боятся людей. Они позволяли приближаться к себе, не проявляя страха. Неужели они никогда не видели человека и не научились остерегаться его? Неужели тишину этого пустынного берега никогда еще не нарушали ружейные выстрелы?

У берега меж камней прогуливались неуклюжие птицы, принадлежащие к роду малых пеликанов. Они набивали мелкой рыбешкой кожистый мешок, который висит у них под нижней створкой клюва.

Над обломками «Пилигрима» уже кружились чайки, прилетевшие с океана.

Птицы, видимо, были единственными живыми существами, посещавшими эту часть побережья. Разумеется, здесь водилось также немало насекомых, представлявших интерес для кузена Бенедикта.

Однако ни у птиц, ни у насекомых не спросишь, что это за берег. Сообщить его название мог только какой-нибудь местный житель. А жителей-то как раз и не было. По крайней мере ни один из них не показывался.

Ни дома, ни хижины, ни шалаша. Ни один дымок не поднимался в воздух ни на севере — по ту сторону речки, ни на юге, ни в густом лесу, уходившем вглубь континента Ничто не указывало, что этот берег когда-либо посещал человек.

Дика Сэнда это очень удивляло.

— Где же мы? Куда мы попали? Неужели не найдется человека, который мог бы нам это сказать?

Но такого человека не было: если бы какой-нибудь туземец находился вблизи, Динго поднял бы тревогу. Между тем собака бегала взад и вперед по песчаному берегу, обнюхивая землю и опустив хвост. Она глухо ворчала. Ее поведение казалось странным, но ясно было, что Динго не чуял ни человека, ни животного.

— Дик, посмотри-ка на Динго! — сказала миссис Уэлдон.

— Как странно! — промолвил юноша. — Можно подумать, что собака разыскивает чей-то след.

— Действительно странно, — прошептала миссис Уэлдон.

Затем, спохватившись, она добавила:

— Что делает Негоро?

— То же, что и Динго, — ответил Сэнд, — рыскает взад и вперед по берегу. Впрочем, здесь он волен поступать, как ему угодно. Я уже не вправе отдавать ему приказания. Его служба кончилась после крушения «Пилигрима».

Негоро осматривал песчаную косу, речку и прибрежные скалы с видом человека, попавшего в знакомые, но забытые места. Бывал ли он здесь? Вероятно, он отказался бы ответить, если бы ему задали такой вопрос.

Однако не стоило обращать внимания на этого необщительного португальца. Дик Сэнд следил за ним, пока Негоро шагал по направлению к речке, но как только он скрылся за прибрежными утесами, юноша перестал им интересоваться.

Динго злобно залаял, увидев Негоро, но тотчас же перестал.

Пора было подумать о том, что предпринять. Сначала надо было найти какой-нибудь приют, чтобы отдохнуть и поесть. После этого можно будет держать совет и наметить план дальнейших действий.

Легче всего разрешился вопрос о пропитании. Кроме плодов и дичи, которыми изобиловала эта земля, потерпевшие крушение могли воспользоваться тем, что было в кладовых корабля. Прибой выбросил на обмелевшие с наступлением отлива рифы много разных предметов с погибшего судна. Том и его товарищи собрали несколько бочек с сухарями, коробки консервов, ящики с сушеным мясом. Вода не успела еще их испортить. Маленький отряд с избытком был обеспечен пищей на все время, какое понадобится, чтобы добраться до ближайшего селения. Запасы провизии были переправлены в сухое место на берегу, куда не мог достигнуть прилив.

В пресной воде также не было недостатка. Дик Сэнд попросил Геркулеса принести немного воды из речки. Силач негр принес на плече полный бочонок. Хотя во время прилива море и заходило в устье речки, вода в ней в часы отлива была пресная и вполне годная для питья.

Об огне не приходилось беспокоиться: если бы понадобилось развести костер, кругом было сколько угодно топлива — сучьев и высохших корней мангифер. Старик Том, рьяный курильщик, захватил с собой герметически закрывавшуюся жестяную коробку с трутом. В любой момент он мог высечь искру при помощи огнива и кремня, подобранного на берегу моря.

Оставалось только отыскать убежище, где маленький отряд мог бы отдохнуть и переночевать перед выступлением в поход.

«Гостиницу» нашел маленький Джек. Бегая у под-

ножья скал, мальчик случайно обнаружил просторную, гладко отполированную пещеру — один из тех гротов, какие море вымывает в скалах, когда волны прибоя налетают на них во время бури.

Мальчик радостно закричал и позвал мать полюбоваться своей находкой.

— Молодец, Джек! — сказала миссис Уэлдон. — Если бы мы были Робинзонами и принуждены были поселиться на этом берегу, мы непременно назвали бы грот твоим именем.

Пещера была небольшая: десять — двенадцать футов в глубину и столько же в ширину, но Джеку она казалась огромной. Потерпевшие крушение могли удобно в ней разместиться. Миссис Уэлдон и Нан с удовольствием отметили, что пещера совершенно сухая. Луна была в первой четверти, — следовательно, не приходилось опасаться особенно сильных приливов, которые могли дойти до подножия скал и до пещеры.

Итак, все необходимое для отдыха было налицо.

Через десять минут пассажиры «Пилигрима» уже лежали в гроте на подстилке из сухих водорослей. Даже Негоро пожелал присоединиться к ним и получить свою долю завтрака. Очевидно, он не решился пуститься в одиночку странствовать по глухому лесу, через который пробивалась извилистая речка.

Было около часу пополудни. Завтрак состоял из сухарей и сушеного мяса. Запивали его свежей водой с несколькими каплями рома, — Бат среди продуктов нашел бочонок рома.

Негоро завтракал со всеми, но не вмешивался в общую беседу, в которой обсуждался план дальнейших действий. Однако, не подавая вида, он внимательно прислушивался к разговору и, без сомнения, делал из него какие-то выводы.

Динго, получивший свою долю пищи, караулил у входа в пещеру. С таким стражем можно было спокойно отдыхать. Ни одно живое существо не могло появиться на песчаном берегу без того, чтобы верный пес не поднял тревоги.

Миссис Уэлдон, посадив к себе на колени сонного Джека, заговорила первая.

— Дик, друг мой, — сказала она, — все мы благодарны тебе за преданность, которую ты проявил в эти трудные дни. Но освободить тебя от твоих обязанностей мы еще не можем. Ты должен быть нашим проводником на суше, как был нашим капитаном на море. Все мы доверяем тебе. Говори же, что нужно предпринять?

Миссис Уэлдон, Нан, старик Том и остальные негры не спускали глаз с Дика Сэнда. Даже Негоро пристально смотрел на него. Очевидно, португальца чрезвычайно интересовало, что же ответит юноша.

Дик Сэнд несколько минут размышлял. Потом он сказал:

— Прежде всего, миссис Уэлдон, нужно выяснить, где мы находимся. Я думаю, что наш корабль потерпел крушение у берегов Перу. Ветер и течения должны были унести его примерно к этим широтам. Быть может, мы находимся в одной из южных, наименее населенных провинций Перу, которые граничат с пампой. Я бы сказал даже, что это весьма вероятно: ведь берег кажется совсем безлюдным. Если мое предположение правильно, нам, к несчастью, придется довольно долго идти до ближайшего поселения.

— Что же ты хочешь делать? — спросила миссис Уэлдон.

— Я считаю, что мы не должны покидать грот до тех пор, пока не выясним точно, где мы находимся. Завтра после отдыха двое из нас пойдут на разведку. Они постараются, не очень удаляясь от лагеря, разыскать туземцев; выяснив у них все, что нас интересует, они вернутся назад. Не может быть, чтобы в радиусе десяти — двенадцати миль не нашлось людей.

— Неужели мы расстанемся? — воскликнула миссис Уэлдон.

— Это необходимо, — ответил юноша. — Если же не удастся ничего разузнать, если против ожидания окажется, что местность совершенно пустынна, что ж... тогда мы придумаем что-нибудь другое!

— А кто пойдет на разведку? — спросила миссис Уэлдон после минутного раздумья.

— Это мы сейчас решим, — ответил Дик Сэнд. — Во всяком случае, вы, миссис Уэлдон, Джек, мистер Бенедикт и Нан не должны уходить из грота. Бат, Геркулес, Актеон и Остин могут остаться с вами, а Том и я отправимся на разведку. Вероятно, и Негоро предпочтет остаться здесь, — добавил юноша, глядя на судового кока.

— Вероятно, — уклончиво ответил тот, не желая связывать себя никакими обязательствами.

— Мы заберем с собой Динго, — продолжал Дик, — он может сослужить нам хорошую службу.

Услышав свое имя, Динго показался у входа в грот и коротко залаял, словно выражая этим свое согласие.

Миссис Уэлдон задумалась. Разлука, даже самая непродолжительная, очень смущала ее. Весть о крушении «Пилигрима», возможно, уже облетела соседние туземные племена, появлявшиеся на этом берегу, в южной или северной его части; в любой час могли нагрянуть местные жители с намерением поживиться кое-чем с погибшего корабля, — стоило ли дробить силы отряда, если нужно будет отразить нападение.

Это замечание миссис Уэлдон следовало серьезно обсудить.

Однако у Дика Сэнда нашлись веские доводы против него. Индейцев нельзя сравнивать с африканскими или полинезийскими дикарями, говорил юноша, и нет оснований предполагать, что они способны совершить разбойничий набег. А пускаться в странствия по этой незнакомой местности, даже не представляя себе, в какой части Южной Америки она расположена и на каком расстоянии находится ближайшее поселение, — это значило бы напрасно расходовать силы. Слов нет, неприятно расставаться, но все же это лучше, нежели всем отрядом вслепую пускаться в поход через чащу девственного леса, который простирается до самых гор.

— И наконец, — закончил Дик свою речь, — я не допускаю и мысли, что мы расстанемся надолго. Если в продолжение двух дней Том и я не найдем какого-нибудь селения или туземца, мы вернемся в грот. Но этого быть не может! Я убежден, что мы не пройдем и двадцати миль вглубь страны, как уже определим ее

географическое положение. Быть может, я ошибся в счислении, — в конце концов ведь я не делал астрономических наблюдений. Что, если мы находимся в других широтах?

— Да... ты, конечно, прав, мой мальчик, — грустно ответила миссис Уэлдон.

— А как вы относитесь к моему плану, господин Бенедикт? — спросил Дик Сэнд.

— Я? — переспросил энтомолог.

— Да. Каково ваше мнение?

— У меня нет своего мнения на этот счет, — ответил кузен Бенедикт, — я согласен со всем, что мне предложат, и готов делать все, что мне прикажут. Если вы решите остаться здесь на день-другой, я буду очень доволен: я воспользуюсь этим, чтобы изучить побережье... с точки зрения энтомолога, конечно.

— Итак, поступай, как знаешь, Дик, — сказала миссис Уэлдон. — Отправляйся на разведку с Томом, а мы будем дожидаться вас здесь.

— Решено! — сказал кузен Бенедикт самым спокойным тоном. — А я пойду знакомиться с местными насекомыми.

— Только, пожалуйста, не заходите далеко, господин Бенедикт, — сказал Дик Сэнд, — очень просим вас об этом.

— Не беспокойся, мой милый.

— А главное — не натравите на нас москитов! — добавил Том.

Через несколько минут, перекинув через плечо свою драгоценную жестяную коробку, энтомолог ушел.

Негоро вышел из грота почти одновременно с ним. Казалось, этот человек считал совершенно естественным всегда заботиться только о самом себе. Но в то время как кузен Бенедикт карабкался вверх по откосу, чтобы выбраться на опушку леса, Негоро не спеша направился к устью речки и зашагал вверх по ее течению.

Миссис Уэлдон, положив заснувшего ребенка на колени к Нан, вышла на песчаный берег. Дик Сэнд и негры последовали за нею.

Нужно было, пользуясь отливом, добраться до разбитого судна, где оставалось еще немало вещей, которые могли пригодиться маленькому отряду.

Рифы, у которых разбился «Пилигрим», были теперь обнажены. Посреди разных обломков высился остов корабля. Раньше море почти целиком закрывало его, и Дик Сэнд очень удивился тому, что судно было сейчас обнажено. Он знал, что на американском побережье Тихого океана не бывает сильных приливов и отливов. Юноша объяснил это странное явление сильным ветром, который дул к берегу.

Миссис Уэлдон и ее спутники испытывали тягостное чувство при виде своего корабля. На его борту они провели столько дней, пережили столько страданий! Больно сжималось сердце при взгляде на бедный, искалеченный корабль, без парусов и без мачт, лежавший на боку, как существо, лишенное жизни.

И, однако, необходимо было побывать на корабле раньше, чем океан довершит его разрушение.

Дик Сэнд и пятеро негров легко поднялись на палубу, цепляясь за снасти, которые свисали с бортов. Том, Геркулес, Бат и Остин занялись переноской хранившихся в камбузе съестных припасов и напитков, а Дик Сэнд отправился в главную кладовую. К счастью, вода не проникла в эту часть судна, — корма его и после крушения выступала над водой.

Юноша нашел здесь четыре вполне исправных великолепных карабина оружейного завода Пурдей и К° и около сотни патронов, тщательно уложенных в патронташи. Маленький отряд был теперь вооружен и мог оказать сопротивление индейцам, если бы они вздумали напасть на него.

Дик Сэнд не позабыл захватить и карманный фонарик. К несчастью, географические карты, хранившиеся в каюте на носу, оказались попорченными водой, и пользоваться ими было невозможно.

Дик Сэнд взял также из арсенала «Пилигрима» шесть штук больших ножей, служащих для разделки китовых туш, — ножи должны были дополнить вооружение его спутников. Заодно он захватил еще одно без-

обидное оружие — игрушечное ружьецо, принадлежавшее маленькому Джеку.

Остальное имущество, находившееся на корабле, либо погибло при крушении, либо было приведено водой в негодность. Впрочем, не было нужды перегружать отряд поклажей, если переход до ближайшего населенного места должен был продлиться всего несколько дней. Продовольствия и оружия было больше чем достаточно.

В последнюю минуту Дик Сэнд вспомнил, что миссис Уэлдон посоветовала забрать с корабля деньги. Он нашел всего лишь пятьсот долларов, между тем как одна миссис Уэлдон везла с собой гораздо бо̀льшую сумму. Куда же они девались?

Только Негоро мог опередить Дика Сэнда в этих поисках. Один он мог взять деньги миссис Уэлдон и сбережения капитана Гуля. Никого другого нельзя было заподозрить в этой краже. И все же Дик Сэнд вначале колебался. Что он знал об этом человеке? Только то, что Негоро был замкнутым и нелюдимым, что чужое горе вызывало у него злую усмешку. Но значило ли это, что он был преступником? Дик не знал, что подумать. Но кого другого можно было заподозрить в похищении денег? Кого-нибудь из негров? Но это были честные люди, да к тому же они ни на секунду не отходили от миссис Уэлдон и Дика, а Негоро долго бродил по берегу. Нет, Негоро, и только Негоро, совершил кражу!

Дик Сэнд решил допросить Негоро, как только тот вернется, и в случае необходимости даже обыскать его. Этот вопрос он должен был выяснить до конца.

Солнце склонялось к закату. В эту пору года оно еще не перешло экватор, неся вешнее тепло и свет Северному полушарию, но день этот уже приближался. Солнце опускалось почти перпендикулярно к той линии, где небо соединяется с морем. Сумерки были короткими и очень скоро сменились полной темнотой. Это подтвердило предположение Дика Сэнда, что судно потерпело крушение где-то между тропиком Козерога и экватором.

Все вернулись в грот, где они должны были расположиться и отдохнуть несколько часов.

— Ночь будет бурной! — заметил старый Том, указывая на черные тучи, скопившиеся на горизонте.

— Да, — подтвердил Дик, — ветер, видно, разыграется не на шутку. Но что нам теперь до этого! Бедный корабль наш погиб, и бури уже не могут причинить нам вреда!

— Да поможет нам бог! — промолвила миссис Уэлдон.

Было решено, что всю ночь, которая обещала быть очень темной, негры по очереди станут сторожить у входа в грот. Кроме того, можно было смело рассчитывать на чутье Динго.

Возвратившись в грот, заметили, что кузена Бенедикта все еще нет.

Геркулес позвал его во всю силу своих богатырских легких, и тотчас же энтомолог спустился с крутого откоса, рискуя сломать себе шею.

Кузен Бенедикт был взбешен. Он не нашел в лесу ни одного нового насекомого, ни одного, достойного занять место в его коллекции. Сороконожек, сколопендр и других многоногих было сколько угодно, даже слишком много, но кроме них — ничего! А ведь известно, что кузену Бенедикту не было никакого дела до многоногих!

— Стоило ли проехать пять, а может быть, и все шесть тысяч миль, — жаловался он, — попасть в сильнейшую бурю, потерпеть крушение, чтобы не найти ни одного из тех американских шестиногих, которые являются украшением всякого энтомологического музея?! Нет, нет, решительно игра не стоила свеч!

В заключение кузен Бенедикт заявил, что он и часа не останется на этом презренном берегу, и потребовал, чтобы все тотчас же пустились в путь.

Миссис Уэлдон успокоила этого большого ребенка. Она уверила его, что завтра он будет счастливее в своих поисках. Затем все вошли в грот, чтобы поспать до восхода солнца.

Тут Том заметил, что Негоро еще не вернулся, хотя уже наступила ночь.

— Где он пропадает? — спросила миссис Уэлдон.

— Нам до этого дела нет, — сказал Бат.

— Напротив, — возразила миссис Уэлдон, — я пред-

почла бы, чтобы этот человек все время был у нас на глазах.

— Вы правы, миссис Уэлдон, — сказал Дик Сэнд, — но если он добровольно покинул нас, я не представляю себе, как можно заставить его вернуться. Кто знает, нет ли у Негоро причин навсегда скрыться от нас.

И, отведя миссис Уэлдон в сторону, Дик поделился с ней своими подозрениями. Миссис Уэлдон нисколько не была удивлена рассказом Дика Она также подозревала бывшего судового кока и не сходилась с Диком лишь в одном: как держать себя с Негоро.

— Если Негоро вернется, — заметила она, — это значит, что он припрятал украденные деньги в надежном месте. Так как мы не можем поймать его с поличным, по-моему, лучше всего сделать вид, что мы не заметили покражи, и умолчать о наших подозрениях.

Миссис Уэлдон была права, и Дик согласился с ее мнением.

Между тем Геркулес несколько раз окликнул Негоро. Тот не отвечал: либо он зашел слишком далеко и не мог расслышать призывов, либо не хотел вернуться.

Негры нисколько не сожалели о том, что избавились от португальца. Но, как правильно сказала миссис Уэлдон, Негоро был, пожалуй, менее опасен вблизи, чем вдали.

Как, однако, объяснить, что судовой кок осмелился в одиночку пуститься в путешествие по этой незнакомой местности?

Не заблудился ли он? Может быть, он искал и не нашел в кромешной тьме дорогу в грот?

Миссис Уэлдон и Дик Сэнд не знали, что и подумать. Но, как бы то ни было, обитатели грота не имели права лишать себя столь необходимого отдыха из-за Негоро.

Вдруг Динго, бегавший по песчаному берегу, залился отчаянным лаем.

— Почему лает Динго? — спросила миссис Уэлдон.

— Сейчас узнаю, — ответил Дик Сэнд. — Может быть, Негоро возвращается?

Тотчас же Дик, Геркулес, Остин и Бат вышли из грота и направились к речке. Но они никого не увидели на берегу. Динго больше не лаял.

Дик Сэнд и его спутники вернулись в грот и постарались как можно лучше устроиться там на ночлег. Негры распределили между собой дежурство, и все путники легли спать.

Не могла заснуть лишь одна миссис Уэлдон. Ей почему-то казалось, что этот долгожданный берег не оправдал надежд, которые она возлагала на него, — не принес ни безопасности для ее близких, ни покоя для нее самой.

ГЛАВА ПЯТНАДЦАТАЯ

Гэррис

Наутро 7 апреля Остин, который нес караул в предрассветные часы, увидел, как Динго с сердитым лаем бросился к речке. Тотчас же из грота выбежали миссис Уэлдон, Дик Сэнд и негры. Вероятно, что-то произошло.

— Динго учуял человека или какое-то животное, — сказал юноша.

— Во всяком случае, не Негоро, — заметил Том, — на него Динго лает с особенной злостью.

— Но куда же девался Негоро? — спросила миссис Уэлдон, бросив искоса на Дика взгляд, значение которого понял только он один. — И если это не Негоро, то кто бы это мог быть?

— Сейчас узнаем, миссис Уэлдон, — ответил Дик. И, обращаясь к Бату, Остину и Геркулесу, он добавил: — Возьмите ружья и ножи, друзья мои, и идите за мной.

По примеру Дика Сэнда каждый негр заткнул за пояс нож и взял ружье. Затем все четверо зарядили ружья и быстро двинулись к берегу речки.

Миссис Уэлдон, Том и Актеон остались у входа в грот, где под присмотром старой Нан спал маленький Джек.

Солнце только что взошло. Скалы, поднимавшиеся на востоке, еще скрывали его, и песчаное прибрежье было в тени. Но на западе до самого горизонта море уже сверкало под первыми солнечными лучами.

Дик Сэнд и его спутники быстро шли по берегу к устью речки.

Там они увидели Динго. Собака неподвижно стояла на месте, словно делала стойку, и лаяла не переставая. Ясно было, что она увидела или учуяла кого-то постороннего.

Старый Том был прав: Динго лаял не на Негоро, своего давнишнего врага. Какой-то человек спустился по откосу крутого берега. Очутившись на пляже, он медленно зашагал вперед, стараясь голосом и жестами успокоить Динго. Видно было, что он побаивается сердитого пса.

— Это не Негоро! — сказал Геркулес.

— Мы ничего не потеряем от такой замены, — заметил Бат.

— Вероятно, это туземец, — сказал юноша. — Его приход избавит нас от неприятной необходимости разлучаться друг с другом. Наконец-то мы узнаем, где мы находимся!

И все четверо, закинув ружья за спину, быстро зашагали навстречу незнакомцу.

Незнакомец, увидев их, явно был весьма удивлен. Он как будто не ожидал встретить людей в этой части побережья. Вероятно, он еще не заметил обломков «Пилигрима», иначе появление на берегу моря жертв крушения показалось бы ему совершенно естественным. Кстати сказать, ночью прибой разломал на части корпус корабля, и теперь в море плавали только обломки его

Заметив, что идущие навстречу люди вооружены, незнакомец остановился и даже сделал шаг назад. Ружье висело у него за спиной; он быстро взял его в руки и вскинул к плечу. Его опасения были понятны.

Но Дик Сэнд сделал приветственный жест. Незнакомец, несомненно, понял, что у пришельцев намерения мирные, и после некоторого колебания подошел к ним.

Дик Сэнд мог теперь рассмотреть его.

Это был рослый мужчина, лет сорока на вид, с седеющими волосами и бородой, с живыми, быстрыми глазами и загорелый почти до черноты. Такой загар

бывает у кочевников, вечно странствующих на вольном воздухе по лесам и равнинам. Незнакомец носил широкополую шляпу, куртку из дубленой кожи, похожую на камзол, и штаны; к высоким — до колен — кожаным сапогам были прикреплены большие шпоры, звеневшие при каждом шаге.

Дик Сэнд с первого взгляда понял, — и так оно и оказалось, — что перед ним не коренной житель пампы. Это был скорее иностранец, сомнительный авантюрист, каких немало в отдаленных и полудиких краях. Судя по его манере держаться, словно на вытяжку, и по рыжеватой бороде, он, вероятно, был по происхождению англосакс. Во всяком случае, он не был ни индейцем, ни испанцем.

Догадка перешла в уверенность, когда в ответ на английское приветствие Дика Сэнда незнакомец ответил на том же языке без какого бы то ни было акцента:

— Добро пожаловать, юный друг!

И, подойдя поближе, он крепко пожал руку Дика Сэнда.

Неграм, спутникам Дика, незнакомец только кивнул головой, не сказав им ни слова.

— Вы англичанин? — спросил он у Дика.

— Американец, — ответил юноша.

— Южанин?

— Нет, северянин.

Этот ответ как будто обрадовал незнакомца. Он еще раз чисто по-американски, размашисто потряс руку Дику Сэнду.

— Могу ли я спросить вас, мой юный друг, каким образом вы очутились на этом берегу?

Но прежде чем Дик Сэнд успел ответить на вопрос, незнакомец сорвал с головы шляпу и низко поклонился.

Миссис Уэлдон, неслышно ступая по песку, подошла и остановилась перед ним.

Она сама ответила на вопрос незнакомца.

— Сударь, — сказала она, — мы потерпели крушение. Наш корабль вчера разбился о прибрежные рифы!

На лице незнакомца отразилось чувство жалости. Повернувшись лицом к океану, он искал взглядом следы крушения.

— От нашего корабля ничего не осталось, — сказал Дик. — Прибой разбил его в щепы этой ночью.

— И прежде всего мы хотим знать, — добавила миссис Уэлдон, — где мы находимся.

— На южноамериканском побережье, — ответил незнакомец. Казалось, вопрос миссис Уэлдон очень удивил его. — Неужели вы этого не знаете?

— Да, сударь, — ответил Дик Сэнд. — Мы сомневались в этом, потому что в бурю корабль мог отклониться в сторону от курса, а я не имел возможности определить его место. Но я прошу вас точнее указать, где мы. На побережье Перу, не правда ли?

— Нет, нет, юный друг мой! Немного южнее. Вы потерпели крушение у берегов Боливии [1].

— Ах! — воскликнул Дик Сэнд.

— Точнее — вы находитесь в южной части Боливии, почти на границе Чили.

— Как называется этот мыс? — спросил Дик Сэнд, указывая на север.

— К сожалению, не знаю, — ответил незнакомец. — Я хорошо знаком с центральными областями страны, где мне часто приходилось бывать, но на этот берег я попал впервые.

Дик Сэнд задумался над тем, что услышал от незнакомца. В общем, он был не очень удивлен. Не зная силы течений, он легко мог ошибиться в счислении. Но ошибка эта оказалась не столь значительной. Дик, основываясь на том, что он заметил остров Пасхи, предполагал, что «Пилигрим» потерпел крушение где-то между двадцать седьмой и тридцатой параллелью южной широты. Оказалось — на двадцать пятой параллели. Судно проделало длинный путь, и такая незначительная ошибка в счислении была вполне вероятной.

У Дика не было ни малейших оснований сомневаться в правдивости слов незнакомца. Узнав, что «Пилигрим» потерпел крушение в Нижней Боливии, Дик уже не удивлялся пустынности берега.

— Сударь, — сказал он незнакомцу, — судя по ва-

---

[1] В войне против Чили (1879—1883) Боливия лишилась выхода к Тихому скеану.

шему ответу, я должен предположить, что мы находимся на довольно большом расстоянии от Лимы?

— О, Лима далеко... Лима там! — Незнакомец махнул рукой, указав на север.

Миссис Уэлдон, которую исчезновение Негоро заставило насторожиться, с величайшим вниманием следила за этим человеком. Но ни в его поведении, ни в его ответах она не заметила ничего подозрительного.

— Сударь, — начала она, — извините, если мой вопрос покажется вам нескромным. Ведь вы не уроженец Боливии?

— Я такой же американец, как и вы, миссис...

Незнакомец умолк, ожидая, что ему подскажут имя.

— Миссис Уэлдон, — сказал Дик.

— Моя фамилия Гэррис, — продолжал незнакомец. — Я родился в Южной Каролине. Но вот уже двадцать лет как я покинул свою родину и живу в пампе Боливии. Мне очень приятно встретить соотечественников!

— Вы постоянно живете в этой части Боливии, мистер Гэррис? — спросила миссис Уэлдон.

— Нет, миссис Уэлдон, я живу на юге, на чилийской границе. Но в настоящее время я еду на северо-восток, в Атакаму.

— Значит, мы находимся недалеко от Атакамской пустыни? — спросил Дик Сэнд.

— Совершенно верно, мой юный друг. Эта пустыня начинается за горным хребтом, который виден на горизонте.

— Пустыня Атакама! — повторил Дик Сэнд.

— Да, мой юный друг, — подтвердил Гэррис. — Атакамская пустыня, пожалуй, самая любопытная и наименее исследованная часть Южной Америки. Эта своеобразная местность резко отличается от всей остальной страны.

— Неужели вы рискуете в одиночку путешествовать по пустыне? — спросила миссис Уэлдон.

— О, я уже не раз совершал такие переходы! — ответил Гэррис. — В двухстах милях отсюда расположена крупная ферма — гациенда Сан-Феличе. Она принадлежит моему брату. Я часто бываю у него по своим тор-

говым делам и сейчас направляюсь к нему. Если вы пожелаете отправиться со мной, — могу поручиться, что вас встретит там самый сердечный прием. Оттуда уже легко добраться до города Атакамы: мой брат с величайшей радостью предоставит вам средства передвижения.

Это любезное предложение, сделанное как будто от чистого сердца, говорило в пользу американца. Гэррис, не ожидая ответа, снова обратился к миссис Уэлдон:

— Эти негры — ваши невольники?

Он указал на Тома и его товарищей.

— В Соединенных Штатах нет больше рабов, — живо возразила миссис Уэлдон. — Северные штаты давно уничтожили рабство, и южанам пришлось последовать примеру северян.

— Ах да, верно, — сказал Гэррис. — Я и позабыл, что война тысяча восемьсот шестьдесят второго года разрешила этот важный вопрос. Прошу извинения у этих господ, — добавил Гэррис с оттенком иронии в голосе; так говорили с неграми американцы из южных штатов. — Но, видя, что эти джентльмены служат у вас, я подумал...

— Они не служили и не служат у меня, сударь, — прервала его миссис Уэлдон.

— Мы почли бы за честь служить вам, миссис Уэлдон, — сказал старый Том. — Но — пусть это будет известно мистеру Гэррису — мы никому не принадлежим! Правда, я был рабом. Когда мне было шесть лет, меня захватили в Африке работорговцы и продали в Америку. Но мой сын Бат родился, когда я уже был свободным человеком, да и все мои спутники — дети свободных людей.

— С чем вас и поздравляю, — ответил Гэррис тоном, в котором миссис Уэлдон почудилась насмешка. — Впрочем, на земле Боливии нет рабов. Следовательно, вам нечего бояться, и вы можете путешествовать здесь с такой же безопасностью, как и по штатам Новой Англии [1].

В эту минуту из грота вышел маленький Джек в сопровождении Нан. Мальчик протирал глазки.

[1] Новая Англия — северо-восточная часть США.

Увидев мать, он бегом бросился к ней. Миссис Уэлдон нежно поцеловала сына.

— Какой славный мальчуган! — сказал американец, подходя к Джеку.

— Это мой сын, — ответила миссис Уэлдон.

— О миссис Уэлдон! Вы, верно, страдали вдвойне во время этих тяжких испытаний: за себя и за сына!

— Теперь это все в прошлом, мистер Гэррис. Благодарение богу, Джек цел и невредим, как и все мы.

— Разрешите поцеловать это прелестное дитя? — спросил Гэррис.

— Охотно, сударь.

Но, очевидно, мистер Гэррис не понравился маленькому Джеку: он только теснее прижался к матери.

— Вот как! — сказал Гэррис. — Ты не хочешь поцеловать меня, крошка? Значит, я кажусь тебе страшным?

— Извините его, сударь, — поспешила сказать миссис Уэлдон. — Джек очень застенчивый ребенок.

— Ну, хорошо, позже мы с тобой познакомимся поближе, — ответил Гэррис. — Когда мы придем в гациенду, там для тебя найдется славный пони, который поможет нам подружиться.

Но и упоминание о «славном пони» не смягчило маленького Джека.

Миссис Уэлдон поспешила переменить тему разговора: она боялась, что неприветливость Джека заденет человека, который так любезно предложил ей свои услуги.

Дик Сэнд раздумывал о приглашении Гэрриса идти с ним на гациенду Сан-Феличе. Оно пришлось очень кстати, но переход в двести миль то по лесам, то по голой равнине должен был очень утомить миссис Уэлдон и Джека: ведь никаких средств передвижения не было.

Дик поделился своими сомнениями с Гэррисом и с интересом ждал его ответа.

— Действительно, это длинный переход, — сказал Гэррис. — Но в лесу, в сотне шагов от берега, меня ждет лошадь. Я охотно предоставлю ее в распоряжение миссис Уэлдон и ее сына. Мужчины пойдут пешком, но смею вас уверить, что и пеший переход не представит

никаких трудностей и не будет слишком утомителен. Кстати, когда я говорил о двухстах милях, я имел в виду путь вдоль извилистого берега: этим путем я только что прошел сам. Но если мы пойдем напрямик, через лес, дорога сократится по меньшей мере на восемьдесят миль. Делая в день до десяти миль, мы незаметно доберемся до гациенды.

Миссис Уэлдон поблагодарила американца.

— Если действительно хотите доказать свою благодарность, примите приглашение, которое я вам сделал, — ответил Гэррис. — Мне, правда, еще ни разу не приходилось бывать в этом лесу, но я не сомневаюсь, что без труда найду дорогу: я ведь привык странствовать по лесам. Вот с продовольствием дело обстоит хуже. Я захватил с собой в дорогу ровно столько провизии, сколько нужно мне одному, чтобы добраться до Сан-Феличе.

— Мистер Гэррис, — сказала миссис Уэлдон, — у нас, к счастью, провизии больше чем достаточно, и мы охотно поделимся с вами.

— Вот и отлично, миссис Уэлдон! — воскликнул Гэррис. — Все устраивается как нельзя лучше, и, мне кажется, нам остается только двинуться в путь.

Гэррис пошел было к лесу, чтобы привести оставленную там лошадь, но Дик Сэнд остановил его новым вопросом.

Юноше не улыбалась перспектива отойти от берега моря и углубиться в девственный лес, тянущийся на сотни миль. Дик Сэнд был истым моряком, и ему не хотелось покидать побережья.

— Мистер Гэррис, — сказал он, — меня смущает этот переход в сто двадцать миль по Атакамской пустыне. Не лучше ли нам идти вдоль берега? На север или на юг — мне все равно, лишь бы добраться до ближайшего приморского города.

Гэррис слегка нахмурил брови.

— Юный друг мой, — сказал он, — как ни плохо я знаю это побережье, мне известно, что ближайший приморский город отстоит от нас в трехстах или четырехстах милях...

— К северу — это верно, — прервал его Дик, — но к югу?..

— А к югу, — возразил американец, — нужно будет спуститься до самого Чили. Следовательно, переход будет не короче. Кроме того, на вашем месте я постарался бы не приближаться к пампе Аргентинской республики. Сам я, к великому сожалению, не могу сопровождать вас туда...

— Разве корабли, следующие из Чили в Перу, не проходят в виду этого берега? — спросила миссис Уэлдон.

— Нет, — ответил Гэррис. — Курс их проложен в открытом море. Вероятно, вы не встретили ни одного судна?

— Вы правы, — сказала миссис Уэлдон. — Итак, Дик, есть ли у тебя еще какие-нибудь вопросы к мистеру Гэррису?

— Только один, миссис Уэлдон, — ответил юноша, которому очень не хотелось соглашаться. — Я хотел бы узнать у мистера Гэрриса, в каком порту мы найдем судно, которое доставит нас в Сан-Франциско.

— Право, мой юный друг, я затрудняюсь ответить на этот вопрос, — сказал американец. — Я знаю только, что из гациенды Сан-Феличе мы найдем способ доставить вас в город Атакаму, а оттуда...

— Мистер Гэррис, — прервала его миссис Уэлдон, — не думайте, пожалуйста, что Дику не по душе ваше приглашение!

— Нет, миссис Уэлдон, нет! — воскликнул юноша. — Я с благодарностью готов принять предложение мистера Гэрриса. Единственно, о чем я сожалею, это о том, что «Пилигрим» не потерпел крушения несколькими градусами севернее или южнее. Тогда бы мы были вблизи порта, нам легче было бы вернуться на родину и не пришлось бы злоупотреблять любезностью мистера Гэрриса.

— Помилуйте, я очень рад, — сказал Гэррис. — Ведь я вам уже говорил, что здесь редко удается встретить соотечественников. Для меня истинное удовольствие оказать вам эту услугу.

— Мы принимаем ваше предложение, мистер Гэррис, — ответила миссис Уэлдон. — Но все же я не хочу лишать вас лошади. Я хороший ходок...

— А я еще лучший, — с поклоном сказал Гэррис. — Я привык странствовать по пампе, и если наш отряд задержится в пути, то, смею думать, это произойдет не по моей вине. Нет, миссис Уэлдон, на лошади поедете вы и ваш маленький Джек. Впрочем, нет ничего невозможного в том, что дорогой мы встретим кого-либо из служащих гациенды. И если они будут ехать верхом, то охотно уступят нам своих лошадей.

Дик Сэнд видел, что, выдвигая новые возражения против предложения Гэрриса, он только огорчит миссис Уэлдон.

— Мистер Гэррис, — сказал он, — когда мы выступаем?

— Сегодня же, мой юный друг! — ответил Гэррис. — Дождливый период начинается здесь в апреле, и надо постараться до его наступления прибыть в гациенду Сан-Феличе. Дорога через лес — кратчайшая и, пожалуй, самая безопасная. Кочевники-индейцы редко забираются в лес: они предпочитают грабить на побережье.

— Том и вы, друзья мои, — сказал Дик, обращаясь к неграм, — нам остается сейчас же заняться приготовлением к походу. Отберем из запаса провизии то, что всего легче нести, и все упакуем в тюки; поклажу мы распределим между собой.

— Мистер Дик, — сказал Геркулес, — если хотите, я один понесу весь груз.

— Нет, мой славный Геркулес, — ответил юноша, — лучше поделить ношу между всеми.

— Вы, видно, силач, Геркулес, — сказал мистер Гэррис, оглядывая с головы до ног негра, словно тот был выставлен для продажи. — На африканских невольничьих рынках за вас дали бы немало.

— Не больше, чем я стою, — смеясь, ответил Геркулес. — Только покупателям пришлось бы здорово побегать, чтобы поймать меня.

Условившись обо всем, принялись за дело, чтобы ускорить выступление в поход. Сборы были непродол-

жительны, ведь путь от побережья до гациенды Сан-Феличе должен был отнять не больше десяти дней.

— Мистер Гэррис, прежде чем мы воспользуемся вашим гостеприимством, мы хотели бы видеть вас у себя в гостях, — сказала миссис Уэлдон. — Надеюсь, вы не откажетесь позавтракать с нами?

— С удовольствием, миссис Уэлдон, с удовольствием, — весело ответил Гэррис.

— Через несколько минут завтрак будет готов.

— Отлично, миссис Уэлдон. Я использую это время, чтобы сходить за лошадью. Она-то уже позавтракала.

— Разрешите сопровождать вас? — спросил Дик Сэнд американца.

— Если хотите, мой юный друг, — ответил Гэррис, — пойдемте, я покажу вам нижнее течение этой реки.

И они ушли вдвоем.

Тем временем миссис Уэлдон послала Геркулеса на поиски энтомолога. Кузену Бенедикту было мало дела до того, что творилось вокруг. Он бродил по опушке леса в поисках редкостных насекомых, но ничего не нашел.

Геркулесу пришлось чуть не насильно привести его. Миссис Уэлдон сообщила кузену Бенедикту, что решено отправиться пешком через лес вглубь страны и что поход будет продолжаться дней десять.

Кузен Бенедикт ответил, что он готов отправиться в любую минуту. Он согласен пройти пешком через всю Америку из конца в конец, если только ему разрешат дорогой коллекционировать насекомых.

Затем миссис Уэлдон с помощью Нан приготовила вкусный и плотный завтрак. Он был отнюдь не лишним перед дальней дорогой.

Тем временем Гэррис и Дик прошли берегом к устью реки и поднялись на несколько сот шагов вверх по ее течению. Там они увидели привязанную к дереву лошадь, которая веселым ржанием приветствовала своего хозяина.

Это была прекрасная лошадь неизвестной Дику Сэнду породы. Но для опытного человека достаточно

было кинуть взгляд на тонкую шею, маленькую голову, длинный круп, покатые плечи, почти горбоносую морду, чтобы узнать отличительные признаки арабской породы.

— Вы видите, мой юный друг, — сказал Гэррис, — какое это сильное животное. Вполне можно рассчитывать, что оно не подведет в дороге.

Гэррис отвязал лошадь, взял ее под уздцы и, шагая впереди Дика, пошел к гроту. Юноша следовал за ним, пристально всматриваясь, оглядывая лес и оба берега реки. Но он не заметил ничего подозрительного.

Уже подходя к гроту, он задал американцу вопрос, которого тот никак не мог ожидать.

— Мистер Гэррис, — спросил он, — не встретили ли вы этой ночью португальца по имени Негоро?

— Негоро? — переспросил Гэррис тоном человека, не понимающего, чего от него хотят. — Кто такой этот Негоро?

— Судовой кок «Пилигрима», — ответил Дик Сэнд. — Он куда-то исчез.

— Утонул? — спросил Гэррис.

— Нет, нет, — ответил юноша. — Вчера вечером он еще был с нами, а ночью ушел. Вероятно, он поднялся вверх по течению реки. Я потому и спрашиваю вас, что вы пришли с той стороны. Вы не встретили его?

— Я не встретил никого, — сказал американец. — Если ваш кок один забрался в лесную чащу, он рискует заблудиться... Впрочем, быть может, мы нагоним его дорогой.

— Да, может быть... — пробормотал юноша.

Когда Дик Сэнд и Гэррис подошли к гроту, завтрак был уже готов. Как и вчерашний ужин, он состоял из всяких консервов и сухарей. Гэррис накинулся на еду с волчьим аппетитом.

— Я вижу, — сказал он, — что мы не умрем с голоду дорогой. Но что будет с этим несчастным португальцем, о котором мне рассказал наш юный друг?

— А! — прервала его миссис Уэлдон. — Дик Сэнд уже сказал вам, что Негоро исчез?

— Да, миссис Уэлдон, — ответил юноша. — Я хотел узнать, не встретил ли Негоро мистер Гэррис.

— Нет, не встретил, — сказал американец. — Не стоит думать об этом дезертире, лучше займемся нашими делами. Мы можем выступить в поход, миссис Уэлдон, когда вы пожелаете.

Каждый взял предназначенный ему тюк. Миссис Уэлдон при помощи Геркулеса уселась в седло. Маленький Джек, с игрушечным ружьем за плечами, сел впереди нее, даже не думая поблагодарить человека, который предоставил в его распоряжение такого великолепного коня.

Джек немедленно заявил матери, что он сам будет править лошадью «чужого господина».

Ему дали держать повод, и Джек сразу почувствовал себя признанным начальником отряда.

ГЛАВА ШЕСТНАДЦАТАЯ

В пути

Пройдя шагов триста по берегу реки, маленький отряд вступил под покров девственного леса, по извилистым тропинкам которого ему предстояло странствовать в течение десяти дней. Дик Сэнд не без страха посматривал на лесную чащу, хотя, собственно говоря, у него не было никаких оснований тревожиться.

Напротив, миссис Уэлдон — женщина и мать, которую неизвестные опасности должны были пугать вдвойне, — была совершенно спокойна. Она знала, что ни люди, ни звери, встречающиеся в области пампы, не опасны, — в этом заключалась первая причина ее спокойствия. Во-вторых, она верила, что с таким надежным проводником, каким ей казался Гэррис, нет риска заблудиться в лесу.

Впереди маленького отряда шли Дик Сэнд и Гэррис — один с длинноствольным ружьем, другой с карабином. За ним следовали Бат и Остин, также вооруженные карабинами и ножами.

Позади них ехали на лошади миссис Уэлдон и Джек. За ними шли Том и старая Нан.

Арьергард составляли Актеон, вооруженный четвертым карабином, и Геркулес с топором за поясом.

Этот строй должен был по возможности соблюдаться в продолжение всего перехода.

Динго кружил возле отряда, то отставая, то забегая вперед. Дик Сэнд обратил внимание на то, что собака как будто бы все время ищет след. Динго вел себя очень странно с тех пор, как он попал на сушу после крушения «Пилигрима». Собака все время была в состоянии сильного возбуждения. Часто она глухо рычала, но и в этом рычании скорее слышалась жалоба, чем угроза. Странное поведение собаки заметили все путники, но никто не мог его объяснить.

Кузена Бенедикта, так же как и Динго, невозможно было заставить шагать в строю. Для этого его нужно было бы держать на привязи. С жестяной коробкой на боку, с сеткой в руке, с большой лупой, висевшей на груди, он рыскал по чаще, забирался в высокую траву в поисках прямокрылых, сетчатокрылых и прочих «крылых», рискуя, что его укусит какая-нибудь ядовитая змея.

В начале похода встревоженная миссис Уэлдон то и дело звала его. Но с энтомологом невозможно было сладить.

— Кузен Бенедикт, — сказала она ему наконец, — не искушайте моего терпения. В последний раз предлагаю вам никуда не отходить от нас!

— Позвольте, кузина, — возразил несговорчивый энтомолог, — а если я увижу насекомое ..

— Если вы увидите насекомое, — сразу прервала ученого миссис Уэлдон, — вы оставите его в покое, иначе мне придется отобрать у вас ящик с коллекцией.

— Как, отобрать у меня коллекцию?! — воскликнул кузен Бенедикт таким тоном, словно миссис Уэлдон угрожала вырвать ему сердце.

— Да! И, кроме ящика, сетку! — ответила неумолимая миссис Уэлдон.

— И сетку, кузина?! Может быть, и очки? Нет! Вы не посмеете! Вы не посмеете!

— Да. И очки! Благодарю вас, кузен Бенедикт. Вы мне напомнили, что я могу сделать вас слепым и хоть таким способом заставить вас вести себя разумно!

Эта тройная угроза усмирила непоседу кузена почти на целый час. А потом он снова стал отходить в сторону. Так как ясно было, что он все равно будет охотиться за насекомыми, даже оставшись без очков, сетки и ящика, пришлось махнуть на него рукой и предоставить ему свободу действий. Геркулес обязался следить за кузеном Бенедиктом. Миссис Уэлдон уполномочила негра-великана поступать с кузеном Бенедиктом так же, как сам энтомолог поступал с редкими насекомыми. Иными словами, если бы понадобилось, Геркулес должен был поймать его и водворить на место так же деликатно, как сам кузен Бенедикт сделал бы это с редкостным чешуекрылым.

После такого распоряжения кузеном Бенедиктом перестали заниматься.

Маленький отряд, как видно из сказанного, был хорошо вооружен и готов ко всяким неожиданностям, хотя Гэррис и утверждал, что в этом лесу не приходится опасаться неприятных встреч, разве только с кочевниками-индейцами. Во всяком случае, принятых мер предосторожности было достаточно, чтобы держать всех встречных на почтительном расстоянии.

Тропинки, проложенные в густом лесу, походили скорее на звериные тропы, и продвигаться по ним было нелегко. Гэррис не ошибся, говоря, что при двенадцати часах ходьбы отряд будет делать в день в среднем от пяти до шести миль.

Погода стояла прекрасная. Солнце поднялось по безоблачному небу к зениту. Лучи его падали на землю почти отвесно. На открытой равнине жара была бы нестерпимая, но под непроницаемым зеленым сводом ее нетрудно было переносить. Гэррис не преминул обратить на это внимание своих спутников.

Большинство древесных пород в лесу было незнакомо миссис Уэлдон и ее спутникам, как белым, так и черным. Однако сведущий человек заметил бы, что при всех своих ценных качествах они не отличаются большой высотой.

Здесь росла баугиния, или «железное дерево», моломпи, сходная с индийским деревом птерокарпом, легкая и прочная древесина которого идет на выделку

весел; из его ствола обильно сочилась камедь. Кое-где виднелись сумахи, иначе называемые «красильными желтниками», они содержат большое количество красящих веществ. Были тут и бакауты с толстыми стволами, футов по двенадцати в диаметре, но менее ценные, чем обыкновенные гваяковые деревья.

Дик Сэнд спрашивал у Гэрриса названия деревьев.

— Разве вам никогда не приходилось бывать в Южной Америке? — спросил тот, прежде чем ответить на вопрос юноши.

— Никогда, — сказал Дик Сэнд. — Я уже немало поездил по свету, но ни разу не бывал в этих местах. По правде говоря, я даже не сталкивался с людьми, которые хорошо знали бы побережье Южной Америки.

— А в Колумбии, Чили или Патагонии вы не бывали? — спросил Гэррис.

— Нет, никогда...

— И миссис Уэлдон тоже никогда не посещала этой части материка? — продолжал Гэррис. — Ведь американки такие неутомимые путешественницы...

— Нет, мистер Гэррис, — ответила молодая женщина. — Мой муж ездит по делам только в Новую Зеландию, поэтому и мне не довелось побывать в других местах. Никто из нас не знает Нижней Боливии.

— Что ж, миссис Уэлдон, вам и вашим спутникам предстоит познакомиться с удивительной местностью, природа которой резко отличается от природы Перу, Бразилии и Аргентины. Флора и фауна Боливии поразят любого естествоиспытателя. Вы можете только радоваться, что потерпели крушение в таких интересных местах. Вот уж действительно можно сказать: «Не было бы счастья, да несчастье помогло...»

— Я хочу верить, что привел нас сюда не случай, мистер Гэррис, а бог...

— Бог? Да, да, конечно бог, — ответил Гэррис тоном человека, который не допускает вмешательства провидения в дела земные.

И так как никто из путешественников не знал этой страны, Гэррис любезно указывал им на различные образцы местной флоры и сообщал названия самых ори-

гинальных деревьев в лесу. Кузен Бенедикт мог пожалеть, что интересуется только одной энтомологией. О, если бы он был еще и ботаник! Какое множество открытий и находок сделал бы он в этом лесу! Сколько здесь было растений, о существовании которых в тропических лесах Нового Света наука и не подозревала! Кузен Бенедикт мог бы навеки прославить свое имя. Но, к несчастью, он не любил ботаники и ничего в ней не понимал. Скажем больше: он даже испытывал отвращение к цветам, — ведь некоторые разновидности цветов, говорил он, осмеливаются ловить насекомых и, замкнув их в свои венчики, отравляют своими ядовитыми соками.

Все чаще в лесу стали встречаться заболоченные места. Под ногами хлюпала вода. Сливаясь вместе, ее струйки питали притоки уже знакомой путешественникам речки. Некоторые притоки были так широки и полноводны, что приходилось искать брод, чтобы переправиться на другой берег.

Низкие и топкие берега речек густо заросли тростником. Гэррис сказал, что это папирус, и не ошибся в названии.

Миновав болота, путешественники снова вступили под сень высоких деревьев. Узенькие тропинки зазмеились в лесу.

Гэррис показал миссис Уэлдон и Дику на прекрасное эбеновое дерево, черная древесина которого красивее и тверже обычных сортов. Хотя отряд удалился уже на довольно большое расстояние от берега моря, в лесу росло много манговых деревьев. От корня и до ветвей их стволы были как мехом окутаны лишайниками. Манговые деревья дают густую тень, они приносят изумительно вкусные плоды, и все же, рассказывал Гэррис, ни один туземец не осмеливается разводить их: «Кто посадит манговое дерево, тот умрет», — гласило местное поверье.

Во второй половине дня, после недолгого отдыха, маленький отряд начал взбираться на пологие холмы, которые служили как бы предгорьями высокого хребта, тянувшегося параллельно берегу, и соединяли с ним равнину.

Здесь лес поредел, деревья уже не теснились сплошными рядами. Однако дорога не улучшилась: земля сплошь была покрыта буйными высокими травами. Казалось, отряд перенесся в джунгли Восточной Индии. Растительность была не такой обильной, как в низовьях впадающей в океан речки, но все же более густой, чем в странах умеренного пояса Старого и Нового Света. Повсюду виднелись индигоноски[1]. Это стручковое растение обладает необычайной жизнеспособностью. По словам Гэрриса, стоило земледельцу забросить поле, как тотчас же его захватывали индигоноски, к которым здесь относились с таким пренебрежением, как в Европе относятся к крапиве и чертополоху.

Но зато в лесу совершенно отсутствовали каучуковые деревья. А между тем «Ficus prinoïdes», «Castillia elastica», «Cecropia peltata», «Collophora utilis», «Cameraria latifolia» и в особенности «Syphonia elastica», принадлежащие к различным семействам, в изобилии встречаются в южноамериканских лесах. К удивлению путешественников, они не находили ни одного каучуконоса.

А Дик Сэнд давно уже обещал показать своему другу Джеку каучуковое дерево. Мальчик, конечно, был очень разочарован: он воображал, что мячи, резиновые куклы, пищащие паяцы и резиновые шары растут прямо на ветвях этих деревьев.

Джек пожаловался матери.

— Терпение, дружок, — ответил Гэррис. — Мы увидим сотни каучуковых деревьев вокруг гациенды.

— Они настоящие резиновые? — спросил маленький Джек.

— Самые настоящие. А пока что не хочешь ли попробовать вот эти плоды? Очень вкусные и утоляют жажду.

И с этими словами Гэррис сорвал с дерева несколько плодов, на вид таких же сочных, как персики.

— А вы уверены, что эти плоды не принесут вреда? — спросила миссис Уэлдон.

---

[1] Индигоноска — растение, содержащее индиго — красящее вещество, из которого приготовлялась синяя краска.

— Могу поручиться, миссис Уэлдон, — ответил Гэррис, — в доказательство я попробую их сам. Это плод мангового дерева.

И Гэррис вонзил в сочный плод свои крепкие белые зубы. Маленький Джек не заставил себя долго просить и последовал его примеру. Он заявил, что «груши очень вкусные», и дерево тотчас стали обирать. У этой разновидности манговых деревьев плоды поспевают в марте и в апреле, тогда как у других — только в сентябре, и потому пришлись они очень кстати.

— Очень вкусно, очень вкусно, — с полным ртом говорил мальчик. — Но мой друг Дик обещал показать мне резиновое дерево, если я буду хорошо вести себя. Я хочу резиновое дерево!

— Потерпи немножко, сынок! — успокаивала мальчика миссис Уэлдон. — Ведь мистер Гэррис обещал тебе.

— Это не все, — не уступал Джек. — Дик обещал мне еще...

— Что же еще обещал тебе Дик? — улыбаясь, спросил мистер Гэррис.

— Птичку-муху!

— Увидишь и птичку-муху, мой мальчик! Только подальше... подальше отсюда! — ответил Гэррис.

Джек вправе был требовать, чтобы ему показали очаровательных колибри: ведь он попал в страну, где они водятся во множестве. Индейцы, которые умеют артистически плести перья колибри, наделили этих прелестных представителей пернатых поэтическими именами. Они называют колибри «солнечным лучом» или «солнечными кудрями». Для них колибри — «царица цветов», «небесный цветок, прилетевший с лаской к цветку земному», «букет из самоцветов, сверкающий при свете дня», и т. д. Говорят, что у индейцев есть поэтические названия для каждого из ста пятидесяти видов, составляющих чудесное семейство колибри.

Однако, хотя все путешественники согласно утверждают, что в боливийских лесах водится множество колибри, маленькому Джеку пришлось довольствоваться лишь обещаниями Гэрриса. По словам американца, отряд двигался еще слишком близко от берега океана, а

колибри не любят пустынных мест на океанском побережье. Гэррис рассказывал Джеку, что эти птички не боятся людей; на гациенде Сан-Феличе только и слышен их крик «тэр-тэр» и хлопанье крылышек, похожее на жужжание прялки.

— Ах, как бы я хотел уже быть там! — восклицал маленький Джек.

Для того чтобы скорее добраться до гациенды Сан-Феличе, надо было поменьше останавливаться в пути. Поэтому миссис Уэлдон и ее спутники решили сократить время остановок.

Облик леса уже изменялся. Все чаще встречались широкие полянки. Сквозь зеленый ковер трав проглядывал розоватый гранит и голубоватый камень, похожий на ляпис-лазурь. Иные холмы покрывала сассапарель — растение с мясистыми клубнями. Непроходимые заросли ее временами заставляли путешественников с сожалением вспоминать об узких тропинках в лесной чаще, где все же легче было пробираться.

До захода солнца маленький отряд прошел приблизительно восемь миль. Этот переход закончился без всяких приключений и никого не утомил. Правда, то был лишь первый день пути, — следовало ожидать, что следующие этапы окажутся более трудными.

С общего согласия решено было остановиться на отдых. Разбивать лагерь по всем правилам не стоило на одну ночь, и путешественники расположились прямо на земле. Так как не приходилось опасаться нападения со стороны туземцев или диких зверей, то для охраны достаточно было выставить одного караульного, сменяя его каждые два часа.

Привал устроили под огромным манговым деревом; его раскидистые ветви, покрытые густой листвой, образовали как бы естественную беседку. В случае необходимости можно было бы укрыться в его листве.

Но как только прибыл маленький отряд, на верхушке дерева поднялся оглушительный концерт.

Манговое дерево служило насестом для целой стаи серых попугаев, болтливых, задорных и яростных пернатых, которые обычно нападают на других птиц. Было

бы весьма ошибочно судить о них по их сородичам, которых в Европе содержат в клетках.

Попугаи подняли такой шум, что Дик Сэнд намеревался ружейным выстрелом заставить их замолчать или разлететься. Но Гэррис отговорил его от этого под тем предлогом, что в этих безлюдных местах лучше не выдавать своего присутствия звуком огнестрельного оружия.

— Пройдем без шума, и не будет никакой опасности, — сказал он.

Ужин был вскоре готов, не пришлось даже приготовлять продукты на огне: он состоял из консервов и сухарей. Ручеек, протекавший под травой, снабдил путников водой; ее пили, прибавляя в нее по нескольку капель рома. Десерт в виде сочных плодов висел на ветках мангового дерева и был сорван, несмотря на пронзительные крики попугаев.

К концу ужина стало темнеть. Тени медленно поднимались от земли к верхушкам деревьев. Тонкая резьба листвы вскоре выделилась на более светлом фоне неба. Первые звезды казались яркими цветами, вспыхнувшими на концах верхних веток. Ветер с наступлением ночи стал утихать и не шелестел уже в ветвях. Умолкли даже попугаи. Природа отходила ко сну и призывала к тому же все живые существа.

Приготовления к ночлегу были очень несложными.

— Не развести ли нам на ночь костер? — спросил Дик Сэнд у американца.

— Не стоит, — ответил Гэррис — Ночи, к счастью, стоят теперь теплые, а крона этого гигантского дерева задерживает испарения. Таким образом, нам не грозит ни холод, ни сырость. Я повторяю, мой друг, то, что уже говорил: постараемся проскользнуть незамеченными. Не надо ни стрелять, ни разводить костров

— Я знаю, — вмешалась в разговор миссис Уэлдон, — что нам нечего опасаться индейцев, даже тех кочевых лесных жителей, о которых вы нам говорили, мистер Гэррис .. Но ведь есть и другие обитатели лесов — четвероногие... Не лучше ли отогнать их ярким костром?

— Миссис Уэлдон, местные четвероногие не заслуживают такой чести. Скорее они боятся встречи с человеком, нежели человек — встречи с ними.

— Мы ведь в лесу, — сказал маленький Джек, — а в лесах всегда водятся звери.

— Есть разные леса, дружок, так же как и звери бывают разные, — смеясь, ответил ему Гэррис. — Вообрази, что ты находишься в обширном парке. Ведь недаром индейцы говорят о своей стране: «Es como el Pariso[1]» — Она совсем как рай земной.

— А змей здесь нет? — спросил Джек.

— Нет, мой мальчик, — ответила миссис Уэлдон. — Тут нет никаких змей. Можешь спать спокойно.

— А львы? — спрашивал Джек.

— Никаких львов, мой мальчик, — ответил Гэррис.

— А тигры?

— Спроси у своей мамы, слыхала ли она, что в Южной Америке водятся тигры.

— Никогда, — ответила миссис Уэлдон.

Кузен Бенедикт, присутствовавший при этом разговоре, заметил:

— Это верно, что в Новом Свете нет ни тигров, ни львов. Но зато здесь есть ягуары и кугуары.

— Они злые? — спросил маленький Джек.

— Ба! — сказал Гэррис. — Туземцы сражаются с ними один на один, а нас много, и мы хорошо вооружены. Ваш Геркулес мог бы голыми руками задушить сразу двух ягуаров, по одному каждой рукой.

— Смотри, Геркулес, не спи! — сказал маленький Джек. — И если зверь захочет укусить меня ..

— То я сам его укушу, мистер Джек! — ответил Геркулес, оскалив два ряда великолепных зубов.

— Вы будете караулить, Геркулес, — сказал Дик Сэнд, — пока я не сменю вас, а меня потом сменят другие.

— Нет, капитан Дик, — возразил Актеон, — Геркулес, Бат, Остин и я справимся сами с караулом. Вам надо отдохнуть этой ночью.

— Спасибо, Актеон, — ответил Дик Сэнд, — но я должен...

— Ничего ты не должен, Дик! — заявила миссис Уэлдон. — Поблагодари этих славных людей и прими предложение.

— Я тоже буду караулить, — пробормотал маленький Джек, у которого уже слипались глаза.

— Ну, разумеется, мой мальчик, — сказала мать, не желая противоречить ему, — ты тоже будешь караулить.

— Но если в этом лесу нет ни львов, ни тигров, — продолжал мальчик, — то есть волки?

— Не настоящие... — ответил американец. — Это особая порода лисиц, или, вернее, лесные собаки. Их называют «гуарами».

— А гуары кусаются? — спросил Джек.

— Ваш Динго может проглотить крупного гуара в один прием.

— А все-таки, — отчаянно зевая, сказал Джек, — гуары — это волки, раз их называют волками.

И с этими словами мальчик спокойно уснул на руках у старой Нан, которая сидела, прислонившись к стволу мангового дерева. Миссис Уэлдон поцеловала спящего ребенка, улеглась на земле рядом с ним и скоро тоже сомкнула усталые глаза.

Через несколько минут после этого Геркулес привел на стоянку кузена Бенедикта, который пытался ускользнуть в лес, чтобы заняться ловлей «кокюйо» — светящихся мух, которыми щеголихи туземки украшают свои волосы, как живыми драгоценностями. Эти насекомые, излучающие довольно яркий синеватый свет из двух пятен, расположенных у основания щитка, весьма распространены в Южной Америке. Кузен Бенедикт надеялся наловить много таких светляков, но Геркулес воспротивился его поползновениям и, несмотря на протесты ученого, притащил его к месту привала. Геркулес был человеком дисциплинированным и, получив приказание, выполнял его по-военному. Так великан негр спас немало светящихся мух от заключения в жестяной коробке энтомолога.

Вскоре весь отряд, кроме Геркулеса, стоявшего в карауле, спал глубоким сном.

ГЛАВА СЕМНАДЦАТАЯ

Сто миль за десять дней

Путешественников и охотников, ночующих в тропическом лесу под открытым небом, обычно будит весьма неприятный концерт. В нем слышится и клохтанье, и хрюканье, и карканье, и лай, и визг, и насмешливое бормотанье, дополняющее эти разнообразные звуки.

Так приветствуют пробуждение дня обезьяны В тропическом лесу можно встретить маленьких «марикину», «сагуина» с пестрой мордой, серого «моно», кожей которого индейцы прикрывают казенную часть своих ружей, «сагу», которых можно узнать по двум длинным пучкам шерсти, и много других представителей многочисленного семейства четвероруких.

Пожалуй, самыми любопытными из них являются ревуны, обезьяны с настоящей физиономией Вельзевула и длинным цепким хвостом, помогающим им держаться на деревьях.

Как только восходит солнце, самый старый из стаи затягивает мрачным голосом монотонную песню Это баритон труппы. Молодые тенора подхватывают вслед за ним утреннюю симфонию. Индейцы говорят тогда, что ревуны «читают свои молитвы». Но в тот день обезьяны, повидимому, не желали читать молитвы, так как их не было слышно, а между тем голоса их разносятся далеко, — такой сильный звук получается от быстрого колебания особой костной перепонки, которая образуется у ревунов от утолщения подъязычной кости.

Однако по какой-то неизвестной причине в то утро ни ревуны, ни другие обезьяны, обитавшие в огромном лесу, не дали своего обычного утреннего представления.

Такое поведение обезьян весьма огорчило бы индейцев-кочевников. Не потому, что они любят этот вид хорового пения, но они охотятся на обезьян и делают это потому, что ценят главным образом их мясо, действительно очень вкусное, особенно в копченом виде

Дик Сэнд и его спутники не имели никакого понятия о привычках ревунов, иначе молчание обезьян привлекло бы их внимание. Путешественники проснулись

один за другим. Ночь прошла спокойно, и несколько часов отдыха восстановили их силы.

Маленький Джек раскрыл глазки одним из первых. Увидев Геркулеса, он спросил, не съел ли тот ночью волка. Но оказалось, что ни один волк не появлялся вблизи привала, и Геркулес пожаловался Джеку на терзающий его голод.

Остальные путешественники тоже проголодались, и Нан стала готовить завтрак.

Меню было такое же, как и накануне за ужином. Но свежий утренний воздух возбудил у всех аппетит, и путники не были особенно привередливы. Все понимали, что нужно набраться сил для утомительного дневного перехода, и потому воздали честь завтраку. Даже кузен Бенедикт сообразил, — быть может, впервые в жизни, — что еда не бесполезный и не безразличный для жизни процесс. Однако он заявил во всеуслышание, что «приехал в эту страну отнюдь не для того, чтобы прогуливаться, засунув руки в карманы». И если Геркулес, продолжал он, осмелится и впредь мешать ему охотиться на светящихся мух и других насекомых, то Геркулесу это не пройдет даром!

Угроза, казалось, не произвела на великана большого впечатления. Но миссис Уэлдон отвела Геркулеса в сторону и посоветовала ему разрешить порезвиться этому большому ребенку, не выпуская, однако, его из виду.

— Не надо, — сказала она, — лишать кузена Бенедикта невинных удовольствий, столь естественных в его возрасте.

В семь часов утра маленький отряд тронулся в путь, направляясь на восток. Установленный накануне походный порядок сохранялся и теперь.

Все так же дорога шла через лес. Жаркий климат и обилие влаги способствовали неистощимому плодородию почвы. Казалось, на этом обширном плоскогорье, расположенном на границе с тропиками, растительный мир южных стран представал во всей своей мощи. В летние месяцы солнечные лучи падали тут почти отвесно, в почве накапливались огромные запасы тепла, а подпочва всегда оставалась влажной.

И как великолепны были эти леса, сменявшие один другого, или, вернее, этот бесконечный лес.

Дик Сэнд не мог не заметить странного противоречия: по словам Гэрриса, путники находились в области пампы. Меж тем пампа на языке индейцев «кишна» означает «равнина». И Дик думал, что если память не изменяет ему, пампа — это обширные безводные и безлесные степи, где не встретишь камня, огромные ровные пространства, покрывающиеся в период дождей чертополохом. В жаркое время этот чертополох, разрастаясь, превращается в настоящий кустарник и образует непроходимые заросли. Есть в пампе и карликовые деревья и голые кусты колючек, — и все это придает местности мрачный, унылый вид.

Но то, что Дик Сэнд видел вокруг с тех пор, как маленький отряд под водительством американца двинулся в путь, расставшись с побережьем, нисколько не походило на пампу. Непроходимый лес простирался во все стороны до самого горизонта. Нет, не такой представлял себе юноша пампу. Но, может быть, прав был Гэррис, когда говорил, что Атакамское плоскогорье — очень своеобразная область. Что знал о нем Дик? Только то, что Атакама — одна из обширнейших пустынь Южной Америки, что она тянется от берегов Тихого океана до подножия Андов.

В этот день Дик Сэнд задал американцу несколько вопросов по этому поводу и сказал, что его очень удивляет странный вид пампы. Но Гэррис рассеял сомнения юноши. Он сообщил ему множество сведений об этой части Боливии, обнаружив при этом отличное знание страны.

— Вы правы, мой юный друг, — сказал он Дику Сэнду, — настоящая пампа действительно соответствует тому описанию, какое вы вычитали в своих книгах. Это бесплодная равнина, путешествие по которой сопряжено с большими трудностями. Пампа несколько напоминает наши североамериканские саванны, с той лишь разницей, что саванны чаще бывают заболоченными. Да, именно такой вид имеет пампа Рио-Колорадо, льяносы Ориноко и Венецуэлы. Но здесь мы находимся в местности, вид которой даже меня при-

водит в изумление. Правда, я впервые иду тут кратчайшей дорогой и пересекаю Атакамское плоскогорье, — обычно я избирал кружный путь. Но, хотя мне не приходилось бывать здесь раньше, я слышал, что Атакама совершенно не похожа на пампу. Между Западными Андами и средней, самой высокой частью Андов вы настоящей пампы и не увидите, — чтобы в нее попасть, надо перевалить через хребет: она занимает восточную равнинную часть материка, простирающуюся до самого Атлантического океана.

— Разве нам придется перевалить через Анды? — живо спросил Дик Сэнд.

— Нет, юный друг мой, нет, — улыбаясь, ответил американец. — Ведь я сказал: «нужно перевалить», я не сказал: «мы перевалим через горы». Не беспокойтесь, нам не придется выходить за пределы этого плоскогорья, а на нем самые высокие вершины не превышают полутора тысяч футов. При тех средствах передвижения, какими мы располагаем, было бы чистейшим безумием предпринимать поход через Анды. Я бы ни за что этого не допустил!

— Много проще было бы идти берегом, — сказал Дик Сэнд.

— О да, во сто раз проще, — согласился Гэррис. — Но ведь гациенда Сан-Феличе расположена по эту сторону Андов. Таким образом, в течение всего путешествия нам не представится серьезных препятствий.

— А вы не боитесь заблудиться в лесу? — спросил Дик Сэнд. — Ведь вы впервые путешествуете здесь.

— Нет, мой юный друг, не боюсь, — ответил Гэррис. — Я отлично знаю, что этот лес подобен безбрежному морю или, скорее, морскому дну, где даже моряк не смог бы определить своего положения. Но ведь я привык странствовать по лесам и умею находить в них дорогу. Я руководствуюсь при этом расположением ветвей на некоторых деревьях, направлением, в котором растут их листья, рельефом и составом почвы, а также множеством мелочей, которых вы не замечаете. Будьте покойны, я приведу вас и ваших спутников прямо в нужное нам место.

Обо всем этом Гэррис говорил очень уверенно.

Дик Сэнд и американец шли рядом впереди отряда; дорогой они часто обсуждали подобные вопросы, и никто не вмешивался в их разговор. Если у юноши и оставались кое-какие сомнения, которые американцу не удавалось рассеять, то он предпочитал хранить их пока про себя.

Дни восьмого, девятого, десятого, одиннадцатого и двенадцатого апреля миновали без всяких происшествий. В среднем отряд проходил восемь-девять миль за двенадцать часов. Остальное время уходило на остановки для еды и на ночной отдых. Путники чувствовали некоторую усталость, но, в общем, состояние здоровья у всех было удовлетворительное.

Маленькому Джеку уже наскучило это однообразное странствование по лесу. Кроме того, взрослые не сдержали своих обещаний. Резиновые деревья и птицы-мухи — все это без конца откладывалось. Говорили, что покажут ему самых красивых попугаев на свете, — ведь они должны были водиться в этом лесу. Но где же они? Где зеленые попугаи, родиной которых были эти леса? Где расцвеченные во все цвета радуги араконги с голыми щеками и длинным хвостом, араконги, которые никогда не ступают лапками по земле; где камендеи, обитающие преимущественно в тропиках; где мелкие пестрые попугайчики с пушистым ошейником из перьев, — где все эти болтливые птицы, которые, по мнению индейцев, до сих пор говорят на языке давно вымерших племен?

Из всех попугаев Джеку показали только пепельно-серых жако с красным хвостом. Их было много под деревьями. Но этих жако мальчик видел и раньше. Их доставляют во все части света. На обоих континентах они прожужжали всем уши своей несносной болтовней, и из всего семейства попугаев они легче всех приучаются говорить.

Нужно сказать, что если Джек был недоволен, то у кузена Бенедикта тоже не было оснований радоваться. Правда, ему не мешали теперь рыскать по лесу. Но до сих пор ему все еще не удавалось разыскать ни одного насекомого, достойного занять место в его коллекции. Даже светящиеся жуки, которых тут должно

было быть великое множество, словно составили заговор, — ни один из них не появлялся вблизи отряда. Природа, казалось, издевалась над несчастным энтомологом, и не удивительно, что кузен Бенедикт все время был в отвратительном настроении.

В течение следующих четырех дней отряд продолжал двигаться на северо-восток в тех же условиях. К 16 апреля путники прошли не менее ста миль от берегов океана. Если Гэррис не заблудился, гациенда Сан-Феличе, как он утверждал, была не более как в двадцати милях от того места, где в этот день остановились на ночлег. Следовательно, самое позднее через сорок восемь часов путешественники будут, наконец, под ее гостеприимным кровом и отдохнут, наконец, от своих трудов!

Несмотря на то, что плоскогорье Атакама, в средней его части, было пройдено почти из конца в конец, на протяжении всего этого длинного пути отряду не повстречался ни один туземец.

Дик Сэнд жалел, что «Пилигрим» не потерпел крушения в каком-нибудь другом месте. Случись катастрофа южнее или севернее, миссис Уэлдон и ее спутники давно добрались бы уже до какой-нибудь плантации, поселка или города.

Но если эта область казалась покинутой людьми, то за последние дни маленькому отряду все чаще стали попадаться животные. По вечерам издалека доносился протяжный, жалобный вой каких-то зверей. Гэррис говорил, что это воет ленивец — крупный зверь-тихоход, весьма распространенный в этих лесных краях.

Шестнадцатого апреля в полдень, когда отряд расположился отдыхать, в воздухе прозвучал какой-то резкий свист. Миссис Уэлдон свист этот показался очень странным и встревожил ее.

— Что это такое? — спросила она, быстро поднявшись с земли.

— Змея! — вскричал Дик Сэнд.

И, схватив ружье, юноша заслонил собой миссис Уэлдон. В самом деле, какое-нибудь пресмыкающееся могло заползти в густую траву, окружающую место привала. Это мог быть «сукуру» — разновидность

удава — гигантская змея, достигающая иногда сорока футов в длину.

Но Гэррис успокоил миссис Уэлдон. Он предложил Дику Сэнду и неграм, устремившимся было к юноше на помощь, сесть на свои места.

Американец сказал, что это не удав: удавы не свистят; звук этот издают совсем нестрашные четвероногие, — их очень много в здешних краях!

— Успокойтесь, — добавил он, — и не пугайте безобидных животных.

— Но что это за животные? — спросил Дик Сэнд, не упускавший случая разузнать у американца побольше подробностей об этой стране. Американец же рассказывал охотно, не заставляя себя просить.

— Это антилопы, мой юный друг, — ответил американец.

— О! Антилопы? Я хочу посмотреть на них! — воскликнул Джек.

— Это очень трудно, мой мальчик, — сказал Гэррис, — очень трудно.

— Может быть, все-таки мне удастся приблизиться к этим свистящим антилопам? — спросил Дик Сэнд.

— Вы не успеете сделать и трех шагов, — возразил американец, покачав головой, — как все стадо ударится в бегство. Не советую вам напрасно тратить силы.

Но у Дика Сэнда были основания настаивать на своем. Не выпуская ружья из рук, он скользнул в траву. В ту же секунду несколько грациозных антилоп с маленькими и острыми рожками вихрем пронеслись мимо привала. Их яркорыжая шерсть огненным пятном мелькнула на темном фоне деревьев.

— Вот видите, я предупреждал вас! — сказал Гэррис, когда юноша вернулся на свое место.

Антилопы исчезли с такой быстротой, что Дик Сэнд не успел разглядеть их. В тот же день на глаза отряду попалось еще одно стадо каких-то животных. На этот раз ничто не мешало Дику смотреть на них, — правда, с большого расстояния. Появление их вызвало довольно странный спор между Гэррисом и его спутниками. Около четырех часов пополудни маленький отряд ненадолго остановился на лесной полянке. Вдруг

среди чащи, не больше, чем в ста шагах, показалось стадо каких-то крупных животных. Они сразу же бросились прочь и умчались с молниеносной быстротой.

Несмотря на многократные предупреждения американца, Дик Сэнд вскинул ружье к плечу и выстрелил. Однако в тот момент, когда прозвучал выстрел, Гэррис толкнул ствол, и хотя Дик был метким стрелком, но на этот раз пуля не попала в цель.

— Не надо стрелять! Не надо стрелять! — проворчал Гэррис.

— Это были жирафы! — воскликнул Дик Сэнд, пропуская мимо ушей замечание американца.

— Жирафы! — воскликнул маленький Джек, приподнимаясь на седле. — Покажите мне жирафов!

— Жирафы? — переспросила миссис Уэлдон. — Ты ошибаешься, дорогой Дик. Жирафы не водятся в Америке.

— Ну, конечно, в этой стране не может быть жирафов! — сказал Гэррис с недовольным видом.

— В таком случае, что же это за животное?— спросил Дик Сэнд.

— Не знаю, что и подумать, — ответил Гэррис. — Не обманулись ли вы, мой юный друг? Может быть, это были страусы?

— Страусы? — в один голос повторили миссис Уэлдон и Дик.

Они удивленно переглянулись.

— Да, да, обыкновенные страусы, — настаивал Гэррис.

— Но ведь страусы — птицы, — сказал Дик, — и, следовательно, они двуногие...

— Вот именно, — подхватил Гэррис, — мне как раз и бросилось в глаза — эти животные, которые умчались с такой быстротой, были двуногие.

— Двуногие? — повторил юноша.

— А мне показалось, что это были четвероногие, — сказала миссис Уэлдон.

— И мне тоже, — заметил старый Том.

— И нам и нам! — воскликнули Бат, Актеон и Остин.

— Четвероногие страусы! — расхохотался Гэррис. — Вот забавная игра природы!

— Поэтому-то мы и подумали, что это жирафы, а не страусы, — возразил Дик Сэнд.

— Нет, мой юный друг, нет! — решительно заявил Гэррис. — Вы плохо разглядели их. Это объясняется быстротой, с какой страусы убежали. И опытным охотникам иной раз случается ошибаться в таких случаях.

Объяснения американца были весьма правдоподобны. На далеком расстоянии крупного страуса нетрудно принять за жирафа. У того и другого очень длинная шея и голова запрокинута назад. Страус похож на жирафа, у которого, можно сказать, отрубили задние ноги. При быстром беге, когда они лишь промелькнут перед глазами, их можно перепутать. Главное же доказательство ошибки миссис Уэлдон и ее спутников было то, что жирафы не водятся в Америке.

— Если не ошибаюсь, то ведь и страусы тоже не водятся в Америке, — заметил Дик.

— Ошибаетесь, мой юный друг, — возразил Гэррис, — в Южной Америке водится одна разновидность страуса — нанду. Его-то мы и видели.

Гэррис сказал правду.

Нанду — постоянный житель южноамериканских равнин. Это крупная птица, ростом около двух метров, с прямым клювом; оперение ее пушистое, крылья имеют синеватый оттенок. Ноги у нанду трехпалые, чем она существенно отличается от двухпалых африканских страусов, пальцы снабжены когтями. Мясо молодых нанду очень вкусно.

Гэррис, хорошо знавший повадки этих птиц, поделился с Диком своими сведениями, кстати сказать, вполне точными. Миссис Уэлдон и ее спутникам пришлось признать, что они ошиблись.

— Возможно, что мы встретим еще стадо страусов, — продолжал Гэррис. — Постарайтесь получше рассмотреть их, чтобы впредь не ошибаться и не принимать птиц за четвероногих. А главное, мой юный друг, не забывайте моих советов и не стреляйте без крайней нужды, какое бы животное вы ни встретили. Нам нет нужды охотиться ради пропитания, и потому,

я повторяю, не следует ружейными выстрелами оповещать всех о нашем пребывании в этом лесу.

Дик Сэнд ничего не ответил. Он глубоко задумался: сомнение снова зародилось в его уме ..

На следующий день, 17 апреля, отряд с утра тронулся в путь. Гэррис утверждал, что не позже как через двадцать четыре часа путники будут уже под кровом гациенды Сан-Феличе.

— Там, миссис Уэлдон, — говорил он, — вам окажут сердечный прием, окружат заботами. Несколько дней отдыха восстановят ваши силы. Быть может, вы не найдете там той роскоши, к какой вы привыкли в Сан-Франциско, но все же вы убедитесь, что наши гациенды, даже в глухих уголках страны, не лишены комфорта. Мы вовсе уж не такие дикари.

— Мистер Гэррис, — ответила миссис Уэлдон, — мы бесконечно признательны вам за все, что вы для нас сделали. К сожалению, эта признательность — все, чем мы можем вас отблагодарить, но, верьте, она исходит от чистого сердца! Да, пора было бы уже нам прибыть на место!..

— Вы очень устали, миссис Уэлдон?

— Не обо мне речь! — ответила миссис Уэлдон — Но мой мальчик день ото дня хиреет. Каждый день в определенный час его лихорадит.

— Хотя климат этого плоскогорья считается здоровым, — сказал Гэррис, — но я слышал, что в марте и в апреле люди иногда заболевают здесь перемежающейся лихорадкой.

— К счастью, предусмотрительная природа поместила противоядие рядом с ядом, — заметил Дик Сэнд.

— Что вы хотите этим сказать, мой юный друг? — с недоумением спросил Гэррис.

— Разве здесь не растут хинные деревья? — ответил Дик.

— Ах, да, — сказал Гэррис, — вы совершенно правы. Здесь родина хинных деревьев, кора их обладает драгоценными целебными свойствами, как противолихорадочное средство.

— Меня, по правде сказать, удивляет, что мы до сих пор не встретили ни одного хинного дерева, — добавил Дик Сэнд.

— Дело в том, мой юный друг, — сказал Гэррис, — что хинные деревья не так-то легко распознать. Это высокие деревья с крупными листьями и розовыми пахучими цветами. Но растут они обычно не группами, а поодиночке, затерянные среди других деревьев. Индейцы, занимающиеся сбором хинной коры [1], узнают их только по вечнозеленой листве.

— Если вы заметите такое дерево, укажите мне его, мистер Гэррис, — попросила миссис Уэлдон.

— Разумеется, миссис Уэлдон, но в гациенде Сан-Феличе вы найдете запас сернокислого хинина, — это средство еще лучше прекращает лихорадку, чем простая кора хинного дерева.

Последний день путешествия прошел без всяких приключений. Наступил вечер, и, по обыкновению, отряд остановился на ночлег. Все время погода стояла сухая и ясная; но сейчас, видимо, собирался дождь. Теплые испарения поднялись от земли и окутали лес непроницаемым туманом.

В этом не было ничего неожиданного, так как близилось начало дождливого периода. К счастью для маленького отряда, гациенда, гостеприимно предложенное убежище, была уже совсем недалеко. Оставалось потерпеть только несколько часов.

По приблизительным расчетам Гэрриса, в которых он исходил из количества времени, проведенного в пути, отряд находился не дальше как в шести милях от гациенды. Тем не менее на ночь были приняты все обычные меры предосторожности: Том и его товарищи должны были поочередно нести караул. Дик Сэнд настаивал на этом со всей решительностью. Больше чем когда-либо юноша хотел соблюдать осторожность. Страшное подозрение сверлило его ум, но, пока оно

[1] В прежние времена медицина довольствовалась растертой в порошок корой хинного дерева. Такой порошок назывался «иезуитским», потому что в 1649 году римские иезуиты получили большой транспорт хинной коры от своих американских миссионеров. *(Прим. автора)*

не перешло в уверенность, Дик ни с кем не хотел об этом говорить.

Привал устроили в роще, у подножия гигантского дерева. Устав от долгого перехода, миссис Уэлдон и ее спутники скоро уснули, но вдруг их разбудил громкий крик.

— Кто кричит? — спросил Дик Сэнд, первым вскочивший на ноги.

— Это я... Это я крикнул! — ответил кузен Бенедикт.

— Что с вами?

— Меня кто-то укусил...

— Змея? — с ужасом спросила миссис Уэлдон.

— Нет, нет, не змея, а какое-то насекомое,— ответил кузен Бенедикт. — Подождите, вот оно, я его поймал.

— Так раздавите же его и не мешайте нам спать! — раздраженно сказал Гэррис.

— Раздавить насекомое? — вскричал кузен Бенедикт. — Как бы не так! Нет, я должен его рассмотреть!

— Какой-нибудь москит, — сказал Гэррис, пожимая плечами.

— Нет, — возразил кузен Бенедикт, — это муха... и весьма любопытная муха.

Дик Сэнд зажег свой ручной фонарик и подошел к кузену Бенедикту.

— Бог мой, что я вижу! — вскричал энтомолог. — Наконец-то я вознагражден за все невзгоды и разочарования! Ура! Я сделал великое открытие!

Кузен Бенедикт захлебывался от счастья. Он глядел на пойманную муху взглядом триумфатора. Казалось, он готов был ее расцеловать.

— Но что это такое? — спросила миссис Уэлдон.

— Двукрылое насекомое, кузина, и какое замечательное!..

Кузен Бенедикт показал всем бурую муху, размером меньше пчелы, с длинным хоботком и желтыми полосками на брюшке.

— Она не ядовитая? — спросила миссис Уэлдон.

— Нет, кузина, человеку она не страшна. Но для животных, для антилоп, буйволов, даже для слонов это страшный враг! Ах, какая прелестная, восхитительная мушка!..

— Да скажите же нам, наконец, что это за муха? — воскликнул Дик Сэнд.

— Эта муха, — ответил энтомолог, — эта милая мушка, которую я держу в руке, называется цеце[1]. Этой мухой до сих пор по праву гордился только один континент! Ни один ученый не находил еще цеце в Америке.

Дик Сэнд не решился спросить кузена Бенедикта, в какой же части света до сих пор встречалась эта проклятая муха.

Все путешественники снова погрузились в сон, прерванный этим происшествием, но Дик Сэнд до самого утра не сомкнул глаз, несмотря на сильную усталость.

ГЛАВА ВОСЕМНАДЦАТАЯ

Страшное слово

Пора бы уже прибыть на место! Миссис Уэлдон изнемогала от усталости. Она не могла больше продолжать путешествие. Жалко было смотреть и на ее маленького сына. Личико Джека пылало во время приступов лихорадки и было белее мела, когда приступы кончались. Мать страшно тревожилась и, не доверяя ухода за ним даже старой Нан, не спускала теперь ребенка с рук.

Да, давно пора было прибыть на место! Если верить американцу, то в этот день 18 апреля маленький отряд к вечеру вступит за ограду гациенды Сан-Феличе.

Двенадцать дней странствований по тропическому лесу, двенадцать ночей, проведенных под открытым небом, — этого было достаточно, чтобы подорвать силы даже такой энергичной женщины, как миссис

---

[1] Муха цеце, по современным данным, опасна и для людей: она — переносчик трипанозомы — возбудителя страшной сонной болезни, опасной для людей и смертельной для скота Во многих местах Восточной и Южной Африки муха цеце до сих пор является бичом скотоводства.

Уэлдон. А тут еще болезнь маленького Джека, лишенного необходимого ухода, отсутствие лекарств. Всякая мать на ее месте пришла бы в отчаяние.

Дик Сэнд, Нан, Том и его сотоварищи лучше переносили трудности и усталость. Запасы продовольствия, правда, подходили к концу, но до сих пор отряд не испытывал ни в чем нужды. Поэтому состояние их здоровья было удовлетворительно.

Что касается Гэрриса, то, казалось, этот человек был создан для долгих путешествий по непроходимым дебрям, и усталость не имела над ним власти.

Однако Дик заметил, что по мере приближения к гациенде Гэррис становился озабоченным и не таким разговорчивым, как раньше. Казалось, должно бы быть наоборот. Так по крайней мере думал юноша, — он день ото дня все меньше доверял американцу. Одного не мог понять Дик: с какой целью стал бы их обманывать Гэррис? На этот вопрос юноша не находил ответа. Но он очень бдительно присматривал за своим проводником.

Очевидно, тот чувствовал, что Дик в чем-то подозревает его. Эта подозрительность «юного друга», быть может, была одной из причин угрюмой озабоченности американца.

Отряд двинулся в путь. Лес поредел. Непроходимые чащи сменились небольшими рощами, между которыми лежали широкие поляны. Было ли это преддверием настоящей пампы, о которой говорил Гэррис?

Первые часы похода не дали Дику новых поводов для беспокойства. Но два обстоятельства поразили его. Сами по себе они не имели особого значения, но в тех условиях, в каких находились путешественники, нельзя было пренебрегать даже мелочами.

Дик Сэнд обратил внимание на странное поведение Динго. Все эти дни собака бежала, опустив нос к земле, обнюхивая траву и кусты, как будто шла по следу. Она либо угрюмо молчала, либо оглашала воздух жалобным воем, в котором слышались не то боль, не то сожаление. Но в этот день лай собаки вдруг стал звонким, сердитым, временами даже яростным. Динго

лаял теперь так же, как на палубе «Пилигрима», когда там появлялся Негоро.

Смутное подозрение мелькнуло в уме Дика Сэнда. Оно перешло в уверенность, когда старик Том сказал ему:

— Вот странно, мистер Дик! Динго не обнюхивает больше травы, как все эти дни. Видите, он держит нос по ветру, шерсть на нем взъерошена, он сильно возбужден. Можно подумать, что он учуял...

— Негоро, не правда ли? — подхватил Дик.

Юноша схватил за руку старого негра и сделал ему знак говорить тише.

— Да, Негоро, мистер Дик. Мне кажется, он идет вслед за нами...

— Я и сам так думаю, Том. Вероятно, сейчас он совсем близко от нас.

— Но зачем он это делает? — спросил Том.

— Быть может, Негоро не знает местности, — ответил Дик Сэнд. — Тогда вполне понятно, что он следует за нами по пятам. Либо...

— Либо что? — взволнованно спросил Том, глядя на Дика.

— Либо, напротив, он слишком хорошо знает местность, и тогда...

— Но как Негоро может знать эту страну? Ведь он никогда не бывал здесь!

— Никогда не бывал здесь?.. — прошептал Дик. — Не знаю. Но одно совершенно бесспорно: Динго ведет себя так, как будто этот человек, которого он ненавидит, находится где-то рядом.

Он прервал свою речь и позвал собаку. Динго нехотя приблизился.

— Ату! — сказал Дик. — Негоро, Негоро, Динго! Ату его!

Собака яростно залаяла. Имя судового кока произвело на нее обычное впечатление, и она бросилась вперед, словно Негоро притаился за ближним кустарником.

Гэррис издали видел эту сцену. Он подошел к юноше.

— Что вы сказали Динго? — спросил он сквозь зубы.

— О, ничего особенного, — ответил шутливо старик Том. — Мы спрашивали у Динго, нет ли каких известий об одном нашем спутнике по кораблю, который куда-то запропастился.

— Ага, — сказал американец, — это тот португалец, судовой кок, о котором вы мне рассказывали?

— Да, — ответил Том. — Если судить по неистовому лаю Динго, этот человек должен быть где-то неподалеку.

— Как он мог добраться сюда? — спросил Гэррис. — Вы, кажется, говорили, что он никогда не бывал в Боливии?

— Если только он не скрыл этого от нас, — ответил Том.

— К чему бы он стал скрывать? — заметил Гэррис. — Впрочем, можно обыскать кустарник. Что, если бедняга нуждается в помощи? Что, если он попал в беду?..

— Нет, в этом нет нужды, — сказал Дик Сэнд. — Если Негоро сумел добраться сюда один, он может и выбраться отсюда без нашей помощи!

— Как хотите, — ответил Гэррис.

— Замолчи, Динго! — крикнул Дик Сэнд, чтобы прекратить неприятный разговор.

Второе наблюдение, которое сделал юноша, относилось к лошади американца.

По ее поведению незаметно было, что конюшня где-то близко. Лошадь не втягивала ноздрями воздуха, не ускоряла шага, не ржала — словом, ничем не проявляла нетерпения, свойственного лошадям, когда в конце долгого путешествия они чуют приближение отдыха. Лошадь Гэрриса, которая много раз бывала в гациенде, шла по тропинке так равнодушно, как будто эта гациенда находилась еще за сотни миль.

«Нет, если судить по лошади, не видно еще конца нашему странствию!» — думал юноша.

Накануне Гэррис утверждал, что маленький отряд находится всего в шести милях от гациенды; к пяти

часам пополудни из этих шести миль, несомненно, уже было пройдено не меньше четырех. Однако лошадь все еще не учуяла конюшни, да и ничто вокруг не выдавало близости такой большой плантации, как гациенда Сан-Феличе.

Даже миссис Уэлдон, всецело поглощенная заботами о своем ребенке, удивлялась тому, что местность попрежнему кажется пустынной и необитаемой. Ни одного туземца, ни одного слуги из гациенды, которая была так близко! Не заблудился ли Гэррис? Миссис Уэлдон отогнала эту мысль: новая задержка грозила гибелью ее маленькому Джеку...

Гэррис, как и прежде, шел впереди отряда. Но он всматривался в темные глубины леса, поворачивал голову то вправо, то влево с таким видом, словно он не очень был уверен в себе и в дороге, по которой шел.

Миссис Уэлдон закрыла глаза, чтобы не видеть этого. За равниной, шириной в милю, снова показался лес, но не такой густой, как на западе; маленький отряд снова вступил под сень высоких деревьев.

В шесть часов вечера путники подошли к зарослям кустарников, сквозь которые, видимо недавно, прошло стадо каких-то крупных животных.

Дик Сэнд внимательно осмотрелся кругом.

На высоте, намного превышающей человеческий рост, ветви были обломаны. Трава на земле была примята, и местами на влажной почве виднелись следы больших ступней; такие следы не могли принадлежать ни ягуарам, ни кугуарам. Чьи же это ноги оставили такие следы? Может быть, тут проходил ленивец? И почему ветки обломаны так высоко?

Только слонам впору было проложить такую просеку в кустарнике и выбить такие огромные следы во влажной почве. Однакоже слоны не водятся в Америке. Эти огромные животные не уроженцы Нового Света, и их никогда не пытались акклиматизировать там. Значит, догадку о том, что следы принадлежат слонам, нужно было отбросить как совершенно невероятную.

Дик Сэнд ни с кем не поделился мыслями, которые возникли у него при виде этих загадочных следов. Он даже не стал расспрашивать американца. Да и чего мог он ждать от человека, который пытался выдать жирафов за страусов? Гэррис придумал бы какое-нибудь фантастическое объяснение, но положение отряда от этого нисколько не изменилось бы.

Во всяком случае, Дик составил себе определенное мнение о Гэррисе. Он чувствовал, что это предатель. Дик дожидался только случая, чтобы сорвать с него маску, и все говорило юноше, что этот случай не заставит себя долго ждать.

Но какая тайная цель могла быть у Гэрриса? Какую участь готовил он доверившимся ему людям?

Дик Сэнд продолжал считать себя ответственным за судьбу своих спутников. Больше чем когда бы то ни было на нем лежала забота о спасении всех, кого крушение «Пилигрима» выбросило на этот берег. Только он один мог спасти своих товарищей по несчастью: эту молодую мать, ее маленького сына, негров, кузена Бенедикта. Но если юноша мог попытаться что-то сделать как моряк, будучи на борту корабля, то что мог он предпринять перед лицом опасностей, которые предвидел, но не в силах был предотвратить?

Дик Сэнд не хотел закрывать глаза перед ужасной истиной, которая с каждым часом становилась все более ясной и неоспоримой. Пятнадцатилетнему капитану «Пилигрима» в минуту грозной опасности снова приходилось взять на себя трудную миссию командира и руководителя. Но Дик не желал раньше времени тревожить бедную мать Джека, — до тех пор пока не настанет пора действовать. И он ничего не сказал даже тогда, когда внезапно увидел впереди, на берегу довольно широкой речки, преградившей им дорогу, огромных животных, которые быстро двигались под прибрежными деревьями.

«Гиппопотамы! Гиппопотамы!» — хотелось ему крикнуть.

Но он промолчал. Дик шел в сотне шагов впереди

отряда, и, кроме него, никто не заметил этих приземистых, коротконогих и толстокожих животных бурого цвета. У них была большая голова и широкая пасть, обнажавшая огромные, более фута длиною, клыки.

Гиппопотамы в Америке?!

До вечера отряд шел вперед, но с большим трудом. Даже самые выносливые начинали отставать. Пора было бы прибыть на место! Или же следовало остановиться на ночлег.

Всецело поглощенная заботами о маленьком Джеке, миссис Уэлдон, быть может, не замечала, как она утомлена, но силы ее были на исходе. Остальные участники похода находились не в лучшем состоянии. И только один Дик не поддавался усталости: он черпал энергию и стойкость в сознании своего долга.

Около четырех часов пополудни старик Том нашел какой-то предмет, лежавший в траве. Это оказался нож странной формы с широким кривым лезвием и толстой рукояткой из куска слоновой кости, украшенной довольно грубой резьбой.

Том поднял нож и отнес его Дику Сэнду. Рассмотрев внимательно находку, юноша передал ее американцу.

— Видимо, туземцы недалеко, — сказал он.

— Действительно, — ответил Гэррис. — Однако...

— Однако? — повторил Дик Сэнд, глядя прямо в глаза Гэррису.

— Мы должны были бы уже подходить к гациенде, — нерешительно сказал Гэррис, — но я не узнаю местности...

— Вы заблудились? — живо спросил Дик.

— Заблудился? Нет. Гациенда должна быть не дальше как в трех милях. Чтобы сократить дорогу, я пошел напрямик, через лес... Кажется, я ошибся...

— Возможно, — сказал Дик Сэнд.

— Я думаю, лучше мне одному пойти вперед на разведку, — сказал Гэррис.

— Нет, мистер Гэррис, — решительно заявил Дик, — нам не следует разлучаться!

— Как хотите, — ответил американец. — Но имейте в виду, что ночью мне не найти дороги.

— Ну что ж! — воскликнул Дик. — Мы остановимся на ночлег. Миссис Уэлдон не откажется провести еще одну ночь под открытым небом, а завтра с наступлением дня мы снова тронемся в путь. Последние две-три мили можно будет пройти в час.

— Согласен, — сказал Гэррис.

В эту минуту Динго отчаянно залаял.

— Назад, Динго, назад! — крикнул Дик Сэнд. — Ты отлично знаешь, что там никого нет: ведь мы в пустыне!

Итак, решено было в последний раз заночевать в лесу. Миссис Уэлдон не произнесла ни слова, предоставляя своим спутникам самим решить, где устраивать привал. Маленький Джек, уснувший после приступа лихорадки, лежал у нее на руках.

Стали искать место, где бы расположиться на ночлег.

Дик выбрал для этого несколько больших деревьев, росших вместе. Старый Том направился было к ним, но внезапно остановился и вскрикнул:

— Смотрите! Смотрите!

— Что там такое, Том? — спросил Дик спокойным тоном человека, готового ко всяким неожиданностям.

— Там, там... — бормотал Том, — кровавые пятна... а на земле отрубленные руки...

Дик Сэнд бросился к дереву, на которое указывал Том. Затем, возвратившись назад, он сказал:

— Молчи, Том! Не говори никому!..

На земле действительно валялись отрубленные человеческие руки. Рядом с ними лежали обрывки цепей и сломанные колодки.

К счастью, миссис Уэлдон не видела этой страшной картины.

Гэррис стоял в стороне. Если бы кто-нибудь взглянул на него в эту минуту, то был бы поражен переменой, которая произошла в американце: его лицо дышало теперь неумолимой жестокостью.

Динго подбежал к окровавленным останкам и злобно зарычал.

Юноше стоило большого труда отогнать собаку.

Между тем старик Том замер в неподвижности, как будто его ноги вросли в землю. Не в силах оторвать глаз от колодок и цепей, он судорожно стискивал руки и бормотал несвязные слова:

— Я уже видел... видел... когда был маленьким... цепи, я видел... колодки...

Смутные воспоминания раннего детства теснились в его голове. Он хотел вспомнить... Он готов был заговорить.

— Замолчи, Том! — сказал Дик Сэнд. — Молчи ради миссис Уэлдон! Ради всех нас, молчи!..

И юноша поспешил отвести в сторону старика негра.

Привал перенесли в другое место и все устроили для ночлега.

Старая Нан подала ужин, но никто к нему не прикоснулся: усталость превозмогла голод. Все чувствовали какое-то неопределенное беспокойство, близкое к страху.

Сумерки быстро сгущались, и вскоре наступила темная ночь. Небо затянули черные грозовые тучи. На западе, далеко на горизонте, в просветах между деревьями мелькали зарницы. Ветер утих, и ни один листок не шевелился на деревьях. Дневной шум сменился глубокой тишиной. Можно было подумать, что плотный, насыщенный электричеством воздух потерял звукопроводность.

Дик Сэнд, Остин и Бат караулили все вместе. Они напрягали зрение и слух, чтобы не пропустить какого-нибудь подозрительного шороха, увидеть малейший проблеск света. Но ничто не нарушало покоя, царившего в темной лесной чаще.

Том, хотя и свободный от караула, не спал. Опустив голову, он сидел неподвижно, погруженный в воспоминания. Казалось, старый негр не мог оправиться от какого-то неожиданного удара.

Миссис Уэлдон укачивала своего ребенка, и все ее думы были только о нем.

Один лишь кузен Бенедикт спокойно спал, ибо не испытывал тревоги, томившей его спутников, и не предчувствовал ничего дурного.

Вдруг около одиннадцати часов вечера вдали раздался долгий и грозный рев и тотчас же вслед за ним пронзительный вой.

Том вскочил и протянул руку в направлении густой чащи, находившейся не больше чем в миле от привала.

Дик Сэнд схватил его за руку, но не мог помешать Тому крикнуть:

— Лев! Лев!

Старик негр узнал рыканье льва, которое ему часто приходилось слышать в детстве!

— Лев! — повторил он.

Дик Сэнд не в силах был больше сдерживать гнев. Он выхватил нож и бросился к тому месту, где расположился на ночь Гэррис.

Гэрриса уже не было, вместе с ним исчезла и его лошадь. Истина молнией озарила Дика Сэнда...

Отряд находился не там, где он думал.

«Пилигрим» потерпел крушение не у берегов Южной Америки. Дик определил в море положение не острова Пасхи, а какого-то другого острова, находившегося на западе от того континента, на котором они очутились, совершенно так же, как остров Пасхи расположен к западу от Америки.

Компас давал неверные показания, он был испорчен. Корабль, увлекаемый бурей, уклонился далеко в сторону от правильного курса. «Пилигрим» обогнул мыс Горн и из Тихого океана попал в Атлантический! Ошибочными были вычисления скорости хода «Пилигрима». Буря удвоила эту скорость.

Вот почему ни на побережье, ни в лесу путешественники не встретили ни каучуковых, ни хинных деревьев! Они растут в Южной Америке, но то место, куда судьба забросила путников, не было ни Атакамской равниной, ни боливийской пампой.

Нет сомнения — Дик видел жирафов, а не страусов. Дорогу в кустарнике протоптали слоны. У ручья

Дик потревожил гиппопотамов. Муха, пойманная кузеном Бенедиктом, была страшной мухой цеце, от укусов которой гибнут вьючные животные в караванах.

И, наконец, сейчас рычал в темноте лев!

А колодки, цепи, нож странной формы — то были орудия работорговцев. Отрубленные руки — то были руки черных пленников.

Португалец Негоро и американец Гэррис, очевидно, сообщники!

Догадки Дика Сэнда превратились в уверенность, и страшные слова вырвались, наконец, из уст его:

— Африка! Экваториальная Африка! Страна работорговцев и рабов.

Часть вторая

ГЛАВА ПЕРВАЯ

Работорговля

Работорговля! Все знают, что значит это страшное слово, которому не должно быть места в человеческом языке.

Позорная торговля людьми долгое время с большой выгодой для себя производилась европейскими странами, владевшими колониями за океаном. Прошло уже много лет после запрещения работорговли. Однако она все еще ведется и притом в крупных размерах, — главным образом в Центральной Африке. В XIX веке некоторые государства, именующие себя христианскими, еще не поставили свою подпись под актом о запрещении работорговли.

Многие полагают, что купля-продажа живых людей безвозвратно канула в прошлое, что больше ее не существует. Это заблуждение, и читателям необходимо это знать, чтобы глубже понять вторую часть нашего повествования. Пусть все знают, что в Африке ведется охота на человека, грозящая обезлюдить весь материк. Пусть все узнают, какие варварские набеги делаются по сие время для того, чтобы поставлять даровую рабочую силу невольников в некоторые колонии, как полыхают огнем разграбленные деревни, сколько

льется крови при таких набегах и кто извлекает из них прибыль.

Начало торговли невольниками-неграми было положено в XV веке, и вот при каких обстоятельствах она возникла. Изгнанные из Испании мусульмане обосновались по другую сторону пролива[1] — на африканском побережье. Португальцы, которые в то время захватили это побережье, ожесточенно преследовали их. Некоторая часть беглецов была захвачена преследователями и доставлена в Португалию. Пленников обратили в рабов Это были первые африканские рабы в Западной Европе с начала нашей эры.

Но пленные мусульмане в большинстве своем принадлежали к состоятельным семействам. Родственники пытались выкупить узников и предлагали много золота. Португальцы отказывались от самого богатого выкупа. Куда девать иностранное золото? Рабочая сила для нарождающихся колоний куда нужнее. Короче говоря, Португалии требуются рабы, а не золото.

Не получив возможности выкупить пленных родственников, богатые мусульмане предложили обменять их на большое количество африканских негров, которых было очень легко добыть. Португальцы приняли столь выгодное предложение. Так было положено начало торговле рабами в Европе.

В конце XVI века эта гнусная торговля получила широкое распространение, она не противоречила варварским нравам той эпохи. Все государства покровительствовали работорговле, видя в ней верное средство быстрой колонизации своих отдаленных владений в Новом Свете.

Черные рабы могли жить и работать в таких местах, где европейцы, не привычные к тропическому климату, гибли бы тысячами. Поэтому специально построенные суда регулярно стали поставлять в американские колонии большие партии рабов-негров. Международная торговля людьми разрасталась, и вскоре на африканском побережье появились крупные агент-

---

[1] Гибралтарского.

ства. «Товар» недорого стоил на своей родине и давал огромную прибыль.

Но как бы ни были нужны, со всех точек зрения, основанные заморские колонии, это не могло оправдать бесчеловечной торговли. Многие великодушные люди подняли свой голос, протестуя против купли-продажи людей. Во имя гуманности требовали они от европейских правительств закона об отмене рабства негров.

В 1751 году во главе аболиционистского движения стали квакеры. Это произошло в той самой Северной Америке, где сто лет спустя вспыхнула война за отделение Юга от Севера, одним из поводов к которой служил вопрос об освобождении негров. Четыре северных штата — Виргиния, Коннектикут, Массачусетс, Пенсильвания — провозгласили отмену рабства и дали свободу черным невольникам, доставка которых на территорию этих штатов стоила им больших денег.

Но кампания, начатая квакерами, не ограничивалась пределами нескольких северных штатов Нового Света. И по другую сторону Атлантического океана (особенно во Франции и Англии) усилились нападки на защитников рабства и привлечение сторонников правого дела.

«Да погибнут скорее колонии, чем принцип!» — таков был благородный лозунг, прозвучавший по всему Старому Свету, и он приобрел действенную силу в Европе, вопреки крупным политическим и экономическим интересам, связанным с этим вопросом. Толчок был дан.

В 1807 году Англия запретила торговлю рабами в своих колониях, и Франция последовала ее примеру в 1814 году. Две могущественные нации заключили договор о запрещении работорговли, который был подтвержден Наполеоном во время Ста дней [1].

---

[1] Сто дней — вторичное правление Наполеона I во Франции (с 1 марта по 22 июня 1815 года), оно кончилось отречением Наполеона от власти, после того как армия его была разбита под Ватерлоо.

Однако это была чисто теоретическая декларация. Невольничьи корабли попрежнему бороздили моря и выгружали в колониальных портах свой груз «черного дерева».

Нужны были более практические меры, чтобы положить конец этому злу. Соединенные Штаты в 1820 году, Англия в 1824 году приравняли работорговлю к пиратству и объявили, что с работорговцами будут поступать как с пиратами. Это означало, что пойманным с поличным работорговцам угрожает немедленная казнь. Франция вскоре примкнула к этому договору. Но южные американские штаты, испанские и португальские колонии не присоединились к акту об отмене рабства негров. С большой выгодой для себя они продолжали торговать черными невольниками, несмотря на то, что право досмотра кораблей получило международное признание. Впрочем, этот досмотр обычно ограничивался проверкой документов подозрительных судов.

Однако закон об отмене рабства негров не имел обратной силы. Закон запрещал приобретать новых рабов, но старым невольникам он не возвратил свободы

Англия первая подала пример. 14 мая 1833 года была издана декларация об освобождении всех негров в британских колониях, и в августе 1838 года шестьсот семьдесят тысяч черных невольников получили свободу.

Десятью годами позже, в 1848 году, французская республика освободила рабов в своих колониях — всего двести шестьдесят тысяч негров.

В 1859 году война, вспыхнувшая между федералистами и конфедералистами Соединенных Штатов, закончила дело уничтожением рабства негров, и во всей Северной Америке черные невольники получили свободу.

Итак, три великие державы завершили это гуманное дело. Ныне работорговля производится лишь в испанских и португальских колониях и на Востоке для удовлетворения хозяйственных потребностей в турецких и арабских владениях. Хотя Бразилия не осво-

бодила своих прежних невольников, однако она не допускает появления новых, и дети негров рождаются в ней свободными людьми.

Но во внутренней Африке не прекращаются кровопролитные войны. Туземные царьки продолжают охотиться на людей, и в результате этих междоусобий целые племена попадают в рабство.

Невольничьи караваны следуют по двум направлениям: первый путь лежит на запад, к португальской колонии Анголе, второй — на восток, к Мозамбику. Только небольшая часть несчастных невольников добирается живой до этих конечных пунктов следования караванов. Отсюда уцелевших отправляют, кого на остров Кубу, кого на Мадагаскар, кого в арабские или турецкие провинции в Азии, в Мекку или в Маскат.

Английские и французские сторожевые суда не могут помешать этой торговле: при огромной протяженности береговой линии трудно установить бдительный надзор.

Возникает вопрос: так ли уж велик размах этого гнусного экспорта?

Да, очень велик. По самым осторожным подсчетам не менее восьмидесяти тысяч рабов приводят на побережье, и это, видимо, только десятая часть туземцев, уцелевших после избиения.

Там, где происходила эта омерзительная бойня, остаются лишь вытоптанные поля, дымящиеся развалины опустевших селений. Там реки несут по течению трупы и дикие звери завладевают всей местностью.

Ливингстон, идя по следам этих кровавых набегов, не узнавал провинций, в которых он побывал несколькими месяцами раньше. Его свидетельство подтверждают все остальные путешественники — Грант, Спик, Бертон, Камерон, Стенли, — посетившие лесистое плоскогорье Центральной Африки — главную арену кровавых войн туземных царьков. То же зрелище безлюдья, опустошения и разгрома являют собой некогда цветущие селения в районе Больших озер, во всей обширной области, поставляющей «черный товар» на занзибарский рынок, в Борну, и в Феццане, и юж-

нее — вдоль берегов Ньяссы и Замбези, и западнее — в районе верховий Заира, который пересек отважный Стенли. Неужели работорговля в Африке прекратится лишь тогда, когда будет уничтожена вся черная раса. Неужто африканским неграм уготована та же судьба, какая постигла австралийских туземцев.

Но рынки испанских и португальских колоний закроются когда-нибудь, их больше не будет, — цивилизованные народы не могут дольше допускать работорговлю!

Да, конечно, и ныне, в 1878 году, мы должны увидеть, как освободят всех рабов, которыми еще владеют люди в христианских государствах. Тем не менее еще долгие годы мусульманские страны будут, вероятно, продолжать этот торг, который сокращает население африканского континента. В эти страны теперь и направляется наибольшая часть вывозимых из Африки невольников; число туземцев, оторванных от родины и отправленных на восточное побережье, превосходит ежегодно сорок тысяч. Задолго до египетской экспедиции негры Сеннаара тысячами продавались неграм Дарфура, и наоборот. Даже генерал Бонапарт закупил немало негров, из которых он набрал солдат и составил из них отряды наподобие мамелюков. Прошло уже четыре пятых XIX века, а работорговля в Африке не уменьшилась. Даже наоборот.

И действительно, исламизм благосклонно относится к работорговле. Ведь нужно было, чтобы черный раб заменил в мусульманских странах прежнего белого невольника. И работорговцы любого происхождения занимаются этой отвратительной торговлей в широком масштабе. Они доставляют таким образом добавочное население угасающим расам, которые обречены на вымирание, так как не трудятся и поэтому не возрождаются. Эти рабы, как во времена Бонапарта, часто становятся солдатами. У некоторых народов верховья Нила они составляют половину войск африканских царьков. При этих условиях их участь немногим хуже участи свободных людей. Но если раб не становится солдатом, он превращается в ходячую

монету, — даже в Египте и в Борну офицерам и чиновникам платят этой монетой. Гийом Лежан рассказывает об этом, как свидетель-очевидец.

Таково состояние работорговли в настоящее время.

Нельзя замалчивать постыдное снисхождение к торговле людьми, какое проявляют многие представители европейских держав в Африке. Ведь это неоспоримый факт: в то время как патрульные суда крейсируют вдоль африканских берегов Атлантического и Индийского океанов, внутри страны, на глазах у европейских чиновников, широко развернулся торг людьми. Здесь идут один за другим караваны захваченных невольников, в определенные сроки происходят массовые избиения, во время которых убивают десять негров, чтобы одного обратить в рабство.

Так обстоят дела в Африке и по сей день.

Теперь будет понятно, почему Дик Сэнд с таким ужасом воскликнул:

— Африка! Экваториальная Африка! Страна работорговцев и рабов!

И он не ошибся.

Это действительно была Африка, где неисчислимые опасности грозили ему самому и всем его спутникам.

Но в какую часть африканского континента необъяснимая роковая случайность забросила их? Несомненно в западную, и это отягощало положение. Скорее всего «Пилигрим» потерпел крушение именно у побережья Анголы, куда приходят караваны работорговцев из внутренних областей Экваториальной Африки.

Действительно, это было побережье Анголы, тот край, который несколько лет спустя ценой неимоверных усилий пересекли Камерон на юге и Стенли на севере. Из этой обширной территории, состоящей из трех провинций — Бенгелы, Конго и Анголы, — в то время была исследована только прибрежная полоса — она тянется от Нурсы на юге до Заира на севере. Два важнейших населенных пункта на этом побережье служат портами. Это — Бенгела и Сан-Паоло-де-Луанда, столица колонии, принадлежащей Португалии.

Внутренние области Экваториальной Африки в то время почти не были исследованы. Лишь немногие путешественники отваживались углубляться в эти места. Сырые и жаркие края, где свирепствуют лихорадки, где живут дикари, из которых иные до сих пор являются людоедами, непрестанные войны между племенами, — вот что представляет собой Ангола, одна из самых опасных областей Экваториальной Африки. Подозрительное отношение работорговцев ко всякому чужаку, пытающемуся проникнуть в тайну их бесчестной торговли, еще больше усложняет задачу путешественников, предпринявших поход в Анголу.

Тюккей в 1816 году поднялся вверх по течению Конго, за водопады Иеллала. Но ему удалось пройти не более двухсот миль. В такой небольшой экспедиции невозможно было сколько-нибудь серьезно изучить страну, однако она стоила жизни большей части ее участников.

Тридцать семь лет спустя доктор Ливингстон прошел от мыса Доброй Надежды до верховья Замбези. Отсюда в ноябре 1853 года со смелостью, которая осталась непревзойденной, он пересек Африку с юга на северо-запад, переправился через Куанго — один из притоков Конго — и 31 мая 1854 года прибыл в Сан-Паоло-де-Луанда. Ливингстон проложил первую тропинку в неизведанных дебрях обширной португальской колонии.

Восемнадцать лет спустя двое отважных исследователей пересекли Африку с востока на запад. Преодолев неслыханные трудности, оба вышли на побережье Анголы: один — в южной, другой — в северной его части.

Первым этот переход совершил лейтенант английского флота Верней-Ловетт Камерон. В 1872 году возникли предположения, что экспедиция американца Стенли, высланная на поиски Ливингстона в область Больших озер, терпит бедствие. Лейтенант Камерон вызвался отправиться по следам Стенли. Предложение было принято. Камерон выступил в поход из Зан-

зибара; его сопровождали доктор Диллон, лейтенант Сесиль Мерфи и Роберт Моффа, племянник Ливингстона. Перейдя Угого, они встретили печальный караван: верные слуги несли тело Ливингстона к восточному берегу. Камерон все же продолжал свое путешествие к западу, поставив себе целью во что бы то ни стало пересечь материк от океана к океану. Через Унияниембе, Угунду он дошел до Кагуэле, где нашел дневники Ливингстона.

Камерон переплыл озеро Танганьику, одолел горы Бамбаре, переправился через Луалабу, но не мог спуститься вниз по течению этой реки. Затем он посетил области, опустошенные недавними войнами, обезлюдевшие после набегов работорговцев: Килембу, Уруа, верховье Ломане, Улуду, Ловале, прошел через Кванзу и девственные леса, в которые Гэррис завел Дика Сэнда и его спутников. Энергичный лейтенант Камерон увидел, наконец, волны Атлантического океана. Это путешествие от Занзибара до Сан-Фелиппе в Бенгеле длилось три года и четыре месяца и стоило жизни двум спутникам Камерона — доктору Диллону и Роберту Моффа.

На этом пути открытий американец Генри Стенли вскоре сменил англичанина Камерона. Известно, что этот неустрашимый корреспондент газеты «Нью-Йорк геральд», отправившийся на поиски Ливингстона, нашел его 30 октября 1871 года у Уджиджи, на берегу озера Танганьики.

Путешествие, удачно совершенное во имя человеколюбия, Стенли решил продолжить в интересах географической науки и подробно исследовать берега Луалабы, с которыми в первое путешествие ознакомился лишь мельком. Камерон еще странствовал в дебрях Центральной Африки, когда Стенли в ноябре 1874 года выступил из Багамойо на восточном побережье. Через год и девять месяцев, 24 августа 1876 года, он покинул опустошенный эпидемией оспы Уджиджи и после семидесятичетырехдневного перехода достиг Ньянгве, большого невольничьего рынка, где уже до него побывали Ливингстон и Камерон. В Ньянгве Стенли был свидетелем ужасней-

шего кровавого набега отрядов занзибарского султана на области Марунгу и Маниуема.

Отсюда Стенли предпринял исследование берегов Луалабы и прошел до самого ее устья. В его экспедицию входили сто сорок носильщиков, нанятых в Ньянгве, и девятнадцать лодок. С первых же шагов отряд Стенли должен был сражаться с людоедами из Угусу. Лодки пришлось тащить на руках, чтобы обойти непроходимые пороги реки. У экватора, в том месте, где Луалаба изгибается к северо-северо-востоку, пятьдесят четыре лодки, в которых было несколько сот туземцев, напали на маленькую флотилию Стенли; ему удалось обратить их в бегство.

Затем отважный исследователь поднялся до второго градуса северной широты и установил, что Луалаба не что иное, как верховье Заира, или Конго, и, следуя по ее течению, можно выйти к берегу океана. Этот путь Стенли и выбрал. Дорогой ему почти каждый день приходилось отбивать нападения прибрежных племен. 3 июня 1877 года во время перехода через пороги Массаса погиб один из его спутников Фрэнсис Покок. 18 июня лодка Стенли, подхваченная потоком, понеслась прямо к водопаду Мбело, и только каким-то чудом он спасся от смерти.

Наконец, 6 августа Генри Стенли прибыл в селение Ни-Санда, находившееся в четырех днях пути от берега океана. Через два дня он был в Банца-Мбуко. Здесь его ждали припасы, посланные навстречу экспедиции двумя торговцами из Эмбомы; в этом маленьком прибрежном городке Стенли, наконец, разрешил себе отдохнуть. Трудности и лишения перехода через весь африканский материк, отнявшего у Стенли два года и десять месяцев жизни, преждевременно состарили этого еще молодого человека (ему было тридцать пять лет). Зато течение реки Луалабы было исследовано им до Атлантического океана. Было установлено, что наряду с Нилом, главной северной артерией Африки, и Замбези, главной восточной ее артерией, на западе африканского континента течет третья в мире по величине река, длиною в две тысячи девятьсот миль. Река эта, носящая в разных частях своего течения на-

звания — Луалаба, Заир и Конго, — соединяет область Больших озер с Атлантическим океаном.

Экспедиции Стенли и Камерона прошли вдоль северной и южной границ Анголы. Сама же область в 1873 году, то есть в то время когда «Пилигрим» потерпел крушение, была еще почти не исследована. Об Анголе знали только то, что она представляет собой главный невольничий рынок на западе Африки и что центрами работорговли в ней являются Бихе, Касонго и Казонде.

И в эти-то гибельные места, затерянные в сотне миль от океанского побережья, Гэррис завлек Дика Сэнда и его спутников: женщину, измученную горем и усталостью, умирающего ребенка и пятерых негров, обреченных стать добычей алчных работорговцев.

Да, это была Африка, а не Южная Америка, где ни туземцы, ни звери, ни климат ничем не угрожали путникам, где между хребтом Андов и океанским побережьем протянулась благодатная полоса земли, где разбросано множество поселений, в которых миссионеры гостеприимно предоставляют приют каждому путешественнику. Как далеко были Перу и Боливия, куда буря, наверное, принесла бы «Пилигрим», если б злодейская рука не изменила его курс, и где потерпевшие крушение нашли бы столько возможностей возвратиться на родину.

Но они очутились в Африке, в страшной Анголе, да еще в самой глухой ее части, куда не заглядывали даже португальские колониальные власти. Они попали в дикий край, где под свист бича надсмотрщиков тянулись караваны рабов.

Что знал Дик об этой стране, куда забросила его измена? Очень немногое. Он читал сообщения миссионеров XVI и XVII веков, читал о путешествиях португальских купцов, которые ездили из Сан-Паоло-де-Луанда по Заиру. Наконец, он был знаком с отчетом доктора Ливингстона о его поездке 1853 года. Этих немногих сведений было достаточно, чтобы человеку, менее мужественному, чем Дик, внушить ужас.

Действительно, положение было страшное.

ГЛАВА ВТОРАЯ

Гэррис и Негоро

Два человека сошлись в лесу в трех милях от места ночлега отряда, руководимого Диком Сэндом. Свидание это было заранее условлено между ними.

Эти два человека были Гэррис и Негоро. В дальнейшем читатель узнает, как встретились на побережье Анголы прибывший из Новой Зеландии португалец и американец, которому по делам работорговли часто приходилось объезжать эту область Западной Африки.

Гэррис и Негоро уселись у корней огромной смоковницы, на берегу быстрого ручья, струившего свои воды между зарослями папируса.

Они только что встретились и теперь рассказывали друг другу о случившемся за последнее время.

— Итак, Гэррис, — сказал Негоро, — тебе не удается завлечь еще дальше вглубь Анголы отряд «капитана» Сэнда, — ведь так они называют этого пятнадцатилетнего мальчишку.

— Нет, приятель, дальше затащить их не могу, — ответил Гэррис. — Хорошо еще, что мне удалось заманить их на сотню миль от побережья! Последние дни «мой юный друг» Дик Сэнд не спускал с меня глаз. Его подозрения сменились уверенностью. Честное слово...

— Еще сотня миль, Гэррис, и эти люди наверняка попали бы в наши руки. Впрочем, и так мы постараемся не упустить их.

Гэррис пожал плечами.

— Куда они денутся? — сказал он. — Понимаешь, Негоро, я во-время унес ноги! Я читал во взгляде «моего юного друга» горячее желание послать мне полный заряд свинца прямо в грудь, а надо тебе сказать, я совершенно не перевариваю сливовых косточек, которые отпускают в оружейных лавках по двенадцати штук на фунт.

— Понятно! — сказал Негоро. — У меня самого счеты с этим юнцом.

— Что ж, у тебя теперь есть возможность уплатить ему по всем счетам сполна и даже с процентами! В первые дни похода мне нетрудно было выдавать Анголу за Атакамскую пустыню, — я ведь был там однажды. Но потом малыш Джек стал требовать «резиновых деревьев» и птичку-муху; его мамаше понадобилось хинное дерево, а верзиле кузену — светящиеся жуки. Честное слово, я истощил всю свою изобретательность! После того как я сумел, правда с великим трудом, уверить их, что перед ними не жирафы, а страусы, я уж не знал, что и придумать. Да и «мой юный друг», как я заметил, больше не верил моим объяснениям, особенно после того, как мы напали на следы слонов. А тут еще откуда ни возьмись гиппопотамы! Понимаешь, Негоро, гиппопотамы и слоны! В Америке они так же неуместны, как честные люди в бенгелской каторжной тюрьме. Затем старого негра угораздило найти под деревом цепи и колодки, брошенные, очевидно, каким-то бежавшим невольником. И, наконец, где-то невдалеке зарычал лев. Согласись сам, не мог же я их уверить, что это мурлычет домашняя кошка! Мне оставалось только вскочить в седло и ускакать.

— Понимаю, — ответил Негоро. — И все же я предпочел бы, чтобы они забрались еще хоть на сотню миль вглубь страны.

— Я сделал все, что мог, милейший, — возразил Гэррис. — Кстати сказать, хорошо, что ты шел в почтительном отдалении от нас. Они как будто догадывались о твоем присутствии. И знаешь, там была одна собачка — Динго... Она как будто не особенно расположена к тебе. Что ты ей сделал?

— Пока еще ничего, — ответил Негоро, — но в скором времени обязательно всажу ей пулю в башку.

— Такой же гостинец и ты получил бы от Дика Сэнда, если б он заметил тебя на расстоянии выстрела. А должен признаться, «мой юный друг» — замечательный стрелок. И в своем роде он молодчина.

— Каким бы молодцом он ни был, Гэррис, он дорого заплатит за свою дерзость, — ответил Негоро; лицо его выражало неумолимую жестокость.

— Хорошо, — прошептал Гэррис, — видно, ты, мой дорогой, остался таким же, каким я тебя знал. Путешествия не испортили тебя!

После минутного молчания американец снова заговорил.

— Кстати, Негоро, — сказал он, — когда мы с тобой так неожиданно встретились недалеко от места крушения корабля, у устья Лонги, ты успел только попросить меня завести этих милых людей как можно дальше вглубь воображаемой Боливии. Но ты ни словом не обмолвился о том, что делал последние два года. А два года в нашей бурной жизни — долгий срок, приятель. С тех пор как старый Альвец послал тебя из Кассана во главе невольничьего каравана, о тебе не было никаких вестей. Признаться откровенно, я думал, что у тебя были неприятности с английскими патрульными судами и что в результате тебя вздернули на рее.

— Чуть-чуть не кончилось этим, Гэррис.

— Ничего, не беспокойся, Негоро. Виселицы тебе все равно не миновать.

— Спасибо!

— Что поделаешь, — ответил Гэррис с философским равнодушием. — Это неизбежный риск в нашем деле. Раз уж занимаешься работорговлей на африканском побережье, не рассчитывай на мирную и безболезненную кончину. Значит, тебя поймали?

— Да.

— Англичане?

— Нет. Португальцы.

— До или после сдачи груза?

— После, — ответил Негоро после некоторого колебания. — Португальцы теперь делают вид, что они против работорговли, после того как очень недурно на ней нажились. На меня донесли, следили за мной, поймали меня...

— И приговорили?

— К пожизненному заключению на каторге в Сан-Паоло-де-Луанда.

— Тысяча чертей! — воскликнул Гэррис. — Каторга! Совершенно неподходящее место для таких

людей, как мы с тобой. Мы ведь привыкли к жизни на вольном воздухе! Пожалуй, я предпочел бы виселицу.

— Повешенный бежать не может, тогда как с каторги...

— Тебе удалось бежать?

— Да, Гэррис. Ровно через пятнадцать дней после того как меня привезли на каторгу, мне удалось спрятаться в трюме английского корабля, отправлявшегося в Окленд, на Новую Зеландию. Бочка с водой и ящик с консервами, между которыми я забился, снабжали меня едой и питьем в продолжение всего перехода. Я ужасно страдал в темном душном трюме. Но нечего было и думать выйти на палубу, пока судно находилось в открытом море: я знал, что стоило мне высунуть нос из трюма, как меня тотчас же водворят обратно и пытка будет продолжаться, с той лишь разницей, что она перестанет быть добровольной. Кроме того, по прибытии в Окленд меня сдадут английским властям, а те закуют меня в кандалы, отправят обратно в Сан-Паоло-де-Луанда или, чего доброго, вздернут, как ты выражаешься. По всем этим соображениям я предпочел путешествовать инкогнито.

— И без билета, — со смехом воскликнул Гэррис. — Фи, приятель, и тебе не стыдно? Ехать зайцем, да к тому еще на готовых харчах.

— Да, — вздохнул Негоро, — но тридцать дней провести взаперти в тесном трюме...

— Ну все это уже позади, Негоро! Итак, ты поехал в Новую Зеландию, в страну маори? Но ты ведь там не остался. Как же ты ехал обратно? Опять в трюме?

— Нет, Гэррис. Сам понимаешь, там у меня была только одна мысль: вернуться в Анголу и снова взяться за свою прибыльную торговлю.

— Да, — заметил Гэррис, — мы свое ремесло любим... по привычке.

— Однако я полтора года...

Негоро вдруг прервал рассказ. Схватив Гэрриса за руку, он стал напряженно вслушиваться.

— Гэррис, — сказал он шепотом, — мне послышался какой-то шорох в зарослях папируса!

— Посмотрим, что там такое, — прошептал Гэррис, хватая ружье и готовясь стрелять.

Они поднялись, настороженно озираясь и прислушиваясь.

— Ничего нет, это тебе почудилось, — сказал Гэррис. — Просто ручеек вздулся после дождей и журчит сильнее, чем обычно. За эти два года ты, приятель, отвык от лесных шумов. Но это не беда, скоро ты опять привыкнешь. Ну, рассказывай дальше о своих приключениях. А затем мы потолкуем о будущем.

Негоро и Гэррис снова сели у подножья смоковницы, и португалец продолжал прерванный рассказ:

— Полтора года я прозябал в Окленде. Когда корабль прибыл, я сумел незаметно выбраться из трюма и выйти на берег. Но карманы у меня были пусты, хоть выверни, — ни единого доллара. Чтобы не умереть с голоду, мне пришлось браться за всякую работу...

— Да что ты, Негоро! Неужели ты работал, словно какой-нибудь честный человек?

— Работал, Гэррис.

— Бедняга!

— И все это время я искал способов выбраться из этого проклятого места. А случай все не представлялся. Наконец, в Оклендский порт пришло китобойное судно «Пилигрим».

— То самое, что разбилось у берегов Анголы?

— То самое. Миссис Уэлдон с сыном и кузеном Бенедиктом вздумали отправиться на нем в качестве пассажиров. Мне нетрудно было получить службу на корабле: ведь я бывший моряк, служил вторым помощником капитана на невольничьем корабле. Я пошел к капитану «Пилигрима», но матросы ему были не нужны. К счастью для меня, судовой кок только что сбежал. Плох тот моряк, который не умеет стряпать. Я отрекомендовался опытным коком. За неимением лучшего капитан Гуль нанял меня. Спустя несколько дней «Пилигрим» отчалил от берегов Новой Зеландии...

— Но, — прервал его Гэррис, — насколько я понял из слов «моего юного друга», «Пилигрим» вовсе не

намеревался плыть к берегам Африки. Каким же образом судно попало сюда?

— Дик Сэнд, вероятно, до сих пор этого не понимает, — ответил Негоро, — и вряд ли вообще когда-либо поймет. Но тебе, Гэррис, я охотно объясню, как это произошло, а ты, если хочешь, можешь повторить мой рассказ своему «юному другу».

— Как же, не премину! — с хохотом сказал Гэррис. — Рассказывай, приятель, рассказывай!

— «Пилигрим», — начал Негоро, — направлялся к Вальпарайсо. Нанимаясь на судно, я думал только добраться до Чили. Ведь Чили на полпути между Новой Зеландией и Анголой, и я приблизился бы на несколько тысяч миль к западному побережью Африки. Но в пути обстоятельства изменились. Через три недели после выхода из Окленда капитан Гуль и все матросы погибли во время охоты на кита. На борту «Пилигрима» осталось только два моряка: молодой матрос Дик Сэнд и судовой кок Негоро.

— И ты вступил в должность капитана судна? — спросил Гэррис.

— Сначала у меня мелькнула такая мысль. Но я видел, что мне не доверяют. На корабле было пятеро негров, все пятеро — силачи и притом свободные люди. При этих условиях мне все равно не удалось бы стать хозяином на борту. По зрелом размышлении я решил остаться на «Пилигриме» тем, кем был, то есть судовым коком.

— Значит, это чистая случайность, что корабль прибило к берегам Африки?

— Нет, Гэррис, — возразил Негоро, — случайной была только наша с тобой встреча: твои торговые дела привели тебя как раз в то место побережья, где потерпел крушение «Пилигрим». Перемена же курса судна и его появление у берегов Анголы — дело моих рук! Твой «юный друг» — сущий младенец в мореходстве: он умел определять место своего корабля в открытом море только при посредстве лага и компаса. И вот в один прекрасный день лаг пошел ко дну. А в другую не менее прекрасную ночь я подложил под нактоуз железный брусок и тем отклонил стрелку ком-

паса. «Пилигрим», подхваченный сильной бурей, сбился с курса... Дик Сэнд не мог понять, почему так затянулся наш переход. Впрочем, на его месте стал бы в тупик самый опытный моряк. Мальчик и не подозревал, что мы обогнули мыс Горн, но я, Гэррис, я видел его в тумане. Вскоре после этого я убрал железный брусок, и стрелка компаса приняла нормальное положение. Судно, гонимое сильнейшим ураганом, стремглав понеслось на северо-восток и разбилось у африканского берега, как раз в тех местах, куда я хотел попасть.

— И как раз в это время, — подхватил Гэррис, — случай привел меня на этот берег, — словно нарочно, чтобы встретить тебя и послужить проводником твоим симпатичным спутникам. Они были уверены в том, что находятся в Америке, и мне легко было выдать Анголу за Нижнюю Боливию... Между ними и в самом деле есть некоторое сходство.

— Да, они действительно приняли Анголу за Боливию. Так же как твой «юный друг», Дик Сэнд, принял за остров Пасхи остров Тристан-да-Кунья.

— Подобную ошибку сделал бы и всякий другой на его месте, Негоро.

— Знаю, Гэррис. Я воспользовался этой ошибкой Дика Сэнда. И благодаря этому миссис Уэлдон и ее спутники ночуют под открытым небом в сотне миль от берега, в Экваториальной Африке, куда я и хотел их завести.

— Но теперь-то они знают, где находятся.

— Какое это имеет сейчас значение? — воскликнул Негоро.

— Что ты собираешься сделать с ними? — спросил Гэррис.

— Что сделаю, то и сделаю, — ответил Негоро. — Расскажи-ка мне сначала, как поживает наш хозяин Альвец. Ведь я не видел старика больше двух лет.

— О, старый пройдоха чувствует себя как нельзя лучше! — ответил Гэррис. — Он очень обрадуется тебе.

— Он попрежнему живет в Бихе? — спросил Негоро.

— Нет, приятель, вот уж год как он перевел свою «контору» в Казонде.

— И дела хорошо идут?

— О да, тысяча чертей! — воскликнул Гэррис. — Дела идут хорошо, хотя с каждым днем торговать невольниками становится все труднее, особенно на этом побережье. Португальские власти с одной стороны, английские сторожевые суда — с другой всячески препятствуют вывозу рабов. Только в одном месте, на юге Анголы, в окрестностях Моссамедеса, можно более или менее спокойно грузить черный товар. Поэтому теперь все бараки до отказа набиты невольниками, мы ожидаем кораблей, которые переправят их в испанские колонии. Об отправке груза через Бенгелу и Сан-Паоло-де-Луанда говорить не приходится, губернатор и чиновники не хотят и слышать об этом. Старый Альвец подумывает о том, чтобы переселиться во внутренние области Африки. Он намерен снарядить караван в сторону Ньянгве и Танганьики, где можно выгодно обменять дешевые ткани на слоновую кость и рабов. Пока неплохо идет торговля с Верхним Египтом и Мозамбиком — он снабжает невольниками Мадагаскар. Но я боюсь, что придет время, когда работорговлей нельзя будет заниматься. Англичане с каждым днем укрепляются во внутренней Африке. Миссионеры залезают все глубже и ополчаются против нас. Ливингстон — разрази его гром — закончил исследование области озер и теперь направится, говорят, в Анголу. Да еще говорят, что какой-то лейтенант Камерон намерен пересечь весь материк с востока на запад. Опасаются также, как бы не вознамерился проделать то же самое и американец Стенли. Все эти исследователи могут сильно повредить нам, Негоро, и если бы мы хорошенько понимали свои интересы, ни один из этих незваных гостей не вернулся бы в Европу и не стал бы рассказывать о том, что он имел дерзость увидеть в Африке.

Услышь кто-нибудь беседу этих негодяев, он мог бы подумать, что тут разговаривают два почтенных коммерсанта, сетуя на заминку в торговых делах, вызванную кризисом. Кому пришло бы в голову, что речь у них идет не о мешках кофе, не о бочках сахара, а о

живых людях. Торговцы невольниками уже не отличают справедливого от несправедливого, у них нет ни чести, ни совести, нравственное чувство совершенно отсутствует, а если оно и было у них когда-нибудь, то давно они растеряли его, участвуя в страшных зверствах работорговли.

Гэррис был прав в своих опасениях, так как цивилизация постепенно проникает в дикие области по следам тех отважных путешественников, имена которых неразрывно связаны с открытиями в Экваториальной Африке. Такие герои, как Дэвид Ливингстон, прежде всего, а за ним Грант, Спик, Бертон, Камерон, Стенли, оставят по себе неизгладимую память как благодетели человечества.

Из разговора с Негоро Гэррис узнал, как тот жил за последние два года, и с удовольствием отметил, что бывший агент работорговца Альвеца, бежавший из каторжной тюрьмы в Луанде, нисколько не изменился, ибо попрежнему был способен на любое преступление. Гэррис не знал только, что именно задумал его сообщник в отношении потерпевших крушение на «Пилигриме». Он спросил Негоро:

— А теперь скажи, как ты собираешься разделаться со своими бывшими спутниками?

Негоро ответил, не задумываясь. Видно было, что план давно созрел в его голове:

— Одних продам в рабство, а других...

Португалец не докончил фразы, но угрожающее выражение его лица говорило яснее слов.

— Кого ты собираешься продать? — спросил Гэррис.

— Негров, которые сопровождают миссис Уэлдон, — ответил Негоро. — За старика Тома, пожалуй, немного выручишь, но остальные четверо — крепкие молодцы, и на рынке в Казонде за них дадут хорошую цену.

— Правильно, Негоро! — сказал Гэррис. — Четверо здоровяков негров, привычных к работе, не похожи на этих животных, которых доставляют из внутренней Африки. Само собой разумеется, что их можно продать с большой выгодой. Негр, родившийся в Америке, —

редкий товар на рынках Анголы. Но, — продолжал он, — ты забыл сказать мне, не было ли на «Пилигриме» наличных денег?

— Пустяки! Мне удалось прикарманить всего несколько сот долларов. К счастью, у меня есть кое-какие виды на будущее...

— Какие, дружище? — с любопытством спросил Гэррис.

— Разные, — отрезал Негоро.

Казалось, он сожалел о том, что сболтнул лишнее.

— Остается, значит, прибрать к рукам этот ценный товар? — заметил Гэррис.

— Разве это так трудно? — спросил Негоро.

— Нет, дружище. В десяти милях отсюда на берегу Кванзы стоит лагерем невольничий караван, который ведет араб Ибн-Хамис. Он ждет только моего возвращения, чтобы пуститься в путь в Казонде. Караван идет в сопровождении отряда туземных солдат, достаточно многочисленного, чтобы захватить в плен Дика Сэнда и его спутников. Если «моему юному другу» придет мысль направиться к реке Кванзе...

— А если ему не придет такая мысль? — перебил Гэрриса Негоро.

— Наверное придет! — ответил Гэррис. — Мальчик умен, но не подозревает об опасности, которая подстерегает его там. Дик Сэнд, конечно, не захочет возвращаться к берегу той дорогой, по какой мы шли. Он понимает, что неминуемо заблудится в лесу. Поэтому он будет стремиться дойти до какой-нибудь реки, впадающей в океан, и попробует спуститься вниз по течению на плоту. Другого спасения для его отряда нет. Я знаю мальчика, — он именно так и поступит.

— Да... пожалуй, — сказал Негоро после недолгого раздумья.

— Ну, какие там «пожалуй», — непременно так сделает! — воскликнул Гэррис. — Я так уверен в этом, словно «мой юный друг» сам мне назначил свидание на берегу Кванзы.

— Значит, нам следует немедленно пуститься в путь, — сказал Негоро. — Я тоже знаю Дика Сэнда.

Он не потеряет напрасно ни одного часа, а мы должны опередить его.

— Что ж, в путь так в путь!

Гэррис и Негоро уже собрались уходить, как вдруг опять услышали тот же подозрительный шорох в зарослях папируса, который и раньше обеспокоил португальца.

Негоро замер на месте, схватив Гэрриса за руку.

Вдруг донесся приглушенный лай, и из зарослей выбежала большая собака. Шерсть ее была взъерошена, пасть широко раскрыта. Она готова была броситься на людей.

— Динго! — вскричал Гэррис.

— О, на этот раз он не уйдет от меня! — ответил Негоро.

И в ту секунду, когда собака бросилась на него, португалец вырвал у Гэрриса ружье, вскинул его к плечу и выстрелил.

Раздался жалобный вой, и Динго исчез в густом кустарнике, окаймлявшем речку. Негоро поспешно спустился к самой воде.

Капельки крови запятнали несколько стеблей папируса, и кровавая полоса протянулась по прибрежной гальке.

— Наконец-то мне удалось рассчитаться с этим проклятым псом! — воскликнул Негоро.

Гэррис молча наблюдал эту сцену.

— Как видно, Негоро, — сказал он, — собака давно точила на тебя зубы.

— Точила, Гэррис. Ну, теперь она от меня отстанет.

— А почему она так ненавидит тебя, приятель?

— У нас с ней старые счеты, — уклончиво сказал Негоро.

— Старые счеты? Какие же? — переспросил Гэррис.

Негоро не ответил. Гэррис решил, что португалец скрыл от него какие-то прошлые свои похождения, но не стал о них допытываться.

Через несколько минут сообщники уже шли вниз по течению ручья, направляясь через лес к Кванзе.

ГЛАВА ТРЕТЬЯ

В ста милях от берега

«Африка!.. Экваториальная Африка... а не Америка!» Эти слова, говорившие о несомненной и грозной очевидности, все время звучали в ушах Дика Сэнда.

Перебирая в памяти события последних недель, юноша тщетно искал ответа на вопросы: каким образом «Пилигрим» очутился у этих опасных берегов? Как случилось, что он обогнул мыс Горн и перешел из одного океана в другой? Только теперь Дик мог отдать себе отчет, почему, несмотря на быстрый ход корабля, так долго не показывалась земля: пройденное «Пилигримом» расстояние было вдвое больше того перехода, какой он должен был совершить, чтоб достичь берегов Америки.

— Африка!.. Африка!.. — повторял Дик Сэнд.

Эпизод за эпизодом он восстанавливал в памяти все обстоятельства загадочного плавания. Дик вспомнил, как разбился запасный компас, как пропал лаг из-за оборвавшейся веревки. И вдруг его осенила догадка: компас был намеренно испорчен!..

«На корабле, — думал он, — остался только один компас. Мне не с чем было сверить его показания. Однажды ночью меня разбудил крик старого Тома... Я застал на корме Негоро... Он оступился и упал на нактоуз... Не повредил ли он компас при падении?»

Словно луч света сверкнул в уме Дика Сэнда. Он ощупью подходил к разгадке тайны. Дик начинал понимать, насколько подозрительным было поведение Негоро. Он чувствовал руку Негоро в целом ряде несчастных «случайностей», которые сперва погубили «Пилигрим», а теперь угрожали гибелью и всем его пассажирам.

Но кто он, этот негодяй! Он утверждал, что никогда не был моряком, — правда ли это? Только опытный моряк мог задумать и осуществить гнусный план, который привел судно к берегам Африки.

Во всяком случае, если в прошлом и оставались невыясненными некоторые обстоятельства, то в настоящем все было ясно. Юноша хорошо знал, что находится в Экваториальной Африке и, вероятно, в самой опасной ее части — в Анголе, в сотне миль от морского берега... Для него стало несомненным, что Гэррис оказался предателем. И вполне естественной, логичной была мысль, что американец и португалец с давних пор знакомы друг с другом; случай свел их на этом побережье, и они совместно составили заговор против пассажиров «Пилигрима»...

Непонятным было только одно: что задумали эти негодяи? Можно было предположить, что Негоро не прочь захватить в плен Тома и его товарищей, чтобы продать их в рабство в этой стране работорговли. Понятно было, что португалец хочет отомстить ему, Дику Сэнду, за старые «обиды», хотя юный капитан обращался с ним, как он того заслуживал. Но миссис Уэлдон, но Джек? Что намеревается сделать этот негодяй с матерью и ее маленьким сыном?

Если бы Дику Сэнду удалось подслушать беседу Гэрриса с Негоро, он знал бы, какие опасности угрожают миссис Уэлдон, пятерым неграм и ему самому.

Положение было ужасным, но юноша не потерял мужества. Он был капитаном на море, он останется капитаном и на суше. Его долгом было — спасти миссис Уэлдон, маленького Джека и остальных людей, чью судьбу небо вверило ему. Он только приступил к выполнению своей задачи. И он ее выполнит.

В продолжение двух или трех бессонных часов Дик Сэнд размышлял, взвешивая и перебирая в уме все то хорошее и дурное — увы, последнего было больше! — что сулило будущее. Затем он поднялся на ноги, полный спокойствия и твердой решимости.

Первые лучи солнца уже осветили верхушки деревьев; все спали, кроме Дика и старого Тома.

Молодой капитан подошел к негру.

— Том, — тихо сказал он, — вы слышали рычание льва, вы видели цепи и колодки работорговцев. Значит, вы знаете, что мы находимся в Африке?

— Да, капитан, знаю.

— Так вот, Том, ни слова об этом ни миссис Уэлдон, ни вашим товарищам! Никто, кроме нас, не должен ничего знать. Мы не станем пугать никого.

— Да... правильно, мистер Дик... — ответил Том.

— Том, — продолжал юноша, — мы должны удвоить бдительность. Мы во вражеской стране. Страшная страна и страшные враги!.. Нашим спутникам мы скажем, что Гэррис изменил нам, — этого достаточно, чтобы они были настороже. Пусть они думают, что нам угрожает нападение туземцев.

— Вы можете, мистер Дик, всецело положиться на моих товарищей! Они люди отважные и преданы вам.

— Знаю. И знаю, что я могу положиться на ваш здравый смысл и опытность, Том. Ведь вы не откажетесь помочь мне?

— Всегда и во всем, капитан.

Дик объяснил Тому свои намерения, и старик одобрил их. К счастью, измена Гэрриса обнаружилась раньше, чем он успел осуществить свой план, поэтому Дику Сэнду и его спутникам не угрожала непосредственная опасность. Неожиданная находка колодок и цепей, брошенных бежавшими невольниками, а затем рычание льва выдали нечестную игру американца. Гэррис понял, что он разоблачен, и убежал прежде, чем маленький отряд, который он вел, дошел до того места, где на него должны были напасть. Поведение Динго свидетельствовало о том, что Негоро все последние дни шел по пятам за своими бывшими спутниками. Очевидно, он уже успел встретиться с Гэррисом, и сейчас они вместе разрабатывают план дальнейших действий. Дик полагал, что нападут на их отряд лишь через несколько часов, и решил воспользоваться этим сроком.

План его заключался в том, чтобы как можно скорее вернуться на побережье, — у юноши были все основания думать, что это побережье Анголы, — двинуться по нему на север или на юг и дойти до ближайшей португальской фактории, где его спутники окажутся в

безопасности и будут ждать возможности вернуться на родину.

Но каким путем идти к берегу? Возвращаться назад по уже пройденной дороге? Дик Сэнд не считал это целесообразным. Гэррис не ошибался, когда утверждал, что юноша предпочтет избрать более короткий путь.

Действительно, было бы по меньшей мере неосмотрительно возвращаться старой дорогой через лес — они пришли бы всего-навсего на то же место, откуда отправились. Да и Негоро со своими сообщниками пошел бы прямо за ними. Единственный способ уйти, не оставляя следов, это спуститься по реке. Кроме того, тогда можно было бы меньше опасаться нападения хищных зверей, которые до сих пор, по счастью, не подходили к ним близко. На реке не так страшна была бы и встреча с дикарями. На прочном плоту, хорошо вооруженные, Дик Сэнд и его спутники могли с успехом защищаться.

Такой способ передвижения был бы удобен для миссис Уэлдон и маленького Джека, — ведь их обоих так измучила дорога, а лошади Гэрриса теперь не было. Конечно, если б решили двигаться лесом, то для миссис Уэлдон и больного ребенка сплели бы из ветвей носилки и носильщики нашлись бы. Но тогда два негра из пяти были бы заняты этой работой, а Дик Сэнд предпочитал, чтобы у всех его товарищей руки были свободны на случай внезапного нападения.

Да и спускаясь на плоту по течению реки, юноша чувствовал бы себя в своей стихии!

Оставалось узнать, есть ли поблизости полноводная река. Дик Сэнд предполагал, что река найдется, и вот почему он так думал.

Река, впадавшая в Атлантический океан в том самом месте, где произошло крушение «Пилигрима», не могла течь издалека. С севера и с востока горизонт замыкала довольно близкая горная цепь, которую вполне можно было принять за Анды. Следовательно, река или текла с этих высот, или русло ее загибалось к югу, — в обоих случаях она была где-то недалеко. Возможно, что, не доходя до этой большой реки (она имела право называться большой, ибо прямо впадала

в океан), встретится какой-нибудь из ее притоков и маленький отряд сможет проехать по нему на плоту. Словом, невдалеке, несомненно, был какой-нибудь водный путь. И Дик Сэнд вспомнил, как действительно на протяжении последних миль перехода изменился характер местности: склоны гор стали пологими, а земля влажной. Во многих местах в траве змеились ручейки, что указывало на изобилие подпочвенных вод. В последний день пути отряд шел вдоль подмытого берега одного из таких ручейков, — воды его окрасились в красный цвет от окиси железа. Нетрудно было снова его разыскать. Конечно, спуститься на плоту по этому узкому и порожистому ручью было бы невозможно. Но, следуя по его берегу, отряд, несомненно, дошел бы до более полноводной реки, в которую он впадает.

И, посоветовавшись со стариком Томом, Дик принял этот простой план.

С наступлением утра путники проснулись один за другим. Миссис Уэлдон передала на руки Нан еще спящего маленького Джека. В промежутках между приступами лихорадки ребенок был такой бледный, что на него больно было смотреть.

Миссис Уэлдон подошла к Дику Сэнду.

— Дик, — сказала она, поглядев вокруг, — где Гэррис? Я его не вижу.

Юноша не хотел разуверять своих спутников, что они находятся на земле Боливии. Но измену американца он не собирался скрывать. Поэтому он, не колеблясь, сказал:

— Гэрриса нет здесь больше.

— Он поехал вперед? — спросила миссис Уэлдон.

— Он бежал, миссис Уэлдон, — ответил Дик Сэнд. — Гэррис оказался предателем. Он действовал заодно с Негоро, и они сговорились завлечь нас сюда.

— С какой целью? — взволнованно спросила миссис Уэлдон.

— Не знаю, — ответил Дик Сэнд. — Но я знаю, что нам нужно немедленно вернуться к берегу океана.

— Этот человек... предатель? — проговорила мис-

сис Уэлдон. — Я предчувствовала это! И ты думаешь, Дик, что у него сговор с Негоро?

— Вероятно, миссис Уэлдон. Негоро шел все время по нашим следам. Очевидно, случай свел этих двух мошенников и...

— И я надеюсь, что они не расстанутся до тех пор, пока не попадутся мне под руку, — вмешался в разговор Геркулес. — Я стукну их друг о дружку — да так, что у них головы разобьются! — добавил гигант, размахивая огромными кулачищами.

— Но что делать с Джеком? — вскричала вдруг миссис Уэлдон. — Мне так хотелось скорее попасть в гациенду Сан-Феличе! Ведь мальчику нужен уход!..

— Джек поправится, когда мы выйдем к берегу, там воздух здоровее, — сказал старик Том.

— Дик, — снова заговорила миссис Уэлдон, — уверен ли ты, что Гэррис изменил нам?

— Да, миссис Уэлдон, — коротко ответил юноша, желавший избежать объяснений по этому поводу.

И, пристально глядя на старого негра, он добавил:

— Этой ночью Том и я открыли его измену. Если бы он не ускакал на своей лошади, я убил бы его!

— Значит, эта гациенда... эта ферма...

— Здесь нет ни гациенды, ни фермы, ни деревни, ни поселка, — ответил Дик Сэнд. — Миссис Уэлдон, я повторяю, нам нужно немедленно вернуться на берег океана.

— Той же дорогой, Дик?

— Нет, миссис Уэлдон. Мы спустимся вниз по реке на плоту. Течение доставит нас к морю. Это безопасный и неутомительный путь. Надо пройти еще несколько миль пешком, и я не сомневаюсь, что...

— О, я полна сил, Дик! — воскликнула миссис Уэлдон, стараясь придать себе бодрый вид. — Я могу ходить. Я понесу своего сына...

— А мы-то на что, миссис Уэлдон? — возразил Бат. — Мы понесем вас обоих!

— Да, да, — подхватил Остин. — Возьмем две жерди, переплетем их ветками, сделаем подстилку из листьев...

— Благодарю вас, друзья мои, — ответила миссис Уэлдон, — но я предпочитаю идти пешком... И я пойду! В дорогу!

— В дорогу! — повторил Дик Сэнд.

— Дайте мне Джека, — сказал Геркулес. — Я устаю, когда мне нечего нести.

И великан так бережно взял спящего ребенка на руки, что тот даже не проснулся.

Оружие было приведено в боевую готовность. Остатки провизии сложили в один тюк. Актеон легко взбросил этот тюк себе на спину; таким образом у его товарищей руки оказались свободны.

Кузен Бенедикт первым был готов к походу, его длинные стальные ноги не знали усталости. Заметил ли он, что Гэррис исчез? Было бы опрометчивым утверждать это. Кузену Бенедикту и вообще-то не было никакого дела до Гэрриса, а сейчас тем более, так как его постигло самое страшное из несчастий, какие только могут обрушиться на энтомолога. Бедняга потерял очки и увеличительное стекло!

Ученый не знал, что Бат нашел оба драгоценных прибора в высокой траве, на месте привала, но по совету Дика Сэнда спрятал их. Таким образом, можно было надеяться, что большой ребенок будет вести себя смирно в дороге, так как он не видел, как говорится, дальше своего носа. Ему указали место между Актеоном и Остином и строго-настрого велели не отходить от них. Бедный кузен Бенедикт не пробовал даже возражать, он покорно поплелся за своими спутниками, как слепой за поводырем.

Маленький отряд не прошел и пятидесяти шагов, как вдруг старик Том остановился.

— А Динго? — воскликнул он.

— Верно! Динго нет, — отозвался Геркулес.

И он громко позвал собаку. Раз, другой, третий...

Ответом ему было молчание.

Дик Сэнд жалел о пропаже собаки, которая всегда могла поднять тревогу в случае неожиданной опасности.

— Не побежал ли Динго следом за Гэррисом? — спросил Том.

— За Гэррисом? Нет... — ответил Дик Сэнд. — Но он мог напасть на след Негоро. Он чуял, что португалец идет за нами.

— Этот проклятый повар убьет ее, как только увидит, — воскликнул Геркулес.

— Если только Динго раньше не загрызет его самого! — возразил Бат.

— Может быть, — сказал Дик Сэнд. — Но мы не можем задерживаться из-за собаки. Если Динго жив, он так умен, что сумеет разыскать нас. Вперед, друзья!

Стояла сильная жара. С самой зари горизонт был затянут тучами. Парило, — чувствовалось, что надвигается гроза. Похоже было на то, что без раскатов грома день не обойдется. К счастью, в лесу, хотя он и поредел, еще было сравнительно прохладно. То здесь, то там среди зарослей открывались обширные поляны, покрытые жесткой и высокой травой. Во многих местах на земле валялись огромные окаменевшие стволы — признак почвы каменноугольной формации, что часто встречается на африканском материке. На зеленом ковре лесных лужаек пестрели розовые ветки и яркие краски цветов — желтый и синий имбирь, светлые лобелии, багряные орхидеи; над цветами реяли тучи насекомых, перенося из чашечки в чашечку оплодотворяющую пыльцу.

Кругом уже не было непроницаемой чащи, но породы деревьев поражали разнообразием. Здесь росли масличные пальмы, из которых добывают ценное масло, весьма ценимое в Африке, кусты хлопчатника, образующие живую изгородь высотой в футов десять. Из их волокнистых стеблей вырабатывают хлопок с длинными шелковистыми нитями, почти такой же, как хлопок Фернамбука. Из стволов копала, сквозь дырки, проточенные хоботками насекомых, сочилась ароматная смола, стекая на землю, где она застывала на потребу туземцам. Росли тут и лимонные деревья, и дикие гранаты, и двадцать других древесных пород — все свидетельствовало о поразительном плодородии этого плоскогорья Центральной Африки. Кое-где в воздухе разливался приятный тонкий аромат ванили, и

нельзя было обнаружить, от какого деревца он исходит.

Все эти деревья и кусты ласкали взгляд свежей зеленью, несмотря на то, что стояло засушливое время года и только редкие грозовые ливни орошали плодородную почву.

Пора лихорадок была в самом разгаре, но, как заметил Ливингстон, больной может избавиться от лихорадки, покинув место, где заразился ею. Дик Сэнд знал это указание великого путешественника и надеялся, что оно подтвердится на маленьком Джеке. Когда обычный час приступа миновал, а мальчик продолжал спокойно спать на руках у Геркулеса, Дик поделился своими надеждами с миссис Уэлдон.

Отряд поспешно и осторожно двигался вперед. Местами земля хранила свежие следы проходивших в лесу людей или зверей. И там, где в кустарниках ветки были раздвинуты, поломаны, удавалось идти быстрее. Но чаще путникам приходилось прокладывать себе дорогу, преодолевая бесчисленные препятствия. Тогда, к великому огорчению Дика, маленький отряд подвигался вперед с убийственной медленностью. Перевитые лианами деревья стояли, как мачты корабля со спутанным такелажем. Ветви некоторых кустов походили на кривые дамасские клинки, с той лишь разницей, что лезвия этих клинков были утыканы шипами. Змеевидные лианы длиной в пятьдесят — шестьдесят футов стлались по земле, и горе путнику, неосторожно наступившему на них: острые, как иглы, колючки больно вонзались в ногу. Бат, Остин, Актеон топором прокладывали дорогу сквозь заросли. Лианы росли везде, обвивали деревья от самой земли до верхушек и свешивались с них длинными гирляндами.

Животные и птицы, населяющие эту часть Анголы, были не менее своеобразны, чем ее растительный мир. Множество птиц порхало под зелеными сводами леса. Но нетрудно догадаться, что люди, стремившиеся как можно скорее и незаметнее проскользнуть по лесу, не пытались подстрелить их. Были тут большие стаи цесарок, рябчики, к которым трудно приблизиться, и те птицы, которых в Северной Америке называют

«вип-пур-вил», — эти три слога точно воспроизводят их крик. Дик Сэнд и Том могли бы подумать, что находятся в какой-нибудь области Нового Света. Но, увы, они знали, где оказались. По счастью, дикие звери, столь опасные в Африке, не появлялись вблизи маленького отряда.

Путники опять видели жирафов, которых Гэррис, конечно, постарался бы выдать за страусов (на этот раз безуспешно); но эти быстрые животные моментально исчезли, испуганные появлением каравана в их безлюдных лесах; несколько раз в течение дня на горизонте поднималось к небу густое облако пыли: это стада буйволов бежали с шумом, похожим на грохот нагруженных тяжелой кладью телег.

Дик Сэнд вел свой отряд вдоль берега ручья, стремясь достичь какой-нибудь полноводной реки. Ему хотелось поскорее спуститься со своими спутниками по быстрому течению вод, бегущих к побережью. Он рассчитывал, что опасности и усталость при этом будут не столь велики.

К полудню отряд прошел три мили без единой неприятной встречи. О Гэррисе и Негоро не было ни слуху ни духу. Динго также не появлялся.

Отряд остановился в густой бамбуковой роще, чтобы отдохнуть и поесть. За завтраком не слышно было разговоров. Миссис Уэлдон снова взяла на руки сына. Она не сводила с него глаз. Есть она не могла.

— Вам непременно нужно поесть, миссис Уэлдон, — сказал Дик Сэнд. — Что с вами будет, если вы потеряете силы? Надо есть! Мы скоро снова двинемся в путь, найдем реку и тогда уж без всякого труда поплывем к океану.

Миссис Уэлдон смотрела Дику прямо в глаза, когда он говорил это. Во взоре юноши светились несокрушимая воля и мужество. Глядя на него, глядя на пятерых негров, таких преданных и стойких людей, миссис Уэлдон почувствовала, что она не имеет права отчаиваться. Да и почему бы ей терять надежду? Ведь она думала, что находится на гостеприимной земле. Измена Гэрриса не пугала миссис Уэлдон, так как она не пред-

ставляла себе тяжелых последствий этого предательства.

Дик Сэнд, догадываясь о мыслях этой женщины, должен был делать над собой усилие, чтобы выдержать ее взгляд, не отведя своих глаз в сторону.

ГЛАВА ЧЕТВЕРТАЯ

По трудным дорогам Анголы

В этот миг маленький Джек проснулся и обвил ручонками шею матери. Глаза у него были ясные. Лихорадка не возвращалась.

— Тебе лучше, дорогой? — спросила миссис Уэлдон, прижимая больного сына к сердцу.

— Да, мама, — ответил Джек. — Только пить хочется.

Мать могла дать мальчику только холодной воды.

— Где мой друг Дик? — спросил он, с удовольствием выпив несколько глотков.

— Я здесь, Джек, — ответил Дик Сэнд, взяв ребенка за руку.

— А мой друг Геркулес?

— Здесь Геркулес, — ответил гигант, улыбаясь Джеку своей доброй улыбкой.

— А лошадка? — продолжал он допрос.

— Лошадки-то и нет, мистер Джек! Убежала! Теперь я буду твоей лошадкой. Разве ты не хочешь, чтобы я тебя катал?

— Хочу, — ответил ребенок. — Но как же я буду править? У тебя ведь нет уздечки.

— Это не беда, я возьму в рот узду, — сказал Геркулес, широко раскрывая рот, — а ты можешь дергать за поводья, сколько тебе угодно.

— Нет, я буду тянуть потихоньку.

— Напрасно! У меня рот крепкий.

— А где же ферма мистера Гэрриса? — спросил мальчик.

— Скоро мы будем там, Джек, — ответила миссис Уэлдон. — Да, скоро, скоро...

— Не пора ли в путь? — спросил Дик Сэнд, чтобы прекратить этот разговор.

— Да, Дик, пора! — ответила миссис Уэлдон.

После недолгих сборов отряд тронулся в путь, сохраняя свой прежний походный строй. Чтобы не отдаляться от берегов ручейка, пришлось углубиться в лесную чащу. Когда-то здесь были проложены тропинки, но теперь они, по выражению туземцев, «умерли», то есть заросли колючками, кустарником и лианами. Около мили отряд пробирался сквозь непролазную их чащу и потратил на это три часа. Негры работали без отдыха, прокладывая дорогу. Передав маленького Джека на руки старой Нан, Геркулес также принялся за это дело, да еще как! Он шумно вдыхал воздух, взмахивал топором, и в чаще возникала просека, словно выжженная огнем.

К счастью, вскоре миновала надобность в этой утомительной работе: в лесу открылся широкий проход; наискось пересекая заросли, он вел к ручью и следовал вдоль берега. То была слоновая тропа; вероятно, сотни слонов имели обыкновение спускаться к водопою по этой части леса. Большие впадины, вдавленные ногами огромных животных, испещряли землю, размякшую во время дождей, — на рыхлом сыром ее слое легко отпечатывались их широкие следы. Вскоре оказалось, что тропой этой пользовались не только слоны. Не раз проходили их дорогой и люди, брели не по своей воле, а как скот, который безжалостные погонщики ударами бичей гонят на бойню. Во многих местах на земле виднелись кости и целые человеческие скелеты, обглоданные дикими зверями. На некоторых еще держались кандалы.

В Центральной Африке немало есть длинных дорог, словно вехами отмеченных человеческими останками. Невольничьи караваны совершают иногда переходы во много сотен миль. Несчастные рабы тысячами умирают в пути под кнутами свирепых надсмотрщиков, гибнут от неимоверной усталости и лишений, от бо-

лезней. А сколько человек убивают сами надсмотрщики, когда караван начинает испытывать нехватку в съестных припасах! Да, да! Если рабов нечем кормить, их расстреливают из ружей, закалывают ножами, рубят саблями... Такие кровавые расправы совсем не редкость.

Итак, слоновая тропа была дорогой невольничьих караванов. На протяжении мили Дику Сэнду и его спутникам то и дело попадались человеческие кости. Приближение людей вспугивало больших козодоев. Птицы тяжело взлетали и кружили в воздухе.

Миссис Уэлдон смотрела вокруг, но казалось, ничего не видела. Дик Сэнд дрожал при мысли, что она начнет расспрашивать его: юноша надеялся привести отряд на берег океана, не признаваясь своим спутникам в том, что изменник Гэррис завлек их в Экваториальную Африку. К счастью, миссис Уэлдон не отдавала себе отчета в том, что происходило вокруг. Она снова взяла на руки сына, и спящий ребенок поглотил все ее внимание. Нан шла рядом с нею, и ни старая негритянка, ни ее хозяйка не задали Дику тех вопросов, которых он так боялся.

Старик Том шел, опустив глаза к земле. Он слишком хорошо знал, почему тропа усеяна человеческими костями.

Товарищи Тома озирались по сторонам с изумленным видом. Им казалось, что они идут по бесконечному кладбищу, где землетрясение разворотило могилы. Но и они ни о чем не спрашивали.

Между тем берега ручья раздались вширь, а русло заметно углубилось. Поток катился уже не так стремительно. Можно было надеяться, что либо сам ручей скоро станет судоходным, либо он приведет путников к какой-нибудь большой реке, несущей свои воды в Атлантический океан.

Юноша твердо решил, не взирая ни на какие трудности, следовать вдоль ручья. Поэтому он без колебания покинул тропу, когда она отошла в сторону от берега.

Маленькому отряду снова пришлось пробираться сквозь нерасторжимые сплетения лиан и кустарника. Чуть не каждый шаг нужно было отвоевывать топо-

ром. Но все же заросли не были похожи на лесную чащу, примыкавшую к океанскому побережью: деревья здесь росли реже. Над высокими травами временами поднимался бамбук. О присутствии здесь отряда путников можно было судить лишь по колыхавшимся верхушкам стеблей, да иногда из них выглядывала голова Геркулеса.

Около трех часов дня путники, наконец, выбрались из лесу. Облик местности резко изменился. Впереди расстилалась бескрайняя равнина, вероятно вся затоплявшаяся разливами рек во время периода дождей. Болотистая почва густо поросла мхами, кое-где над их зеленым ковром покачивались грациозные папоротники. Иногда земля поднималась крутым бугром, и на склонах его выступали пласты темного гематита, там должны были быть богатые залежи какой-нибудь руды.

Дик Сэнд во-время вспомнил, что в книгах Ливингстона упоминаются такие болотистые равнины. Отважный исследователь несколько раз попадал в предательские топи, где с оглядкой нужно делать каждый шаг, чтобы не увязнуть в трясине.

— Внимание, друзья! — сказал Дик, становясь во главе отряда. — Пробуйте ногой землю, прежде чем сделать шаг!

— Как странно! — заметил Том. — Земля как будто размокла от дождей, а между тем все последние дни дождя не было.

— Не было, а скоро, наверно, польет. Надвигается гроза, — ответил Бат.

— Значит, надо торопиться, — сказал Дик Сэнд, — и пройти это болото прежде, чем разразится гроза. Геркулес, возьмите Джека на руки! Бат и Остин, держитесь около миссис Уэлдон, поддерживайте ее, если понадобится. А вы, мистер Бенедикт... Позвольте, что вы делаете, мистер Бенедикт?

— Я проваливаюсь, — просто ответил кузен Бенедикт.

Он погрузился в болото с такой быстротой, словно под его ногами внезапно раскрылся трап. Бедняга попал в трясину и до пояса провалился в топкую грязь.

Ему протянули руку, и он выбрался на поверхность, покрытый тиной, но очень довольный тем, что не повредил свою драгоценную жестяную коробку энтомолога. Актеон пошел рядом с незадачливым ученым и получил задание оберегать его от нового падения.

Кузен Бенедикт неудачно выбрал яму, в которую провалился. Когда его вытащили, из жидкой грязи поднялось множество пузырьков газа, распространявшего зловонный, удушливый запах. Ливингстону не раз случалось проваливаться по грудь в болото. Он говорил, что эта пористая черная земля, из которой при каждом шаге брызжут струйки воды, похожа на гигантскую губку. Эти топи весьма опасны для путников.

Дику Сэнду и его спутникам пришлось около полумили шагать по такой губчатой почве. В одном месте миссис Уэлдон по колена увязла в тине. Тогда Геркулес, Бат и Актеон, желая избавить ее от новых, еще более неприятных неожиданностей, сделали из бамбука носилки и уговорили миссис Уэлдон сесть на них. На руки ей дали маленького Джека и поспешили как можно скорее пройти это страшное болото.

Идти было трудно. Актеону пришлось все время поддерживать кузена Бенедикта. Том вел старую Нан, — без его помощи она непременно увязла бы в болоте. Остальные негры несли носилки. Дик Сэнд шел впереди отряда, выбирая дорогу. Это оказалось нелегким делом. Всего лучше было идти по закраинам болота, покрытым густой и жесткой травой. Но и здесь точка опоры часто оказывалась шаткой, и нога проваливалась в топь до колена.

Наконец, к пяти часам пополудни трясина осталась позади. Путники ступили на глинистую землю; но под тонким слоем твердого грунта чувствовалась болотистая подпочва. Видно, равнина была расположена ниже уровня соседних рек, и воды их просачивались в пористую землю.

Жара стояла палящая. Было бы невозможно перенести ее, если бы между землей и жгучими лучами солнца не протянулась завеса темных грозовых туч. В отдалении уже сверкала молния и глухо рокотал

гром. С минуты на минуту могла разразиться страшная африканская гроза. Сильнейший ливень, порывы ураганного ветра, которые валят самые крепкие деревья, беспрерывное сверкание молнии — такова картина этой грозы. Дик Сэнд знал это и, естественно, очень тревожился. Отряд не мог провести ночь под открытым небом: равнине грозило затопление. Но Дик не видел впереди ни одного бугра, где можно было бы найти пристанище от наводнения.

Нельзя было вырыть себе убежище и в земле — в двух футах от ее поверхности оказалась бы вода.

Как отыскать убежище в этой пустынной и голой котловине, где нет ни одного дерева, ни одного куста?

На севере виднелась гряда невысоких холмов, замыкавших собой котловину. Там, на фоне светлой полосы, отделявшей линию горизонта от темного навеса туч, отчетливо вырисовывались силуэты нескольких деревьев.

Дик Сэнд не знал, найдется ли на этих холмах убежище от грозы. Но по крайней мере путникам там не угрожало наводнение.

— Вперед, друзья мои, вперед! — повторял юноша. — Еще какие-нибудь три мили, и мы выберемся из опасной впадины.

— Живей, вперед! — крикнул Геркулес.

Этот славный человек рад был бы посадить себе на плечи всех своих товарищей и вынести их из лощины.

Слова Дика Сэнда подбодрили путников, и, невзирая на усталость, они зашагали вперед даже быстрее, чем в начале пути.

Отряд был еще в двух милях от цели, когда разразилась гроза. К счастью, дождь начался не сразу после того, как первые вспышки молнии сверкнули в насыщенных электричеством тучах. Солнце еще не скрылось за горизонтом, но кругом стало совсем темно. Темный купол грозовых туч медленно спускался; казалось — вот-вот он рухнет на землю и все затопит ливень. Красные и синие зигзаги молний бороздили небосвод в тысяче мест, опутывая равнину сетью огней.

Каждую секунду путников могла поразить молния. На голой равнине, где не было ни одного деревца, группа людей рисковала притянуть электрические разряды.

Джек, которого разбудило грохотанье грома, уткнулся личиком в грудь Геркулеса. Бедный мальчик боялся грозы, но, не желая огорчать мать, старался скрыть свой страх. Геркулес шел широким шагом и утешал ребенка как умел.

— Не бойся, малыш, не бойся, — повторял он. — Если гром приблизится к нам, я сломаю его пополам одной рукой. Я ведь сильнее грома!

И мальчик успокаивался, чувствуя, как силен его защитник.

С минуты на минуту должен был начаться дождь, и тогда из низко нависших туч на землю прольются потоки воды. Что станется с миссис Уэлдон и маленьким Джеком, если до начала ливня не найдется хоть какое-нибудь убежище?..

Дик Сэнд подошел к Тому.

— Что делать? — спросил он.

— Идти вперед, — ответил старик. — Дождь превратит эту котловину в непроходимую топь. Здесь оставаться нельзя.

— Разумеется, Том, разумеется, но надо найти хоть какой-нибудь приют. Хоть бы хижина какая попалась!..

Дик Сэнд вдруг умолк.

Ослепительно яркая молния осветила всю равнину от края до края.

— Что это там виднеется в четверти мили отсюда? — воскликнул Дик.

— И мне показалось там что-то... — ответил старик Том, закивав головой.

— Лагерь? Не правда ли?

— Да, как будто лагерь... Но лагерь туземцев.

При новой вспышке молнии удалось лучше рассмотреть этот лагерь. На равнине симметричными рядами расположилось около сотни палаток конической формы и высотою от двенадцати до пятнадцати футов. Но людей в лагере не было видно. Где же они? Если

обитатели лагеря спрятались от грозы в палатки, маленькому отряду следовало бы как можно скорее бежать подальше, не взирая ни на какую бурю. Если же лагерь был покинут людьми, он мог послужить убежищем для путников.

«Я выясню это!» — сказал себе Дик Сэнд.

Обратившись к старому Тому, он приказал:

— Не двигайтесь с места! Я пойду на разведку.

— Позвольте кому-нибудь сопровождать вас, мистер Дик, — попросил старый Том.

— Нет, Том, я пойду один. Я незаметно подкрадусь к лагерю. Ждите меня!

Маленький отряд, во главе которого шли Дик Сэнд и Том, остановился. Юноша исчез в темноте, казавшейся непроницаемой в промежутках между вспышками молний.

На землю упали первые крупные капли дождя.

— Куда ушел Дик? — спросила миссис Уэлдон, подходя к старому негру.

— Мы увидели какой-то лагерь, миссис Уэлдон, — ответил Том. — Лагерь, а может быть деревню. Наш капитан решил пойти на разведку, прежде чем вести нас туда.

Миссис Уэлдон удовлетворилась этим ответом.

Через несколько минут Дик Сэнд вернулся.

— Идите за мной! — радостно воскликнул он.

— В лагере никого нет? — спросил Том.

— Это не лагерь, — ответил юноша, — и не деревня. Это просто муравейники.

— Муравейники? — вскричал кузен Бенедикт, сразу оживившись.

— Да, мистер Бенедикт, но муравейники вышиной по меньшей мере в двенадцать футов. Мы попробуем укрыться в них.

— Но в таком случае это, должно быть, постройки тропических термитов, — сказал кузен Бенедикт. — Эти насекомые-строители умеют воздвигать монументальные сооружения, которые сделали бы честь любому архитектору.

— Термиты это или нет, но придется выселить их, мистер Бенедикт, и занять их место.

— Они сожрут нас! И будут правы.

— В дорогу! В дорогу!.. — скомандовал Дик.

— Да погодите же! — прибавил кузен Бенедикт. — Я думал, что такие муравейники встречаются только в Африке.

— В дорогу! — сердито крикнул Дик Сэнд; он боялся, что миссис Уэлдон обратит внимание на последние слова энтомолога.

Все поспешно последовали за Диком Сэндом. Поднялся бешеный ветер. Крупные капли дождя забарабанили по земле. Буря разыгрывалась не на шутку.

Вскоре путники добрались до ближайшего термитника. Им предстояло либо примириться с соседством грозных термитов, либо изгнать их из жилья.

В нижней части этого конуса, сооруженного из особой красноватой глины, было оставлено узкое отверстие, которое Геркулес в несколько минут расширил ножом до таких размеров, что в него мог пролезть даже такой крупный человек, как он.

К крайнему удивлению кузена Бенедикта, ни один из многих тысяч термитов, которые должны были занимать муравейник, не показывался. Неужто этот конус покинут владельцами?

Когда Геркулес кончил свою работу, Дик Сэнд и его спутники поочередно проскользнули внутрь постройки, и Геркулес вполз последним. В ту же минуту дождь полил с такой силой, словно хотел погасить молнии.

Но теперь уже нечего было бояться неистовства стихий. Счастливый случай привел путников в убежище более надежное, чем палатка, чем даже хижина туземца.

Лейтенант Камерон, восхищаясь тем, что маленькие насекомые умеют строить такие огромные сооружения, говорил, что искусство термитов заслуживает большего удивления, чем искусство древних египтян, воздвигнувших пирамиды.

— Чтобы сравниться с термитами, — говорил он, — людям нужно было бы построить по меньшей мере гору Эверест, одну из высочайших вершин Гималаев.

ГЛАВА ПЯТАЯ

Лекция о термитах, прочитанная в термитнике

Для Дика Сэнда и его спутников было большим счастьем, что, по воле провидения, они нашли это убежище. Через несколько минут гроза разбушевалась с яростью, неведомой в умеренном климате.

Дождь не падал отдельными каплями, а лил струями. Временами потоки воды низвергались на землю сплошной стеной, как Ниагара. Словно в небесах перевернулся кверху дном необъятный бассейн и вся вода сразу хлынула на землю. Такой ливень мгновенно превращает равнины в озера, а ручейки — в бурные потоки; реки выходят из берегов и затопляют огромные пространства. В отличие от зон умеренного пояса, где сила грозы обратно пропорциональна ее продолжительности, в Африке сильнейшие грозы часто длятся по нескольку дней. Как может скопиться в тучах столько электричества? Откуда берется столько водяных паров? Трудно понять это, однакож бывает именно так — мы как будто переносимся в поразительную, дилювиальную эпоху.

К счастью, толстые своды термитника оказались непроницаемыми для ливня, — в этом отношении они не уступали даже прочным хаткам бобров. Обрушься на них целый водопад, и то ни одна капля воды не проникла бы внутрь конуса.

Как только путешественники заняли термитник, они первым долгом ознакомились с его устройством. При свете фонарика они увидели, что постройка представляет собой конус внутри вышиной в двенадцать футов и диаметром у основания в одиннадцать футов. Толщина стен достигала одного фута, и по ним лепились в несколько этажей камеры, отделенные друг от друга промежутками.

Может показаться невероятным, что полчища ничтожных насекомых строят такие монументальные сооружения, тем не менее это неоспоримо: поселения термитов существуют и довольно часто встречаются во

внутренних областях Африки. Голландский путешественник прошлого века Смитмен поместился с четырьмя своими спутниками на верхушке одного из таких конусов. Ливингстон видел в Лундэ несколько термитников из красной глины высотой в пятнадцать и двадцать футов. В Ньянгве лейтенант Камерон не раз принимал издали скопище таких муравейников за военный лагерь; он обнаружил исполинские термитники, целые здания, достигавшие сорока и пятидесяти футов высоты. То были огромные округлые конусообразные сооружения, какие возводят в Южной Африке, а по бокам у них высились узкие пристройки вроде колоколен собора. Какие же термиты умеют строить такие удивительные здания?

— Воинственные термиты, — не колеблясь, ответил кузен Бенедикт, как только ознакомился с материалом, из которого был выстроен муравейник.

Стены, как мы уже говорили, были построены из красноватой глины. Если бы они были слеплены из серой или черной земли, то постройку их следовало бы приписать «термитам кусающимся» («termes mordax») или «термитам ужасным» («termes atrox»). Как видите, у этих насекомых мало успокоительные названия, и они могли нравиться только такому страстному энтомологу, как кузен Бенедикт.

В пустой центральной части конуса, которую сначала занял маленький отряд, не хватило бы места для всех, но в камерах, расположенных ярусами, свободно могли уместиться люди среднего роста. Вообразите ряд открытых ящиков, в глубине этих ящиков миллионы ячеек, которые прежде были заняты термитами, и вы легко представите себе внутреннее устройство муравейника. Ящики располагались ярусами, один над другим, как койки в пароходной каюте. На верхних койках разместились миссис Уэлдон, маленький Джек, Нан и кузен Бенедикт. Пониже устроились Остин, Бат и Актеон. Дик Сэнд, Том и Геркулес остались в самой нижней части конуса.

— Друзья мои, — сказал юноша двум неграм, — вода начинает заливать пол. Надо сделать насыпь из глины. Откалывайте глину с нижней части стен. Но

только осторожнее, не завалите входа — тогда прекратится доступ воздуха, и мы задохнемся.

— Мы ведь проведем здесь только одну ночь, — ответил старый Том.

— Ну так что же? Нужно воспользоваться случаем и отдохнуть хорошенько. Ведь за десять дней мы в первый раз ночуем под крышей.

— Десять дней! — повторил Том.

— Кроме того, — продолжал Дик Сэнд, — возможно, что мы задержимся здесь на день-другой; термитник как будто представляет надежное убежище. А я тем временем пойду посмотрю, далеко ли река, которую мы ищем. Я думаю даже, что нам лучше не покидать наше пристанище, пока мы не построим плот. Нам тут не страшна гроза. Итак, за работу! Сделаем насыпь и утрамбуем пол.

Приказание Дика Сэнда тотчас же было выполнено. Геркулес обрушил топором нижний ярус камер и навалил глину на пол термитника, подняв таким образом пол почти на целый фут над болотистой почвой, на которой стоял конус. Дик Сэнд следил за тем, чтобы входное отверстие, через которое поступал воздух, осталось открытым.

Путешественники могли только радоваться, что термиты покинули свое жилище. Ведь если бы в постройке осталась хотя бы часть многотысячного ее населения, люди уже не в силах были бы занять ее.

Давно ли термитник оставлен хозяевами, или эти прожорливые насекомые только что покинули его? Задаться таким вопросом было далеко не лишнее.

Кузена Бенедикта чрезвычайно удивило то, что термиты покинули свой дом, и вскоре он убедился, что это произошло недавно. Спустившись на пол, он вооружился фонарем и стал осматривать самые потаенные закоулки конуса. Ему удалось обнаружить «главный склад» термитов, то есть место, где эти трудолюбивые насекомые хранят свои продовольственные запасы.

Этот склад помещался в нижнем ярусе, близ «королевской» ячейки, которую разрушил топор Геркулеса, так же как и ячейки, предназначенные для личинок. Кузен Бенедикт нашел здесь несколько капель

еще не успевшей затвердеть камеди — значит, термиты совсем недавно доставили ее на склад.

— Нет, нет! — воскликнул ученый, словно возражая какому-то оппоненту. — Нет, эту постройку хозяева покинули совсем недавно.

— Кто же спорит с вами, господин Бенедикт? — сказал Дик Сэнд. — Когда бы термиты ни покинули свое жилище — год тому назад или сегодня, — для нас важно лишь одно: нам его уступили.

— Нет, подожди, — возразил кузен Бенедикт, — очень важно узнать, почему термиты ушли отсюда. Ведь вчера, а может быть и сегодня утром, эти хитроумные сетчатокрылые еще жили здесь: видите, даже камедь не успела затвердеть...

— Но какое нам до этого дело, господин Бенедикт? — спросил Дик Сэнд.

— Только инстинкт мог заставить термитов покинуть свое жилище. Посмотрите: в ячейках не осталось ни одного насекомого! Больше того, они заботливо унесли все личинки до последней. Так вот, я повторяю, — все это произошло не без причины: предусмотрительные насекомые чувствовали приближение грозной опасности.

— Быть может, они предвидели, что мы вторгнемся в их жилище? — смеясь, сказал Геркулес.

— Вот как? — воскликнул кузен Бенедикт, которого задела за живое шутка славного негра. — Неужели вы считаете себя сильнее этих храбрых насекомых? Несколько тысяч термитов быстро превратили бы вас в обглоданный скелет, если бы нашли ваш труп на своем пути.

— Велика хитрость — обглодать мертвеца! — ответил Геркулес, не желавший сдаваться. — А живого Геркулеса им не съесть! Я легко раздавлю сотню тысяч термитов!..

— Вы раздавите сто тысяч, двести тысяч, пятьсот тысяч, миллион, — живо возразил кузен Бенедикт, — но не миллиард! А миллиард термитов съест вас, живого или мертвого, обгложет до последней косточки!

Во время этого спора, который на первый взгляд мог показаться праздным, Дик Сэнд задумался. Заме-

чание кузена Бенедикта произвело на него большое впечатление. Он не сомневался, что ученый, отлично знающий повадки насекомых, не ошибся в своих предположениях. Если инстинкт побудил термитов покинуть их городок, — значит, пребывание в нем действительно грозило какой-то опасностью.

Но так как нечего было и думать уйти из этого убежища в минуту, когда гроза бушевала с небывалой яростью, Дик Сэнд не стал ломать голову над тем, что казалось совершенно необъяснимым, и только заметил:

— Вы сказали, что термиты оставили в муравейнике свои запасы продовольствия, господин Бенедикт? Это напоминает мне, что свой-то провиант мы принесли с собой. Предлагаю поужинать. Завтра, когда гроза пройдет, мы решим, что делать дальше.

Тотчас занялись приготовлением ужина. Как ни велика была усталость путешественников, она не ослабила их аппетита. Консервам, которых должно было хватить еще на два дня, был оказан отличный прием. Сухари еще не успели отсыреть, и в продолжение нескольких минут только и слышно было, как они хрустят на крепких зубах Дика Сэнда и его товарищей. А мощные челюсти Геркулеса работали, как настоящие жернова мельницы.

Но миссис Уэлдон едва притронулась к еде и то лишь потому, что Дик просил ее об этом. Дику показалось, что мужественная женщина чем-то глубоко озабочена и более печальна, чем во все предшествующие дни. А между тем маленький Джек чувствовал себя лучше. Приступы лихорадки больше не повторялись, и теперь он спокойно спал на глазах у матери в ячейке термитника, где ему устроили мягкую постель из одежды. Дик Сэнд не знал, чему приписать уныние миссис Уэлдон.

И без слов ясно, что кузен Бенедикт воздал должное ужину. Не следует, однако, думать, что ученого занимало качество или количество кушаний, которые он поглощал. Нисколько! Он был просто рад случаю во время ужина прочитать спутникам лекцию о терми-

тах. Ах, если бы в покинутой постройке остался хоть один термит, один-единственный!..

— Эти изумительные насекомые, — начал ученый энтомолог свою речь, мало заботясь о том, слушают ли его товарищи, — принадлежат к сетчатокрылым: сяжки у них длиннее головы, челюсти сильно развиты, нижние крылья по большей части одинаковой длины с верхними. В состав этого интереснейшего отряда входят пять групп: скорпионовые мухи, муравьиные львы, золотоглазки, веснянки и термиты. Не может быть никаких сомнений в том, что насекомые, жилище которых мы — быть может, совершенно напрасно! — заняли, принадлежат к последней из перечисленных групп.

Дик Сэнд с этой минуты начал внимательно слушать лекцию кузена Бенедикта.

Уж не догадался ли энтомолог после находки поселения термитов, что путешественники находятся в Африке? Это было вполне возможно, хотя ученый вряд ли представлял себе, какая роковая случайность забросила его вместо одного материка на другой. Поэтому Дик с большой тревогой слушал его лекцию.

А кузен Бенедикт, оседлав любимого конька, понесся во всю прыть.

— Для термитов, — сказал он, — характерны лапки с четырьмя суставами и замечательно сильные роговидные челюсти. Есть порода мантисп, порода рафиди, порода термитов, известных под названием белых муравьев, к ним относятся термит «роковой» термит с желтым щитком, термит, убегающий от света, термит кусающий, разрушитель...

— А какие термиты построили этот конус? — спросил Дик Сэнд.

— Конечно, тот вид, который известен науке под названием «воинственных термитов», — ответил кузен Бенедикт таким тоном, словно говорил о македонянах или о каком-нибудь другом античном племени, славившемся воинской доблестью. — Да-с, воинственные термиты разного размера! Разница между Геркулесом и карликом была бы меньше, чем между самым большим и самым маленьким из этих насекомых. Есть ме-

жду ними «рабочие» — термиты длиною в пять миллиметров и «солдаты» — длиною в десять миллиметров, самцы и самки длиною в двадцать миллиметров, встречается и чрезвычайно любопытная порода термитов — «сирафу», длиною в полдюйма, у них челюсти, как клещи, а голова больше тела, как у акул! Это акулы среди насекомых, и при схватке между сирафу и акулой я не держал бы пари за акулу!

— Где обычно водятся воинственные термиты? — спросил Дик.

— В Африке, — ответил кузен Бенедикт, — в Центральной Африке и в южных ее областях. Ведь Африка — прославленная страна муравьев. Стоит прочитать, что писал о муравьях Ливингстон в последних своих заметках, доставленных Стенли.

Доктору Ливингстону посчастливилось несравненно больше, чем нам с вами: ему довелось быть свидетелем великого сражения между двумя армиями муравьев — черных и красных. Красные муравьи, которых называют «драйверс», а туземцы именуют «сирафу», победили. Побежденные черные муравьи, «чунгу», после мужественного сопротивления вынуждены были покинуть поле битвы. Но они отступили в полном порядке, захватив с собою личинки. Ливингстон утверждает, что никогда ни люди, ни животные не проявляют такого воинственного пыла. Перед сирафу отступает даже самый храбрый человек, ибо своими сильными челюстями эти термиты мгновенно вырывают у врага куски живого тела. Сирафу боятся и бегут от них даже львы и слоны. Ничто не может остановить натиск армии сирафу — ни деревья, на которые они легко взбираются до самой верхушки, ни ручьи, — они переходят через них по своеобразным висячим мостам, образованным их сцепившимися телами. А как многочисленны полчища термитов! Другой исследователь Африки, дю-Шеллю, в течение двенадцати часов наблюдал прохождение одной нескончаемой колонны термитов. Впрочем, что удивительного в том, что они шествуют мириадами? Эти насекомые поразительно плодовиты, самка воинственного термита может снести в день до шестидесяти тысяч яичек! Туземцы употребляют в пищу

этих сетчатокрылых. Подумайте, друзья мои, что может быть вкуснее печеных термитов!

— А вы едали их, мистер Бенедикт? — спросил Геркулес.

— Пока нет. Но я буду их есть!

— Где?

— Здесь!

— Но ведь мы не в Африке! — поспешно сказал Том.

— Нет... Нет... — ответил кузен Бенедикт. — А между тем до сих пор ученые встречали воинственных термитов и их поселения только на африканском континенте. Ах, уж эти путешественники! Они не умеют смотреть. Впрочем, тем приятнее. Я уже обнаружил муху цеце в Америке! Моя слава еще больше возрастет оттого, что я первый нашел на американском континенте и воинственных термитов. Какой материал для сенсационной статьи! Что там статья, — для толстого тома с вкладными листами таблиц и цветных рисунков! Весь ученый мир Европы будет потрясен.

Ясно, что кузен Бенедикт и не подозревал горькой правды. Бедняга ученый и его спутники, исключая Дика Сэнда и старого Тома, как и следовало ожидать, все еще верили, что они в Америке.

Должны были произойти другие, несравненно более важные события, чтобы вывести их из заблуждения.

Было уже девять часов вечера, когда кузен Бенедикт кончил свою речь. Заметил ли он, что большинство слушателей, лежавших в глиняных ячейках, заснуло под его энтомологические рассуждения? Вряд ли. Но кузену Бенедикту и не нужны были слушатели. Он говорил для себя. Дик Сэнд не задавал ему больше вопросов и лежал неподвижно, хотя и не спал. Геркулес боролся со сном дольше других, но вскоре усталость сомкнула ему глаза, он уснул и уже ничего не слышал.

Кузен Бенедикт еще некоторое время разглагольствовал. Но, наконец, его самого начала одолевать дремота, и он забрался в ячейку верхнего яруса, которую облюбовал для себя.

В термитнике воцарилась тишина, а за глиняными его стенами все так же бушевала буря, грохотал гром

и сверкали молнии. Ничто, казалось, не указывало на то, что гроза близится к концу.

Фонарь погасили. Внутри конуса все погрузилось в темноту. Усталые путники крепко спали. Одному лишь Дику Сэнду, несмотря на крайнее утомление, было не до сна. Заботы не давали ему покоя. Он все думал о своих спутниках, о том, как их спасти. С крушением «Пилигрима» жестокие их испытания не кончились. Иные, самые ужасные страдания ждут их, если они попадут в руки туземцев.

Но как избежать этой опасности, самой страшной из всех, угрожавших маленькому отряду на пути к берегу океана? Несомненно, Гэррис и Негоро со злым умыслом завели путешественников в дебри Анголы. Но что задумал негодяй португалец? К кому и за что он питал такую черную ненависть? Юноша убеждал себя, что Негоро ненавидит только его одного. Еще и еще раз он перебирал в памяти все события, которыми ознаменовалось плавание «Пилигрима»: встречу с потерпевшим крушение судном, спасение негров, охоту на кита, гибель капитана Гуля и всех матросов... Дик Сэнд вспомнил, как он, пятнадцатилетний юноша, должен был принять командование судном, на котором вскоре из-за преступных махинаций Негоро не оказалось ни компаса, ни лага; вспомнилось ему, как в споре с Негоро он своей властью, властью капитана, принудил его подчиниться, пригрозив мерзавцу заковать его в кандалы или всадить ему пулю в лоб. Ах, почему он не сделал этого? Если бы он тогда же покончил с Негоро и выбросил его труп за борт, не было бы этих ужасных катастроф...

Картины пережитых бедствий сменяли одна другую.

Он вспомнил крушение «Пилигрима». Вспомнил, как появился предатель Гэррисон и как мнимая Боливия постепенно и с полной очевидностью превратилась в Анголу, страшную Анголу, с ее убийственными лихорадками, дикими зверями и людьми, которые были опаснее зверей! Удастся ли маленькому отряду избежать столкновения с теми и другими на пути к океану? Удастся ли ему, Дику, осуществить свой план — добраться до морского берега на плоту по реке, которую

он надеялся найти? Будет ли этот способ передвижением менее утомительным и более безопасным, чем пеший поход?

Дик гнал от себя сомнения. Он знал, что ни Джек, ни миссис Уэлдон не выдержат нового перехода в сто миль по этой негостеприимной стране среди непрестанных опасностей.

«Какое счастье, — думал он, — что миссис Уэлдон и остальные не подозревают, как опасно наше положение! Только старик Том и я знаем, что Негоро завел корабль к берегам Африки, а его сообщник Гэррис заманил нас вглубь Анголы!»

Чье-то дыхание коснулось лба Дика Сэнда. Нежная рука оперлась на его плечо. Взволнованный голос, прервав его тяжелые мысли, прошептал ему на ухо:

— Я все знаю, мой бедный Дик! Но господь может спасти нас. Да будет воля его!

ГЛАВА ШЕСТАЯ

Водолазный колокол

Дик Сэнд не смог выговорить ни слова в ответ на это неожиданное признание. Но миссис Уэлдон и не ждала ответа. Она вернулась на свое место рядом с маленьким Джеком; юноша не посмел удержать ее.

Итак, миссис Уэлдон все знала...

Повидимому, события последних дней посеяли в ее уме сомнения, и одного слова «Африка», произнесенного кузеном Бенедиктом, было достаточно, чтобы эти сомнения превратились в уверенность.

«Миссис Уэлдон все знает! — говорил себе Дик Сэнд. — Что ж, пожалуй, это к лучшему. Она не теряет бодрости духа — значит, мне и подавно нельзя впадать в отчаяние!»

Теперь Дик с нетерпением ждал рассвета. Как только забрезжит заря, он отправится на разведку в окрестности поселка термитов и разыщет реку, которая доставит маленький отряд к берегам Атлантического

океана. У Дика было предчувствие, что такая река протекает где-нибудь неподалеку. Теперь всего важнее было избежать встречи с туземцами, — Гэррис и Негоро, может быть, уже направили их по следам путешественников.

До рассвета было еще далеко. Ни один луч света не проникал внутрь конуса. Раскаты грома, глухо доносившиеся сквозь толстые стены, свидетельствовали о том, что гроза все еще не утихает. Прислушавшись, Дик различил шум непрекращающегося ливня. Но тяжелые капли падали не на твердую землю, а в воду. Дик сделал из этого вывод, что вся равнина затоплена.

Было около одиннадцати часов вечера. Дик Сэнд почувствовал, что какое-то оцепенение, предвестник крепкого сна, овладевает им. Что ж, можно хоть отдохнуть немного. Но тут у него мелькнула мысль, что наваленная на полу глина, намокнув, может закрыть вход, преградить доступ свежему воздуху, и десять человек, разместившиеся в конусе, рискуют задохнуться от избытка углекислоты.

Дик Сэнд соскользнул на пол, глина, сбитая с первого этажа ячеек, повысила его уровень. Эта глиняная площадка была совершенно сухая; отверстие было все открыто, воздух свободно проникал внутрь конуса, а вместе с ним и отблески сверкавших молний, и оглушительные раскаты грома, и плеск проливного дождя.

Все было в порядке. Казалось, никакая опасность непосредственно не угрожает людям, заменившим в термитнике колонию сетчатокрылых. Дик Сэнд решил дать себе несколько часов отдыха, чувствуя, что силы оставляют его. Но из осторожности он лег у входа на насыпь. Здесь он первым мог поднять тревогу, если бы что-нибудь случилось. Здесь его разбудят первые лучи зари, и он тотчас же отправится на разведку.

Положив ружье рядом с собой, Дик лег, прислонившись головой к стене и заснул.

Он не мог бы сказать, долго ли длился его сон. Разбудило его прикосновение чего-то холодного. Он вскочил на ноги. К ужасу своему, он увидел, что вода за-

ливает термитник. Вода прибывала с такой быстротой, что в несколько секунд уровень ее поднялся до нижних ячеек, где спали Том и Геркулес.

Дик Сэнд разбудил их и рассказал о новой опасности.

Том зажег фонарь и посветил вокруг.

Достигнув уровня приблизительно в пять футов, вода перестала прибывать.

— Что случилось, Дик? — спросила миссис Уэлдон.

— Пустяки, — ответил юноша. — Нижняя часть конуса затоплена. Должно быть, вследствие ливня река вышла из берегов и разлилась по равнине.

— Отлично! — воскликнул Геркулес. — Это значит, что река действительно близко.

— Да, — сказал Дик Сэнд, — и по течению этой реки мы спустимся к побережью. Не беспокойтесь, миссис Уэлдон, вода не поднимается выше, и верхние ярусы останутся сухими.

Миссис Уэлдон не ответила. Что касается кузена Бенедикта, то он спал, как настоящий термит.

Пятеро негров молча глядели на воду, отражавшую свет фонаря, и ждали распоряжений Дика Сэнда, который измерял высоту наводнения.

Юноша приказал положить оружие и провизию в ячейку верхнего яруса, чтобы их не подмочило.

— Вода проникла через входное отверстие? — спросил Том.

— Да, — ответил Дик Сэнд, — и теперь она не пропускает снаружи воздух.

— Давайте сделаем новое отверстие в стене, выше уровня воды, — предложил старый негр.

— Пожалуй... Нет, Том. Если у нас здесь уровень воды только пять футов, это не значит, что снаружи она не поднялась выше... Вероятно, там уровень достигает семи-восьми футов, а возможно и больше.

— Вы так думаете, мистер Дик?

— Я думаю, Том, что вода, проникнув в конус, сжала заключавшийся в нем воздух, и теперь этот сжатый воздух не дает ей подняться выше. Но если мы прорубим отверстие в стене, воздух вырвется наружу, давление упадет, и уровень воды снаружи и внутри ко-

нуса сравняется. Если же уровень воды снаружи стоит выше, чем здесь, то вода будет подниматься до тех пор, пока ее снова не остановит сжатие воздуха. В этом конусе мы — как рабочие в водолазном колоколе.

— Что же нам делать? — спросил Том.

— Сначала хорошенько обдумать, а потом уж действовать, — ответил Дик Сэнд. — Неосторожность может стоить нам жизни.

Это замечание было совершенно верным. Дик был прав также, когда сравнивал затопленный разливом термитник с водолазным колоколом. Но в водолазном колоколе воздух беспрестанно обновляется при посредстве специальных насосов. Водолазы свободно дышат и не испытывают других неудобств, кроме тех, какие связаны с длительным пребыванием в камере, где воздух находится под большим давлением. В конусе же к этим неудобствам присоединялось то, что вода заняла около трети объема помещения, а воздух мог обновиться только в том случае, если будет пробито в стене отверстие, сообщающееся с атмосферой. Но пробивать такое отверстие — это значило подвергнуться риску, о котором говорил Дик Сэнд, и, быть может, только ухудшить положение.

Пока что уровень воды внутри конуса оставался неизменным. Повыситься он мог только в двух случаях: во-первых, если в стене будет пробита дыра и окажется, что снаружи вода стоит выше, чем внутри конуса, во-вторых, если уровень половодья поднимется еще выше. В обоих случаях вода оставит внутри термитника только небольшое пространство, в котором отравленный выдыхаемой углекислотой воздух будет сжат еще больше.

Дику пришла в голову мысль, что разлив может сорвать с места конус, что было бы крайне опасно для всех находящихся в нем. «Нет, — решил он, — этого не может быть: постройки у термитов чрезвычайно прочные, не хуже, чем у бобров».

Итак, больше всего следовало опасаться, что гроза затянется надолго и, следовательно, усилится наводнение. Если уровень половодья на равнине достигнет тридцати футов, то есть поднимется на восемнадцать

футов над верхушкой конуса, воздух внутри него будет находиться под давлением почти в одну атмосферу.

А между тем у Дика Сэнда были основания опасаться, что наводнение усилится. Ведь подъем воды зависел не только от этого невероятного ливня, — возможно, что какая-нибудь из протекавших поблизости рек вышла из берегов и затопила эту котловину. В таком случае следует допустить предположение, что конус весь целиком находится под водой и из него уже нельзя выбраться, даже пробив верхушку, что сделать не очень трудно.

Дик Сэнд, крайне встревоженный, спрашивал себя, как поступить: ждать или, выяснив, как обстоит дело, скорее найти выход из положения?

Было три часа утра. В конусе все молча прислушивались к отзвукам грозы, глухо доносившимся снаружи. Непрестанный гул и треск свидетельствовали о том, что борьба стихий не кончилась.

Старик Том обратил внимание на то, что уровень воды продолжает понемногу подниматься.

— Да, я тоже это заметил, — сказал Дик Сэнд. — Воздух не может вырваться отсюда, а вода все-таки поднимается. Значит, и снаружи вода прибывает и просачивается сюда.

— К счастью, подъем чуть заметный, — сказал Том.

— Но неизвестно, когда он прекратится, — ответил Дик Сэнд.

— Капитан Дик, — сказал Бат, — если хотите, я попробую выбраться из термитника. Я нырну и попробую вылезти через отверстие...

— Лучше я сам попытаюсь это сделать, — ответил Дик.

— Нет, нет! — горячо возразил Том. — Пусть лучше мой сын попытается. Вы вполне можете положиться на его ловкость. А если ему не удастся вернуться... Ваше присутствие здесь необходимо. — И шепотом старик добавил: — Не забывайте о миссис Уэлдон и маленьком Джеке!..

— Хорошо, — сказал Дик. — Ступайте, Бат. Если конус затоплен, и не думайте возвращаться. Мы тогда

постараемся выбраться тем же путем, что и вы. Но захватите с собой топор и, если верхушка термитника выступает над водой, рубите ее. Мы услышим стук, это послужит нам сигналом, мы начнем ломать кровлю изнутри. Понятно?

— Понятно, — ответил Бат.

— Ну, иди, сынок, — сказал Том, пожимая ему руку.

Бат сделал глубокий вдох и, набрав запас воздуха в легкие, нырнул.

Глубина воды в конусе превышала пять футов. Перед Батом стояла нелегкая задача: найти под водой выходное отверстие, пролезть сквозь него и подняться на поверхность. Все это нужно было проделать за несколько секунд.

Прошло полминуты. Дик решил, что негр уже выбрался наружу, как вдруг из воды показалась голова Бата.

— Ну, что? — спросил Дик Сэнд.

— Отверстие завалило глиной, — ответил Бат, переведя дыхание.

— Отверстие завалено! — повторил Том.

— Да, — сказал Бат. — Очевидно, вода размыла глину. Я ощупал рукой стены — отверстия больше нет.

Дик Сэнд покачал головой. Маленький отряд был герметически закупорен в этом конусе. Да еще весьма возможно, что термитник затоплен разливом.

— Если старого отверстия нет, нужно сделать новое, — сказал Геркулес.

— Погодите! — воскликнул Дик, удерживая Геркулеса, который взял топор и собрался уже нырнуть.

Юноша крепко задумался и после долгого молчания сказал:

— Нет, мы сделаем другое. Весь вопрос заключается вот в чем: покрывает ли вода термитник, или нет? Просверлив скважину в верхушке конуса, мы получим ответ на этот вопрос. Но если конус затоплен, воздух моментально вырвется наружу, вода заполнит все пространство и мы погибнем. Тут нужна осторожность...

— Но и мешкать нельзя, — заметил старый Том.

В самом деле, вода в конусе продолжала понемногу подниматься. Уровень ее достиг шести футов. Миссис Уэлдон, Джек, кузен Бенедикт и Нан укрылись в верхнем ярусе ячеек, до которого вода еще не дошла; все остальные путники были уже по пояс в воде.

Надо было поскорее испробовать предложенный Диком способ. Юноша решил просверлить скважину в стене на расстоянии одного фута от поверхности воды, то есть в семи футах от пола. Если в отверстие ворвется наружный воздух, значит конус выступает над водой. Напротив, если окажется, что отверстие просверлено ниже уровня разлива, вода в конусе начнет подниматься. Тогда, быстро заткнув скважину, нужно будет сверлить новую, футом выше, и так далее. Если окажется, что и отверстие в верхушке конуса не сообщается с воздухом, значит вода на равнине стоит выше пятнадцати футов и все поселение термитов затоплено. А в этом случае Дику Сэнду и его спутникам грозила самая ужасная и мучительная гибель — медленная смерть от удушья.

Дик Сэнд знал все это, но хладнокровие ни на мгновение не покидало его. Он заранее учел все возможные последствия принятого им решения. Но бездействовать дальше было опасно: и без того воздух внутри конуса был уже настолько испорчен, что путешественникам стало трудно дышать, а свободное пространство все уменьшалось.

Лучший инструмент, который Дик Сэнд мог выбрать, чтобы просверлить отверстие в стене, был ружейный шомпол с винтовой нарезкой на конце; при быстром вращении он вгрызался в глину, как бурав, диаметр отверстия получался очень незначительный, но воздух мог проникнуть и через такую узкую дырочку.

Геркулес, подняв фонарь, светил Дику Сэнду. В запасе было еще несколько свечей, и сверлильщик мог не бояться, что он окажется в темноте.

Через минуту просверлили стену насквозь. Тотчас же послышался глухой шум, похожий на звук, с каким пузырьки воздуха пробиваются сквозь толщу жидкости. Воздух вырывался из конуса, а вода быстро прибывала

и остановилась на уровне проделанного отверстия. Значит, его просверлили слишком низко, и оно вышло наружу под водой...

— Придется повторить! — хладнокровно сказал Дик Сэнд и поспешно заткнул отверстие комком глины.

Подъем воды прекратился, но уровень ее успел повыситься примерно на восемь дюймов. Это значило, что настолько же уменьшился объем, занятый воздухом. Дыхание становилось затрудненным, так как кислорода в воздухе осталось мало. Пламя в фонаре стало красным и постепенно тускнело.

Дик Сэнд принялся сверлить второе отверстие, на фут выше первого. Если и эта попытка окончится неудачей, вода внутри конуса поднимется еще выше... Но надо было рискнуть!

В то время как Дик Сэнд буравил стену в новом месте, послышался голос кузена Бенедикта:

— Так вот оно что! Теперь все понятно!

Геркулес направил луч света на кузена Бенедикта. Лицо энтомолога выражало глубокое удовлетворение.

— Да, да... Понятно, почему эти умные насекомые покинули свое жилище! — говорил кузен Бенедикт. — Они предчувствовали наводнение! О, это инстинкт, это инстинкт, друзья мои! Термиты хитрее нас! Гораздо хитрее!

И, высказав таким образом свое отношение к событиям, кузен Бенедикт умолк.

В это мгновение Дик Сэнд, просверлив скважину в стене, потянул к себе шомпол. Снова послышалось то же бульканье. Вода поднялась еще на один фут. Значит, и это отверстие оказалось ниже уровня разлива!

Положение было поистине ужасным. Миссис Уэлдон, к ногам которой уже подступила вода, взяла на руки сына. Все задыхались в тесном пространстве, у всех шумело в ушах и учащенно билось сердце. Фонарь почти не давал света.

— Неужели весь конус находится под водой? — прошептал Дик Сэнд.

Чтобы выяснить это, нужно было просверлить третью скважину — в самой верхушке конуса. Удушье, смерть — вот что грозило путешественникам, если по-

следняя попытка окажется такой же бесплодной, как две предыдущие. Остаток воздуха вырвется наружу, и вода заполнит весь конус.

— Миссис Уэлдон, — сказал Дик, — вы знаете, в каком мы положении. Если мы будем медлить, мы задохнемся. Если и последняя попытка кончится неудачей, вода нас затопит. Спастись мы можем только в том случае, если верхушка конуса выступает из воды. Я предлагаю рискнуть... Согласны ли вы?

— Я согласна, Дик, — просто ответила миссис Уэлдон.

В эту минуту огонь в фонаре погас от недостатка кислорода. Наступил полнейший мрак. Миссис Уэлдон, Джек и кузен Бенедикт, сидевшие в верхнем ярусе ячеек, в испуге прижались друг к другу.

Геркулес уцепился за одну из боковых перегородок. Только голова его выступала из воды. Дик Сэнд взобрался к нему на плечи и стал сверлить шомполом отверстие в самой верхушке конуса. Здесь пласт глины был толще и тверже. Шомпол с трудом уходил вглубь. Дик продолжал сверлить с лихорадочной быстротой. Он был охвачен ужасной тревогой, ибо сквозь узкую скважину через несколько мгновений в конус ворвется либо свежий воздух, а с ним жизнь, либо вода, а с ней смерть!

Вдруг послышался пронзительный свист. Сжатый воздух с силой вырвался наружу... Но сквозь отверстие блеснул свет. Вода внутри конуса поднялась еще на восемь дюймов и остановилась на этом уровне. Очевидно, между уровнями воды снаружи и внутри термитника установилось равновесие.

Итак, верхушка конуса поднималась над водой. Путешественники были спасены!

В термитнике раздалось неистовое «ура», и в хоре голосов громовыми раскатами звучал мощный бас Геркулеса.

Тотчас же были пущены в ход ножи и топор. Пролом в верхушке конуса быстро расширялся, пропуская свежий воздух и первые лучи восходящего солнца. Все надеялись, что, как только с конуса собьют верхушку, легко будет вскарабкаться на стену и тогда решить, как

добраться до ближайшей высоты, недосягаемой для наводнения.

Дик первым высунул голову наружу. Из груди его вырвался крик. И тут же раздался свист, хорошо знакомый путешественникам по Африке, — свист летящей стрелы.

Дик Сэнд скользнул вниз, но он успел разглядеть в ста шагах от поселения термитов лагерь туземцев.

Близ конуса, по затопленной равнине, плавали длинные пироги. В пирогах сидели туземные воины. С одной из этих лодок и пустили целую тучу стрел, когда юноша выглянул из конуса.

В двух словах Дик Сэнд рассказал все это своим товарищам. Схватив ружья, Дик, Геркулес, Актеон и Бат выбрались из отверстия и стали стрелять по этой лодке.

Пули их настигли нескольких туземцев. Дикие вопли и беспорядочная стрельба из ружей были ответом на залп наших путников. Но что могли сделать Дик Сэнд и его товарищи, горсточка храбрецов, против сотни воинов, окруживших их со всех сторон?

Термитник был взят приступом. Миссис Уэлдон, ее сына, кузена Бенедикта схватили и бросили в одну из пирог. Они не успели даже попрощаться, не успели пожать в последний раз руки друзьям, с которыми их разлучили. Несомненно, африканцы действовали согласно заранее полученным распоряжениям. Дик Сэнд видел, как пирога поплыла к лагерю туземцев и скрылась там.

Самого Дика, Нан, старика Тома, Геркулеса, Бата, Актеона и Остина бросили во вторую пирогу, которая поплыла в другую сторону.

Двадцать воинов сидели в этой пироге, а вслед за ней еще плыли пять больших пирог. Всякая попытка к сопротивлению была обречена на неудачу, но все-таки Дик Сэнд и его товарищи пытались бороться. Они ранили нескольких африканских солдат и безусловно заплатили бы жизнью за свою дерзость, если бы воины не получили строгого приказа доставить их живыми.

Переезд длился всего несколько минут. Но в тот момент, когда пирога причалила к земле, Геркулес

оттолкнул державших его воинов и выскочил на берег. Двое туземцев бросились к нему, но великан взмахнул своим ружьем, как палицей, и оба преследователя упали с проломленными черепами.

Через минуту, счастливо избежав града пуль, Геркулес скрылся в лесу. А Дика Сэнда и его спутников туземцы перетащили на берег и заковали в цепи, как рабов...

ГЛАВА СЕДЬМАЯ

Лагерь на берегу Кванзы

После наводнения, превратившего в озеро котловину, где находилось поселение термитов, вид местности изменился до неузнаваемости. Лишь конусообразные верхушки двух десятков термитников поднимались над поверхностью воды в этом своеобразном бассейне.

Ливень вызвал стремительный подъем уровня воды во всех притоках Кванзы, и ночью река вышла из берегов.

Кванза, одна из крупнейших рек Анголы, впадает в Атлантический океан в ста милях от места крушения «Пилигрима».

Эту реку пришлось пересечь лейтенанту Камерону несколько лет спустя, прежде чем достичь Бенгелы. Кванзе самой природой предназначено стать внутренним водным путем в этой части португальской колонии. Пароходы уже поднимаются по ее нижнему течению, и не пройдет и десяти лет, как они поплывут к ее верховью. Дик Сэнд поступил вполне правильно, когда искал на севере судоходную реку. Ручеек, вдоль которого он вел свой отряд, впадал непосредственно в Кванзу. Если бы не внезапное нападение туземцев, которого Дик Сэнд не мог предвидеть, он нашел бы реку в расстоянии одной мили от поселка термитов. Маленький отряд погрузился бы на плот, который нетрудно было соорудить, и благополучно добрался бы до португальских поселений в низовьях Кванзы. Туда часто

заходят пароходы, и там путешественники были бы в полной безопасности.

Но судьба распорядилась иначе.

Замеченный Диком лагерь туземцев был разбит на холме по соседству с термитником, оказавшимся роковой западней для путников. На вершине холма росла огромная смоковница. Под ее раскидистыми ветвями свободно могло бы уместиться пятьсот человек. Кто не видел этих африканских деревьев-гигантов, тот не может себе представить, насколько они велики. Ветви их образуют густую чащу, в которой можно затеряться. Широкий пейзаж дополняли баньяны — деревья, у которых семена не обрастают мякотью.

Под сенью смоковницы расположился, как в укромном убежище, целый невольничий караван, тот самый, о котором Гэррис говорил Негоро. Агенты работорговца Альвеца гнали невольников в Казонде, на главный рынок черного товара. Оттуда этих несчастных, вырванных из родных селений, отправляли в бараки на западное побережье или в Ньянгве, в область Больших озер. В Ньянгве образовывались новые караваны, следовавшие на север — в Верхний Египет или на восток — в фактории Занзибара.

В лагере Дик Сэнд и его спутники тотчас превратились в рабов. Со стариком Томом, его сыном, с Остином, с Актеоном и с бедняжкой Нан, хотя они и не были африканцами, стали обращаться так же, как с туземными невольниками. Новых пленников обезоружили, несмотря на отчаянное их сопротивление, разбили на пары и каждой паре надели на шею длинную, в шесть футов, колодку с раструбами на концах в форме римской цифры V. Раструбы рогатины, плотно охватывавшие шею, замыкались железной скобой. Ужасные ошейники вынуждали невольников идти гуськом, не уклоняясь ни на шаг ни вправо, ни влево. Помимо этой рогатины, несчастных сковывали еще попарно тяжелой цепью, опоясывавшей им бедра. У невольников оставались свободными руки — но только для ношения тяжестей и ноги — только для ходьбы, а не для побега... И в таком положении они должны были брести под палящим солнцем целые сотни миль, подстегиваемые

кнутом надсмотрщика — «хавильдара». Дик и его товарищи, обессиленные только что выдержанной борьбой, больше не оказывали сопротивления. Отчего им не удалось убежать, как Геркулесу? Но, при всей могучей силе беглеца, что ждало его в этой ужасной стране? На что он мог надеяться, когда против него были и голод, и дикие звери, и туземцы? Быть может, скоро он будет завидовать своим товарищам, попавшим в неволю! А между тем пленники не могли рассчитывать ни на какое снисхождение со стороны начальников каравана. Эти последние — арабы и португальцы — говорили между собой на каком-то своем языке, а с невольниками объяснялись только угрожающими жестами и окриками.

Дик Сэнд был белым, и работорговцы не решались обращаться с ним, как с остальными. Его обезоружили, но цепей не надели и не соединили рогатиной ни с кем из невольников. Зато к нему приставили специального надсмотрщика, который не спускал с него глаз. Дик Сэнд озирался по сторонам, ожидая, что сейчас покажутся Негоро или Гэррис, но они не появлялись. И все же Дик ни на минуту не сомневался, что эти двое негодяев причастны к нападению на его отряд.

Ему пришла в голову мысль, что миссис Уэлдон, Джека и кузена Бенедикта отделили от остальных пленников по распоряжению американца или португальца. Не видя в лагере ни того, ни другого, Дик подумал, что оба сообщника сопровождают свои жертвы. Куда же они отвели миссис Уэлдон? Как собираются поступить с ней? Мучительная тревога за миссис Уэлдон и ее близких не давала Дику покоя и заставляла забывать о собственных бедах.

Караван, расположившийся на отдых под гигантской смоковницей, насчитывал в своем составе не менее восьмисот человек, среди них около пятисот невольников обоего пола, двести солдат-туземцев и около сотни носильщиков, надсмотрщиков и агентов работорговца.

Надсмотрщики были набраны из арабов и португальцев. Трудно представить себе, как жестоко эти люди обращались с невольниками. Они избивали их по

всякому поводу, а тех, кто заболевал, кто терял силы, не выдержав истязаний, приканчивали ударом ножа или пулей, ибо их уже нельзя было продать. Невольников держали в повиновении зверской жестокостью. В результате такого обращения редкий караван доходил до конца хотя бы с половиной живого «груза». Остальные устилали своими костями караванные пути из внутренних областей Африки к берегу океана; лишь немногим удавалось в дороге бежать.

Легко представить себе нравственный облик европейцев (по большей части португальцев), сопровождавших невольничьи караваны в качестве агентов работорговца. Это были подонки общества, выброшенные из своей страны, преступники, беглые каторжники, бывшие владельцы невольничьих кораблей, ускользнувшие от виселицы. Таким человеческим отребьем были и Негоро и Гэррис. Они служили у одного из крупнейших работорговцев Центральной Африки Хозе-Антонио Альвеца, хорошо известного всем мелким торговцам «черным товаром»; лейтенант Камерон сообщил о нем любопытные сведения.

Для конвоя невольников работорговцы вербовали солдат большею частью среди туземцев. Но охота на людей не являлась монополией работорговцев. Негритянские царьки тоже устраивали кровавые набеги на своих соседей и с той же целью; побежденных — мужчин, женщин и детей — победители продавали работорговцам за несколько ярдов коленкора, за порох, за ружья, за розовые или красные бусы, а в голодные годы, говорит Ливингстон, даже за горсть маиса.

Отряд солдат, сопровождавший караван Альвеца, являл собой типичный образец наемного африканского войска. Это было сборище полуголых чернокожих бандитов, вооруженных кремневыми ружьями, у которых длинный ствол был окован медными кольцами. С такой охраной агентам работорговца было нелегко справиться. Эта банда всегда очень неохотно подчинялась приказам. Она сама назначала часы выступления в поход и остановки для отдыха. Несговорчивых агентов охрана быстро вынуждала к уступкам угрозой покинуть караван.

Тяжелую кладь каравана несли на плечах сами невольники — мужчины и женщины, но работорговцы все же нанимали некоторое количество носильщиков — «пагазисов». Им доверяли тюки с особенно ценным товаром, главным образом со слоновой костью. Иной раз попадались огромные слоновые бивни весом до ста шестидесяти фунтов, и для переноски каждого из них требовалось по два носильщика. Из прибрежных факторий слоновую кость отправляли на рынки в Хартум, Занзибар и Наталь. Труд носильщиков оплачивался по прибытии к месту назначения несколькими метрами хлопчатобумажной ткани, называемой «мерикани», пригоршней каури[1], порохом, ниткой бус, а иногда — невольником, если у работорговца не было других ценностей или если он не рассчитывал много выручить за этого невольника.

В числе пятисот невольников каравана Альвеца было очень мало пожилых людей. Обычно во время набега на развалинах горящего селения беспощадно убивали всех пленников старше сорока лет: рынок предъявлял спрос только на молодых здоровых невольников, невольниц и на детей. Не больше десятой части побежденных оставалось в живых после таких кровавых побоищ. Этим объясняется, почему так страшно обезлюдела Экваториальная Африка, где обширные области обращены в пустыню.

Какое страшное зрелище представляло собой это человеческое стадо! Полуголые невольники, едва прикрытые лоскутом «мбузу» — жесткой ткани из древесной коры, женщины все в язвах от ударов бича, измученные, истощенные дети с окровавленными ногами, — матери старались нести их на руках, несмотря на свою тяжелую ношу, — скованные люди с колодками на шее, которые были еще мучительнее каторжных кандалов.

Эти несчастные, еле живые люди с неслышным голосом, эти «скелеты из черного дерева», как сказал о них Ливингстон, могли бы разжалобить своим обликом даже дикого зверя. Но надсмотрщиков-арабов это зре-

[1] Каури — ракушки, которые служат в этих краях монетой.

лище нисколько не трогало, а надсмотрщики-португальцы, по словам Камерона, были еще более жестоки, чем арабы [1].

За пленниками был установлен строжайший надзор как во время похода, так и на стоянках. Дик Сэнд понял, что нечего думать о побеге. Но как же тогда найти миссис Уэлдон. Никаких сомнений не могло быть: Негоро участвовал в захвате матери и сына. Какую цель преследовал португалец, разлучая потерпевших крушение на «Пилигриме», Дик Сэнд не знал еще. Но ведь Негоро был способен на любое преступление, и сердце юноши обливалось кровью при мысли об опасностях, угрожающих миссис Уэлдон.

«Ах! — повторял он. — Подумать только, что я мог пристрелить и того и другого негодяя и не сделал этого!»

Снова и снова юношу осаждали мучительные мысли. От каких страшных несчастий избавила бы людей заслуженная казнь Гэрриса и Негоро. От каких тяжких горестей избавила бы она по крайней мере тех, с кем эти торговцы человеческим мясом обращаются, как с рабами. Миссис Уэлдон и маленький Джек совершенно беспомощны и одиноки. Кузен Бенедикт — для них не опора. Хорошо, если он сумеет позаботиться хоть о самом себе. Наверное, всех троих уже отправили в какой-нибудь глухой угол Анголы. Но кто понесет в дороге больного мальчика?

---

[1] Вот что говорит об этом Камерон в своей книге «Вокруг света»: «Чтобы доставить Альвецу пятьдесят женщин, которых он требовал, были уничтожены десять селений... Десять селений, в каждом из них было от ста до двухсот жителей, — всего около полутора тысяч человек! Лишь очень немногим удалось спастись. Большинство погибло в пламени пожара, были убиты, когда они пытались защитить свои семьи, или умерли от голода в джунглях, если только хищные звери не избавили их от долгих страданий...

Эти преступления, совершенные в центре Африки людьми, которые кичливо именуют себя христианами, считают себя португальцами, покажутся невероятными жителям цивилизованных стран. Не может быть, чтобы лиссабонское правительство знало, какие чудовищные вещи творят люди, прикрывающиеся флагом Португалии и называющие себя ее подданными».

Эти утверждения Камерона вызвали протесты в Португалии. *(Прим. автора.)*

«Мать, — говорил себе Дик, — мать! Она возьмет Джека на руки и будет нести его до полного изнеможения, пока не упадет на дороге... Она сделает то же, что делают несчастные рабыни... И, как эти рабыни, она умрет в пути... Ах, дал бы мне господь только очутиться лицом к лицу с этими палачами...»

Но Дик сам был пленником. Он был одной из голов этого стада, которое надсмотрщики гнали вглубь Африки. Он не знал даже, ведут ли Негоро и Гэррис сами ту партию невольников, в которую включили их жертвы. Теперь уже нет Динго, некому отыскать след Негоро и поднять тревогу при его приближении. Только один Геркулес мог прийти на помощь несчастной миссис Уэлдон. Да разве можно надеяться на чудо?

И все же Дик, как утопающий за соломинку, цеплялся за эту надежду. Дик считал, что он хорошо знает Геркулеса и может не сомневаться, что, оставшись на свободе, Геркулес сделает все доступное силам человеческим для спасения товарищей и особенно миссис Уэлдон. Геркулес, наверное, идет вслед за пленницей и уже нашел способ дать ей знать, что помощь близка. А может быть, Геркулес задался целью сначала освободить его, Дика Сэнда, чтобы затем уже вдвоем идти на выручку миссис Уэлдон?

Дик живо представлял себе, как ночью Геркулес пробирается в лагерь невольничьего каравана. Он обманул бдительность стражи: такой же черный, как остальные рабы, незаметно вмешался в их толпу. Вот он подползает к Дику, освобождает его и увлекает за собой в лес... Вот они оба на свободе!.. Чего только не сделают они для освобождения миссис Уэлдон!..

Река дает им возможность спуститься к побережью, и Дик Сэнд, лучше зная теперь все трудности, стоящие на пути к спасению, успешнее осуществит свои планы, которые расстроило нападение туземцев.

Так юноша переходил от отчаяния к надежде. Он не поддавался унынию, его энергичная натура не хотела покоряться несчастной доле. Дик Сэнд готов был воспользоваться малейшей возможностью, чтобы начать борьбу.

Прежде всего следовало узнать, куда направлялся невольничий караван. Возможно, что конечным пунктом маршрута была одна из факторий Анголы, до которой оставалось всего несколько дневных переходов. Но если караван шел во внутренние области Экваториальной Африки, то впереди лежали еще сотни и сотни миль пути. Главный невольничий рынок находился в Ньянгве, в области Больших озер, по которой путешествовал тогда Ливингстон. Ньянгве лежит на меридиане, который делит Африку на две почти равные части. Но от лагеря на берегу Кванзы до Ньянгве было очень далеко, — путь должен был длиться много месяцев.

Не удивительно, что Дика так заботил вопрос, куда направляется караван: ведь из Ньянгве не стоило даже пытаться бежать. Если бы миссис Уэлдон, Дику, Геркулесу и прочим неграм посчастливилось вырваться из плена, они все равно погибли бы в долгом пути где-нибудь между областью Больших озер и берегом океана.

Но скоро Дик Сэнд успокоился: очевидно, партия должна была скоро прибыть на место. Не понимая языка, на котором говорили между собой начальники каравана, — то была смесь арабского языка с каким-то из африканских наречий, — он все же заметил, что они часто называют один из местных невольничьих рынков. Речь шла о Казонде, и Дик знал, что это место — центр работорговли в Анголе. В Казонде, думал Дик, решится участь всех пленников, они попадут там в руки местного царька или же в руки работорговца. И он не ошибся.

Дик Сэнд, прилежно изучавший географию, знал, что расстояние от Сан-Паоло-де-Луанда до Казонде не превышает четырехсот миль. Следовательно, лагерь на Кванзе отстоял от этого невольничьего рынка не больше как в двухстах пятидесяти милях. Дик высчитал это приблизительно, основываясь на переходе, совершенном его маленьким отрядом под водительством Гэрриса. В обычных условиях такой путь можно пройти за десять — двенадцать дней. Но так как караван уже был обессилен пройденной дальней дорогой, то Дик

считал, что потребуется не менее трех недель на переход от Кванзы до Казонде.

Дику очень хотелось поделиться своими догадками со старым Томом и его товарищами. Для них было бы некоторым утешением узнать, что караван не загонят в дебри Экваториальной Африки, в те страшные края, откуда нет никакой надежды выбраться. Но как передать эту приятную весть? Достаточно было бы бросить мимоходом несколько слов. Удастся ли это сделать?

Четверо пленных негров находились на правом фланге лагеря. Они были скованы попарно: Актеон с Остином, Том с Батом — отец и сын случайно оказались вместе. К пленникам были приставлены специальный надсмотрщик и стража — человек десять солдат.

Дик, свободный от оков, решил подойти поближе к своим товарищам, которые сидели на земле не дальше, чем в пятидесяти шагах от него. Он стал осторожно приближаться к ним.

Вероятно, старый Том угадал намерение Дика, — он что-то шепнул своим товарищам, и те, прекратив разговор, стали внимательно следить за Диком. Они не могли двинуться с места, но ничто не мешало им смотреть и слушать.

Вскоре Дик незаметно прошел половину расстояния. Он мог уже крикнуть Тому название города, куда направляется караван и сколько приблизительно может продлиться дорога. Но ему хотелось поговорить с товарищами и условиться, как держать себя во время этого путешествия. Поэтому он продолжал с равнодушным видом двигаться вперед. Сердце его бешено стучало — только несколько шагов отделяло его теперь от цели... Но вдруг надсмотрщик, словно разгадав его замысел, с воплем бросился ему наперерез. Солдаты, которых всполошил крик надсмотрщика, тотчас же подбежали и грубо оттолкнули Дика. Вслед за тем Тома и его спутников погнали в противоположный конец лагеря.

Вне себя от гнева Дик Сэнд бросился на надсмотрщика. Он пытался выхватить у него из рук ружье и, когда это не удалось, оторвал ствол от ложа. Но солдаты гурьбой напали на него и отняли обломок ружья.

Разъяренные, они растерзали бы юношу на части, если бы не вмешался один из начальников каравана — высокий араб с очень злым лицом. Это был тот самый Ибн-Хамис, о котором Гэррис говорил с Негоро.

Араб произнес несколько слов, — Дик, конечно, не понял их значения, — и солдаты, послушно оставив свою жертву, отошли в сторону.

Пленникам, очевидно, запрещали общаться друг с другом. Но, с другой стороны, страже, несомненно, было строго приказано сохранить Дику жизнь. Кто мог отдать такие приказания, кроме Гэрриса или Негоро?

Это было утром 19 апреля. Раздался хриплый звук рога и вслед за ним грохот барабанов. Отдых кончился. Лагерь снимался с места. Через мгновение все — начальники, солдаты, носильщики и невольники — были уже на ногах. Невольники разобрали тюки с поклажей и выстроились в колонну, впереди которой встал надсмотрщик с развернутым пестрым знаменем.

Дан был сигнал к выступлению.

Послышалась негромкая песня. Но пели не победители, а побежденные. И в песне этой звучала наивная вера угнетенных и угроза палачам-угнетателям:

«Вы гоните меня в рабство — сила на вашей стороне. И я скоро умру. Но мертвый я избавлюсь от ярма, и тогда я приду и убью вас!»

ГЛАВА ВОСЬМАЯ

Из записной книжки Дика Сэнда

Гроза прошла, но небо все еще хмурилось. В Экваториальной Африке в апреле начинается второй период дождливого сезона, так называемая «мазика». В это время дожди льют чаще всего по ночам — в продолжение двух, а иногда и трех недель. Для невольничьего каравана это было новым и тяжким испытанием.

Ранним пасмурным утром караван покинул место привала и, отойдя от берега Кванзы, направился прямо на восток.

Пятьдесят солдат шагали впереди, по сотне с обеих сторон колонны, а остальные конвоиры составляли арьергард. При таких условиях было бы трудно бежать, даже если бы люди и не были скованы. Ряды невольников смешались. Женщины, дети, мужчины, подростки шли вперемежку, а надсмотрщики бичами подгоняли их. Были там несчастные матери, которые кормили на ходу грудного младенца, а на свободной руке несли второго ребенка. Иные женщины волочили за собой по жесткой колючей траве голых и босых детей.

Начальник каравана, тот самый араб Ибн-Хамис, который накануне вмешался в столкновение Дика с надсмотрщиком, зорко следил за своим стадом. Он прохаживался вдоль колонны, то пропуская ее вперед, то вновь становясь во главе ее. Ибн-Хамиса и его помощников мало занимали страдания пленников, но они не могли не считаться со «своими» людьми: все время то солдаты вымогали увеличения пайка, то носильщики требовали более частых остановок. На этой почве возникали споры и грубая перебранка. Надсмотрщики вымещали свою злобу на несчастных невольниках. Всю дорогу не смолкал ропот солдат и носильщиков, угрозы и брань хавильдаров, крики истязуемых невольников. Шагавшие в последних рядах ступали по земле, орошенной кровью рабов, идущих впереди...

Дику так и не удалось переговорить со своими товарищами, потому что их вели под усиленным конвоем в первых рядах каравана. Они шли гуськом, пара за парой, отделенные друг от друга рогатинами, не позволяющими шевельнуть головой. Бичи надсмотрщиков полосовали их спины так же часто, как спины и всех остальных несчастных.

Бат в паре с отцом шел впереди, осторожно ступая, чтобы не тряхнуть рогатиной и не причинить боли Тому. Время от времени, когда хавильдар не мог слышать его, он шепотом старался ободрить старика. Когда он замечал, что Том устал, он старался замедлить шаг. Бедный малый даже не мог повернуться назад и посмотреть на отца. У Тома было хоть то утешение, что он видел сына, но старику приходилось

горько расплачиваться за эту радость: сколько раз слезы катились из его глаз, когда бич надсмотрщика оставлял кровавые полосы на спине Бата, и эти удары были для отца больнее, чем если бы плеть обрушивалась на него самого.

Актеон и Остин, скованные друг с другом, следовали за ними в нескольких шагах и подвергались таким же истязаниям. Как завидовали они Геркулесу! Какие бы опасности ни угрожали ему в этих диких местах, он был свободен и мог бороться за свою жизнь!

В первые же минуты плена старый Том поведал своим товарищам горькую правду. С глубоким изумлением узнали Бат, Остин и Актеон, что они находятся в Африке, что их привело сюда и завлекло вглубь страны вероломство предателей Негоро и Гэрриса и что им нечего рассчитывать ни на какое снисхождение со стороны людей, к которым они попали в плен.

Со старухой Нан обращались не лучше, чем с остальными пленными. Она шагала в середине каравана, в группе невольниц. Ее сковали цепью с молодой матерью, у которой было двое детей — грудной младенец и мальчик трех лет, едва научившийся ходить. Нан взяла на свое попечение этого мальчика. Мать не посмела даже поблагодарить ее и только подняла на Нан глаза, в которых блестели слезы. Ребенок не поспевал за взрослыми, и длинный переход наверняка убил бы его. Нан взяла его на руки, чтобы избавить его от усталости и беспощадного бича надсмотрщика. Это была тяжелая ноша для старухи, и она боялась, что сил ее хватит ненадолго.

Нан несла маленького негритенка и думала о Джеке. Она представляла себе мальчика на руках у матери. Каково-то ей, бедняжке!.. Джек похудел за время болезни, но все же слабенькой миссис Уэлдон, наверно, трудно нести его. Где она теперь? Что с ней? Свидится ли с ней когда-нибудь ее старая нянька?

Дика Сэнда вели в арьергарде. Со своего места он не мог видеть ни Тома, ни его спутников, ни старой Нан — голова длинной колонны была видна ему, лишь когда проходили через какую-нибудь равнину.

Дик шагал, погрузившись в грустные думы, и только окрики надсмотрщиков отрывали его от этих мыслей. Он не думал ни о самом себе, ни о предстоящих трудностях пути, ни о пытках, которые, быть может, уготовил для него Негоро. Его всецело поглощала забота о миссис Уэлдон. Дик не отрывал глаз от земли: он пристально вглядывался в каждую помятую травинку, в каждую сломанную веточку, — он искал какой-нибудь след, говоривший о том, что здесь проходила миссис Уэлдон. Дик знал, что другого пути от Кванзы до Казонде нет. Значит, если миссис Уэлдон также отправили в Казонде, — а это предположение было весьма вероятным, — она неминуемо должна была пройти здесь. Юноша дорого бы дал за какое-нибудь указание на ее судьбу.

Таково было телесное и душевное состояние Дика Сэнда и его товарищей.

Как ни велика была их тревога за собственную участь, как ни велики были их страдания, они не могли без содрогания глядеть на мучения окружавшей их толпы изнуренных рабов, не могли не испытывать возмущения при виде зверской жестокости надсмотрщиков, но, увы, они не в силах были хоть чем-нибудь помочь невольникам и оказать сопротивление их палачам.

На двадцать с лишним миль к востоку от Кванзы тянется сплошной лес. Деревья здесь растут не так густо, как в прибрежных лесах, — быть может, стада слонов вытаптывают молодые побеги, а может быть, их уничтожают личинки многочисленных насекомых. Идти по такому лесу было легче, чем пробираться сквозь заросли кустарников. Тут в изобилии рос хлопчатник кустами высотою в семь-восемь футов, из хлопка его вырабатывают обычные в этих краях ткани с черными и белыми полосами. В некоторых местах тропа углублялась в настоящие джунгли, где и рабы и стража утопали в высокой растительности.

Из всех местных животных только у слонов и жирафов головы поднимались выше этих тростников, похожих на бамбук, этих трав, у которых стебли имеют дюйм в диаметре.

Агентам надо было великолепно знать местность, чтобы не заблудиться там.

Караван выступал на заре и безостановочно подвигался вперед до полудня. В полдень делали остановку на один час. На привале развязывали тюки с маниокой [1], и хавильдары раздавали невольникам по пригоршне муки. Если солдаты по пути успевали разграбить какую-нибудь деревню, к этому скудному завтраку добавлялись два-три батата [2] и кусочек мяса — козлятины или телятины.

Но отдых был так краток и даже невозможен в дождливые ночи, а долгие переходы были так изнурительны, что большинство невольников почти не прикасалось к еде. Не прошло и восьми дней после того, как караван покинул берега Кванзы, а уже двадцать невольников пали без сил в пути и стали добычей хищных зверей, крався̆ихся по следам каравана. Львы, пантеры и леопарды кружили возле каравана, поджидая обреченных жертв, и каждый вечер после захода солнца их рычание раздавалось так близко от лагеря, что ежеминутно можно было ждать нападения.

Прислушиваясь к рычанию хищных зверей, звучавшему в темноте особенно грозно, Дик Сэнд с ужасом думал об опасностях, на каждом шагу угрожавших Геркулесу в этих тропических лесах. И, однако, если бы ему самому представилась возможность бежать, он воспользовался бы ею не колеблясь.

Здесь мы приводим отрывки из записной книжки Дика Сэнда. Эти строки он писал в пути между Кванзой и Казонде. Чтобы пройти расстояние в двести пятьдесят миль, понадобилось двадцать пять переходов, — на языке работорговца «переход» означает ежесуточный путь в десять миль с дневной остановкой и привалом на ночлег.

«25 и 26 апреля. Проходили мимо негритянской деревни, окруженной изгородью из кустарников вышиной

[1] Маниока — растение семейства вьюнковых, из мучнистых клубней которого изготовляется кассава, один из главных пищевых продуктов в Экваториальной Африке

[2] Бататы — сладкий картофель, распространенный по всей тропической Африке.

в восемь — десять футов. Поля засеяны маисом, бобами, сорго и арахисом. Двух жителей схватили и заковали. Пятнадцать убитых; население разбежалось.

27 апреля. Переправились через быструю, довольно широкую речку. Мост — из стволов деревьев, связанных между собой лианами. Некоторых свай не хватает. Две женщины, соединенные одной колодкой, оступились и упали в воду. Одна из них несла ребенка. Тотчас же вода забурлила и окрасилась кровью. Крокодилы прячутся под настилом моста; рискуешь угодить ногой прямо в открытую пасть.

28 апреля. Шли лесом. Множество высоких баугиний. Это дерево португальцы называют «железным». Сильный дождь. Почва размокла. Дорога очень трудная. Видел в середине каравана старую Нан. Она несет маленького негритенка, хотя сама еле волочит ноги. Невольница, скованная с нею, хромает, и кровь течет из ее плеча, рассеченного ударом кнута.

На ночь бивуак был разбит под гигантским баобабом с нежнозеленой листвой и белыми цветами.

Ночью долго рычали львы и леопарды. Солдат убил из ружья пантеру. Что-то с нашим Геркулесом?..

29 и 30 апреля. Первые предвестники африканской «зимы». Обильная роса. Дождливый сезон начинается в ноябре и кончается в последних числах апреля. Все равнины еще затоплены разливами. Восточные ветры дуют с такой силой, что захватывает дыхание; они несут с собой болотную лихорадку.

Где же миссис Уэлдон? Где кузен Бенедикт? Никаких следов. А между тем их могли отправить только в Казонде! Должно быть, они проделали тот же путь, что и наш караван, но опередили нас. Меня мучает тревога. Наверное, маленький Джек снова заболел лихорадкой в этой нездоровой местности. Жив ли он?..

1—6 мая. В продолжение нескольких дней мы шли по заболоченной местности, где стоят еще не просохшие лужи. Повсюду вода, в иных местах по пояс... Тысячи пиявок присасываются к телу. И все-таки надо идти. Кое-где на кочках, выступающих из воды, растут лотосы, папирусы. На болотах какие-то водяные растения с большими, как у капусты, листьями. Люди

спотыкаются, наткнувшись на их корни, и часто падают.

В этих местах множество рыбы, целые мириады, туземцы приносят на продажу корзины, битком набитые рыбой.

Трудно, а часто и невозможно найти место для ночлега. Во все стороны простирается затопленная равнина. Приходится шагать в темноте. Наутро в караване недосчитывают многих невольников. Когда же конец страданиям? Люди падают и уже не могут подняться на ноги. Да и зачем?.. Пробыть несколько лишних мгновений под водой — вот и избавление!.. Никогда уже не настигнет тебя во мраке палка надсмотрщика. Но что станется с миссис Уэлдон и ее сыном? Я не вправе покинуть их. Я выдержу все испытания. Это мой долг!

Ночью раздались душераздирающие крики!

Солдаты наломали смолистых веток, торчавших из воды, и зажгли их. Факелы эти тускло светили в темноте.

Вот причина услышанных криков: крокодилы напали на караван. Двенадцать или пятнадцать чудовищ вынырнули откуда-то из темноты и, схватив несколько детей и женщин, утащили их в воду, в свои «кладовые». Так Ливингстон называет те глубокие ямы, куда эти животные складывают свою жертву после того, как утопят ее, ибо крокодил съедает добычу только тогда, когда она уже достаточно разложилась.

Меня крокодил только задел чешуей и сразу содрал кожу с ноги. Но одного подростка-невольника рядом со мной он вырвал из колодки, переломив ее пополам. Как закричал несчастный мальчик! Сколько ужаса и боли было в его вопле! Я все еще слышу его...

7 и 8 мая. Подсчитали потери минувшей ночи. Не хватает двадцати человек. На рассвете я стал искать глазами Тома и его товарищей. Какое счастье — они живы! Впрочем, счастье ли это? Не лучше ли было бы в один миг избавиться от всех страданий?

Том идет в первых рядах каравана. У поворота дороги на какую-нибудь секунду колодка накренилась, и

это позволило Тому оглянуться назад. Наши взгляды встретились.

Напрасно ищу глазами старую Нан, не погибла ли она прошлой ночью?..

Наконец, затопленная равнина осталась позади. Двадцать четыре часа мы шагали по воде. Теперь лагерь разбит на холме. Солнце обсушило нас. Мы поели немного. Но какой жалкий завтрак после такого перехода! Несколько зерен маиса, пригоршня муки из маниоки — вот и все! Вода мутная, грязная, а приходится ее пить. Сколько из этих распростертых на земле невольников не найдут в себе сил подняться?

Не может быть, чтобы миссис Уэлдон и Джека заставили так мучиться! Нет, господь над нею смилостивился, их наверное повели к Казонде другой дорогой. Несчастная мать не вынесла бы таких страданий!

В караване несколько человек заболело оспой — туземцы называют ее «ндуэ». Больные не могут идти дальше. Что с ними сделают? Неужели бросят здесь?

9 мая. На заре тронулись в путь. Отставших нет. Хавильдары сумели бичами поднять на ноги изможденных и больных. Невольники — это товар. Это деньги. Покамест в них теплится хоть искорка жизни, хавильдары заставят их идти.

Меня окружают живые скелеты. У них не хватает сил даже на то, чтобы громко стонать.

Наконец, я увидел старую Нан. Больно глядеть на нее! Ребенок, которого она несла на руках, исчез. Нет и ее соседки. Нан теперь одна. Без колодки ей легче идти. Но цепь попрежнему опоясывает ее бедра. Свободный конец она перекинула через плечо.

Мне удалось незаметно приблизиться к ней. Что это? Она не узнает меня? Неужели я так изменился?

— Нан, — позвал я ее.

Бедная старуха долго вглядывалась в меня и, наконец, сказала:

— Это вы, Дик? Я... я... скоро умру...

— Нет, нет! Мужайтесь, Нан! — ответил я и потупил глаза. Она так ослабела и так была измучена, что мне страшно стало смотреть на этот бескровный призрак.

— Да, я умру, скоро умру... — повторила Нан. — Не увижу больше моей дорогой хозяйки... моего маленького Джека!.. Господи! господи, сжалься надо мной!

Я хотел поддержать старую Нан, она вся дрожала в своих лохмотьях. Я бы рад был, если бы меня приковали к ней, чтобы уменьшить тяжесть цепи, которую Нан несла одна после смерти своей спутницы.

Но сильная рука оттолкнула меня в сторону, а несчастную Нан удар бича загнал обратно в толпу невольников. Я хотел броситься на обидчика, но вдруг рядом со мной очутился Ибн-Хамис. Не промолвив ни слова, араб схватил меня за руку и не отпускал, пока весь караван не прошел мимо. Когда я очутился на прежнем своем месте, в хвосте колонны, он сказал:

— Негоро!

Негоро? Значит, это по приказу Негоро со мной обращаются иначе, чем с моими товарищами по несчастью?

Какую же участь уготовил мне португалец?

10 мая. Прошли сегодня мимо двух горящих деревень. Хижины пылают. На деревьях, пощаженных пожаром, висят трупы. Жители бежали. Поля опустошены. Деревни подверглись набегу. Убили двести человек, но работорговцы получат десяток невольников...

Спускается вечер. Караван остановился. Лагерь разбит под большими деревьями. Опушка леса, словно кустарником, окаймлена высокой травой.

Вчера ночью, сломав колодки, бежало несколько пленников. Их поймали и наказали с беспримерной жестокостью. Сегодня хавильдары и солдаты караулят особенно строго.

Наступила ночь. Кругом рычат львы и воют гиены. Вдали слышна шумная возня гиппопотамов. Вероятно, там озеро или река. Несмотря на усталость, я не могу заснуть. Мысли не дают покоя. Мне чудится движение в высокой траве. Наверное, какой-нибудь хищный зверь. Осмелится ли он ворваться в лагерь?

Настораживаю слух. Ничего. Нет, какое-то животное пробирается сквозь камыши! Я безоружен, но я

буду защищаться! Я закричу, позову на помощь. Моя жизнь нужна миссис Уэлдон, моим товарищам!

Вглядываюсь в темноту. Луны сегодня нет. Ночь беспросветно черна. Вот среди папирусов сверкнуло два огонька — это глаза леопарда или гиены. Они исчезли... Появились снова...

Трава шуршит. Зверь бросается на меня! Я хочу крикнуть, поднять тревогу.

К счастью, я удержался от крика.

Не верю глазам своим! Это Динго! Динго рядом со мной?! Славный Динго! Как он нашел меня? Какой изумительный инстинкт! Нет, одним инстинктом не объяснить этой чудесной преданности... Динго лижет мне руки. О, славный пес, единственный мой друг! Значит, они не убили тебя!

Я ласкаю Динго. Он готов залаять, но я успокаиваю его. Никто не должен знать, что он здесь. Пусть идет следом за караваном. Кто знает, может быть... Но почему это Динго так упорно трется шеей о мои руки? Он как будто говорит мне: «Ищи! Ищи же!» Я ищу и ощупью нахожу что-то на ошейнике... Это тоненькая камышинка, воткнутая в пряжку ошейника, на котором вырезаны загадочные буквы «С» и «В».

Осторожно высвобождаю камышинку. Ломаю ее! Там записка!

Но я не могу прочесть ее в такой темноте. Нужно дождаться дня... Я хотел бы удержать при себе Динго, но славный пес как будто рвется прочь. Он понимает, что поручение, данное ему, выполнено...

Я отпускаю его, и одним прыжком он бесшумно исчезает в траве. Только б он — упаси боже! — не попался льву или гиенам!

Динго, разумеется, вернется к тому, кто его послал. Записка, которую все еще нельзя прочитать, жжет мне руки. Кто ее написал? Миссис Уэлдон? Геркулес? Каким образом преданный пес встретился с ними? Ведь мы считали его мертвым?

Что в этой записке? План избавления или только весточка от дорогих друзей?

Что бы там ни было, но это происшествие радостно взволновало меня. Может быть, бедствиям конец?

Ах, скорее бы настал день!

Я жадно вглядываюсь в небо на горизонте, подстерегая первые лучи рассвета. Я не могу сомкнуть глаз. Вдали попрежнему слышен рев хищников. Бедный мой Динго, удалось ли тебе избежать встречи с ними?

Наконец, занимается день. В тропиках светает быстро. Я свертываюсь клубком, чтобы незаметно прочитать записку, как только станет светло.

Пробую читать...

Еще темно, ничего не видно.

Наконец-то! Я прочел. Записка написана Геркулесом.

Несколько строк набросаны карандашом на клочке бумаги:

«Миссис Уэлдон и маленького Джека посадили на китанду. Гэррис и Негоро сопровождают их. С ними господин Бенедикт. Они опередили караван на три-четыре дня пути. Мне не удалось поговорить с ними. Я нашел Динго. В Динго кто-то стрелял. Он был ранен, но теперь здоров. Мужайтесь и надейтесь, Дик. Я думаю о вас всех и бежал для того, чтобы быть вам полезным.

Геркулес».

Значит, миссис Уэлдон и ее сын живы! Слава богу, что они не с нами: они не вынесли бы этой мучительной дороги! «Китанда» — это гамак, сплетенный из сухой травы и подвешенный к двум длинным бамбуковым шестам. Такие китанды двое носильщиков несут на плечах. Они покрыты пологом из легкой ткани. Итак, миссис Уэлдон и Джека несут на китанде. Зачем они нужны Гэррису и Негоро? Эти негодяи, очевидно, направляют их в Казонде. Да, да, несомненно. Я разыщу их там! Какую радостную весть принес мне славный Динго! Забываешь страдания последних дней.

11—15 мая. Караван продолжает свой путь. С каждым днем пленникам все труднее и труднее... Большинство оставляет за собой кровавые следы. Я подсчитал, что до Казонде осталось не меньше десяти переходов. Сколько человек перестанет страдать, прежде чем мы

достигнем цели? Но я должен дойти живым! Я дойду! Я дойду!

Это ужасно! В караване есть несчастные, у которых все тело представляет сплошную кровавую рану. Веревки, которыми они связаны, врезаются прямо в обнаженное мясо.

Одна мать несет на руках трупик своего ребенка, умершего вчера от голода!.. Она не хочет с ним расстаться!

Дорога позади нас усеяна трупами. Эпидемия оспы вспыхнула с новой силой.

Мы прошли мимо дерева, у подножья которого лежало несколько трупов. Они были привязаны к дереву. Это были невольники, с которыми за что-то расправились жестоким способом. Привязали их к дереву и оставили умирать с голоду.

16—24 мая. Силы мои на исходе, но я не позволю слабости сломить себя. Я *должен* дойти. Дожди совершенно прекратились. Переходы под палящим солнцем, которые работорговцы называют «тиркеза», с каждым днем становятся все труднее. Надсмотрщики подгоняют нас, а дорога поднимается в гору довольно круто.

Вчера пробирались через заросли «ньясси» — высокой и жесткой травы. Стебли исцарапали мне все лицо, колючие семена проникли под рваную одежду и нестерпимо жгут кожу. К счастью, сапоги у меня крепкие и еще держатся.

Хавильдары начинают выбрасывать из каравана больных и ослабевших: нам грозит нехватка продовольствия, а солдаты и носильщики взбунтовались бы, если бы их пайки урезали. Вожаки каравана отыгрываются на невольниках.

— Тем хуже для них, пусть жрут друг друга! — сказал начальник.

Некоторые молодые, на вид здоровые невольники внезапно падают мертвыми. Я вспоминаю, что и Ливингстон описывал такие случаи. «Эти несчастные, — писал он, — вдруг начинают жаловаться на боль в сердце. Они прикладывают руку к груди и падают мертвыми. Я думаю, что умирают от разрыва сердца. Сколько я мог заметить, это особенно часто случается

со свободными людьми, неожиданно обращенными в рабство: они не подготовлены к таким испытаниям».

Сегодня кавильдары зарубили топорами человек двадцать невольников, которые обессилели настолько, что уже не могли плестить за караваном. Ибн-Хамис видел эту бойню и не прекратил ее. Это было ужасное зрелище.

Упала с рассеченным черепом и старая Нан. Я споткнулся на дороге о ее труп. Я не могу даже похоронить ее.

Из числа пассажиров, уцелевших после крушения на «Пилигриме», ее первую призвал к себе бог. Бедная, добрая Нан.

Каждую ночь я жду Динго. Но славный пес не появляется больше. Не случилось бы с ним несчастья? А может быть, сам Геркулес попал в беду? Нет... нет! Не хочу верить этому! Геркулес молчит, потому что ему нечего мне сообщить. Кроме того, ему приходится быть очень осторожным и не рисковать ничем...»

ГЛАВА ДЕВЯТАЯ

Казонде

Двадцать шестого мая караван прибыл в Казонде. Только половина всего количества захваченных невольников. Остальные погибли в дороге. Однако работорговцы все же рассчитывали на значительный барыш: спрос на рабов не убывал, и цены на невольничьих рынках Африки стояли высокие.

Ангола в то время вела крупную торговлю неграми. Однако португальские власти в Сан-Паоло-де-Луанда и Бенгеле были бессильны, так как караваны с невольниками стали направлять через внутренние, недоступные и дикие области материка.

Бараки на побережье были до отказа набиты черными пленниками. Немногие невольничьи корабли, которым удавалось благополучно проскочить мимо патрульных судов, стерегущих африканское побережье,

не могли забрать весь груз «черного товара», предназначенный к вывозу в Америку, в колониальные владения Испании.

Казонде, расположенный в трестах милях от устья Кванзы, считался одним из крупнейших «лакони» — невольничьих рынков Анголы. Купля-продажа людей производилась обычно на «читоке» — главной площади города. Здесь была «выставка товара», и отсюда же трогались в путь караваны, следующие к Большим озерам.

Как все города Центральной Африки, Казонде разделялся на две части. В торговой части помещались жилые дома туземных, арабских и португальских купцов, а также бараки для их невольников; вторую часть составляла резиденция туземного царька. Обычно это был свирепый коронованный пьяница, правящий при помощи устрашения и существующий главным образом за счет щедрых приношений работорговцев.

Весь торговый квартал Казонде принадлежал в то время Хозе-Антонио Альвецу — тому самому работорговцу Альвецу, о котором шла речь у Негоро с Гэррисом, они были только его приказчиками.

В Казонде помещалась главная контора Альвеца, а отделения ее были открыты в Бихе, Касанге и Бенгеле. Через несколько лет после упоминаемых здесь событий Камерон побывал в бенгельском отделении конторы Альвеца и описал его.

По обеим сторонам главной улицы торгового квартала Казонде тянулись «тембе» — одноэтажные глинобитные домики с плоскими крышами; квадратные их дворики служили загонами для скота. В конце главной улицы находилась большая площадь — читока, окруженная невольничьими бараками. Высоко над домами поднимались пышные кроны великолепных смоковниц; вдоль улиц росли высокие пальмы, похожие на поставленные торчком метелки. На улицах в отбросах копошились стервятники, занятые санитарным обслуживанием городка. Таков был торговый квартал.

Невдалеке от города протекает Лухи — еще не исследованная речка, являющаяся, вероятно, одним из притоков Конго, хотя бы вторичным.

Прилегающая к торговому кварталу «резиденция» царька представляла собой скопище жалких лачуг, раскинувшихся почти на квадратную милю. Некоторые хижины были обнесены тростниковыми изгородями, другие — густо обсажены кустарником, а иные обходились и вовсе без ограды. Между плантациями маниоки, за частоколом, окруженным живой изгородью из папируса, стояло на отдельном поле десятка три лачуг для невольников царька, несколько хижин для его жен и королевский «тембе», чуть повыше и просторнее других. Вот и все. Муани-Лунга, царьку Казонде, было лет под пятьдесят. Владения его, уже достаточно разоренные его предшественниками, под его управлением пришли в окончательный упадок. У него было сейчас лишь около четырех тысяч солдат, тогда как у португальцев-работорговцев число наемников достигало двадцати тысяч. Царек не имел возможности, как в добрые старые времена, приносить в жертву богам по двадцать пять — тридцать рабов ежедневно. Разврат и злоупотребление спиртными напитками превратили этого еще нестарого человека в дряхлую развалину, в злобного, выжившего из ума маниака. Ради каприза он увечил и калечил своих рабов, военачальников и министров: он отрезал одному нос или уши, другому ногу, а третьему руку. Подданные с нетерпением ожидали его смерти, и весть о ней была бы принята с радостью.

Только одному человеку во всем Казонде смерть Муани-Лунга причинила бы ущерб — Хозе-Антонио Альвецу. Работорговец отлично ладил со спившимся владыкой и, пользуясь дружбой с ним, хозяйничал во всей области. После смерти короля престол должен был перейти к его первой жене, королеве Муане. Альвец опасался, что ее не признают и что соседний царек, один из властителей Оукусу, воспользуется смутой и захватит владения Муани-Лунга. Этот царек был моложе, энергичнее и уже завладел несколькими деревнями, подвластными правителю Казонде; к тому же он вел дела с конкурентом Альвеца, крупным работорговцем Типо-Типо, чистокровным арабом, — вскоре Камерону пришлось встретиться с ним в Ньянгве.

Пока что истинным властителем этого края был

Хозе-Антонио Альвец, ибо он всецело подчинил себе одуревшего негритянского царька, потакая его страстям, ловко пользуясь его пороками.

Хозе-Антонио Альвец, человек уже пожилой, не принадлежал к «мсунгу», то есть к белой расе, португальским у него было только имя, принятое им, конечно, из коммерческих соображений. Альвец был негром по имени Кенделе. Он родился в Дондо, на берегу Кванзы, начал свою карьеру агентом у работорговца. Теперь этот старый негодяй, называвший себя честнейшим человеком на свете, стал одним из крупнейших торговцев черными невольниками. В 1874 году Камерон встретил в Килембо, столице Кассонна, этого самого Альвеца и вместе с его караваном прошел всю дорогу до Бихе — то есть семьсот с лишним миль.

По прибытии в Казонде партию рабов привели на главную площадь.

Было 26 мая. Таким образом, расчеты Дика Сэнда оправдались. Путешествие продолжалось тридцать восемь дней со времени выхода из лагеря, расположенного на берегах Кванзы. Пять недель самых ужасных мучений, какие только может выдержать человек! Был полдень, когда вошли в Казонде. Забили барабаны, загудел рог, затрещали ружейные выстрелы: солдаты, сопровождавшие караван, стреляли в воздух, и слуги Антонио-Хозе Альвеца восторженно отвечали им. Все эти бандиты обрадовались встрече с приятелями после четырехмесячной разлуки. Наконец-то они могут отдохнуть и вознаградить себя за потерянное время развратом и пьянством.

До Казонде дошло только двести пятьдесят невольников. Полумертвых от усталости, еле волочивших ноги пленников прогнали, как стадо, по улицам города и заперли в бараках, которые американский фермер признал бы негодными даже для хлева. В бараках в ожидании ярмарки уже сидело тысячи полторы рабов. Ярмарка должна была открыться через день на главной площади.

С прибытием новой партии в бараках стало еще теснее. Тяжелые колодки с невольников сняли, но от цепей не освободили.

Носильщики остановились на площади и сложили на землю свой ценный груз — слоновую кость, предназначенную для продажи в Казонде. Когда им выдадут плату — несколько ярдов коленкора или другой ткани чуть подороже, — они отправятся искать караван, нуждающийся в их услугах.

Итак, старый Том и его спутники избавились от колодок, которые мучили их в продолжение пяти недель Бат, наконец, мог обнять своего отца. Товарищи по несчастью обменялись рукопожатиями. Перемолвившись несколькими словами, они замолчали. Да и о чем им было говорить? Жаловаться, сетовать на судьбу? Бата, Актеона, Остина — сильных молодых людей, привычных к тяжелому физическому труду, — усталость не могла сломить. Но старый Том совершенно выбился из сил. Если бы караван задержался в пути еще день-другой, труп Тома бросили бы на съедение хищным зверям, как труп бедной Нан.

Всех четверых втолкнули в тесный сарайчик и дверь тотчас же заперли снаружи на замок. Подкрепившись скудной пищей, пленники стали ждать прихода работорговца. Они наивно надеялись, что Альвец освободит их, узнав, что они американские граждане.

Дика Сэнда оставили на площади под надзором приставленного к нему хавильдара.

Наконец-то он в Казонде! Он не сомневался, что миссис Уэлдон, маленький Джек и кузен Бенедикт давно уже находятся здесь. Он высматривал их на всех улицах, по которым проходил караван, оглядел все тембе и всю читоку, почти пустую в тот час.

Но миссис Уэлдон нигде не было.

«Неужели ее не привели в Казонде? — спрашивал себя Дик. — Где же она в таком случае? Нет, Геркулес не мог ошибиться! Неизвестно, какие планы у Гэрриса и Негоро, но я уверен, что они доставили ее сюда. Однако и их тоже что-то не видно...»

Жгучая тревога охватила Дика Сэнда. Миссис Уэлдон могли держать взаперти — этим объяснялось то, что Дику не удалось увидеть ее. Но где Гэррис, где Негоро? Они, особенно португалец, не стали бы медлить и откладывать свидание с юным капитаном, который

теперь был всецело в их власти. Нет, они тотчас же пришли бы, чтобы насладиться своим торжеством, чтобы поиздеваться над Диком, помучить его, чтобы отомстить ему наконец. Почему же их не видно? Неужели их нет в Казонде? Но в таком случае, значит, и миссис Уэлдон находится не в Казонде, а в каком-нибудь другом пункте Центральной Африки? Если б с появлением Гэрриса и португальца Дику Сэнду грозила пытка, и то он с нетерпением ждал бы их. Ведь если они в городе, то, значит, и миссис Уэлдон и маленький Джек находятся здесь.

Динго не появлялся с тех самых пор, как принес Дику записку Геркулеса. Таким образом, юноша не мог отослать с ним заготовленный ответ. А в этом ответе Дик поручал Геркулесу следовать за миссис Уэлдон, не терять ее из виду и по возможности сообщать ей обо всем, что происходит. Динго уже однажды пробрался в лагерь, — почему бы Геркулесу не послать его вторично? Но, быть может, верный пес погиб, исполняя это поручение? Или миссис Уэлдон повезли дальше, до какой-нибудь фактории в глубине лесистого плоскогорья, и Геркулес, как это сделал бы и сам Дик, вместе с Динго идет по ее следам?

Мысли эти неотступно преследовали юношу.

Как поступить, если выяснится, что ни миссис Уэлдон, ни ее похитителей нет в городе? Дик настолько сжился с надеждой, быть может обманчивой, встретить в Казонде миссис Уэлдон, что теперь, не видя ее нигде, был потрясен, пережил минуты отчаяния, с которым не мог совладать.

«К чему жить, — думал он, — если не можешь помочь людям, которых любишь? Нет, лучше умереть, чем влачить такое жалкое существование!»

Но, думая так, Дик ошибался в себе. Под ударами тяжких испытаний мальчик стал взрослым. У таких мужественных людей, как Дик, отчаяние — лишь временная дань слабости натуры человеческой.

Вдруг по пустынной площади разнеслись звуки фанфар и громкие крики. Дик Сэнд, уныло сидевший на пыльной земле, мгновенно вскочил на ноги. Всякое новое происшествие могло навести его на след тех, кого

он искал. Уныния как не бывало, Дик снова был готов к борьбе.

— Альвец! Альвец! — кричали солдаты и туземцы, толпой валившие на площадь.

Наконец-то появится человек, от которого зависела судьба стольких несчастных людей. Быть может, Гэррис и Негоро сопровождают его. Пятнадцатилетний капитан стоял, выпрямившись во весь рост и широко раскрыв глаза; ноздри его раздувались; он ждал: если эти двое предателей появятся перед ним, — он твердо и прямо глянет им в лицо. Капитан «Пилигрима» не дрогнет перед бывшим судовым коком!

В конце главной улицы показались носилки-«китанда» с заплатанным пологом из дешевой выцветшей ткани, обшитой ощипанной бахромой. Из носилок вылез старый негр.

Это был работорговец Хозе-Антонио Альвец.

Несколько слуг подбежали к нему с низкими поклонами.

Вслед за Альвецем из носилок вылез его друг метис Коимбра, сын правителя Бихе. По словам лейтенанта Камерона, этот друг Альвеца был самым отъявленным негодяем во всей области. Это был лупоглазый детина с желтым одутловатым лицом, с нечесаной гривой жестких курчавых волос. Что-то в нем было нечистое и отталкивающее. В рваной рубашке, в сплетенной из травы юбке, в обтрепанной соломенной шляпе он был похож на уродливую старую ведьму. Коимбра был наперсником и доверенным лицом Альвеца, организатором набегов на мирные селения и достойным вождем шайки разбойников, обслуживавшей работорговца.

Что касается Альвеца, то он в своей одежде, похожей на карнавальный турецкий наряд, был, пожалуй, не так отвратителен, как его наперсник, но ни в коем случае не мог внушить высокого представления о владельцах факторий, ведущих оптовую работорговлю.

К большому разочарованию Дика Сэнда, Гэрриса и Негоро не оказалось в свите Альвеца. Неужели нужно было оставить надежду встретиться с ними в Казонде.

Между тем начальник каравана Ибн-Хамис обме-

нялся рукопожатиями с Альвецем и Коимброй. Те горячо поздравили его с успешным завершением похода. Правда, при вести о гибели половины каравана невольников Альвец поморщился. Но, в общем, дело было не так уж плохо: вместе с тем «черным товаром», который содержался в бараках, у работорговца оставалось достаточно невольников, чтобы удовлетворить спрос внутреннего рынка. И Альвец даже повеселел, подсчитав в уме, какое количество слоновой кости он сможет получить в обмен на рабов, сколько может выторговать меди, которую вывозят в Центральную Африку в форме «ханн», похожих на андреевский крест.

Работорговец поблагодарил надсмотрщиков и приказал тотчас же расплатиться с носильщиками.

Хозе-Антонио Альвец и Коимбра говорили на португальско-африканском жаргоне, который вряд ли был бы понятен уроженцу Лиссабона и уж, разумеется, был совсем непонятен Дику Сэнду. Но он догадывался, что почтенные «негоцианты» говорят о нем и его спутниках, которых предательством обратили в невольников и пригнали сюда с караваном. Догадка его превратилась в уверенность, когда по знаку Ибн-Хамиса один из хавильдаров направился к сараю, где были заперты Том, Остин, Бат и Актеон.

Всех четырех подвели к Альвецу.

Дик Сэнд незаметно подошел поближе. Он не хотел упустить малейшей подробности этой сцены.

Лицо Хозе-Антонио озарилось довольной улыбкой, когда он увидел великолепное сложение и могучие мускулы молодых негров. Несколько дней отдыха и обильная пища должны восстановить их силы. На Тома он взглянул лишь мельком: преклонный возраст лишал старого негра всякой ценности. Но за трех остальных можно было взять хорошую цену.

Собрав в памяти те несколько английских слов, которым он научился у американца Гэрриса, старик Альвец, гримасничая, иронически поздравил своих новых невольников с благополучным прибытием.

Том сделал шаг к Альвецу и, указывая на своих товарищей и на самого себя, сказал:

— Мы свободные люди... граждане Соединенных Штатов!

Очевидно, Альвец понял его. Он скривил лицо в веселую улыбку и, кивнув головой, ответил:

— Да... да... Американцы!.. Добро пожаловать!.. С приездом!

— С приездом, — повторил за ним Коимбра.

С этими словами он подошел к Остину и, словно барышник, покупающий на ярмарке лошадь, начал ощупывать ему грудь, плечи, бицепсы. Но в тот момент, когда он попытался раскрыть Остину рот, чтобы удостовериться, целы ли у него зубы, сеньор Коимбра получил такой здоровенный удар кулаком, какого до него, вероятно, не получал ни один сын властителя.

Наперсник Альвеца отлетел на десять шагов. Несколько солдат бросились к Остину, и он дорого заплатил бы за свою дерзость, если бы Альвец не остановил солдат. Работорговец от души расхохотался, увидев, что его дорогой друг Коимбра лишился двух из уцелевших у него шести зубов. Альвец отличался веселым нравом, и эта сцена очень его позабавила. Кроме того, он не хотел, чтобы солдаты попортили ценный товар.

Он успокоил разъяренного Коимбру. С трудом поднявшись на ноги, тот вернулся на свое место возле работорговца и погрозил кулаком отважному Остину.

В это время хавильдары подтолкнули Дика Сэнда к Альвецу. Работорговец, очевидно, знал, кто этот юноша, как он попал в Анголу и каким образом очутился пленником в караване Ибн-Хамиса. Он посмотрел на него довольно злобно и пробормотал по-английски:

— Ага, маленький янки!

— Да, янки! — ответил Дик Сэнд. — Что вы собираетесь делать со мной и моими спутниками?

— Янки, янки! Маленький янки, — повторил Альвец.

Он не понял или не хотел понять вопроса, который юноша задал ему. Дик повторил свой вопрос. Видя, что работорговец не собирается отвечать, он обратился

к Коимбре, в котором он, несмотря на его ужасный вид, угадал европейца. Но Коимбра только угрожающе замахнулся кулаком и обратил в сторону свою опухшую от алкоголя рожу.

Тем временем Альвец оживленно беседовал с Ибн-Хамисом. Видимо, они говорили о чем-то, что имело непосредственное отношение к Дику и его друзьям. «Кто знает, — подумал юноша, — какие планы у Альвеца? Удастся ли нам еще свидеться и обменяться хоть несколькими словами!»

— Друзья мои, — сказал он вполголоса, как будто разговаривая сам с собой, — слушайте меня. Геркулес прислал мне с Динго записку. Наш товарищ шел следом за караваном. Гэррис и Негоро увезли миссис Уэлдон, Джека и господина Бенедикта. Куда? Не знаю. Но, может быть, они в Казонде. Терпите и мужайтесь, а главное, будьте готовы воспользоваться малейшим случаем к побегу! Да смилостивится над нами бог!

— А Нан? — спросил старый Том.

— Нан умерла!

— Первая жертва...

— И последняя, — ответил Дик Сэнд. — Мы сумеем...

В это мгновение тяжелая рука легла на плечо юноши, и хорошо знакомый голос вкрадчиво произнес:

— Ага, если не ошибаюсь, это вы, мой юный друг? Как я рад видеть вас!

Дик Сэнд живо обернулся. Перед ним стоял Гэррис.

— Где миссис Уэлдон? — вскричал Дик, наступая на американца.

— Увы, — ответил Гэррис с деланым огорчением, — несчастная мать! Могла ли она пережить...

— Умерла? — крикнул Дик. — А сын ее?

— Бедный мальчик, — ответил Гэррис тем же тоном, — он не перенес этих тяжких испытаний...

Те, кого Дик любил, умерли... Можно представить себе, что испытал в эту минуту юноша. В порыве неудержимого гнева, охваченный жаждой мщения, он

бросился на Гэрриса, выхватил у него из-за пояса нож и всадил ему в сердце по самую рукоятку.

— Проклятие! — вскричал Гэррис, падая на землю.

Это было его последнее слово. Когда к нему подбежали, он был уже мертв.

ГЛАВА ДЕСЯТАЯ

Ярмарка

Порыв Дика Сэнда был так стремителен, что никто из окружающих не успел вмешаться. Но тотчас же несколько туземцев набросились на юношу и зарубили бы его, если бы не появился Негоро.

По знаку португальца туземцы отпустили Дика. Затем они подняли с земли и унесли труп Гэрриса. Альвец и Коимбра требовали немедленной казни Дика Сэнда, но Негоро тихо сказал им, что они ничего не потеряют, если подождут немного. Хавильдарам было приказано увести юношу и беречь его, как зеницу ока.

Дик Сэнд не видел Негоро с тех пор, как маленький отряд покинул побережье. Он знал, что этот негодяй — единственный виновник крушения «Пилигрима». Казалось бы, юный капитан должен был ненавидеть Негоро еще больше, чем его сообщника. Но после того как Дик нанес удар американцу, он не удостоил Негоро ни единым словом.

Гэррис сказал, что миссис Уэлдон и ее сын погибли. Теперь ничто больше не интересовало Дика. Ему стала безразличной даже собственная участь. Хавильдары потащили его. Куда? Дику было все равно...

Юношу крепко связали и посадили в тесный сарай без окон. Это был карцер, куда Альвец запирал рабов, приговоренных к смертной казни за бунт или другие проступки. Здесь Дик был отгорожен глухими стенами от всего мира. Он и не сожалел об этом. Он отомстил за смерть тех, кого любил, и теперь казнь не страшила его. Какая бы участь его ни ожидала, он был готов ко всему.

Легко догадаться, почему Негоро помешал туземцам расправиться с Диком: он хотел перед казнью подвергнуть юношу жестоким пыткам, на которые так изобретательны дикари. Пятнадцатилетний капитан был во власти судового кока. Теперь не хватало только Геркулеса, чтобы месть Негоро была полной.

Через два дня, 28 мая, открылась ярмарка — «лакони», на которую съехались работорговцы из всех факторий внутренней Африки и множество туземцев из соседних с Анголой областей. Лакони — не только невольничий торг, это вместе с тем и богатейший рынок всех продуктов плодородной африканской земли, с которыми стекались туда люди, производившие их.

С самого раннего утра на обширной читоке царило неописуемое оживление. Четыре-пять тысяч человек толпились на площади, не считая рабов Хозе-Антонио Альвеца, среди которых был и Том с товарищами. На этих несчастных именно потому, что они чужестранцы, спрос, несомненно, должен был быть особенно велик.

Альвец был самой важной персоной на ярмарке. Он ходил по площади со своим другом Коимброй, предлагая работорговцам из внутренних областей партии невольников. Среди покупателей было много туземцев, были метисы из Уджиджи — торгового города, расположенного у озера Танганьика, и несколько арабских купцов, больших мастеров в области работорговли.

Там было много туземцев, детей, мужчин и женщин, необычайно ревностных торговок, которые по своим торгашеским талантам превзошли бы и торговок белой расы. Ни один рынок большого европейского города, даже в день ежегодной ярмарки, не шумит и не волнуется так, как этот африканский базар, нигде не совершается столько сделок. У цивилизованных народов стремление продать, пожалуй, преобладает над желанием купить. У африканских дикарей и предложение и спрос одинаково возбуждают страсти. Для туземцев лакони — большой праздник, и ради этого торжества они самым парадным образом разукрасились (слово «нарядились» тут было бы неуместным). Главное украшение местных щеголей и щеголих составляли их прически. Иные мужчины заплели косы и уложили их на

макушке высоким шиньоном; другие поделили волосы на несколько тоненьких косичек, свисавших наперед, как крысиные хвостики, а на макушку водрузили пышный султан из красных перьев; третьи соорудили из волос изогнутые рога и, обильно умастив их жиром, обмазали для прочности красной глиной, словно суриком, растертым на масле, которым смазывают машины, — и все эти прически из собственных и фальшивых волос были украшены множеством железных и костяных шпилек и палочек; некоторые франты, не довольствуясь этими украшениями, унизали свои курчавые волосы разноцветными стеклянными бусинками — «софи» и в середину сложного пестрого узора воткнули нож для татуировки с резной костяной рукояткой.

Прически женщин состояли из бесчисленных хохолков, кудряшек, жгутиков, образующих запутанный и сложный рельефный рисунок, или из свисавших на лицо длинных прядей, круто завивавшихся штопором. Только несколько молодых и более миловидных женщин ограничились тем, что просто зачесали волосы назад, предоставив им ниспадать на спину, как у англичанок, или подстригли челку на лбу по французской моде. И почти все женщины обильно смазывали свою шевелюру жирной глиной и блестящей красной «нкола» — смолистым соком сандалового дерева, так что издали казалось, будто головы туземных франтих покрыты черепицей.

Не следует, однако, думать, что парадный наряд туземцев ограничивался только роскошной прической. К чему человеку уши, если в них нельзя продевать палочек, вырезанных из драгоценных древесных пород, медных колец с ажурной резьбой, плетеных цепочек из маисовой соломы или, наконец, тыквенных бутылочек, заменяющих табакерки? Не беда, что мочки ушей вытягиваются от этого груза и почти достигают плеч.

Африканские полуголые дикари не знают, что такое карманы, поэтому они носят в ушах мелкие обиходные предметы — ножи, трубки, все то, что цивилизованные люди носят в карманах.

Что касается шеи, запястий рук, икр и лодыжек, то, с точки зрения дикарей, эти части тела самой природой

предназначены для ношения медных или бронзовых обручей, роговых браслетов, украшенных блестящими пуговицами, ожерелий из красных бус, называемых «саме-саме», или «талака», которые были тогда в большой моде у африканцев. И с этими блистающими драгоценностями, в изобилии выставленными на всеобщее обозрение, местные богачи походили на ходячую разукрашенную раку для мощей.

Кроме того, если природа наделила людей зубами, то разве не для того, чтобы они вырывали себе два-три передних зуба или же подтачивали их, загибали их наподобие острых крючков, как у гремучих змей? А если природа дала им ногти на пальцах, то разве не для того, чтобы отращивать их так, что становится почти невозможным действовать рукой?

Точно так же и кожа, черная или коричневая, прикрывающая человеческое тело, тоже, конечно, существует для того, чтобы ее украшали «теммбо» — татуировкой, изображающей деревья, птиц, месяц, полную луну, или разрисовывали теми волнистыми линиями, в которых Ливингстон нашел некое сходство с рисунками древних египтян. Татуировка запечатлевалась навсегда при помощи голубоватой краски, которую вводили в надрезы на теле, и узор, украшавший отцов, в точности воспроизводили на телах детей — по нему сразу можно было узнать, к какому роду-племени принадлежит человек. Что же делать, приходится гравировать свой герб на груди, если вы не можете нарисовать его на дверцах кареты ввиду ее отсутствия!

Такое важное место занимают украшения в модах африканцев. Что же касается самой одежды, то у мужчин она состоит просто из передника из кожи антилопы, спускающегося от бедер до колен, или из пестрой юбки, сплетенной из травы. Одежда женщины также состояла только из зеленой юбки, расшитой разноцветными шелками, бисером или ракушками и стянутой поясом из бус. Некоторые женщины вместо юбки носили передник из «ламбы» — весьма ценимой в Занзибаре ткани, сплетенной из трав и окрашенной в синий, черный и желтый цвета.

Но роскошные уборы были доступны только бога-

тым туземцам. Прочие — носильщики и невольники — были одеты куда скромнее, — иначе говоря, ходили почти голые.

Переноской тяжестей здесь преимущественно были заняты женщины. Они стекались на ярмарку с огромными корзинами за спиной, придерживая их ремнем, охватывавшим лоб; выбрав место на площади, они выгружали свой товар и, поставив пустые корзины набок, садились в них на корточки.

Все продукты этой изумительно плодородной земли были в изобилии представлены на ярмарке. Здесь продавался рис, который приносит урожай сам-сто; маис, дающий три жатвы в восемь месяцев и двести зерен на каждое посеянное зерно; кунжут, перец из области Уруа, более острый, чем знаменитый кайенский; маниока, сорго, мускатные орехи, пальмовое масло. На большую площадь согнали сотни коз, свиней, овец, и тонкорунных и курдючной породы, очевидно завезенных из татарских степей, сюда нанесли множество живой и битой птицы, рыбы. Разнообразные, очень ровно вылепленные гончарные изделия привлекали глаз своей яркой раскраской. По площади сновали мальчишки, визгливыми голосами выкрикивавшие названия всяких соблазнительных напитков. Они продавали банановое вино, крепкую настойку — «помбе», «малофу» — сладкое пиво, изготовленное из бананов, и прозрачную хмельную медовую воду.

Но главными товарами на рынке в Казонде были слоновая кость и ткани, тысячи кип всевозможных тканей: «мерикани» — небеленый миткаль производства Салемских фабрик в Массачусете, «каники» — голубая хлопчатобумажная ткань шириной в тридцать четыре дюйма, «сохари» — плотная материя в синюю и белую клетку с красной каймой, оттененной голубыми полосками, и, наконец, дорогостоящая «диули» — зеленый, красный и желтый суратский шелк, — отрез его в три ярда стоит не меньше семи долларов, а если он заткан золотом — доходит до восьмидесяти долларов.

Слоновую кость в Казонде доставляли из всех факторий Центральной Африки, и отсюда она уже расходилась в Хартум, Занзибар и в Наталь; многие купцы

занимались только этой отраслью африканской торговли.

Трудно себе представить, сколько слонов нужно убить, чтобы добыть те пятьсот тысяч килограммов слоновой кости, которые ежегодно требуют европейские и, в частности, английские рынки. Только для удовлетворения нужд одной английской промышленности ежегодно нужно убивать сорок тысяч слонов [1].

С одного только западного берега Африки вывозят сто сорок тонн этого ценного товара. Средний вес пары слоновых бивней — двадцать восемь фунтов, а в 1874 году цена на них доходила до полутора тысяч франков, но бывают экземпляры, весящие сто шестьдесят и более фунтов. И как раз на рынке в Казонде знатоки могли бы найти великолепную слоновую кость — плотную и полупрозрачную, легко поддающуюся обработке, и, когда с бивня снимали тонкий верхний слой темноватого оттенка, обнажалась белая сердцевина, не желтеющая с течением времени, не в пример слоновой кости, поступающей из других мест. Как же рассчитывались между собой покупатели и продавцы при совершении сделок? Какими денежными единицами они пользовались? Как известно, для работорговцев единственным мерилом ценности были невольники. У туземцев деньгами считались стеклянные бусы, фабрикующиеся в Венеции: молочно-белые бусы — «качоколо», черные — «бубулу» и розовые — «сикундерече». Обычная мера этих бус — «фразилах»— весит семьдесят фунтов. Ожерелье из десяти рядов бисера, или «хете», дважды обвивавшее шею, называлось «фундо». Фундо — это целый капитал. Ливингстон, Камерон и Стенли, отправляясь в экспедиции вглубь Африки, всегда брали с собой большой запас этой «монеты». Наряду со стеклянными разноцветными бусами на африканских рынках имеют хождение «писэ» — занзибарская монета в четыре сантима, и «виунга» — ракушки, встречающиеся на восточном побережье. Для племен, у которых сохранилось людоедство, известную

---

[1] Одна фабрика ножей в Шеффильде (Англия) потребляет ежегодно 170 тысяч килограммов слоновой кости. *(Прим автора.)*

ценность представляют также человеческие зубы, и на ярмарке можно было видеть ожерелья из человеческих зубов на шее у какого-нибудь туземца, который, надо полагать, сам же и съел бывших обладателей этих зубов. Но в последние годы такой вид денег начинает выходить из употребления.

Таков был вид читоки в ярмарочный день. К полудню общее возбуждение возросло необычайно, и шум стал оглушительным. Словами не передать ярости продавцов, которым не удавалось всучить свой товар покупателям, и гнева покупателей, с которых продавцы запрашивали слишком дорого. То и дело в этой возбужденной, вопящей толпе возникали драки, и никто не унимал дерущихся — стражи было слишком мало.

Вскоре после полудня Альвец приказал привести на площадь невольников, назначенных для продажи. Толпа сразу увеличилась почти на две тысячи человек. Многие из этих несчастных провели в бараках по нескольку месяцев. Длительный отдых и удовлетворительная пища вернули благообразный вид этой партии «товара» и повысили его рыночную ценность. Другое дело вновь прибывшие: у них был очень изнуренный и болезненный вид. Если бы Альвец продержал и эту партию месяц-другой в бараках, он, несомненно, продал бы ее по более высокой цене. Но спрос на невольников был так велик, что работорговец рассчитывал продать их как они есть.

Это было большим несчастьем для Тома и трех его спутников. Хавильдары тоже погнали их в стадо, которое заполнило читоку.

Все четверо попрежнему были скованы цепями, но взгляды их красноречивее слов говорили, какая ярость и возмущение владеют ими.

— Мистера Дика здесь нет! — сказал Бат, обведя глазами обширную площадь.

— Понятно, — ответил Актеон. — Они не смеют продать его в рабство.

— Но они могут убить его и убьют непременно! — сказал Том. — А мы можем только надеяться на то, что нас купит всех вместе какой-нибудь работорговец. Хоть бы не разлучаться!

— Ох, как страшно подумать, отец, что ты будешь далеко от меня... Ты... старик... станешь рабом... — рыдая, воскликнул Бат.

— Нет, — ответил Том. — Нет, они не разлучат нас, и, быть может, нам удастся...

— Если бы еще Геркулес был с нами! — сказал Актеон.

Но великан не подавал о себе вестей. С тех пор как он прислал Дику записку, о нем не было ни слуху ни духу. Стоило ли завидовать Геркулесу? О да! Даже в том случае, если он погиб! Ведь он умер как свободный человек, защищая свою жизнь. Ведь он не знал тяжких цепей неволи.

Между тем торг открылся. Агенты Альвеца проводили по площади группы невольников — мужчин, женщин, детей; им не было дела до того, не разлучают ли они мужа с женой, отца с сыном или мать с дочерью. Для этих людей невольники были домашним скотом, не больше... Тома и его товарищей водили от покупателя к покупателю. Агент, шедший впереди, выкрикивал цену, назначенную Альвецем за всю группу. Купцы — арабы или метисы из центральных областей — подходили и внимательно осматривали «товар». Они с удивлением замечали, что молодые товарищи Тома не похожи на негров, пригнанных с берегов Замбези или Луалабы: черты, отличительные для африканских негров, изменились у них в Америке со второго поколения, а по развитию и физической силе они стояли гораздо выше. Поэтому цена им была больше, перекупщики ощупывали их мускулы, оглядывали их со всех сторон, смотрели им в рот, точь-в-точь как барышники, покупающие на ярмарке лошадей. Они швыряли на дорогу палку и приказывали бежать за ней, чтобы проверить таким образом, может ли невольник быстро бегать.

Так осматривали и проверяли всех невольников. Никто не был освобожден от этих унизительных испытаний. Не следует думать, что несчастные были равнодушны к такому обращению. Нет, все они испытывали чувство стыда и обиды за поруганное человеческое достоинство, и только дети еще не понимали, какому

унижению их подвергают. Невольников при этом и осыпали ругательствами и били. Уже успевший напиться Коимбра и агенты Альвеца крайне жестоко обращались с рабами, а у новых хозяев, которые купят их за слоновую кость, коленкор или бусы, их ждала, быть может, еще более горькая жизнь. Разлучая мужа с женой, мать с ребенком, работорговцы не позволяли им даже попрощаться. Они виделись в последний раз на ярмарочной площади и расставались навсегда.

В интересах этой особой отрасли коммерции рабов разного пола направляют по различным направлениям. Обыкновенно купцы, торгующие невольниками-мужчинами, не покупают женщин. Дело в том, что спрос на невольниц предъявляет главным образом мусульманский Восток, где распространено многоженство. Поэтому женщин направляют на север Африки и обменивают их там на слоновую кость. Невольники же мужчины используются на тяжелых работах в испанских колониях или поступают на продажу в Маскате и на Мадагаскаре. Поэтому мужчин отправляют на запад или восток, в прибрежные фактории. Прощание мужей с женами сопровождается душераздирающими сценами, потому что расстаются они навеки и знают, что умрут, не свидевшись больше друг с другом.

Том и его спутники должны были подвергнуться общей участи. Но, по правде сказать, это их не страшило. Для них даже было бы лучше, если бы их вывезли в одну из рабовладельческих колоний. Там по крайней мере у них явилась бы некоторая надежда восстановить свои права. Если же, наоборот, их вздумали бы оставить в какой-нибудь области Центральной Африки, им нечего было и мечтать о возвращении себе свободы.

Случилось так, как они хотели. У них даже было почти неожиданное утешение — их продали в одни руки. На эту «партию» из четырех негров нашлось много охотников. Работорговцы из Уджиджи спорили из-за них. Хозе-Антонио Альвец потирал от удовольствия руки. Цена на «американцев» поднималась. Покупатели чуть не дрались из-за рабов, каких еще не видывали на рынке в Казонде. Альвец, конечно, не

рассказывал, где он добыл их, а Том и его товарищи, не знавшие местных наречий, не могли протестовать.

В конце концов они достались богатому арабскому купцу. Новый хозяин намеревался через несколько дней отправить их к озеру Танганьика, где главным образом проходят караваны невольников, и оттуда переправить в занзибарские фактории.

Дойдут ли они живыми до места назначения? Ведь им предстояло пройти полторы тысячи миль по самым нездоровым и опасным областям Центральной Африки, где шли к тому же непрестанные войны между вождями различных племен.

Хватит ли на это сил у старого Тома? Или он не выдержит мучений и умрет дорогой, как несчастная Нан?..

Но все-таки четверо друзей не были разлучены! От этого сознания даже цепь, сковывавшая их, как будто становилась легче.

Новый хозяин — араб — велел отвести купленных невольников в отдельный барак. Он заботился о сохранности «товара», который сулил немалый барыш на занзибарском рынке.

Тома, Бата, Остина и Актеона тотчас же увели с площади. Поэтому они не увидели и не узнали, каким неожиданным происшествием закончилась ярмарка в Казонде.

ГЛАВА ОДИННАДЦАТАЯ

Королевский пунш

Около четырех часов пополудни в конце главной улицы послышался грохот барабанов, звон цимбалов и других африканских музыкальных инструментов. Возбуждение толпы в это время достигло предела. Долгие часы споров, драк и криков не приглушили звонких голосов и не утомили неистовых торговцев. Еще не все невольники были проданы.

Покупатели перебивали друг у друга партии рабов с таким пылом, перед которым меркнет даже азарт

лондонских биржевых маклеров в день крупной игры на повышение.

Но при звуках этого внезапно начавшегося нестройного концерта все сделки были отложены, и крикуны могли перевести дыхание.

Его величество Муани-Лунга, король Казонде, почтил ярмарку своим посещением. Его сопровождала довольно многочисленная свита из жен, «чиновников», солдат и рабов. Альвец и прочие негроторговцы поспешили ему навстречу. Они не скупились на почтительные приветствия, зная, что коронованный пьянчуга весьма чувствителен к лести.

Старый паланкин, в котором принесли Муани-Лунга, остановился посреди площади, и царек, поддерживаемый десятком услужливых рук, ступил на землю.

Муани-Лунга было пятьдесят лет, но по виду ему можно было дать все восемьдесят, и походил он на дряхлую, облезлую гориллу. На голове у него красовалось некое подобие тиары, отделанной когтями леопарда, покрашенными киноварью, и пучками белой шерсти. Это была корона властителей Казонде. Две вышитые жемчугом юбки из кожи антилопы «куду», более заскорузлые, чем фартук кузнеца, опоясывали бедра короля. Его грудь была разукрашена сложным узором татуировки, свидетельствовавшим о древности королевского рода; если верить этим указаниям, родословная королевского дома Муани-Лунга терялась во тьме веков. На лодыжках, на запястьях, на обоих предплечьях короля звенели медные браслеты с инкрустацией из стеклянных бус, а обут он был в сапоги выездного лакея с желтыми отворотами, — их поднес ему в дар Альвец лет двадцать тому назад. В левой руке король держал палку с круглым серебряным набалдашником, а в правой — хлопушку от мух, с рукояткой, унизанной жемчугом. Парадный наряд короля довершался вздымавшимся над его головой старым зонтом, испещренным разноцветными заплатами, как штаны Арлекина, лупой, висевшей на шее, и очками, украшавшими нос, — предметами, о которых сокрушался кузен Бенедикт, — их обнаружили в кармане

Бата, и Альвец преподнес их его величеству Муани-Лунга.

Таков был этот негритянский монарх, державший в страхе область окружностью в сто миль.

Уже по той причине, что он занимал королевский престол, Муани-Лунга полагал, что происходит «прямо с небес», а тех своих подданных, которые осмеливались бы усомниться в этом, он отправил бы на тот свет удостовериться в справедливости его утверждения. Муани-Лунга заявлял также, что по своей божественной природе он свободен от всех земных потребностей. Если он ест, то лишь потому, что это ему нравится, а пьет только ради удовольствия. Кстати сказать, невозможно было пить больше, чем Муани-Лунга. Его министры, его чиновники, закоренелые пьяницы, казались трезвенниками по сравнению с ним. Его величество был проспиртован насквозь и непрестанно вливал в себя горячительные напитки: крепкое пиво, настойку «помбе» и в особенности водку, которую в изобилии поставлял ему Альвец.

В гареме Муани-Лунга было множество жен всех рангов и возрастов. Большинство жен сопровождало его на рыночную площадь. Муане — первой жене, носившей титул королевы, — было лет под сорок. На ней был пестрый клетчатый платок и юбка, сплетенная из травы и расшитая бусами. Она напялила на себя столько ожерелий из бус, сколько удалось уместить на шее, на руках и ногах. Многоэтажная, сложная прическа обрамляла ее обезьянье крохотное лицо. В общем — настоящее страшилище. Остальные жены его величества, которые набирались из его сестер и других родственниц, не столь нарядные, но более молодые, следовали за первой женой, готовые по первому знаку властелина приступить к выполнению своих обязанностей... живой мебели: когда королю угодно было сесть, две из них пригибались к земле и служили ему сиденьем, а другие расстилались под его ногами своеобразным черным ковром!

Следом за женами в свите Муани-Лунга шествовали его министры, военачальники и колдуны, как и их монарх, тоже не твердо державшиеся на ногах. При

взгляде на этих дикарей прежде всего бросалось в глаза, что у каждого из них не хватало какой-нибудь части тела. Один был безухим, другой — безносым, у третьего недоставало руки, у четвертого — глаза. Среди них не было ни одного, кто мог бы похвастать наличием полного комплекта частей своего тела. Это объяснялось тем, что законодательство Казонде знало только два вида наказаний: смертную казнь или увечье, причем степень наказания зависела от каприза Муани-Лунга. За малейшую провинность приближенных короля калечили и увечили, и больше всего придворные страшились лишиться ушей, ибо тогда уже им невозможно было носить серьги.

Единственной одеждой начальников, «килоло» — то есть правителей районов, занимавших этот пост по наследству или назначаемых на четыре года, был красный жилет и колпак из полосатой шкуры зебры, а в руках они держали знак своей власти — длинный бамбуковый жезл, один конец которого был натерт магическим зельем.

У солдат орудием нападения и обороны служили луки, у которых рукоять была обмотана запасной тетивой и украшена бахромой, остро отточенные ножи, копья с длинными и широкими наконечниками и пальмовые щиты, украшенные причудливой резьбой. Что касается мундиров, то его величеству не приходилось на них тратиться.

Кортеж замыкали придворные колдуны и музыканты.

Мганнги — колдуны — в то же время являются и лекарями. Африканские дикари слепо верят в чудодейственную силу заклинаний своих мганнгов, верят в гадания и в фетишей, которыми являются у них глиняные фигуры, испещренные белыми и красными пятнами, изображающие фантастических животных, или вырезанные из дерева фигуры мужчин и женщин. Впрочем, многие колдуны были так же изувечены, как и остальные придворные. Видимо, разгневанный монарх подвергал этому наказанию и своих мганнгов, когда их лекарства не приносили ему облегчения.

Музыканты — мужчины и женщины — потрясали невероятно звонкими трещотками, били в гулкие барабаны, колотили длинными палочками с гуттаперчевым шариком на конце по своим «маримеба» — нечто вроде тимпана, сделанного из нескольких тыквенных бутылок различных размеров. В общем, шум получался оглушительный, и выносить его могли только уши африканцев.

Над королевским кортежем развевались знамена и флажки. Воины несли на остриях пик побелевшие черепа соседних негритянских царьков, побежденных Муани-Лунга.

На площади короля встретили бурными приветственными возгласами. Охрана караванов разрядила в воздух ружья, но звук выстрелов потонул в отчаянном реве толпы. Хавильдары поспешно натерли свои черные физиономии порошком киновари, которую они носили в мешках у пояса, и простерлись ниц перед королем.

Альвец, выступив вперед, преподнес королю большую пачку табаку — «успокоительной травы», как ее называют в Казонде. Это было весьма кстати: Муани-Лунга как раз нуждался в каком-нибудь успокоительном средстве, ибо он с утра почему-то пребывал в очень плохом настроении.

Вслед за Альвецем Коимбра, Ибн-Хамис и другие работорговцы, арабы и метисы, заверили в своей преданности могущественного властителя Казонде.

«Мархаба!» — говорили королю арабы, прикладывая руку ко лбу, к губам и к сердцу. «Мархаба» на языке жителей Центральной Африки значит «добро пожаловать». Метисы из Уджиджи хлопали в ладоши и отвешивали низкие, до самой земли, поклоны. Некоторые мазали лицо грязью и пресмыкались перед своим гнусным властелином.

Но Муани-Лунга даже не смотрел на раболепствующих льстецов. Он проходил мимо них неверной поступью, широко расставляя ноги, словно земля качалась под ним. Так он обошел всю площадь, осматривая выведенных для продажи рабов. Если работорговцы боялись, как бы королю не вздумалось объявить своей собственностью кого-нибудь из невольников, то послед-

ние не меньше страшились попасть во власть этого свирепого животного.

Негоро ни на шаг не отходил от Альвеца. Вместе с ним он представился королю. Они беседовали на туземном наречии, если может быть назван беседой разговор, в котором одна сторона пьяна и только мычит или издает какие-то междометия. Речь Муани-Лунга стала членораздельной лишь тогда, когда он попросил своего друга Альвеца пополнить запас водки, исчерпанный последними выпивками.

— Король Лунга — желанный гость на рынке в Казонде! — воскликнул Альвец.

— Пить хочу! — ответил монарх.

— Король получит свою долю в прибылях ярмарки, — добавил Альвец.

— Пить! — бубнил свое Муани-Лунга.

— Мой друг Негоро счастлив лицезреть короля Казонде после долгой разлуки.

— Пить! — рычал пьяница, от которого так и разило отвратительным запахом спиртового перегара.

— Не угодно ли королю откушать помбе или меда? — лукаво спросил работорговец, отлично знавший, чего добивается Муани-Лунга.

— Нет, нет!.. — закричал король. — Огненной воды! За каждую каплю огненной воды я дам моему другу Альвецу ..

— По капле крови белого человека! — подсказал Негоро, сделав Альвецу знак, на который тот ответил утвердительным кивком головы.

— Кровь белого человека? Убить белого? — переспросил Муани-Лунга. Дикие инстинкты его сразу ожили при этом предложении.

— Белый убил одного из агентов Альвеца, — продолжал португалец.

— Да, он убил Гэрриса, — подхватил Альвец. — Мы должны отомстить.

— Тогда надо послать его к королю Массонго, в верховья Заира. Воины племени ассуа разрежут его на кусочки и съедят живьем. Они не потеряли еще вкуса к человечьему мясу, — воскликнул Муани-Лунга.

Массонго и в самом деле был царьком племени людоедов. В самых глухих углах Центральной Африки еще сохранялся обычай людоедства. Ливингстон в своих путевых записках отмечает, что племя маньема, живущее на берегах Луалабы, съедает не только врагов, убитых на войне, но и покупает рабов, чтобы пожрать их, заявляя, что «человеческое мясо слегка солоноватое и требует лишь немного приправы». Камерон также столкнулся с племенем людоедов — мэнне бугга, которые для еды по нескольку дней вымачивают в проточной воде трупы убитых, а Стенли наблюдал случай людоедства у жителей Оукуса; словом, обычай этот весьма распространен в Центральной Африке.

Но, как ни ужасна была казнь, придуманная королем для Дика Сэнда, она не понравилась Негоро: в его расчеты не входило выпускать жертву из своих рук.

— Этот белый убил нашего друга Гэрриса в Казонде, — сказал он.

— И здесь же он должен умереть! — добавил Альвец.

— Убивай его где хочешь, Альвец, — ответил Муани-Лунга. — Только помни уговор: по капле огненной воды за каждую каплю крови белого!

— Ты получишь огненную воду, король! — ответил работорговец. — И ты убедишься, что ее недаром называют огненной. Она будет пылать! Сегодня Хозе-Антонио Альвец угостит короля Муани-Лунга пуншем!

Пьяница с размаху хлопнул по руке Альвеца. Он не помнил себя от радости. Свита и жены короля разделяли его восторг. Они никогда не видали, как горит «огненная вода», и думали, что ее можно пить пылающей. А затем, упившись, они еще насладятся и видом пролитой крови.

Бедный Дик Сэнд! Какая страшная пытка была уготована ему! Если и цивилизованные люди в пьяном виде теряют облик и подобие человеческое, то можно себе представить, какое действие оказывает алкоголь на дикарей!

Нетрудно понять, что возможность подвергнуть пыткам белого человека пришлась по вкусу не только

Негоро, у которого были личные счеты с юношей, но также метису Коимбре, Альвецу и всем прочим работорговцам и туземцам.

Вечер подкрался незаметно, и вслед за ним быстро, без сумерек, наступила ночь; в темноте пунш должен был гореть особенно эффектно.

Альвеца осенила действительно блестящая идея предложить его королевскому величеству новый вид спиртного напитка. В последнее время Муани-Лунга уже находил, что огненная вода, собственно говоря, плохо оправдывает свое название. Быть может, полыхающая огнем водка более заметно пощекочет потерявший чувствительность королевский язык...

Итак, в программе вечера первым номером стоял пунш, а вторым — пытка белого человека.

Дик Сэнд, сидевший в своей темнице, должен был выйти из нее только на смерть. Невольников — проданных и непроданных — загнали обратно в бараки. На обширной читоке остались только король, его приближенные, работорговцы, а также хавильдары и солдаты, надеявшиеся, что им будет дозволено отведать королевского пунша, если после короля и придворных что-нибудь останется.

Хозе-Антонио Альвец, следуя советам Негоро, приготовил все необходимое для пунша. По приказанию работорговца на середину площади вынесли медный котел, вмещающий по меньшей мере двести пинт жидкости. В него вылили несколько бочонков самого плохого, но очень крепкого спирта. Туда же положили перец, корицу и другие пряности, чтобы придать пуншу еще больше крепости.

Участники попойки кольцом окружили короля. Муани-Лунга, пошатываясь, подошел к котлу. Водка притягивала его, как магнит, — казалось, он готов был броситься в котел.

Альвец удержал его и сунул ему в руку горящий фитиль.

— Огонь! — крикнул он с хитрой улыбкой.

— Огонь! — повторил Муани-Лунга и ткнул горящий фитиль в спирт.

Как загорелся спирт, как красиво заплясали на его поверхности синие огоньки!

Альвец бросил в пунш пригоршню морской соли, чтобы напиток стал еще более острым. Отблески пламени придавали людям, обступившим котел, ту призрачную синеватость, какую человеческое воображение приписывает привидениям. Опьянев от одного запаха алкоголя, туземцы дико завопили и, взявшись за руки, закружились в бешеном хороводе вокруг короля Казонде.

Альвец, вооружившись огромной разливательной ложкой с длинной ручкой, помешивал в котле огненную жидкость; на лица бесновавшихся танцоров падали отсветы синего пламени.

Муани-Лунга шагнул ближе. Он вырвал ложку из рук работорговца, зачерпнул пылающий пунш и поднес его ко рту.

Как страшно вскрикнул король Казонде!

Его насквозь проспиртованное величество воспламенился, как вспыхнула бы бутыль керосина. Огонь не давал большого жара, но тем не менее горение продолжалось.

При этом неожиданном зрелище хоровод туземцев распался.

Один из министров Муани-Лунга бросился к своему повелителю, чтобы погасить его. Но, будучи проспиртован не менее, чем король, министр тут же сам загорелся.

Всему двору Муани-Лунга угрожала та же участь.

Альвец и Негоро не знали, как помочь горящему королю. Королевские жены в страхе бросились бежать. Коимбра бежал еще быстрее, зная свою легковоспламеняющуюся натуру...

Король и министр, упав на землю, корчились от нестерпимой боли.

Когда жировые ткани глубоко пропитаны алкоголем, горение дает только легкое синеватое пламя, которое вода не может погасить. Даже если удастся притушить его снаружи, оно будет гореть внутри. Нет никакого способа прекратить горение живого организма, все поры которого насыщены спиртом...

Через несколько минут Муани-Лунга и его министр были мертвы, но трупы их еще продолжали гореть. Вскоре только горсть пепла да несколько позвонков и фаланги пальцев, не поддавшиеся огню, но покрытые зловонной сажей, лежали возле котла с пуншем.

Вот и все, что осталось от короля Казонде и его министра.

ГЛАВА ДВЕНАДЦАТАЯ

Похороны короля

На следующий день, 29 мая, город Казонде имел необычный вид. Перепуганные туземцы не смели выйти на улицу. Никогда не видали они, чтобы король божественного происхождения погиб вместе со своим министром такой страшной смертью. Кое-кому из них, особенно старикам, случалось еще поджаривать на костре простых смертных. Они помнили, что такие пиршества всегда требовали сложных приготовлений, так как человеческое мясо очень трудно зажарить. А тут король и его министр сгорели, как лучинки! В этом было что-то непостижимое. Хозе-Антонио Альвец также притаился в своем доме. Он боялся, как бы на него не взвалили ответственность за происшедшее. Негоро объяснил ему причину смерти короля и посоветовал держаться настороже.

Плохи будут дела Альвеца, если смерть короля отнесут за его счет: тогда не выкрутиться ему без изрядных убытков. Но Негоро пришла в голову блестящая мысль. По его совету был пущен слух, что необыкновенная смерть повелителя Казонде — знак особой милости к нему великого Маниту, что это честь, которой боги удостаивают только немногих избранных. Суеверные туземцы легко попались на эту нехитрую удочку. Огонь, пожравший тела короля и министра, был объявлен священным. Оставалось только почтить Муани-Лунга похоронами, достойными человека, возведенного в ранг божества.

Эти похороны и своеобразные обряды, связанные с ними у африканских племен, давали Негоро возможность свести счеты с Диком Сэндом.

Если бы не свидетельство многих исследователей Центральной Африки и, в частности, Камерона, никто не поверил бы, сколько проливается крови на похоронах негритянских царьков вроде Муани-Лунга.

Королева Муана должна была унаследовать королевский престол. Она спешила закрепить свои права на трон и тотчас же отдала приказание приступить к подготовке похорон. Тем самым она провозгласила свои верховные права, опередив таким образом других претендентов и в первую очередь короля Оукусу, стремившегося стать властителем Казонде. Как правительница государства, Муана избегала жестокой участи, уготованной прочим супругам покойного короля. Наконец, она избавлялась от младших жен, немало досаждавших ей — первой по времени и старшей по возрасту супруге. Это особенно пришлось по вкусу свирепой мегере. Она велела поэтому объявить народу при звуках рога и марембы, что завтра вечером тело покойного короля будет предано погребению с соблюдением всех установленных обрядов.

Приказ новой королевы не вызвал возражений ни со стороны двора, ни со стороны народа. Альвецу и другим работорговцам нечего было бояться восшествия на престол королевы Муаны. Они не сомневались, что лестью и подарками подчинят ее своему влиянию. Итак, вопрос о престолонаследии разрешился быстро и мирно. Смущение царило только в гареме покойного короля, и не без причин.

Подготовка к похоронам началась в тот же день. В конце главной улицы Казонде протекал полноводный и стремительный ручей, приток Куанго. На дне его Муана приказала вырыть могилу. Для этого следовало на время отвести в сторону течение ручья. Туземцы принялись возводить плотину, преграждавшую путь ручью и направлявшую его на равнину Казонде. Под конец погребальной церемонии эту плотину должны были разрушить, чтобы вода могла вернуться в прежнее русло.

Негоро решил включить Дика Сэнда в число людей, которые будут принесены в жертву богам на могиле короля. Португалец был свидетелем того удара ножом, которым разгневанный юноша встретил известие о смерти миссис Уэлдон и Джека. Будь Дик на свободе, жалкий трус Негоро побоялся бы к нему подойти, чтобы не подвергнуться участи своего сообщника, но беспомощный, связанный по рукам и ногам пленник был не опасен, и Негоро решился навестить его.

Португалец был из тех отъявленных негодяев, которым недостаточно причинять мучения, им надо еще поиздеваться над своей жертвой. Он хотел насладиться зрелищем страданий Дика Сэнда.

Днем он отправился в сарай, где юношу зорко стерегли хавильдары. Он лежал на полу, связанный по рукам и ногам. В последние сутки ему совсем не давали пищи. Ослабевший от пережитых страданий, измученный болью оттого, что веревки впивались ему в тело, Дик Сэнд думал о смерти, — пусть казнь будет жестокой, но она по крайней мере положит конец всем его мученьям.

Но при виде Негоро он встрепенулся. Он попытался разорвать путы, чтобы кинуться на изменника и задушить его. Однако даже Геркулес не мог бы справиться с такими крепкими веревками. Дик понял, что борьба не кончена, но характер ее меняется. Он спокойно посмотрел Негоро прямо в глаза. Он решил не удостаивать португальца ответом, что бы тот ни говорил.

— Я счел долгом, — так начал Негоро, — в последний раз навестить моего юного капитана и выразить ему соболезнование по поводу того, что он лишен возможности командовать здесь, как командовал на борту «Пилигрима».

Дик ничего не ответил, и тогда Негоро продолжил:

— Как, капитан, неужели вы не узнаете своего бывшего кока? А я так спешил к вам за распоряжениями! Что прикажете приготовить на завтрак?

Тут Негоро с размаху ткнул ногой распростертого на земле юношу.

— Кстати, у меня еще один вопрос к вам, капитан. Не можете ли вы, наконец, объяснить, каким образом,

собравшись пристать к берегам Южной Америки, вы прибыли в Анголу?

Дик Сэнд и без того знал, что догадка его была правильной и что изменник португалец намеренно испортил компас на «Пилигриме». Насмешливый вопрос Негоро был прямым признанием.

Дик ничего не ответил. Это презрительное молчание начало раздражать бывшего кока.

— Признайтесь, капитан, — продолжал Негоро, — для вас было большим счастьем, что на борту «Пилигрима» оказался моряк, настоящий, опытный моряк. Страшно подумать, куда бы вы завезли нас, если бы не его вмешательство. Погиб бы корабль, наткнувшись на какие-нибудь скалы, — погибли бы и мы с ним! Но благодаря этому моряку пассажиры попали на гостеприимную землю, в общество людей, дружески к ним расположенных, и вы, наконец, очутились в надежном убежище. Видите, молодой человек, как вы были глубоко не правы, относясь с пренебрежением к этому моряку!

Негоро говорил внешне спокойно, но это спокойствие стоило ему огромных усилий. Кончив речь, он склонился над Диком Сэндом и заглянул ему в глаза. Зверская гримаса перекосила лицо португальца. Казалось, он хочет укусить Дика. Долго сдерживаемая ярость, наконец, прорвалась.

— Каждому своя очередь! — вскричал он в порыве бешеной злобы, рассвирепев от непоколебимого спокойствия жертвы. — Сегодня капитан — я! Я хозяин! Твоя жизнь, моряк-неудачник, в моих руках!

— Этим ты меня не испугаешь, — холодно сказал Дик Сэнд. — Но помни, на небе есть бог, он карает за всякое преступление, и час возмездия недалек.

— Ну, если бог думает о людях, пора ему позаботиться о тебе.

— Я готов предстать перед всевышним. Смерти я не боюсь, — не повышая голоса, ответил Дик Сэнд.

— Это мы еще увидим, — зарычал Негоро. — Уж не надеешься ли ты на чью-нибудь помощь? Это в Казонде-то, где Альвец и я всесильны? Безумец! Быть может, ты думаешь, что твои спутники — Том и другие

негры — все еще здесь? Ошибаешься! Они давно проданы и бредут уже по дороге к Занзибару... Им не до тебя, они заняты одной мыслью: как бы уберечь собственную шкуру.

— У бога тысячи способов вершить свой суд. Он может воспользоваться и самым малым орудием. Помни, Геркулес на свободе, — заметил Дик.

— Геркулес? — повторил Негоро, топнув ногой. — Его давно растерзали львы и пантеры, и я жалею только о том, что дикие звери отняли у меня возможность отомстить ему.

— Если Геркулес и умер, — ответил ему Дик Сэнд, — то Динго еще жив. А такой собаки, как Динго, более чем достаточно, чтобы справиться с таким человеком, как ты. Я вижу тебя насквозь, Негоро: ты трус! Динго еще найдет тебя, и день встречи с ним будет твоим последним днем.

— Негодяй! — взревел взбешенный португалец. — Негодяй! Я собственноручно застрелил твоего Динго! Динго так же мертв, как миссис Уэлдон и ее сын. И так же, как этот проклятый пес, умрут все, кто был на «Пилигриме»!..

— И ты в том числе, — ответил Дик. — Только ты умрешь раньше.

Спокойный голос юноши и его смелый взгляд окончательно вывели Негоро из себя. Не помня себя от ярости, португалец готов был от слов перейти к делу и своими руками задушить беззащитного пленника. Он уже набросился на Дика, принялся трясти его и вцепился было ему пальцами в горло... но сдержал себя. Убить Дика сейчас — значило избавить его от долгих пыток, которые ему готовились. Негоро выпрямился и, приказав хавильдару, бесстрастно стоявшему в карауле, хорошенько стеречь пленника, быстро вышел из барака.

Эта сцена не только не привела Дика в уныние, но, напротив, вернула ему крепость духа и мужество, способное все вынести. Дик Сэнд вдруг почувствовал прилив сил. Он заметил, что может свободнее шевелить руками и ногами, чем до прихода Негоро. Возможно,

что Негоро сам ослабил путы, когда яростно встряхивал его. Юноша подумал, что теперь, может быть, ему удастся без особого труда высвободить руки. Это было бы некоторым облегчением, и только. Ни на что другое Дик не мог рассчитывать в этой наглухо запертой темнице, где постоянно дежурил стражник, не спускавший с него глаз. Но в жизни бывают такие минуты, когда даже самое небольшое улучшение положения кажется неоценимым счастьем.

Разумеется, у Дика не было надежды на освобождение. Спасение могло прийти к нему только извне. Но кто захочет оказать ему помощь? Никто! Да и стоит ли жить теперь? Он вспомнил всех тех, кто уже опередил его на пути к смерти, и хотел теперь лишь одного: поскорее последовать за ними. Негоро подтвердил слова Гэрриса: миссис Уэлдон и Джека уже нет в живых. Вероятно, и Геркулес, которого на каждом шагу подстерегали смертельные опасности, также погиб. Том и его спутники проданы в рабство. Они уже далеко, они навсегда потеряны для Дика.

Надеяться на какой-нибудь счастливый случай было бы чистым безумием. Дик Сэнд решил встретить смерть с твердостью, смерть, которая прекратит его страдания и не может быть более ужасной, чем его жизнь теперь. И юноша готовился умереть, моля бога только о мужестве, только о том, чтоб, не слабея, выдержать пытки до конца. Но мысль о боге — хорошая, благородная мысль. Не напрасно возносятся душой к всемогущему, и, когда Дик Сэнд уже приготовился расстаться с жизнью, в самой глубине сердца у него забрезжил луч надежды, слабый проблеск, который дуновением свыше, вопреки жестокой очевидности, может превратиться в ослепительный свет.

Часы текли. Приближалась ночь. Лучи дневного света, пробивавшиеся сквозь щели в соломенной кровле, постепенно угасли. Успокоилась и площадь, — в тот день там вообще было тихо по сравнению с неистовым гамом, стоявшим на ней вчера. Тени в тесной камере Дика сгустились, и наступил полный мрак. Город Казонде затих.

Дик Сэнд заснул и проспал около двух часов. Пробудился он отдохнувшим и бодрым. Ему удалось высвободить из веревок одну руку, опухоли на ней опали, и он с огромным наслаждением вытягивал, сгибал и разгибал ее.

Очевидно, уже перевалило за полночь. Хавильдар спал тяжелым сном: вечером он опорожнил до последней капли бутылку водки, и даже во сне его судорожно сжатые пальцы цепко обхватывали ее горлышко.

Дику Сэнду пришла в голову мысль завладеть оружием своего тюремщика: оно могло пригодиться в случае побега. Но в это время ему послышалось какое-то шуршание за дверью сарая, у самой земли. Опираясь на свободную руку, Дик ухитрился подползти к двери, не разбудив хавильдара.

Дик не ошибся. Что-то действительно шуршало за стеной, — казалось, кто-то роет землю под дверью. Но кто? Человек или животное?

— Ах, если бы это был Геркулес! — прошептал юноша.

Он посмотрел на хавильдара. Тот лежал совершенно неподвижно: мертвецкий сон сковал его. Дик приложил губы к щели над порогом и чуть слышно позвал: «Геркулес!» В ответ раздалось жалобное, глухое тявканье.

«Это Динго! — подумал юноша. — Умный пес разыскал меня даже в тюрьме! Не принес ли он новой записки от Геркулеса? Но если Динго жив, значит Негоро солгал! Значит, и...»

В это мгновение под дверь просунулась лапа. Дик схватил ее и тотчас же узнал лапу Динго. Но если верный пес принес записку, она должна быть привязана к ошейнику. Как быть? Можно ли настолько расширить дыру под дверью, чтобы Динго просунул в нее голову? Во всяком случае, надо попробовать.

Но едва только Дик Сэнд начал рыть землю ногтями, как на площади залаяли собаки: городские псы услышали чужака. Динго бросился прочь. Раздалось несколько выстрелов. Хавильдар зашевелился во сне. Дик Сэнд, оставив мысль о побеге, пробрался обратно в свой угол. Через несколько часов, показавшихся

юноше бесконечно долгими, он увидел, что занимается рассвет. Наступил день — последний день его жизни!

В продолжение всего этого дня множество туземцев под руководством первого министра королевы Муаны ревностно работало над сооружением плотины. Надо было закончить ее к назначенному сроку, не то нерадивым работникам грозило увечье: новая повелительница собиралась во всем следовать примеру покойного своего супруга.

Когда воды ручья были отведены в сторону, посреди обнажившегося русла вырыли большую яму — пятьдесят футов в длину, десять в ширину и столько же в глубину.

Перед вечером эту яму начали заполнять женщинами, рабынями Муани-Лунга. Обычно этих несчастных просто закапывают живьем в могилу, но в честь чудесной кончины Муани-Лунга решено было изменить церемониал и утопить их рядом с телом покойного короля.

Обычай требовал, чтобы покойников хоронили в их лучших одеждах. Но на этот раз, поскольку от Муани-Лунга осталось лишь несколько обуглившихся костей, пришлось поступить по-иному. Из ивовых прутьев было сплетено чучело, похожее на Муани-Лунга, даже, пожалуй, красивее. В него положили все, что осталось от Муани-Лунга; затем его обрядили в парадный королевский наряд, стоивший, как известно, совсем недорого. Не были забыты также и очки кузена Бенедикта. В этом маскараде было нечто смешное и в то же время жуткое.

Обряд торжественного погребения полагалось совершить ночью, при свете факелов. По приказу королевы все население Казонде должно было присутствовать при похоронах.

Вечером длинная процессия потянулась от читоки к месту погребения. На главной улице по пути следования кортежа не прекращались ни на миг обрядовые пляски, крики, завывания колдунов, грохот музыкальных инструментов и залпы из старых мушкетов, взятых с оружейного склада.

Хозе-Антонио Альвец, Коимбра, Негоро, арабы-работорговцы и их хавильдары участвовали в этой про-

цессии. Королева Муана запретила приезжим покидать ярмарку до похорон, и все торговцы покорно остались в Казонде. Они понимали, что было бы неосторожно ослушаться приказа женщины, которая еще учится ремеслу повелительницы.

Прах Муани-Лунга несли в последних рядах процессии. Китанду с чучелом короля окружали жены второго ранга. Некоторые из них должны были проводить своего супруга и повелителя на тот свет. Королева Муана в парадном одеянии шла за китандой-катафалком. Ночь наступила прежде, чем процессия достигла берега ручья, но красноватое пламя множества смоляных факелов рассеивало темноту и бросало дрожащие блики на похоронное шествие.

При этом свете ясно видна была яма, вырытая в осушенном русле ручья. Она была заполнена теперь черными телами; прикованные цепями к вбитым в землю кольям, эти люди были еще живы. Они шевелились. Пятьдесят молодых невольниц ждали здесь смерти. Одни безмолвно покорились своей участи, другие тихо стонали и плакали.

Королева выбрала среди толпы принарядившихся жен тех, что должны были разделить участь рабынь.

Одну из этих жертв, носившую титул второй жены, заставили стать на колени и опереться руками о землю: она должна была служить креслом мертвому королю, как служила ему живому. Другую заставили поддерживать чучело, третью швырнули на дно ямы — под ноги ему.

Прямо перед чучелом, на противоположном конце ямы, стоял врытый в землю столб, выкрашенный в красный цвет. К столбу привязали веревками белого человека, обреченного на смерть вместе с прочими жертвами кровавых похорон.

То был Дик Сэнд. На обнаженном до пояса теле юноши были следы пытки, которой его подвергли по приказу Негоро. Дик спокойно ждал смерти, зная, что на земле ему больше не на что надеяться.

Однако минута, назначенная для разрушения плотины, еще не настала.

По знаку королевы Муаны палач Казонде перерезал горло одной из жен — той, что лежала у ног ко-

роля. Это послужило сигналом к началу чудовищной бойни. Пятьдесят рабынь были безжалостно зарезаны, и кровь потоками хлынула на дно ямы. Крики жертв потонули в яростных воплях толпы, и тщетно было бы искать в ней чувства жалости или отвращения к этим убийствам.

Наконец, королева Муана снова подала знак, и несколько туземцев начали пробивать сток в плотине. С утонченной жестокостью плотину не разрушили сразу, а пустили воду в старое русло тонкой струей. Смерть медленная вместо смерти быстрой.

Вода залила сначала тела рабынь, распростертых на дне ямы. Те из них, которые были еще живы, отчаянно извивались, захлебываясь. Дик Сэнд, когда вода дошла ему до колен, сделал последнее отчаянное усилие: он попытался разорвать веревки, привязывавшие его к столбу.

Вода поднималась. Головы рабынь одна за другой исчезали в потоке, заполнявшем свое старое русло.

Через несколько минут уже не осталось никаких следов того, что на дне ручья вырыта могила, где десятки человеческих жизней были принесены в жертву во славу короля Казонде.

Перо отказалось бы описывать такие сцены, если бы стремление к правде не обязывало меня воспроизвести их во всей их отвратительной реальности. В этой мрачной стране человек еще на такой низкой ступени развития! Нельзя больше игнорировать это.

ГЛАВА ТРИНАДЦАТАЯ

В фактории

Гэррис и Негоро лгали, утверждая, что миссис Уэлдон и маленький Джек умерли. Мать с сыном и кузен Бенедикт, живые и невредимые, находились в Казонде.

После того как термитник был взят приступом, их под конвоем туземных солдат отправили с берегов Кванзы в Казонде. Гэррис и Негоро возглавляли этот отряд.

Миссис Уэлдон и маленькому Джеку предоставили крытые носилки — китанду, как их здесь называют. Почему вдруг Негоро проявил такую заботливость? Миссис Уэлдон не находила ответа на этот вопрос. Путь от Кванзы до Казонде был пройден быстро и не утомил пленников. Кузен Бенедикт, на которого, видимо, нисколько не влияли тяжелые испытания, оказался отличным ходоком. Так как никто не мешал ему рыскать по сторонам, он не жаловался на свою судьбу.

Маленький отряд прибыл в Казонде на неделю раньше каравана Ибн-Хамиса. Миссис Уэлдон с сыном и кузена Бенедикта поселили в фактории Альвеца.

Джек чувствовал себя гораздо лучше. С тех пор как отряд покинул болотистые места, где мальчик заболел лихорадкой, приступы не возобновлялись, он понемногу поправлялся и теперь был почти совсем здоров. Ни мать, ни сын не перенесли бы трудностей пешего перехода с невольничьим караваном. Но, путешествуя в китанде, оба чувствовали себя отлично, по крайней мере физически. Надо отметить, что в пути по отношению к ним была проявлена даже некоторая предупредительность.

Миссис Уэлдон ничего не удалось узнать о своих спутниках. Она видела, как Геркулес выпрыгнул из лодки и убежал в лес, но не знала, что с ним произошло дальше. Она тешила себя надеждой, что в отсутствие Гэрриса и Негоро, которые не пощадили бы Дика Сэнда, дикари не посмеют плохо обращаться с белым человеком. Но она понимала, что дела Тома, Нан, Бата, Актеона и Остина плохи: они негры, и их никто не пощадит. Им, несчастным, не следовало и приближаться к африканской земле, а предательства Негоро привели их именно сюда.

Не имея никакой связи с внешним миром, миссис Уэлдон не знала даже о прибытии в Казонде каравана Ибн-Хамиса.

Шум и оживление в день открытия ярмарки докатились до фактории, но ничего не объяснили миссис Уэлдон. Она не знала ни того, что Том и его товарищи куплены работорговцем из Уджиджи, ни того, что скоро

их уведут из Казснде. Она не слышала ни о гибели Гэрриса, ни о смерти короля Муани-Лунга, ни о его торжественных похоронах, где Дику назначена была роль одной из жертв. Несчастная одинокая женщина была всецело во власти работорговцев и Негоро; она не могла даже искать избавления в смерти, потому что с ней был ее сын.

Миссис Уэлдон ничего не знала об ожидавшей ее судьбе. За все время путешествия Гэррис и Негоро не перемолвились с ней ни единым словом. В Казонде они не являлись к ней, а самой миссис Уэлдон было запрещено покидать ограду владения богача работорговца.

Стоит ли говорить, что большой ребенок — кузен Бенедикт — ничем не мог помочь миссис Уэлдон. Это само собой разумеется.

Когда достопочтенный ученый узнал, что он находится в Африке, а не в Южной Америке, как он думал, он даже не спросил, каким образом это могло случиться. Он испытал только глубокое разочарование. В самом деле, он гордился тем, что первым среди ученых нашел в Америке муху цеце и воинственных термитов, и вдруг оказалось, что это самые обыкновенные африканские насекомые, которых до него находили и описывали многие натуралисты. Итак, рухнули его надежды прославить свое имя этим открытием. Кого могло удивить, что ученый энтомолог привез из Африки коллекцию африканских насекомых?..

Но когда досада улеглась, кузен Бенедикт сказал себе, что эта «земля фараонов» — так он называл Африку — является неисчерпаемой сокровищницей для энтомолога и что он не только ничего не потерял, а даже выиграл, попав сюда, а не в «землю инков» [1].

— Подумать только, — повторял он себе, и не только себе, но и миссис Уэлдон, которая не слушала его, — подумать только, что здесь родина жужелиц-мантикор, этих жесткокрылых жуков с длинными волосатыми лапками, с заостренными, сросшимися над-

[1] То есть в Южную Америку Инки — коренное население Южной Америки, господствовавшее в стране до ее завоевания испанцами.

крыльями и с огромными челюстями! И, конечно, самая замечательная жужелица — бугорчатая мантикора. Это родина жужелиц-краснотелов, гвинейских и габонских жуков-голиафов, ножки которых снабжены шипами; родина пятнистых пчел-антидий, откладывающих свои яйца в пустые раковины улиток; родина священных скарабеев, которых древние египтяне почитали наравне с богами. Здесь родина бабочки-сфинкса, иначе говоря — бабочки «мертвая голова», которая сейчас распространилась по всей Европе, родина «биготовой мухи», укуса которой так боятся сенегальцы. Слов нет, здесь можно сделать изумительные открытия, и я их сделаю, если только эти славные люди позволят мне заняться поисками!

Нетрудно догадаться, кто были эти «славные люди». Но кузен Бенедикт не имел оснований жаловаться на них. Негоро и Гэррис предоставляли ученому-энтомологу некоторую свободу, тогда как Дик Сэнд во время перехода от океанского побережья до Кванзы строго-настрого запрещал ему всякие экскурсии. Наивный ученый был весьма растроган такой снисходительностью.

Итак, кузен Бенедикт был бы счастливейшим энтомологом на свете, если б не одно грустное обстоятельство: жестяная коробка для коллекций попрежнему висела у него на боку, но очки уже больше не украшали его переносицу, а лупа не красовалась на его груди. Слыханное ли дело — ученый-энтомолог без очков и без лупы! И, однако, кузену Бенедикту не суждено было вступить снова во владение этими оптическими приборами: их похоронили на дне ручья вместе с чучелом короля Муани-Лунга. Несчастному ученому приходилось теперь подносить к самым глазам пойманное насекомое, чтобы различить особенности его строения. Это служило источником постоянных огорчений для кузена Бенедикта. Он готов был уплатить любую сумму за пару очков, но, к несчастью, этот товар ни за какие деньги нельзя было купить в Казонде.

Кузену Бенедикту предоставили право бродить по всей фактории Хозе-Антонио Альвеца, так как знали, что он и не помышляет о побеге. Впрочем, фактория

была обнесена со всех сторон высоким частоколом, перелезть через который ученый все равно бы не мог. Участок, огороженный частоколом, имел в окружности почти целую милю. На этой обширной территории росли деревья, кусты, протекало несколько ручейков, стояли бараки, шалаши, хижины — словом, это было самое подходящее место для поисков всяких редкостных насекомых, которые могли если не обогатить, то сделать счастливым кузена Бенедикта... И кузен Бенедикт целиком отдался поискам. Он так старательно изучал пойманных шестиногих невооруженным глазом, что чуть вконец не испортил свое зрение. Коллекция его значительно пополнилась, и, кроме того, он успел набросать в общих чертах план фундаментального труда об африканских насекомых. Если бы ему удалось еще найти какого-нибудь нового жука и связать с находкой свое имя, кузен Бенедикт был бы счастливейшим человеком на свете.

Маленькому Джеку также разрешали свободно гулять по всей фактории, и если площадь ее кузен Бенедикт считал достаточно большой для своих энтомологических изысканий, то уж ребенку она казалась огромной. Но Джека не прельщали игры, увлекающие детей его возраста. Он почти не отходил от матери. Миссис Уэлдон сама не любила оставлять его одного: она боялась, что с ее сыном случится какое-нибудь несчастье.

Джек часто говорил об отце, о котором сильно соскучился в долгой разлуке, просил вернуться к папе поскорее; спрашивал мать о старой Нан, о своем друге Геркулесе, о Бате, Актеоне, Остине. Он жаловался, что даже Динго покинул его. Но особенно часто он вспоминал своего приятеля Дика Сэнда. Впечатлительную детскую душу умиляли счастливые воспоминания, он жил только ими. На все расспросы сына миссис Уэлдон отвечала тем, что прижимала его к груди и осыпала поцелуями. Ей стоило нечеловеческих усилий не плакать при мальчике. Ни во время переезда от Кванзы до Казонде, ни в фактории Альвеца миссис Уэлдон не имела оснований жаловаться на дурное обращение; по всем признакам работорговцы и не со-

бирались изменить свое отношение к ней. В фактории жили только те невольники, которые обслуживали самого работорговца. Все прочие представляли собой «товар» и жили в бараках на площади, откуда их и забирали покупатели. Здесь же, во владении Альвеца, помещались лишь склады. Они ломились от запасов различных тканей и слоновой кости; ткани Альвец менял на невольников во внутренних областях Африки, а слоновую кость продавал на главные рынки континента для вывоза в Европу.

Итак, в фактории жило немного людей. Миссис Уэлдон отвели отдельную хижину, кузену Бенедикту — также. Ели они за одним столом. Кормили их сытно: мясом, овощами, маниокой, сорго и фруктами.

К услугам миссис Уэлдон была особо приставлена невольница — Халима; эта дикарка привязалась к ней и, как умела, проявляла свою преданность, несомненно искреннюю. С другими слугами Альвеца пленникам совсем не приходилось сталкиваться.

Самого работорговца, занимавшего главное здание фактории, миссис Уэлдон видела лишь изредка. Негоро жил где-то в другом месте, и его она не встретила ни разу с приезда в Казонде. Отсутствие Негоро, совершенно необъяснимое, сначала удивляло, а потом начало даже беспокоить миссис Уэлдон.

«Чего он добивается? — спрашивала она себя. — Чего выжидает? Зачем он привез нас в Казонде?»

Так в тревожном ожидании прошли восемь дней, которые предшествовали прибытию в Казонде каравана Ибн-Хамиса, — два дня до похорон Муани-Лунга и шесть дней после них.

Несмотря на собственные горести и заботы, миссис Уэлдон часто думала о том, что испытывает ее муж. Джемс Уэлдон, несомненно, был в отчаянии. Вероятно, ему и в голову не приходило, что его жена приняла роковое решение совершить плавание на борту «Пилигрима». Он думал, что она приедет с одним из океанских пароходов. Эти пароходы прибывали в порт Сан-Франциско регулярно в положенные сроки, но ни миссис Уэлдон, ни Джека, ни кузена Бенедикта на них не было.

Пора уже было вернуться в Сан-Франциско и «Пилигриму». Не получая никаких сведений от капитана Гуля, Джемс Уэлдон, должно быть, занес этот корабль в список пропавших без вести.

Но какой страшный удар постигнет его в тот день, когда придет сообщение оклендских корреспондентов, что миссис Уэлдон выехала из Новой Зеландии на борту «Пилигрима». Как поступит мистер Уэлдон? Он, конечно, не примирится с мыслью, что его жена и сын пропали без вести. Но где он станет их искать? Ясное дело, на тихоокеанских островах и, быть может, на побережье Южной Америки. Где угодно, но только не в этих гибельных краях. Никогда ему не придет в голову мысль, что жена и сын его попали в Африку!

Так рассуждала миссис Уэлдон. Что могла она предпринять? Бежать? Но как? За каждым ее движением следили. И даже при удачном побеге ей пришлось бы предпринять путешествие более чем в двести миль и, пробираясь к побережью, идти наугад по девственному лесу, среди множества смертельных опасностей.

И все же миссис Уэлдон готова была пойти на этот риск, если не представится никакой другой возможности вернуть себе свободу. Но, прежде чем принять решение, она хотела узнать, каковы намерения Негоро.

Настал день, когда она узнала, наконец, планы этого человека.

Шестого июня, через три дня после погребения короля Муани-Лунга, Негоро впервые пришел в факторию. Он направился прямо к хижине, в которой поселили его пленницу.

Миссис Уэлдон была одна. Кузен Бенедикт совершал очередную научную прогулку. Маленький Джек играл внутри ограды фактории под присмотром Халимы.

Негоро толкнул дверь, вошел и сказал без всяких предисловий:

— Миссис Уэлдон, Том и его спутники проданы работорговцу из Уджиджи.

— Храни их бог! — сказала миссис Уэлдон, вытирая слезу.

— Нан умерла в дороге. Дик Сэнд погиб...

— Нан умерла! И Дик! — вскричала миссис Уэлдон.

— Да, — ответил Негоро. — Справедливость требовала, чтобы ваш пятнадцатилетний капитан заплатил своей жизнью за убийство Гэрриса. Вы одиноки в Казонде, миссис Уэлдон, совершенно одиноки и находитесь всецело во власти бывшего кока с «Пилигрима». Понимаете?

К несчастью, Негоро говорил правду. Том, его сын Бат, Актеон и Остин накануне покинули Казонде с караваном работорговца из Уджиджи. Ее товарищи по несчастью не имели утешения повидаться с ней, они не знали, что она находится в Казонде, в фактории Альвеца. Впрочем, им все равно не разрешили бы проститься с ней. В этот час они уже брели по направлению к области Больших озер. Перед ними лежал путь, длина которого измерялась сотнями миль; немногим людям удалось пройти по этой дороге; еще меньшему числу людей посчастливилось благополучно вернуться.

— Что вам нужно от меня? — прошептала миссис Уэлдон, пристально глядя на Негоро.

— Миссис Уэлдон, — отрывисто заговорил португалец, — я мог бы отомстить вам за все унижения, какие я вынес на «Пилигриме». Но я готов довольствоваться смертью Дика Сэнда! Сейчас я снова становлюсь купцом, и вот какие у меня виды на вас...

Миссис Уэлдон молча смотрела на него.

— Вы, — продолжал Негоро, — ваш сын и этот дурень, который гоняется за мухами, представляете собой известную коммерческую ценность. И эту ценность я могу выгодно реализовать. Короче говоря, я намерен вас продать!

— Я — свободный человек! — твердо ответила миссис Уэлдон.

— Если я захочу, вы станете рабыней!

— Кто посмеет купить белую женщину?

— Есть человек, который заплатит за вас столько, сколько я запрошу.

Миссис Уэлдон на мгновение поникла головой. Она знала, что в этой ужасной стране все возможно.

— Вы меня поняли? — спросил Негоро.

— Кто этот человек? — задала вопрос миссис Уэлдон.

— Вы спрашиваете, кто захочет купить вас? — издевательски ухмыляясь, спросил португалец.

— Да, как его зовут? — настаивала миссис Уэлдон.

— Этого человека зовут... Джемс Уэлдон. Это ваш муж!

— Мой муж! — воскликнула миссис Уэлдон, не смея верить своим ушам.

— Он самый, миссис Уэлдон. Ваш муж! Ему-то я и собираюсь не то чтобы вернуть, а продать жену и сына и, в качестве бесплатного приложения, — блаженного кузена!

Миссис Уэлдон задала себе вопрос, — нет ли какой ловушки в словах Негоро. Но нет, очевидно, он говорил то, что думал. Такому отъявленному негодяю, для которого пожива важнее всего, можно поверить, если речь идет о выгодной для него сделке. А эта сделка действительно сулила ему немалую прибыль.

— Когда же вы думаете совершить эту сделку? — спросила миссис Уэлдон.

— Как можно скорее.

— Где?

— Здесь. Мистер Уэлдон не побоится приехать в Казонде, чтобы выручить из беды жену и сына?

— Разумеется. Но кто его известит об этом?

— Я сам. Я отправлюсь в Сан-Франциско, чтобы повидаться с вашим мужем. Денег на дорогу у меня хватит.

— Тех денег, что вы украли на «Пилигриме»?

— Тех самых... и еще других, — нагло ответил Негоро. — Имейте в виду, что я хочу не только быстро, но и дорого продать вас. Я полагаю, что ваш муж не пожалеет ста тысяч долларов?..

— Не пожалеет, если они у него есть, — холодно ответила миссис Уэлдон. — Вы скажете мужу, что меня держат в плену в Центральной Африке?

— Конечно.

— Но он не поверит вам, если вы не представите доказательства. По одному вашему слову он не бросится очертя голову в Казонде.

— Он приедет сюда, если я доставлю ему написанное вами письмо, где вы изложите положение дел и отрекомендуете меня своим верным слугой, счастливо спасшимся от дикарей.

— Никогда я не напишу такого письма! — решительно сказала миссис Уэлдон.

— Вы отказываетесь? — угрожающе спросил Негоро.

— Наотрез!

Миссис Уэлдон представила себе, с какими опасностями сопряжена поездка в Центральную Африку, подумала о том, что нельзя доверять обещаниям португальца, который, получив выкуп, легко мог задержать мистера Уэлдона в Казонде, и все эти соображения побудили ее без раздумья отклонить предложение Негоро. Но бедняжка забыла, что она не одна, что с ней ее ребенок...

— И все-таки вы напишете это письмо! — заявил Негоро.

— Нет! — твердо ответила миссис Уэлдон.

— Берегитесь! — вскричал португалец. — Вы здесь не одна! Ваш сын в моей власти, как и вы сами! Я сумею заставить вас...

Миссис Уэлдон хотела было сказать, что никакие угрозы не сломят ее решимости, но сердце ее бешено колотилось, она не могла выговорить ни слова.

— Миссис Уэлдон, — закончил Негоро, — обдумайте хорошенько мое предложение. Через неделю я получу от вас письмо к Джемсу Уэлдону, а не то вы горько раскаетесь в своем упорстве!

С этими словами португалец быстро вышел из дому, не дав воли своему гневу. Но видно было, что он ни перед чем не остановится, чтобы заставить миссис Уэлдон повиноваться.

ГЛАВА ЧЕТЫРНАДЦАТАЯ

Известия о докторе Ливингстоне

Когда миссис Уэлдон осталась одна, первая ее мысль была о том, что Негоро придет за ответом не раньше чем через неделю. За этот срок надо что-то предпринять. Нельзя полагаться на совесть Негоро. Речь шла о его выгоде.

Та «коммерческая ценность», какую представляла миссис Уэлдон для своего тюремщика, очевидно, должна была уберечь ее от всяких новых опасностей, по крайней мере на протяжении ближайших дней. А за это время, быть может, ей удастся придумать такой план, при котором возвращение ее в Сан-Франциско не требовало бы приезда мистера Уэлдона в Казонде.

Она не сомневалась, что, получив ее письмо, Джемс Уэлдон тотчас же помчится в Африку, проникнет в самые страшные ее края, невзирая на опасность этого путешествия. Но кто поручится, что ему разрешат беспрепятственно выехать из Казонде с женой, ребенком и кузеном Бенедиктом, когда сто тысяч долларов уже будут в руках у Негоро? Достаточно ведь простого каприза королевы Муаны, чтобы всех их здесь задержали! Не лучше ли было бы, если бы передача пленников и уплата выкупа произошли где-нибудь на океанском побережье? Это избавило бы мистера Уэлдона от необходимости предпринимать опасную поездку во внутренние области Африки и дало бы им возможность действительно вырваться из рук этих негодяев, после того как ее муж внесет выкуп.

Об этом-то и раздумывала миссис Уэлдон. Вот почему она отказалась принять предложение Негоро. Она понимала, что Негоро дал ей неделю на размышление только потому, что ему самому нужно было время, чтобы подготовиться к поездке.

— Неужели он действительно намерен разлучить меня с сыном? — прошептала миссис Уэлдон.

В этот миг Джек вбежал в хижину. Мать схватила его на руки и прижала к груди так крепко, словно

Негоро уже стоял рядом, готовясь отнять у нее ребенка.

— Мама, ты чем-то огорчена? — спросил мальчик.

— Нет, сынок, нет! — ответила миссис Уэлдон. — Я думала о папе. Тебе хочется повидать его?

— Да, мама, очень хочется! Он приедет сюда?

— Нет... нет! Он не должен приезжать!

— Значит, мы поедем к нему?

— Да, Джек!

— И Дик тоже? И Геркулес? И старый Том?

— Да... да...— ответила миссис Уэлдон и опустила голову, чтобы скрыть слезы.

— Папа письмо прислал? — спросил Джек.

— Нет, дорогой.

— Значит, ты сама напишешь ему?

— Да... может быть, — ответила мать.

Джек, сам того не зная, коснулся больного места. Чтобы прекратить эти расспросы, миссис Уэлдон осыпала ребенка поцелуями.

К различным причинам, по которым миссис Уэлдон отказывалась дать Негоро письмо, прибавилось еще одно немаловажное соображение. Совершенно неожиданно у нее возникла надежда вернуть себе свободу без вмешательства мужа и вопреки воле Негоро. Это был лишь проблеск надежды, слабый луч, но все же он забрезжил в ее душе. Случайно она услышала несколько фраз из разговора Альвеца с его гостем, и у нее зародилась мысль, что, возможно, близится помощь, которую как будто посылает само провидение.

Как-то раз Альвец и один торговец-метис из Уджиджи беседовали в саду, неподалеку от домика, где жила миссис Уэлдон. Темой их разговора, как и следовало ожидать, была работорговля. Они говорили о своем деле и о своих довольно печальных видах на будущее, — их беспокоили стремления англичан прекратить торговлю невольниками не только за пределами Африки, для чего они пустили в ход свои крейсеры, но и внутри континента — с помощью миссионеров и путешественников.

Хозе-Антонио Альвец полагал, что научные исследования и географические открытия отважных путе-

шественников по внутренней Африке могут сильно повредить свободе коммерческих операций работорговцев. Его собеседник всецело согласился с этим мнением и добавил, что всех ученых путешественников и попов следовало бы встречать ружейным огнем.

Нередко их действительно так и встречали. Но, к великому огорчению почтенных торговцев, тотчас же после убийства одного любопытного путешественника приезжало несколько других, не менее любопытных. А потом, возвратившись на родину, эти люди распускали сильно преувеличенные, как говорил Альвец, слухи об ужасах работорговли и вредили этому и без того достаточно опороченному делу.

Метис сочувственно поддакивал ему и в свою очередь заметил, что особенно не повезло рынкам в Ньянгве, Уджиджи, Занзибаре и во всей области Больших озер: там побывали один за другим Спик, Грант, Ливингстон, Стенли и многие другие. Целое нашествие! Скоро вся Англия и вся Америка переселятся во внутренние области Африки.

Альвец посочувствовал собрату и сказал, что Западная Африка в этом отношении счастливее: до сих пор проклятые ищейки сюда почти не заглядывали. Однако эпидемия путешествий начинает захватывать и Западную Африку. Казонде пока еще вне опасности, но Кассанго и Бихе, где у Альвеца тоже были свои фактории, уже находятся под угрозой. Помнится даже, что Гэррис говорил Негоро о некоем лейтенанте Камероне, у которого хватило бы наглости пересечь всю Африку от одного берега до другого, — ступив на африканскую землю в Занзибаре, выйти через Анголу.

Опасения работорговцев были вполне обоснованы. Известно, что несколькими годами позже описываемых нами событий Камерон на юге и Стенли на севере действительно проникли в неисследованные области Западной Африки и, описав затем все ужасы торговли людьми, разоблачили неслыханную жестокость работорговцев, продажность европейских чиновников, покровительствовавших этому гнусному промыслу, и возложили ответственность за все это на виновников такого положения вещей.

Имена Стенли и Камерона пока еще не были известны ни Альвецу, ни метису из Уджиджи. Зато они хорошо знали имя доктора Ливингстона. То, что они сказали о Ливингстоне, глубоко взволновало миссис Уэлдон и укрепило ее решимость не сдаваться на требования Негоро: Ливингстон, вероятно, в ближайшие дни прибудет в Казонде со своим эскортом!

Этот путешественник был очень влиятельным лицом в Африке, власти Анголы принуждены были ему содействовать. Зная это, миссис Уэлдон надеялась, что заступничество Ливингстона вернет свободу ей самой и ее близким, наперекор Негоро и Альвецу. Может быть, в близком будущем пленники вернутся на родину, и Джемсу Уэлдону не придется для этого рисковать жизнью в путешествии, результат которого мог быть очень печальным.

Но правда ли, что доктор Ливингстон скоро посетит эту часть континента? Да, это весьма вероятно, ибо, следуя по этому пути, он закончил бы исследование Центральной Африки.

Известно, какова была героическая жизнь Ливингстона.

Дэвид Ливингстон родился 13 марта 1813 года в семье мелкого торговца чаем, в которой он был вторым из шестерых детей. Родиной его была деревня Блэнтайр, в графстве Лэнарк, в Англии. Получив богословское и медицинское образование, Ливингстон после недолгой работы в Лондонском миссионерском обществе прибыл в 1840 году в Кейптаун с намерением присоединиться к миссионеру Моффату в Южной Африке.

Из Кейптауна будущий путешественник отправился в землю бечуанов. Он был первым белым, исследовавшим эту область. Возвратившись в Куруман, он женился на дочери Моффата, женщине, которая оказалась достойной его, и в 1843 году основал миссию в долине Маботса.

Через четыре года Ливингстон переселился в Колобенг, область бечуанов, в двухстах двадцати пяти милях к северу от Курумана.

Еще через два года, в 1849 году, Ливингстон покинул Колобенг вместе с женой, тремя детьми и двумя

друзьями — Осуэллом и Мерреем; первого августа того же года он открыл озеро Нгами и вернулся в Колобенг, спустившись вниз по течению реки Цуги.

Во время этого путешествия враждебность дикарей помешала Ливингстону исследовать страну за озером Нгами. Вторая попытка пробраться в этот край оказалась столь же неудачной. Зато третья увенчалась успехом. Предприняв затем новое путешествие на север, в котором участвовали вся его семья и его друг Осуэлл, Ливингстон, следуя по течению Хобе, притока Замбези, добрался до земель племени макололов. Дорога была невероятно трудной. Недостаток пищи и воды чуть не стоил жизни детям Ливингстона. Но все же в конце июня 1851 года река Замбези была открыта.

Затем Ливингстон вернулся в Кейптаун, чтобы отправить на родину, в Англию, свою семью. Отважный исследователь намеревался предпринять новое опасное путешествие вглубь страны и не хотел подвергать риску жизнь своих близких.

Маршрут этого путешествия пересекал Африку наискось с юга на запад, от Кейптауна до Сан-Паоло-де-Луанда.

Ливингстон выступил в путь 3 июня 1852 года в сопровождении нескольких туземцев. От Курумана он направился к западу, вдоль пустыни Калахари. 31 декабря он вошел в Литубарубу. Землю бечуанов он нашел совершенно разоренной бурами — потомками голландских колонистов, которые владели Каплендом до того, как его захватили англичане.

Из Литубарубы Ливингстон вышел 15 января 1853 года. Он проник в центр области бамангуатов и 23 мая добрался до Линьянти, где молодой вождь племени макололов, Секелету, принял его с большим почетом.

Здесь Ливингстона надолго задержала опасная лихорадка. Однако, несмотря на болезнь, путешественник изучал быт и нравы этой страны и впервые установил, какие страшные опустошения производит в Африке работорговля.

Месяцем позже он уже спускался вниз по течению Хобе, до впадения ее в Замбези, побывал в Нальеле, Катонге, Либонте и добрался, наконец, до места слияния Замбези с Либой. Здесь он задумал экспедицию вверх по течению этой реки до западных владений Португалии и после девятинедельной отлучки вернулся в Линьянти, чтобы как следует подготовить все необходимое для этой экспедиции.

Одиннадцатого ноября 1853 года Ливингстон выступил из Линьянти во главе отряда из двадцати семи макололов и 27 декабря достиг устья Либы. Затем он поднялся вверх по течению реки, в земли племени балунда, — до того места, где в Либу впадает текущая с востока Макондо.

Ливингстон был первым белым человеком, проникнувшим в эту область.

Четырнадцатого января 1854 года Ливингстон вступил в Шинте, резиденцию самого могущественного из царьков племени балунда. Несмотря на хороший прием, оказанный ему здесь, неутомимый путешественник через несколько дней переправился на противоположный берег Либы и 26 января оказался во владениях короля Катеме. Здесь его тоже встретили гостеприимно, а 20 февраля отряд Ливингстона уже стоял лагерем на берегу озера Дилоло.

Тут началась полоса неудач. Местность становилась труднопроходимой, туземцы были настроены враждебно, собственный отряд взбунтовался. Над головой путешественника нависла угроза смерти. Менее энергичный человек не устоял бы перед этими трудностями. Но доктора Ливингстона они не сломили, и 4 апреля он добрался до берегов Кванго — полноводной реки, которая образует восточную границу португальских владений и на севере впадает в Заир.

Через шесть дней Ливингстон вступил в Кассангу, где его видел Альвец. 31 мая он прибыл в Сан-Паоло-де-Луанда. Так закончилось это длившееся два года путешествие, во время которого Африка впервые была пересечена наискось, с юга на запад.

Двадцать четвертого сентября того же года Дэвид Ливингстон вышел из Сан-Паоло-де-Луанда. Он сле-

довал вдоль правого берега Кванзы — той самой Кванзы, которая оказалась гибельной для Дика Сэнда и его спутников, — дошел до места слияния этой реки с Ломбе. По пути он столкнулся со многими невольничьими караванами и вторично посетил Кассангу. Отсюда он вышел 20 февраля, переправился через Кванго и в Кававе достиг берегов Замбези. 8 июля он снова был на берегу озера Дилоло, затем снова увидел Шинте, спустился вниз по течению Замбези и возвратился в Линьянти, откуда вновь выступил в путь 3 ноября 1855 года.

Эта часть путешествия должна была завершить первый в истории переход Центральной Африки с западного до восточного ее берега.

Открыв знаменитый водопад Виктория — «Грохочущий дым», Дэвид Ливингстон покинул берега Замбези и направился на северо-восток. Вот беглый перечень главнейших этапов этого маршрута: переход через область племени батока, где люди до одури вдыхали пары гашиша, посещение могущественного местного царька Семалембуэ, переправа через Кафуэ, снова Замбези, визит к королю Мбурума, осмотр развалин старинного португальского города Зумбо, 17 января 1856 года встреча с царьком Мпенде, в то время воевавшим с португальцами, наконец 2 марта прибытие в Тете, на берегу Замбези. Двадцать второго апреля Ливингстон покинул это поселение, некогда славившееся своим богатством, спустился к дельте Замбези и прибыл в Келимане 20 мая, через четыре года после выхода из Кейптауна.

Двенадцатого июля он отплыл на корабле к острову Маврикия и 22 декабря после шестнадцатилетнего отсутствия вернулся в Англию.

Здесь знаменитого путешественника ждала торжественная встреча, премия Парижского географического общества, большая медаль Лондонского географического общества. Всякий другой на его месте решил бы, что заслужил право на отдых, но Ливингстон думал иначе. 1 марта 1858 года он снова отправился в Африку и в мае высадился на мозамбикском берегу. Он намеревался приступить к исследованию бассейна Замбези.

В эту поездку Ливингстона сопровождал его брат Чарльз, капитан Бединдфилд, Торнтон, Бейнс, доктора Кирк и Меллер.

Не всем суждено было вернуться на родину.

Маленький пароходик «Ма-Роберт» повез исследователей вверх по течению великой реки. В Тете они прибыли 8 сентября. Первые годы работы новой экспедиции ознаменовались следующими событиями: в январе 1859 года — разведка нижнего течения Замбези и ее левого притока Шире; в апреле того же года — поход к озеру Ширва; исследование области Манганья, 10 сентября открытие озера Ньяса; 9 августа 1860 года новый поход к водопаду Виктория; 31 января 1861 года — прибытие епископа Макензи и его спутников к устью Замбези; в марте 1861 года — исследование Рувумы на пароходе «Пионер»; в сентябре 1861 года — возвращение на озеро Ньяса и пребывание там до конца октября, 30 января 1862 года — прибытие второго парохода, «Леди Ньяса», на котором приехала миссис Ливингстон. К тому времени епископ Макензи и один из миссионеров уже погибли, не выдержав тропического климата, а 27 апреля миссис Ливингстон скончалась на руках мужа.

В мае того же года Ливингстон попытался вторично исследовать Рувуму; в конце ноября он вернулся к Замбези и поднялся вверх по течению Шире. В апреле 1863 года умер его спутник Торнтон. Ливингстон отослал в Европу своего брата Чарльза и доктора Кирка, которые были совершенно истощены болезнями, и сам 10 ноября в третий раз посетил озеро Ньяса, чтобы довести до конца свою работу по гидрографическому описанию этого озера. Спустя три месяца он вернулся к устью Замбези, откуда направился в Занзибар и 20 июля 1864 года, после пятилетнего отсутствия, прибыл в Лондон. Там он напечатал свой труд, озаглавленный «Исследование Замбези и ее притоков».

Двадцать восьмого января 1866 года Ливингстон снова высадился в Занзибаре. Он начинал новое путешествие, четвертое по счету.

В Занзибаре Ливингстону довелось воочию убедиться, какое огромное зло причиняет стране торговля

рабами 8 августа он прибыл в Мокалаозе, на берегу Ньясы; его сопровождал на этот раз маленький эскорт, состоявший только из нескольких сипаев[1] и негров Через шесть недель большая часть эскорта бежала от него и, возвратившись в Занзибар, распространила там ложный слух о смерти Ливингстона.

Но отважный путешественник и тут не отступил· он решил, несмотря ни на что, продолжать исследование пространства, лежащего между озерами Ньяса и Танганьика 10 декабря вместе с несколькими проводниками-туземцами Ливингстон переправился через реку Лоангава и 2 апреля 1867 года дошел до озера Льеммба. Тут он заболел, и целый месяц жизнь его висела на волоске. Но, не успев еще оправиться от болезни, 30 августа он добирается до озера Мверу, исследуя его северный берег, и 21 ноября приходит в город Казембе. Здесь он отдыхает сорок дней и за это время успевает дважды побывать на озере Мверу.

Из Казембе Ливингстон двинулся на север с намерением побывать в крупном населенном пункте Уджиджи, на берегу Танганьики. Однако от разливов дорога стала непроходимой. Проводники покинули Ливингстона, и он вынужден был вернуться в Казембе. Отсюда он спешно направился на юг, и 6 июня, через шесть недель, он уже достиг большого озера Бангвеоло. Здесь он провел два месяца. 10 августа он возобновил попытку пробраться на север, к Танганьике.

Какое это было мучительное путешествие! В январе 1869 года героический путешественник настолько ослабел, что не мог идти, и его несли на руках. В феврале, наконец, он увидел Танганьику. В Уджиджи он застал посылку, отправленную ему из Калькутты Восточным обществом.

У Ливингстона была теперь только одна мысль — подняться к северу от Танганьики и разыскать истоки Нила. 21 сентября он уже был в Бамбаре, в Маниуеме, области людоедов, и дошел до реки Луалабы, которая,

---

[1] Сипаи — колониальные войска из местного населения Индии, находящиеся на службе у англичан.

как догадывался Камерон и как впоследствии установил Стенли, представляет собою верховье Заира, или Конго. В Мамогеле болезнь снова свалила Ливингстона с ног на восемьдесят дней. К этому времени у него осталось только трое слуг. Наконец, 21 июля 1871 года он отправился в обратный путь, к Танганьике. 23 октября он добрался до Уджиджи. Болезнь и лишения превратили его в настоящий скелет.

В продолжение долгого времени от Ливингстона не поступало никаких известий. В Европе его, вероятно, считали умершим, и он больше не надеялся, что оттуда ему окажут помощь.

Через одиннадцать дней после возвращения Ливингстона в Уджиджи в четверти мили от озера раздались ружейные выстрелы. Ливингстон вышел из своего шалаша. К нему подошел какой-то белый.

— Вы доктор Ливингстон, не правда ли? — спросил пришелец.

— Да, — ответил путешественник и, радушно улыбаясь, приподнял фуражку.

Они обменялись крепким рукопожатием.

— Слава богу! Наконец-то я нашел вас.

— Я счастлив, что задержался тут, что мы встретились, — ответил Ливингстон.

Вновь прибывший был американец Стенли. Он служил репортером в газете «Нью-Йорк геральд». и мистер Беннет послал его в Африку на поиски Дэвида Ливингстона.

Стенли без колебаний, без громких фраз, совсем просто, как и подобает героям, принял на себя это поручение. В октябре 1870 года он сел в Бомбее на корабль, доехал до Занзибара и отправился дальше почти по такому же маршруту, как Спик и Бертон; перенеся в пути бесчисленные лишения, не раз попадая в такое положение, когда жизни его грозила опасность, он прибыл, наконец, в Уджиджи.

Ливингстон и Стенли подружились и вместе предприняли еще одну экспедицию на лодках, к северным берегам Танганьики, добрались до мыса Магалы и после тщательного исследования пришли к выводу, что один из притоков Луалабы служит водостоком для

озера Танганьика. (Через несколько лет Камерон и сам Стенли сумели убедиться в правильности этого предположения.) 12 декабря Ливингстон и его спутник вернулись в Уджиджи.

Стенли решил возвратиться на родину. 27 декабря, после восьмидневного плавания, он и Ливингстон прибыли в Уримба. 23 февраля они были уже в Куихаре.

Двенадцатого марта настал день прощания.

— Вы совершили то, на что решились бы немногие, и все сделали гораздо лучше, чем многие испытанные путешественники, — сказал Ливингстон Стенли. — Я вам бесконечно признателен. Да будет над вами и вашими начинаниями благословение господне.

— Надеюсь еще увидеть вас здравым и невредимым на родине, — ответил Стенли, крепко пожимая ему руку.

И быстро вырвавшись из его объятий, отвернулся, чтобы скрыть слезы.

— Прощайте, доктор, дорогой друг, — сказал он глухим голосом.

— Прощайте, — тихо ответил Ливингстон.

Стенли уехал и 12 июля 1872 года высадился в Марселе, во Франции.

Ливингстон продолжал свои исследования. Отдохнув в Куихаре пять месяцев, 25 августа он отправился к южному берегу Танганьики. На этот раз путешественника сопровождали трое его черных слуг — Сузи, Шума и Амода, двое других слуг, пятьдесят шесть туземцев, оставленных ему Стенли, и Джекоб Кэнрайт.

Через месяц после выступления караван прибыл в Мура. Всю дорогу бушевали грозы, вызванные страшной засухой. Затем начались дожди. Вьючных животных кусали мухи цеце, и они гибли. Туземное население держало себя враждебно. Все же 24 января 1873 года экспедиция Ливингстона пришла в Читункуэ. 27 апреля, обогнув с востока озеро Бангвеоло, путешественник направился к деревне Читамбо.

Здесь несколько работорговцев видели Ливингстона. Они сообщили об этом Альвецу и его достойному сотоварищу из Уджиджи. Были все основания

предполагать, что Ливингстон, кончив исследования южного берега Танганьики, двинется на запад, в еще не исследованные им места. Оттуда он направится в Анголу, в мрачный край негроторговли, дойдет до Казонде — маршрут этот казался вполне естественным, и миссис Уэлдон вправе была рассчитывать на скорый приход великого путешественника, ибо уже больше двух месяцев как он должен был быть на южном берегу Бангвеоло.

Но 13 июня, накануне дня, когда Негоро должен был явиться за письмом, сулившим ему сто тысяч долларов, в Казонде пришла весть, доставившая большую радость Альвецу и прочим работорговцам.

Первого мая 1873 года, на заре, доктор Дэвид Ливингстон скончался!

К несчастью, весть эта была правдивой. Маленький караван Ливингстона 29 апреля добрался до деревни Читамбо, расположенной на южном берегу Бангвеоло. Ливингстона принесли на носилках. 30 апреля ночью под влиянием сильной боли он застонал и чуть слышно произнес: «Боже мой! боже мой!» — и снова впал в забытье.

Через час он очнулся, позвал своего слугу Сузи, попросил принести лекарства и затем прошептал слабым голосом:

— Хорошо! Теперь можешь идти!

Около четырех часов утра Сузи и пять человек из эскорта вошли в шалаш путешественника.

Дэвид Ливингстон стоял на коленях около своей койки, уронив голову на руки, и, казалось, молился.

Сузи осторожно прикоснулся пальцем к его щеке: щека была холодная.

Дэвид Ливингстон был мертв...

Верные слуги понесли останки путешественника к морскому берегу. Долог и труден был их путь, но через девять месяцев они доставили тело в Занзибар.

Двенадцатого апреля 1874 года Ливингстон был похоронен в Вестминстерском аббатстве среди других великих людей Англии, которых она чтит и отводит их праху место в старинной усыпальнице королей.

ГЛАВА ПЯТНАДЦАТАЯ

Куда может завести мантикора

Утопающий хватается за соломинку. Как бы слабо ни мерцал луч надежды, приговоренному к смерти он кажется ослепительно ярким.

Так было и с миссис Уэлдон. Нетрудно представить себе ее горе, когда она узнала из уст самого Альвеца, что доктор Ливингстон скончался в маленькой негритянской деревне на берегу Бангвеоло. Она почувствовала себя вдруг такой одинокой и несчастной. Ниточка, связывавшая ее с цивилизованным миром, вдруг оборвалась. Спасительная соломинка ускользнула из ее рук, луч надежды угасал у нее на глазах. Тома и его товарищей угнали из Казонде к Большим озерам. О Геркулесе попрежнему не было никаких известий. Миссис Уэлдон видела, что никто не придет к ней на помощь... Оставалось только принять предложение Негоро, внеся в него поправки, которые обеспечили бы благополучный исход дела.

Четырнадцатого июня, в назначенный день, Негоро явился в хижину к миссис Уэлдон.

Португалец, по своему обыкновению, вел себя как деловой человек. Он прежде всего заявил, что не уступит ни одного гроша из назначенной суммы выкупа Впрочем, и миссис Уэлдон проявила немалую деловитость, ответив ему следующими словами:

— Если вы хотите, чтобы сделка состоялась, не предъявляйте неприемлемых требований. Я согласна на выкуп, который вы требуете, но ставлю условием, чтобы мой муж не приезжал в эту страну. Я ни за что на свете не соглашусь на это. Вы же знаете, что здесь делают с белыми

После некоторого колебания Негоро принял условия миссис Уэлдон. Вот к чему они сводились· Джемс Уэлдон не должен предпринимать рискованного путешествия в Казонде. Он приедет в Моссамедес — маленький порт на южном берегу Анголы, часто посещаемый кораблями работорговцев. Негоро хорошо знал этот порт. Он привезет туда мистера Уэлдона. Туда же, в

Моссамедес, агенты Альвеца доставят к условленному сроку миссис Уэлдон, Джека и кузена Бенедикта. Мистер Уэлдон внесет выкуп, пленники получат свободу, а Негоро, который перед мистером Джемсом Уэлдоном будет играть роль честного друга, исчезнет, как только прибудет корабль.

Этот пункт соглашения, которого добилась миссис Уэлдон, был очень важен. Таким образом она избавляла своего мужа от опасного путешествия в Казонде, от риска быть задержанным там после того, как он внесет выкуп, и от опасностей обратного пути.

Расстояние в шестьсот миль, отделяющее Казонде от Моссамедеса, не пугало миссис Уэлдон. Если этот переход будет совершен в таких же условиях, как ее путешествие от Кванзы до Казонде, то он будет не так уж труден. К тому же Альвец, получавший свою долю выкупа, был заинтересован в том, чтобы пленников доставили на место здравыми и невредимыми.

Уговорившись обо всем с Негоро, миссис Уэлдон написала мужу письмо. Негоро должен был выдать себя за преданного ей слугу, которому посчастливилось бежать из плена Получив письмо, Джемс Уэлдон, конечно, не колеблясь, последует за Негоро в Моссамедес.

Негоро взял письмо и на следующий день, сопровождаемый эскортом из двадцати негров, двинулся на север. Почему он избрал это направление? Намеревался ли он устроиться пассажиром на каком-либо из кораблей, которые заходили в устье Конго? Или он выбрал этот маршрут, чтобы миновать португальские фактории и каторжные тюрьмы, где он бывал не раз невольным гостем. Весьма вероятно. По крайней мере именно такое объяснение он дал Альвецу.

Теперь миссис Уэлдон оставалось только запастись терпением и, постаравшись наладить свою жизнь в Казонде возможно более сносно, ждать возвращения Негоро. Отсутствие его должно было при самых благоприятных обстоятельствах продлиться три-четыре месяца — это срок, который требовался на поездку в Сан-Франциско и обратно.

Миссис Уэлдон не собиралась покидать факторию Альвеца Здесь она сама, ее ребенок и кузен Бенедикт были в относительной безопасности. Заботливость и предупредительность Халимы смягчали суровость заточения. Вряд ли работорговец согласился бы выпустить пленников из своей фактории. Помня о большом барыше, который сулил ему выкуп, он распорядился установить за ними строгий надзор. Альвец придавал этому делу такое большое значение, что даже отказался от поездки в Бихе и Касангу, где у него были фактории. Вместо него во главе новой экспедиции, отправленной для набегов на мирные селения, стал Коимбра. Жалеть об отсутствии этого пьяницы, конечно, не приходилось.

Негоро перед своим отъездом оставил Альвецу подробнейшие наставления насчет миссис Уэлдон. Он советовал бдительно следить за ней, так как неизвестно, что сталось с Геркулесом. Если великан негр не погиб в опасных дебрях, он, несомненно, постарается вырвать пленников из рук Альвеца.

Работорговец превосходно понял, что нужно делать, чтобы не потерять многотысячный заработок. Он заявил, что будет присматривать за миссис Уэлдон, как за собственной кассой.

Дни в заключении тянулись однообразно и скучно. Жизнь в фактории ничем не отличалась от жизни негритянского города. Альвец строго придерживался в своем доме обычаев коренных жителей Казонде. Женщины в фактории выполняли те же работы, что их сестры в городе, угождая своим мужьям или хозяевам. Они толкли в деревянных ступах рис, чтобы вышелушить зерна; веяли и просеивали маис, растирая его между двумя камнями, приготовляли крупу, из которой туземцы варят похлебку под названием «мтиелле»; собирали урожай сорго, род крупного проса, — о том, что оно созрело, только что торжественно оповестили население, — извлекали благовонное масло из косточек «мпафу» — плодов, похожих на оливки; из эссенции их вырабатывают духи, любимые туземцами; пряли хлопок при помощи веретена длиною в полтора фута, прядильщицы быстро вращали его, ссучивая и вытягивая нитку из хлопковых волокон; выделывали

колотушками материю из древесной коры, выкапывали съедобные корни, возделывали землю и выращивали растения, идущие в пищу: маниоку, из которой делают муку — «касаву», бобы, которые растут на деревьях высотою в двадцать футов в стручках, называемые «мозитзано», длиною в пятнадцать дюймов; арахис, из которого выжимают масло, употребляющееся в пищу; многолетний светлоголубой горох, известный под названием «чилобе», цветы его придают некоторую остроту пресному вкусу каши из сорго; сахарный тростник, сок которого дает сладкий сироп, лук, гуяву, кунжут, огурцы, зерна которых жарят, как каштаны; приготовляли хмельные напитки: «малофу» из бананов, «помбе» и всякие настойки; ухаживали за домашними животными — за коровами, которые позволяют себя доить только в присутствии теленка или при чучеле теленка, за малопородистыми, иногда горбатыми, телками с короткими рогами, за козами, которые в этой стране, где козье мясо служит продуктом питания, стали важным предметом обмена и, можно сказать, являются ходячей монетой, так же как и рабы; наконец, заботились о домашней птице, о свиньях, овцах, быках и т. д. Этот длинный перечень показывает, какие тяжелые работы возлагаются на слабый пол в диких областях африканского континента.

А в это время мужчины курили табак или гашиш, охотились на слонов или на буйволов, нанимались к работорговцам для облав на негров. Сбор маиса или охота на рабов, как всякий сбор урожая и всякая охота, производятся в определенный сезон. Из всех этих разнообразных занятий миссис Уэлдон знала в фактории Альвеца только те, которые выпадали на долю женщин.

Гуляя по фактории Альвеца, она иногда останавливалась возле работавших туземок и следила за однообразными движениями их рук. Негритянки встречали ее далеко не приветливыми гримасами. Они ненавидели белых и, хотя знали, что миссис Уэлдон пленница, нисколько не сочувствовали ей. Только Халима представляла исключение. Миссис Уэлдон запомнила несколько слов из туземного наречия и скоро научилась кое-как объясняться с юной невольницей.

Маленький Джек обычно прогуливался с матерью по фактории. В саду было немало любопытного, на высоких баобабах виднелись сделанные из прутьев растрепанные гнезда важных марабу. На ветвях сидели маленькие птички с пурпурно-красными грудками и рыжевато-бурыми спинками, — это были амарантовые ткачи, славящиеся своим искусством вить гнезда. По траве скакали вприпрыжку, подбирая осыпавшиеся семена, и ловили насекомых птички-«вдовушки»; голосистые «калао» оглашали воздух веселыми трелями; пронзительно кричали светлосерые, с красными хвостами попугаи, которых туземцы в Манеме называют «роус» и дают это имя вождям племен. Насекомоядные «друго», похожие на коноплянок, но только с красным клювом, перепархивали с ветки на ветку. Множество бабочек вилось над кустами, особенно по соседству с ручейками, протекавшими по фактории. Но бабочки — это была область кузена Бенедикта. Джеку они быстро прискучили. Мальчику хотелось хоть одним глазком заглянуть за ограду фактории. Он все чаще думал о своем веселом и неистощимо изобретательном друге Дике Сэнде. Как они лазали вместе на мачты «Пилигрима»! О, если бы Дик был здесь, Джек полез бы с ним на макушку самого высокого баобаба!

Кузен Бенедикт — тот чувствовал себя отлично повсюду, конечно, если вокруг него было достаточно насекомых. Ему посчастливилось найти в фактории крошечную пчелку, которая делает свои ячейки в стволах деревьев, и паразитарную осу, которая кладет яйца в чужие ячейки, как кукушка подкидывает свои яйца в гнезда других птиц. Ученый изучал этих насекомых в той мере, в какой это возможно было без очков и увеличительного стекла.

В фактории, особенно вблизи ручейков, не было недостатка в москитах. Однажды они сильно искусали беднягу ученого. Когда миссис Уэлдон стала упрекать кузена Бенедикта за то, что он позволил зловредным насекомым так изуродовать себя, ученый, до крови расчесывая себе кожу, ответил:

— Что поделаешь, кузина Уэлдон, таков их инстинкт. Нельзя на них за это сердиться!

В один прекрасный день — 17 июня — кузен Бенедикт чуть было не стал самым счастливым человеком среди всех энтомологов. Это происшествие, которое имело самые неожиданные последствия, заслуживает обстоятельного рассказа.

Было около одиннадцати часов утра. Нестерпимая жара загнала в хижины обитателей фактории. На улицах Казонде не видно было ни одного прохожего.

Миссис Уэлдон дремала, сидя возле маленького Джека, который крепко спал.

Даже на кузена Бенедикта этот тропический зной подействовал расслабляюще, и он вынужден был отказаться от очередной энтомологической прогулки. Скажем прямо, сделал он это с крайней неохотой, потому что под палящими лучами полуденного солнца в воздухе реяло бесчисленное множество насекомых. Все же он побрел в лачугу и прилег на постель. Но вдруг сквозь дремоту до слуха ученого коснулось какое-то жужжание, невыносимо раздражающий звук, который насекомое производит взмахами своих крылышек, — иные насекомые могут производить пятнадцать — шестнадцать тысяч взмахов крылышками в секунду.

— Насекомое! Шестиногое! — вскричал кузен Бенедикт.

Сна как не бывало. Кузен Бенедикт из горизонтального положения немедленно перешел в вертикальное.

Без сомнения, жужжание издавало какое-то крупное насекомое.

Кузен Бенедикт страдал близорукостью, но слух у него был необычайно тонкий и изощренный: ученый мог определить насекомое по характеру его жужжания. Однако жужжание этого насекомого было незнакомо кузену Бенедикту, а по силе его казалось, что оно исходит от какого-то гигантского жука.

«Что это за шестиногое?» — спрашивал себя энтомолог.

И он отчаянно таращил близорукие глаза, стараясь обнаружить источник шума. Инстинкт энтомолога подсказывал кузену Бенедикту, что насекомое, по милости провидения залетевшее к нему в дом, не какой-нибудь заурядный жук, а шестиногое необыкновенное.

Кузен Бенедикт замер в неподвижности и весь обратился в слух. Солнечный луч скупо проник в полумрак, царивший в лачуге, и тогда ученый заметил большую черную точку, кружившуюся в воздухе. Но насекомое летало в почтительном отдалении от ученого, и бедняга никак не мог его рассмотреть. Кузен Бенедикт затаил дыхание. Если бы неизвестный гость укусил его, он даже не шелохнулся бы, из опасения, что неосторожное движение обратит насекомое в бегство.

Успокоенное неподвижностью ученого, насекомое, описав множество кругов, в конце концов село ему на голову. Рот кузена Бенедикта расплылся в улыбке. Он чувствовал, как легкое насекомое бегает по его волосам. Его неудержимо тянуло поднять руку к голове, но он сумел подавить в себе это желание и поступил правильно.

«Нет, нет! — думал кузен Бенедикт. — Я могу промахнуться или, что еще хуже, причинить ему вред. Подожду, пока оно спустится ниже. Как оно бегает! Я чувствую, как его лапки снуют по моему черепу! Это, наверное, очень крупное насекомое. Господи, сделай так, чтобы оно спустилось на кончик моего носа! Скосив глаза, я мог бы рассмотреть его и определить, к какому отряду, роду, семейству, подсемейству и группе оно принадлежит!»

Так рассуждал кузен Бенедикт. Но расстояние от остроконечной макушки его головы до кончика его довольно длинного носа было велико, и кто мог знать, захочет ли прихотливое насекомое предпринять такое дальнее путешествие? Быть может, оно направится к ушам, к затылку, удалится от глаз ученого. И не вспорхнет ли оно, не улетит ли из темной хижины на вольный воздух, к своим сородичам, призывно жужжащим под жаркими лучами солнца?

Кузен Бенедикт со страхом подумал, что это весьма вероятно. Никогда еще энтомологу не приходилось так волноваться. Африканское шестиногое неизвестного науке семейства или хотя бы еще неизвестного вида сидело у него на темени, и он мог распознать его только в том случае, если оно соблаговолит приблизиться к его

глазам на расстояние одного дюйма. Однако небеса, вероятно, услышали моления кузена Бенедикта.

Побродив по его растрепанным волосам, подобным зарослям дикого кустарника, насекомое медленно начало спускаться по его лбу, направляясь к переносице. Волнение кузена Бенедикта достигло предела: насекомое находилось на вершине горы, неужели оно не спустится к подножию?

«На его месте я бы обязательно спустился!» — думал достойный ученый.

Всякий другой на месте кузена Бенедикта, несомненно, изо всей силы хлопнул бы себя рукой по лбу, чтобы убить или хотя бы прогнать назойливое насекомое. Было нечто героическое в неподвижности ученого, терпеливо сносившего щекотку и стоически ожидавшего укуса. Спартанец, позволявший лисице терзать свою грудь, и римлянин, державший в голой руке раскаленные угли, не лучше владели собой, чем кузен Бенедикт. Несомненно, ученый-энтомолог был прямым потомком этих двух героев!

Насекомое, побродив по лбу, отдыхало теперь на переносице.. У кузена Бенедикта вся кровь прихлынула к сердцу: поднимется ли насекомое выше надбровных дуг, или спустится вниз по носу?..

Оно спустилось Кузен Бенедикт почувствовал, как мохнатые лапки семенят по его носу. Насекомое не уклонилось ни вправо, ни влево. На секунду оно задержалось на легкой горбинке носа, великолепно приспособленной для ношения того оптического прибора, которого так не хватало сейчас бедному ученому, а затем решительно спустилось вниз и остановилось на самом кончике носа.

Лучшего места насекомое не могло выбрать. Сведя в одну точку зрительные линии обоих своих глаз, кузен Бенедикт мог теперь, словно через увеличительное стекло, рассмотреть насекомое.

— Боже мой! — вскричал кузен Бенедикт вне себя от радости. — Бугорчатая мантикора.

Грубая ошибка: надо было не выкрикнуть, а только подумать это! Но не слишком ли многого мы требуем от самого большого энтузиаста среди энтомологов? Как

тут не испустить крик радости, когда у вас на носу сидит бугорчатая мантикора с широкими надкрыльями, насекомое из семейства жужелиц? Редчайшая разновидность мантикоры, водящаяся как будто только в южной части Африки, экземпляр, какого нет в лучших коллекциях! Да разве можно тут не вскрикнуть от радости? Это уже свыше сил человеческих

Но беда не приходит одна: кузен Бенедикт не только вскрикнул, но и чихнул. Крик оглушил мантикору, а чихание вызвало сотрясение ее опоры. Кузен Бенедикт быстро поднял руку, с силой сжал пальцы в кулак и захватил только кончик собственного носа! Мантикора успела улететь

— Проклятие! — воскликнул ученый.

Но тут же он взял себя в руки, и все дальнейшее его поведение могло служить образцом замечательного самообладания.

Кузен Бенедикт знал, что мантикора почти не летает, — она только перепархивает с места на место, а больше бегает. Он опустился на колени. Вскоре он увидел в десяти дюймах от своего носа черную точку, быстро скользившую в солнечном луче. Лучше всего было не стеснять эволюций мантикоры, изучать ее на приволье. Только бы не потерять ее из виду.

— Поймать ее сейчас, — сказал себе кузен Бенедикт, — это значит рисковать раздавить ее. Нет! Я не сделаю этого! Я поползу за ней следом Я буду изучать ее поведение в естественных условиях! Я буду любоваться ею! А поймать ее я всегда успею.

Разве кузен Бенедикт был не прав? На этот вопрос трудно дать ответ. Как бы то ни было, но кузен Бенедикт, опустив нос к самой земле, пополз на четвереньках вслед за мантикорой, насторожившись, словно охотничья собака, почуявшая след. Через мгновение ученый уже выполз из своей хижины и передвигался по опаленной полуденным солнцем траве прямо по направлению к ограде фактории. Еще через несколько минут он был уже у самого частокола.

Как поступит мантикора? Поднимется в воздух и перенесется через ограду, оставив своего влюбленного преследователя по ту сторону частокола? Нет, это не в

характере мантикоры, — кузен Бенедикт хорошо знал привычки этих жужелиц.

И он все продолжал ползти уже слишком далеко от насекомого, чтобы дать ему энтомологическое определение (впрочем, это было уже сделано до него), но настолько близко, что все время видел, как двигается по земле эта крупная точка.

Вдруг путь мантикоре преградило широкое отверстие кротовой норы под самой изгородью. Не задумываясь, жужелица отправилась в эту подземную галерею — она всегда ищет подземные ходы. Кузен Бенедикт испугался, что насекомое ускользнет от него. Но, к большому его удивлению, ширина прорытого кротом хода достигала по меньшей мере двух футов. Это была своего рода подземная галерея, по которой сухопарому энтомологу нетрудно было проползти. Он устремился туда вслед за жужелицей и не заметил даже, что, «зарывшись в землю», находится уже под оградой фактории. Кротовый ход соединял огороженную территорию с внешним миром. Через полминуты кузен Бенедикт выполз из фактории на свободу. Но ученый даже не обратил на это внимания: настолько он был поглощен мыслями об изящном насекомом, которое вело его за собой.

Но мантикоре, видимо, надоело ходить пешком. Она раздвинула надкрылья и расправила крылышки. Кузен Бенедикт почувствовал опасность. Он вытянул руку, чтобы накрыть насекомое ладонью, как бы заключить ее в темницу, и вдруг... фрр! Жужелица улетела.

Легко представить себе отчаяние кузена Бенедикта. Но мантикора не могла улететь далеко. Энтомолог поднялся на ноги, осмотрелся и бросился за ней, вытянув вперед руки.

Насекомое кружилось в воздухе над его головой; маленькое черное пятнышко неуловимой формы мелькало перед его близорукими глазами. Кузен Бенедикт замер на месте, ожидая, что, покружившись над его взъерошенной шевелюрой, усталая мантикора снова опустится на землю. Все говорило за то, что так она и поступит.

Но, к несчастью для незадачливого ученого, фактория Альвеца, расположенная на северной окраине города, примыкала к большому лесу, тянувшемуся на много миль. Если мантикора вздумает улететь под сень деревьев и там начнет порхать с ветки на ветку, придется распроститься с надеждой водворить в жестяную коробку лучшее украшение коллекции.

Увы, так и случилось! Покружившись в воздухе, мантикора сначала опустилась на землю. Кузену Бенедикту неожиданно повезло: он заметил место, куда село насекомое, и тотчас же с размаху бросился на землю. Но мантикора больше не пыталась летать — она скачками передвигалась по земле.

Совершенно измученный, с ободранными до крови коленями и расцарапанными руками, энтомолог не отставал от нее. Он кидался то вправо, то влево, бросался ничком, вскакивал, как будто земля была раскалена докрасна, и взмахивал руками, словно пловец, в надежде схватить неуловимую черную точку.

Напрасный труд! Руки его хватали пустоту. Насекомое, играючи, ускользало от него. Наконец, добравшись до свежей зелени деревьев, оно взвилось в воздух, задело ученого и исчезло окончательно, подразнив на прощанье его слух самым ироническим жужжанием.

— Проклятие! — еще раз воскликнул кузен Бенедикт. — Скрылась!.. Неблагодарная тварь! А я-то предназначал тебе почетное место в своей коллекции! Ну, нет! Я от тебя не отстану, я буду преследовать тебя, пока не поймаю.

Огорченный энтомолог забыл, что при его близорукости бесполезно было искать мантикору среди зеленой листвы. Но он уже не владел собою. Гнев и досада обуревали его. Он сам виноват был в своей неудаче! Если бы он сразу схватил эту жужелицу, вместо того чтобы «изучать ее поведение в естественных условиях», ничего бы не случилось и он обладал бы сейчас великолепным образцом африканской мантикоры — насекомого, которому дали имя сказочного животного, якобы обладавшего человеческой головой и туловищем льва.

Кузен Бенедикт растерялся. Он даже не подозревал, что в погоне за мантикорой выбрался из фактории Альвеца, что неожиданное происшествие вернуло ему свободу. Он думал лишь об одном: вот лес, и где-то в нем — его улетевшая мантикора.

Какой угодно ценой поймать ее!

И он бежал по лесу, не размышляя о том, что делает. Повсюду ему мерещилась драгоценная мантикора. Он махал в воздухе руками и мчался стремглав вперед. Куда заведет его это бессмысленное преследование, как он найдет обратно дорогу и найдет ли он ее вообще, — об этом он себя не спрашивал. Он углубился в лес по крайней мере на целую милю, рискуя столкнуться с враждебным туземцем или попасть в зубы хищному зверю.

Вдруг откуда ни возьмись из-за дерева выскочило какое-то огромное существо. Оно бросилось на ученого энтомолога, как сам он бросился бы на мантикору, схватило его одной рукой за шиворот, другой за штаны и, не давая времени опомниться, утащило в чащу.

Бедный кузен Бенедикт! В этот день он безвозвратно упустил возможность стать счастливейшим среди энтомологов всех пяти частей света!

ГЛАВА ШЕСТНАДЦАТАЯ

Маннга

В этот день, 17 июня, миссис Уэлдон очень встревожилась, когда кузен Бенедикт не явился к обеду. Куда девался этот большой ребенок? Миссис Уэлдон не допускала и мысли, что он бежал из фактории. Ему не перелезть через высокий частокол. Кроме того, она хорошо знала характер своего кузена: он наотрез отказался бы от свободы, если бы при бегстве ему надо было бросить на произвол судьбы коллекцию насекомых, хранящуюся в жестяной коробке. Но коробка со всеми находками, сделанными ученым в Африке, ле-

жала в полной неприкосновенности. Кузен Бенедикт не мог добровольно расстаться со своими энтомологическими сокровищами, — такое предположение было просто невероятным.

И все-таки кузена Бенедикта не было в фактории Хозе-Антонио Альвеца!

Весь день миссис Уэлдон искала его по всем закоулкам. Маленький Джек и Халима помогали ей. Но все поиски были тщетными.

Миссис Уэлдон пришла к печальному выводу: должно быть, кузена Бенедикта увели из фактории по приказу работорговца. Почему Альвец поступил так? Что он сделал с кузеном Бенедиктом? Может быть, он посадил его в один из бараков на читоке? Это было совершенно необъяснимо: ведь по условию, заключенному с Негоро, кузен Бенедикт был одним из пленников, которых Альвец должен был доставить в Моссамедес и передать Джемсу Уэлдону за выкуп в сто тысяч долларов.

Если бы миссис Уэлдон знала, как разгневался Альвец, когда ему сообщили, что кузен Бенедикт исчез, она поняла бы, что работорговец непричастен к этому исчезновению. Но если кузен Бенедикт бежал по собственной воле, — почему он не открыл ей своего замысла?

Расследование, предпринятое Альвецем и его слугами, вскоре обнаружило существование кротовой норы, соединявшей двор фактории с соседним лесом. Работорговец не сомневался, что «охотник за мухами» бежал именно через этот узкий проход. Легко представить себе, какое бешенство охватило Альвеца при мысли, что бегство кузена Бенедикта будет поставлено ему в счет и, значит, уменьшит долю его барыша.

«Этот полоумный сам по себе ломаного гроша не стоит, а мне придется дорого заплатить за него! Попадись он только мне в руки!» — думал Альвец.

Но, несмотря на самые тщательные поиски и внутри фактории и в лесу, никаких следов беглеца не удалось обнаружить. Миссис Уэлдон пришлось примириться с исчезновением кузена, а Альвецу оставалось только горевать о потерянном выкупе. Кузен Бенедикт, безусловно, не мог действовать по сговору с кем-нибудь из

живущих вне фактории; поэтому оставалось предположить, что он случайно обнаружил кротовый ход и бежал, даже не подумав о своих спутниках, словно их и не существовало на свете.

Миссис Уэлдон вынуждена была признать, что, вероятно, это так и случилось. Но ей и в голову не пришло сердиться на бедного энтомолога, совершенно неспособного отвечать за свои поступки.

«Несчастный! Что с ним станется?» — спрашивала она себя.

Проход под изгородью уничтожили, конечно, в тот же день и за оставшимися пленниками установили еще более строгий надзор.

Жизнь миссис Уэлдон и ее сына стала с тех пор еще скучнее и однообразнее.

Дождливый период, «мазика», как его называют здесь, окончился еще в конце апреля, но 19 июня снова пошли дожди. Небо было затянуто тучами, и непрерывные ливни затопляли всю область Казонде. Такие явления редко наблюдаются в Центральной Африке в это время года.

Для миссис Уэлдон дожди были только досадной неприятностью, — они мешали ее ежедневным прогулкам по фактории. А для туземного населения они представляли настоящее бедствие. Посевы в низменных местах, уже созревшие и ожидавшие жатвы, оказались затопленными разливом рек. Населению, внезапно лишившемуся урожая, угрожал голод, погибли все его труды. Королева Муана и ее министры растерялись, не зная, как предотвратить нависшую катастрофу.

Решили призвать на помощь колдунов. Но не тех колдунов, чье искусство не шло дальше лечения болезней заговорами, заклинаниями, ворожбою. Размеры бедствия были так велики, что только самые искусные мганнги — колдуны, умеющие вызывать и прогонять дожди, — могли помочь горю.

Но и мганнги не помогли. Напрасными оказались заунывное пение и заклинания, попусту звенели погремушки и колокольчики, бессильны были самые испытанные амулеты и, в частности, рог с тремя маленькими разветвлениями на конце, наполненный грязью

и кусочками коры. Не подействовали ни обрядовые пляски, ни плевки в лица самых важных придворных, ни навозные шарики, которыми швыряли в них... Злых духов, собирающих облака в тучи, никак не удавалось прогнать.

Положение день ото дня становилось все более угрожающим. Королева Муана велела призвать прославленного кудесника из северной Анголы. О могуществе этого мганнги рассказывали чудеса, и вера в него была тем сильнее, что он никогда не бывал в Казонде. Это был первоклассный колдун и к тому же прославленный заклинатель «мазики».

Двадцать пятого июня поутру великий мганнга торжественно вступил в Казонде. Переливчатый звон колокольчиков, которыми он был увешан, возвестил о его приходе. Он прошел прямо на читоку, и тотчас же толпа туземцев окружила его тесным кольцом. Небо в этот день было не так густо обложено тучами, ветер как будто собирался переменить направление, и эти благоприятные предзнаменования, совпадавшие с приходом мганнги, располагали к нему все сердца.

Внешность нового мганнги и гордая его осанка произвели на толпу зрителей внушительное впечатление. Это был чистокровный негр, ростом не менее шести футов, широкоплечий и, видимо, очень сильный.

Обычно колдуны соединяются по три, по четыре или по пяти и появляются в деревнях только в сопровождении многочисленных помощников и почитателей. Этот мганнга пришел один. Грудь его была испещрена полосками из белой глины. От талии ниспадала складками широкая юбка из травяной ткани, юбка со шлейфом, не хуже, чем у современных модниц. На шее у колдуна висело ожерелье из птичьих черепов, на голове высился кожаный колпак, украшенный перьями и бусами. Вокруг бедер обвивался кожаный пояс, и к нему подвешены были сотни бубенчиков и колокольчиков. При каждом движении мганнги они издавали звон громче, чем сбруя испанского мула. Таково было облачение этого великолепного представителя африканских кудесников.

Все необходимые принадлежности его искусства — ракушки, амулеты, резные деревянные идолы и фетиши и, наконец, катышки помета, — неизменно применяющиеся в Центральной Африке при всех колдовских обрядах и прорицаниях, были уложены в пузатую корзинку.

Скоро толпа подметила еще одну особенность нового мганнги: он был нем. Но немота могла только увеличить почтение, которое дикари уже начали питать к великану кудеснику. Он издавал какие-то странные, лишенные всякого значения звуки, похожие на мычание. Но это только должно было способствовать успеху его колдовства.

Мганнга начал с того, что обошел кругом всю читоку, исполняя какой-то торжественный танец. Бубенчики на его поясе при этом бешено звенели. Толпа следовала за ним, подражая каждому его движению, как стая обезьян следует за своим вожаком. Вдруг мганнга свернул с читоки на главную улицу Казонде и направился к королевским покоям.

Королева Муана, предупрежденная о приближении нового кудесника, поспешила выйти к нему навстречу в сопровождении всех своих придворных.

Мганнга склонился перед ней до самой земли и затем выпрямился во весь рост, расправив свои широкие плечи. Он протянул руки к небу, по которому быстро бежали рваные тучи. Кудесник указал на них королеве и оживленной пантомимой изобразил, как они плывут на запад, потом, описав круг, возвращаются в Казонде с востока. Этого круговращения туч ничто не в силах прекратить.

И вдруг, к глубокому изумлению зрителей — горожан и придворных, колдун схватил за руку грозную властительницу Казонде. Несколько придворных хотели помешать такому грубому нарушению этикета, но силач мганнга поднял за загривок первого осмелившегося приблизиться к нему и отшвырнул его в сторону шагов на пятнадцать.

Королеве этот поступок колдуна как будто даже понравился. Она скорчила гримасу — это должно было

означать любезную улыбку. Но колдун, не обращая внимания на этот знак королевской благосклонности, потащил Муану за собой. Толпа устремилась вслед за ними.

Колдун быстро шагал прямо к фактории Альвеца. Скоро он дошел до ворот ограды. Они были заперты. Мганнга без видимого усилия толкнул ворота плечом, и, сорвавшись с петель, они упали. Восхищенная королева вошла вместе с ним во двор фактории. Работорговец, его солдаты и невольники хотели наброситься на дерзкого пришельца, взламывающего ворота, вместо того чтобы дождаться, пока их откроют. Но, увидев, что колдуна сопровождает королева и что она не возмущена его действиями, они замерли в почтительной позе.

Альвец не прочь был бы спросить у королевы, чему он обязан честью ее посещения, но колдун не дал ему говорить. Он оттеснил толпу в сторону и, став посреди образовавшегося свободного пространства, с еще большим оживлением, чем прежде, повторил свою пантомиму. Он грозил кулаками облакам, заклинал их. Затем, сделав вид, что с трудом удерживает тучи на месте, он надувал щеки и изо всей силы дул в небо, словно надеясь одним своим дыханием рассеять скопление водяных паров. Затем он поднимал руки, весь вытягивался вверх и, казалось, доставая головой до туч, отбрасывал их в разные стороны.

Суеверная Муана, захваченная — другого слова не найдешь — игрой этого талантливого актера, уже не владея собой, вскрикивала и, вся трепеща, инстинктивно повторяла каждое его движение. Придворные и горожане следовали ее примеру, и гнусавое мычание немого было совершенно заглушено воплями, криками и пением экзальтированной толпы.

Что ж, тучи разошлись и перестали заслонять солнце? Заклинания немого мганнги прогнали их? Нет. Напротив, в ту самую минуту, когда королева и народ думали, что злые духи уже побеждены и в страхе бегут, небо, на миг посветлевшее, нахмурилось еще больше, и первые тяжелые капли дождя упали на землю.

В настроении толпы сразу произошел перелом. Все с угрозой посмотрели на нового мганнгу, который оказался не лучше прежних. Королева нахмурила брови, и по этому признаку можно было догадаться, что колдуну грозит по меньшей мере потеря обоих ушей. Круг зрителей плотнее сомкнулся вокруг него. Сжатые кулаки уже взлетели в воздух. Еще мгновение — и несдобровать бы мганнге, но новое происшествие направило гнев толпы в другую сторону.

Мганнга — он на целую голову был выше воющих и рычащих зрителей — вдруг вытянул руку и указал на что-то находившееся внутри фактории. Жест его был таким повелительным, что все невольно обернулись.

Миссис Уэлдон и маленький Джек, привлеченные криками и завываниями толпы, вышли из своей хижины На них-то и указывал разгневанный чародей левой рукой, поднимая правую руку к небу.

Вот кто виновники бедствия! Эта белая женщина и ее ребенок! Вот источник всех зол! Это они призвали тучи из своих дождливых стран, это они накликали наводнение и голод на землю Казонде!

Мганнга не произнес ни одного слова, но все его поняли.

Королева Муана угрожающе простерла руки в сторону миссис Уэлдон. Толпа с яростным криком бросилась к ней.

Миссис Уэлдон поняла, что настал ее смертный час. Прижав Джека к груди, она стояла неподвижно, как статуя, перед беснующейся ревущей толпой.

Мганнга направился к ней. Дикари расступились перед колдуном, который как будто нашел не только причину бедствия, но и средство спасения от него. Альвец, дороживший жизнью своей пленницы, не зная, как поступить, также приблизился к ней.

Мганнга вырвал маленького Джека из рук матери и поднял его к небу. Казалось, он хотел разбить ему череп о землю, чтобы умилостивить духов.

Миссис Уэлдон отчаянно вскрикнула и упала без чувств.

Но мганнга, сделав королеве знак, который та, по-видимому, хорошо поняла, поднял с земли несчастную

мать и понес ее вместе с сыном. Потрясенная толпа почтительно расступилась перед ним.

Альвец был взбешен. Упустить сначала одного пленника, а затем оставаться безучастным свидетелем того, как ускользают двое остальных, а вместе с ними и надежда на большую награду, обещанную ему Негоро, — нет, Альвец не мог примириться с этим, хотя бы всему Казонде грозила гибель от нового всемирного потопа!

Он попытался воспротивиться похищению. Но тогда гнев толпы обратился против него. Королева приказала страже схватить Альвеца, и, понимая, что сопротивление может дорого обойтись, работорговец смирился. Но как проклинал он в душе дурацкое легковерие подданных королевы Муаны!

Дикари действительно думали, что тучи уйдут вместе с теми, кто их накликал; они не сомневались, что кудесник кровью чужеземцев умилостивит злых духов и прогонит прочь от Казонде дожди, от которых так страдал весь край.

Между тем мганнга нес свои жертвы так же легко, как лев тащит в своей могучей пасти пару козлят. Маленький Джек дрожал от страха, а миссис Уэлдон была без сознания. Обезумевшая от ярости толпа с воплями следовала за колдуном.

Он вышел из фактории, пересек Казонде, ступил под своды леса и тем же твердым и размеренным шагом прошел больше трех миль. Мало-помалу дикари начали отставать. Наконец, и последние повернули назад, поняв, что колдун хочет остаться один. А колдун, не оборачиваясь, все шагал вперед, пока не дошел до берега реки, быстрые воды которой текли на север. Здесь, в глубине узкой бухты, скрытой от глаз густым кустарником, он нашел пирогу с соломенной кровлей.

Немой мганнга опустил на дно пироги свою ношу, столкнул легкое суденышко в воду и, когда быстрое течение подхватило его, сказал звучным голосом.

— Капитан, позвольте вам представить миссис Уэлдон и ее сына! А теперь в путь, и пусть в Казонде все тучи небесные прольются ливнем над головами этих идиотов!

ГЛАВА СЕМНАДЦАТАЯ

Вниз по течению

Слова эти произнес Геркулес, неузнаваемый в облачении колдуна; обращался он не к кому иному, как к Дику Сэнду. Юноша лежал в лодке. Он был еще очень слаб и только с помощью кузена Бенедикта мог приподняться навстречу вновь прибывшим. Динго сидел у ног ученого.

Миссис Уэлдон, придя в сознание, чуть слышно сказала:

— Это ты, Дик? Ты?..

Юноша попытался встать, но миссис Уэлдон поспешила заключить его в свои объятия. Маленький Джек тоже обнял и стал целовать Дика Сэнда.

— Мой друг Дик, мой милый Дик! — повторял мальчик. Затем, повернувшись к Геркулесу, он добавил: — А я и не узнал тебя!

— Хороший был маскарад! — смеясь, сказал Геркулес.

И он принялся стирать с груди белый узор.

— Фу, какой ты некрасивый! — сказал маленький Джек.

— Что ж тут удивительного? Я изображал черта, а черт, как известно, некрасив.

— Геркулес! Друг мой! — воскликнула миссис Уэлдон, протягивая руку смелому негру.

— Он спас и меня, — сказал Дик Сэнд. — Но только не хочет, чтобы об этом говорили.

— Спас, спас... Рано еще говорить о спасении! — ответил Геркулес. — Да если бы не явился господин Бенедикт и не сказал мне, где вы находитесь, миссис Уэлдон, мы вообще ничего не могли бы сделать.

Геркулес напал на ученого, когда тот, увлекшись преследованием своей драгоценной мантикоры, углубился в лес, отдалившись от фактории на две мили. Не будь этого, Дик и Геркулес так и не узнали бы, где работорговец скрывает миссис Уэлдон, и Геркулесу не

пришла бы в голову мысль пробраться в Казонде под видом колдуна.

Пирога плыла по течению. Геркулес рассказал миссис Уэлдон все, что произошло со времени его бегства из лагеря на Кванзе: как он незаметно следовал за китандой, в которой несли миссис Уэлдон и ее сына; как он нашел раненого Динго и они вместе добрались до окрестностей Казонде; как он послал Дику записку с Динго, сообщив в ней, что сталось с миссис Уэлдон; как после неожиданного появления кузена Бенедикта он тщетно пытался проникнуть в факторию, которую охраняли очень строго; как, наконец, он нашел способ вырвать пленников из рук ужасного Хозе-Антонио Альвеца.

Случилось это так. Геркулес, по обыкновению, бродил по лесу, следя за всем, что делается в фактории, готовый воспользоваться любым случаем, чтобы проникнуть за ее ограду, и вдруг мимо него прошел мганнга — тот самый северный колдун, которого так нетерпеливо ожидали в Казонде. Напасть на мганнгу, снять с него одежды и украшения, облачиться в них самому, привязать ограбленного к дереву лианами так, что сам черт не мог бы распутать узлы, — все это заняло не так уж много времени. Затем он раскрасил себе тело, беря за образец привязанного мганнгу. Оставалось только разыграть роль заклинателя дождей, что и удалось блестяще благодаря поразительной доверчивости дикарей.

Миссис Уэлдон обратила внимание на то, что Геркулес не упомянул в своем рассказе о Дике Сэнде.

— А ты, Дик? — спросила она.

— Я, миссис Уэлдон? — ответил юноша. — Я ничего не могу рассказать вам. Последняя моя мысль была о вас, о Джеке!.. Я напрасно пытался порвать лианы, которыми был привязан к столбу... Вода уже захлестнула меня, поднялась выше головы... Я потерял сознание... Когда я пришел в себя, то оказался в укромном уголке в зарослях папируса, а Геркулес заботливо ухаживал за мной...

— Еще бы! Я теперь лекарь, знахарь, колдун, волшебник и предсказатель!

— Геркулес, — сказала миссис Уэлдон, — вы должны рассказать, как вы спасли Дика.

— Разве это я его спас? — возразил великан. — Разве не мог поток, хлынувший в старое русло, опрокинуть столб и унести с собой Дика? Мне оставалось только выловить из воды нашего капитана. Впрочем, разве уж так трудно было в темноте соскользнуть в могилу и, спрятавшись среди убитых, подождать, когда спустят плотину? Разве трудно было подплыть к столбу, понатужиться и выдернуть столб вместе с привязанным к нему капитаном? Нет, это было вовсе не трудно. Кто угодно мог бы это сделать. Вот хотя бы господин Бенедикт... или Динго! В самом деле, уж не Динго ли сделал это?

Услышав свое имя, Динго весело залаял.

Джек, обняв ручонками большую голову пса и ласково его похлопывая, заговорил с ним:

— Динго, это ты спас нашего друга Дика?

И тут же покачал голову собаки справа налево и слева направо.

— Динго говорит «нет», — сказал Джек. — Ты видишь, Геркулес, это не он! Скажи, Динго, а не Геркулес ли спас капитана Дика?

И мальчик заставил собаку несколько раз кивнуть головой.

— Динго говорит «да»! Он говорит «да»! — воскликнул Джек. — Вот видишь, значит это ты?

— Ай, ай, Динго, — ответил Геркулес, лаская собаку, — как тебе не стыдно! Ведь ты обещал не выдавать меня!

Да, действительно Геркулес, рискуя собственной жизнью, спас Дика Сэнда! Но из скромности он долго не хотел признаться в этом. Впрочем, сам он не видел ничего героического в своем поведении и утверждал, что каждый на его месте поступил бы точно так же.

Конечно, вслед за этим разговор зашел о несчастных товарищах Геркулеса — о Томе, его сыне Бате, об Актеоне и Остине. Несчастных гнали теперь в область Больших озер. Геркулес видел их в рядах невольничьего каравана. Он несколько времени шел следом

за караваном, но установить связь с товарищами ему не удалось. Угнали бедняг. Плохи их дела!

И по лицу Геркулеса, только что сиявшему добродушной улыбкой, потекли крупные слезы. Великан и не пытался скрыть их.

— Не плачьте, друг мой, — сказала миссис Уэлдон — Я верю, бог милостив, и когда-нибудь мы еще свидимся с ними.

В нескольких словах миссис Уэлдон рассказала Дику Сэнду обо всем, что произошло в фактории Альвеца.

— Быть может, — заметила она в заключение, — нам безопаснее было бы оставаться в Казонде.

— Значит, я оказал вам медвежью услугу! — воскликнул Геркулес.

— Нет, Геркулес, нет! — возразил Дик Сэнд. — Эти негодяи, несомненно, постараются заманить мистера Уэлдона в ловушку. Мы должны бежать все вместе и немедленно, чтобы прибыть на побережье раньше, чем Негоро вернется в Моссамедес. Там португальские власти возьмут нас под свое покровительство, и когда Альвец явится за своей сотней тысяч долларов ..

— Он получит сто тысяч ударов палкой по голове, старый негодяй! — вскричал Геркулес. — И я никому не уступлю удовольствия заплатить ему сполна по этому счету!

О возвращении миссис Уэлдон в Казонде, конечно, не могло быть и речи Следовательно, нужно было непременно опередить Негоро. Дик Сэнд решил приложить все усилия, чтобы добиться этого.

Наконец-то молодому капитану удалось привести в исполнение давно задуманный план: спуститься по течению реки к океанскому побережью.

Река текла на север. Можно было предположить, что она впадает в Конго. В этом случае вместо Сан-Паоло-де-Луанда Дик Сэнд и его спутники очутятся в устье Конго. Такая перспектива нисколько не смущала их, так как в колониях Нижней Гвинеи они, несомненно, могли рассчитывать на такую же помощь, как и в Сан-Паоло-де-Луанда.

Дик рассчитывал совершить это путешествие на

пловучем, заросшем травой островке[1], которые во множестве плывут по течению африканских рек. Однако Геркулесу во время его скитаний посчастливилось натолкнуться на пирогу. Случай сослужил хорошую службу. Ничего лучшего и желать было нельзя. Найденная Геркулесом пирога не похожа была на обычный узкий челнок, на каких туземцы разъезжают по рекам. Это была вместительная лодка тридцати футов в длину и четырех в ширину; эти лодки рассчитаны на несколько гребцов, и как быстро они несутся под ударами весел на просторе больших озер. Миссис Уэлдон и ее спутники удобно разместились в пироге. Быстрое течение легко несло ее вниз по реке, и достаточно было одного кормового весла, чтобы ею управлять.

Вначале Дик решил плыть только по ночам, чтобы не попасться на глаза туземцам. Но если ехать только двенадцать часов из двадцати четырех, продолжительность путешествия возрастет вдвое. Тогда Дику пришла на ум счастливая мысль: замаскировать пирогу навесом из травы. Этот навес опирался на длинные шесты, выступавшие впереди носа и позади кормы. Трава, свисая до самой воды, скрывала даже кормовое весло. Замаскированная пирога казалась обыкновенным пловучим островком. Она могла плыть и днем, не привлекая ничьего внимания. Навес над пирогой обманывал даже птиц — красноклювых чаек, «архингов» с черным оперением, белых и серых зимородков, — они садились на него, чтобы поклевать зернышек.

Зеленый навес не только маскировал пирогу, но и защищал пассажиров от палящего солнца. Такое плавание не было очень утомительным, но оно все же было опасным.

Путь до океана предстоял долгий, и на всем его протяжении нужно было добывать пропитание для пяти человек. Надо было охотиться на берегах реки, так как одна рыбная ловля не могла прокормить беглецов. А между тем Дик Сэнд располагал только одним

[1] Камерон часто упоминает о пловучих островах. *(Прим. автора)*

ружьем, которое унес с собой во время бегства Геркулес, и очень небольшим запасом зарядов; каждый патрон был на счету. Но Дик не хотел тратить зря ни одного выстрела. Быть может, укрываясь в лодке под навесом и высунув дуло ружья, удастся стрелять более метко, как охотнику, притаившемуся в засаде.

Пирога плыла по течению со скоростью не менее двух миль в час. Дик Сэнд полагал, что за сутки она пройдет около пятидесяти миль. Но быстрое течение требовало от рулевого неустанной бдительности, чтобы огибать препятствия: подводные камни, мели и стволы деревьев. К тому же такая стремительность течения наводила на мысль, что впереди могли оказаться пороги и водопады, весьма часто встречающиеся на африканских реках.

Дик Сэнд, которому радость свидания вернула силы, принял на себя командование и занял место на носу пироги. Сквозь щели в травяном навесе он следил за фарватером реки и успевал давать указания Геркулесу, управлявшему кормовым веслом.

Миссис Уэлдон лежала на подстилке из сухих листьев посреди пироги. Кузен Бенедикт, хмурый и недовольный, сидел у борта, скрестив на груди руки. Временами он машинально подносил руку к переносице, чтобы поднять на лоб очки... которых у него не было. Он с грустью вспоминал драгоценную коллекцию и энтомологические заметки, оставшиеся в Казонде. Разве поймут дикари, какое сокровище досталось им! Когда взгляд его случайно останавливался на Геркулесе, ученый недовольно морщился, ибо до сих пор не мог простить великану, что тот осмелился помешать ему преследовать мантикору.

Маленький Джек понимал, что шуметь нельзя, но так как никто не запрещал ему двигаться, он, подражая своему другу Динго, ползал на четвереньках по всей пироге.

В продолжение двух первых дней плавания путешественники питались теми запасами, какие Геркулес собрал перед отъездом. Дик Сэнд только по ночам останавливал пирогу, чтобы дать себе несколько часов отдыха. Но он не высаживался на берег: Дик не хотел

рисковать без нужды и твердо решил выходить на сушу лишь в тех случаях, когда необходимо будет пополнить запас провизии.

Пока что плавание по течению неизвестной реки не ознаменовалось никакими происшествиями. Ширина реки в среднем не превышала ста пятидесяти футов. По течению двигалось несколько пловучих островков, но, так как плыли они с той же скоростью, что и пирога, можно было не опасаться столкновений, если только их не остановит какая-нибудь преграда.

Берега казались безлюдными: эта часть территории Казонде, очевидно, была мало населена. Пирога плыла среди двух рядов зарослей, где, блистая яркими красками, теснились ласточник, шпажник, лилии, ломонос, бальзаминовые и зонтичные растения, алоэ, древовидные папоротники, благоухающие кустарники — несравненная по красоте кайма. Иногда опушка леса подступала к самой реке. Вода омывала копаловые деревья, акации с жесткой листвой, «железные деревья» — баугинии, у которых ствол с северной, наветренной стороны, словно мехом, оброс лишайниками; смоковницы, которые, как манговые деревья, поднимались на воздушных корнях, похожих на сваи, и много других великолепных деревьев склонялись над рекой. Деревья-исполины, вздымающиеся вверх на сто футов, переплетаясь ветвями, покрывали реку сводом, непроницаемым для солнечных лучей. Кое-где лианы перекидывали с берега на берег свои стебли, образуя висячие мосты. Двадцать седьмого июня путешественники увидели, как по такому мостику переправлялась стая обезьян. Животные, сцепившись хвостами, образовали живую цепь на случай, если мост не выдержит их тяжести. Зрелище это привело в восторг маленького Джека.

Обезьяны принадлежали к породе маленьких шимпанзе, которых в Центральной Африке называют «соко», и отличались довольно противной мордой: низкий лоб, светложелтые щеки, высоко поставленные уши. Они живут стаями по десятку, лают, как собаки, и внушают страх туземцам, потому что, случается, похищают детей, царапают и кусают их. Проходя по

мостику из лиан, они и не подозревали, что под кучей трав, гонимой течением, находится маленький мальчик, из которого они сделали бы для себя забаву. Значит, маскировка, придуманная Диком Сэндом, была хорошо сделана, если даже эти зоркие животные были введены в заблуждение.

В тот же день под вечер пирога внезапно остановилась.

— Что случилось? — спросил Геркулес, бессменно стоявший у рулевого весла.

— Запруда, — ответил Дик Сэнд. — Но запруда естественная.

— Разрушим ее, Дик? — спросил Геркулес.

— Да, Геркулес. Придется действовать топором. Запруда, очевидно, крепкая — на нее наткнулось несколько пловучих островков, и она устояла.

— Что ж, за дело, капитан! — сказал Геркулес, переходя на нос пироги.

Запруду образовала трава «тикатика», гибкие стебли которой и длинные глянцевитые листья, переплетаясь, спрессовываются в плотную массу, похожую на войлок. По такому сплетению трав можно переправиться через реку, как по мосту, если не бояться увязнуть по колено в этом травяном настиле. Поразительной красоты лотосы цвели на поверхности этой запруды.

Уже стемнело, и Геркулес без риска мог выбраться из лодки. Ловко орудуя топором, он менее чем за два часа перерубил посередине сплетение трав. Запруда распалась, течение медленно отнесло к берегам обе ее части, и пирога снова поплыла вниз по реке.

Следует ли об этом говорить? Большой ребенок, кузен Бенедикт сначала надеялся, что Геркулесу не удастся одолеть преграду и лодка застрянет. Плавание по реке казалось ученому нестерпимо скучным. Он с сожалением вспоминал факторию Альвеца, свою хижину и драгоценную жестяную коробку с коллекциями. Он был так несчастен, что всем стало жалко его. В самом деле, ни одного насекомого! Ни единого!

Какова же была радость кузена Бенедикта, когда Геркулес, которого он считал своим «учеником», принес ему какое-то безобразное насекомое, найденное в за-

пруде на стебле «тикатика». Странное дело: Геркулес, казалось, был чем-то смущен, передавая свой подарок ученому.

Кузен Бенедикт осторожно зажал насекомое между большим и указательным пальцами и поднес его к самым глазам, с тоской вспомнив о лупе и очках, — как бы они ему пригодились сейчас!

Вдруг ученый взволнованно крикнул:

— Геркулес! Геркулес! Ты заслужил полное прощение. Кузина Уэлдон! Дик! Это единственное в своем роде насекомое и к тому же, несомненно, африканское! Уж этого-то никто не посмеет отрицать.

— Значит, это действительно ценная находка? — спросила миссис Уэлдон.

— Вы сомневаетесь в этом?! — вскричал кузен Бенедикт. — Насекомое, которое нельзя отнести ни к жесткокрылым, ни к сетчатокрылым, ни к перепончатокрылым!.. Насекомое, которое не принадлежит ни к одному из десяти известных науке отрядов... Пожалуй, можно было бы отнести его к группе паукообразных!.. Насекомое, очень похожее на паука! Насекомое, которое было бы пауком, если бы у него было восемь лапок, и которое все-таки остается насекомым, так как у него только шесть лапок. Ах, друзья мои, мог ли я ждать такого счастья?! Несомненно, мое имя войдет в науку! Это насекомое мое будет названо «Hexapodes Benedictus» [1].

Радость ученого была так велика, что, оседлав своего любимого конька, он совершенно забыл о всех перенесенных и еще предстоящих испытаниях. Миссис Уэлдон и Дик от души поздравили его с находкой.

Между тем пирога продолжала плыть по темной реке. Ночную тишину нарушали только возня гиппопотамов и шуршание крокодилов, ползавших по берегу.

Над верхушками деревьев взошла полная луна. Мягкий свет ее проник сквозь щели в навесе и озарил внутренность пироги.

Вдруг на правом берегу послышался какой-то глухой шум, как будто в темноте заработало одновременно

[1] «Шестиног Бенедикта» *(лат.)*.

несколько насосов. Это большое стадо слонов, досыта наевшись за день волокнистых стеблей растений, перед сном пришло на водопой. Хоботы их поднимались и опускались с равномерностью механизма. Казалось, громадные животные намерены были осушить всю реку.

ГЛАВА ВОСЕМНАДЦАТАЯ

Разные события

Следующие восемь дней пирога продолжала спускаться по течению. Ничего примечательного за эти дни не произошло. На протяжении многих миль река протекала среди великолепных лесов. Затем леса кончились, и вдоль обоих берегов потянулись нескончаемые джунгли.

И эта местность также казалась безлюдной. Дик Сэнд, разумеется, нисколько не был этим огорчен. Зато кругом было великое множество животных. По берегам проносились зебры, из зарослей выходили лоси и очень грациозные антилопы «камы». Вечером эти мирные животные исчезали, уступая место леопардам и львам, оглашавшим воздух грозным рычаньем и ревом. Однако беглецы до сих пор не имели столкновений ни с речными, ни с лесными хищниками.

Каждый день, чаще всего в послеобеденные часы, Дик направлял пирогу к тому или другому берегу, причаливал и высаживался на землю.

Маленькому отряду приходилось возобновлять запасы продовольствия. В этих диких местах нельзя было рассчитывать ни на фрукты, ни на маниоку, ни на сорго, ни на маис, которые составляют главную пищу туземцев. Вернее, все это росло здесь, но в диком виде, и было непригодно для еды. Дик Сэнд вынужден был охотиться, хотя звуки выстрелов могли привлечь внимание туземцев.

Путешественники добывали огонь, вращая с большой скоростью деревянную палочку в углублении, сделанном в сухой ветви смоковницы. Этот способ они

заимствовали у дикарей; говорят, однако, что таким же способом добывают огонь и некоторые гориллы. На костре жарили мясо антилопы или лося, заготовляя пищу впрок, сразу на несколько дней.

Четвертого июля Дику удалось одним выстрелом уложить на месте каму, которая дала им изрядный запас мяса. Это было животное длиною в пять футов, с большими, загнутыми назад рогами, с рыжеватой шерстью, усеянной блестящими пятнышками, и белым брюхом. Мясо его все беглецы признали превосходным.

Из-за ежедневных остановок для ночного отдыха и охоты пирога к восьмому июля прошла в общей сложности лишь около ста миль. Однако проехать в Центральной Африке сто миль — дело немалое. Дик уже начинал задумываться, куда заведет их эта река, казавшаяся бесконечно длинной. До сих пор она вобрала в себя лишь несколько мелких притоков, и незаметно было, чтобы она сколько-нибудь расширилась. Сначала река текла прямо на север, но теперь она повернула на северо-запад.

Река тоже доставляла путникам свою долю пищи. Вместо удочек они забрасывали длинную лиану, а вместо крючка привязывали на конце лианы колючку. Так они ловили санджику — мелкую рыбешку, очень нежную на вкус, которая долго сохраняется в копченом виде, довольно вкусных черных «узаков», «монндесов», с крупной головой и жесткой щетиной вместо зубов, маленьких «дагала», любящих проточную воду и принадлежащих к породе сельдей, — они напоминают уклеек, которые ловятся в Темзе.

Девятого июля днем мужество Дика Сэнда подверглось новому испытанию. Юноша был один на берегу. Он подстерегал каму, рога которой виднелись над зарослью кустарника. Как только он выстрелил, откуда ни возьмись, в тридцати шагах от него, выскочил другой и очень страшный охотник. Он явился за своей добычей и, видимо, не собирался ее уступать.

Это был огромный лев, по меньшей мере пяти футов ростом, из той породы, которую туземцы называют «карамо», — они совсем не похожи на так называемых «ньясских львов», лишенных гривы. Одним прыжком

лев очутился возле камы, подстреленной Диком Сэндом. С жалобным криком бедное животное судорожно забилось под когтистыми лапами грозного хищника.

Ружье Дика Сэнда было разряжено. Прежде чем юноша успел заложить новый заряд, лев заметил его.

У Дика хватило самообладания остановиться на месте, не делая ни малейшего движения. Он вспомнил, что в такие моменты полная неподвижность бывает иногда спасительна. Он не пытался ни бежать, ни перезарядить ружье.

Налитые кровью кошачьи глаза льва неотступно следили за ним. Хищник, казалось, не знал, какую добычу предпочесть: ту ли, что билась под его лапой, или ту, что стояла неподвижно. Если бы кама не извивалась под когтями льва, Дику Сэнду пришел бы конец.

Так прошли долгие две минуты. Лев смотрел на Дика Сэнда, а Дик Сэнд смотрел на льва, даже не моргая.

Наконец, лев сделал выбор. Мощным движением он схватил в пасть еще живую, трепещущую каму и унес ее, как собака уносит зайца; Дик видел, как бил по кустам его жесткий хвост, как лев исчез в густой чаще леса.

Из осторожности Дик стоял неподвижно еще несколько секунд, потом вернулся к своим спутникам; он ничего не сказал им об опасности, от которой он спасся благодаря своему хладнокровию. Если бы беглецы не плыли по быстрой реке, а пробирались по равнинам и лесам, где водятся такие хищники, то, быть может, ни одного из потерпевших крушение на «Пилигриме» уже не было бы в живых.

Нигде не было видно людей. Края эти казались необитаемыми. Но не всегда они были такими. В иных местах, где берега были отлогими, попадались следы деревень. Опытные путешественники, не раз посещавшие эту область Африки, как Дэвид Ливингстон, безошибочно угадали бы это. Бросив взгляд на высокие живые изгороди, сохранившиеся дольше соломенных хижин, на одиноко растущую за оградой священную смоковницу, он сразу признал бы, что здесь было когда-то се-

ление. По обычаю многих африканских племен, после смерти вождя жители покидают свою деревню и переселяются на новое место.

Возможно также, что здесь, как и в других областях Центральной Африки, жили племена, которые не строят домов, но селятся в ямах, вырытых в земле. Эти дикари стоят на самой низкой ступени развития человечества, они выходят из своих жилищ только по ночам, как хищники из берлог, и так же, как с хищниками, встреча с ними очень опасна.

Дик Сэнд не сомневался, что жители этих мест людоеды. Раза три-четыре ему попадались на лесных полянах в золе угасшего костра обгоревшие кости человеческого скелета — объедки ужасного пиршества. Случай мог привести этих людоедов на берег реки как раз в то время, когда Дик Сэнд там охотился. Поэтому он высаживался на сушу как можно реже и всякий раз брал с Геркулеса слово, что при малейшей тревоге, не дожидаясь его возвращения, он тотчас же отчалит от берега. Геркулес давал требуемое обещание, но все время, что Дик Сэнд находился на берегу, очень тревожился, и ему стоило больших усилий скрывать свое беспокойство от миссис Уэлдон.

Вечером 10 июля Дику Сэнду и Геркулесу пришлось пережить несколько тяжелых минут. На правом берегу реки вдали показался ряд свайных построек. Река расширялась там, образуя небольшую бухту. В этой бухте виднелись сваи помоста, на котором стояло около тридцати хижин. Течение несло пирогу прямо на сваи, и лодка должна была проплыть между ними. Уклониться в сторону не было возможности, так как у левого берега реки нельзя было пробраться, — там из воды торчали камни.

Деревня была обитаемой. Над тихой рекой разносилось пение, подобное волчьему вою. В нескольких хижинах светились огоньки. Если бы оказалось, как это часто бывает, что дикари протянули сети между сваями, то положение путешественников стало бы критическим: пирога запуталась бы в сетях, а пока бы ее высвобождали, вся деревня поднялась бы на ноги.

Понизив голос до шепота, Дик Сэнд, стоя на носу, подавал команду, лавируя так, чтобы лодка не наткнулась на эти осклизлые столбы. Ночь была светлая. Это облегчало управление пирогой, но и заметить ее было легче в такую ночь.

Настала страшная минута. На помосте, над самой водой, сидели два туземца. Увлекаемая течением, пирога должна была пройти как раз под ними, и нельзя было свернуть в сторону — проход был очень узкий. Туземцы не могли не заметить лодки. Что, если они поднимут тревогу и разбудят все селение?

Всего какая-нибудь сотня футов отделяла пирогу от свай, и вдруг туземцы всполошились и заговорили громко. Один из них вскочил и указал другому на спускающийся по течению «пловучий островок», который грозил изодрать в клочья только что поставленные ими сети из лиан.

Тотчас же оба начали поспешно вытаскивать сети из воды и громкими криками призывали на помощь соплеменников.

Несколько дикарей выбежали из своих хижин и, бросившись на помост, подняли невообразимый крик.

Зато в пироге царила полная тишина, если не считать приказаний, которые шепотом отдавал Дик Сэнд; полная неподвижность, если не считать чуть заметных движений, какими Геркулес управлял рулевым веслом. Маленький Джек сжимал ручонками пасть Динго, чтобы тот не залаял, и пес лишь глухо ворчал; вода с тихим плеском набегала на сваи. А на помосте царила дикая сумятица и раздавались злобные вопли дикарей. Если они успеют убрать свои сети до того, как пирога войдет в проход между сваями, все кончится благополучно. Если нет, — пирога застрянет, и тогда всем ее пассажирам грозит гибель. Ни остановить пирогу, ни изменить направления движения Дик Сэнд не мог: сваи стеснили реку, и она неслась в этом месте с необычайной стремительностью.

Пирога вступила под помост, и как раз в эту секунду — о, счастье! — дикари последним усилием вытащили свои сети из воды. Но тут травяной навес

пироги зацепился за сваю, и вся правая сторона его мгновенно была сорвана.

Один из дикарей громко вскрикнул. Успел ли он разглядеть, что скрывалось под навесом? Предупредил ли он своим криком соплеменников? Это было более чем вероятно.

Но как бы там ни было, но Дик Сэнд и его товарищи находились уже вне пределов досягаемости. Поток мчал их вперед, и скоро огни свайной деревни скрылись из виду.

— Держать к левому берегу! — скомандовал на всякий случай Дик Сэнд. — Подводных камней больше нет!

— Есть держать к левому берегу! — повторил Геркулес и круто повернул пирогу.

Дик Сэнд перешел на корму и, обернувшись назад, стал пристально вглядываться в освещенную луной поверхность воды. Однако ничего подозрительного он не заметил. Ни одна лодка не преследовала их. Вероятнее всего, у дикарей не было пирог.

Настал день, а дикари не показывались ни на берегу, ни на реке. Однако из осторожности Дик Сэнд продолжал вести пирогу вдоль левого берега.

В течение следующих четырех дней, с одиннадцатого по четырнадцатое июля, путешественники начали замечать, что вид местности очень изменился. Перед их глазами был теперь не только пустынный край, но самая настоящая пустыня, вроде той пустыни Калахари, которую Ливингстон исследовал во время первого своего путешествия. После радовавших взор плодородных долин в верховьях реки эта голая равнина казалась особенно угрюмой.

А река все тянулась вдаль бесконечной голубой лентой и, по всей видимости, должна была впадать в Атлантический океан.

В этих бесплодных местах нелегко было добывать пропитание для пяти человек. От старых запасов продовольствия не осталось и следа. Рыбная ловля давала мало, охота больше ничего не давала. Антилопы и другие травоядные животные здесь не водились, для них

не нашлось бы никакого корма, а без них и хищникам тут нечего было делать.

Поэтому по ночам уже не слышно было ставшего привычным рычания львов. Ночную тишину нарушали только лягушечьи концерты, которые Камерон сравнивает с шумами, раздающимися на кораблестроительной верфи, когда там конопатят, бурят и заклепывают морские суда,

Плоская, безлесная, выжженная солнцем равнина тянулась по обоим берегам реки вплоть до отдаленных холмов, замыкавших горизонт на востоке и западе. На этой равнине рос только молочайник, но не та его разновидность, из которой добывается мучнистая масса, кассава, а молочайник, дающий лишь негодное в пищу масло.

Дик Сэнд не знал, что и делать с продовольствием, но тут Геркулес напомнил ему, что туземцы употребляют в пищу молодые побеги папоротника и мякоть, содержащуюся в стеблях папируса. Сам Геркулес не раз утолял таким образом свой голод, когда он пробирался по лесам вслед за китандой миссис Уэлдон. К счастью, папоротник и папирус в изобилии росли по берегам реки. Сладкая сердцевина папируса понравилась всем путешественникам, а маленькому Джеку в особенности.

Однако это кушанье не отличалось особо питательными свойствами, и если бы не помощь кузена Бенедикта, путешественникам пришлось бы плохо. Со времени находки «шестинога Бенедикта», которая должна была обессмертить его имя, энтомолог снова обрел бодрость и хорошее расположение духа. Спрятав насекомое в надежное место — в тулью своей шляпы, кузен Бенедикт пользовался каждой стоянкой у берега, чтобы продолжать свои исследования. Однажды, шаря в высокой траве, он спугнул какую-то птичку, заинтересовавшую его своим оперением.

Дик Сэнд хотел было застрелить ее, но ученый закричал·

— Не стреляйте, Дик! Не стреляйте! Все равно одной этой птички не хватит на пять человек.

— Но зато хватит одному Джеку, — возразил Дик Сэнд, вторично прицеливаясь в птичку, которая не спешила улететь.

— Нет! Нет! — воскликнул кузен Бенедикт. — Не стреляйте. Это «наводчица», она укажет нам место, где много меду.

Дик Сэнд опустил ружье — ведь несколько фунтов меду ценнее, чем одна птичка. Вместе с кузеном Бенедиктом он пошел за птичкой, которая, то взлетая, то опускаясь на землю, словно приглашала охотников следовать за собой. Им не пришлось далеко ходить: среди зарослей молочайника они увидели старый дуплистый пень, вокруг которого с жужжанием носились пчелы.

Кузену Бенедикту не хотелось лишать этих перепончатокрылых «плода их трудов», как он выразился. Но Дик держался на этот счет другого мнения. Он зажег охапку сухой травы, выкурил пчел из улья и набрал изрядное количество меда. Затем, предоставив птичке-«наводчице» поживиться пчелиными личинками, составлявшими ее долю добычи, он вместе с кузеном Бенедиктом вернулся к пироге.

Мед встретили с восторгом, но в конце концов этого было мало, и путники очень страдали от голода, пока 12 июля, причалив пирогу к берегу, они не увидели, что вся земля, как ковром, устлана саранчой. Здесь было много миллиардов этих насекомых, которые в два, а местами даже в три слоя покрывали траву и кусты. Кузен Бенедикт сейчас же вспомнил, что туземцы употребляют саранчу в пищу. Путешественники тотчас бросились собирать ее и набрали так много этой «манны небесной», что можно было нагрузить десять лодок. Поджаренная на слабом огне, саранча представляла собой кушанье, которое пришлось бы по вкусу даже менее голодным людям. Правда, кузен Бенедикт вздыхал, но все же ел и, несмотря на свои вздохи, съел немало саранчи.

Где же конец этой длинной веренице физических и нравственных испытаний? Правда, плыть по течению быстрой реки не было так утомительно, как странствовать по лесам в поисках «гациенды» Гэрриса. Но все же палящий зной днем, влажные туманы ночью и не-

престанные нападения москитов вконец измучили их. Да, пора было уже добраться до цели. И, однако, Дик не видел еще конца этому путешествию. Сколько времени еще продлится плавание? Неделю, месяц? Никто не мог подсказать ответа на этот вопрос. Если бы река действительно текла на запад, течение ее принесло бы путешественников прямо к португальским поселениям, расположенным на побережье Анголы. Дик Сэнд надеялся, что так и случится; но река текла скорее к северу, и вполне возможно было, что она еще очень нескоро доставит их к берегу океана.

Дик Сэнд был крайне обеспокоен, как вдруг утром 14 июля направление реки внезапно изменилось. Маленький Джек находился на носу лодки и глядел сквозь травяной навес, — на горизонте показалось большое водное пространство.

— Море! — закричал мальчик.

При этих словах Дик Сэнд встрепенулся и подошел к Джеку.

— Море? — повторил он. — Нет еще, но по крайней мере большая река, она течет на запад, а наша река была только ее притоком. Может быть, это сам Заир?

— Да услышит тебя бог, Дик! — отозвалась миссис Уэлдон.

Да, если это был Заир, или Конго, который Стенли открыл через несколько лет, то оставалось бы только плыть по его течению до самого устья, чтобы достичь португальских поселений, расположенных там. Дик Сэнд надеялся, что так и будет, и у него были основания это думать.

Пятнадцатого, шестнадцатого, семнадцатого и восемнадцатого июля пирога плыла по серебристой поверхности широкой реки. Ее берега уже не были так бесплодны. Но Дик Сэнд продолжал соблюдать осторожность. Попрежнему навес из трав укрывал пирогу, и казалось, что по течению плывет не лодка, а небольшой пловучий островок.

Еще несколько дней — и настанет конец бедствиям пассажиров «Пилигрима»! За это время каждый из них проявил немало самоотверженности и геройства и за-

служивал признательности; если Дик Сэнд не признавал, что его доля была здесь самой большой, то это признавали его друзья, и можно было не сомневаться, что миссис Уэлдон позаботится о нем.

Но 18 июля ночью произошло событие, которое чуть не стоило всем жизни, могло бы гибельно отразиться на всех, лишить их всякой надежды на спасение.

Около трех часов пополуночи вдалеке послышался какой-то глухой шум. Дик встревожился и никак не мог себе уяснить, что производит этот шум. Не желая будить миссис Уэлдон, Джека и кузена Бенедикта, которые спали, лежа под навесом, он вызвал Геркулеса на нос лодки и попросил его хорошенько прислушаться.

Ночь была тихая. В воздухе не ощущалось ни малейшего дуновения.

— Это шум моря! — сказал Геркулес, и глаза его засверкали от радости.

— Нет, — возразил Дик Сэнд, покачав головой, — это не море.

— Что же это? — спросил Геркулес.

— Дождемся утра, узнаем. А пока что будем настороже.

Геркулес вернулся на корму к своему веслу, а Дик Сэнд остался на носу лодки. Он напряженно прислушивался. Шум все усиливался. Вскоре он превратился в отдаленный рев.

День настал сразу, почти без зари. На расстоянии полумили вниз по течению над рекой в воздухе парило нечто вроде облака. Но то не был туман, и Дик Сэнд понял это, когда при первых же лучах солнца, пересекая это облако, с одного берега на другой перекинулась великолепная радуга.

— К берегу! — во весь голос крикнул Дик Сэнд, и голос его разбудил миссис Уэлдон. — Впереди водопад! Это облако не что иное, как водяные брызги! К берегу, Геркулес!

Дик Сэнд не ошибался. Русло реки внезапно обрывалось отвесной стеной высотой в сто футов, и река низвергалась с нее стремительным, величественным водопадом. Еще полмили, и пирога была бы увлечена в пропасть.

ГЛАВА ДЕВЯТНАДЦАТАЯ

«С. В»

Геркулес мощным ударом весла направил лодку к левому берегу. По счастью, скорость течения пока еще не увеличилась, так как русло реки почти до самого водопада сохраняло тот же пологий уклон. Лишь в трехстах — четырехстах футах от водопада дно круто обрывалось, и река с неукротимой силой несла к обрыву свои воды.

На левом берегу темнел густой, девственный лес. Ни один луч света не проникал сквозь сплошную завесу его листвы. Дик Сэнд с ужасом смотрел на эту землю, где жили людоеды; теперь путешественникам предстояло идти пешком вдоль берега, так как нечего было и думать перетащить пирогу волоком, в обход водопада. Это было не по силам маленькому отряду.

Какой жестокий удар для измученных людей, которые надеялись не сегодня-завтра прибыть в португальские поселения, расположенные в устье реки!

Пирога уже подходила к левому берегу. По мере того как она приближалась к земле, Динго проявлял все большее беспокойство.

Дик Сэнд, — он был всегда настороже, ведь опасности грозили со всех сторон, — не спускал глаз с собаки и спрашивал себя: не скрываются ли в чаще леса дикари или хищные звери? Но вскоре он понял, что не это беспокоит Динго.

— Смотрите, Динго как будто плачет! — воскликнул маленький Джек.

И он обвил ручонками шею умного пса.

Но Динго вырвался из объятий мальчика и прыгнул в воду. Прежде чем пирога коснулась берега, он уже успел скрыться в высокой траве.

Дик Сэнд и миссис Уэлдон переглянулись, не зная, что подумать. Через несколько секунд пирога мягко врезалась носом в зеленую толщу водорослей. Вспугнутые приближением людей, с резким криком взлетели в

воздух несколько зимородков и снежно-белых цапель. Геркулес крепко привязал пирогу к стволу склонившейся над водой мангиферы, и все путешественники вышли на берег.

В лесу не было тропинок, и, однако, примятая во многих местах трава свидетельствовала о том, что здесь недавно прошли люди или были звери.

Дик Сэнд с заряженным ружьем и Геркулес с топором пошли впереди отряда. Не прошли они и десяти шагов, как натолкнулись на Динго. Умная собака, опустив нос к земле, с отрывистым лаем бежала по какому-то следу. Что-то непонятное толкнуло ее к берегу и теперь вело вглубь леса. Это было всем ясно.

— Внимание! — сказал Дик Сэнд. — Миссис Уэлдон, возьмите Джека за руку! Господин Бенедикт, не отставайте, пожалуйста! Геркулес, будь наготове!

Динго часто оборачивался и отрывисто лаял, точно просил людей поторопиться. Вскоре он остановился у старой смоковницы.

Под смоковницей ютилась ветхая, покосившаяся набок лачуга. Динго жалобно завыл.

— Эй, кто здесь? — крикнул Дик Сэнд.

Он вошел внутрь хижины.

Миссис Уэлдон и остальные последовали за ним.

На земляном полу были разбросаны побелевшие кости.

— Здесь умер человек! — сказала миссис Уэлдон.

— И Динго знал этого человека! — подхватил Дик Сэнд. — Наверное, это был его хозяин! Глядите, глядите!

Дик Сэнд указал пальцем на ствол смоковницы, заменявший четвертую стену лачуги.

Кора на ней была счищена, и на дереве виднелись две большие полустершиеся красные буквы.

Динго уперся лапами в дерево и как будто указывал на эти буквы путешественникам.

— «С» и «В»! — воскликнул Дик Сэнд. — Две буквы, которые Динго узнает среди всех букв алфавита. Те самые буквы, какие выгравированы на его ошейнике!

Юноша вдруг умолк. Нагнувшись к земле, он поднял лежавшую в углу небольшую, всю позеленевшую медную коробку.

Когда он открыл коробку, из нее выпал клочок бумаги. Дик Сэнд прочел следующее:

«Здесь... в 120 милях от берега океана... 3 декабря 1871 года... меня смертельно ранил и ограбил мой проводник Негоро... Динго!.. ко мне...

С. Вернон».

Записка разъясняла все. Французский путешественник, Самюэль Вернон, отправившийся исследовать Центральную Африку, взял в проводники Негоро. Крупная сумма денег, которую путешественник имел при себе, пробудила алчность негодяя португальца. Он решил завладеть деньгами. Самюэль Вернон, добравшись до берега Конго, остановился в этой хижине. Негоро смертельно ранил его и, ограбив, бежал в португальские владения. Но там Негоро арестовали, как агента работорговца Альвеца; в Сан-Паоло-де-Луанда его судили и приговорили к пожизненному заключению в одной из каторжных тюрем колонии. Дальнейшее известно: он ухитрился бежать с каторги, пробрался в Новую Зеландию и там поступил коком на «Пилигрим», к несчастью тех, кто плыл на этом корабле.

Но что произошло в хижине после преступления? Это нетрудно было угадать. Несчастный Вернон перед смертью успел написать записку, обличавшую убийцу. Он спрятал ее в коробку, где раньше хранил деньги, украденные Негоро. Последним усилием он начертал кровью свои инициалы на дереве. Динго, вероятно, немало дней просидел перед этими двумя буквами и научился распознавать их среди всех других букв алфавита. Наконец, поняв, что хозяин никогда больше не встанет, Динго побрел на берег океана, где его и нашел капитан «Вальдека», и, наконец, попал на «Пилигрим», где он снова встретился с Негоро. А прах путешественника тем временем истлевал в дебрях Африки, и все забыли о погибшем, кроме его верной собаки. Видимо, события происходили именно так, как их представлял

себе Дик Сэнд. Юноша уже собрался было вместе с Геркулесом предать погребению останки несчастного Самюэля Вернона, как вдруг Динго с неистовым лаем выбежал из хижины.

Тотчас же вслед за этим снаружи донесся ужасный крик. Очевидно, Динго напал на кого-то.

Геркулес бросился за ним. Когда Дик Сэнд и все остальные выбежали из хижины, они увидели на земле какого-то человека, который отбивался от вцепившейся ему в горло собаки.

Это был Негоро.

Приближаясь к устью Конго, где он собирался сесть на отправляющийся в Америку пароход, португалец оставил свой эскорт и один пошел к месту, где он убил доверившегося ему Вернона.

Но у него были свои причины вернуться сюда, и все поняли, какие, увидев в свежевырытой яме у подножья смоковницы несколько горстей французских золотых монет. Очевидно, после убийства Самюэля Вернона он закопал в землю украденные деньги, с тем чтобы когда-нибудь вернуться за ними. Но в тот момент, когда португалец собрался воспользоваться плодами своего преступления, Динго вцепился ему в горло. Негоро удалось вытащить из-за пояса нож, и он с силой всадил его в грудь собаки как раз в тот момент, когда Геркулес подбежал к нему с возгласом:

— Ах, негодяй! Наконец-то я могу удавить тебя собственными своими руками!

Но вмешательства Геркулеса не понадобилось: небесное правосудие покарало преступника в том месте, где он совершил злодеяние. Динго, истекая кровью, из последних сил сжал челюсти — и португалец перестал дышать; затем верный пес ползком добрался до того места, где был убит Самюэль Вернон, и там умер.

Геркулес закопал в землю останки путешественника, и в той же могиле похоронили оплакиваемого всеми Динго.

Негоро не было больше в живых. Но туземцы, сопровождавшие его от Казонде, должны были находиться где-то неподалеку. Видя, что португалец не возвращается, эти люди, несомненно, отправятся искать

его по берегу реки. Это была серьезная опасность для путешественников.

Дик Сэнд и миссис Уэлдон посовещались о том, что делать дальше. Действовать нужно было немедленно, не теряя ни минуты. Для всех стало ясно, что большая река, к которой они приблизились, была именно Конго, которую туземцы называют Коанго, или Икуто-йя-Конго; под одной широтой ее именуют также Заиром, под другой — Луалабой. Это была та самая великая артерия Центральной Африки, которой герой Стенли присвоил славное имя «Ливингстон», но географам, быть может, следовало бы заменить это имя именем самого Стенли.

Но если не оставалось никаких сомнений, что это Конго, то в записке, оставленной Самюэлем Верноном, было указано, что устье реки находится на расстоянии ста двадцати миль от этого места. К несчастью, дальше нельзя было передвигаться по воде — никакая лодка не прошла бы через водопад, — вероятно, это были водопады Нгама. Надо было пройти пешком по берегу милю или две и, миновав водопад, построить плот и снова пуститься вниз по течению.

— Остается решить, — сказал Дик Сэнд, — по какому берегу мы пойдем: по левому, где мы сейчас находимся, или по правому. И тот и другой небезопасны, миссис Уэлдон, — приходится остерегаться туземцев. Но все-таки мне кажется, что нам лучше было бы переправиться на другой берег. Там по крайней мере нам не грозит встреча с эскортом Негоро.

— Хорошо, переправимся на правый берег, — сказала миссис Уэлдон.

— Но есть ли там дороги? — продолжал рассуждать вслух Дик Сэнд. — Негоро пришел по левому берегу, — надо полагать, что это более удобное сообщение с устьем реки. Впрочем, я проверю. Прежде чем мы все вместе переправимся на правый берег, я пойду один на разведку. Надо узнать, можно ли спуститься по реке ниже водопада.

И Дик Сэнд сразу же отправился в путь.

Ширина реки в том месте, где стояла хижина француза исследователя, не превышала четырехсот футов, и

юноша, отлично умевший править кормовым веслом, без труда мог переплыть реку. Миссис Уэлдон, Джек и кузен Бенедикт до возвращения Дика Сэнда должны были остаться на левом берегу под охраной Геркулеса.

Дик уже сел в пирогу и собирался оттолкнуться от берега, когда миссис Уэлдон сказала ему:

— Ты не боишься, Дик, что течение затянет тебя в водопад?

— Нет, миссис Уэлдон. До водопада еще футов четыреста.

— А на том берегу?..

— Я не высажусь, если замечу какую-нибудь опасность.

— Возьми с собой ружье.

— Хорошо. Но, пожалуйста, не беспокойтесь обо мне.

— А все-таки лучше было бы нам не разлучаться, Дик, — добавила миссис Уэлдон, как будто ее томило предчувствие беды.

— Нет, миссис Уэлдон. . Я должен поехать один, — твердо ответил Дик Сэнд. — Это необходимо для общей безопасности. Меньше чем через час я вернусь. Смотри в оба, Геркулес!

С этими словами Дик отчалил и направил лодку к другому берегу.

Миссис Уэлдон и Геркулес, притаившись среди зарослей папируса, не спускали с него глаз.

Дик Сэнд скоро достиг середины реки. Течение здесь было не очень сильное, зато в четырехстах футах от этого места вода с диким грохотом низвергалась со скалы, и водяные брызги, подхваченные западным ветром, долетали до пироги, где сидел Дик Сэнд. Юноша содрогнулся при мысли, что если бы он уснул прошлой ночью, то пирога неминуемо попала бы в водопад, который выбросил бы на прибрежные камни лишь пять изуродованных трупов. Но сейчас такой опасности не было: пирога пересекала реку почти по прямой, для этого достаточно было искусно править кормовым веслом.

Через четверть часа Дик добрался до правого берега Заира Но не успел он ступить на землю, как раздался оглушительный крик, и человек десять дикарей бросились к пироге, которую еще прикрывала куча травы.

Это были дикари-людоеды из свайной деревни. В продолжение восьми дней они крались следом за путешественниками по правому берегу реки. Когда лодка проплывала между сваями и с нее сорвало травяной покров, они увидели, что на мнимом пловучем островке скрываются люди, и пустились в погоню. Они были уверены, что добыча не уйдет от них, так как водопад преграждал течение реки. Беглецам все равно пришлось бы высадиться на берег.

Дик Сэнд понял, что для него нет спасения. Но он спрашивал себя, — не может ли он, пожертвовав своей жизнью, спасти спутников? Не теряя самообладания, юноша совершенно спокойно стоял на носу пироги Наставив на дикарей ружье, он не подпускал их к себе

Между тем дикари уже успели содрать с пироги защитный навес. Увидев только одного человека там, где они рассчитывали найти много жертв, они яростно завыли Пятнадцатилетний мальчик на десятерых! Но тут один из туземцев поднялся, протянул руку к левому берегу и указал на миссис Уэлдон и ее спутников, которые все видели и, не зная, что предпринять, вышли из-под прикрытия зарослей папируса. Оставив всякую заботу о себе самом, Дик молил небо вдохновить его на действия, спасительные для его сотоварищей.

Дикари забрались на корму пироги и оттолкнули ее от берега. Ружье в руках Дика все еще удерживало их от нападения, — очевидно, они знали, чем грозит огнестрельное оружие. Один из дикарей, взяв кормовое весло, умело направил пирогу поперек течения. Вскоре она уже была в ста футах от левого берега.

— Бегите! — крикнул Дик Сэнд миссис Уэлдон. — Бегите!

Ни миссис Уэлдон, ни Геркулес не пошевельнулись, как будто у них отнялись ноги.

Бежать? Зачем? Не пройдет и часа, как все равно их догонят и они попадут в руки людоедов.

Дик Сэнд понял это. И в эту минуту его осенила мысль, о которой он просил небо: он нашел способ спасти тех, кого любил, спасти ценою собственной жизни. И он без колебаний сделал это.

— Господи, защити их! — прошептал он. — И по бесконечной милости своей сжалься надо мной!

Опустив ружье, он прицелился и выстрелил. Кормовое весло, расщепленное пулей, переломилось пополам.

У людоедов вырвался крик ужаса. В самом деле, пирога, уже никем не управляемая, поплыла по течению, прямо к водопаду. Она неслась все быстрее, и через несколько мгновений уже не более ста футов отделяло ее от ревущей и грохочущей бездны.

Миссис Уэлдон и Геркулес все поняли. Дик Сэнд, чтобы спасти своих спутников, решил увлечь лодку в пучину водопада — дикари погибнут, но и он погибнет с ними. Маленький Джек и его мать, стоя на коленях, посылали Дику Сэнду последнее прости, Геркулес в бессильном отчаянии простирал к нему руки...

В эту минуту дикари бросились за борт, очевидно надеясь вплавь добраться до левого берега; лодка перевернулась от толчка.

Дик Сэнд не потерял хладнокровия и перед лицом угрожающей ему смерти. Ему пришла в голову мысль, что лодка, именно потому, что она плыла килем вверх, может оказаться для него средством спасения.

Двойная опасность могла угрожать Дику Сэнду в те мгновения, когда он будет подхвачен водопадом· захлебнуться в воде, задохнуться в вихре водяной пыли. А перевернутый корпус лодки был как бы ящиком, в котором ему, может быть, удастся укрыть голову от воды и в то же время заслониться от воздушного вихря, в котором он, несомненно, задохнулся бы при быстром падении. При таком заслоне у каждого человека, пожалуй, был бы некоторый шанс спастись от двойной опасности задохнуться, даже если бы он спускался по водопаду Ниагаре!

Все это молнией мелькнуло в голове Дика Сэнда. Последним инстинктивным движением он уцепился за скамью, которая соединяла оба борта лодки, и, укрыв

голову под опрокинутым корпусом лодки, почувствовал, как поток с непреодолимой силой уносит его и как он почти по отвесной линии падает вниз...

Пирога погрузилась в кипящую пучину у подножья водопада, завертелась в глубине и затем снова всплыла на поверхность реки. Дик Сэнд, отличный пловец, понял, что спасение зависит теперь от силы его рук...

Через четверть часа борьбы с течением он выбрался на левый берег и там увидел миссис Уэлдон, Джека и кузена Бенедикта, которых поспешно привел туда Геркулес.

Но дикари погибли в бурлящем водовороте; ничем не защищенные во время падения, они задохнулись еще прежде, чем достигли дна пропасти. Бешеный поток швырнул их трупы на острые скалы...

ГЛАВА ДВАДЦАТАЯ

Заключение

Через два дня, 20 июля, миссис Уэлдон и ее спутники встретили караван, направлявшийся в Эмбому, в устье Конго. Это были не работорговцы, а честные португальские купцы, которые везли в Европу слоновую кость. Беглецам был оказан превосходный прием, и последний участок пути не доставил им особых тягот.

Встреча с этим караваном поистине была милостью небес. Дик Сэнд напрасно надеялся спуститься на плоту к устью реки. Следуя от Нгамы до Иеллалы, Стенли насчитал на этой реке семьдесят два водопада. Никакая лодка не могла бы здесь проскользнуть. В устье Конго неустрашимому путешественнику четыре года спустя пришлось выдержать последний из тридцати двух боев, которые он вел с туземцами. А ниже он попал в водопад Мбело и только чудом спасся от смерти.

Одиннадцатого августа миссис Уэлдон, Джек, Дик Сэнд, Геркулес и кузен Бенедикт прибыли в Эмбому,

где их ожидала самая сердечная встреча. Здесь они застали американский пароход, отправлявшийся к Панамскому перешейку. Миссис Уэлдон и ее спутники сели на этот пароход и благополучно прибыли в Америку.

Телеграмма, отправленная в тот же день в Сан-Франциско, уведомила Джемса Уэлдона о неожиданном возвращении на родину его жены и ребенка, следы которых он тщетно разыскивал повсюду, где, по его предположениям, мог быть выброшен на берег «Пилигрим».

Наконец, 25 августа путешественники приехали по железной дороге в главный город Калифорнии. О, если бы Том и его товарищи были с ними!..

Что сказать о дальнейшей судьбе Дика Сэнда и Геркулеса? Первый стал сыном, второй — другом семейства Уэлдон. Джемс Уэлдон сознавал, что он всем обязан юноше-капитану и отважному негру Геркулесу. Хорошо, что Негоро не успел побывать в Сан-Франциско. Разумеется, мистер Уэлдон не пожалел бы всего своего состояния, чтобы выкупить из плена жену и сына. Он помчался бы к берегам Африки, — но кто знает, каким опасностям он подвергся бы там, жертвой какого коварства стал, вернулся ли бы он оттуда целым и невредимым?..

Скажем несколько слов о кузене Бенедикте. В день приезда в Сан-Франциско, наспех пожав руку Джемсу Уэлдону, он заперся в своем кабинете. Кузену Бенедикту не терпелось приняться за писание гигантского труда о «шестиноге Бенедикта» — «Hexapodes Benedictus», — труда, который должен был совершить переворот в энтомологической науке.

В своем кабинете, загроможденном коллекциями насекомых, он первым делом разыскал очки и лупу... Но какой вопль отчаяния вырвался из груди ученого, когда он, вооружившись этими оптическими приборами, впервые хорошенько рассмотрел единственного представителя африканских насекомых, вывезенного им из путешествия!

«Шестиног Бенедикта» оказался совсем не шестиногим! Это был обыкновенный паук! И если у него

было шесть ног вместо восьми, то это означало только, что двух передних ног у него недоставало. А недоставало их потому, что Геркулес неосторожно сборвал их, когда ловил паука. Таким образом, мнимый «Hexapodes Benedictus» не представлял никакой ценности с научной точки зрения. Это был обыкновенный паучок, каких много, да к тому — еще инвалид! А заметить это раньше помешала энтомологу его близорукость. Кузен Бенедикт не перенес такого удара; он серьезно заболел, но, к счастью, его удалось вылечить.

Через три года маленькому Джеку исполнилось восемь лет. Он уже начал учиться, и Дик Сэнд помогал ему готовить уроки, урывая время от собственных занятий. Тотчас же по возвращении в Сан-Франциско Дик Сэнд принялся за учение с рвением человека, которого терзают угрызения совести: он не мог себе простить, что по недостатку знаний не мог как следует справиться со своими обязанностями на корабле.

«Да, — говорил он себе, — если бы на борту «Пилигрима» я знал все то, что должен знать настоящий моряк, скольких несчастий можно было бы избежать!»

Так говорил Дик Сэнд. И в восемнадцать лет он с отличием окончил гидрографические курсы и, получив диплом, готовился вступить в командование одним из кораблей Джемса Уэлдона.

Вот чего достиг благодаря своему поведению, своему труду маленький сирота, подобранный на краю песчаной косы Сэнди-Хук. Несмотря на свою молодость, он пользовался всеобщим уважением, можно даже сказать, почетом; но по скромности своей он и не подозревал этого. Ему и на мысль не приходило, что решительность, мужество, твердость, проявленные им во всех испытаниях, сделали из него своего рода героя, хотя он и не прославился блестящими подвигами.

И все же одна горькая мысль преследовала его.

В редкие минуты досуга, которые ему оставляли занятия, он всегда думал о старом Томе, Бате, Актеоне и Остине. Он считал себя ответственным за их несчастья. Миссис Уэлдон также не могла без грусти вспоминать о бедственном положении своих бывших спутников. Джемс Уэлдон, Дик Сэнд и Геркулес готовы

были перевернуть небо и землю, чтобы разыскать их. Наконец, благодаря широким связям Джемса Уэлдона в коммерческом мире удалось разыскать их следы: Том и его спутники нашлись на Мадагаскаре, где, кстати сказать, рабство в скором времени было уничтожено. Дик Сэнд хотел отдать свои небольшие сбережения, чтобы выкупить их, но Джемс Уэлдон и слышать не хотел об этом. Один из его агентов совершил эту сделку, и 15 ноября 1877 года четыре негра постучались в двери дома Джемса Уэлдона. То были Том, Бат, Остин и Актеон. Этих славных людей, избавившихся от стольких опасностей, едва не задушили в дружеских объятиях.

И тем, кого «Пилигрим» забросил на гибельный берег Африки, недоставало только бедной Нан. Но старую служанку нельзя было вернуть к жизни, так же как и Динго. И, конечно, это чудо, что только они двое погибли при таких жестоких испытаниях.

Само собой разумеется, что в день приезда четырех негров в доме калифорнийского купца Джемса Уэлдона был пир, и лучший тост, встреченный всеобщим одобрением, провозгласила миссис Уэлдон в честь Дика Сэнда, «пятнадцатилетнего капитана».

ПЯТЬСОТ МИЛЛИОНОВ БЕГУМЫ

Перевод М. П. Богословской
под редакцией О. В. Волкова

ГЛАВА ПЕРВАЯ

Мы знакомимся с мистером Шарпом

— А хорошо работают английские газеты! — воскликнул доктор, откидываясь на спинку глубокого кожаного кресла.

У доктора вошло в привычку разговаривать с самим собой, это было для него своего рода отдыхом.

Доктору Саразену минуло пятьдесят лет. Его ясные живые глаза на тонко очерченном лице серьезно и в то же время приветливо смотрели из-за очков в стальной оправе. Всякому, увидавшему это лицо, невольно хотелось сказать: какой хороший человек!

Несмотря на ранний час, доктор уже был во фраке с белым галстуком, и щеки его были гладко выбриты.

В комнате, где он сидел, в большом номере гостиницы в Брайтоне, всюду были разбросаны газеты: «Таймс», «Дейли телеграф», «Дейли ньюс» лежали на столе, на креслах и даже на полу, на ковре. Часы только что пробили десять, а доктор уже успел осмотреть город, побывать в больнице и, возвратившись к себе в номер, прочесть в нескольких крупных лондонских газетах подробный отчет о своем докладе, с которым он два дня тому назад выступал на международном гигиеническом конгрессе. Темой этого доклада было его изобретение — камера для счета кровяных телец.

Перед доктором на подносе, покрытом белой салфеткой, дымилась чашка горячего чая, а рядом на

тарелке лежала только что снятая со сковородки котлетка и поджаренные гренки, которые с таким искусством приготовляют английские стряпухи из специальных маленьких хлебцев, выпекаемых английскими булочниками.

— Да, — повторил доктор Саразен, — газеты Великобритании работают превосходно, ничего не скажешь. Речь вице-президента, ответ доктора Чиконья из Неаполя, изложение моего доклада — все схвачено на лету, прямо-таки сфотографировано. Вот оно: «Слово предоставляется доктору Саразену из Дуэ. Уважаемый член конгресса делает свой доклад на французском языке. Прежде чем приступить к докладу, он обращается к аудитории со следующими словами: «Прошу извинения у моих слушателей за то, что я разрешаю себе эту вольность, но вам, вне всяких сомнений, будет легче понять мой язык, чем мне изъясняться по-английски » И дальше пять столбцов петитом — изложение моего доклада. Трудно сказать, какой отчет лучше: «Таймса» или «Дейли телеграф». Точность и четкость удивительные!

В то время как доктор предавался этим размышлениям, в дверь постучали, и на пороге появился старший коридорный, который в своем безупречном черном фраке выглядел по меньшей мере церемониймейстером. Он осведомился, можно ли видеть «монсью», и подал ему визитную карточку. Англичане полагают своим долгом величать французов «монсью», так же как у них считается правилом вежливости называть всякого итальянца «синьор», а немца «герр». Возможно, они и правы, так как эта условность имеет одно несомненное преимущество: сразу определяет национальность данного лица.

Доктор Саразен, крайне удивленный, что в этом городе, где у него не было ни души знакомых, кто-то явился к нему с визитом, взял с подноса визитную карточку и с еще большим удивлением прочел на ней следующее:

«*Мистер ШАРП* — стряпчий.

93, Саутгемптон-роу, Лондон».

Он знал, что стряпчий соответствует французскому «поверенному», или, вернее, профессиональному законнику смешанного типа, представляющему собой нечто среднее между поверенным, нотариусом и адвокатом

«Какого черта надо от меня этому господину Шарпу? — подумал доктор Саразен. — Может, я, сам того не зная, уже впутался в какое-нибудь грязное дело?»

— Вы уверены, что это ко мне? — спросил он.

— О да, монсью, именно.

— Ну что ж, просите.

Церемониймейстер распахнул дверь и пропустил в комнату весьма странного субъекта, которого доктор с первого взгляда мысленно окрестил «мертвой головой». Это был еще не старый человек с маленькими серыми, пронизывающими насквозь глазками, с тонкими, словно высохшими губами, которые, раздвигаясь, обнажали ряд длинных белых зубов; впалые щеки, обтянутые пергаментной кожей, и землисто-серый цвет лица придавали ему сходство с египетской мумией, и все вместе взятое как нельзя более соответствовало определению доктора. Его тощая фигура с головы до пят исчезала под широким клетчатым, похожим на балахон пальто. В руке он держал дорожный саквояж из лакированной кожи.

Войдя в комнату, он быстро поклонился, поставил на пол свой саквояж и цилиндр и, усевшись без приглашения, отрекомендовался:

— Уильям-Генрих Шарп младший, компаньон фирмы «Биллоус, Грин, Шарп и К°». Я имею честь видеть доктора Саразена?

— Да, сударь.

— Франсуа Саразен, не так ли?

— Вот именно.

— Из Дуэ?

— Да, я живу в Дуэ.

— Отца вашего звали Исидор Саразен?

— Совершенно верно.

— Итак, его звали Исидор Саразен..

Мистер Шарп вынул из кармана записную книжку, заглянул в нее и продолжал:

— Исидор Саразен умер в тысяча восемьсот пятьдесят седьмом году в Париже на улице Таран шестого округа, в доме пятьдесят четыре, в здании, где помещалась школа, которое ныне снесено.

— Все это так, — сказал доктор, все более удивляясь, — но не объясните ли вы мне...

— Мать его была Жюли Ланжеволь, — невозмутимо продолжал Шарп, — родом из Бар-ле-Дюк, дочь Бенедикта Ланжеволь, проживавшего в тупике Лориоль и, как значится по книге гражданских актов вышеупомянутого городка, скончавшегося в тысяча восемьсот двенадцатом году. Эти книги записей — в высшей степени драгоценное установление, мосье, поистине драгоценное. Гм... гм... у Жюли Ланжеволь был брат Жан-Жак Ланжеволь, тамбур-мажор тридцать шестого артиллерийского полка.

— Признаюсь вам, — перебил доктор Саразен, изумленный глубоким знанием его генеалогии, — вы, повидимому, лучше меня осведомлены обо всех этих подробностях. Действительно, фамилия моей бабушки была Ланжеволь, но это все, что я о ней знаю.

— В тысяча восемьсот седьмом году она покинула город Бар-ле-Дюк с вашим дедом Жаном Саразеном, с которым она в тысяча семьсот девяносто девятом году вступила в брак. Они обосновались в городе Мелоне и открыли там скобяную торговлю. Здесь они жили до тысяча восемьсот одиннадцатого года, года смерти Жюли Ланжеволь, по мужу Саразен. От их брака был всего один ребенок — Исидор Саразен, ваш отец. Здесь генеалогическая нить прерывается, и у нас имеется только дата смерти вашего отца. Эту дату нам удалось установить в Париже.

— Я могу помочь вам связать концы, — сказал доктор, невольно воодушевляясь этой поистине математической точностью. — Мой дед поселился в Париже, чтобы дать образование своему сыну, избравшему себе профессию врача. Он умер в тысяча восемьсот тридцать втором году, в городке Палезо, близ Версаля, где практиковал мой отец и где я сам появился на свет в тысяча восемьсот двадцать втором году.

— Вот вас-то я и ищу! — воскликнул мистер Шарп. — У вас нет ни братьев, ни сестер?

— Нет, я был единственным ребенком, и моя мать умерла, когда мне было всего два года. Но разрешите узнать, сударь...

Мистер Шарп торжественно поднялся со своего кресла.

— Сэр Бриа Иовагир, баронет Моторонага, — сказал он, произнося это имя с тем уважением, какое чувствуют англичане ко всякому титулу, — я счастлив, что разыскал вас и что я первый могу засвидетельствовать вам мое почтение.

«Повидимому, это какой-то сумасшедший, — подумал доктор. — Явление, весьма распространенное среди таких экземпляров типа «мертвой головы».

Поверенный прочел этот диагноз в глазах своего собеседника.

— Я отнюдь не сумасшедший, — спокойно ответил он. — Разрешите сообщить вам, что вы в настоящее время являетесь единственным бесспорным наследником титула баронета, пожалованного по представлению генерал-губернатора Бенгальской провинции Жан-Жаку Ланжеволю, принявшему в тысяча восемьсот девятнадцатом году английское подданство и унаследовавшему после смерти своей жены, бегумы[1] Гокооль, ее состояние. Ваш дед умер в тысяча восемьсот сорок первом году, оставив после себя только одного сына, который, будучи слабоумным от рождения, был признан неправомочным и умер в тысяча восемьсот шестьдесят девятом году, не оставив потомства, ни завещания. Тридцать лет тому назад наследство вашего деда оценивалось примерно в пять миллионов фунтов стерлингов. Оно находилось под секвестром и опекой еще при жизни слабоумного сына Жан-Жака Ланжеволя. В тысяча восемьсот семидесятом году наследство это вместе с наращенными процентами достигло пятисот двадцати пяти миллионов франков. По постановлению

---

[1] Бегума — жена индийского владетельного князя — раджи.

Королевского британского суда в Агра, утвержденному палатой в Дели и введенному в действие Тайным королевским советом, движимое и недвижимое имущество было продано, драгоценности обращены в деньги и весь капитал передан на хранение в Английский банк. В настоящее время этот капитал равняется пятистам двадцати семи миллионам франков, которые вы можете получить по обыкновенному чеку, после того как представите в канцлерский суд данные о вашей родословной. Для этого я предлагаю вам свою юридическую помощь и рекомендацию к банкирской конторе «Троллоп, Смит и К°», которая ссудит вас в счет вашего наследства любой суммой.

Ошеломленный доктор Саразен несколько секунд не мог выговорить ни слова, но, наконец, критическая жилка в нем взяла верх, и рассудок его запротестовал против этой сказки из «Тысячи и одной ночи», которую ему подносили в качестве непреложного факта.

— Но позвольте, сударь... Какие доказательства вы можете привести в подтверждение рассказанной вами истории и каким образом вы напали на мой след?

— Доказательства при мне, — ответил мистер Шарп, похлопывая по своему саквояжу. — Что же касается того, как я напал на ваш след, — в этом нет ничего удивительного. Вот уже пять лет, как я вас разыскиваю. Отыскивать наследников, или, как говорится в нашем английском законодательстве, ближайших родственников, для введения их в права наследования, в тех случаях, когда наследство отходит в казну, — это специальность нашей фирмы. Наследством бегумы Гокооль мы занимаемся уже пять лет. Где мы только не вели розысков! Сотни семей Саразен изучены нами со всей тщательностью, но среди них нет ни одной, связанной с Исидором Саразеном. Я уже было пришел к убеждению, что во Франции нет больше ни одного Саразена, и вдруг вчера утром, просматривая в «Дейли ньюс» отчет о заседании гигиенического конгресса, натыкаюсь на доктора Саразена, который каким-то образом выпал из моего поля зрения. Перерыв все свои заметки и карточки, заведенные нами по делу об этом наследстве, я с удивлением обнаружил, что город Ду

ускользнул от нашего внимания. Чувствуя, что я, наконец, напал на верный след, я в тот же день отправился в Брайтон и увидел вас, когда вы выходили из залы заседаний конгресса; тут уж я убедился окончательно Вы живая копия вашего деда Ланжеволя, если судить по снимку с портрета, принадлежащего кисти индийского художника Саранони. Вот он — посмотрите.

Мистер Шарп вынул из записной книжки фотографическую карточку и передал ее доктору. Фотография изображала рослого мужчину, с роскошной бородой. в тюрбане с бриллиантовой эгреткой, в парчовой мантии, расшитой зеленым шелком, и в той специфической позе, в какой на старинных портретах принято изображать генералов: он подписывает приказ о наступлении и смотрит прямо перед собой. На заднем плане в дыму сражения мчится в атаку конница.

— Вот эти бумажки лучше меня расскажут вам всю историю, — сказал мистер Шарп, вытаскивая из недр своего саквояжа несколько папок и связки бумаг, частью печатных, частью написанных от руки. — Я вам оставлю их и, если позволите, вернусь через два часа.

С этими словами мистер Шарп положил бумаги на стол и, пятясь задом, направился к двери, низко кланяясь и бормоча на ходу:

— Честь имею откланяться, сэр Бриа Иовагир Мотороната.

Наполовину убежденный, но вместе с тем с некоторым скептическим недоумением, доктор Саразен взял лежавшую сверху папку и начал просматривать документы. Достаточно было беглого взгляда, чтобы его сомнения рассеялись, ибо вся эта невероятная история подтверждалась от слова до слова. Да и как было сомневаться, имея перед глазами хотя бы следующий документ:

«На рассмотрение досточтимым лордам Чрезвычайного королевского совета представлено по делу о наследстве, оставшемся после бегумы Гокооль из Раджинара, провинция Бенгали, пятого января тысяча восемьсот семидесятого года. Краткое содержание дела. Касательно наследства, оставшегося после смерти бегумы Гокооль из Раджинара и заключающегося в

сорока трех тысячах акрах пахотной земли, угодьях, селениях и различных постройках, как то: дворцах, службах и прочее, а также в движимом имуществе, как то: драгоценностях, домашней утвари, оружии, и проч. и проч. Из отношений, представленных последовательно в гражданский суд в городе Агра и в верховный суд в Дели, явствует, что в тысяча восемьсот девятнадцатом году бегума Гокооль, вдова раджи Лукмиссура, наследовавшая после его смерти значительное состояние, вторично вступила в брак с иностранцем Жан-Жаком Ланжеволем, французом по происхождению. Сей последний до тысяча восемьсот пятнадцатого года служил во французской армии тамбур-мажором, в чине унтер-офицера тридцать шестого артиллерийского полка, а по расформировании Луарской армии поступил в Нанте на коммерческое судно в качестве судового клерка.

Прибыв в Калькутту, он направился вглубь страны и занял должность офицера-инструктора в маленькой армии, оставленной радже Лукмиссуру. Быстро продвигаясь по службе, он вскоре был назначен командующим этой армией, а спустя некоторое время после смерти раджи сочетался браком с его вдовой. В связи с некоторыми соображениями колониальной политики и принимая во внимание значительные услуги, оказанные в критический момент Жан-Жаком Ланжеволем европейцам, живущим в Агра, генерал-губернатор Бенгальской провинции ходатайствовал о предоставлении мужу бегумы, перешедшему в британское подданство, титул баронета. Владения ее, таким образом, были обращены в майорат. В тысяча восемьсот тридцать девятом году бегума умерла, оставив все свое состояние мужу, который пережил ее всего на два года. От их брака остался один сын, слабоумный от рождения. После смерти родителей он был отдан под опеку, из-под которой не выходил до самой смерти, последовавшей в тысяча восемьсот шестьдесят девятом году. Наследников оставшегося громадного состояния не объявилось, в силу чего гражданский суд в Агра и верховный суд в Дели, по ходатайству местных властей, постановили продать вышеозначенное имущество с аук-

циона. Настоящим имеем честь ходатайствовать перед лордами Чрезвычайного королевского совета об утверждении решений обоих судов и проч. и проч.». Следуют подписи.

Копии, удостоверенные судом в Агра и Дели, акты продажи, приказы о помещении капитала в Английский банк, свидетельства о розыске наследников Ланжеволя во Франции и целая кипа подлинных официальных документов рассеяли последние сомнения доктора Саразена. Он был поистине «ближайшим родственником», единственным и неоспоримым наследником бегумы. Достаточно выполнить кое-какие формальности, представить метрическое свидетельство и выписку о смерти родителей, и миллионы, покоящиеся в подвалах Английского банка, перейдут в его руки.

Столь неожиданно свалившееся богатство могло нарушить душевное равновесие самого хладнокровного человека, и доктор невольно поддался охватившему его волнению. Но оно продолжалось недолго и выразилось только в том, что доктор в течение нескольких минут быстро шагал взад и вперед по комнате. Однако вскоре он овладел собой и, упрекнув себя за минутную слабость, уселся в кресло и погрузился в глубокое раздумье. Внезапно он вскочил и снова зашагал по комнате, но теперь глаза его радостно сияли. Казалось, его осенила какая-то благородная идея и он, воодушевившись, обдумывает, как лучше осуществить ее, и, наконец, с удовлетворением принимает.

В эту минуту в дверь постучали. Вернулся мистер Шарп.

— Простите мне мои сомнения, — дружески обратился к нему доктор Саразен. — Теперь я уже окончательно уверовал. Нет слов выразить вам мою благодарность, я чувствую себя безгранично обязанным вам за все ваши хлопоты.

— Ну что вы... Самое обыкновенное дело... Ведь это мое ремесло, — ответил мистер Шарп. — Могу ли я надеяться, что сэр Бриа разрешит мне считать его моим клиентом?

— Само собой разумеется. Я все передаю в ваши руки. У меня к вам только одна просьба: не величайте меня, пожалуйста, этим нелепым титулом.

«Нелепым! Титул, который приносит вам двадцать один миллион фунтов стерлингов!» — как бы говорила физиономия мистера Шарпа. Но он был достаточно тонкий дипломат и с полной готовностью ответил:

— Как вам будет угодно. Вы хозяин — я ваш слуга. С вашего разрешения, я теперь немедленно вернусь в Лондон и там буду ждать ваших распоряжений.

— Могу я оставить у себя эти бумаги? — спросил доктор Саразен.

— О, конечно! У нас есть копии.

После ухода мистера Шарпа доктор уселся за письменный стол и, положив перед собой лист почтовой бумаги, принялся писать:

«Брайтон
28 октября 1871 года

Дорогой мой мальчик! На нас свалилось богатство, огромное, чудовищное, невероятное! Не думай, что я сошел с ума, и прочти эти документы, которые я прилагаю к письму. Из них ты увидишь, что я унаследовал титул английского, или, вернее, индийского, баронета и состояние свыше полумиллиарда франков, хранящееся в настоящее время в Английском банке. Я заранее знаю, мой милый Октав, с каким чувством ты примешь это известие. Ты так же, как и я, поймешь, какие серьезные обязанности возлагает на нас такое богатство и какими опасностями угрожает оно нашему здравому смыслу. Я узнал об этом всего час тому назад, и вот уже мысль о той огромной ответственности, какая легла на нас, наполовину заглушает радость, которую я испытал в первое мгновенье, думая о тебе. Не будет ли эта перемена в нашей судьбе роковой для нас обоих? Скромные труженики науки, мы были так счастливы в нашей безвестности. Будем ли мы так же счастливы и впредь? Возможно, что и нет, если только... Я даже не решаюсь поделиться с тобой мыслью, которая у меня сейчас возникла, но мне кажется, мы только тогда сможем быть счастливы, если сумеем

обратить это богатство в новый могущественный двигатель науки, в мощное орудие цивилизации... Но мы еще поговорим об этом. Напиши мне скорее, какое впечатление произвела на тебя эта великая новость, и сообщи ее маме. Я уверен, что она, как женщина рассудительная, отнесется к этому спокойно. Что же касается твоей сестренки, то она еще слишком молода, и можно не опасаться, что у нее от такого известия закружится голова... К тому же у нее такая трезвая головка, что, если она даже и вполне поймет, что означает это событие, ее меньше всех нас смутит такая перемена в нашей судьбе. Крепко жму руку Марселю. В моих планах на будущее он занимает особое место.

Любящий тебя отец *Ф. Саразен».*

Доктор закончил письмо, вложил его вместе с несколько наиболее убедительными документами в конверт и надписал адрес: «Господину Октаву Саразену, студенту Центральной школы прикладных искусств, дом номер тридцать два, улица Руа де-Сисиль. Париж», затем надел шляпу, пальто и отправился на заседание конгресса. Четверть часа спустя этот скромный человек забыл и думать о своих миллионах.

ГЛАВА ВТОРАЯ

Приятели

Октава Саразена, сына доктора, нельзя было назвать совершенным лентяем. Он был не то чтобы глуп, но и не особенно умен; не отличался ни красотой, ни уродством. Ростом не велик, не мал, нечто среднее между блондином и брюнетом, — Октав был, что называется, самым заурядным молодым человеком.

В школе он всегда получал вторые награды, иногда похвальный лист, а в его бакалаврском дипломе было отмечено: «удовлетворительно». В Центральную школу он первый раз не прошел по конкурсу, а во второй раз попал сто двадцать седьмым. Словом, Октав Саразен

принадлежал к числу тех легковесных молодых людей, которые, не углубляясь ни во что, не обладают никакими серьезными знаниями, обо всем судят приблизительно и скользят по жизни, как лунный свет по поверхности земли.

Такие люди в руках судьбы подобны поплавку на гребне морской волны. Подует ветер с севера — его потянет к экватору, подует с юга — он поплывет к полюсу. Будущность, карьера таких людей зависят от случая. Если бы доктор Саразен не пребывал в счастливом заблуждении относительно характера своего сына, он призадумался бы, прежде чем написать ему такое письмо, но родительскому ослеплению подвержены и самые умные люди...

К счастью для Октава, он, еще будучи в школе, подпал под влияние своего товарища, натуры энергичной, несколько властной, но чье воздействие на него было, несомненно, благотворным.

В лицее Шарлемань, куда доктор Саразен поместил сына после подготовительной школы, Октав подружился с одним из своих одноклассников, эльзасцем, по имени Марсель Брукман, который, будучи моложе его на год, превосходил Октава не только физической силой, но и умственными способностями и твердостью характера, благодаря чему сумел подчинить его себе. Оставшись сиротой двенадцати лет, Марсель получил небольшое наследство, доходы с которого целиком уходили на его учение. Если бы не Октав, который каждый год брал его к себе домой на каникулы, Марсель был бы обречен на безвыходное сиденье в стенах лицея. Семья доктора Саразена стала для юного эльзасца как бы родной семьей. Пылкий по натуре, при всей своей кажущейся холодности юноша горячо привязался к этим добрым людям, заменившим ему отца и мать. Он обожал доктора, его жену и их маленькую, но уже серьезную дочурку. Чувства свои Марсель выражал поступками, а не словами. Он с удовольствием занимался с Жанной, которая с раннего возраста обнаруживала любовь к знанию и обещала стать умной, здравомыслящей девушкой; и в то же время он поставил себе задачей сделать и Октава достойным своего отца.

Сказать правду, эта задача оказалась значительно трудней, так как Октав отнюдь не обладал ценными качествами своей сестры, однако Марсель дал себе слово достигнуть цели.

Это был решительный и настойчивый юноша, один из тех смелых и упорных борцов, которыми Эльзас пополняет из года в год славные парижские ряды тружеников науки. Еще ребенком он отличался выносливостью, физической силой и живостью ума. Натура волевая, мужественная, он и внешне производил впечатление человека энергичного и стойкого. В школе он стремился достичь совершенства во всем, что входило в круг его занятий, будь то игры, состязания, гимнастика или лабораторные опыты. Если он в конце года не получал первой награды, он считал этот год потерянным. В двадцать лет это был рослый, вполне сложившийся юноша с прекрасной мускулатурой, с неутомимой энергией и твердой волей. Поистине, совершенный механизм сложного органического устройства, с максимумом напряжения и отдачи. Люди наблюдательные невольно останавливали взгляд на этом задумчивом выразительном лице.

В Центральную школу, куда он держал экзамены вместе с Октавом, он прошел вторым по конкурсу, но твердо решил окончить ее первым. Октав смог выдержать вступительные экзамены только благодаря исключительной настойчивости и рвению своего друга. В течение целого года Марсель заставлял Октава работать, заражая его своей энергией, которой хватало на двоих. Он относился к этой слабой, нерешительной натуре с какой-то покровительственной жалостью; такое чувство мог бы испытывать лев к беспомощному щенку. Ему доставляло удовольствие поддерживать избытком своей силы это хилое растение и видеть, как оно развивается и приносит плоды.

Война тысяча восемьсот семидесятого года застигла наших друзей во время экзаменов. На другой же день после того как последний экзамен был сдан, Марсель, исполненный патриотических чувств, которые не позволяли ему оставаться в стороне в то время, как над Страсбургом и Эльзасом нависла тяжелая угроза, запи-

сался волонтером в тридцать первый стрелковый полк. Октав тотчас же последовал его примеру. Плечо к плечу сражались они на аванпостах Парижа в суровые дни осады. Под Шампиньи Марсель был ранен в правую руку, а за битву под Бузенвалем получил нашивку Октав не получил ни раны, ни нашивки. Так уж это вышло само собой. Он всегда следовал за своим другом в атаку и отставал от него только на каких-нибудь пять-шесть метров, но... эти-то шесть метров решали все.

После заключения мира они вернулись к своим занятиям и поселились в двух смежных меблированных комнатах в скромном особняке, недалеко от школы. Несчастья, перенесенные Францией, и отделение Эльзаса и Лотарингии оставили в душе Марселя глубокий след и еще больше закалили его.

— Первый долг французской молодежи, — говорил он Октаву, — исправить ошибки своих отцов. И достичь этого она может только неустанным трудом.

Каждый день Марсель просыпался в пять часов и тотчас же поднимал Октава. Они вместе садились заниматься, затем отправлялись на лекции и в течение всего дня не расставались ни на минуту. Вернувшись из школы домой, они снова принимались за работу и отрывались от нее только, чтобы дать себе маленькую передышку — выкурить трубку или выпить чашку кофе В десять часов, удовлетворенные сознанием полезно проведенного дня, они уже лежали в постели. Время от времени они позволяли себе скромные развлечения: партию на бильярде, изредка театр или концерт в консерватории, прогулку верхом или пешком в окрестностях Парижа и два раза в неделю урок фехтования и бокса.

Случалось, что Октав иногда восставал против этого режима и стремился к более легкомысленным развлечениям: он предлагал пойти к Аристиду Леру, который большую часть времени проводил в кабачке Сен-Мишель. Но Марсель так ядовито высмеивал его фантазии, что обычно они так и не приводились в исполнение.

Двадцать девятого октября тысяча восемьсот семьдесят первого года около семи часов вечера приятели сидели, по обыкновению, рядом за столом, освещенным лампой с зеленым абажуром. Марсель был поглощен решением задачи по начертательной геометрии, о плоскостях камня. Октав тоже был поглощен занятием, правда не столь отвлеченного свойства, но зато вполне отвечавшего его вкусам он священнодействовал над приготовлением кофе; он очень гордился своим искусством варить кофе, возможно потому, что эта отрадная процедура позволяла ему ежедневно хоть на несколько минут оторваться от ненавистных уравнений, которыми Марсель, как ему казалось, слишком злоупотреблял. Медленно процеживая через густой слой душистого мокко тонкую струю кипятка, Октав от души наслаждался этим мирным занятием, но когда взгляд его упал на склонившегося над тетрадью Марселя, он почувствовал угрызения совести и непреодолимое желание помешать товарищу, который был для него словно живым укором.

— А не мешало бы нам завести кофейник с фильтром, — неожиданно изрек Октав, — это древнее сооружение в наш цивилизованный век годится разве что в антикварный магазин.

— Вот-вот, купи кофейник с фильтром, — поддержал Марсель, — тогда, может быть, тебе не придется каждый вечер тратить часы на эту стряпню. Итак, — невозмутимо продолжал он, возвращаясь к своей задаче, — внутренняя, вогнутая сторона свода представляет собой трехосный эллипсоид с тремя неравными осями. Пусть A, B, C, E есть исходный эллипс, которому принадлежит большая ось OA, равная *a*, и средняя ось OB, равная *в*, тогда как малая ось эллипсоида O O″ C″ вертикальна и равна *c*, что делает свод покатым...

В эту минуту в дверь постучали.

— Письмо господину Октаву Саразену, — сказал мальчик-рассыльный.

Октав с радостью выхватил у него из рук письмо.

— Это от отца, узнаю его почерк! Ба, да тут, оказывается, целое послание! — весело тараторил он, подбрасывая на руке толстый пакет.

Марсель, разумеется, как и Октав, знал, что доктор сейчас находится в Англии. Неделю тому назад, остановившись проездом в Париже, доктор устроил им настоящее пиршество Сарданапала в Пале-Рояле — некогда знаменитом, но теперь уже вышедшем из моды ресторане, который он и поныне считал непревзойденным образцом изысканного парижского вкуса.

— Ты мне прочтешь, что он пишет о гигиеническом конгрессе, — сказал Марсель, не отрываясь от своей задачи. — Это он хорошо придумал — поехать туда. Наши французские ученые слишком уж замкнутый народ. . Итак, значит, внешняя сторона свода будет образована эллипсоидом, подобным первому; центр его находится выше O′, на вертикальной прямой OO′. Наметив фокусы E^1, E^2, E^3 трех основных эллипсов, мы чертим вспомогательные эллипс и гиперболу, общие оси которых ..

Громкий возглас, вырвавшийся у Октава, заставил Марселя поднять голову.

— Что такое? — спросил он, с беспокойством глядя на внезапно побледневшее лицо товарища.

— На, прочти, — с трудом вымолвил Октав, совершенно ошеломленный полученным известием.

Марсель взял письмо, внимательно прочел его с начала до конца, потом пробежал еще раз, просмотрел приложенные документы и сказал:

— Любопытная история!

Затем он не спеша набил свою трубку и старательно начал раскуривать ее. Октав с нетерпением ждал, что он еще скажет.

— Ты думаешь, все это правда? — спросил он, наконец, задыхаясь от волнения

— Очевидно! У твоего отца слишком трезвый и критический ум, чтобы он мог бездоказательно принять подобную историю Да и доказательства здесь налицо. В конце концов все это объясняется очень просто.

Раскурив трубку, Марсель снова погрузился в свои вычисления. Октав сидел не двигаясь, словно остолбе-

нев: он забыл и думать о кофе, он вообще потерял способность думать, но испытывал непреодолимую потребность говорить, чтобы убедиться, что он не спит и не бредит.

— Но если это правда, так ведь это же просто умопомрачительно! Ты представляешь себе, полмиллиарда — ведь это огромное богатство!

Марсель поднял голову.

— Да, действительно огромное. Во Франции другого такого, пожалуй, и не сыщешь. Можно насчитать всего лишь несколько обладателей таких состояний в Соединенных Штатах и пять-шесть в Англии. Словом, на всем земном шаре найдется не более пятнадцати — двадцати таких богачей.

— Да сверх всего еще и титул, — продолжал Октав, — титул баронета! Не скажу, чтобы я когда-либо мечтал о титуле, но, раз уж так случилось, должен признаться, что это звучит гораздо приятнее, чем просто Октав Саразен.

Марсель выпустил клуб дыма из своей трубки и не произнес ни слова, но в этом попыхивании звучало такое насмешливое «пфу-пфу», что Октав счел нужным оправдаться:

— Конечно, мне никогда не пришло бы в голову присочинять всякие там приставки к своему имени или присваивать себе вымышленный титул, но быть законным обладателем настоящего титула, вписанного в книгу пэров Великобритании и Ирландии, это что-нибудь да значит!

Трубка Марселя продолжала выразительно попыхивать.

— Ты можешь сколько угодно возражать, — с жаром воскликнул Октав, — но как-никак дворянская кровь что-нибудь да значит... как говорят англичане.

Но тут он запнулся и, встретив насмешливый взгляд Марселя, быстро перевел разговор с титула на миллионы.

— А ты помнишь, как наш учитель Бином столько лет подряд вдалбливал нам на уроках арифметики, что полмиллиарда такое большое число, что человеческий разум не мог бы ясно его представить, если бы он не

нашел способа изображать его графически. Подумай только, если бы человек, обладающий полумиллиардом франков, тратил в минуту по франку, то ему понадобилась бы тысяча лет, чтобы истратить всю эту сумму! Нет, знаешь, как-то странно даже чувствовать себя наследником полумиллиарда франков.

— Полмиллиарда франков! — повторил Марсель, потрясенный, повидимому, больше этой цифрой, чем самим событием. — А знаешь, как вы могли бы лучше всего распорядиться этими деньгами! Отдать их Франции на уплату контрибуции. Это была бы десятая часть всего, что ей надо выплатить.

— Не вздумай только внушать это отцу! — испуганно вскричал Октав. — Он способен на такой поступок. Мне кажется, что он уже задумал что-то в этом роде... Вложить деньги в государственный заем — это еще куда ни шло, по крайней мере хоть проценты останутся.

— Ты, повидимому, сам того не подозревая, сущий капиталист по натуре, — сказал Марсель. — Боюсь, что для тебя, бедный мой Октав, было бы лучше, если бы это состояние оказалось не таким огромным. Я, конечно, не говорю о твоем отце, человеке здравомыслящем и трезвом, но для тебя я предпочел бы, чтобы у вас было ну примерно тысяч двадцать пять годового дохода на двоих, пополам с сестренкой, а не эти чудовищные золотые горы.

Он снова принялся за работу, но Октав не в состоянии был ничего делать: он то вскакивал, то снова садился, то принимался шагать по комнате, так что Марсель, наконец, не выдержал:

— Ты бы лучше пошел прогуляться. Я вижу, ты совершенно не способен заниматься сегодня.

— А правда, пожалуй,— ответил Октав, с радостью хватаясь за это предложение, которое позволяло ему увильнуть от занятий.

Надев шляпу, он сбежал с лестницы и мигом очутился на улице. Но, пройдя несколько шагов, он остановился у первого же уличного фонаря и, вынув из кармана письмо отца, снова начал его перечитывать. Ему нужно было еще раз убедиться, что все это не сон.

— Полмиллиарда! Полмиллиарда!— повторял он.— Это, значит, по меньшей мере двадцать пять миллионов годового дохода! Если отец будет давать мне хотя бы миллион в год или даже полмиллиона, ну пусть даже четверть миллиона... какое это будет счастье! Ведь с деньгами можно все сделать. А уж я-то сумею их употребить! Ведь не дурак же я на самом деле! Пройти конкурс в Центральную школу — это что-нибудь да значит! И ко всему этому у меня теперь титул баронета. Будьте покойны, я сумею носить его с достоинством...

Октав мимоходом взглянул на свое отражение в зеркальной витрине магазина.

«У меня будет собственный особняк, свои лошади. И у Марселя тоже будет лошадка! Ну, разумеется, если я буду миллионером, он будет жить так же, как я. И как хорошо, что это случилось теперь! Полмиллиарда... И титул баронета! Вот странно: теперь, когда это произошло, мне кажется, что я давно этого ждал. Точно у меня было предчувствие, что вот-вот что-то должно случиться, что я не всегда буду корпеть над книгами и чертежами. Ах, я до сих пор не могу опомниться, как во сне!»

Предаваясь этим восторженным мечтам, Октав шел по улице Риволи. Дойдя до Елисейских полей, он свернул на улицу Рояль и вышел на бульвар. Прежде он с полным равнодушием проходил мимо витрин, зная, что все это великолепие, выставленное в них, не имеет к нему ни малейшего отношения. Но сейчас он остановился и, как завороженный, смотрел на сокровища, которые в любую минуту могли стать его собственностью.

«Все это мое! — мысленно говорил он себе. — Для меня голландские пряхи вертят свои веретена, для меня эльбефские ткачи выделывают свои тончайшие сукна, часовщики делают часы; для меня сияют тысячами огней люстры в Большой Опере, надрываются скрипки, поют знаменитые певицы. Это для меня жокеи объезжают чистокровных лошадей, для меня загорается ослепительным светом «Английское кафе». Весь Париж мой! Весь мир принадлежит мне! Я отправлюсь путешествовать! Ведь должен же я посетить свои владения

в Индии... А там, в Индии, захочу — куплю себе пагоду, со всеми ее бонзами и идолами, из слоновой кости. Заведу себе слонов! Устрою охоту на тигра! Какое оружие у меня будет! Какая шлюпка! Да что шлюпка! Нет, я заведу себе роскошную быстроходную яхту и отправлюсь куда захочу; буду останавливаться где вздумается. Да... кстати, насчет путешествий... Ведь я должен сообщить эту новость матери. Не отправиться ли мне сейчас в Дуэ? Гм... а как же школа? Ну что школа, о ней сейчас можно забыть. А вот Марсель... Ему надо дать знать. Пошлю-ка ему телеграмму. Он, конечно, поймет, что мне не терпится увидать своих».

Октав зашел на телеграф и послал Марселю телеграмму, в которой сообщал, что уезжает в Дуэ и вернется через два дня. Затем он кликнул фиакр и приказал везти себя на Северный вокзал.

Едва очутившись в вагоне, он снова погрузился в свои волшебные мечты и промечтал всю дорогу. В два часа ночи он стоял у подъезда родительского дома и трезвонил изо всех сил, а из окон соседних домов высовывались испуганные лица, и любопытные кумушки спрашивали друг друга:

— Кто же это заболел? К доктору звонят.

— Доктора нет в городе! — крикнула старая служанка, высунув голову в слуховое окошко из своего чулана на чердаке.

— Это я! Я, Октав! Откройте мне, Франсина!

Наконец, минут через десять, Октава впустили в дом. Мать и сестра Жанна, обе в капотах, выбежали ему навстречу, встревоженные этим неожиданным появлением среди ночи.

Октав вместо всяких объяснений прочел им вслух письмо отца.

Первое мгновенье г-жа Саразен словно остолбенела, а потом со слезами радости бросилась обнимать сына и дочь. Ей казалось, что отныне весь мир принадлежит им, что никакое несчастье никогда не сможет коснуться ее детей, которые теперь владеют сотнями миллионов. Но женщины в отличие от мужчин быстро осваиваются с такими головокружительными переменами в своей жизни. Перечитав еще раз письмо мужа, г-жа Саразен

сказала себе, что в конце концов ему принадлежит право решить судьбу ее и детей, и на этом успокоилась. Что касается тринадцатилетней Жанны, она радовалась от всей души, видя, как радуются мать и Октав, но она не могла представить себе, что может быть на свете лучше их маленького уютного домика, где жизнь ее протекала так мирно и счастливо под крылышком родителей и дни были наполнены такими интересными занятиями с учителями. Она не понимала, как это может быть, чтобы несколько пачек банкнот внезапно изменили ее жизнь, и, так как воображение отказывалось прийти ей на помощь, эта блестящая перспектива ничуть не волновала ее.

Госпожа Саразен, выйдя замуж в очень молодом возрасте за человека, всецело отдавшегося науке, с благоговением относилась к занятиям мужа, которого она нежно любила, хотя и не совсем понимала его увлечения. Чуждая тех радостей, которые доктор Саразен черпал в своей работе, она иногда чувствовала себя несколько одинокой рядом с этим тружеником науки и весь свой избыток нежности, все свои надежды перенесла на детей. Она любила мечтать о том, какая у них будет роскошная, счастливая жизнь. Она не сомневалась, что Октава ждет блестящая будущность. Когда Октав поступил в Центральную школу, это скромное учебное заведение, выпускавшее молодых инженеров, преобразилось в ее глазах в некий питомник знаменитостей. Единственно, что иной раз омрачало ее радужные мечты, был недостаток средств — препятствие, которое могло помешать головокружительной карьере сына, так же как и счастью ее дочери Жанны.

Письмо мужа рассеяло все ее опасения, — теперь ей уже нечего было бояться, ее материнское сердце было спокойно.

Мать с сыном сидели и разговаривали чуть ли не до самого рассвета; каких только планов они не строили на будущее, а маленькая Жанна, вполне довольная своим настоящим, совсем не думала о будущем и так и заснула сидя в кресле.

Наконец, когда они уже собирались идти спать, г-жа Саразен спросила сына:

— Что же ты мне ничего не говоришь о Марселе? Разве ты не показал ему письмо отца? Что он об этом думает?

— Ну, разве ты не знаешь Марселя, — ответил Октав. — Ведь это сущий мудрец, да что там, настоящий стоик. Он, знаешь, испугался за нас... не за отца, конечно, за него, как он сказал, при его здравомыслии ученого нечего опасаться, — но что касается нас, тебя, Жанны и в особенности меня, он говорит, что его пугает это огромное богатство, что он предпочел бы для нас нечто более скромное — тысяч двадцать пять годового дохода.

— И, может быть, он прав, — ответила мать, задумчиво глядя на сына. — Есть такие натуры, для которых неожиданное богатство может оказаться гибельным.

При этих словах Жанна проснулась.

— Ты помнишь, мама, — сказала она, поднимаясь и протирая глаза,— помнишь, как ты мне однажды сказала, что Марсель никогда не ошибается? Я верю всему, что говорит Марсель.

И, поцеловав мать, Жанна вышла из комнаты.

ГЛАВА ТРЕТЬЯ

Хроника происшествий

Когда доктор Саразен явился на четвертое заседание гигиенического конгресса, он обнаружил, что все его коллеги проявляют по отношению к нему исключительное внимание. До сих пор его светлость лорд Глендовер, кавалер ордена Подвязки и почетный президент собрания, едва удостаивал замечать присутствие скромного французского врача.

Этот лорд был весьма важной персоной, и его участие в конгрессе заключалось в том, что он объявлял об открытии и закрытии заседания и предоставлял слово ораторам по списку, лежавшему перед ним на столе. Он сидел всегда в одной и той же позе, заложив

правую руку за борт сюртука, не потому, что он когда-то повредил себе руку, упав с лошади, а потому, что эта неудобная поза была увековечена английскими скульпторами в бронзовых памятниках английских государственных деятелей.

Мучнисто-белое, гладко выбритое лицо, покрытое красными пятнами, замысловатый парик с высоко взбитыми локонами над узким лбом, явно свидетельствующим о полном отсутствии мыслей, вполне гармонировали с этой надутой, чопорной фигурой, неподвижно застывшей в нелепой, натянутой позе.

Когда необходимость заставляла лорда Глендовера повернуться, он поворачивался всем корпусом сразу, точно деревянный манекен. И даже глаза у него двигались в орбитах не так, как у людей, а точно у куклы, рывками.

На первом заседании конгресса, когда доктор Саразен подошел представиться президенту, лорд Глендовер в ответ на его приветствие ограничился снисходительно-покровительственным кивком, который можно было бы расшифровать так:

«Здравствуйте, маленький человечек! Это вы, кажется, добывая себе средства к существованию, возитесь с какими-то жалкими машинками? Надо обладать моим острым зрением, чтобы разглядеть так далеко от меня, где-то там внизу, столь незаметного человека. Ну что ж, разрешаю вам приютиться под сенью моего величия».

Но на этот раз лорд Глендовер встретил доктора Саразена приветливой улыбкой и простер свою любезность до того, что указал ему на пустое кресло возле себя. Все остальные члены конгресса почтительно поднялись со своих мест.

Чрезвычайно удивленный этим знаком исключительного и лестного внимания к своей особе, доктор Саразен решил, что, повидимому, его камера для счета красных телец, после того как с ней ознакомились ближе, признана более ценным изобретением, чем это показалось сначала.

Но это самообольщение длилось недолго. Едва только он сел на предложенное ему место, как лорд

Глендовер круто повернулся всем корпусом, что вполне могло привести к вывиху позвоночника у его светлости, наклонился к доктору и шепнул ему на ухо:

— Я слышал, вы получили громадное наследство? Говорят, вы теперь «стоите» двадцать один миллион фунтов стерлингов. Правда это?

Лорд Глендовер был, повидимому, страшно огорчен, что он легкомысленно просчитался в своем обращении с человеком, представлявшим собой такую громадную ценность. Вся его поза, казалось, говорила: «Почему же вы нас не предупредили? Ну, знаете, откровенно говоря, это нехорошо. Ввести человека в такое заблуждение!»

Доктор Саразен, который, по совести говоря, отнюдь не считал, что «ценность» его со времени прошлого заседания увеличилась хотя бы на одно су, только удивился, каким образом известие о его богатстве успело так быстро распространиться. Но в это время доктор Овидиус из Берлина, его сосед справа, повернулся к нему с приторно-сладкой улыбкой и сказал:

— Говорят, вы теперь не уступите самому Ротшильду! Разрешите вас поздравить, дорогой коллега. Я прочел об этом в «Дейли телеграф».

И он протянул доктору утренний выпуск газеты. Там, в отделе «Хроника происшествий», красовалась следующая заметка, автора которой нетрудно было узнать по стилю:

«Колоссальное наследство. Многолетние поиски законных наследников огромного состояния бегумы Гокооль стараниями многоопытных поверенных конторы «Биллоус, Грин и Шарп» (93, Соутгемптон-роу, Лондон), наконец, увенчались успехом. Счастливым обладателем двадцати одного миллиона фунтов стерлингов, находящихся ныне на хранении в Английском банке, является французский ученый доктор Саразен, чей прекрасный доклад на гигиеническом конгрессе в Брайтоне был помещен на страницах нашей газеты всего три дня тому назад.

Долгие, терпеливые поиски и усилия, сопряженные со всевозможными препятствиями и злоключениями,

описанию которых можно было бы посвятить целую книгу, позволили, наконец, мистеру Шарпу установить, что доктор Саразен является прямым потомком баронета Жан-Жака Ланжеволя, супруга бегумы Гокооль во втором браке. Этот доблестный солдат, отличившийся на военной службе, был уроженцем маленького французского городка Бар-ле-Дюк.

В настоящее время для введения в права наследника осталось выполнить лишь некоторые формальности. Необходимые бумаги уже представлены на утверждение канцлеру. Столь удивительное стечение обстоятельств приносит в дар французскому ученому британский титул и несметное богатство, собранное многими поколениями индийских раджей. Однако судьба могла оказаться менее разборчивой, и мы можем только порадоваться, что это колоссальное состояние попало в руки человека, который сумеет распорядиться им достойным образом».

Доктор Саразен читал заметку со странным чувством досады. Ему была неприятна быстрая огласка этого события. Хорошо зная человеческую природу, он предвидел, что ему будут без конца надоедать, а главным образом он испытывал глубокое унижение от того, что люди придавали этому такое значение.

Доктору казалось, что его личное достоинство умаляется огромной цифрой состояния. Его труды и личные заслуги уже потонули в этом море золота даже в глазах его ученых собратьев. Они уже не ценили в нем неутомимого исследователя, тонкого, проницательного ученого, талантливого изобретателя, они ценили в нем только обладателя полмиллиарда. Будь он прирожденным кретином, или совершенно невежественным готтентотом, или даже сущим ничтожеством, ценность его была бы та же. Как выразился лорд Глендовер, он теперь «стоит» двадцать один миллион фунтов стерлингов, ни больше, ни меньше. Его охватило чувство отвращения, и члены конгресса, которые с чисто научным интересом разглядывали сидящего среди них «полумиллиардера», не без удивления констатировали, что физиономия представителя этой породы выражает непонятное огорчение.

Но доктор заставил себя подавить эту минутную слабость. Он вспомнил о той великой цели, которой решил посвятить свое нежданное богатство, и лицо его прояснилось. Во время перерыва, наступившего после доклада доктора Стивенсона из Глазго о воспитании малолетних кретинов, он встал и попросил слово для важного сообщения.

Лорд Глендовер сейчас же предоставил ему слово, хотя на очереди было выступление доктора Овидиуса. Он предоставил бы ему слово, даже если бы весь конгресс, ученые мужи всей Европы выразили бы единогласный протест против такого явного попустительства. И лорд Глендовер ясно дал почувствовать это своим тоном.

— Господа, — сказал доктор Саразен, — я хотел подождать несколько дней, прежде чем сообщить вам об этом удивительном событии, происшедшем в моей жизни, и о благоприятных перспективах, которые оно открывает для науки. Но, поскольку событие это приобрело гласность, с моей стороны было бы явным позерством умалчивать о нем... Итак, господа, я действительно оказался законным наследником громадного капитала, находящегося на хранении в Английском банке. Но нужно ли мне говорить вам, что я в данном случае являюсь не чем иным, как душеприказчиком науки! (Сенсация в зале.) Этот капитал принадлежит не мне — он принадлежит человечеству, прогрессу. (Движение в зале. Одобрительные возгласы. Дружные аплодисменты. Весь зал встает, взволнованный этими словами.) Не аплодируйте мне, господа. Я твердо убежден, что каждый честный труженик науки, поистине достойный этого прекрасного имени, сделал бы на моем месте то же самое. Возможно, кое у кого явится подозрение, что мной в данном случае руководит не столько преданность науке, сколько свойственное всем людям тщеславие. (Возгласы в публике: «Нет! Нет!») Ну что же, в конце концов ведь нам важны результаты. Итак, я заявляю твердо и безоговорочно: полмиллиарда, столь неожиданно оказавшиеся в моих руках, принадлежат не мне. Они принадлежат науке. А вам я предлагаю стать тем парламентом, который возьмет на себя

распределить эти средства. Я не считаю себя достаточно компетентным, чтобы самому распоряжаться таким капиталом. Я предлагаю вам разделить со мной эту ответственность и общими усилиями найти наиболее достойное применение этому богатству. (Крики «ура». Волнение в зале переходит в восторженные овации.)

Все поднялись с мест. Многие из членов конгресса влезли на столы. У профессора Тернбуэлла из Глазго лицо налилось кровью, — кажется, его вот-вот хватит удар. Доктор Чиконья из Неаполя чуть не задохнулся от восторга. Один лорд Глендовер сохранял величественное спокойствие и невозмутимость, приличествующие его высокому сану. Впрочем, он был убежден, что доктор Саразен мило шутит и, разумеется, не имеет ни малейшего намерения привести в исполнение столь безрассудный проект. Наконец, в зале кое-как восстанавливается тишина, и доктор Саразен получает возможность продолжать.

— Итак, с вашего разрешения, господа, я позволю себе предложить вам на обсуждение следующий план, который вы легко сможете исправить, усовершенствовать и дополнить.

Услышав это заявление, члены конгресса напрягают слух и с благоговейным вниманием ловят каждое слово оратора.

— Господа, мы наблюдаем вокруг много причин болезней, нищеты и смертности. Я считаю необходимым обратить ваше внимание на одну из них, имеющую первостепенное значение: это чудовищные антисанитарные условия, в которых вынуждена жить большая часть человечества. Я имею в виду главным образом большие города, где масса людей ютится в тесных домах, зачастую лищенных света и воздуха — этих двух необходимых источников жизни. Такие скопления людей нередко являются настоящим «рассадником» заразы. Люди, живущие в таких условиях, обречены на преждевременную гибель. Те, что выживают, теряют здоровье и работоспособность, а общество в силу этого несет громадные потери в рабочей силе, которой можно было бы найти полезное применение... Почему бы нам не попробовать, господа, прибегнуть для борьбы с этим злом

к одному из самых могучих средств — показать пример? Разве мы не могли бы объединить все силы нашего воображения, всю нашу изобретательность для того, чтобы создать проект образцового города в соответствии с самыми строгими требованиями науки. (Возгласы: «Да! Да! Правильно! Правильно! Превосходная мысль!») А затем мы могли бы употребить наш капитал на постройку этого города и преподнести его миру как пример, достойный подражания. («Да! Да! Браво!» Гром аплодисментов.)

Члены конгресса, охваченные исступленным восторгом, кричат, пожимают друг другу руки, бросаются к доктору, поднимают его и торжественно проносят по всему залу.

— Господа, — продолжает доктор, после того как ему, наконец, удалось вернуться на свое место, — этот город, который каждый из нас мысленно видит перед собой, этот город здоровья и благоденствия, через несколько месяцев может воплотиться в действительность и будет открыт для народов всех стран. Мы издадим на всех языках подробное описание и план нашего прекрасного города и распространим их по всему свету... Мы позовем жить в нашем городе честных людей, которых нужда и безработица гонят из перенаселенных стран. У нас же найдут применение своим способностям и те (не удивляйтесь, что я о них думаю), кого чужеземцы-победители обрекли на жестокое изгнание: они внесут в наше дело духовный вклад, более драгоценный, чем все сокровища мира. Мы построим прекрасные школы, которые будут воспитывать молодежь, руководствуясь мудрыми принципами, способными развить и направить на должный путь все духовные, умственные и физические силы человека. И это обеспечит нам в будущем здоровое, цветущее поколение.

Нет слов описать всеобщий энтузиазм, охвативший аудиторию, когда доктор Саразен закончил свою речь. Рукоплескания, возгласы и крики «ура» не смолкали по меньшей мере четверть часа. Но не успел доктор сесть, как лорд Глендовер снова наклонился к нему и, многозначительно прищурившись, шепнул на ухо:

— Недурная идея! Вы рассчитываете на доходы с городских пошлин, не так ли?.. Дело верное. Надо только хорошо организовать рекламу, собрать побольше влиятельных имен. А люди после болезни или нуждающиеся в поправке охотно поедут к вам. Надеюсь, вы для меня прибережете хороший участочек?

Бедный доктор, глубоко оскорбленный упорной настойчивостью, с которой лорд Глендовер усматривал в его действиях одни лишь корыстные побуждения, только собрался ответить его светлости, как вице-президент предложил собранию выразить единодушное одобрение и благодарность автору столь высокогуманного проекта.

— Брайтонский конгресс, — сказал он, — где зародилась эта великая идея, будет увековечен в памяти людей. И мы должны признать, что человек, у которого возникла эта идея, поистине должен обладать высоким умом, большим сердцем и безмерным великодушием. И вот теперь, когда нас посвятили в эту идею, не кажется ли нам странным и удивительным, что до сих пор она никому не приходила в голову? Сколько миллиардов, истраченных на кровопролитные войны, сколько состояний, выброшенных на бессмысленные спекуляции, могли быть вложены в это прекрасное начинание!

Закончив свою речь, оратор предложил наименовать новый город в честь его основателя «Саразина».

Предложение было единогласно принято, но, по просьбе доктора Саразена, его пришлось заново проголосовать.

— Нет, — сказал он, — мое имя здесь ни при чем. Не будем приклеивать будущему городу никаких нелепых наименований, заимствованных из латинского или греческого языка, от них веет невыносимой скукой. Ведь это будет город благоденствия... Я бы хотел дать ему имя моей родины, давайте назовем его Франсевиллем.

Разумеется, никому не пришло в голову оспаривать предложение доктора, и просьба его была немедленно удовлетворена. Итак, Франсевилль был заложен пока только на словах, но сегодня же его имя должны были внести в протокол и таким образом запечатлеть на

бумаге. Собрание тут же приступило к обсуждению первых статей проекта.

Но оставим почтенных членов собрания за этой практической работой, которая столь отличается от обычного круга их деятельности, и вернемся к заметке из хроники происшествий, напечатанной в «Дейли телеграф», и проследим за ней шаг за шагом по одному из ее бесчисленных маршрутов.

Вечером 29 октября эта заметка, перепечатанная слово в слово всеми английскими газетами, облетела все уголки Соединенного королевства. Появилась она, между прочим, и в Гулльской газете и, украсив собой этот скромный листок, отправилась с ним на груженной углем трехмачтовой шкуне «Мери Куин» в Роттердам, куда и прибыла 1 ноября. Здесь ее сейчас же поймали и вырезали проворные ножницы главного редактора и единственного секретаря «Голоса Нидерланд», затем перевели на язык великих живописцев Куипа и Поттера, и 2 ноября она на всех парах прикатила в город Бремен, прямехонько в редакцию газеты «Бремен мемориал». Здесь ее приодели, причесали и перепечатали на немецком языке. Стоит ли упоминать о том, что тевтонский репортер, снабдив перевод заманчивым заголовком «Eine übergroße Erbschaft» [1], не утерпел и, положившись на доверчивость читателей, смошенничал и приписал в скобках: «От собственного корреспондента в Брайтоне».

Итак, жульнически онемеченная заметка попала в редакцию внушительной «Северной газеты», где ее поместили во втором столбце третьей страницы, обкорнав ей заголовок, чересчур авантюрный для такой солидной газеты.

Наконец, 3 ноября вечером, пройдя через все эти превращения, заметка очутилась в толстых руках здоровенного саксонца, лакея профессора Иенского университета Шульце, и проникла в комнату, служившую кабинетом, гостиной и столовой герру профессору.

Особа профессора Шульце, удостоенная столь высокого звания, на первый взгляд не представляла собой

[1] «Колоссальное наследство» *(нем.)*.

ничего примечательного. Это был человек лет сорока пяти, довольно грузный; квадратные плечи свидетельствовали о его крепком телосложении. Редкие, цвета мочалки волосы на висках и на затылке окаймляли широкую лысину, начинавшуюся от самого лба. Бледноголубые глаза, лишенные всякого блеска, не выражали ни мысли, ни чувства, но этот тусклый, ничего не выражающий взгляд вызывал неприятное ощущение. Тонкие длинные губы профессора Шульце разжимались словно только для того, чтобы скупо отсчитывать слова, но, раздвигаясь, эти губы обнажали два ряда внушительных зубов, которые, казалось, вцепившись, никогда не выпустят своей добычи. Все это вместе взятое производило весьма неприятное и даже отталкивающее впечатление, но сам профессор Шульце был, повидимому, весьма доволен своей внешностью.

Услышав шаги входящего лакея, профессор Шульце поднял глаза, взглянул на стенные часы изящной французской работы, которые резко выделялись среди окружающей его грубой безвкусицы, и сухо сказал:

— Без пяти семь... Моя почта поступает ровно в шесть тридцать. Вы подаете ее сегодня с опозданием на двадцать пять минут. Если в следующий раз она не будет у меня на столе ровно в половине седьмого, в восемь вы будете рассчитаны.

Лакей молча выслушал замечание и направился к выходу, но в дверях остановился и спросил:

— Прикажете подавать обед, сударь?

— Сейчас без пяти семь. Я обедаю ровно в семь... Пора вам изучить мои привычки. Вы служите у меня уже третью неделю. Запомните раз навсегда, что я никогда не изменяю распорядка дня и не имею обыкновения отдавать приказания дважды.

Профессор отодвинул газету на край стола и снова взялся за перо. Он заканчивал свою статью, которая должна была появиться через два дня в «Вестнике физиологии». Мы не совершим нескромности, сообщив, что она была озаглавлена: «Почему все французы в той или иной степени обнаруживают признаки постепенного вырождения?»

Между тем лакей подал обед, состоявший из огромного блюда сосисок с капустой и гигантской кружки пива. Все это он молча поставил на маленьком столике у камина и бесшумно удалился. Профессор отложил перо и, усевшись за маленький столик, с нескрываемым удовольствием принялся за еду, смакуя ее больше, чем подобало бы такому почтенному человеку. Покончив с обедом, он позвонил, чтобы подали кофе, и, закурив большую фарфоровую трубку, снова уселся за свою работу.

Часов около двенадцати профессор дописал последнюю страницу и прошел к себе в спальню, чтобы предаться вполне заслуженному отдыху. Улегшись в постель, он развернул газету и начал ее просматривать. Его уже начало клонить ко сну, как вдруг ему попалась на глаза и неожиданно привлекла его внимание иностранная фамилия «Ланжеволь» в заметке о колоссальном наследстве. Тщетно старался он припомнить, почему это имя показалось ему знакомым, но, сколько он ни напрягал память, ничего не выходило. Отказавшись, наконец, от этих безуспешных попыток, профессор бросил газету в сторону, задул свечу и тут же захрапел. Но в силу какого-то странного физического процесса, на изучение и объяснение которого он когда-то и сам положил немало труда, фамилия Ланжеволь преследовала его и во сне и так неотступно, что, даже проснувшись утром, он поймал себя на том, что машинально повторяет ее.

И вдруг, когда он потянулся к ночному столику, чтобы взглянуть на свои карманные часы, его словно что-то осенило. Схватив валявшуюся на коврике у кровати газету, он несколько раз подряд прочел ту самую заметку, в которой вчера обратил внимание на фамилию Ланжеволь. Потирая себе лоб рукой, он изо всех сил напрягал память, силясь поймать какое-то мелькнувшее в его мозгу воспоминание, и вдруг, соскочив с постели и даже не накинув пестрого халата, бросился к камину и, сняв со стены старинную миниатюру, висевшую около зеркала, повернул ее и провел рукавом по пыльному, пожелтевшему картону.

Он не ошибся. На обратной стороне миниатюры виднелась выцветшая, полустертая от времени, но все же достаточно разборчивая надпись:

«Тереза Шульце, урожденная Ланжеволь».

В тот же вечер профессор Шульце отправился в Лондон.

ГЛАВА ЧЕТВЕРТАЯ

Раздел

Шестого ноября в семь часов утра герр Шульце вышел из вагона на вокзале Чэринг-Кросс. В двенадцать часов дня он уже входил в дом номер девяносто три на Саутгемптон-роу. Большой зал конторы разделялся надвое невысокой деревянной перегородкой; по одну сторону ее находилось помещение клерков, по другую — приемная. Здесь стояло полдюжины стульев, черный крашеный стол, стенные полки, а на них бесчисленные ряды зеленых папок и адрес-календарь. Двое молодых людей мирно уписывали хлеб с сыром — излюбленный завтрак всей младшей судейской братии.

— Господа Биллоус, Грин и Шарп? — спросил профессор таким тоном, точно он требовал свой обед.

— Мистер Шарп у себя в кабинете. Ваша фамилия? По какому делу?

— Профессор Шульце из Иены. По делу Ланжеволь.

Молодой клерк повторил эти слова в резиновую слуховую трубку, раструб которой торчал из стены возле его стула, но, получив ответ в собственную ушную раковину, не решился огласить его, ибо он звучал примерно так:

— По делу Ланжеволь? Гоните к черту! Опять какой-нибудь сумасшедший пришел доказывать свои права.

— Солидный человек,— шепотом сказал клерк, приложив руку ко рту. — Неприятный господин, но, как видно, с положением.

— Он что, из Германии?

— Так он сказал.

В трубке послышался вздох и горестное:

— Ну хорошо. Пустите.

— Второй этаж, дверь прямо, — громко сказал клерк, показывая на лестницу в глубине комнаты.

Профессор поднялся на второй этаж и очутился перед обитой толстым войлоком дверью, на которой черными буквами на медной дощечке красовалась надпись: «Мистер Шарп».

Мистер Шарп сидел за большим столом красного дерева. Комната, именовавшаяся его кабинетом, была обставлена на казенный лад: устланный войлоком пол, стулья с кожаными спинками, картотека и полка с делами. Мистер Шарп слегка приподнялся навстречу посетителю и, затем следуя учтивому обычаю всех истинных чиновников, уткнулся с деловым видом в какую-то папку и по меньшей мере пять минут перелистывал лежащие перед ним бумаги.

Наконец, он повернулся к профессору Шульце, который молча сидел в кресле против него, и сухо сказал:

— Прошу вас, сударь, изложите мне ваше дело и как можно короче. Я очень занят и могу вам уделить всего лишь несколько минут.

Профессор слегка усмехнулся, явно давая понять, что его отнюдь не смущает этот холодный прием.

— Может быть, вы найдете возможным уделить мне еще несколько лишних минут, когда узнаете причину моего посещения, — сказал он.

— Я вас слушаю, сударь.

— Дело касается наследства Жан-Жака Ланжеволя из Бар-ле-Дюка. Я внук его старшей сестры, Терезы Ланжеволь, которая в тысяча семьсот девяносто втором году вышла замуж за моего деда Мартина Шульце, военного хирурга брауншвейгской армии. Он умер в тысяча восемьсот четырнадцатом году. У меня сохранились три письма Жан-Жака Ланжеволя к его сестре и письма моих родных, в которых упоминается о его пребывании в доме моего деда, где он был проездом после сражения при Иене. Кроме того, я, разу-

меется, могу представить метрические документы, устанавливающие мое родство с ним.

Не будем утомлять внимание читателей подробным изложением всего, что говорил профессор Шульце мистеру Шарпу. На этот раз он изменил своей привычке и говорил весьма пространно. Правда, речь шла о том, о чем герр Шульце способен был говорить с неистощимым красноречием, ибо это была его излюбленная тема. Он стремился доказать мистеру Шарпу, англичанину, превосходство германской расы над всеми прочими. Предъявляя свои права на это наследство, Шульце главным образом ставил себе задачей вырвать его во что бы то ни стало из рук француза, который не способен распорядиться им с толком. Национальность его соперника — вот что больше всего возмущало профессора Шульце. Будь это немец, он, конечно, не стал бы настаивать на своих правах. Но то, что этот осмеливающийся выдавать себя за ученого француз может обратить свой громадный капитал на распространение французских идей, — эта мысль приводила его в исступление, он был готов на все, чтобы отстоять свои права.

Казалось, трудно было понять, что общего между этими политическими рассуждениями и наследством бегумы. Но мистер Шарп был достаточно опытным дельцом, чтобы уловить высшую связь между этими национальными чаяниями германской расы и персональными чаяниями господина Шульце в отношении богатого наследства. Они в сущности были одного порядка.

Однако никаких сомнений быть не могло. Сколь ни унизительно было для профессора Иенского университета оказаться в родстве с отпрыском низшей расы, тем не менее доказательства были налицо: бабка-француженка несла свою долю ответственности за появление на свет этого несравненного образца человеческой природы.

Правда, это родство было весьма отдаленным, и, следовательно, права профессора Шульце на наследство по сравнению с правами доктора Саразена были тоже весьма отдаленными. Однако мистер Шарп тотчас же почуял возможность найти некии якобы законные

основания для поддержания этих прав и, исходя из этой возможности, почуял и нечто другое, весьма заманчивое для фирмы «Биллоус, Грин и Шарп», а именно: превратить выгодное дело Ланжеволя в еще более выгодный громкий процесс, нечто вроде «Джарндайс против Джарндайса» Диккенса.

Глазам мистера Шарпа представились груды гербовой бумаги, актов, протоколов, отношений. Но тут же у него мелькнула еще более блестящая мысль — постараться привести своих клиентов, в их же, разумеется, интересах, к некоему обоюдному соглашению, которое принесло бы ему, мистеру Шарпу, почти столько же славы, сколько денег.

Итак, он сообщил герру Шульце, на каких основаниях наследником считается доктор Саразен, показал в подтверждение своих слов некоторые документы и дал понять, что, может быть, фирма «Биллоус, Грин и Шарп» и возьмет на себя попытку оттягать какую-то часть в пользу герра Шульце на основании его эфемерных прав.

— Весьма эфемерные права, сударь, и если дело дойдет до суда, вряд ли из этого что-нибудь выйдет.

Фирма может взяться за дело, только полагаясь на чувство справедливости, столь глубоко присущее каждому немцу. Оно-то и должно заставить герра Шульце признать за фирмой несколько иное, но гораздо более несомненное право — право рассчитывать на его благодарность.

Профессор Шульце обладал достаточной сообразительностью и не мог не оценить логического хода рассуждений талантливого дельца. Он, разумеется, немедленно успокоил его на этот счет, не уточняя, однако, размеров своей благодарности.

Мистер Шарп попросил разрешения дать ему время ознакомиться с делом и, всячески изъявляя Шульце свое внимание, проводил его до двери. Разумеется, теперь уж не было и речи о считанных минутах, которыми он так дорожил.

Герр Шульце удалился, вполне убедившись, что формально у него нет никаких прав претендовать на наследство бегумы, но в то же время твердо веря, что

борьба между германской и латинской расой, — а вести эту борьбу — долг каждого уважающего себя немца, — несомненно, должна завершиться торжеством первой.

Теперь главной задачей мистера Шарпа было прощупать на этот счет самого доктора Саразена. Вызванный телеграммой из Брайтона, доктор в пять часов вечера явился в кабинет поверенного.

Доктор Саразен выслушал сообщение с полным спокойствием, удивившим даже мистера Шарпа.

Он безо всяких обиняков тотчас же заявил, что действительно его родные часто вспоминали о двоюродной бабке, которая воспитывалась в доме какой-то знатной дамы, уехала вместе с ней за границу, а потом вышла замуж в Германии. Но он не знал точно ни имени, ни степени своего родства с этой бабкой.

Мистер Шарп, который уже успел заглянуть в свою картотеку, тщательно подобранную по алфавиту, любезно предложил доктору ознакомиться с нею.

— По всей вероятности, — сказал мистер Шарп, сделав вид, что он не вправе об этом умалчивать, — дело это придется передать в суд, ибо у второй стороны имеются все основания для тяжбы, а процессы такого рода имеют свойства тянуться весьма неопределенное время. Конечно, доктору Саразену нет надобности посвящать соперника в семейные воспоминания, которыми он так откровенно поделился со своим поверенным. Однако письма Жан-Жака Ланжеволя к сестре, о которых говорил герр Шульце, это как-никак презумпция в его пользу; презумпция, по правде сказать, довольно невесомая, лишенная всякого законного основания, но все же она существует... Несомненно, герр Шульце постарается представить еще кое-какие свидетельства, которые ему удастся извлечь из недр муниципальных архивов. Но может случиться и так, что за отсутствием подлинных документов соперник не побоится пустить в ход и поддельные... Тут все нужно предвидеть. Не исключена даже возможность и того, что после всех этих расследований и раскопок закон признает за этой так некстати появившейся с того света Терезой Ланжеволь и ее ныне здравствующими

потомками преимущественные права на это наследство. Во всяком случае, можно ждать массу всяческих каверз, придирок, недоразумений — словом, тысячи поводов для бесконечного затягивания дела. Поскольку и та и другая стороны имеют значительные шансы на выигрыш, найдутся финансовые общества, которые охотно предоставят им кредит, возьмут на себя все издержки судопроизводства, нажмут на все рычаги и используют все юридические ухищрения. Один такой знаменитый процесс в канцлерском суде тянулся восемьдесят три года и прекратился только потому, что были истощены все средства: проценты, капитал — все было ухлопано дочиста! Так и здесь: расследования, комиссии, передача дела из одной инстанции в другую, тысячи разных процедур — все это может тянуться до бесконечности. Пройдет десять лет, а суд все еще не вынесет окончательного решения и пятьсот миллионов попрежнему будут лежать в банке.

Доктор Саразен слушал все эти разглагольствования поверенного и думал, когда же он кончит. Хоть он и не принимал за чистую монету все, что преподносил ему мистер Шарп, все же его невольно охватило чувство унылой безнадежности. Он сравнивал себя с путешественником, устремившим нетерпеливый взор на желанную пристань, которая была уже совсем, совсем близко и вдруг снова начала удаляться, таять в тумане и, наконец, совсем скрылась из виду. Так может случиться и с этим наследством — казалось, оно уже было вот здесь, у него в руках, и ему уже было найдено назначение, и вдруг все это стало таким зыбким и, кажется, вот-вот растает у него на глазах.

— Н-да... Что же делать? — наконец, промолвил он.

— Что делать? — протянул мистер Шарп. — Гм... Трудно сказать... А распутать этот узел еще труднее. Но в конце концов все может разрешиться и вполне благополучно, — мистер Шарп был в этом почти уверен. — Английское судопроизводство — лучшее в мире. Несколько медлительное, правда, но действует безошибочно. Можно не сомневаться, что через несколько лет доктор Саразен будет бесспорно владеть этим наслед-

ством... если, конечно, кхе... кхе... права его будут законно доказаны.

Доктор Саразен вышел из конторы мистера Шарпа, сильно поколебленный в своей уверенности, что права его будут когда-либо доказаны, и совершенно убежденный в том, что ему надо выбрать одно из двух: или вести бесконечные тяжбы, или отказаться от своей мечты. И, вспомнив о прекрасном проекте, он тяжело вздохнул.

Между тем мистер Шарп тут же вызвал к себе профессора Шульце и заявил ему, что доктор Саразен никогда не слышал ни о какой Терезе Ланжеволь, что он категорически отрицает существование какой-либо немецкой родни и даже мысли не допускает ни о каком соглашении. Герру Шульце, если он желает настаивать на своих правах, не остается, повидимому, ничего другого, как подать в суд.

Мистер Шарп — лицо в данном случае абсолютно незаинтересованное, ибо его интерес к этому делу носит чисто любительский характер, — разумеется, не станет его отговаривать: чего еще может пожелать любой юрист, как не судебного процесса! Побольше судебных процессов, да таких, чтобы тянулись несколько десятков лет, как обещает тянуться это дело. Мистер Шарп как профессионал может только радоваться этому. Если бы он не опасался возбудить подозрения у профессора Шульце, то простер бы свою незаинтересованность вплоть до того, что предложил бы профессору в качестве защитника его интересов одного из своих коллег... О! Выбор защитника в таком деле имеет громадное значение. Профессия юриста в наши дни стала чем-то вроде большой дороги. Какие только проходимцы и авантюристы не лезут сюда! Стыдно сознаться в этом, но приходится.

— А если этот доктор француз пойдет на соглашение? Сколько это будет стоить? — внезапно спросил профессор.

Вот что значит умный человек: словами его не проведешь! Сразу видно, человек дела — не тратит времени даром, а идет прямо к цели. Мистер Шарп даже несколько огорчился такой необыкновенной прямолинейностью. Он стал доказывать герру Шульце, что дела

так скоро не делаются, что нельзя предрешать исход переговоров, когда они еще не начаты, что если доктора Саразена и удастся склонить к соглашению, то не иначе как путем проволочки, чтобы у него отнюдь не могла явиться мысль, что герр Шульце готов идти на мировую.

— Прошу вас, сударь, — заключил он, — предоставьте это дело мне, положитесь во всем на меня, и я вам ручаюсь за успех.

— Я тоже ручаюсь, — сказал герр Шульце, — но я бы хотел знать, сколько это будет стоить.

Однако на этот раз ему не удалось выведать у мистера Шарпа, в какую сумму английский поверенный расценивает немецкую благодарность, и он вынужден был предоставить юристу в этом деле полную свободу действий.

Когда на другой день доктор Саразен, вызванный мистером Шарпом, вошел к нему в кабинет, мистер Шарп, несколько встревоженный тем невозмутимым спокойствием, с которым доктор осведомился о своих делах, заявил ему, что после тщательного рассмотрения, взвесив все за и против, он пришел к выводу, что зло надо уничтожить в самом корне и лучшее, что можно сейчас сделать, — это предложить новому претенденту пойти на соглашение. Мистер Шарп тут же подчеркнул, что немногие на его месте способны бы проявить такое исключительное бескорыстие и дать своему клиенту подобный совет. Но он, мистер Шарп, печется об этом деле с истинно отеческой заботливостью и ставит себе целью привести его к скорейшему разрешению.

Доктор Саразен, выслушав этот совет мистера Шарпа, признал его более или менее разумным. Он так свыкся за эти дни с мечтой осуществить как можно скорее свой прекрасный проект, что готов был всем поступиться для этой цели. Отложить его на десять лет или хотя бы даже на год было бы для него жестоким разочарованием. Слабо разбираясь в финансовых и юридических вопросах, он хоть и не вполне доверял пышным разглагольствованиям мистера Шарпа, тем не менее охотно готов был уступить свои права за солидную

сумму наличными деньгами, которые позволили бы ему немедленно приступить к делу. Поэтому он предоставил мистеру Шарпу полную свободу действий.

Таким образом, английский поверенный добился того, чего хотел. Возможно, что другой на его месте поддался бы соблазну затянуть дело, затеять ряд бесконечных судебных процессов, которые обеспечили бы его фирму солидной пожизненной рентой. Но мистер Шарп был не из тех людей, которые занимаются длительными спекуляциями. Он видел перед собой возможность снять одним махом обильный урожай и решил не упускать случая. На другой день он написал доктору, что герр Шульце, повидимому, не возражает против того, чтобы вступить в переговоры о соглашении.

В следующие визиты к доктору и затем к герру Шульце он по очереди сообщил своим клиентам, что противная сторона категорически отказывается от каких бы то ни было переговоров о соглашении и что, кроме того, ходят слухи о где-то объявившемся третьем претенденте на наследство.

Эта игра тянулась примерно неделю. С утра все как будто складывалось как нельзя лучше, а вечером вдруг возникало какое-нибудь неожиданное препятствие, и все шло насмарку. Бедному доктору то и дело расставлялись какие-то капканы, внезапно возникали какие-то недоразумения, колебания, задержки... Мистер Шарп никак не мог решиться дернуть удочку — он очень боялся, что в самый последний момент рыба начнет биться и сорвется с крючка. Но по отношению к доктору Саразену все эти меры предосторожности были совершенно излишни. С самого первого дня доктор, во что бы то ни стало желавший избежать всяких проволочек, связанных с процессом, готов был пойти на соглашение. Наконец, когда, по мнению мистера Шарпа, «психологический момент» наступил, или, выражаясь более развязным языком, клиент был «готов», он сразу дернул лесу и предложил немедленно подписать соглашение.

Тут же нашелся и готовый к услугам благожелательный банкир Стилбинг, который предложил разделить капитал поровну между обеими сторонами, от-

считать каждому из них по двести пятьдесят миллионов и удержать за услугу в качестве комиссионных всего лишь скромный излишек полумиллиарда — двадцать семь миллионов.

Доктор Саразен чуть было не бросился на шею мистеру Шарпу, когда тот явился к нему с этим предложением. Он готов был подписать эти условия тут же, он жаждал подписать их, он находил их великолепными и с радостью воздвиг бы золотые памятники банкиру Стилбингу, поверенному Шарпу и всей банкирской и сутяжнической братии Соединенного королевства.

Итак, составили акты, созвали свидетелей. В Сомерсетхауз все подготовили для скрепления актов. Герр Шульце сдался.

Прижатый к стене мистером Шарпом, он, скрежеща зубами, должен был признать, что, имей он своим противником не столь покладистого человека, как доктор Саразен, он только прогорел бы на своих хлопотах и остался бы ни с чем.

Все совершилось очень быстро. После того как оба наследника представили свои полномочия и официально заявили о своем согласии на раздел наследства, каждый из них получил чек на предъявителя на сто тысяч фунтов стерлингов и гарантийное обязательство на выплату всего капитала тотчас же по завершении некоторых необходимых формальностей.

Так, к величайшей славе и торжеству англосаксонской расы, закончилось это поистине удивительное дело.

Рассказывают, что в тот же вечер мистер Шарп, обедая со своим приятелем Стилбингом в Кобден-клубе, выпил бокал шампанского за здоровье доктора Саразена и другой за здоровье профессора Шульце, а потом, увлекшись, воскликнул, приканчивая бутылку:

— Урра! Правь, Британия!.. Ну, разве может кто тягаться с нами!

Но, сказать правду, банкир Стилбинг считал, что его приятель опростоволосился, ибо, польстившись на двадцать семь миллионов, он выпустил из рук дело, которое могло бы принести по меньшей мере пятьдесят, и то же самое думал профессор Шульце, поскольку он-то,

разумеется, был вынужден пойти на любое соглашение! А подумать только, что можно было сделать с таким человеком, как доктор Саразен! Легкомысленный, неустойчивый кельт да фантазер к тому же.

Герр Шульце слышал о проекте своего соперника построить французский город и создать в нем такие условия, которые способствовали бы развитию лучших человеческих качеств на здоровых моральных и физических основах и счастливому росту мужественных и сильных поколений. Эта затея доктора Саразена казалась профессору нелепой. Он заранее предсказывал ее полный провал, ибо она, по его мнению, противоречила закону эволюции, который обрекал латинскую расу на вырождение, на полное подчинение саксонской расе, а в дальнейшем на полное исчезновение с лица земли. Однако, если проект доктора будет в какой-то мере осуществлен и тем паче если представить себе, что он будет иметь успех, этот процесс может нежелательным образом затянуться. Поэтому долг каждого истинного саксонца, признающего этот незыблемый закон и приверженного идее мирового порядка, — стараться всеми силами помешать безумной затее И тут становилось ясно, что именно он, профессор Шульце, доктор химических наук, приват-доцент Иенского университета, известный своими многочисленными трудами о различии рас — трудами, в которых он доказывал, что германская раса избрана поглотить все другие, — именно он призван великой неизменной созидательной и разрушительной силой природы уничтожить этих пигмеев, осмелившихся взбунтоваться против нее. От века было предрешено, что Тереза Ланжеволь соединится браком с Мартином Шульце и что обе эти расы — германская в лице профессора Шульце и латинская в лице доктора Саразена — столкнутся друг с другом и первая уничтожит вторую. И вот он, Шульце, уже держит в своих руках половину состояния доктора Саразена — оружие, которым он будет бороться.

Впрочем, этот поединок в программе профессора Шульце отнюдь не стоял на первом месте: он только дополнял его другие, гораздо более обширные планы об истреблении всех народов, которые не захотят слиться

с германской расой и посвятить себя служению Фатерланду.

Однако, объявляя себя беспощадным врагом французского ученого, профессор Шульце считал необходимым поближе ознакомиться с его проектом, если только это можно было назвать проектом. С этой целью он принял участие в международном гигиеническом конгрессе и стал аккуратно посещать его заседания. После одного из таких заседаний, когда члены конгресса покидали зал, доктор Саразен и кое-кто из присутствующих услышали, как профессор Шульце в разговоре с кем-то громко заявил, что одновременно с Франсевиллем будет воздвигнут другой мощный город, который сотрет с лица земли этот противоестественный, нелепый муравейник.

— Я надеюсь, — прибавил он, — что опыт, который мы проделаем, послужит примером всему миру.

При всей своей любви к человечеству доктор Саразен отлично знал, что не все его ближние достойны именоваться филантропами. Человек здравомыслящий, он тут же сказал себе, что никогда не стоит пренебрегать никакой угрозой, и хорошо запомнил эти слова своего противника. Спустя некоторое время в письме Марселю, которому он предлагал принять участие в своем проекте, он рассказал об этом случае и так живо изобразил профессора Шульце, что юный эльзасец понял, с каким жестоким врагом предстоит иметь дело доброму доктору Саразену. Письмо доктора заканчивалось следующей фразой:

«Нам понадобятся сильные и энергичные люди, деятельные и неутомимые ученые, не только для того, чтобы созидать, но и для того, чтобы защищаться».

Марсель тотчас же ответил ему:

«Если я в настоящее время и лишен возможности принять участие в созидании вашего города, вы твердо можете рассчитывать на то, что я приду вам на помощь в нужный момент Я постараюсь не упускать из виду этого Шульце, которого вы так живо описали Мой долг эльзасца обязывает меня поближе ознакомиться с его планами. Рядом с вами или вдали от вас я предан вам

неизменно И если даже в течение нескольких месяцев, а может быть и лет, вы ничего не услышите обо мне, не беспокойтесь. Где бы я ни был, цель у меня одна — трудиться на пользу вам и, следовательно, служить Франции».

ГЛАВА ПЯТАЯ

Стальной город

Прошло пять лет с тех пор, как наследство бегумы перешло в собственность ее наследников. Действие происходит теперь в Соединенных Штатах, на юге Орегона, в десяти милях от побережья Тихого океана. Здесь, между двумя пограничными государствами, расстилается обширная территория, представляющая собой нечто вроде американской Швейцарии.

В самом деле, здесь все напоминает Швейцарию· крутые утесы вонзают в небо свои остроконечные вершины, глубокие лощины прорезают длинные цепи гор, величественный и дикий ландшафт открывается взору, если поглядеть сверху, с высоты птичьего полета.

Но в этой обманчивой Швейцарии не процветает мирный труд, как в той европейской Швейцарии, где жители пасут скот на горах, содержат гостиницы для приезжающих, нанимаются в проводники, — нет, это скорее альпийские декорации: скалистые горы, ущелья, поросшие вековыми соснами, а под всем этим царство железа и каменного угля.

Если какой-нибудь путник, прельстившись этим уединенным пейзажем, остановится и прислушается к горной тишине, он не уловит в этом величественном безмолвии того гармонического лепета жизни, которым наполнены тропы Оберланда. До него доносятся издалека глухие удары молота, он чувствует у себя под ногами тяжелое содрогание земли от отдаленных взрывов. Ему кажется, словно он стоит на подмостках необъятного театра, что эти громадные скалы пусты внутри и что они в любую минуту могут кануть в какие-то таинственные глубины

Дороги, мощенные щебнем со шлаком, извиваются по склонам гор. Среди пучков желтой, опаленной травы куски дробленого шлака, отливающие всеми цветами, горят, как глаза василиска. Там и сям — заброшенная шахта, размытая дождями, поросшая по краям колючим терновником, зияет своей разинутой пастью, открывая бездонную пропасть, напоминающую кратер потухшего вулкана. Воздух пропитан копотью и плотно окутывает землю темной пеленой. Ни одна птица не пролетит, даже насекомые исчезли отсюда, и никто и не помнит, водились ли здесь когда-нибудь бабочки.

Обманчивая Швейцария! На северной границе этого горного района, там, где крутые уступы переходят в отлогую равнину, открывается между двумя грядами голых холмов «красная пустыня», — так называлась до 1871 года эта местность по цвету почвы, пропитанной окислами железа. Ныне она именуется «Штальфельд», что значит «стальное поле».

Представьте себе горное плато, простирающееся на пять-шесть квадратных миль, с песчаной бесплодной почвой, усеянной галькой, безжизненное, пустынное, как высохшее дно какого-то давно исчезнувшего моря. Природа ничего не сделала, чтобы оживить эту пустыню, но человек внезапно проявил неслыханную энергию и упорство.

За пять лет на голой, каменистой равнине выросло восемнадцать рабочих поселков с маленькими серыми, сплошь одинаковыми деревянными домишками, — их привезли совсем готовыми из Чикаго, и теперь здесь живет многочисленное рабочее население.

В самом центре рабочих поселков, у подножья горного кряжа, таящего неистощимые запасы каменного угля, возвышается темная громада — мрачные квадраты зданий с симметрично расположенными рядами окон, а над красными крышами этих зданий — густой лес цилиндрических труб, непрестанно изрыгающих громадные клубы черного дыма; этот дым заволакивает небо черной завесой, которую то и дело прорезают яркие огненные вспышки. Ветер доносит издалека глухой грохот, похожий на раскаты грома или на гул прибоя, но более ритмичный и величественный.

Это Штальштадт — Стальной город, немецкий город, собственное владение герра Шульце, бывшего профессора химии Иенского университета, а ныне благодаря миллионам бегумы крупнейшего в мире сталелитейщика, который занимается главным образом отливкой пушек, поставляя их во все страны Нового и Старого Света.

Он отливает пушки всех видов и всех калибров, с гладким каналом и с нарезкой, с казенником, неподвижным и скользящим, — для России и для Турции, для Румынии и Италии, для Японии и Китая, но больше всего для Германии.

Благодаря могущественной силе денег, как бы по мановению волшебного жезла, выросла из-под земли эта страшная громада, этот город-завод, где живут и работают тридцать тысяч рабочих — преимущественно немцев. В два-три месяца продукция этого нового завода благодаря своему непревзойденному качеству приобрела мировую известность.

Профессор Шульце добывает железную руду и каменный уголь из собственных шахт; тут же переплавляет их в сталь и тут же отливает из нее пушки. Он сумел достигнуть того, что не удавалось ни одному из его конкурентов. Во Франции делали отливки весом до сорока тысяч килограммов; в Англии удалось отлить чугунную пушку в сто тонн весом; в Эссене, на заводе Круппа, отливают бруски стали весом до пятисот тысяч килограммов, но для герра Шульце не существует никаких пределов: закажите ему пушку любого веса, любой мощности — он отольет ее в точности, блестящую, как новенькая монета, аккуратно в назначенный срок.

Но и цену заломит, будьте уверены! Похоже, что доставшиеся ему в 1871 году миллионы только раздразнили его аппетит.

В пушечном производстве, так же как и во всяком другом, впереди всех оказывается тот, кто умеет делать то, чего не умеют другие. Излишне говорить, что пушки герра Шульце отличаются не только тем, что они могут быть любого размера, но также и своим превосходным качеством. Они, разумеется, изнашиваются от употребления, но они никогда не разрываются.

Штальштадтская сталь обладает, повидимому, какими-то особыми свойствами. Каких только сказок не рассказывают о штальштадтских таинственных сплавах и химических секретах! Но достоверно только одно — никто не знает, в чем заключаются эти секреты. Да, в этом можно не сомневаться, в Штальштадте хорошо умеют хранить секреты.

В этом уголке Северной Америки, отрезанном от мира стеной гор, окруженном пустыней, расположенном по меньшей мере на расстоянии пятисот миль от ближайшего населенного места, нет никаких следов той свободы, из которой выросла могучая сила республики Соединенных Штатов.

Если судьба приведет вас к стенам Штальштадта, тщетно будете вы пытаться проникнуть в его тяжелые ворота, от которых в обе стороны тянутся глубокие рвы и высятся укрепления. Суровая, неумолимая стража немедленно вернет вас обратно. Вам придется остановиться в одном из пригородов. Попасть в Стальной город вы можете только, если знаете магическое слово, пароль, или если у вас имеется пропуск, скрепленный всеми надлежащими печатями и подписями.

Такой пропуск, повидимому, был у молодого рабочего, который в одно пасмурное ноябрьское утро прибыл в Штальштадт и, оставив в гостинице предместья свой потертый кожаный саквояж, направился пешком к ближайшим воротам этого города.

Это был рослый малый, крепкого сложения, одетый на манер американских колонистов в толстую матросскую куртку без воротника, шерстяную фуфайку и широкие плисовые штаны, заправленные в высокие сапоги. Низко надвинув на глаза широкополую фетровую шляпу, словно стараясь скрыть свое прокопченное угольной пылью лицо, он шел легкой походкой, тихонько насвистывая себе в бороду.

Подойдя к воротам, молодой человек протянул караульному бумажку, на которой было что-то напечатано, и его тотчас же пропустили.

— У вас пропуск к мастеру Зелигману, сектор «К», улица девять, мастерская семьсот сорок три, — сказал караульный. — Ступайте направо по окружному шоссе

до указательного знака «К» и там подойдете к будке. Правило знаете? За вход в чужой сектор тут же увольняют! — крикнул он вслед удалявшемуся молодому человеку.

Молодой рабочий пошел по указанному направлению и очутился на круговом шоссе. Справа от него тянулось полотно окружной железной дороги, а за нею высилась точно такая же стена, как та, что окружала город. Таким образом, весь город представлял собой систему концентрических кругов, разделенных радиальными укреплениями на обособленные, не сообщающиеся между собой секторы, но опоясанные одним общим рвом и крепостной стеной.

Вскоре молодой человек подошел к столбу с литерой «К», стоявшему против массивных ворот, над которыми была высечена из камня та же буква. Он постучал в окошко будки. На этот раз к нему вышел человек на деревянной ноге, с медалью на груди. Он внимательно прочел бумажку, приложил к ней еще одну печать и сказал:

— Пойдете прямо. Девятая улица налево.

Молодой человек миновал этот второй заградительный пост и очутился, наконец, в секторе «К». По обе стороны дороги, которая вела от ворот, тянулись под прямым углом ряды одинаковых зданий.

Грохот машин становился все оглушительней. Эти мрачные серые корпуса, глазеющие тысячью светящихся окон, были похожи на каких-то чудовищ. Но пришелец, повидимому, привык к такого рода зрелищу и не обращал на него никакого внимания.

Минут через пять он завернул на девятую улицу и, разыскав цех 743, вошел в небольшое помещение, заставленное стеллажами и картотеками, среди которых восседал мастер Зелигман.

Мастер взял пропуск, внимательно прочел его и перевел глаза на молодого человека.

— Пудлинговщиком поступаете? — спросил он. — Уж очень вы молоды.

— Не в возрасте дело, — отвечал молодой рабочий. — Мне скоро будет двадцать шесть, и я уже семь месяцев как работаю пудлинговщиком. Могу, если

желаете, показать вам аттестаты, которые я предъявлял начальнику вашей конторы по найму в Нью-Иорке

Молодой человек говорил по-немецки свободно, но с каким-то легким акцентом, который, повидимому, вызвал некоторое подозрение мастера.

— Вы эльзасец? — спросил он.

— Нет, я швейцарец, из Шафгаузена. Да вот, я могу показать вам мои бумаги, у меня все в порядке.

Он вынул из кожаного портфеля паспорт, аттестаты и удостоверения и протянул все это Зелигману.

— Хорошо, хорошо, — сказал тот, успокоившись при виде официальных документов, — в конце концов вас приняли, и мое дело только указать вам рабочее место.

Он внес имя Иоганна Шварца в большую книгу, затем написал это имя на голубой карточке под номером 57938 и вручил ее молодому человеку.

— Ежедневно в семь утра вы должны являться к будке у ворот «К» и предъявлять эту карточку, по которой вас будут пропускать в город. В будке вы возьмете жетон с вашим номером и утром, приходя, будете предъявлять этот жетон мне. В семь часов вечера, по окончании работы, вы будете опускать этот жетон в ящик у входа в цех. Ровно в семь, ни минутой раньше.

— Правила-то мне известны... А я могу жить на территории завода? — спросил Шварц.

— Нет, вы должны найти себе помещение в поселке, но питаться вы можете в цеховой столовой за очень умеренную цену. Ваша заработная плата пока что будет доллар в день. Через каждые три месяца она увеличивается на двадцать процентов.. Взысканий у нас не бывает — только увольнения. При первом же нарушении правил я отдаю приказ об увольнении. Приказ подписывает инженер цеха. Вы хотите сегодня же приступить к работе?

— А почему бы нет?

— Предупреждаю, что сегодняшний день будет считаться за полдня, — сказал мастер и, предложив Шварцу следовать за ним, направился к внутренней галерее.

Они прошли широким коридором, пересекли двор и вступили в обширное помещение, которое своими раз-

мерами и устройством напоминало дебаркадер большого вокзала. Окинув цех взглядом профессионала, Шварц на секунду замер на месте от восхищения.

По обе стороны длинного зала шли в два ряда массивные цилиндрические колонны, не уступающие по высоте и диаметру колоннам храма святого Петра в Риме. Они поднимались от земли до стеклянного свода и через него выходили наружу. Это были трубы пудлинговых печей, поставленные на каменном фундаменте. Их было пятьдесят в каждом ряду. К одному концу платформы ежеминутно подходили поезда с чугуном, которым загружали печи; с другого конца чугун, уже превращенный в сталь, грузили в прибывающие пустые составы.

Это превращение и достигается пудлингованием. Здесь проворно и ловко орудовали бригады полуголых циклопов, вооруженных железными крючьями.

В печь, засыпанную шлаком, укладывают куски чугуна и доводят их до сильного накала. Чтобы получить железо, этот чугунный сплав доводят до состояния вязкой массы и затем начинают размешивать. Чтобы получить сталь — металл, столь близкий железу по составу, но вместе с тем столь отличающийся от него по своим свойствам, — надо выждать, чтобы сплав превратился в текучую массу, для чего требуется более высокий накал печи. Тогда пудлинговщик, вооруженный железной клюшкой, ворочает и мешает в огне эту металлическую массу до тех пор, пока она, смешавшись со шлаком, не достигнет определенной степени упругости. Затем, разделив ее на четыре части — «крицы», он передает их одну за другой на паровой молот.

Тут же производится следующая операция. Против каждой печи установлен паровой молот, приводимый в движение паром из вертикального котла, вделанного в эту же печь. Молотобоец в высоких сапогах с наколенниками, в нарукавниках из листового железа, в толстом кожаном фартуке и в металлической сетке, защищающей лицо, похожий на рыцаря в доспехах, подхватывает длинными щипцами раскаленную крицу и укладывает ее под молот. Под действием парового молота, который обрушивается на крицу всей своей

колоссальной тяжестью, все лишние примеси и загрязняющие шлаки выжимаются из крицы, словно из губки, — снопы искр, огненные брызги летят во все стороны. Затем крицу снова бросают в печь и, накалив до нужной степени, опять кладут под паровой молот.

В этой огромной кузнице стоял непрерывный гул, скрежет, тяжкие глухие удары; стремительно двигались тысячи приводных ремней, высоко фейерверком разлетались огненные брызги, нестерпимое пламя раскаленных добела печей слепило глаза. Человек среди этого яростного рева порабощенной материи казался почти ребенком.

Но какие же крепкие, сильные молодцы были эти пудлинговщики! Стоять у пылающей печи и месить вытянутыми руками несколько часов подряд в этой адской температуре раскаленную добела металлическую массу в двести килограммов весом и при этом не спускать с нее глаз — от такого каторжного труда самый здоровый человек в какие-нибудь десять лет приходит в полную негодность.

Шварц, как бы желая показать мастеру, что он к этому делу привычен, сбросил с себя куртку, снял фуфайку и, обнажив торс молодого атлета с отчетливо обрисовывающимися крепкими мускулами, вооружился клюшкой и начал умело орудовать в печи.

Убедившись, что он прекрасно справляется с этим делом, мастер оставил его за работой, а сам вернулся в контору.

Юноша работал без перерыва до самого обеда. Но потому ли, что он вносил в свою работу слишком много рвения, или, быть может, недостаточно подкрепился с утра, он вдруг как-то сразу выдохся и ослаб, что тотчас же заметил старший в бригаде.

— Нет, ты в пудлинговщики не годишься, — сказал он. — Лучше сейчас же просись в другой цех, а то потом поздно будет.

Шварц стал уверять его, что это случайная усталость, которая скоро пройдет, и что он может пудлинговать не хуже всякого другого. Тем не менее бригадир счел нужным доложить начальству, и молодого рабочего тотчас же вызвали к старшему инженеру.

Инженер тщательно проверил его документы и, покачав головой, сурово спросил:

— Разве вы пудлинговщиком работали в Бруклине?

Шварц в смущении опустил глаза.

— Я уж вам сознаюсь, что я работал литейщиком... Хотел заработать побольше, вот и решил пойти в пудлинговщики.

— Вот все вы так, — с досадой сказал инженер, пожимая плечами. — В двадцать пять лет вы хотите делать работу, которая и в тридцать пять не всякому под силу... Хороший ли вы литейщик по крайней мере?

— Последние два месяца я числился по первому разряду.

— Незачем вам было уходить оттуда. Здесь вы начнете с третьего. И еще будьте довольны, что вам дают возможность перейти в другой цех.

Инженер черкнул несколько слов на пропуске, связался с конторой по проволочному телеграфу и, обратившись к Шварцу, сказал:

— Верните ваш жетон, выходите из цеха и отправляйтесь прямо в сектор «О», в контору старшего инженера. Он предупрежден.

У ворот сектора «О» Шварцу снова пришлось пройти через все те формальности, какие он преодолел, чтобы попасть сюда.

Его опросили, прежде чем впустить, потом направили к мастеру, и тот сам проводил его в литейный цех.

Здесь работа была более спокойная и не такая напряженная.

— Это у нас малый цех, — сказал мастер, — мы отливаем здесь только сорокадвухмиллиметровые пушки. К отливке больших орудий допускаются только рабочие первого разряда.

«Малый» цех имел сто пятьдесят метров в длину и шестьдесят пять в ширину. В нем, по беглому подсчету Шварца, помещалось по меньшей мере шестьсот тиглей, установленных в зависимости от их размеров по четыре,

по восемь и двенадцать штук в печах, расположенных вдоль стен.

Посредине, во всю длину цеха, шло продольное углубление, где стояли готовые формы, куда поступала расплавленная сталь. По обе стороны углубления тянулись рельсы, по которым двигался подъемный кран, подавая и забирая эти огромные массы металла. Как и в пудлинговом цеху, с одного конца по путям прибывали составы, груженные сталью, с другого увозили только что отлитые пушки. Возле каждой формы стоял рабочий с железным прутом в руках, наблюдавший за плавкой в тиглях. Все эти операции, которые были знакомы Шварцу по другим заводам, здесь были доведены до совершенства.

Когда проба показывала, что плавка готова, раздавался сигнальный звонок, и тотчас же к каждой печи подходили двое рабочих одинакового роста с железной штангой на плечах. По свистку бригадира, который с хронометром в руках наблюдал за операцией, тигель щипцами вынимали из огня и вешали на крючья штанги. Рабочие плавным движением опрокидывали содержимое тигля в специальные желоба из огнеупорной глины, по которым расплавленная сталь стекала в воронку, расположенную над изложницей, а раскаленный тигель опускали в приспособленную для этой цели ванну.

Эта операция производилась последовательно каждой бригадой рабочих у каждой печи, без единого перебоя, причем каждое движение было так строго рассчитано, что через одну десятую секунды после того, как опрокидывали последний тигель, все тигли уже лежали в ванне.

Железная дисциплина, привычка, приобретенная опытом, и ритмическая согласованность всех движений совершали это чудо.

Шварц, повидимому, был хорошо знаком с этим процессом. Его поставили в пару с рабочим его роста и после проверки работы на пробной отливке признали превосходным литейщиком. После окончания работы мастер сказал ему, что он может надеяться на быстрое повышение.

Когда Шварц в семь часов вечера вышел за пределы Стального города, он первым делом отправился в гостиницу за своим саквояжем. Оттуда он пошел по дороге, которая вела к группе домиков, замеченных им еще утром. Здесь он без труда нашел себе комнатку у одной доброй женщины, которая взяла его на полный пансион.

Поужинав, он не пошел искать встречи с другими молодыми рабочими в пивной, а заперся у себя в комнате, вынул из кармана кусок стали и кусок шихты, которые он незаметно подобрал в литейной, и при свете коптящей лампы стал внимательно рассматривать их.

Затем он достал из саквояжа толстую переплетенную тетрадь и, перелистав страницы, исписанные разными заметками, формулами и вычислениями, сел писать. Он писал по-французски, но из предосторожности шифром, ключ которого был известен ему одному:

«Десятое ноября. Штальштадт. В методе пудлингования не обнаружил ничего особенного. Взаимоотношения температур, сравнительно невысоких при первой и повторной плавке, соответствуют правилам Чернова. Что же касается литья, оно производится по способу Круппа, но с совершенно изумительной точностью и согласованностью действий.

В этой точности и кроется секрет успеха немцев. Она объясняется присущей немцам музыкальностью. Англичанам труднее достигнуть такого совершенства, и не столько из-за дисциплины, сколько из-за отсутствия слуха. А вот французы, лучшие танцоры в мире, легко могли бы этого добиться. Пока что не нахожу ничего загадочного в этом замечательно поставленном производстве. Образцы руды, которые я подобрал в горах, мало чем отличаются от наших доброкачественных железняков. Каменный уголь действительно очень высокого качества и прекрасно коксуется, но не отличается никакими другими особенностями. Несомненно, к процессу обработки у Шульце приступают только после тщательной очистки руды, но это не так уж трудно

осуществить. Теперь для того, чтобы до конца проникнуть во все тайны их производства, мне осталось только определить состав огнеупорной глины, из которой они делают тигли, литейные формы и трубы. Когда этот секрет будет у нас в руках и мы приучим наших рабочих-литейщиков к такой же дисциплине и точности, я не сомневаюсь, что мы сможем делать у себя то же, что делают здесь. Правда, я видел пока еще всего только два цеха, а их по крайней мере двадцать четыре, не считая центрального аппарата, планового и модельного отделов и секретного кабинета. Что-то они замышляют в этом логове? После угроз герра Шульце, заполучившего в свои руки такое наследство, можно опасаться всего».

Тут Шварц, почувствовав усталость, захлопнул тетрадь, разделся, взял какую-то старую книжку и, улегшись в постель, которая отличалась всеми неудобствами типичной немецкой постели, закурил трубку.

Мысли его блуждали где-то далеко. Попыхивая трубкой, он рассеянно следил за легкими облачками светлого ароматного дыма. Наконец, он отложил книгу и долго лежал задумавшись, словно углубившись в решение какой-то трудной задачи.

— Ах, что бы там ни было, — вдруг воскликнул он, — хотя бы сам черт помогал герру Шульце, все равно я проникну в его секрет и узнаю, что он там такое задумал против Франсевилля!

Он уснул с именем доктора Саразена на устах, но во сне с губ его срывалось другое имя, имя маленькой девочки Жанны. Она все еще была девочкой в его воспоминании, хотя с тех пор, как они расстались, она уже успела превратиться во взрослую девушку. Конечно, это было естественной ассоциацией идей. Мысль о докторе влекла за собой невольное воспоминание о его дочери. Во всяком случае, когда Шварц, или, вернее, Марсель Брукман, проснулся на другой день, все еще полный мыслями о Жанне, он ничуть не удивился упорству этого воспоминания, а усмотрел в нем лишь новое подтверждение правильности превосходных психологических трактатов Стюарта Милля.

ГЛАВА ШЕСТАЯ

Шахта Альбрехт

Госпожа Бауэр, добрая женщина, у которой поселился Марсель Брукман, была швейцарка. Муж ее, рудокоп, погиб четыре года тому назад, во время одной из катастроф, которые ежеминутно угрожают жизни шахтера. Завод выплачивал ей маленькую пенсию — тридцать долларов в год; к этому присоединялось то, что она выручала от сдачи внаем комнаты со столом, и заработок ее маленького сына Карла.

Хотя Карлу было только тринадцать лет, он уже работал в шахте; на его обязанности лежало открывать после прохода вагонеток с углем одну из тех заслонок, которые служат в шахте для вентиляции и правильного циркулирования воздуха. Домик, где жила бедная вдова, находился далеко от шахты Альбрехт, и мальчику было не под силу совершать каждый день такое утомительное путешествие, — поэтому он ночевал в шахте и сменял конюха, который уходил вечером домой; маленький Карл оставался на его месте и присматривал за шестью лошадьми, работавшими в шахте.

Таким образом, жизнь Карла изо дня в день круглые сутки протекала на глубине пятисот метров под землей. Днем он дежурил у вентилятора, ночью спал на соломе возле своих лошадей. Только раз в неделю, по воскресеньям, он поднимался на землю и в течение нескольких часов мог наслаждаться благами, доступными каждому человеку: солнечным светом, синевой неба и материнской улыбкой. Легко представить себе, что этот мальчик после недельного пребывания под землей отнюдь не походил на выхоленного ребенка. Он напоминал скорее сказочного гнома, а не то так маленького трубочиста или негритенка. Поэтому госпожа Бауэр обычно час с лишним хорошенько отмывала его с помощью изрядного количества мыла и горячей воды. Потом она извлекала на свет из недр большого некрашеного шкафа добротный костюмчик из толстого зеленого сукна, переделанный из отцовских обносков, и,

облачив в него Карла, весь день любовалась своим сынишкой, находя его краше всех на свете.

Отчищенный от угольной пыли, Карл и в самом деле выглядел не хуже других. Волосы у него были светлые, шелковистые, а на бледном, прозрачном личике сияли кроткие голубые глаза; он был очень маленького роста для своих лет. Жизнь под землей делала его слабым и болезненным, как хилое растение, выросшее без солнечного света, в подвале. Если бы кто-нибудь взял на себя труд исследовать его кровь при помощи аппарата доктора Саразена, у него, несомненно, обнаружили бы явный недостаток красных кровяных шариков.

Характер у Карла был спокойный, несколько флегматичный, и в его манерe держать себя уже обнаруживалось то молчаливое сознание собственного достоинства, присущее всем шахтерам, которое поддерживается чувством постоянной опасности, суровым трудом и упорством, необходимым для преодоления тяжелых и непредвиденных препятствий. Любимым занятием мальчика было, усевшись рядом с матерью за большим столом, стоявшим посреди комнаты, накалывать на картон чудовищных насекомых, которых он находил под землей.

Теплая и ровная атмосфера шахт имеет свою фауну, мало исследованную натуралистами; то же можно сказать и о подземной флоре — на влажных пластах каменного угля растут причудливые зеленоватые мхи, уродливые, безыменные грибы и стелется бесформенная плесень.

Инспектор Маульсмюле, страстный энтомолог, чрезвычайно интересовался этой подземной жизнью. Он обещал мальчику, что будет давать ему серебряную монету за каждый экземпляр нового вида. Это обещание заставляло мальчугана тщательно обыскивать все закоулки шахты и постепенно развило в нем любовь к коллекционированию. Теперь он уже с увлечением собирал насекомых для собственной коллекции.

Но он увлекался не только пауками и мокрицами. В своем уединении он завел тесную дружбу с двумя летучими мышами и полевкой. Он утверждал, что эти его друзья были самыми умными и самыми кроткими зверь-

ками на свете, пожалуй, умнее даже его лошадок с длинной, блестящей, как шелк, шерстью, о которых он с восхищением рассказывал матери.

Карл особенно любил мудрого Блер-Атоля, самого старого обывателя подземной конюшни, которого шесть лет тому назад спустили на глубину пятисот метров и с тех пор ни разу не поднимали на свет божий. Теперь он уже почти совсем ослеп, но как он хорошо знал подземный лабиринт! Как уверенно поворачивал направо или налево, когда тащил вагонетку! Не было случая, чтобы Блер-Атоль когда-нибудь ошибся. Он всегда вовремя останавливался перед заслоном как раз на таком расстоянии, чтобы можно было открыть дверцу, не задев его. И каким приветливым ржаньем встречал он мальчика утром и вечером, когда тот приносил ему корм! Такое доброе, ласковое, привязчивое животное!

— Ты знаешь, мама, он по-настоящему целует меня, он трется мордой о мою щеку каждый раз, когда я подхожу к нему! — говорил Карл. — А еще знаешь, мама, какое это для нас счастье, что Блер-Атоль так хорошо знает часы! Если бы не он, мы бы целую неделю так и не знали — утро или вечер, день или ночь у нас в шахте.

Так он болтал, сидя за столом, а госпожа Бауэр слушала его и восхищалась. Она тоже любила Блер-Атоля, к которому так привязался ее мальчик, и никогда не забывала послать ему кусок сахару. Как бы ей хотелось посмотреть на этого старожила, которого знал еще ее покойный муж! Ее тянуло взглянуть на это ужасное место, где после взрыва нашли обугленный труп бедного Бауэра... Но женщин не пускали в шахты, и она должна была довольствоваться рассказами своего сына.

О, она хорошо знала его шахту, эту огромную черную пропасть, поглотившую ее мужа! Сколько раз она ждала его у этой огромной зияющей пасти, сколько раз следила взглядом за двойной клетью, в которой скользили вдоль каменной кладки стен бадьи, подвешенные к стальным блокам на своих тросах; как часто наведывалась она в деревянное здание у входа в шахту, заглядывала в машинное отделение, в кабинку табельщика и в другие служебные помещения! Сколько раз

грелась она у огня громадной сушильни, где углекопы, выйдя из ствола, сушат свою одежду, а нетерпеливые курильщики спешат зажечь трубку! Как свыклась она с каждым стуком и скрипом этой адской двери! И как хорошо знала всех этих подземных тружеников — приемщиков, которые отцепляли груженные углем вагонетки, прицепщиков, сортировщиков, промывальщиков, машинистов, кочегаров, — все они проходили мимо нее, отправляясь на работу.

Она рисовала в своем воображении то, чего не могла видеть глазами, следуя мысленным взором за этой исчезающей бадьей, набитой людьми, среди которых когда-то был ее муж, а теперь ее единственный ребенок. Некоторое время до нее еще доносились смех и голоса, но, быстро удаляясь, они слабели, затихали и, наконец, совсем смолкали в глубине. Ей казалось, что она видит, как эта клетка опускается все ниже и ниже в узком вертикальном стволе, вот она уже на глубине пятисот, шестисот метров, — какая огромная высота отделяет ее от поверхности земли — вчетверо выше самой высокой пирамиды! Вот, наконец, клеть останавливается, рабочие спешат выйти и мигом расходятся влево и вправо по своему подземному городу: откатчики идут к своим вагонеткам, забойщики, вооруженные кайлом, в свои забои — рубить пласты, бутовщики — заменять породой извлеченные угольные сокровища, крепильщики — ставить обклады, подпирающие кровлю галерей, дорожные мастера — чинить пути, прокладывать рельсы, каменщики — выкладывать своды.

Широкий, как проспект, главный штрек идет от центрального ствола к другому стволу на расстоянии трехчетырех километров. Оттуда под прямым углом расходятся второстепенные галереи и дальше параллельно им подсобные ходы.

Между этими галереями возвышаются черные стены — массивы угля или породы. И все это такими правильными квадратами, громоздкими, черными!

В этом лабиринте черных, совершенно одинаковых улиц, при свете безопасных ламп, движется, копошится, снует взад и вперед целая армия полуголых рабочих.

Вот что видела перед собой госпожа Бауэр, когда, оставшись одна, сидела в раздумье у камелька, глядя на огонь.

И в этом лабиринте подземных ходов она особенно ясно представляла себе тот коридор, который она знала лучше других, где ее маленький Карл открывал и закрывал дверцу заслона.

Когда наступал вечер, дневная смена поднималась наверх, а в шахты спускалась ночная смена. Но ее мальчик не поднимался вместе с другими. Он отправлялся в конюшню к своему любимцу Блер-Атолю, задавал коню порцию овса и сена и, усевшись возле него, принимался за свой скромный ужин, который ему присылали сверху; потом, поиграв с полевкой, пригревшейся у его ног, и с двумя летучими мышами, кружившимися возле него, он укладывался спать тут же на подстилке из соломы.

Как ясно представляла себе все это госпожа Бауэр и как быстро, с полуслова понимала она все, что рассказывал о своей подземной жизни маленький Карл!

— Знаешь, мама, что мне вчера сказал господин Маульсмюле? Он сказал, что если я отвечу ему правильно на все вопросы по арифметике, которые он мне задаст, то он возьмет меня к себе в помощники, когда будет снимать план шахты, и даст мне держать нивелировочную ленту. У нас, кажется, собираются прокладывать новый штрек, чтобы соединить нашу шахту с шахтой Вебера, а ведь это очень трудно размерить все так, чтобы он вышел как раз туда, куда нужно.

— Вот как! — воскликнула обрадованная госпожа Бауэр. — Тебе сказал это сам господин Маульсмюле!

И она тут же представила себе, как ее маленький Карл держит протянутую по всей галерее нивелировочную ленту, а инженер ходит с записной книжкой в руке и, справляясь со своим компасом, отмечает, где пройдет штрек.

— Но я боюсь только, что я не все понимаю в этой арифметике, — продолжал Карл, — и мне некого попросить, чтобы мне объяснили. Вдруг я отвечу неверно.

Тут Марсель, который молча курил свою трубку, сидя на табурете возле печки, вмешался в разговор и, обратившись к Карлу, сказал:

— А ты бы мне показал, что ты там не понимаешь, — может быть, я смогу тебе объяснить.

— Вы сможете объяснить? — с сомнением в голосе спросила госпожа Бауэр.

— А что же, — сказал Марсель, — ведь не зря же я каждый день после ужина хожу на вечерние занятия. Наш учитель очень доволен мной и говорит, что я могу помогать ему заниматься с отстающими.

С этими словами Марсель прошел к себе в комнату, принес оттуда чистую тетрадь и, усевшись рядом с мальчиком, спросил, что ему непонятно в задаче, и так хорошо объяснил ему все, что Карл тут же решил ее без всякого труда.

С этого дня госпожа Бауэр прониклась уважением к своему жильцу, а Марсель и маленький Карл стали друзьями.

Между тем на заводе Марсель зарекомендовал себя превосходным литейщиком, и его скоро перевели во второй, а затем и в первый разряд.

Каждое утро ровно в семь часов он входил в ворота сектора «О» и каждый вечер после ужина отправлялся на вечерние занятия, которые вел инженер Трюбнер. Геометрию, алгебру и черчение он одолевал с одинаковым усердием, и его необыкновенные успехи поражали учителя. Спустя два месяца после поступления на завод Шульце молодой рабочий Шварц заслужил репутацию самого способного и толкового работника не только в секторе «О», но и во всем Стальном городе. Рапорт, представленный о нем в конце квартала его непосредственным начальником, заканчивался следующей официальной характеристикой: «Шварц (Иоганн), двадцати шести лет, литейщик первого разряда. Считаю своим долгом обратить внимание высшей администрации на этого молодого человека, который обладает исключительными способностями и выделяется как своими теоретическими знаниями, так и практической сметкой и ярко выраженной изобретательской жилкой».

Однако, чтобы привлечь к Марселю внимание выс-

шей администрации, понадобился совершенно необыкновенный случай; случай этот не замедлил представиться, но обстоятельства, сопутствующие ему, оказались весьма трагическими.

Как-то раз утром в воскресенье Марсель, прислушавшись к бою часов, с удивлением обнаружил, что уже пробило десять, а его маленького друга Карла все еще нет. Он спустился вниз спросить госпожу Бауэр, не знает ли она, отчего запоздал Карл, но госпожа Бауэр сама была в страшном беспокойстве: мальчик должен был прийти из шахты по крайней мере два часа тому назад. Марсель, видя ее в таком смятении, решил пойти узнать, что случилось, и направился к шахте Альбрехт.

Дорогой он встретил кое-кого из шахтеров и спросил, не видели ли они маленького Карла, но, получив от них отрицательный ответ и пожелав им glück auf, что значит буквально «счастливо вернуться наверх» (обычное приветствие немецких углекопов), отправился дальше.

Часов около одиннадцати он подошел к шахте Альбрехт. В это воскресное утро здесь не было той оживленной сутолоки, какая обычно бывает у входа в шахту в рабочие дни. Одна только молоденькая «модистка» (шахтеры так в шутку прозвали сортировщиц) болтала с табельщиком, которому даже в праздничные дни полагалось дежурить у шахты.

— Не заметили вы, поднялся из шахты маленький Карл Бауэр, номер сорок одна тысяча девятьсот два? — спросил его Марсель.

Табельщик заглянул в свой список и отрицательно покачал головой.

— А другого выхода из шахты нет?

— Нет, это единственный. Второй, северный выход еще только строят.

— Тогда, значит, мальчик внизу?

— Очевидно, — отвечал табельщик, покачав головой, — но это странно. По воскресеньям там остаются только пять дежурных сторожей.

— Нельзя ли мне спуститься — узнать, не случилось ли там чего?

— Без разрешения нельзя.

— А вдруг его там завалило? — сказала молоденькая «модистка».

— Ну что там может завалиться в воскресенье? — невозмутимо ответил табельщик.

— Но все-таки ведь надо узнать, что с ним такое, — продолжал настаивать Марсель.

— А вы обратитесь к мастеру машинного отделения, вон там в будке, если только он еще здесь...

Мастер, к счастью, оказался на месте. В праздничном костюме, в туго накрахмаленном, точно сделанном из жести воротничке он возился с каким-то отчетом. Человек отзывчивый, серьезный, он тотчас же откликнулся на просьбу Марселя.

— Мы сейчас вместе посмотрим, что там случилось, — сказал он и тут же распорядился, чтобы дежурный механик приготовил машину для спуска.

— А вы не захватите с собой приборы Галибера? — спросил Марсель. — Может быть, они нам пригодятся.

— Пожалуй, вы правы... Никогда нельзя знать, что может случиться под землей.

Мастер достал из шкафа два одинаковых резервуара, похожих на сифоны, в которых на улицах Парижа продают прохладительные напитки. Это сосуды со сжатым воздухом, оканчивающиеся резиновой трубкой с роговым наконечником, который зажимают зубами. Сосуд накачивают воздухом при помощи специальных мехов. С этим запасом воздуха, зажав нос деревянными щипчиками, можно безнаказанно находиться в отравленной вредными газами атмосфере.

Надев на спину приборы, мастер с Марселем вошли в бадью, канат стал сматываться с барабана, и спуск начался. При слабом свете маленьких электрических фонариков они медленно углублялись в темное подземелье.

— А у вас, видно, нервы крепкие, — заметил мастер. — Новички обычно побаиваются спускаться, сидят, как кролики, жмутся на дне бадьи.

— Ну, что вы, — отвечал Марсель, — чего ж тут бояться. Правда, мне раза два-три уже приходилось спускаться в рудники.

Наконец, они очутились на дне шахты. Сторож, дежуривший на площадке, сказал им, что не видел маленького Карла.

Они отправились в конюшню. Лошадям, повидимому, наскучило стоять в одиночестве, — так по крайней мере можно было заключить по тому радостному ржанью, каким встретил их Блер-Атоль. На стене висел брезентовый плащ Карла, а в углу, рядом со скребницей, лежал его учебник арифметики.

Марсель сейчас же заметил, что безопасной лампы Карла в конюшне нет и, следовательно, мальчик находится где-нибудь в глубине шахты.

— Может, конечно, случиться, что его где-нибудь засыпало, — сказал мастер, — но это мало вероятно. Зачем ему понадобится идти в рабочие забои в воскресенье?

— А может, он пошел охотиться за букашками, — сказал сторож. — Он за ними куда хочешь пойдет.

Подошедший в это время конюх подтвердил эти предположения. Он видел, как Карл рано утром, часов около семи, пошел с фонарем в шахту. Недолго думая, решили приступить к поискам. Созвали свистками дежурных сторожей, взяли большой план шахты, распределили маршрут и, вооружившись лампами, углубились в боковые галереи и ходы.

Через два часа все разветвления шахты были пройдены, и все семь человек сошлись на центральной площадке. Нигде не было обнаружено никаких признаков обвала, но и никаких следов маленького Карла.

Проголодавшийся мастер высказал предположение, что, может быть, мальчик как-нибудь незаметно давно уже поднялся наверх и сидит преспокойно дома, но Марсель уверял его, что этого не может быть, и настаивал на продолжении поисков.

— А вот это что такое? — внезапно спросил он, указывая на плане место, отмеченное пунктиром, подобно тому, как географы на картах отмечают еще не исследованные земли в Арктике.

— Это брошенная выработка. Начали было разрабатывать, да оказался очень тонкий пласт, — объяснил мастер.

— И там есть заброшенные ходы? — вскричал Марсель. — Ну, значит, там и надо искать.

Он сказал это с такой уверенностью, что никто не стал возражать, и все вместе направились к заброшенному участку.

Они вскоре достигли устья галереи; судя по мокрым, обомшелым стенкам хода, здесь уже давно не вели никаких работ. Некоторое время они не обнаруживали ничего подозрительного. Внезапно Марсель остановился и спросил:

— Никто из вас не чувствует тяжести в ногах? Слабости или дурноты?

— У меня вот уже несколько времени, как кружится голова. Здесь явно ощущается присутствие углекислого газа. Вы разрешите мне зажечь спичку? — обратился он к мастеру.

— Конечно, мой друг, зажигайте.

Марсель вынул из кармана спичечницу, зажег спичку и, наклонившись, поднес ее к земле. Пламя тотчас же погасло.

— Так я и думал, — сказал он. — Газ этот, будучи тяжелее воздуха, стелется по земле. Здесь не годится оставаться, — я, конечно, имею в виду тех, у кого нет прибора Галибера. Может быть, мы с вами вдвоем осмотрим этот участок? — обратился он к мастеру.

Тот согласился. Отослав остальных, они взяли в рот наконечники своих приборов и, зажав нос деревянными щипчиками, пошли дальше по заброшенной галерее.

Через четверть часа им пришлось выйти оттуда, чтобы возобновить запас воздуха, после чего они снова продолжали свои поиски.

Наконец, после третьей передышки их усилия увенчались успехом. Они увидели в глубине тусклый голубоватый свет безопасной лампы. Ускорив шаги, они направились туда.

У сырой стены неподвижно лежал уже похолодевший маленький Карл. Губы у него были синие, лицо багровое, пульс не работал.

Повидимому, он хотел поднять что-то с земли, наклонился и, вдохнув насыщенный углекислотой воздух, сразу лишился сознания.

Все усилия вернуть его к жизни оказались тщетными. Он лежал здесь уже по меньшей мере часа четыре.

На следующий день к вечеру на кладбище Штальштадта прибавилась еще одна могила, а бедная госпожа Бауэр осталась одна-одинешенька на белом свете.

ГЛАВА СЕДЬМАЯ

Центральный сектор

Медицинское заключение доктора Эхтернаха, главного врача шахтерского участка Альбрехт, гласило, что смерть Карла Бауэра, № 41902, тринадцати лет от роду, «заслонщика» в галерее 228, последовала от асфиксии в результате отравления углекислотой, поглощенной в большом количестве дыхательными органами.

Другое, не менее ученое заключение — инженера Маульсмюле — указывало на необходимость расширить вентиляционную сеть и охватить ею участок «В» пятнадцатой зоны, где наблюдается медленное просачиванье вредных газов.

Второй, краткий рапорт инженера Маульсмюле обращал внимание высшей администрации на самоотверженное поведение мастера Райера и литейщика первого разряда Иоганна Шварца.

Спустя дней десять после этого трагического случая литейщик Иоганн Шварц, войдя утром в караульную будку, чтобы снять с доски свой жетон, увидел на этой доске следующий приказ:

«Литейщику Шварцу явиться сегодня в десять часов утра в контору главного директора, центральный сектор, ворота и улица «А». Одежда городская».

«Наконец-то! — подумал Марсель. — Долго же они думали, но хорошо, что додумались».

Из своих воскресных прогулок в окрестностях Штальштадта и разговоров с товарищами Марсель успел узнать кое-что об организации города. Он знал,

что приглашения явиться в центральный сектор удостаивались немногие, и по этому поводу рассказывали всякие легенды. Говорили, что смельчаки, пытавшиеся хитростью проникнуть в запретную зону, не возвращались обратно; что каждый рабочий и служащий, допущенный в это святая святых, подвергался всякого рода таинственным испытаниям и приносил торжественную клятву хранить все виденное и слышанное им в тайне, а нарушившего клятву судили тайным судом и карали смертью.

Святилище это соединялось с окружной линией подземной железной дорогой. По этой дороге ночью нередко прибывали таинственные гости. За высокими стенами в центральном здании происходили заседания Высшего совета, в которых эти загадочные незнакомцы принимали участие...

Марсель не очень доверял подобным разговорам и слухам, но знал, что они вызваны действительно трудным доступом в центральный сектор.

У него было немало друзей среди рабочих — и рудокопы, и углекопы, и доменщики, и формовщики, и плотники, и кузнецы, но ни один из тех, кого он знал, никогда не переступал заповедных ворот «А».

Со смешанным чувством любопытства и тайного удовлетворения Марсель в назначенный час подходил к воротам. Он сразу мог убедиться в том, что здесь поистине соблюдались все самые строгие меры предосторожности. Прежде всего выяснилось, что его уже ждали. Два человека в серых мундирах, с саблями на боку и револьверами у пояса, стояли в караульном помещении. Это помещение, подобное келье сестры-привратницы какого-нибудь сурового монастыря, имело две двери: одну — отворявшуюся наружу, другую — внутреннюю. При этом двери никогда не отворялись одновременно.

Марсель подал пропуск; его тщательно проверили, поставили печать, а затем люди в серой форме, ни слова не говоря, завязали Марселю глаза и, подхватив его под руки, повели в неизвестном направлении.

Они прошли около трех тысяч шагов, поднялись по лестнице, перед ними распахнулась дверь, которая, впу-

стив их, тотчас же захлопнулась, и, наконец, Марселю разрешили снять повязку.

Молодой человек увидел, что находится в просторной комнате, где стояло всего несколько стульев, черная доска и большой чертежный стол со всеми принадлежностями для черчения. Свет проникал в комнату через высокие окна с матовыми стеклами.

Тотчас же вслед за ними вошли два человека, напоминавшие своим видом университетских профессоров.

— Нам аттестовали вас как исключительно одаренного субъекта, — сказал один из них. — Мы намерены проэкзаменовать вас, и, если ваши знания окажутся удовлетворительными, вы будете переведены в модельный цех. Угодно вам сейчас подвергнуться испытаниям?

Марсель скромно ответил, что он готов.

Тогда оба экзаминатора по очереди стали задавать ему вопросы из химии, геометрии и алгебры. Молодой человек отвечал безошибочно и ясно; вычерченные им на доске геометрические фигуры отличались безупречной отчетливостью, строгостью и изяществом линий. Цифры его уравнений вытягивались стройными, правильными рядами, как колонны войск на параде. Одно из его решений поразило экзаминаторов своей необыкновенной тонкостью и новизной доказательства; они не замедлили выразить ему свое удивление и спросили, где он учился математике.

— На родине, в Шафгаузене, в средней школе, — скромно ответил Марсель.

— Вы, повидимому, прекрасный чертежник?

— Это был мой любимый предмет.

— Вы не находите, что народное образование в Швейцарии поставлено на удивительную высоту? — сказал экзаминатор, обращаясь к своему коллеге. — Так вот, мы вам даем два часа на выполнение этого чертежа, — продолжал он, повернувшись к Марселю и передавая ему схему довольно сложной паровой машины, представленной в разрезе. — Если вы проявите себя в этом так же, как проявили в устных ответах, мы дадим вам оценку «весьма удовлетворительно и вне конкурса».

И с этими словами они удалились.

Марсель, оставшись один, с жаром принялся за работу.

Ровно через два часа экзаминаторы вернулись. Чертеж Марселя, повидимому, настолько поразил их, что они не ограничились обещанной лаконичной оценкой, а с обоюдного согласия приписали: «У нас нет чертежников с таким исключительным дарованием».

Вслед за тем в комнату снова вошли молчаливые серые проводники и, подвергнув Марселя той же церемонии, то есть завязав ему глаза, повели его в кабинет главного директора.

— Вас рекомендуют чертежником в модельный цех, — сказал Марселю директор. — Готовы ли вы подчиниться всем нашим правилам?

— Я их не знаю, но полагаю, что они приемлемы, — отвечал Марсель.

— Так вот. Во-первых, вам надлежит в течение всего срока вашей службы жить на территории самого цеха. Вы не можете выходить за пределы этой территории без особого разрешения, которое дается только в исключительных случаях. Во-вторых, вы подчиняетесь военному уставу и должны беспрекословно повиноваться вашему начальству. Всякое нарушение дисциплины влечет за собой соответствующее взыскание согласно воинскому уставу. Вам присваивается звание унтер-офицера действующей армии Стального города, и, проявляя себя достойным образом, вы можете достигнуть самых высших чинов. В-третьих, вы даете присягу никогда никому не разглашать того, что вы увидите или услышите в отделе, где будете работать. В-четвертых, ваша переписка будет вскрываться начальством, и вести ее разрешается только с родными...

«Короче говоря, настоящая тюрьма», — подумал Марсель, но вслух сказал спокойно:

— Я нахожу эти условия справедливыми и готов им подчиниться.

— Хорошо. Поднимите руку и повторяйте за мной слова присяги... Итак, вы зачисляетесь чертежником в четвертый цех. Вам будет предоставлено помещение.

Питаться вы будете здесь же — у нас отличная столовая. Ваши вещи с вами?

— Нет, я не знал, зачем меня вызывали. Все мое имущество у меня на квартире.

— За ним будет послано, ибо вы с этого момента не имеете права выходить за пределы этой территории.

«Хорошо, что я писал свои заметки шифром, — подумал Марсель. — Вот бы они попались им в лапы!»

К концу дня Марсель окончательно расположился в уютной комнате на четвертом этаже огромного здания, стоявшего в глубине двора, и уже мог составить себе некоторое представление о своей будущей жизни. Она уже не казалась ему такой безотрадной, как вначале.

Его товарищи по работе, с которыми он познакомился в столовой, были по большей части спокойные, мягкие люди, всецело поглощенные своим трудом.

Чтобы внести некоторое оживление в свое чересчур монотонное существование, они организовали своими силами недурной оркестр и каждый вечер устраивали интересные концерты. В редкие часы досуга можно было пойти в библиотеку или читальню, которые предоставляли богатейший выбор научной литературы. Кроме того, при цехе были устроены специальные, обязательные для всех курсы, где занятия вели старые, опытные профессора. Время от времени слушатели подвергались испытаниям или участвовали в конкурсах. Словом, в этом ограниченном мирке не хватало только движения, воздуха, свободы. Это было своего рода закрытое учебное заведение для вполне сложившихся взрослых людей, но учебное заведение с таким суровым режимом, что, как бы ни были люди приучены к железной дисциплине, такая атмосфера не могла не действовать угнетающе.

Зима прошла в усидчивой работе, которой Марсель отдавался душой и телом. Его усердие, совершенство его чертежей и поразительные успехи по всем предметам были отмечены всеми профессорами и экзаминаторами и завоевали ему славу среди товарищей. Он считался, по общему признанию, самым талантливым, изобретательным и самым искусным

чертежником-конструктором. Возникало ли какое-нибудь затруднение — обращались к Марселю. Даже начальство, считаясь с его опытностью и знаниями, относилось к нему с невольным уважением, которое внушает к себе истинное дарование наперекор самой черной зависти.

Но если Марсель, проникнув в центральный сектор Стального города, надеялся, что теперь проникнет во все его тайны, — он жестоко ошибся. Вся его жизнь протекала за железной решеткой, окружавшей пространство в триста метров в диаметре.

Умственная деятельность Марселя охватывала все самые разнообразные отрасли металлургической промышленности. Практически же она ограничивалась конструкцией и чертежами паровых машин.

Он чертил машины любого размера, любой мощности, для любой отрасли производства и промышленности, начиная с военного корабля и кончая типографией. Но дальше этого он не шел. Строжайшее разделение труда, доведенное до крайности, замыкало его, словно тиски.

После четырехмесячного пребывания в центральном секторе Марсель знал о продукции Стального города в целом не больше, чем до своего поступления сюда. Ему удалось только приобрести некоторое представление об организации этой машины, в которой он, несмотря на все свои заслуги, был не более чем ничтожным винтиком. Он знал теперь, что центром этой паутины, именуемой Штальштадтом, была так называемая «Башня быка» — циклопическая постройка, высоко вздымающаяся над всем городом. Из рассказов, которые обычно передавались шепотом в столовой и не всегда отличались правдоподобием, Марсель узнал, что личная резиденция герра Шульце находится в основании башни и там же, в самой глубине, в центре помещается и знаменитый тайный кабинет. Рассказывали, что это большой сводчатый зал со всякими противопожарными приспособлениями, бронированный изнутри, как военное судно снаружи, что у него целая система стальных дверей с секретными

скорострельными замками, которые сделали бы честь любому банку.

По общему мнению, герр Шульце заканчивал работу над новой чудовищной военной машиной неслыханной мощности, которая якобы должна обеспечить Германии владычество над всем миром.

Тщетно Марсель ломал себе голову, стараясь найти способ проникнуть в тайну профессора Шульце, тщетно придумывал он тысячи самых отчаянных планов с переодеванием и веревочной лестницей. Он вынужден был признаться себе, что все его проекты неосуществимы. Эти мрачные толстые стены, залитые ночью потоками яркого света, охраняемые испытанной стражей, были непреодолимой преградой для всех его надежд и усилий. Но если бы даже ему удалось каким-то чудом одолеть эту преграду, что увидел бы он за ней? Частности, только частности, ведь все равно ему не удалось бы раскрыть все сложные махинации этого злодейского замысла.

Но ничего! Он поклялся себе не отступать и не отступит. Если ему придется тянуть эту лямку десять лет, он выдержит десять лет. Но пробьет час, когда эта тайна откроется ему. Это должно случиться. А между тем благодатный город Франсевилль растет и процветает, открывая усталым исстрадавшимся людям новый сияющий горизонт.

Марсель не сомневался, что это великое достижение, этот триумф латинской расы приводит Шульце в ярость и что он сейчас более, чем когда-либо, исполнен решимости привести в исполнение свои угрозы. Подтверждением этому были Штальштадт и вся деятельность этого страшного города.

Прошло несколько месяцев. Как-то раз в марте, когда Марсель в тысячный раз давал себе эту клятву Ганнибала, перед ним внезапно выросла серая фигура служителя и объявила ему, что его требует главный директор.

— Я получил приказ от герра Шульце, — сообщил ему этот высокий сановник, — прислать ему нашего лучшего чертежника. Это, без сомнения, вы. Извольте сейчас же собрать ваши вещи, и вас немедленно

проводят во внутренний сектор. Кроме того, имею честь вам сообщить, что вы произведены в лейтенанты.

Итак, в ту минуту, когда он уже почти готов был отчаяться, его мужественный героический труд в силу естественного, логического хода вещей открывал ему доступ к цели.

Марсель так обрадовался, что забыл о самообладании, — лицо его просияло.

— Я счастлив сообщить вам такую прекрасную новость, — продолжал директор, — и могу только посоветовать вам и впредь держаться того пути, который вы своим усердием проложили себе. Перед вами открывается блестящее будущее. Ступайте же.

Наконец-то, путем такого длительного испытания, он приблизится к цели, которой поклялся достичь.

Марсель мигом уложил вещи и последовал за своими серыми провожатыми. И вот, наконец, он миновал последнюю преграду и перед ним открылись единственные ворота с улицы «А», которые так долго оставались для него закрытыми. Через несколько минут он очутился у подножия неприступной «Башни быка», которая до сих пор показывала ему только свою мрачную вершину, теряющуюся в облаках.

Зрелище, открывшееся перед ним, было для него полной неожиданностью.

Представьте себе человека, который из шумного, скучного, казенного европейского учреждения внезапно перенесся в девственный тропический лес.

Это чудо свершилось с Марселем. При этом надо заметить, что девственный лес, конечно, сильно выигрывает, когда мы знакомимся с ним по описаниям великих писателей, тогда как парк герра Шульце был поистине настоящим чудом, созданным руками человека. Кругом со всех сторон поднималась зеленая чаща — стройные пальмы, широколиственные бананы, причудливой формы кактусы; гибкие лианы, обвиваясь вокруг высоких эвкалиптов, ниспадали зелеными гирляндами или пышной, густой завесой. Всюду пестрели прекрасные невиданные цветы. Сочные ананасы и гоявы зрели рядом с благоухающими апельсинами. Стаи колибри и райских птичек носились над головой,

сверкая всеми красками своего роскошного оперения. Знойный тропический воздух был насыщен тонким благоуханием.

Марсель оглядывался по сторонам, ища глазами стеклянные крыши и калориферы, производившие это чудо, но видел только синее небо и не мог прийти в себя от изумления.

Потом он вдруг вспомнил, что где-то совсем близко отсюда находятся каменноугольные копи, где вот уже много лет происходит постоянное горение, и понял, что герр Шульце остроумно использовал при помощи металлических труб эти неистощимые запасы подземного тепла. Но и объяснив себе это чудо, он продолжал стоять как вкопанный, не в силах оторвать очарованного взора от зеленых газонов и с упоением вдыхая пропитанный благоуханием воздух. Наконец-то он может вознаградить себя за те шесть месяцев, что он провел взаперти, не видя ни единой травинки. Усыпанная песком аллея отлого спускалась к широкой мраморной лестнице с величественной колоннадой. За ней возвышалась тяжелая громада массивного квадратного здания, служившего как бы пьедесталом «Башни быка». По обе стороны лестницы стояли лакеи в красных ливреях, а выше, у входа, швейцар в треуголке, с булавой в руке. Роскошные бронзовые канделябры сверкали между колоннами. Поднимаясь по ступеням, Марсель услышал у себя под ногами глухой отдаленный шум подземной железной дороги.

Марсель назвал свое имя, и его тотчас же ввели в вестибюль, представляющий собой настоящий музей скульптуры. Но он едва успел бросить взгляд по сторонам: они уже вошли в громадный, обитый красным с золотом зал, затем во второй — черный с золотом и, наконец, в третий — желтый с золотом, где ему велели подождать. Через несколько минут двери распахнулись, и его пригласили войти в роскошный кабинет, отделанный зеленым с золотом.

Сам герр Шульце, собственной персоной, сидел за столом, со своей неизменной фарфоровой трубкой в зубах, перед ним стояла громадная кружка пива. Посреди всего этого блеска и роскоши он производил

впечатление грязного пятна на ярко вычищенном лаковом сапоге.

Не приподнявшись, даже не повернув головы, стальной король спросил холодно и сухо:

— Вы чертежник?

— Да, сударь.

— Я видел ваши чертежи. Они превосходны. Но вы, повидимому, занимались исключительно конструкцией паровых машин?

— Мне никогда не поручали ничего другого.

— Имеете ли вы хоть какое-нибудь представление о баллистике?

— Я изучал ее в свободное время, для собственного удовольствия.

Ответ этот, повидимому, пришелся по душе герру Шульце. Он удостоил поднять глаза на своего подчиненного.

— Так вот! Способны ли вы под моим руководством сделать чертеж пушки? Посмотрим, как вы справитесь с этой задачей. Не знаю, удастся ли вам заменить этого дурака Зоне, которого сегодня утром разорвало на куски из-за его неосторожного обращения с динамитом. Дубина, он чуть было всех нас не отправил на тот свет!

Нужно сознаться, что грубость и жестокость этих слов в устах герра Шульце казались вполне естественными.

ГЛАВА ВОСЬМАЯ

Пещера дракона

Читатель, внимательно следивший за успешной карьерой молодого эльзасца, наверное не удивится, узнав, что через несколько недель юноша сделался самым приближенным лицом герра Шульце. Стальной король не отпускал его от себя ни на минуту. Они вместе работали, вместе ели, прогуливались вдвоем в парке или сидели, покуривая, за кружкой пива.

Никогда за всю свою жизнь бывший профессор Иенского университета не встречал ассистента, который пришелся бы ему так по душе. Этот молодой человек понимал его с полуслова и с необычайной быстротой схватывал все его теоретические построения.

И это был не только искусный специалист своего дела, нет, это был усердный работник, неистощимый, талантливый изобретатель, на редкость скромный человек и при всем этом интереснейший собеседник.

Профессор Шульце был от него в полном восторге: десять раз в день он повторял про себя: «Какая находка! Истинное сокровище этот мальчишка».

Секрет был в том, что Марсель с первого взгляда безошибочно угадал характер своего страшного патрона. Он увидел, что господствующей чертой его характера был чудовищный, всепоглощающий эгоизм, проявлявшийся прежде всего в неукротимом, гнусном тщеславии. Стараясь во всем потворствовать этой отвратительной черте, Марсель неуклонно согласовывал с ней каждый свой поступок, каждое слово. За очень короткое время Марсель так хорошо овладел этим искусством, что Шульце в его руках был подобен инструменту в опытных руках музыканта.

Тактика заключалась в том, что он, изощряя насколько возможно свои способности, делал все так, чтобы у Шульце всегда оставалась возможность чувствовать свое превосходство.

Так, например, делая какой-нибудь чертеж, он доводил его до совершенства, но оставлял на самом виду какую-нибудь бросающуюся в глаза легко исправимую ошибку, на которую бывший профессор тотчас же с великим воодушевлением указывал ему. Возникала ли у Марселя какая-нибудь интересная для Шульце мысль, он старался ввернуть ее в разговор так, чтобы у герра Шульце создалось впечатление, что эта мысль зародилась у него самого.

Иногда Марсель даже оставлял в стороне все эти хитрости и попросту говорил:

— Герр Шульце, я набросал вам модель этого нового судна со съемным тараном, о котором вы мне говорили.

— Я говорил? — в недоумении спрашивал герр Шульце, у которого и в мыслях не было ничего подобного.

— Ну да. Разве вы забыли? Съемный таран, оставляющий в борту неприятельского судна веретенообразную торпеду, которая взрывается по истечении трех минут.

— Представьте, совершенно из головы вылетело. Ну оно и не удивительно — у меня столько всяких идей!

И герр Шульце со спокойной совестью приписывал себе изобретение своего ассистента.

Возможно, что сам он и не совсем верил в это. Весьма вероятно, что в глубине души он считал Марселя значительно осведомленнее и способнее себя. Но по какому-то странному сдвигу мышления, которое иногда совершается в мозгу человека, он вполне удовлетворялся видимостью превосходства и тем впечатлением, какое оно производило на других, в особенности на его подчиненного.

— А все-таки, при всем своем уме и способностях, он сущий простофиля, этот Шварц, — нередко говорил он себе, самодовольно посмеиваясь и обнажая при этом свои чудовищные, звериные зубы.

Однако главным источником удовлетворения его ненасытного тщеславия было то, что он, один он во всем мире, мог осуществить эти технические изобретения, эти удивительные смелые фантазии. Только благодаря ему и только для него, для него одного, они воплощались в действительность. Марсель в конечном счете был всего лишь одним из полезных винтиков того мощного механизма, создание которого принадлежит ему, Шульце.

И как ни тесно было его сотрудничество с Марселем, герр Шульце никогда не посвящал его в свои планы. После пяти месяцев пребывания в «Башне быка» тайны центрального сектора были все так же непроницаемы для Марселя. Правда, кое-какие из его предположений обратились в уверенность. С каждым днем он все больше убеждался, что в Штальштадте действительно существует некая тайна и что деятель-

ность герра Шульце ставит себе целью не только наживу. Его теоретические занятия и самый характер его производства вполне определенно указывали на то, что он изобрел какую-то новую военную. машину.

Но ключ к этой тайне никак не удавалось подобрать.

Время шло, и Марсель в конце концов вынужден был сказать себе, что ожиданием он ничего не добьется и только какой-нибудь исключительный случай может дать ему возможность проникнуть в эту тайну. А так как случай заставлял себя ждать, он решил создать его сам.

Вечером 5 сентября он сидел с герром Шульце за обедом. Ровно год тому назад, в этот самый день, Марсель нашел в шахте Альбрехт труп своего маленького приятеля Карла. Рано наступающая суровая зима в этой американской Швейцарии уже успела окутать окрестности свои белым покровом. Но в парке Штальштадта воздух был теплый, как в июне, и хлопья снега, тая на лету, ложились на землю обильной свежей росой.

— А сосиски с капустой сегодня были недурны, — мечтательно промолвил герр Шульце, который при всех своих миллионах не утратил привязанности к своему излюбленному кушанью.

— Да, изумительны! — подхватил Марсель, который с мужественным терпеньем каждый день ел эти до смерти опротивевшие ему сосиски. Он почувствовал, как у него поднимается тошнота, и, должно быть, это чувство заставило его решиться проделать, не откладывая, задуманный им опыт.

— Я иногда думаю, — со вздохом продолжал герр Шульце, — как это люди, которые живут в странах, где нет ни пива, ни сосисок, ни капусты, могут мириться с таким жалким существованием.

— Да, конечно, такая жизнь — сплошное мученье, — поддакнул Марсель. — По-моему, было бы высшим актом гуманности присоединить их всех к Фатерланду.

— А что ж, так оно и будет, так и будет! — воскликнул герр Шульце. — Вот мы уже сейчас в самом

центре Америки. Дайте нам только занять островок-другой поближе к Японии, и вы увидите, как быстро мы приберем к рукам весь земной шар.

Лакей подал им трубки. Герр Шульце не спеша набил трубку, раскурил ее и, откинувшись на спинку кресла, погрузился в полное блаженство. Марсель только и ждал этой минуты.

— Признаться, не очень я верю в возможность такого завоевания, — сказал он, помолчав.

— Какого завоевания? — с удивлением спросил герр Шульце, который уже успел забыть, о чем они говорили.

— Да вот, завоевания немцами всего мира.

Бывшему профессору Иенского университета показалось, что он ослышался.

— Вы не верите в то, что немцы завоюют мир?

— Не верю.

— Нет, это прямо поразительно! Может быть, вы соблаговолите изложить причины вашего неверия?

— Причина, на мой взгляд, самая простая. Мне кажется, это не может произойти потому, что французская артиллерия в конце концов обгонит вас и возьмет над вами верх. Мои соотечественники, которые хорошо знают французов, считают, что француз, которого раз проучили, стоит двоих. Урок тысяча восемьсот семидесятого года обернется против тех, кто его дал. У меня на родине, в моей маленькой стране, сударь, в этом никто не сомневается, и уж если говорить все до конца, того же мнения держатся и наиболее дальновидные люди Англии.

Марсель произнес эти слова холодным, сухим, резким тоном, который должен был насколько возможно усилить действие этого неслыханного оскорбления, нанесенного ни с того ни с сего стальному королю.

Герр Шульце сидел ошеломленный, неподвижный, задыхающийся. Вся кровь хлынула ему в лицо, так что Марсель даже испугался, не зашел ли он слишком далеко. Но, видя, что его жертва хоть и задохнулась от бешенства, но не испустила дух; он снова заговорил:

— Да, как ни грустно, но это так. А если наши соперники не поднимают столько шуму, как мы, из этого не следует, что они не делают дела. Вы думаете, эта война ничему их не научила? Можете быть уверены, что в то время, как мы с тупым упорством стремимся только к одному — увеличить вес наших орудий, они готовят что-то новенькое и покажут нам свою новинку при первом же удобном случае.

— Готовят новинку! Новинку! — пробормотал герр Шульце. — Позвольте, а мы что же, этого не делаем?

— Вот в этом-то вся и шутка, что нет. Мы отливаем из стали то, что наши предшественники мастерили из бронзы, вот и все! И удваиваем размеры и дальнобойность наших орудий.

— Удваиваем! — с негодованием воскликнул герр Шульце.

— Да, по сути дела, — невозмутимо продолжал Марсель, — мы не что иное, как жалкие подражатели. Хотите знать правду? Вся беда в том, что нам недостает изобретательской жилки. Нам никогда ничего нового не выдумать, а у французов есть выдумка, с этим никто спорить не станет.

Герр Шульце внешне овладел собой. Но по тому, как дрожали его губы, по багровым пятнам, проступавшим на его побледневшем лице, можно было судить о том, как он потрясен.

Дойти до такого унижения! Ему, Шульце, создателю и собственнику величайшего в мире пушечного завода, ему, который видел у своих ног королей и парламенты, выслушивать от какого-то жалкого швейцарца-чертежника, что у него, стального короля Шульце, не хватает выдумки, что его побьет французский артиллерист!!! И это говорится здесь, где рядом за стальной обшивкой толстой блиндированной стены находится нечто, чем он может припереть к стене этого наглого мальчишку, заткнуть ему рот, свести на нет все эти идиотские рассуждения! Нет, этого он не может стерпеть!

Герр Шульце так внезапно сорвался с места, что трубка его полетела на пол и разбилась. Окинув Марселя язвительным, уничтожающим взглядом, он сжал челюсти и прошипел сквозь зубы:

— Идемте, сударь! Вы сейчас собственными глазами изволите убедиться, как у герра Шульце не хватает выдумки.

Марсель затеял опасную игру, но он выиграл. Выиграл потому, что ему удалось сначала ошеломить Шульце своим неожиданным дерзким заявлением, а потом, не давая ему времени опомниться, привести его в полное исступление. Ибо когда у Шульце было задето тщеславие, он забывал думать об осторожности. Теперь ему уже не терпелось поделиться своей тайной.

Он вошел в кабинет и, пропустив Марселя вперед, тщательно запер за собой дверь; потом подошел к книжным шкафам и прикоснулся к одной из полок — в стене тотчас же открылся узкий проход, замаскированный рядами книг; он выходил на каменную лестницу, которая вела до самого подножья «Башни быка». Они очутились перед тяжелой дубовой дверью; Шульце отпер ее небольшим ключиком, который всегда носил при себе. За этой дверью оказалась вторая, из кованого железа, запертая сложным замком с шифром, — такими замками запирают несгораемые шкафы. Шульце составил слово и отворил тяжелую железную створку с сложным автоматическим приспособлением с внутренней стороны, взрывающимся от прикосновения. Марсель из чисто профессионального любопытства хотел было рассмотреть поближе этот механизм, но спутник его не дал ему на это времени.

Они очутились перед третьей дверью, без всякого наружного запора, открывшейся от простого нажима, произведенного, разумеется, по какому-то определенному способу.

Преодолев эти три преграды, они поднялись на двести ступеней по чугунной лестнице, которая привела их на вершину «Башни быка», поднимавшейся высоко над городом.

Верхняя площадка этой несокрушимой гранитной башни представляла собой нечто вроде круглого каземата с узкими бойницами в стенах. В самом центре этого каземата стояла громадная стальная пушка.

— Вот, — сказал профессор, который за все время, пока они шли, не проронил ни слова.

Пушка представляла собой самое большое осадное орудие, какое когда-либо видел Марсель. Весила она по меньшей мере триста тысяч тонн и заряжалась с казенной части. Жерло ее имело в диаметре полтора метра. Установленная на стальном лафете, она скользила на стальных ползунах и двигалась с такой легкостью при помощи системы шестерен, что управлять ею мог бы и ребенок. Регулирующая пружина с задней стороны лафета ослабляла отдачу и после каждого выстрела автоматически возвращала орудие в его первоначальное положение.

— А какова пробойная сила этой штуки? — спросил Марсель, невольно залюбовавшись этим стальным чудом.

— Полным зарядом на расстоянии двадцати километров это орудие пробивает сорокадюймовую плиту с такой легкостью, как если бы это была тартинка.

— А дальнобойность?

— Дальнобойность! — воодушевляясь, вскричал Шульце. — Вот вы только что говорили, что мы, жалкие подражатели, можем только удваивать вес и дальнобойность наших пушек. Так вот, из этой пушечки я берусь с достаточной точностью отправить снаряд на расстояние сорока километров.

— Сорок километров! — вскричал пораженный Марсель. — Вы, вероятно, пользуетесь каким-то новым порохом?

— О, я теперь могу вам все рассказать, — каким-то загадочным тоном ответил Шульце. — Теперь я могу безо всяких опасений посвятить вас во все тайны. Да, крупнозернистый порох отжил свой век. Я употребляю бездымный порох. Его взрывчатая сила в четыре раза превышает силу черного пороха. И я еще увеличиваю ее впятеро, прибавляя восемь десятых его веса азотнокислого калия.

— Но разве может какое-нибудь орудие, будь оно из самой высококачественной стали, выдержать давление такого взрыва? — усомнился Марсель. — После трех-четырех выстрелов ваша пушка износится и придет в совершенно негодное состояние.

— Пусть она выстрелит только один-единственный раз — этого будет достаточно.

— Дорого обойдется вам такой выстрел!

— Один миллион — столько, сколько обошлось мне это орудие.

— Миллион за один выстрел?

— Ну что ж, если он произведет разрушений на миллиард!

— На миллиард! — повторил Марсель, но тут же, спохватившись, подавил восклицание ужаса, смешанного с невольным восхищением этим смертоносным орудием. Сделав над собой усилие, он сказал спокойным голосом: — Да, это, конечно, замечательное орудие, но при всех своих несомненных достоинствах оно как раз подтверждает мою мысль: усовершенствование, подражание, но ничего нового.

— Ничего нового! — фыркнул герр Шульце, насмешливо пожимая плечами. — Ну хорошо. Я, кажется, вам уже говорил, что у меня от вас нет никаких тайн. Идемте.

Они вышли из каземата и при помощи гидравлической подъемной машины спустились в нижний этаж. Здесь, в большом зале, на полу стояли ряды продолговатых, цилиндрической формы предметов, которые издали можно было принять за снятые с лафетов пушки.

— Вот наши снаряды, — сказал герр Шульце.

На этот раз Марсель должен был признать, что ничего подобного ему никогда не приходилось видеть.

Это были громадные цилиндры двух с половиной метров длины и метр с лишним в диаметре, в свинцовой оболочке, на которой легко отпечатывались нарезы орудия; сзади цилиндр был закрыт стальным диском, закрепленным болтом, а спереди оканчивался стальным сигарообразным наконечником, снабженным ударником.

Трудно было определить по наружному виду, в чем заключались особые свойства этих снарядов, но, глядя на них, чувствовалось, что они таят в себе такую страшную разрушительную силу, какой еще не видывал мир.

— Что, не догадываетесь? — спросил герр Шульце, видя недоумение Марселя.

— Нет, честно признаюсь, не понимаю, зачем нужен такой длинный и такой, если судить по виду, тяжелый снаряд.

— Вид обманчив, — сказал Шульце. — Вес его мало чем отличается от веса обыкновенного снаряда такого же калибра. Но я вам сейчас расскажу. Это снаряд-ракета из стекла в дубовой обшивке, заряженный под давлением в семьдесят две атмосферы жидкой углекислотой. При падении свинцовая оболочка разрывается и жидкость превращается в газ. В результате этого температура в окружающей зоне понижается на сто градусов ниже нуля, и вместе с тем огромное количество углекислого газа распространяется в воздухе. Всякое живое существо, находящееся в пределах тридцати метров от места взрыва, должно неминуемо погибнуть от этой леденящей температуры и от удушья. Тридцать метров — это, так сказать, исходная цифра, на самом же деле действие снаряда охватывает, вероятно, значительно большую площадь, примерно сто, двести метров в окружности. Тут надо учесть еще одно благоприятное для нас обстоятельство, а именно то, что углекислый газ благодаря своей тяжести надолго задерживается в нижних слоях атмосферы, в силу чего охваченная его действием зона остается зараженной в течение нескольких часов после взрыва и всякое существо, осмеливающееся проникнуть туда, погибает. Как видите, выстрел из моей пушки дает двоякий результат — мгновенный и длительный! И при этом раненых не бывает — одни трупы.

Профессор Шульце явно наслаждался, расписывая достоинства своего изобретения. К нему вернулось его прекрасное настроение, он раскраснелся, он весь сиял от гордости и показывал все свои тридцать два зуба.

— Представьте себе, — продолжал он, — несколько таких орудий, жерла которых направлены на осажденный город. Предположим, что на каждый гектар поверхности требуется одна пушка. Тогда, значит, для уничтожения города в тысячу гектаров надо располагать

сотней батарей по десяти орудий в каждой. И вот вообразите себе: все наши орудия на местах, для каждого выбрана цель, погода благоприятная, ясная. По электрическому проводу дается общий сигнал — и в одну минуту на площади протяжением в тысячу гектаров не останется ни одного живого существа! Целый океан углекислоты затопит город! А знаете, что навело меня на эту мысль? Медицинский отчет о смерти мальчика-шахтера в шахте Альбрехт в прошлом году. Правда, что-то в этом роде мне мерещилось еще в Неаполе, когда я осматривал «Собачий грот». Но только после этого случая моя мысль обрела подходящий импульс. Ну-с, вам теперь ясен принцип моего изобретения? Искусственно созданный океан чистой углекислоты! Целый океан! А ведь известно, что присутствие одной пятой этого газа в воздухе уже делает его непригодным для дыхания.

Марсель стоял молча. Ему в сущности нечего было сказать. Герр Шульце наслаждался полным торжеством, поэтому он даже несколько смягчился.

— Меня только одно не удовлетворяет, — сказал он.

— Что именно? — спросил Марсель.

— А то, что мне не удается добиться того, чтобы выстрел и взрыв были совершенно бесшумны. Досадно, что выстрел из моего орудия слишком напоминает выстрел самой обыкновенной пушки. Подумайте только, что было бы, если б и то и другое происходило совершенно бесшумно! Эта неожиданная смерть, которая прилетает беззвучно ясной тихой ночью и настигает внезапно сотни тысяч людей...

Воображаемая картина так увлекла герра Шульце, что он замолчал, поглощенный своей мечтой, которая в сущности была не чем иным, как манией величия. Марсель неожиданно вывел его из этого блаженного состояния.

— Все это, конечно, превосходно, действительно превосходно, — сказал он. — Но соорудить тысячу таких пушек — на это нужно время и деньги.

— Деньги? Денег у нас хватит! А время? Временем распоряжаемся мы.

Этот немец, истинный представитель своей нации, говорил с полным убеждением, искренне веря своим словам.

— Допустим, — продолжал Марсель. — Конечно, ваш снаряд, наполненный углекислотой, не такая уж новинка — снаряды с удушливыми газами были изобретены уже давно, но что касается его разрушительной силы, она чудовищна, с этим спорить не приходится. Тут только...

— Что только?

— Не слишком ли мал его удельный вес? Пролетит ли он сорок километров?

— С меня достаточно, если он пролетит восемь, — усмехаясь, ответил герр Шульце. — Но вот, — добавил он, показывая на другую бомбу, — вот вам чугунный снаряд. Он с начинкой. Эта начинка представляет собою сотню маленьких, симметрично расположенных пушечек, которые входят одна в другую наподобие цилиндров в подзорной трубе. Эти пушечки, которые после взрыва разлетаются, как снаряды, через мгновение выбрасывают из себя маленькие бомбы с зажигательными веществами. Это все равно как если бы я бросил в пространство целую батарею, способную охватить пожаром и смертью весь город, объять его со всех сторон бушующим, неугасимым огнем. И вес этого снаряда рассчитан точно — как раз на сорок километров! Вскоре я произведу один опыт, и тогда те, что сомневаются, смогут собственными руками ощупать сотни тысяч трупов, которые мой снаряд уложит на месте.

Чудовищные зубы Шульце так и сверкали. Марсель с наслаждением выбил бы ему пяток-другой. Но, сделав над собой усилие, он сдержался. Он узнал еще далеко не все, что ему было нужно.

— Да, — повторил герр Шульце, — скоро мы произведем решительный опыт.

— Как? Где? — вскричал Марсель.

— Как? Да вот при помощи одного из этих снарядов, который, будучи выпущен из моего орудия, перелетит горный кряж Каскад-Маунтс. Вы спрашиваете где будет произведен опыт? Над городом, который

лежит от нас на расстоянии сорока километров. Город этот не ожидает, что на него обрушится такой громовый удар, а если бы даже и ожидал, ему нечем защитить себя от его испепеляющей силы. Нынче у нас пятое сентября, так вот тринадцатого сентября, в одиннадцать сорок пять вечера, Франсевилль изчезнет с лица земли! Его постигнет участь Содома. Профессор Шульце низринет на него пламя с небес.

Марсель от этого неожиданного заявления весь похолодел. К счастью, Шульце не заметил впечатления, какое произвели на слушателя его слова, и продолжал с жаром:

— Мы здесь, в Штальштадте, делаем как раз обратное тому, что делают изобретатели Франсевилля. Мы стремимся сократить человеческую жизнь, тогда как они изыскивают способы продлить ее. Но их усилия обречены на гибель, и только смерть, которую мы ниспошлем на них, даст место новой жизни. Однако все в природе имеет свой смысл, и доктор Саразен, основав свой город, предоставил мне, сам того не зная, прекрасный материал для опытов.

Марсель слушал его и не верил своим ушам.

— Но, сударь, — вымолвил он, наконец, с невольной дрожью в голосе, которая как будто на мгновенье привлекла внимание стального короля, — ведь жители Франсевилля не сделали вам ничего дурного! Насколько мне известно, у вас нет повода искать с ними ссоры.

— Дорогой мой, — отвечал Шульце, — в вашем, вообще говоря, недурно устроенном мозгу сохранились кое-какие вздорные кельтские идеи, и, если бы вам предстояла долгая жизнь, они могли бы сильно повредить вам. Добро, зло, право — все это вещи относительные и весьма условные. В мире нет ничего абсолютного, за исключением великих законов природы. Один из этих законов — борьба за существование — столь же непреложный, как закон всемирного тяготения. Пытаться уклониться от него бессмысленно. Надо жить и действовать так, как он нам диктует. И вот потому-то я и уничтожу город доктора Саразена. С помощью моей пушки пятьдесят тысяч германцев без

труда отправят на тот свет сто тысяч жалких мечтателей, ибо эта порода обречена на гибель.

Марсель понял, что пытаться отговорить герра Шульце от его преступной затеи — дело бесполезное. Они вышли из зала снарядов. Герр Шульце запер за собой дверь секретным запором, и они вернулись в столовую.

Герр Шульце уселся в кресло, спокойно поднес к губам кружку пива, позвонил и приказал подать себе новую трубку взамен разбитой.

— Арминий и Сигимер здесь? — спросил он лакея.

— Здесь, господин Шульце.

— Скажите им, чтобы они никуда не уходили.

Когда слуга вышел, стальной король повернулся к Марселю и пристально посмотрел ему в лицо. Марсель спокойно выдержал этот холодный, непроницаемый взгляд.

— Вы серьезно намереваетесь привести в исполнение то, что задумали? — спросил он.

— Совершенно серьезно. Мне известны до одной десятой секунды широта и долгота Франсевилля. Тринадцатого сентября в одиннадцать часов сорок пять минут вечера он прекратит свое существование.

— Лучше вам было бы держать про себя подобный проект.

— Вы, дорогой мой, повидимому, абсолютно не способны мыслить логически. Поэтому мне не так уж приходится жалеть, что смерть постигнет вас в таком юном возрасте.

Марсель при этих словах поднялся с места.

— Неужели вам не ясно, — невозмутимо продолжал герр Шульце, — что если я позволил себе кому-то рассказать о своих проектах, так, значит, я уверен, что этот человек никогда не сможет рассказать того, что он от меня услышал.

Он позвонил, и тотчас же в дверях появились два гиганта — Арминий и Сигимер.

— Вам хотелось проникнуть в мою тайну, — сказал герр Шульце. — Ну вот, ваше желание удовлетворено. А теперь вы должны умереть.

Марсель безмолвствовал.

— Вы достаточно умны и вряд ли могли предполагать, что после того, как я открыл вам свою тайну, я позволю вам жить. Это было бы с моей стороны непростительным легкомыслием, полным отсутствием логики. Цель, которую я ставлю перед собой, столь грандиозна, что я не могу рисковать успехом дела из-за таких, можно сказать, ничтожных соображений, как жизнь одного человека — даже такого человека, как вы, дорогой мой, чьи умственные способности я высоко ценю. Признаться, я сейчас очень жалею, что мое уязвленное самолюбие толкнуло меня на излишнюю откровенность и теперь ставит перед необходимостью вас уничтожить. Но вы должны сами понимать: когда перед человеком стоит такая цель, какую я поставил перед собой, ни о каком личном чувстве не может быть речи. Могу вам сказать теперь, что ваш предшественник, Зоне, погиб не от взрыва динамита, а от того, что он проник в мою тайну. Так что вы видите, это правило без исключений, я не могу от него отступить. Ничего не поделаешь.

Марсель молча смотрел на герра Шульце. По его тону, по животному упрямству, написанному на этом низком плешивом лбу, он понял, что для него все кончено. Поэтому он даже не пытался возражать.

— Когда я должен умереть и каким образом? — спросил он.

— Насчет этого вы можете не беспокоиться, — спокойно ответил Шульце. — Вы умрете без всяких мучений. В одно прекрасное утро вы не проснетесь, и все.

По знаку стального короля Марселя взяли под стражу и проводили в его комнату. Гиганты Арминий и Сигимер стали на часах у дверей.

Марсель, оставшись один, перестал сдерживаться. Задыхаясь от гнева и отчаяния, он думал о докторе Саразене и других близких ему людях, о своих соотечественниках, о всех тех, кто был ему дорог.

— Смерти я не боюсь, умереть не страшно, —говорил он себе. — Но как предотвратить эту страшную угрозу, которая нависла над ними?

ГЛАВА ДЕВЯТАЯ

Побег

Положение поистине было безвыходное. Что мог сделать Марсель, когда часы его жизни были сочтены и надвигавшаяся ночь, быть может, была для него последней?

Он не мог уснуть, охваченный мучительной тревогой. Но он думал не о себе, не о том, что он каждую минуту может расстаться с жизнью, что вот он, может быть, уснет и не проснется, как сказал Шульце. Нет. Все мысли его были устремлены к Франсевиллю.

«Что делать? — спрашивал он себя в сотый раз. — Уничтожить чудовищную пушку? Взорвать башню с казематом? Но как это сделать? И если бы даже мне удалось каким-нибудь чудом бежать из этого проклятого города, как я могу успеть до тринадцатого числа помешать Шульце осуществить его страшную затею? Ах, нет! Я все-таки мог бы если не спасти самый город, то по крайней мере хоть предупредить его жителей, крикнуть им: «Спасайтесь! Бегите отсюда без оглядки! Вам грозит смерть! На вас низринется огонь и железо».

Потом мысли его вдруг принимали другое направление.

«Этот гнусный негодяй Шульце! — думал он. — Если допустить даже, что он преувеличивает разрушительную силу своих снарядов и они не могут объять пламенем сразу целый город, все же достаточно одного выстрела, чтобы в Франсевилле вспыхнуло несколько пожаров. Чудовищное изобретение! Расстояние, разделяющее оба города, для него не препятствие. Подумать только, начальная скорость в двадцать раз превышает достигнутую до сих пор — что-то около десяти тысяч метров в секунду! Ведь это почти треть той скорости, с которой Земля несется по своей орбите. Может ли это быть? Увы, да. И если только это проклятое орудие не разорвется при первом выстреле... А оно не разорвется! Нет! Я знаю металл, из которого оно сделано. Его сопротивление на разрыв почти не

имеет предела. И ведь этот мерзавец безошибочно знает расположение Франсевилля. И, не выходя из своей берлоги, он с математической точностью наведет свою чудовищную пушку и пошлет снаряд в самый центр города. Как предупредить несчастных жителей?»

С рассветом Марсель поднялся, так и не сомкнув глаз всю ночь.

— Итак, казнь отложена до следующей ночи. Этот палач, повидимому, решил ждать, пока я не засну от усталости, чтобы отправить меня на тот свет без мучений. Но какой же род смерти придумал он для меня? Может быть, он даст мне вдохнуть синильной кислоты во время сна? Или пустит в мою комнату углекислый газ? А может быть, применит этот газ в жидком состоянии, в каком он вводит его в свои стеклянные снаряды, и заморозит меня? И завтра вместо этого тела, полного жизни и силы, будет лежать оледеневший труп, недвижный истукан... А, злобное животное! Ты хочешь остановить биение моего сердца, отнять у меня жизнь? Что ж, я готов умереть, лишь бы доктор Саразен и его семейство, лишь бы моя маленькая Жанна остались живы. А для этого мне надо бежать. Я должен, должен бежать, и я убегу!

Произнося эти слова, Марсель машинально взялся за ручку двери.

К его крайнему удивлению, дверь отворилась, он беспрепятственно спустился по лестнице и вышел в сад.

«Повидимому, меня решили не запирать в комнате, — подумал он. — Хоть я и узник, но могу двигаться по всему сектору. Это уже много легче».

Но едва только Марсель сделал несколько шагов, как позади него выросли две громадные тени, два гиганта, носившие столь громкие исторические, или, вернее, доисторические, имена: Арминий и Сигимер.

Встречая их раньше, Марсель не раз спрашивал себя, какую службу могут нести эти краснорожие бородатые великаны с бычьими шеями, с геркулесовскими мускулами, неизменно одетые в серые казакины.

Теперь он узнал, в чем состоит их служба. Это были личные телохранители Шульце, вершители его правосудия, палачи и тюремщики.

В течение всего дня они не спускали с него глаз, они стояли на часах у дверей его комнаты, следовали за ним по пятам, когда он выходил в парк. Они были буквально увешаны оружием — револьверами, пистолетами, кинжалами. При всем этом они были немы, как рыбы. Все попытки Марселя вступить с ними в разговор оказались безуспешными. Ответом ему были только свирепые взгляды. Даже его попытка угостить их пивом, против чего, как ему казалось, они не могли устоять, не увенчалась успехом.

Целый день наблюдал Марсель за этими церберами и обнаружил у них только одну слабость: это были трубки, которых они не вынимали изо рта. Нельзя ли было воспользоваться этой единственной слабостью для своего спасения? Марсель невольно остановился на этой мысли. Поклявшись бежать, он еще не знал, каким образом приведет в исполнение свое намерение, но решил не пренебрегать ничем, не упускать ни малейшей возможности.

И это надо было сделать как можно скорее. Но как же это сделать?

Он знал, что любая попытка к бегству приведет только к тому, что он получит две пули в голову. Но если даже предположить, что ему удастся избежать этих пуль, все равно ведь его окружает тройное кольцо крепостных стен, тройной караул.

По старой привычке, приобретенной в Центральной школе, Марсель поставил себе вопрос о бегстве в форме математической задачи.

«Если человек находится под охраной двух молодцов без совести и сострадания, причем оба они сильнее его и вооружены до зубов, что он должен сделать? Прежде всего ему необходимо уйти от бдительности этих аргусов. После того как первый шаг будет сделан, ему предстоит выбраться из этой крепости, все выходы которой строго охраняются...»

Марсель без конца ломал себе голову над этой задачей и никак не мог найти способа решения.

Но вдруг его осенило. Случай ли пришел ему на помощь, или, подстегиваемый нависшей над ним опасностью, он проявил сверхчеловеческую изобретатель-

ность — сказать трудно. Но, как бы там ни было, во всяком случае это была счастливая находка.

Прогуливаясь днем в парке, Марсель случайно обратил внимание на невзрачный кустик с острыми продолговатыми листьями и большими красными цветами в форме колокольчиков на длинных стебельках.

Марселю никогда не приходилось всерьез заниматься ботаникой, но все же ему показалось, что он узнает в этом растении характерные признаки семейства пасленовых. Желая себя проверить, он сорвал листочек и попробовал его пожевать.

Он не ошибся. Свинцовая тяжесть во всем теле, приступы тошноты — все это указывало на то, что у него под рукой находился естественный источник белладонны, сильнейшего наркотического средства.

Продолжая свою прогулку, он подошел к небольшому искусственному озеру, которое с южной стороны низвергалось водопадом, точно скопированным с водопада в Булонском лесу.

«Куда стекает вода этого водопада?» — заинтересовался Марсель.

Она сбегала в небольшую речку, которая после нескольких крутых поворотов исчезала у ограды парка.

Повидимому, где-нибудь поблизости находился сток, и речка, вливаясь в него, уходила в один из больших подземных каналов, орошающих долину за пределами Штальштадта.

Марсель подумал, что эта речка может быть для него выходом. Разумеется, это не были широко раскрытые ворота, но все же это была лазейка, через которую можно было ускользнуть.

«А что, если канал отгорожен железной решеткой?» — благоразумно шепнул ему робкий голос осторожности.

«Кто не рискует, тот не выигрывает, — возразил другой, насмешливый голос — голос, который диктует нам самые отчаянные решения. — Ведь не для пригонки пробок изобретен напильник. У тебя в лаборатории их целая коллекция».

Итак, Марсель принял решение.

Идея была блестящая, смелая идея, — быть может, она и неосуществима, но он все же попытается привести ее в исполнение, если только смерть не настигнет его раньше.

Он не спеша вернулся к кустарнику с красными цветами, нагнулся к нему и под внимательными взорами своих стражей сорвал несколько листочков.

Затем, вернувшись к себе в комнату, он опять-таки на виду у своих тюремщиков высушил листья над огнем, растер их между пальцами и смешал с табаком.

Прошло шесть дней, а Марсель, к крайнему своему удивлению, просыпался каждое утро живым и невредимым. Могло ли это означать, что герр Шульце, которого он больше не видел с того памятного дня, отказался от своего намерения разделаться с ним? Нет, вряд ли можно было ожидать этого от герра Шульце, а еще того меньше, чтобы он отказался от своего проекта уничтожить Франсевилль.

Но пока что, пользуясь этой неожиданной отсрочкой, Марсель каждый день проделывал тот же фокус с табаком. Разумеется, он не курил белладонну и постоянно носил при себе два пакетика с табаком: один для своего личного пользования, а другой — для своих манипуляций, которые, по его расчетам, должны были возбудить любопытство таких завзятых курильщиков, как Арминий и Сигимер, и заставить их последовать его примеру.

Расчет его оказался верным, и ожидаемый результат наступил, так сказать, механически. Утром на шестой день, — это был канун рокового 13 сентября, — Марсель бродил по парку и, украдкой поглядывая на своих стражей, увидел, как они остановились около куста с красными цветами, чтобы нарвать листьев.

Час спустя он уже имел удовольствие наблюдать, как они сушили их над огнем, потом растерли своими грубыми ладонями и смешали с табаком. По их лицам видно было, что они уже предвкушают наслаждение покурить эту замечательную смесь.

Похоже, что первый шаг на пути к бегству оказался удачным. Если аргусы будут усыплены, Марсель на

некоторое время освободится от надзора. Но это было еще далеко не все. Надо было найти способ проникнуть через сток в канал и проплыть по этому каналу, хотя бы он тянулся на несколько километров. Марселю казалось, что он нашел такой способ. Правда, шансы на спасение были невелики, но так или иначе жизнь его висела на волоске, и он решил рискнуть.

Настал вечер, подали ужин, а после ужина неразлучное трио, перед тем как отойти ко сну, отправилось в парк.

Марсель, не теряя времени, спокойно направился в глубину парка, к стоящему в уединении флигелю, где находилась мастерская моделей; здесь он уселся на садовую скамью, достал трубку, не спеша набил ее и закурил.

Арминий и Сигимер тотчас же расположились на соседней скамье. Трубки у них были уже наготове; они с явным наслаждением затянулись и стали пускать густые клубы дыма.

Действие наркотика не заставило себя ждать. Не прошло и пяти минут, как оба неуклюжих тевтонца начали зевать и потягиваться, покачиваясь из стороны в сторону, как сонные медведи. В ушах у них стоял звон, глаза заволокло, лица из красных сделались багровыми, руки бессильно упали, головы запрокинулись на спинку скамьи, и трубки покатились на землю.

Вскоре к щебетанью птиц, никогда не покидавших штальштадтского парка, с его вечным летом, присоединилось зычное храпенье крепко уснувших великанов.

Марсель только этого и ждал. И можно понять, с каким нетерпеньем! Ведь завтра в одиннадцать часов сорок пять минут Франсевилль, обреченный герром Шульце на гибель, будет стерт с лица земли.

Не теряя ни минуты, он бросился в мастерскую моделей. Здесь в просторном зале был собран целый музей. Длинными рядами стояли модели гидравлических, паровых, врубовых машин, локомобилей, насосов, турбин, пароходных двигателей, судовых корпусов. Это были деревянные модели всех видов продукции завода Шульце, с первого дня его основания и по настоящее время. Большое место среди них занимали модели все-

возможных пушек, торпед и снарядов. Тут было на несколько миллионов подлинных шедевров.

Ночь была темная, и молодой эльзасец благодарил судьбу, ибо темнота способствовала осуществлению задуманного им отчаянного плана. Прежде чем бежать, Марсель решил уничтожить музей моделей. Ах, если бы он мог также уничтожить и неприступную «Башню быка» с ее проклятым казематом и чудовищной пушкой! Но об этом нечего было и думать.

Прежде всего Марсель сунул в карман маленькую стальную пилу, которая висела на стене среди других инструментов. Затем, чиркнув спичкой, он поднес ее к груде чертежей и мелких моделей из легкого соснового дерева, сложенных в углу мастерской. Вспыхнуло пламя, и Марсель быстро выбежал обратно в сад.

Спустя несколько минут огненные языки уже вырывались из окон мастерской, разрывая ночную темь. Загудел набат; электрический сигнал понесся по проводам, и со всего города съехались пожарные с паровыми насосами.

Не замедлил появиться и сам герр Шульце, его присутствие сразу удвоило рвенье его подчиненных.

Через несколько минут пустили в ход паровые котлы, и мощные насосы заработали со страшной скоростью, извергая потоки воды на горящие стены и крыши модельной мастерской. Но огонь оказался на этот раз сильнее воды; она не тушила его, а мгновенно испарялась, и скоро все здание запылало, как громадный костер. В какие-нибудь четверть часа пламя достигло такой силы, что люди принуждены были отказаться от дальнейшей борьбы. Зрелище было страшное, но в то же время величественное.

Марсель, спрятавшись в кусты, не спускал глаз со своего патрона, который понукал людей, словно посылая их на приступ укрепленного города. Но никто не решался лезть в огонь. Мастерская моделей стояла особняком, в глубине парка, и для всех было очевидно, что она сгорит дотла.

Убедившись, наконец, что здание спасти нельзя, Шульце закричал громовым голосом:

— Десять тысяч долларов тому, кто спасет модель номер три тысячи сто семьдесят пять, под стеклянным колпаком посреди зала!

Под этим номером значилась модель знаменитой усовершенствованной пушки Шульце, которая была для него дороже всей его музейной коллекции.

Но, для того чтобы спасти эту модель, надо было ринуться в море огня и в черную завесу дыма. Из десяти шансов вряд ли хоть один выйти живым из этого ада. Поэтому, несмотря на заманчивую цифру в десять тысяч долларов, на призыв герра Шульце не отозвался никто.

Люди молча толпились на месте.

И вдруг из-за деревьев вышел человек и решительно направился к пожарищу. Это был Марсель.

— Я пойду, — сказал он спокойно.

— Вы? — недоверчиво вскричал Шульце.

— Да, я.

— Не надейтесь, что это спасет вас от смерти, — приговор будет приведен в исполнение.

— Я не себя хочу спасти, я хочу спасти драгоценную модель.

— Тогда ступай, — сказал Шульце. — И клянусь: если ты вернешься с моделью, десять тысяч долларов будут переданы в руки твоим наследникам.

— Полагаюсь на ваше слово, — ответил Марсель.

Ему привязали на спину аппарат Гилибера, которым он уже имел случай пользоваться, разыскивая в шахте Альбрехт маленького Карла Бауэра. Зажав нос деревянными щипчиками, Марсель взял в рот наконечник трубки и смело бросился в пламя.

«Наконец-то! — мысленно воскликнул он. — Воздуха у меня на четверть часа. Дай боже, чтобы мне его хватило».

Разумеется, у Марселя и в мыслях не было спасать модель шульцевской пушки. Он только пробежал через окутанное дымом здание, лавируя с опасностью для жизни среди обрушивающихся балок и пылающих головней, и в ту самую минуту, когда крыша с грохотом провалилась и огромные снопы искр фейерверком взви-

лись к небу, он успел выскочить в противоположную дверь, выходившую на другую сторону парка.

Он мигом добежал до реки, спустился с откоса к тому месту, где она, образуя сток, вливалась в подземный канал, и прыгнул в воду.

Течение тотчас же подхватило его и увлекло в глубину. Ему нечего было думать о направлении, быстрый поток стремительно уносил его вперед по узкому подземному каналу, и он доверял ему, как если бы его вела нить Ариадны.

«Далеко ли тянется этот канал? — пронеслось в голове у Марселя. — Если через четверть часа он не кончится, мне не хватит воздуха, — и я погиб».

Но он не терял самообладания; течением его несло вперед по крайней мере минут десять и вдруг обо что-то ударило.

Это была железная решетка, запирающая канал.

«Я должен был это предвидеть», — сказал себе Марсель.

И, не теряя ни секунды, он выхватил из кармана пилу и начал пилить задвижку у края скобы.

Минут пять он пилил — задвижка не поддавалась.. Решетка держалась все так же плотно. Марселю уже трудно было дышать, разреженный воздух скупо поступал из прибора. В ушах стоял звон, глаза налились кровью, в висках стучало. Он продолжал пилить, стараясь задерживать дыхание, чтобы сохранить последние остатки кислорода, но задвижка не поддавалась.

И вдруг пила выскользнула у него из рук.

«Бог не может быть против меня», — подумал Марсель и, схватившись обеими руками за решетку, рванул ее изо всех сил, которыми в последнюю минуту наделяет человека инстинкт самосохранения. Решетка открылась, засов отскочил, и течение вынесло несчастного, задыхающегося, обессиленного Марселя на свежий воздух.

. . . .

На следующее утро, когда рабочие Шульце пришли на место пожарища, они не нашли среди золы и черных головешек ничего, что бы напоминало останки

человеческого существа. Повидимому, отважный юноша пал жертвой преданности своему делу: это нисколько не удивило его товарищей по работе.

Драгоценную модель не удалось спасти, но человек, проникший в тайну стального короля, погиб.

«Бог свидетель, что я хотел избавить его от мучений, — сказал себе герр Шульце. — Но как бы там ни было, а десять тысяч долларов остались у меня в кармане».

И это было все, чем он почтил память молодого эльзасца.

ГЛАВА ДЕСЯТАЯ

Статья в немецком журнале

За месяц до описанных нами событий в немецком обозрении «Наш век» — появилась большая статья, посвященная Франсевиллю. Статья эта пришлась по вкусу даже самым нетерпимым ревнителям германской империи, должно быть, потому, что автор рассматривал этот город исключительно с материальной точки зрения.

«Мы уже сообщали нашим читателям о необыкновенной колонии, основанной на западном побережье Соединенных Штатов. Хотя великая американская республика с давних пор приучила мир к необычайным сюрпризам, в силу того, что значительная часть ее населения состоит из эмигрантов, однако нельзя не удивляться столь неожиданному возникновению нового города, именуемого Франсевиллем, города, о котором пять лет тому назад не было и речи, ныне же не только благоденствующего, но и достигшего высшей степени процветания.

Этот чудесный город вырос, словно по волшебству, на благоуханном берегу Тихого океана. Мы не ставим себе задачей расследовать, соответствует ли действительности мнение, что первоначальный проект и самая идея этого города принадлежит французу, доктору Саразену. Возможность этого не исключена, принимая

во внимание то обстоятельство, что названный доктор может похвастаться тем, что состоит в отдаленном родстве с нашим знаменитым стальным королем. Полагают даже, что основанию Франсевилля немало способствовала полученная доктором Саразеном не совсем честным путем значительная часть наследства, котороє, по закону, должно было бы полностью отойти герру Шульце. Таким образом, можно с уверенностью сказать, что все полезное и хорошее, совершающееся в мире, происходит с участием германской расы, и мы рады воспользоваться случаем, чтобы лишний раз с гордостью отметить этот факт.

Но мы поставили себе целью сообщить нашим читателям подробные и достоверные сведения о неожиданном возникновении образцового города Франсевилля.

Напрасно стал бы читатель искать это название на карте. Даже большой атлас в триста семьдесят восемь томов in folio нашего знаменитого Тухтигманна, где с безошибочной точностью отмечен каждый кустик, каждое деревце как Старого, так и Нового Света, даже этот монументальный вклад в географическую науку, предназначенный для артиллеристов, не упоминает о Франсевилле. Всего каких-нибудь пять лет тому назад в том месте, где сейчас вырос новый город, простиралась пустынная равнина. Точное местонахождение этого города определяется 43°11′3″ северной широты и 124°41′17″ долготы по Гринвичу. Итак, мы видим, что он расположен на побережье Тихого океана, у подножья Скалистых гор, которые в этом месте носят название Каскад-Маунтс, в восьмидесяти километрах к северу от мыса Бланк, штат Орегон в Северной Америке. Район этот был выбран с большой тщательностью; наиболее важными соображениями, говорящими в его пользу, надо считать: умеренный климат Северного полушария, которое всегда играло ведущую роль в истории цивилизации; выгодное в политическом смысле положение в самом центре федеративной республики сравнительно недавно возникшего государства, которое предоставило на первых порах вновь основанному городу полную независимость и права, подобные тем, коими пользуется в Европе княжество

Монако, при условии через несколько лет войти в состав штатов; удобное географическое положение на берегу океана, который из года в год становится все более оживленным торговым путем всего земного шара; благоприятный рельеф, плодородная почва; близость гор, которые задерживают северные, южные и восточные ветры, благодаря чему воздух освежается только здоровым морским ветром; быстрая горная речка с прозрачной, чистой водой, с обильными водопадами, впадающая незагрязненной в море, и, наконец, естественная гавань, образуемая длинным загибающимся мысом, которую легко можно расширить при помощи молов и дамб.

Отметим бегло кое-какие второстепенные преимущества этого района: прекрасные залежи мрамора и камня, богатые месторождения каолина и даже следы золота.

Надо сказать, что это последнее обстоятельство чуть было не заставило основателей города отказаться от выбранной территории, ибо они опасались, что золотая лихорадка помешает им в осуществлении их проектов. Но, к счастью, самородки оказались ничтожного размера и попадались редко.

Выбор территории занял очень немного времени, хотя вопрос этот и был предметом тщательного и глубокого изучения. Не было надобности снаряжать для этой цели специальную экспедицию. Наука мироведения в наши дни подвинулась так далеко вперед, что можно, не выходя из кабинета, получить точные и обстоятельные сведения о самых отдаленных уголках земного шара.

Как только вопрос был решен, двое уполномоченных от организационного комитета сели в Ливерпуле на первый отправлявшийся пароход и на одиннадцатый день прибыли в Нью-Йорк, а оттуда неделю спустя — в Сан-Франциско, где они зафрахтовали небольшое судно, которое через десять часов доставило их к месту назначения.

Переговоры с законодательным собранием штата Орегон о приобретении концессии на участок, простирающийся от побережья на шестнадцать километров

вглубь, до хребта Каскад-Маунтс, согласование этого вопроса при помощи нескольких тысяч долларов с полудюжиной плантаторов, которые обладали действительными или мнимыми правами на эту землю, — все это заняло не более месяца.

К январю 1872 года участок был уже закреплен за новыми владельцами, промерен, обставлен вехами, разведан шурфами, и двадцатитысячная армия китайских кули под руководством пятисот европейцев — десятников и инженеров — приступила к работе. По всей Калифорнии были расклеены объявления о постройке нового города. К скорому поезду, который ежедневно отправлялся из Сан-Франциско и пересекал Североамериканский материк, был прибавлен специальный вагон-реклама, и двадцать три газеты, выходящие в этом городе, ежедневно помещали заметку о Франсевилле. Таким образом, приток рабочей силы был обеспечен. Не понадобилось даже прибегать к широкой рекламе, предложенной за умеренную цену некоей компанией, — высечь из камня гигантские буквы на вершинах Скалистых гор.

Надо сказать, что наплыв китайских кули в Западную Америку сильно понизил в тот год цены на рабочем рынке. Многие штаты вынуждены были принять серьезные меры, чтобы обеспечить средства к существованию своим гражданам и во избежание кровопролитных стычек прибегнуть к массовому изгнанию несчастных иммигрантов. Постройка нового города Франсевилля спасла этих изгнанников от гибели. Им установили плату по одному доллару в день, при полном содержании, но жалованье уплачивалось только по окончании работ, причем каждый кули давал обязательство, получив расчет, выехать из города. Таким образом были предупреждены массовые беспорядки и бесстыдная эксплуатация рабочей силы, неизбежно сопутствующие крупному притоку населения. Заработная плата еженедельно в присутствии уполномоченных представителей вносилась в городской банк в Сан-Франциско, и каждый кули получал расчет, давая обязательство о выезде. Эта мера предосторожности была необходима, дабы предотвратить преобладание желтого населения,

которое безусловно повлияло бы нежелательным образом на внешний и духовный облик нового города. Но, поскольку основатели города оставили за собой право разрешать или запрещать жительство в городе, соблюдение этой меры предосторожности не представляло особых трудностей.

В первую очередь строители позаботились провести железнодорожную ветку, которая шла до города Сакраменто и соединяла Франсевилль с Тихоокеанской магистралью. При этом старались по возможности не прибегать к взрывам и избегать прокладки глубоких туннелей, поскольку это нередко влечет за собой неблагоприятные последствия, способствуя различным эпидемическим заболеваниям.

Постройка этой ветки, так же как и постройка порта, производилась с необычайной энергией и воодушевлением, и уже в апреле месяце первый сквозной поезд из Нью-Йорка доставил на вокзал Франсевилля членов организационного комитета, которые до тех пор оставались в Европе.

К этому времени были уже завершены общая распланировка города, проекты жилищ и общественных зданий.

В строительных материалах не было недостатка. Едва только распространилась весть о постройке нового города, как американские промышленники начали свозить в порт Франсевилля все, что только могло потребоваться.

Выбор был как нельзя более богатый. Общественные здания решено было строить из тесаного камня, им же пользовались для орнаментов, а жилые дома — из кирпича, но исключительно высокого качества, без всяких изъянов и прекрасного обжига. Все кирпичные бруски были сделаны по одному образцу, строго определенного веса и плотности, с идущими параллельно рядами продольных цилиндрических отверстий; эти сквозные отверстия проходят через всю толщу стены и служат душниками, давая свободный доступ воздуху как по всему наружному периметру дома, так и во внутренние переборки. Стены из такого кирпича обладают, кроме того, еще одним ценным свойством — они

поглощают звуки, благодаря чему каждое помещение становится вполне изолированным.

Комитет не счел нужным навязывать строителям проект однотипной постройки домов. Наоборот, он стремился к тому, чтобы в архитектуре города не было утомительного и безвкусного однообразия. Но он выработал ряд строго определенных правил, которых должны были придерживаться архитекторы:

1. Каждому дому отводится участок земли, на котором надлежит насадить деревья, разбить цветники и газоны. Дом и участок предназначаются для отдельной семьи.

2. Ни один дом не должен иметь больше двух этажей, чтобы не лишать света и воздуха соседние постройки.

3. Фасад каждого дома должен отстоять на расстоянии десяти метров от улицы. На этом пространстве должен быть разбит цветник или газон, который отделяется от улицы оградой в половину человеческого роста.

4. Стены домов строятся из патентованного трубчатого полого кирпича. Лепные украшения домов предоставляются на усмотрение архитектора.

5. Крыши надлежит строить наподобие четырехскатных террас и обносить их, во избежание несчастных случаев, балюстрадой; крыши заливаются асфальтом и обеспечиваются водостоками.

6. Все дома строятся на высоком фундаменте, образующем под нижним этажом открытый сводчатый подвал, который способствует циркуляции воздуха и в то же время служит местом хранения продуктов. Сточные и водопроводные трубы должны проходить в этом подвале вокруг центральной опоры, так, чтобы можно было всегда проверить их состояние, а в случае пожара обеспечить подачу воды. Полы подвального помещения должны находиться на высоте пяти-шести сантиметров над уровнем земли, их следует тщательно посыпать песком. Подвал сообщается с кухней и хозяйственными помещениями особой лестницей, дабы ни зрение, ни обоняние обитателей дома не страдали от кухонной стряпни.

7. Кухня, хозяйственные помещения и помещение для прислуги должны быть расположены, против обыкновения, в верхнем этаже; они сообщаются с крышей-террасой, которая используется таким образом для хозяйственных надобностей.

Каждый дом снабжается подъемной машиной, с помощью которой можно без труда поднимать тяжести на верхний этаж. За пользование подъемной машиной, так же как за освещение и водопровод, с жителей взимается умеренная плата.

8. В распланировке комнат и внутренней отделке дома строителям предоставляется полная свобода Но все вредные элементы — и в первую очередь два главных очага инфекции и бактерий: ковры и обои — строго изгоняются из обихода. Нет надобности прятать под тяжелой, впитывающей пыль ворсяной материей художественный мозаичный паркет из ценного дерева, а стены, выложенные цветными изразцами, должны радовать взор богатством красок наподобие жилищ Помпеи, и никакие обои, насыщенные всевозможными бациллами, не сравнятся с ними по красоте и прочности. Такие стены можно протирать, как паркет, или мыть, как стекло, и в них не спрячется ни одна вредоносная бактерия.

9. Спальные комнаты надлежит устраивать отдельно, так, чтобы они не сообщались ни с туалетом, ни с ванной. Это помещение, где человек проводит треть своей жизни, должно быть наиболее просторным, чтобы в нем было как можно больше воздуха, и обставлять его следует возможно проще, ибо оно служит только для спанья. Достаточно иметь здесь четыре стула, металлическую кровать с пружинным матрацем и легким тюфяком, набитым мягкой шерстью, который рекомендуется как можно чаще выбивать. Пуховики, перины, стеганые одеяла — все, что может способствовать распространению какой-либо инфекции, изгоняется из употребления. Рекомендуется пользоваться легкими теплыми шерстяными одеялами, которые можно часто стирать. Не запрещается вешать шторы, занавески и драпировки, но и для этой цели следует выбирать легко моющиеся материи.

10. В каждой комнате должен быть камин, приспособленный для топки дровами или углем, и каждому камину соответствует вентиляционная отдушина, выходящая наружу. Дымовые трубы выводятся не на крышу, а в подземные дымоходы, откуда дым поступает в особые печи, установленные за счет города позади домов. Здесь он освобождается от частиц угля и в обесцвеченном состоянии выпускается на высоте тридцати пяти метров в атмосферу.

Таковы десять правил, которые надлежит соблюдать при постройке каждого жилого дома.

Столь же тщательно разработана и общая планировка города.

План города в основе своей очень прост и предусматривает возможность расширения и роста Франсевилля. Улицы одинаковой ширины идут на одинаковом расстоянии одна от другой и пересекаются под прямыми углами. Все они обсажены по краям деревьями и обозначены номерами.

Через каждые полкилометра идет улица на треть шире других, она носит название бульвара или авеню. Вдоль нее с одной стороны идет широкая выемка для трамвая и метрополитена.

На всех перекрестках разбиты общественные скверы, украшенные копиями скульптур великих мастеров, пока художники Франсевилля не создали своих произведений, достойных этих великих творений.

Жителям Франсевилля предоставлено право свободно заниматься всеми видами промышленности, ремесла и торговли.

Для получения права жительства в Франсевилле необходимо представить рекомендацию или отзыв, иметь любую полезную профессию, связанную с какой-либо областью промышленности, науки или искусства, и дать обязательство соблюдать законы города. Праздное существование в Франсевилле не допускается.

В городе уже сейчас имеется большое количество общественных зданий: собор, несколько церквей и часовен, музеи, библиотеки, школы, спортивные площадки; все это великолепно оборудовано и отвечает

всем самым строгим правилам гигиены, подобающим столичному городу.

Нет нужды говорить, что дети с четырехлетнего возраста в обязательном порядке приучаются к физическим и умственным упражнениям, которые развивают их телесные и духовные силы. Их приучают к такой безукоризненной чистоте, что пятно на платье считается у них настоящим позором.

Забота о чистоте, индивидуальной и коллективной, выдвинута в Франсевилле на первое место. Неустанно поддерживать чистоту в городе, уничтожать и обезвреживать зловредные бактерии, неминуемо зарождающиеся всюду, где скопляется большое количество людей, — это основное и повседневное занятие администрации. С этой целью выходы сточных канав сосредоточены за пределами города, где нечистоты подвергаются обработке и конденсации, после чего их используют для удобрения полей.

В воде нет недостатка, она течет в изобилии. Улицы, вымощенные торцом, и каменные тротуары блестят, как выложенный плитками пол голландской фермы. Особенно строгое наблюдение установлено за рынками. Торговцы, осмеливающиеся продавать несвежие продукты — испорченные яйца, лежалое мясо, разбавленное молоко, — подвергаются строгой каре, как отравители, каковыми они в сущности и являются. Дело санитарной инспекции, чрезвычайно сложное и ответственное, находится в руках опытных специалистов, которые проходят для этого особую школу.

В их ведении находятся также и прачечные, оборудованные по последнему слову техники: паровыми машинами, искусственными сушилками и дезинфекционными камерами. Белье выходит из прачечной ослепительно белым, причем строго соблюдается правило стирать белье каждого семейства в отдельности. Эта простая предосторожность имеет огромное значение.

Больницы немногочисленны, ибо всем предоставлена возможность пользоваться врачебной помощью на дому. Больничные койки предназначаются главным образом для бесприютных чужеземцев и для каких-нибудь исключительных случаев.

Излишне говорить, что основателям Франсевилля не могло прийти в голову отвести для больницы самое большое здание в городе и поместить в нем несколько сот больных, создав тем самым очаг заразы. Заботясь не только о благе города, но и о здоровье каждого гражданина в отдельности, они всячески стремятся изолировать больных, а ни в коем случае не объединять их. Даже и дома рекомендуется держать больных в отдельной комнате, чтобы они не соприкасались с остальными членами семьи.

Больницы в Франсевилле рассчитаны не более чем на двадцать — тридцать человек. Каждый больной помещается в отдельной палате. Строятся больницы по типу легких переносных бараков, из елового дерева. Каждый год их сжигают и строят новые. Такие передвижные бараки из готовых деталей, сделанных по одному образцу, имеют то преимущество, что их можно легко переносить с места на место, а в случае надобности быстро построить новые.

Для обслуживания населения на медицинском пункте имеется целый штат опытных сестер-сиделок, которые проходят для этой цели специальную школу, куда принимают со строгим отбором. Эти сестры являются незаменимыми помощницами врачей. Обслуживая население, они наставляют семью больного, делятся с его домашними практическими знаниями, которые необходимо иметь всякому, чтобы не оказаться беспомощным и не растеряться в трудную минуту. Ухаживая за больными, они одновременно стараются препятствовать распространению болезни.

Но мы никогда не кончим, если будем перечислять все гигиенические усовершенствования, введенные основателями нового города.

Каждый вступающий в число граждан города получает брошюру, где простым и общепонятным языком изложены главные правила, которые следует соблюдать каждому человеку, желающему вести здоровый, нормальный образ жизни.

Из этой брошюры он узнает, что необходимым условием для здоровья является правильная деятельность всех человеческих органов; что труд и отдых одинаково

необходимы организму; что мозг также утомляется, как и мускулы, и что девять десятых болезней вызываются инфекцией, передающейся по воздуху или через пищу. Поэтому человек должен тщательно следить за собой и своим жилищем, избегать возбуждающих напитков, заниматься гимнастикой, добросовестно исполнять свои повседневные обязанности, пить чистую воду, есть простую здоровую пищу, мясо, овощи, спать восемь часов в сутки. Таковы элементарные правила, или, если так можно выразиться, азбука здоровья

Начав нашу статью с момента основания города, мы незаметно перешли к описанию его внешнего и внутреннего устройства, как если бы постройка его была уже вполне закончена. Это может показаться странным, но в действительности едва только были возведены первые дома, как вслед за ними другие стали вырастать мгновенно, словно по волшебству. Надо побывать на Дальнем Западе, чтобы понять такой бурный рост города. Участок, который в январе 1872 года представлял собой еще совершенную пустыню, в 1873 году насчитывал уже шесть тысяч домов. В 1874 году цифра жилых домов дошла уже до девяти тысяч, и все общественные постройки были к этому времени вполне закончены.

Большую роль в этом неслыханном росте сыграло то обстоятельство, что дома и прилегающие к ним обширные участки сдавались за очень умеренную цену. Отсутствие пошлин, политическая независимость этой маленькой обособленной колонии, прелесть новизны, мягкий климат — все это привлекало сюда массу народа. В настоящее время Франсевилль уже насчитывает около ста тысяч жителей.

Весьма показательны и весьма для нас интересны статистические данные, свидетельствующие о результатах санитарных мероприятий нового города.

В то время как в наиболее крупных городах Европы и Нового Света смертность редко падает ниже трех процентов, в Франсевилле средняя цифра за пять лет составляет всего полтора процента. Сюда входят еще и жертвы эпидемии болотной лихорадки, вспыхнувшей в период основания города.

Цифра смертности за последний год составляет всего один процент с четвертью. Следует отметить еще одно важное обстоятельство: все зарегистрированные смертные случаи, за небольшим исключением, являются результатом наследственных или хронических болезней. Острые заболевания в Франсевилле наблюдаются несравненно реже, они быстро пресекаются и гораздо менее опасны, чем в какой-либо другой населенной местности. Что касается эпидемий, то их вовсе не наблюдалось.

Интересно будет проследить дальнейшие результаты этого опыта, и тем более интересно будет установить, может ли действие такого гигиенического режима на протяжении нескольких десятилетий обезопасить подрастающие поколения от тяжелых наследственных заболеваний.

«Мы позволяем себе надеяться на это, — писал один из основателей этой удивительной колонии, — и, если надежды наши оправдаются, перед человечеством откроются новые блестящие перспективы. Люди будут жить до девяноста и до ста лет и умирать безболезненно от старости, как умирает большинство животных и растений».

Заманчивая мечта!..

Но мы позволим себе усомниться в том, что этот опыт приведет когда-либо к таким блестящим результатам. В постановке этого опыта мы усматриваем один коренной и весьма существенный недостаток. Дело в том, что в организационном комитете, в руках которого находится это предприятие, преобладает латинский элемент, а германский элемент систематически исключается. Это опасный симптом. С тех пор как существует мир, все великое и полезное, что происходит в нем, возникло по инициативе Германии. Ничего серьезного и решающего без Германии произойти не может. Самое большее, на что способны основатели Франсевилля, — это подготовить почву, выяснить кое-какие узкие вопросы, но не их руками и не на этом участке Америки, а у границ Сирии будет воздвигнут когда-нибудь истинно идеальный город.

ГЛАВА ОДИННАДЦАТАЯ

Обед у доктора Саразена

Тринадцатого сентября, всего за несколько часов до назначенного герром Шульце срока уничтожения Франсевилля, ни губернатор, ни любой из жителей не подозревали о грозящей катастрофе.

Было семь часов вечера.

Утопая в зелени олеандровых и тамариндовых деревьев, город живописно раскинулся у подножья Каскад-Маунтс, купая свои одетые в мрамор набережные в мягко набегающих волнах Тихого океана. На только что политых улицах, овеваемых свежим морским ветром, царило веселое оживление. Мягко шелестели деревья. Зеленели газоны; цветы раскрывали свои чашечки, наполняя воздух тонким благоуханием; приветливые белые особнячки, казалось, радушно улыбались; воздух был теплый, небо синело, и море сверкало из-за густой зелени широких бульваров.

Путешественника, очутившегося в этом городе, вероятно, поразили бы необыкновенно цветущий вид жителей и какое-то праздничное оживление, царящее на улицах. В школе живописи и скульптуры, в музыкальной школе и в городской библиотеке, где прекрасные публичные лекции были организованы для немногочисленных групп, чтобы каждый слушатель мог полнее общаться с лектором, только что окончились занятия, и, так как все эти учреждения были сосредоточены в одном квартале, толпа молодежи, выходившая оттуда, запрудила улицу и площадь. Но никто не толкался, не раздражался, не слышно было никаких окриков. У всех были довольные, веселые, улыбающиеся лица.

Дом доктора Саразена стоял не в центре города, а на самом берегу Тихого океана. Он был построен одним из первых, и доктор тотчас же поселился в нем со своей женой и дочерью Жанной. Октав, почувствовав себя миллионером, пожелал остаться в Париже. Но при нем, к сожалению, не было его наставника Марселя.

Спустя некоторое время после того, как они жили вдвоем на улице Руа-де-Сисиль, они почти потеряли друг друга из виду. Таким образом, когда доктор с женой и дочерью поселился в Франсевилле, Октав оказался предоставленным самому себе.

Он вскоре совсем забросил занятия в школе, где должен был окончить курс по настоянию отца, и. в конце концов провалился на выпускном экзамене.

Когда его приятель Марсель, который до тех пор вел его на поводу, так как Октав не способен был заниматься самостоятельно, окончив первым Центральную школу, уехал из Парижа, Октав, что называется, закусил удила. Он снял себе особняк на авеню Мариньи, разъезжал в карете, запряженной четверкой лошадей, и чаще всего его можно было видеть на ипподромах. Октав Саразен, который три месяца тому назад едва мог держаться в седле на уроках верховой езды в манеже, внезапно превратился в завзятого лошадника. Своей эрудицией в этой области он был обязан некоему англичанину — груму, которого взял к себе на службу и который совершенно покорил его необыкновенными познаниями по этой части.

Утренние часы Октава были распределены между портными, сапожниками и шорниками. Вечера он проводил в оперетке или в гостиных только что открытого на улице Тронше клуба. Октав выбрал этот клуб потому, что его капитал пользовался там таким уважением и любовью, каких сам он своими личными достоинствами нигде не мог завоевать. Общество, которое он встречал там, казалось ему идеалом изысканности. Но, странное дело, в списке членов, вывешенном в нарядной рамке в приемном зале, красовались почти исключительно иностранные фамилии. Читая этот список, изобиловавший всевозможными титулами, можно было подумать, что вы случайно попали в приемную профессора геральдики. Однако, когда вы переходили в гостиную, у вас создавалось впечатление, что вы находитесь на этнологической выставке; казалось, что здесь собрались все ястребиные носы и смуглые лица всех оттенков со всех концов земного шара. Все эти космополитические личности шикарно одевались, и в их

приверженности к светлым тонам обнаруживалось вечное стремление смуглокожих уподобиться «бледнолицым».

Среди этих двуногих Октав Саразен казался юным богом. Его слова передавались из уст в уста, ему старались подражать во всем, вплоть до его манеры завязывать галстук, мнения его считались законом. А он, опьяненный этим фимиамом, не замечал того, что систематически, изо дня в день, проигрывает свои деньги то на бегах, то в карты, то в рулетку. Возможно, что некоторые члены этого клуба, будучи людьми восточного происхождения, считали, что они в сущности также имеют права на наследство бегумы. Во всяком случае, они медленно, но неуклонно перекладывали это наследство в свои карманы.

Не удивительно, что при таком образе жизни дружба, связывавшая Октава с Марселем, мало-помалу прекратилась. Они почти перестали писать друг другу. Что общего могло быть между суровым тружеником, стремящимся непрестанно совершенствовать свой ум и свои знания, и красивым, изнеженным юношей, проматывающим свое состояние и не интересующимся ничем, кроме конюшен, клубных сплетен и анекдотов?

Мы знаем, что Марсель покинул Париж для того, чтобы следить за махинациями герра Шульце, только что заложившего на той же независимой территории Соединенных Штатов основание Стального города, враждебного Франсевиллю, а впоследствии Марсель поступил на службу к стальному королю.

Октав в течение двух лет вел бессмысленное, бесполезное существование и за это время успел пустить на ветер несколько миллионов. В конце концов это нелепое времяпрепровождение наскучило ему, и в один прекрасный день он бросил все и приехал к отцу. Это спасло его от гибели, и не только физической, но и моральной.

Итак, сейчас все семейство доктора Саразена было в полном сборе.

Жанна за эти четыре года жизни в Франсевилле успела превратиться в очаровательную девятнадцати-

летнюю девушку, сочетавшую своеобразную прелесть усвоенных ею американских манер с грацией и изяществом француженки. Мать ее говорила, что до тех пор, пока они с Жанной не стали неразлучными друзьями, она никогда не подозревала, что близость с дочерью может доставить ей столько радости.

Жизнь госпожи Саразен в Франсевилле была наполнена полезной и плодотворной работой. Она деятельно помогала своему мужу во всех его добрых начинаниях. Только мысль об Октаве не давала ей покоя; но с тех пор как «блудный сын» вернулся в лоно семьи, она чувствовала себя счастливейшей из смертных.

В этот вечер, 13 сентября, у доктора Саразена обедали двое из его ближайших друзей: полковник Гендон, старый ветеран, участвовавший в гражданской войне, потерявший руку при осаде Питтсбурга и ухо в сражении при Севен-Оксе, что не мешало ему теперь успешно сражаться в шахматы, и господин Ленц, главный инспектор учебных заведений Франсевилля.

Говорили о городских делах, о различных мероприятиях, проводимых в общественных учреждениях, в больницах, школах, кассах взаимопомощи.

Согласно школьной программе доктора Саразена, в которой важное место было отведено религии, инспектор Ленц создал несколько опытных первоначальных школ, где педагоги, наблюдая за детьми, стремились выявить их врожденные способности и помогали им развиваться в этом направлении.

В школах Франсевилля детям прививали любовь к науке, прежде чем пичкать их знаниями, которые, как говорит Монтень, «плавают на поверхности мозга» и не приносят ребенку никакой пользы, не делая его ни умнее, ни лучше. Правильно направленный ум сам выберет себе подходящую деятельность и найдет наиболее полезное применение своим способностям.

В этой глубоко продуманной системе воспитания серьезное внимание уделялось также и гигиене тела: ибо мозг и тело человека несут одинаково важную службу, человек не может обойтись одним и отказаться

от другого, — ум, предоставленный самому себе, отрешенный от плоти, очень скоро погибнет.

В описываемый нами момент Франсевилль достиг высшей степени как материального, так и интеллектуального расцвета. На его конгрессы съезжались величайшие ученые мира. Со всех концов земли, привлеченные рассказами об этом чудесном городе, стекались туда знаменитые артисты, художники, скульпторы, музыканты; под их руководством таланты юных франсевильцев обещали в недалеком будущем прославить этот уголок земного шара.

Можно было предвидеть, что эти новые французские Афины вскоре завоюют себе первое место среди столиц мира.

Наряду с гражданским обучением в школах в обязательном порядке проводились и военные занятия.

По окончании школы все молодые люди умели владеть оружием и имели достаточную теоретическую подготовку, чтобы разбираться в вопросах тактики и стратегии.

Когда разговор за столом коснулся этой темы, полковник Гендон с большой похвалой отозвался о своих новобранцах.

— Они отлично тренированы, — сказал он, — и во время маневров проявили прекрасную подготовку и уменье приноровляться к условиям походной жизни. Наша армия хороша тем, что в нее входят все граждане, и в случае надобности все возьмутся за оружие и покажут себя хорошо обученными, дисциплинированными солдатами.

До сих пор Франсевилль поддерживал наилучшие отношения со всеми своими соседями, ибо никогда не упускал случая оказать им какую-нибудь услугу, но, когда дело касается корысти, человеческая неблагодарность не знает предела, и доктор Саразен и его друзья, помня об этом, считали за благо придерживаться мудрого житейского правила: береженого и бог бережет.

Обед кончился, и дамы, по английскому обычаю, покинули столовую.

Доктор Саразен, Октав, полковник Гендон и господин Ленц, продолжая начатую беседу, перешли уже к вопросам политической экономии, когда в комнату вошел слуга и подал доктору «Нью-Йорк геральд».

Эта почтенная газета с самого момента основания Франсевилля проявляла к нему живейшую симпатию и с интересом следила за всеми фазами его развития.

Граждане Франсевилля привыкли видеть на ее страницах всевозможные высказывания и заметки, отражающие общественное мнение Соединенных Штатов об их городе.

Эта маленькая колония свободных, счастливых, независимых людей вызывала не только восторженное удивление, но самую черную зависть, и если у франсевильцев было в Америке много сторонников, готовых выступить в их защиту, то было и немало врагов, которые рады были при всяком удобном случае нападать и клеветать на них. «Нью-Йорк геральд» неизменно стоял за Франсевилль и всячески высказывал это на своих страницах.

Доктор Саразен, продолжая беседу, разорвал бандероль и, бросив беглый взгляд на передовую статью, хотел было отложить газету, но вдруг, остановившись на полуслове, с недоуменным видом пробежал глазами несколько строк и тут же прерывающимся от волнения голосом прочел их вслух:

— «Нью-Йорк, восьмое сентября. Мы накануне злодейского покушения на права мирных граждан. Как сообщают из достоверных источников, Штальштадт, собрав мощное вооружение, готовится выступить против французского города Франсевилля, чтобы стереть его с лица земли. Мы не беремся решать, должны ли Соединенные Штаты вмешаться в это столкновение между германской и латинской расами, но считаем своим долгом довести до сведения всех порядочных и честных людей об этом чудовищном насилии. Жители Франсевилля, не теряя ни минуты, должны принять все меры к обороне...»

ГЛАВА ДВЕНАДЦАТАЯ

Заседание совета

Ненависть стального короля к городу, созданному доктором Саразеном, ни для кого не была тайной. Все знали, что Штальштадт был задуман им в пику Франсевиллю. Но чтобы он мог напасть на мирный город, разрушить его, воспользовавшись преимуществом грубой силы, — этого никто не мог ожидать. Однако «Нью-Йорк геральд» высказывался вполне определенно. Повидимому, корреспонденты этого влиятельного органа печати каким-то образом проникли в намерения герра Шульце и спешили предупредить франсевильцев. Они ясно говорили: нельзя терять ни минуты.

Доктор Саразен не мог прийти в себя от охватившего его чувства недоумения. Как все честные люди, он был не склонен верить в зло. Он не допускал мысли, что человек может быть до такой степени извращен, чтобы у него без всякой причины, просто из какого-то самодурства, могло возникнуть желание разрушить целый город, который является культурной собственностью всего человечества.

— Подумать только, — говорил доктор, — что у нас в этом году процент смертности снизился до одного с четвертью, что у нас нет ни одного десятилетнего мальчугана, который не умел бы читать, что со времени основания Франсевилля у нас не было ни одного случая убийства или кражи. И вот находятся варвары, которые жаждут погубить в самом начале такой замечательный опыт. Нет, я не могу поверить, чтобы ученый, химик, будь он хоть сто раз немцем, оказался способным на такое злодеяние.

Однако нельзя было не считаться с предупреждением этой благожелательной газеты, и необходимо было принять срочные меры к самозащите. Подавив горестное изумление, охватившее его в первую минуту, доктор Саразен овладел собой и обратился к присутствующим.

— Господа, — сказал он, — вам как членам муниципального совета надлежит вместе со мной обсу-

дить, что нам следует предпринять для спасения нашего города. Что мы прежде всего должны сделать?

— Нет ли какой-нибудь возможности прийти к соглашению? Возможности избежать войны, не поступаясь нашей честью? — промолвил господин Ленц.

— Нет, такая возможность совершенно исключена, — возразил Октав. — По всему видно, что герр Шульце решил воевать во что бы то ни стало. Его ненависть к нам не дает ему покоя, и ясно, что он не пойдет ни на какие уступки.

— В таком случае мы должны постараться дать надлежащий отпор, — сказал доктор. — Как вы считаете, полковник, способны мы противостоять пушкам Штальштадта?

— Любую военную силу можно успешно отразить другой такой же силой, — ответил полковник, — но дело в том, что у нас нет возможности защищаться теми же средствами и тем же оружием, с которым собирается напасть на нас герр Шульце. Изготовить пушки, которые могли бы бороться с его пушками, слишком долгая история, и, признаться, я сомневаюсь, что мы в состоянии это сделать, для этого нужно иметь специально оборудованные мастерские. Единственный возможный для нас выход — это не дать врагу приблизиться к городу, не допустить вторжения.

— Я сейчас же созову совет, — сказал доктор Саразен и, поднявшись с места, предложил гостям перейти в кабинет.

Это была просторная, светлая комната. Три ее стены были до самого потолка заставлены книжными полками, четвертая увешана картинами, а под ними, на уровне человеческого роста, виднелся ряд обозначенных номерами раструбов, похожих на акустические трубки.

— С помощью телефона мы теперь можем созвать совет, не выходя из дому, — сказал доктор и, нажав кнопку, мгновенно соединился с квартирами членов муниципального совета.

Через три минуты все аппараты, соединенные проводами с аппаратом доктора Саразена, ответили: «Слушаю», и доктор, став перед микрофоном, позвонил в колокольчик и объявил заседание открытым.

— Слово предоставляется почтенному полковнику Гендону. Он имеет сообщить муниципальному совету нечто чрезвычайно важное.

Полковник стал у телефона и, прочитав сообщение «Нью-Йорк геральд», доложил совету, какие, по его мнению, меры следует принять в первую очередь.

Как только он кончил, номер шесть задал ему следующий вопрос: считает ли полковник возможным защищать город, если те меры, о которых он говорит, окажутся недостаточными для того, чтобы задержать врага и помешать ему приблизиться к городу?

Полковник ответил утвердительно.

Вопрос и ответ, так же как и предыдущее выступление, дошли до слуха всех невидимых участников заседания.

Затем номер семь спросил, каким сроком примерно располагают франсевильцы для организации обороны.

Полковник, разумеется, не мог ответить точно на этот вопрос, но сказал, что надо постараться сделать все возможное в течение двух недель.

Номер два:

— Следует ли ждать нападения, не лучше ли постараться предотвратить его?

— Разумеется, мы примем все меры, чтобы предотвратить нападение, — ответил полковник, — и если нам будут угрожать высадкой с моря — надо пустить в ход торпеды и потопить корабли герра Шульце.

Вслед за этим доктор Саразен предложил созвать ученый совет химиков, инженеров и артиллеристов для обсуждения плана защиты города, разработанного полковником Гендоном.

После доктора Саразена выступил номер один:

— Какая сумма денег потребуется для того, чтобы немедленно начать работы по обороне города?

Полковник Гендон ответил, что для этого понадобится от пятнадцати до двадцати миллионов долларов.

Номер четыре внес предложение немедленно созвать общее собрание граждан Франсевилля.

Председатель, доктор Саразен, поставил вопрос на голосование. Предложение было принято единодушно.

На этом заседание совета закончилось.

Часы показывали восемь. Заседание продолжалось всего восемнадцать минут и никому не доставило никаких хлопот.

Общее собрание граждан было созвано столь же простым и быстрым способом. Доктор Саразен сообщил по телефону резолюцию совета в городскую ратушу, и тотчас же на двухстах восьмидесяти колоннах, которые стояли на всех перекрестках города, зазвонили электрические колокола, а стрелки светящихся циферблатов, установленных на этих колоннах, остановились на половине девятого — часе, назначенном для собрания франсевильцев.

Услышав звон, длившийся четверть часа, жители города Франсевилля поспешно выходили на улицу, прохожие поднимали глаза на ближайший циферблат, и каждый, сознавая, что его призывает гражданский долг, отправлялся в ратушу.

К назначенному часу, всего за каких-нибудь десять — пятнадцать минут, все франсевильцы были в сборе. Доктор Саразен и другие члены совета восседали на трибуне. Полковник Гендон, который должен был выступить с сообщением, стоял на ступенях трибуны, дожидаясь, когда ему дадут слово.

Большинство граждан уже знало, чем вызвано сегодняшнее собрание, так как заседание совета записывалось фонографом в ратуше и тотчас же было передано в газеты, а те моментально отпечатали экстренный выпуск, который в виде афиш расклеили по всему городу.

Зал собраний в ратуше представлял собой просторное помещение со стеклянной крышей и прекрасной вентиляцией. Длинная вереница газовых рожков, укрепленных под высоким сводом, освещала его ровным ярким светом.

На лицах франсевильцев не было ни следа уныния. Толпа стояла спокойная, сдержанная; в ней чувствовалось сознание собственного достоинства и невозмутимая уверенность в своих силах.

Ровно в половине девятого председатель позвонил в колокольчик, и в зале воцарилась мертвая тишина.

Полковник Гендон поднялся на трибуну.

Простым энергичным языком, без всяких ораторских ухищрений и прикрас, но внятно и ясно, как говорят люди, которые знают, что они хотят сказать, полковник Гендон рассказал собравшимся о том, как герр Шульце, всегда питавший ненависть к Франции, к доктору Саразену, поклялся погубить его детище и теперь намеревается привести эту клятву в исполнение. В его распоряжении, как сообщал «Нью-Йорк геральд», имеются чудовищные средства, с помощью которых он собирается стереть с лица земли Франсевилль со всеми его жителями.

— И вот теперь гражданам Франсевилля предоставляется решить, что они будут делать. Конечно, люди, трусливые и лишенные чувства патриотизма, предпочли бы уступить врагу и позволили бы ему завладеть их новым отечеством. Но можно быть уверенным, что среди наших граждан не найдется ни одного труса. Люди, которые сумели постигнуть великий идеал, вдохновлявший основателей прекрасного города Франсевилля, люди, которые свято соблюдали его законы, — это люди с мужественным сердцем и ясным умом. Ревностные поборники прогресса, они сделают все, чтобы спасти свой несравненный город, славный памятник благородной человеческой мысли, устремленной к великой цели — облегчить существование людям. Долг каждого из нас, — заключил полковник, — отдать жизнь во имя этого великого дела.

Гром рукоплесканий покрыл последние слова оратора. Вслед за ним выступило еще несколько человек, которые поддержали предложение полковника.

Затем доктор Саразен предложил собранию тут же учредить совет обороны, снабдив его всеми полномочиями для проведения необходимых мер по защите города и строгому соблюдению тайны военных приготовлений, необходимой в таком деле.

После того как это предложение было принято, один из членов гражданского совета высказался за то, чтобы поставить на голосование вопрос о предоставлении кредита на первые нужды по обороне города в размере пяти миллионов долларов.

Это предложение также было принято единодушно, и в десять часов двадцать пять минут, после того как состав членов совета обороны был утвержден, собрание было распущено. Франсевильцы уже собирались расходиться, как вдруг на трибуне неизвестно откуда появился какой-то незнакомец. Вид его был до того необычен, что все остановились.

Рваная, покрытая илом одежда прилипала к телу. Лицо в кровоподтеках и ссадинах носило следы страшного душевного напряжения. Однако держался он решительно и спокойно.

Кто он был? Откуда явился? Никому, даже доктору Саразену, не пришло в голову его спросить.

Подойдя к самому краю трибуны, он властным жестом призвал толпу к молчанию.

— Я только что вырвался из Штальштадта, — сказал он. — Герр Шульце приговорил меня к смерти, но волей провидения мне удалось бежать и явиться вовремя, чтобы попытаться спасти вас... Я не совсем чужой здесь... Надеюсь, мой досточтимый учитель, доктор Саразен, не откажется подтвердить, — хоть я и являюсь перед вами в таком виде, что даже он не узнает меня, — что Марсель Брукман заслуживает некоторого доверия.

— Марсель! — воскликнули в один голос доктор Саразен и Октав и уже хотели было броситься к нему, но он жестом остановил их.

Да, это был Марсель, спасшийся чудом. В ту минуту, когда он, уже совсем отчаявшись, схватился за решетку и она подалась, силы оставили его, и он лишился сознания. Течение вынесло его за пределы Штальштадта и выбросило на берег. Сколько часов пролежал он без чувств на пустынном берегу, во мраке ночи, он не мог сказать. Когда он очнулся, было уже светло.

Едва только сознание вернулось к нему, он вспомнил... Боже! Неужели он вырвался из этого проклятого места? Он свободен! Так скорей же на помощь к друзьям, скорее предупредить доктора Саразена! Невероятным усилием он заставил себя подняться.

Сорок километров отделяло его от Франсевилля. Ни поезда, ни повозки, ни лошадей — ничего! Сорок километров пешком по этой пустынной, словно проклятой богом местности, окружающей страшный Стальной город. Он прошел эти сорок километров, ни разу не присев, не отдыхая, и в четверть одиннадцатого уже входил в город доктора Саразена. Из расклеенных на стенах афиш он узнал, что жители Франсевилля уже предупреждены о том, что им угрожает опасность; но он понял, что они не знают ни размеров этой чудовищной опасности, ни того, что она обрушится на них сегодня же.

Часы показывали четверть одиннадцатого. Катастрофа, задуманная герром Шульце, должна произойти в одиннадцать сорок пять.

Собрав последние остатки сил, Марсель бегом пробежал расстояние, отделявшее его от городской площади, и в ту минуту, когда собрание уже готово было разойтись, появился на трибуне.

— Друзья мои! — воскликнул он. — Катастрофа угрожает вам не через месяц, не через неделю: она разразится над вами меньше чем через час. Море огня и железа обрушится на Франсевилль. Я видел своими глазами это адское орудие и знаю, что оно уже наведено на ваш город. Пусть женщины и дети сейчас же укроются в подвалах или выйдут за пределы города и спрячутся в горах, а мужчины пусть приготовятся всеми средствами, всеми силами бороться с огнем. Огонь — это сейчас единственный ваш враг. Ни суда, ни войска не движутся на вас. Противник, угрожающий вам, пренебрег этими обычными средствами нападения. И если планы и расчеты этого человека, способного, как вы знаете, на неизмеримое зло, если, повторяю, эти расчеты правильны, если Шульце на этот раз не ошибся, то весь город от его снаряда мгновенно будет объят пламенем. Огонь вспыхнет сразу в ста различных точках, и нужно будет бороться с ним всюду. Но в первую очередь, конечно, надо спасти население, потому что в конце концов, если нам не удастся спасти дома, памятники, если даже, несмотря на наши усилия, весь

город сгорит дотла, то мы сможем построить его заново. Для этого нужны только время и деньги.

В Европе Марселя, наверно, сочли бы за сумасшедшего, но в Америке люди привыкли не удивляться чудесам науки, сколь бы они ни казались невероятными, и толпа, которую взволнованный тон и измученный вид Марселя потрясли не меньше, чем его слова, готова была повиноваться ему без всяких возражений. Доктор Саразен ручался за Марселя Брукмана, — этого для франсевильцев было достаточно.

Тотчас же были отданы необходимые распоряжения и по всем кварталам разосланы уполномоченные с соответствующими инструкциями. Жители стали расходиться по домам: кто укрывался в подвале, решив перетерпеть дома все ужасы бомбардировки, а кто пешком, верхом или в экипаже отправлялся за город, в ущелье Каскад-Маунтс.

Тем временем мужчины таскали на главную площадь и на другие указанные доктором пункты воду, песок, землю, все, что могло служить оружием для борьбы с огнем.

В зале заседаний между тем продолжалась беседа: члены совета расспрашивали Марселя о смертоубийственном изобретении Шульце.

Но Марсель казался поглощенным какой-то одной неотвязной мыслью. Он рассеянно отвечал на вопросы и, нахмурив лоб, что-то шептал про себя. Внезапно судорожным движением он сунул руку в карман и вытащил записную книжку. Поспешно перелистав ее, он лихорадочно начал записывать какие-то цифры, и, по мере того как он проделывал свои вычисления, лоб его разглаживался, лицо прояснялось. Наконец, подняв голову, он обвел присутствующих сияющим взглядом.

— Друзья мои! — воскликнул он. — Или цифры лгут, или угроза, нависшая над нами, рассеется, как кошмар. Расчеты Шульце идут вразрез с основными законами баллистики. Это подтверждается решением вот этой задачи, над которой я долго ломал себе голову. Шульце на этот раз ошибся. Ничего из того, что он задумал, не случится. Его чудовищный снаряд пролетит над Франсевиллем, не причинив ему никакого

вреда. И если нам грозит какая-либо опасность, то во всяком случае не сейчас.

Что означали слова Марселя, никто в сущности не понял. Тогда юный эльзасец подробно изложил суть своих вычислений и так просто и внятно объяснил ход своих мыслей и решение задачи, что даже тем, кто никогда не занимался математикой, все стало совершенно ясно.

И у тех, кто его слушал, отлегло от сердца. Снаряд Шульце не только не заденет Франсевилля, но вообще ничего не заденет, ибо начальная скорость этого снаряда настолько велика, что он должен вылететь за пределы атмосферы и затеряться в пространстве.

Доктор Саразен, одобрительно кивая головой, следил за вычислениями Марселя, потом вдруг, подняв руку и указав на светящийся циферблат стенных часов, висевших в зале, сказал громко:

— Через три минуты, друзья мои, мы своими глазами увидим, на чьей стороне правда... Но как бы там ни было, меры предосторожности, принятые нами, никогда не помешают. Если этот удар и минует нас, Шульце на этом не остановится. Ненависть его только возрастет от неудачи. Будем же готовы дать ему надлежащий отпор.

— Идемте! — вскричал Марсель.

И все устремились за ним на площадь.

Часы на ратуше медленно прозвонили три четверти двенадцатого.

Спустя несколько секунд высоко в небе показалась темная масса и с молниеносной быстротой, оглашая воздух зловещим свистом, пронеслась над Франсевиллем и мгновенно скрылась из глаз.

— Счастливого пути! — с хохотом крикнул ей вдогонку Марсель. — Тебе уже больше никогда не увидеть Земли!

Через две минуты в отдалении послышался глухой взрыв, и земля словно охнула у них под ногами. Это был звук пушечного выстрела на «Башне быка», долетевший до них на сто тридцать секунд позже снаряда, который промчался со скоростью, превышавшей скорость звука.

ГЛАВА ТРИНАДЦАТАЯ

Марсель Брукман профессору Шульце,
Штальштадт

«Франсевилль, 14 сентября

Считаю своим долгом уведомить стального короля, что третьего дня вечером я благополучно перешел границу его владений, предпочтя спасение собственной персоны спасению модели пушки герра Шульце. Свидетельствуя вам свое почтение, я желал бы поблагодарить вас за проявленную вами любезность и в свою очередь посвятить вас в свою тайну — можете быть спокойны, вам не придется платить за это своей жизнью.

Моя фамилия не Шварц, и я не швейцарец. Я эльзасец. Зовут меня Марсель Брукман. Я неплохой инженер, по вашему признанию, но прежде всего я француз. Вы объявили себя неумолимым врагом моей родины, моих друзей, моей семьи. Вы замышляли погубить вашими гнусными изобретениями все самое дорогое для меня. Я пошел на все, чтобы проникнуть в ваши замыслы. И я сделаю все, чтобы их разрушить.

Спешу довести до вашего сведения, что первый ваш удар, слава богу, не попал в цель. Ваша пушка поистине достойна всяческого удивления, но самое удивительное в ней — это то, что снаряды, которые она выбрасывает при помощи такого чудовищного заряда пороха, никому не могут причинить вреда, ибо они никогда никуда не попадут. Я об этом подумал с самого начала, когда вы мне ее показывали, но ныне это неоспоримый факт, который увековечит имя герра Шульце, славного изобретателя ужасного, мощного, но совершенно безобидного орудия.

Итак, я думаю, вам доставит удовольствие узнать, что вчера в одиннадцать часов сорок пять минут четыре секунды мы любовались вашим чересчур усовершенствованным снарядом, когда он пролетал над нашим городом. Он умчался на запад, устремляясь в безвоздушное пространство, где ему отныне суждено

носиться до скончания века. Снаряд, начальная скорость которого достигает десяти километров в секунду, то есть, иными словами, раз в двадцать превышает некоторую определенную скорость, не может упасть. Его поступательное движение вместе с силой тяготения обратит его в вечно движущееся тело, обреченное носиться в межпланетном пространстве в качестве постоянного спутника нашей планеты.

Не мешало бы вам помнить об этом.

В заключение выражаю надежду, что ваша пушка в «Башне быка» пришла в совершенную негодность после этой первой пробы. Но выпустить заряд в двести тысяч долларов, чтобы подарить миру новую звезду, а Земле — нового спутника, право, это не так уж дорого.

Марсель Брукман».

Это письмо было немедленно отправлено с нарочным из Франсевилля в Штальштадт.

Читатель, конечно, простит Марселю эту мальчишескую выходку, которая была вызвана вполне невинным желанием — посмеяться над герром Шульце.

Марсель был совершенно прав, утверждая, что знаменитый снаряд герра Шульце, вылетевший в силу своей чудовищной скорости за пределы земной атмосферы, никогда не упадет на землю и что грозная пушка в «Башне быка», выпустив такой сверхмощный заряд, навсегда выйдет из строя.

Можете себе представить, каким ударом для обманувшегося в своих надеждах Шульце было это письмо! Каким щелчком по его самолюбию!

Едва он пробежал глазами первые строчки, как вся кровь кинулась ему в лицо, и когда он дочитал до конца, голова его упала на грудь, руки повисли и он так и остался сидеть на месте, словно его кто-то ударил. Так он просидел минут пятнадцать, а когда, наконец, вышел из оцепенения, то его охватила такая ярость, что на него страшно было смотреть.

Однако Шульце был не такой человек, чтобы признать себя побежденным. С этой минуты он объявил войну Марселю, войну не на жизнь, а на смерть.

С пушкой не вышло, ну что ж! Посмотрим, как им понравятся его снаряды с жидкой углекислотой, которые на более близкой дистанции можно послать из самого обыкновенного орудия.

Утешившись этой мыслью, стальной король овладел собой и вернулся к прерванным занятиям.

Итак, над Франсевиллем снова нависла угроза, и теперь, более чем когда-либо, ему надо было держаться наготове.

ГЛАВА ЧЕТЫРНАДЦАТАЯ

Франсевилль готовится к бою

Опасность хоть и отдалилась, но отнюдь не перестала угрожать Франсевиллю.

Марсель посвятил доктора Саразена и его друзей во все замыслы Шульце, рассказал о его мощных орудиях разрушения и о подготовительных работах, которые велись в Штальштадте.

На следующий день совет обороны, куда вошел и Марсель, приступил к разработке и осуществлению плана защиты города.

Самым ревностным помощником Марселя оказался Октав, который за время своего пребывания в Франсевилле сильно изменился к лучшему.

Каковы были решения, принятые советом обороны, в это жители города не были подробно посвящены, но инструкции, вытекавшие из этих решений, ежедневно печатались в прессе, и в них нетрудно было угадать практический ум и предусмотрительность молодого эльзасца.

— Для того чтобы хорошо организовать защиту города, — толковали между собой франсевильцы, — важнее всего знать силы противника и, исходя из этого, возводить оборону. Конечно, пушки Шульце — это страшная штука. Но лучше уж иметь дело с этими пушками, зная их количество, калибр и дальнобойность, чем с какими-нибудь другими разрушительными орудиями, о которых ничего не известно.

Самое главное — не допустить вторжения противника в город как с суши, так и с моря. На этом в первую очередь и сосредоточились все усилия совета.

В тот день, когда на всех улицах появились объявления о том, что план обороны выработан и гражданам предлагается принять участие в его осуществлении, франсевильцы с радостью бросились предлагать свои услуги. Люди всех возрастов и профессий становились одинаково охотно в ряды простых чернорабочих, землекопов или каменщиков.

Работа шла быстро и весело. В город навезли запасов продовольствия на два года. Крытые городские рынки, превращенные в продовольственные склады, наполнились доверху мешками с мукой, крупой, сахаром, сушеными овощами и фруктами, грудами всевозможных консервов, тушами копченого мяса, различными сортами сыров. Многочисленные гурты домашнего скота были загнаны в сады и парки, разбитые по всему Франсевиллю. На площадях каждый день выгружали горы угля и железа, — и то и другое было необходимо для длительной борьбы: железо для выделки оружия, уголь для отопления.

Приказ о мобилизации всех мужчин, способных носить оружие, был встречен с подлинным энтузиазмом и еще раз показал высокий моральный уровень жителей Франсевилля, этих граждан-воинов.

В коротких шерстяных куртках и полотняных брюках, в удобных башмаках и мягких кожаных шляпах, вооруженные ружьями Вердера, отряды горожан маршировали по широким бульварам.

Партии кули возводили укрепления, копали рвы и строили редуты. На вновь оборудованных заводах быстро и бесперебойно отливались пушки. Для этой цели пригодились дымогарные печи, которые нетрудно было переделать в плавильные горны.

Во всех этих работах Марсель принимал деятельное участие. Он поспевал всюду, и за что бы он ни брался, работа так и кипела у него в руках. Где бы ни возникало какое-нибудь затруднение, теоретическое или практическое, он всегда умел его разрешить. В случае надобности он, засучив рукава, охотно приходил на

помощь и показывал, как лучше взяться за то или другое. Благодаря этому он пользовался большим авторитетом, и все его распоряжения исполнялись немедленно и беспрекословно.

Октав старался не отставать от Марселя. Первые дни, правда, он предавался мечтам о том, как он украсит свой мундир золотыми галунами, но очень скоро он все это выбросил из головы и понял, что ему придется начать свою военную службу простым солдатом. Он занял указанное ему место в строю и сумел стать примером для своих товарищей. А тем, кто пытался подшутить над ним, делая вид, что жалеют его, он отвечал спокойно:

— Каждому свое место по заслугам. Возможно, я не сумел бы командовать, зато теперь я по крайней мере научусь подчиняться.

Между тем в городе распространялись тревожные слухи, и хотя они, к счастью, оказались ложными, каждый франсевилец, насколько это было возможно, старался приналечь на работу. Кто-то сообщил, что герр Шульце ведет переговоры с несколькими судоходными транспортными компаниями о перевозке своих орудий. Вслед за этой «уткой» спустя некоторое время кто-то пустил другую, за ней третью, и они стали появляться чуть ли не каждый день. То это были слухи о том, что флот Шульце взял курс на Франсевилль, то сообщалось, что железная дорога в Сакраменто перерезана отрядами улан, свалившимися, повидимому, с неба.

Но все эти слухи, которые тут же опровергались, выдумывались для забавы читателей досужими репортерами, — на самом же деле Стальной город не подавал никаких признаков жизни.

Это загадочное молчание, хотя и позволяло франсевильцам успешно продолжать работы по обороне, все же несколько беспокоило Марселя, когда он в редкие минуты отдыха задумывался над странным поведением Шульце.

«Неужели этот разбойник изменил свои намерения и готовит нам какой-нибудь новый гнусный фокус?»

Но так как план обороны предусматривал все возможности нападения как с суши, так и с моря, то Марсель подавлял свое беспокойство и с удвоенной энергией возвращался к работе.

Работа заполняла весь его день, и единственное удовольствие, которое он позволял себе после трудового дня, были короткие полчаса вечером в гостиной госпожи Саразен.

Доктор с первого же дня настоял, чтобы Марсель каждый день приходил к ним обедать, конечно за исключением тех случаев, когда он будет связан какимнибудь другим приглашением. Но, как это ни странно, Марсель, повидимому, не получил ни одного приглашения, ради которого он решился бы отказаться от этой привилегии.

Чем объяснялось такое постоянство? Вряд ли ему доставляло такое уж наслаждение смотреть на послеобеденную партию в шахматы доктора Саразена с полковником Гендоном. Повидимому, его привлекало что-то другое. И хотя он не отдавал себе отчета в своих чувствах, но ни на что в мире он не променял бы те короткие минуты, которые он проводил вечером после обеда в обществе госпожи Саразен и Жанны, когда они усаживались за большой стол — женщины с работой в руках для будущих походных госпиталей — и мирно беседовали втроем.

— Так, значит, эти стальные болты лучше тех, чертежи которых вы нам показывали в прошлый раз? — спрашивала Жанна, интересовавшаяся всеми работами по обороне.

— Несомненно, мадемуазель, — отвечал Марсель.

— Ну, я очень рада. Но подумать только, сколько труда и изобретательности требует в техническом деле каждая маленькая деталь! Вы мне говорили, что саперы вырыли вчера около пятисот метров траншей. Ведь это очень много, правда?

— Увы, это далеко не достаточно. Если мы так будем продолжать, вряд ли нам удастся окончить наши укрепления к концу месяца.

— Я бы так хотела, чтобы у нас все уже было готово, и пусть тогда приходят эти гнусные банды

Шульце. Насколько мужчины счастливее нас, женщин! Они заняты делом, они знают, что нужны. И ожидание для них не так тягостно, как для нас. А мы, на что мы годимся?

— На что вы годитесь? — пылко воскликнул обычно невозмутимый Марсель. — Как вы можете так говорить, Жанна? А ради кого же, как не ради вас, наши мужчины бросили все и стали простыми солдатами?! Что заставляет их сейчас трудиться не покладая рук, если не единственное желание — обеспечить спокойствие и счастье своих матерей, жен, сестер, невест? Кто вдохновляет их, как не вы? Во имя чего они готовы жертвовать собой, как не во имя чувства...

Но тут Марсель, запнувшись на этом слове, смутился и замолчал. Жанна тоже молчала. И доброй госпоже Саразен пришлось прийти им на выручку.

— Чувство долга, — сказала она, — вот что заставляет наших франсевильцев забывать о себе в минуты опасности.

После таких бесед Марсель с еще большим воодушевлением возвращался к своей работе и в сотый раз давал себе клятву спасти Франсевилль и не допустить гибели ни одного из его обитателей. Он никак не мог ожидать события, которое вскоре должно было поразить всех, хотя это было естественным, неизбежным следствием того противоестественного положения вещей, когда один человек держит в своих руках все, — а это был основной закон Стального города.

ГЛАВА ПЯТНАДЦАТАЯ

Биржа в Сан-Франциско

Биржа в Сан-Франциско, самая оживленная и самая удивительная в мире, представляет собой некое, так сказать, алгебраическое выражение мировой промышленности и торговли.

Благодаря географическому положению столицы Калифорнии она отличается от всех других своим явно космополитическим характером. Под ее роскошными

портиками из красного гранита рослый белокурый саксонец сталкивается с бледным тонким темноволосым кельтом, негр — с финном и бронзовым индусом; полинезиец с удивлением взирает на гренландца; китаец с искусно заплетенной косой старается перехитрить своего многовекового врага — японца. Все языки, все наречия смешиваются в единый жаргон в этом современном Вавилонском столпотворении.

День 19 октября на этом единственном в своем роде рынке мира начался как обычно и не предвещал ничего особенного. Как всегда, к одиннадцати часам дня начали сходиться главные маклеры и агенты. Они пожимали друг другу руки, весело или сдержанно, в зависимости от темперамента каждого, после чего направлялись к буфету, чтоб совершить перед своими операциями умилостивительные возлияния. Затем они один за другим направлялись в вестибюль, где рядами вдоль стен стояли шкафы с нумерованными ящиками для почты. Каждый доставал из своего ящика адресованные на его имя объемистые пакеты и на ходу бегло просматривал их содержимое. Вслед за этим вскоре устанавливались курсы дня; толпа дельцов постепенно росла, вместе с ней нарастали оживление и сутолока.

К полудню со всех концов земного шара начали в изобилии поступать телеграммы. Среди общего гама и сумятицы ежеминутно раздавался зычный голос, выкрикивающий текст только что доставленной депеши, после чего ее тут же наклеивали на стену, где уже красовалась целая коллекция. Сутолока с минуты на минуту росла. Блокноты, записные книжки мелькали в руках. Маклеры сновали взад и вперед, опрометью бросались к телеграфному бюро, посылали запросы, возвращались с ответами. Казалось, повальное безумие овладевает толпой, и вдруг словно какой-то магнетический ток пробежал по всему залу.

Один из акционеров Дальневосточного банка принес неслыханное, потрясающее, невероятное известие, и оно с быстротой молнии облетело всех.

— Какой вздор! — говорили одни. — Это наверняка чьи-то фокусы! Кто поверит такой утке!

— Нет, не говорите, — возражали другие, — дыма без огня не бывает.

— Да разве такое предприятие может лопнуть?

— Всякое предприятие может лопнуть.

— Подумайте, какой капитал! Одно оборудование оценивается свыше восьмидесяти миллионов!

— Не считая литья, стали, запасов и готовой продукции!

— Кой черт! Я вам говорю, Шульце стоит не меньше девяноста миллионов. И я берусь реализовать их в любое время.

— Но чем же вы объясняете, что они прекратили платежи?

— А зачем мне объяснять? Не верю я этой чепухе!

— А что, разве на наших глазах такие вещи не случаются чуть ли не каждый день, да еще с самыми солидными фирмами.

— Штальштадт — не фирма, это целый город.

— Во всяком случае, до краха тут дело дойти не может. Сейчас же объявится какая-нибудь компания и заберет это дело в свои руки.

— Но почему же сам Шульце не позаботился организовать такую компанию, а допустил, чтобы опротестовали его векселя?

— Вот потому-то я и говорю, что это абсурд. Ну, сами-то разве вы не видите, что это противоречит всякому здравому смыслу? Ясно и очевидно, что это утка, и пустил ее не кто иной, как Нэш. Ему до зарезу нужно поднять курс своих стальных акций.

— Вовсе это не утка. Шульце действительно обанкротился. Хуже того: он скрылся.

— Да перестаньте!

— А я вам говорю, скрылся. Да вон там, посмотрите, только что телеграмму наклеили.

Громадная толпа хлынула к стене, где висела доска с депешами. Свеженаклеенная голубая бумажка гласила:

«Нью-Йорк, 12.10. Центральный банк. Завод Штальштадт. Платежи прекращены. Пассив: 47 миллионов долларов. Шульце исчез».

Теперь, как это ни казалось невероятно, сомневаться не приходилось, и пошли всякие догадки и предположения.

К двум часам отовсюду посыпались телеграммы о потерях, понесенных различными предприятиями, связанными с Шульце. Больше всех потерял нью-йоркский Майнинг-банк; затем шла чикагская фирма «Уэстерли и сыновья», потерявшая семь миллионов долларов, банк Милуоки-Буффало — пять миллионов, промышленный банк в Сан-Франциско — полтора миллиона и, наконец, всякая мелюзга, целая серия мелких коммерческих предприятий.

Тем временем и другие неизбежные последствия этого грандиозного события развертывались с лихорадочной быстротой.

Затишье на бирже, отмеченное экспертами, рано утром сменилось лихорадочным оживлением. Какие взлеты, скачки! Какой неистовый разгул спекуляции!

Подскочили стальные акции, повысились угольные! Пошли вверх акции всех литейных предприятий Соединенных Штатов Америки. Мгновенно выросли цены на фабричные изделия любой отрасли всех видов железной промышленности. Поднялись в цене земельные участки Франсевилля. Последнее время в связи с надвигающимися военными событиями на них пропал всякий спрос, они перестали котироваться на рынке; сейчас они подскочили сразу до ста восьмидесяти долларов за акр.

Вечером у газетных киосков стояли толпы народу. Но ни «Геральд», ни «Трибюн», ни «Альта», ни «Гардиан», ни «Эко», ни «Глоб», как ни старались возместить жирным шрифтом и грандиозными буквами скудность своей информации, не могли сообщить ничего, кроме того, что уже было известно.

А известно было следующее: 25 сентября банкирам стального короля — «Шпринг, Штраус и К°» в Нью-Йорке — был предъявлен фирмой «Джексон Элдер и К°» вексель на восемь миллионов долларов за подписью Шульце. Обнаружив, что банковское сальдо их клиента не позволяет покрыть этой громадной суммы,

они тотчас же послали Шульце запрос по телеграфу, но не получили ответа.

Тогда они бросились проверять свои книги и с удивлением обнаружили, что на протяжении тридцати дней не получили из Штальштадта ни одного ценного письма, ни одного перевода. С этого момента все чеки и векселя, выданные за подписью Шульце на их банк и скоплявшиеся день за днем, стали возвращаться обратно предъявителям с пометкой: «На текущем счету денег нет».

В течение четырех дней банкирский дом «Шпринг, Штраус и К^0», осаждаемый телеграммами, запросами и бесчисленными возмущенными требованиями, осаждал в свою очередь Штальштадт десятками депеш и запросов, с недоумением ожидая ответа.

Наконец, ответ пришел: герр Шульце 17 сентября бесследно исчез. Никто не имеет ни малейшего представления, что это значит. Он не оставил никаких распоряжений. В кассах Штальштадта денег нет.

Теперь уже невозможно было скрывать истинное положение дел. Наиболее крупные кредиторы испугались и передали свои векселя в коммерческий суд. В течение каких-нибудь двух-трех часов обнаружился полный крах, который с молниеносной быстротой повлек за собой целую серию крупных и мелких банкротств. В двенадцать часов дня 13 октября общая сумма пассива Шульце определялась в сорок семь миллионов долларов. Можно было предполагать, что она дойдет до шестидесяти миллионов, так как опротестованные векселя все еще продолжали поступать.

Вот все, что было известно и что с более или менее живописными подробностями повторяли все газеты. Само собой разумеется, что все они обещали сообщить на следующий день самые достоверные сведения.

И в самом деле, не было ни одной газеты, которая не позаботилась бы с первой же минуты послать своего корреспондента в Штальштадт.

Четырнадцатого октября вечером целая армия репортеров, вооруженных блокнотами и карандашами, подступила к Стальному городу. Но эта армия тотчас же отхлынула, ударившись, как волна, о крепостную

стену Штальштадта. Стража, как и прежде, охраняла ворота, и тщетно репортеры пускались на всевозможные уловки, пробовали все средства соблазна — она оставалась неумолимой.

Единственно, что удалось узнать, — это что рабочие пребывали в полном неведении и что в их повседневной рутине пока ничего не изменилось. Только накануне мастера получили распоряжение объявить рабочим, что в цеховых кассах нет денег и в связи с отсутствием каких бы то ни было инструкций из центрального сектора работы будут прекращены в следующую субботу, если до тех пор не будет получено какого-нибудь нового приказа.

Все это не только не разъясняло истинного положения дел, а наоборот, еще больше запутывало его. То, что герр Шульце исчез около месяца тому назад, ни для кого не было тайной. Но каковы были причины и смысл этого исчезновения, никто не мог сказать.

Смутное ожидание, что эта загадочная личность вот-вот снова появится, заглушало томительное чувство тревоги.

На заводе первые дни все шло по инерции, как обычно,— каждый с неизменной точностью и быстротой выполнял свои повседневные обязанности. Цеховые кассы аккуратно каждую субботу выплачивали жалованье. Центральная касса до самых последних дней удовлетворяла все местные нужды. Но система централизованной власти в Штальштадте была доведена до столь высокой степени совершенства, все так слепо повиновалось воле хозяина, что его отсутствие не замедлило естественным образом вызвать перебои в ходе этой сложной машины.

Так, в промежутке с 17 сентября, с того дня, как стальной король в последний раз подписал приказы, до 13 октября, когда, как гром с ясного неба, обрушилось известие о прекращении платежей, тысячи писем, адресованных в Штальштадт, и среди них, по всей вероятности, немало весьма ценных, были опущены в почтовый ящик центрального сектора и оттуда доставлены в кабинет герра Шульце. Только он один сохранял за собой право вскрывать эти письма, он сам

делал на них пометку красным карандашом и направлял их к главному кассиру.

Даже самым высокопоставленным чиновникам Штальштадта не пришло бы в голову превысить свои полномочия. Облеченные почти неограниченной властью по отношению к своим подчиненным, они перед лицом герра Шульце, и даже, можно сказать, призрака герра Шульце, были совершенно безличными пешками, послушными исполнителями его воли, лишенными всякой инициативы и даже права голоса. Каждый из них, замкнувшись в узком круге своих обязанностей, невозмутимо выжидал, медлил, способствуя тем самым назреванию катастрофы. И, наконец, катастрофа разразилась. Она назревала медленно. Крупные заинтересованные фирмы, встревоженные прекращением платежей, посылали запросы, телеграммы, объяснительные письма, протесты, но никто и мысли не допускал, что такое высокорентабельное предприятие может оказаться дутым. Понадобилось довольно много времени, чтобы, наконец, возникло подозрение, что дело обстоит неблагополучно. Тогда только обратились в судебные инстанции, и, ко всеобщему изумлению, выяснилось с совершенной точностью: герр Шульце скрылся от своих кредиторов.

Это было все, что удалось узнать репортерам. И даже самому знаменитому Мейклджону, прославившемуся тем, что он ухитрился выудить кое-какие политические признания у президента Гранта, самого скрытного политического деятеля своего века, и неутомимому Блундербуссу, завоевавшему себе славу тем, что он, скромный корреспондент «Уорлда», первым сообщил русскому царю о капитуляции Плевны, — даже этим китам репортажа посчастливилось не больше, чем остальным их собратьям. Им приходилось сознаться, что ни «Трибуна», ни «Уорлд» не могут сообщить ничего нового о банкротстве Шульце.

Это зловещее событие приобретало совершенно исключительный характер благодаря особому положению, которое занимал Штальштадт — независимый, изолированный город, где нельзя было произвести нормального законного расследования.

Подпись Шульце, правда, была опротестована в Нью-Йорке, и его кредиторы имели все основания предполагать, что имущество, оборудование и продукция завода Штальштадта в какой-то мере удовлетворят их претензии. Но в какой суд следовало обратиться для того, чтобы наложить на это имущество секвестр? Штальштадт представлял собой совершенно независимую территорию, он не относился ни к одному из Североамериканских штатов, он целиком принадлежал герру Шульце. Будь у него хотя бы заместитель, или уполномоченный, или какой-нибудь административный совет... Ничего подобного. В Штальштадте не было даже суда, ни даже какого-нибудь судебного органа. Шульце был и королем, и верховным судьей, и главнокомандующим, и адвокатом, и нотариусом, и единственным полноправным коммерческим судом. Он олицетворял собой идеал единовластия. И не удивительно, что с его исчезновением Стальной город, это грандиозное здание, рухнуло, как карточный домик.

Во всяком другом такого же рода случае кредиторы могли бы объединиться в синдикат, взять управление делами в свои руки, по-своему распорядиться активом. Они могли бы тут же установить, что при очень небольшой затрате денег и умении управлять эту машину можно немедленно пустить в ход.

Но здесь это было невозможно, ибо не было никакого юридического органа, который мог бы узаконить подобного рода операцию. И это до известной степени моральное препятствие было, пожалуй, еще более непреодолимо, чем крепостные стены и рвы, окружающие Стальной город. Несчастные кредиторы видели залог, который мог обеспечить их векселя, но не имели возможности наложить на него запрещение.

Им не оставалось ничего другого, как, объединившись всем вместе, устроить генеральное совещание. На этом совещании было решено от лица всех потерпевших подать апелляцию в конгресс, чтобы он защитил интересы американских граждан, вынес решение присоединить Штальштадт к Североамериканским соединенным штатам и подчинил таким образом этот чудовищный феномен законам всего цивилизованного мира.

Кое-кто из членов конгресса был лично заинтересован в этом деле; с другой стороны, такая апелляция вполне соответствовала духу американского законодательства, и можно было надеяться, что дело увенчается успехом.

К сожалению, конгресс был только что распущен, и для того, чтобы дать ход этой апелляции, надо было ожидать следующей сессии. Между тем жизнь в Штальштадте постепенно замирала, и гигантские печи его заводов потухали одна за другой.

Глубокое уныние царило в поселках Стального города, где десять тысяч рабочих семей лишились источника существования. Что делать? Продолжать работу в надежде на жалованье, которое, может быть, выплатят через полгода, а может быть, и совсем не заплатят? А где она, работа-то? Заказы перестали поступать, как только прекратились платежи. Клиенты Шульце выжидали, чем кончится эта загадочная история. Начальники отделов, инженеры, мастера, не получая никаких распоряжений, ничего не могли предпринять сами.

Рабочие сходились, советовались, устраивали собрания, митинги, произносили речи. Но никто не мог предложить никакого определенного плана действий, ибо никаких возможностей действовать не было. Следом за безработицей в город вошли нужда, отчаяние и пороки. Цехи пустели — народ повалил в кабаки; едва только еще одна труба переставала дымить на заводе, в селе по соседству открывался новый кабак.

Наиболее благоразумные из рабочих, наиболее предусмотрительные, те, что сумели припасти кое-что на черный день, складывали свои пожитки, инструменты, милые сердцу хозяйки перины и подушки и, окруженные кучей толстощеких ребятишек, восхищенных перспективой увидеть новый мир из окна вагона, торопились покинуть Штальштадт. Те, кто снялся с места, разбрелись по свету и нашли себе кто на западе, кто на востоке, на севере или на юге другой завод, другую работу, новое жилье. Но таких счастливцев оказалось немного, а сколько на каждого из них приходилось бедняков, которых нужда приковала к месту! Они никуда не могли двинуться. С потухшим

взором, с отчаянием в сердце, они бродили по улицам, распродавали свой жалкий скарб хищному воронью, которое, словно по инстинкту, слетается к месту человеческих бедствий, а через несколько дней или недель, когда уже нечего было продавать, оставались без денег, без работы, без надежд, и будущее простиралось перед ними холодное, безотрадное и грозное, как ледяная рука надвигающейся зимы.

ГЛАВА ШЕСТНАДЦАТАЯ

Два француза берут приступом город

Когда известие об исчезновении Шульце дошло до Франсевилля, первые слова Марселя были:

— А что, если это только военная хитрость?

Однако, по зрелом размышлении, он решил, что последствия этой хитрости привели к катастрофе Штальштадта, и это само собой исключает возможность подобного предположения, ибо оно граничит с нелепостью. Тем не менее он говорил себе, что ненависть не рассуждает, а исступленная ненависть такого человека, как Шульце, может сделать его способным на все. Поэтому, что бы там ни было, Франсевиллю следует попрежнему держаться настороже.

По настоянию Марселя совет обороны выпустил воззвание к гражданам Франсевилля, в котором он призывал их не доверять лживым слухам, распространяемым врагом с целью усыпить их бдительность.

Воодушевленные этим призывом, граждане Франсевилля удвоили свое рвение в работе и военной подготовке, решив, что это будет наилучшим ответом на любую вылазку врага.

Но подробные сообщения в сан-францисских, чикагских и нью-йоркских газетах, описания финансовых и коммерческих крахов, вызванных катастрофой в Штальштадте, создавали такую яркую, убедительную картину, что сомневаться в истинности этого происшествия было просто нелепо.

В одно прекрасное утро жители города доктора Саразена проснулись и почувствовали себя в полной безопасности, подобно человеку, который, пробудившись и открыв глаза, чувствует, что он избавился от страшного кошмара.

Да, кошмар рассеялся; никакая угроза не висит больше над Франсевиллем. Радостную весть сообщил франсевильцам Марсель, который, наконец, твердо и безоговорочно убедился в этом.

Чувство несказанного облегчения охватило всех; люди пожимали друг другу руки, целовались, поздравляли знакомых и незнакомых, устраивали званые обеды. В городе наступил праздник: женщины нарядились в лучшие туалеты, мужчины оставили земляные работы, прекратили военные упражнения, покинули лагеря. Все ликовали, радовались, сияли. Город словно вернулся к жизни после тяжелой болезни.

Но больше всех радовался доктор Саразен. Этот благородный человек чувствовал себя ответственным за судьбу тех, кто с таким доверием и надеждой отдал себя под его покровительство и обосновался в его городе. В течение целого месяца мысль о том, что он обрек этих людей на гибель, он, который думал только об их благополучии и счастье, не давала ему покоя. Наконец-то эта страшная тяжесть свалилась с его души и он может дышать спокойно.

Пережитая опасность теснее сблизила граждан Франсевилля. Люди, принадлежащие к самым различным слоям общества, почувствовали себя братьями, связанными одними и теми же стремлениями, живущими одними и теми же интересами. Каждый ощущал, как в душе его рождается что-то новое. Это новое было их новой отчизной. Они вместе страдали, вместе тревожились за нее и только теперь поняли, как она дорога им.

Словом, работы по укреплению и обороне Франсевилля, несомненно, послужили ему на пользу. Маленькая колония узнала, рассчитала и проверила свои силы. Она чувствовала себя более уверенной. Теперь уже никакой враг не застанет ее врасплох. Короче

говоря, никогда до сих пор детище доктора Саразена не видело перед собой более блестящих перспектив.

И удивительное дело, люди не забыли, кому они обязаны своим спасением, не остались неблагодарными. От имени всего города организатору защиты, молодому инженеру, самоотверженная деятельность которого дала возможность Франсевиллю приготовиться к нападению врага, была принесена публичная благодарность. Но Марсель считал, что дело еще не доведено до конца.

«Тайна, окружающая Стальной город, может еще заключать в себе опасность, — рассуждал он. — Я только тогда буду спокоен, когда мне удастся рассеять этот мрак и вытащить на свет эту тайну».

И он решил вернуться в Штальштадт и во что бы то ни стало добиться разрешения загадки.

Напрасно доктор Саразен пытался отговорить его от этой затеи; тщетно старался он убедить Марселя, что это дело рискованное, опасное, что ему на каждом шагу может грозить какая-нибудь страшная неожиданность, что это все равно что самому лезть в преисподнюю.

— Герр Шульце не такой человек, чтобы исчезнуть так просто. Он, даже умирая, не забудет о том, чтобы приготовить ловушку своему врагу. Нельзя даже представить себе, на что может быть способно такое чудовище, — убеждал Марселя доктор.

— Вот именно потому, что я совершенно согласен с вами и допускаю возможность всего того, что вы говорите, дорогой доктор, — отвечал Марсель, — я и считаю своим долгом отправиться в Штальштадт. Это бомба, у которой нужно вынуть фитиль, прежде чем она разорвется, и я даже хочу просить у вас разрешения взять с собой Октава.

— Октава?! — воскликнул доктор.

— Да, да. Вы только посмотрите, какой это молодец. На него смело можно положиться, и я уверяю вас, что эта маленькая прогулка пойдет ему только на пользу.

— Ступайте, дети мои, и да сохранит вас бог! — с волнением сказал старик доктор, обнимая Марселя и сына.

На следующий день на рассвете Марсель и Октав, оставив позади пустынные рабочие поселки, подъехали к воротам Штальштадта. Оба были прекрасно вооружены, предусмотрительно запаслись всем необходимым, и оба твердо решили не возвращаться домой до тех пор, пока им не удастся раскрыть эту черную тайну.

Они вышли из экипажа и пошли по дороге вдоль высоких укреплений города. И тут только предстала их глазам мрачная действительность, которой так долго отказывался верить Марсель.

Завод молчал. На беззвездном небе смутно вырисовывалась темная громада — ни одного освещенного окна, ни зарева огней, ни вспышек искр, разлетающихся огненным снопом, ни газовых рожков, ни фонарей. Никаких признаков жизни. Безмолвие и мрак. Казалось, будто смерть витает над городом, а черные трубы торчат, как обугленные скелеты. Звук шагов гулко разносился в пустынной тишине.

— Какое уныние! — невольно вырвалось у Октава. — Точно по кладбищу идешь.

Было семь часов утра, когда они подошли к главным воротам Штальштадта.

На крепостном валу, где раньше на расстоянии десяти шагов друг от друга стояли, как столбы, часовые, не видно было ни души. Но мост перед воротами был поднят, и Марсель с Октавом остановились на краю глубокого рва метров в пять-шесть шириной.

Они потратили не меньше часа, пока им удалось закинуть за железную перекладину ворот захваченный с собой канат. Наконец, Марселю посчастливилось удачно закрепить петлю, и Октав поднялся по канату на высокие ворота. Марсель кинул ему одно за другим все, что у них было с собой, а затем и сам поднялся тем же путем. Перебросить тот же канат по ту сторону стены, переправить «обоз» и спуститься самим было делом нескольких минут.

Они очутились теперь на окружном шоссе, по которому некогда шествовал Марсель, направляясь в сектор «О». И тут тоже была пустыня и тишина. Прямо перед ними высились угрюмые заводские здания. Они

глядели на них черными глазницами окон и точно говорили пришельцам: «Прочь отсюда! Какое вам дело до наших тайн?»

— Пожалуй, лучше всего нам пройти к воротам «О», я их знаю, — сказал Марсель.

Они повернули налево и вскоре подошли к массивной арке, на которой посредине красовалась буква «О». Тяжелые дубовые ворота, окованные железом, были закрыты.

Марсель поднял с земли большой булыжник и, размахнувшись, ударил им в ворота.

Ответом ему было только эхо.

— Ну, марш на приступ! — крикнул Марсель.

Они снова принялись забрасывать канат на ворота и порядком измучились, прежде чем им удалось прочно зацепить его. Наконец, они очутились по ту сторону стены, на главном проспекте сектора «О».

— Стоило трудиться! — с негодованием воскликнул Октав. — Берем приступом одну стену — вырастает другая, третья... Что же это, так до бесконечности?

— В строю не рассуждать! — смеясь, крикнул Марсель. — Вон посмотри-ка лучше — направо мой цех. Я с удовольствием загляну в него еще раз. Кстати, мы там захватим кое-какие инструменты и несколько динамитных шашек.

Они вошли в громадный литейный цех, где начал свою карьеру в Штальштадте молодой эльзасец. Каким мрачным казался теперь этот цех, со своими потухшими печами и покрытыми ржавчиной рельсами! Серые от пыли подъемные краны, словно виселицы, простирали вверх свои громадные разъятые руки! Это зловещее зрелище леденило сердце. Марсель поспешил увести отсюда Октава.

— Вот этот цех, пожалуй, будет интереснее для нас, — сказал он, направляясь по знакомой дороге к столовой, в которой когда-то обедал каждый день.

Октав молча кивнул, но лицо его заметно оживилось, когда он увидел деревянную стойку и на ней целую батарею бутылок всех цветов и размеров. Тут же стояло несколько коробок с консервами самых прославленных фирм. Молодые люди спокойно располо-

жились за прилавком и с удовольствием приступили к завтраку. Экспедиция еще только началась, и подкрепиться не мешало.

Закусывая, Марсель думал о том, как им проникнуть в «Башню быка». Перебраться через стену центрального сектора нечего было и думать. Эта стена была неприступной высоты и совершенно гладкая, без единого выступа, и при этом поблизости не было ни одного строения, ни одного дерева. Чтобы разыскать вход в нее, и, вероятно, единственный, надо было обойти весь сектор, что было далеко не просто. Оставалось одно: пустить в дело динамит. Конечно, это было весьма рискованно, так как можно было предполагать, что герр Шульце перед своим исчезновением позаботился расставить ловушки своим врагам, заложив где-нибудь мины для пришельцев, которые отважатся завладеть Штальштадтом. Но все эти соображения не могли заставить Марселя отказаться от того, что он задумал.

Когда Октав подкрепился и отдохнул, Марсель предложил пойти прямо по улице, которая перерезала сектор «О» и упиралась в высокую каменную стену.

— Что ты скажешь насчет того, чтобы подорвать эту стенку динамитом? — спросил он.

— Дело нелегкое, да ведь мы сюда не гулять пришли, — сказал Октав, готовый на любую попытку.

Недолго думая, они принялись за работу. Им пришлось немало повозиться. Надо было обнажить фундамент стены, вложить в расщелину между двумя камнями сильный рычаг, раскачать его, выломать один камень, пробуравить несколько небольших параллельных отверстий и заложить в них динамит. К десяти часам все было готово. Октав чиркнул спичкой и поджег фитиль.

Марсель знал, что фитиль будет гореть пять минут. Поэтому он заранее присмотрел поблизости небольшой кабачок в подвале с глубоким сводом и толстыми стенами. Там они и укрылись в ожидании взрыва.

Не без волнения считали они минуты. Вдруг здание и самый подвал покачнулись, как от землетрясения. Вслед за толчком раздался оглушительный взрыв, как если бы несколько десятков пушек грянуло разом, и через две-три секунды все кругом превратилось в груду развалин. Воздух содрогался от грохота обрушивающихся крыш, обваливающихся стен, балок и далеко разносил звон битого стекла.

Наконец, все стихло. Марсель и Октав вылезли из своего убежища.

Картина, представившаяся их глазам, потрясла даже Марселя, хотя ему и не раз приходилось наблюдать действие взрывчатых веществ. Половина сектора «О» взлетела на воздух. Казалось, город подвергся длительному орудийному обстрелу. Полуразрушенные стены зданий обнажили внутренности цехов. Вывороченные балки, рамы, железные листы, груды битого стекла и щебня покрывали землю, а густые облака пыли еще носились в воздухе и медленно серой пеленой оседали на горы развалин.

Марсель с Октавом бросились к стене; в ней зияла громадная брешь метров в пятнадцать — двадцать шириной, а по ту сторону виднелся знакомый Марселю двор центрального сектора.

Двор был окружен железной решеткой, но, так как он теперь никем не охранялся, они мигом перемахнули через нее.

И здесь их встретила та же мертвая тишина.

Марсель обошел модельные мастерские, где он когда-то изо дня в день сидел над своими чертежами. В одном из кабинетов ему случайно попался на глаза неоконченный чертеж паровой машины. Это был тот самый чертеж, над которым он начал работать, когда его вызвали к герру Шульце. Проходя по читальному залу, он увидел знакомые книги, журналы...

Все словно говорило о том, что жизнь шла здесь своим привычным ходом и вдруг почему-то внезапно остановилась.

Наконец, они подошли к внутренней ограде сектора «О», и перед ними выросла стена, за которой находился парк герра Шульце.

— Придется нам, пожалуй, взорвать и этот заборчик, — сказал Октав.

— Возможно, только давай сначала поищем калитку, может быть ее можно будет взорвать простой петардой.

Они перелезли через ограду и пошли вдоль стены. Иногда им приходилось сворачивать, обходить какое-нибудь здание, делать небольшой крюк, но высокая каменная стена все время была у них перед глазами. Путешествие это оказалось не напрасным. Через некоторое время они увидели низенькую дубовую дверцу, еле заметную в каменной кладке стены. Октав, недолго думая, достал бурав и быстро просверлил отверстие в деревянной калитке. Марсель заглянул в него и увидел пышную тропическую зелень цветущего, благоухающего парка.

— Одолеть эту дверцу, и мы у цели, — сказал он.

— Стоит ли тратить порох на эту деревяшку! — фыркнул Октав и, размахнувшись, стал колотить в дверь ломом.

Она начала чуть-чуть подаваться, как вдруг они услышали глухой скрип отодвигаемого засова и щелканье ключа. Дверь немного приоткрылась, придерживаемая толстой цепью.

— Wer da? Кто там? — раздался хриплый голос.

ГЛАВА СЕМНАДЦАТАЯ

Объяснение при помощи перестрелки

Если бы за этой стеной неожиданно грянул выстрел, друзья бы не так удивились. Все что угодно, но этого вопроса они никак не могли ожидать. Из всех предположений Марселя по поводу спящего города единственным, не пришедшим ему в голову было то, что кто-то может задать ему вполне естественный вопрос, зачем он сюда явился.

Их экспедиция, вполне законная в предположении, что Штальштадт покинут жителями, приобретала

совсем иной характер, если город оказывался обитаемым. То, что в первом случае представляло собой нечто вроде археологического исследования, становилось во втором незаконным вторжением, да еще с оружием в руках.

Все эти мысли с молниеносной быстротой промелькнули в голове у Марселя, в то время как он стоял не двигаясь, словно приросший к земле.

— Wer da? — повторил тот же голос уже несколько нетерпеливо.

Нетерпение казалось, пожалуй, вполне уместным. Но каково было преодолеть столько препятствий, перебраться через ров, через каменные стены, взорвать несколько кварталов, и все это только для того, чтобы услышать совершенно естественный вопрос: «Кто там?» — и не знать, что на него ответить!

Прошло, может быть, полминуты, прежде чем Марсель, овладев собой, понял всю двусмысленность своего положения и, спохватившись, ответил понемецки:

— Друг или враг, это вы будете судить сами. Мне надо поговорить с герром Шульце.

Едва он успел произнести эти слова, как из-за полураскрытой дверцы раздался изумленный возглас, и перед глазами Марселя мелькнули огненно-рыжие бакенбарды, щетинистый ус и вытаращенный в тупом удивлении глаз. Это был не кто иной, как его бывший телохранитель Сигимер.

— Иоганн Шварц! — воскликнул ошеломленный великан, и в его голосе послышалась радость. — Иоганн Шварц!

Повидимому, неожиданное появление вверенного его попечению пленника удивило этого аргуса не меньше, чем его таинственное исчезновение.

— Могу я видеть герра Шульце? — повторил Марсель.

Сигимер отрицательно покачал головой.

— Нет приказ, — сказал он. — Приказ нет, пускать нельзя.

— Так, может быть, вы доложите герру Шульце, что я здесь. Я хочу его видеть.

— Нет герр Шульце. Герр Шульце нет здесь, — уныло отвечал великан.

— А где же он? Когда он вернется? — допытывался Марсель.

— Нет знать. Знать приказ — никого пускать.

Кроме этих отрывистых, невразумительных фраз, Марсель ничего не мог добиться. Рыжий цербер с тупым упрямством бессмысленно твердил одно: нет приказа.

— Да что нам у него спрашивать разрешения! — не выдержал, наконец, Октав. — Войдем, да и все!

И он изо всей силы налег на дверцу плечом. Но цепь выдержала, а вслед за тем здоровенный толчок с той стороны заставил его отлететь на несколько шагов, дверца захлопнулась, звякнул железный засов, и замок защелкнулся.

— Должно быть, их там целая шайка! — с досадой воскликнул Октав, несколько пристыженный своей неудачной попыткой, и, нагнувшись, приложился глазом к отверстию. — Смотри-ка, второй! — с удивлением вскричал он.

— Арминий! — подхватил Марсель и, нагнувшись в свою очередь, тоже заглянул в отверстие.

И вдруг откуда-то сверху, чуть ли не с неба, раздался другой голос:

— Кто идет?

Марсель с Октавом подняли головы.

Голос принадлежал Арминию. Голова его торчала над стеной. Повидимому, он успел подставить лестницу.

— Но ведь ты же сам видишь, Арминий, — ответил Марсель. — Долго я буду ждать? Откроешь ты или нет?

Не успел он договорить, как над стеной показалось дуло ружья, раздался выстрел, и пуля задела шляпу Октава.

— Ах, вот ты как! Ну, получай! — крикнул Марсель и всунул петарду под дверь.

Дверь разлетелась в щепки, и молодые люди с оружием в руках бросились в парк.

У стены, давшей трещину от взрыва, еще стояла лестница; от нее шли следы крови, но ни Сигимера, ни Арминия не было видно. Кругом зеленой стеной поднимался тропический лес, волшебный парк герра Шульце. Октав остановился, завороженный.

— Боже, какая красота! — воскликнул он. — Но знаешь, нам лучше разделиться. Боюсь, что эти огородные пугала подстерегают нас где-нибудь тут за деревьями.

Они углубились в кусты — Марсель по одну, а Октав по другую сторону аллеи. Осторожно переходя от дерева к дереву и оглядываясь по сторонам, они медленно подвигались вперед.

Не успели друзья сделать несколько десятков шагов, как снова раздался выстрел, и кусок коры отлетел от дерева, под которым только что стоял Марсель.

— Хватит, поиграли! Бросайся на землю, ползком! — тихо скомандовал Октав и тотчас же, приникнув к земле, пополз к густому кустарнику, окаймлявшему широкую круглую площадку, посреди которой возвышалась «Башня быка». Марсель не успел во-время последовать примеру товарища и едва избежал третьей пули: она просвистела у него над головой, и, когда он бросился плашмя на землю, четвертая пуля, прожужжав в воздухе, вонзилась рядом с ним в ствол пальмового дерева.

— Счастье наше, что эти уроды стреляют, как новобранцы! — вскричал Октав, подползая к товарищу.

— Шш... — остановил его Марсель, показывая глазами на дымок, поднимающийся из окна в нижнем этаже. — Вот где они засели, разбойники! Ну, подожди, я с ними сыграю штуку.

И он, быстро оглядевшись по сторонам, обломил со стоявшего рядом дерева толстый сук длиною примерно в человеческий рост. Затем, сбросив с себя блузу, надел ее на палку, а сверху нахлобучил шляпу. Водрузив сук таким образом, чтобы видны были шляпа и рукава блузы, Марсель подполз вплотную к Октаву и прошептал ему на ухо:

— Займись с ними тут немножко, переползай с места на место и постреливай, а я попробую напасть на них с тыла.

И с этими словами он юркнул в чащу кустарника, окружавшего площадку. Прошло примерно четверть часа, в течение которых обе стороны обменялись десятком-двумя пуль без малейшего результата. Куртка и шляпа Марселя сильно пострадали, но на нем это никак не отразилось. Карабин Октава превратил в щепки ставни в окне нижнего этажа.

Внезапно стрельба затихла, и Октав услышал сдавленный крик:

— Ко мне, Октав! Он у меня в руках... Скорее сюда!

Октав не заставил себя ждать. Одним прыжком выскочил он из-за кустов, перебежал площадку и с разбегу вскочил в окно. На полу, свившись клубком, как змеи, катались в отчаянной схватке Марсель и Сигимер.

Марсель, которому удалось незаметно проникнуть в дом с противоположной стороны и подкрасться к Сигимеру сзади, не дал ему времени опомниться; выбив у него ружье из рук, он сразу повалил его на пол, но геркулесовская сила великана, хотя и поверженного наземь, делала его опасным противником, и Марселю приходилось пускать в ход всю свою ловкость, чтобы не дать ему схватить себя за горло. Октав подоспел как раз во-время. Через минуту Сигимер, связанный по рукам и ногам, лежал неподвижно посреди комнаты.

— А где другой? — спросил Октав.

Марсель показал рукой на диван, где, вытянувшись с запрокинутым, окровавленным лицом, лежал Арминий.

— Пуля в голову, — сказал Октав, подходя к дивану.

— Да, — подтвердил Марсель.

— Что ж, сам напросился!

— Ну, теперь мы можем распоряжаться, как дома, — сказал Марсель. — Давай-ка приступим к осмотру. Начнем с кабинета Шульце.

Они вышли из приемной, где только что произошла решающая схватка, и, пройдя через анфиладу роскошно убранных комнат, вступили в заповедный чертог стального короля. Октав с восхищением оглядывался по сторонам.

Марсель, посмеиваясь над его изумленными возгласами, открывал одну за другой двери в роскошные залы, пока они, наконец, не вошли в зеленую с золотом гостиную. Тут глазам его предстало такое странное зрелище, что он попятился от удивления.

Можно было подумать, что главная почтовая контора Нью-Йорка или Парижа ссыпала сюда всю свою почту до последней бумажки. На столах, на креслах, на полу — всюду валялись нераспечатанные пакеты, письма, депеши, бандероли. Нога тонула в них чуть не по колено. Вся корреспонденция Шульце, как личная, так и деловая, поступавшая изо дня в день в почтовый ящик на ограде парка, вынималась исполнительными Сигимером и Арминием, которые аккуратно доставляли ее в кабинет хозяина.

Сколько жадных вопросов, надежд, мучительных сомнений и слез отчаяния, ожидания и горя скрывалось в этих безгласных пакетах, адресованных Шульце! А сколько миллионов в ценных бумагах, в векселях, переводах, аккредитивах, чеках! И все это лежало здесь без движения, ибо только одна рука во всем мире имела право вскрыть эти легко доступные, но неприкосновенные конверты, и эта рука отсутствовала.

— Теперь все дело в том, чтобы найти потайную дверь в лабораторию, — сказал Марсель и начал снимать книги с полок, стоящих по стенам кабинета.

Напрасный труд! Он обнажил все полки, но так и не нашел потайного прохода; вооружившись каминными щипцами, он отодрал панели, обошел всю комнату, постукивая по стенам, пытаясь угадать по звуку выход на лестницу. Но стена всюду звучала одинаково.

Очевидно, герр Шульце, узнав, что человек, проникший в его тайны, остался жив, заделал этот проход.

Но тогда, значит, он сделал где-то другой. Но где? Не иначе, как здесь, в кабинете. Здесь он работал, как и прежде; это видно было из того, что Арминий и Сигимер продолжали приносить сюда письма. Марсель хорошо изучил все привычки немца и знал, что все необходимое для работы, все, что нужно было скрыть от нескромных взоров, Шульце любил держать у себя под рукой. Проход должен быть здесь. Может быть, он устроил его в виде люка в полу? Марсель поднял ковер, осмотрел весь паркет плитку за плиткой. Нигде не было никаких следов потайного хода или люка.

— А почему ты думаешь, что проход должен быть здесь? — спросил Октав.

— Я совершенно уверен в этом, — ответил Марсель.

— В таком случае надо исследовать потолок, — сказал Октав и влез на стул. Он хотел взобраться на люстру и прощупать ружейным прикладом лепную отделку на самой середине потолка.

Но едва только он ухватился за массивную золоченую подвеску, как люстра медленно поехала вниз, барельеф на потолке раздвинулся, и из щели беззвучно спустилась вниз легкая стальная лесенка.

Их словно приглашали подняться.

— Вот и отлично, идем! — невозмутимо сказал Марсель и первый ступил на лесенку.

ГЛАВА ВОСЕМНАДЦАТАЯ

Тайна раскрывается

Когда они поднялись на верхнюю ступеньку стальной лестницы, которая оказалась на уровне паркетного пола, они очутились в большом круглом зале без дверей и окон. Если бы не яркий молочный

свет, проходивший сквозь толстое стекло иллюминатора, вделанного в дубовый пол и напоминавшего светящийся диск полной луны, зал был бы погружен в полную темноту.

Мертвая тишина царила в этих глухих стенах, не пропускавших ни звука, ни света.

Молодым людям казалось, словно они вступили в склеп.

Там, за этим стеклом, скрывалась разгадка тайны. Они чувствовали это, но какой-то безотчетный страх удерживал их, не позволял им приблизиться.

Наконец, стряхнув с себя оцепенение, они медленно подошли к иллюминатору и, опустившись на колени, заглянули в светящийся диск. Страшное и неожиданное зрелище открылось перед ними.

Этот диск представлял собой сильное увеличительное стекло наподобие линзы, и из него, как из диоптрического прибора маяка, шел яркий свет от двойной электрической лампы, горевшей в стеклянном колпаке и питаемой гальваническим током мощной батареи. В этом ослепительном свете они увидели внизу чудовищную увеличенную человеческую фигуру, застывшую, словно каменное изваяние. Вокруг нее все было усеяно мелкими осколками снаряда.

Да, теперь уже можно было не сомневаться — это был стальной король в своей секретной лаборатории, герр Шульце, с его зловещей усмешкой, обнажающей звериные зубы, но герр Шульце, напоминающий гигантского сфинкса, герр Шульце, превращенный в ледяную глыбу действием жидкой углекислоты, распространившейся от взрыва снаряда.

Он сидел за письменным столом, зажав в руке громадное, словно копье, перо, и казалось, еще продолжал писать. Если бы не эта застывшая усмешка, не этот неподвижный, остекленевший взгляд, можно было бы подумать, что он жив. Словно ископаемые мамонты, которых находят в зоне вечной мерзлоты в полярных широтах, этот труп, скрытый от всех взоров, сохранялся здесь уже больше месяца. Вокруг него все замерзло — реактивы в банках, вода в сосудах, ртуть в чашечке барометра.

Марсель с ужасом смотрел на это зрелище, и у него невольно мелькнула мысль: какое счастье, что их отделяет от лаборатории толстое стекло иллюминатора! Вот так и они неминуемо погибли бы с Октавом, если бы не эта преграда.

Как произошла эта катастрофа, Марселю нетрудно было угадать; в осколках, разбросанных по всему полу, он различил осколки стеклянного снаряда. Внутренняя оболочка снарядов герра Шульце, заряженных жидкой углекислотой, должна была выдерживать невероятно высокое давление, ее делали из стекла особой закалки, с силой сопротивления, от десяти до двадцати раз превышающей сопротивление обыкновенного стекла. Но оно было введено в употребление совсем недавно и, как оказалось потом, обладало одним недостатком — в силу каких-то неведомых молекулярных изменений и иногда без всякой видимой причины оно неожиданно лопалось. Повидимому, это и произошло. Не исключена возможность, что чрезмерное внутреннее давление неизбежно повлекло за собой взрыв, когда снаряд перенесли в лабораторию. Внезапно освободившаяся жидкая углекислота немедленно обратилась в газ и катастрофически снизила температуру окружающего воздуха.

Все это случилось молниеносно. Герр Шульце, застигнутый внезапной смертью, мгновенно превратился в ледяного истукана.

Одно обстоятельство особенно поразило Марселя: смерть настигла стального короля в то время, когда он писал. Что заключал в себе этот лежащий перед ним на столе листок бумаги? Какие мысли, какие слова запечатлело в последнюю минуту застывшее в воздухе перо этого злодея? И как добраться до этого листка? Нечего было и думать о том, чтобы проникнуть в лабораторию. Если разбить это толстое стекло, вделанное в пол, углекислый газ вырвется наружу и ни одно живое существо не спасется от его смертоносного действия. Рисковать жизнью ради того, чтобы завладеть этим листком, нет — это было по меньшей мере бессмысленно.

Но нельзя ли проникнуть в эту тайну, не изымая ее из рук мертвеца?

Марсель прижался лицом к стеклу и попытался разобрать написанные знакомым почерком строчки. Сильно увеличенные рефракцией буквы отчетливо выступали в ярком снопе лучей. Как и все, что исходило от герра Шульце, это письмо носило характер приказа. Вот что удалось прочесть Марселю:

«Распоряжение Б.К.Р.Ц. Ускорить на две недели срок экспедиции против Франсевилля. По получении приказа ввести в действие все, что значится в инструкции. Операцию провести молниеносно, не отступая ни на иоту от моих указаний. Я хочу, чтобы по истечении пятнадцати дней Франсевилль был превращен в мертвый город и чтобы ни один из его жителей не остался в живых. Я хочу напомнить миру гибель Помпеи и заставить его содрогнуться от ужаса. Точное выполнение моих инструкций обеспечивает желаемый результат.

Позаботьтесь доставить сюда трупы доктора Саразена и Марселя Брукмана. Я хочу их видеть и иметь перед своими глазами.

Шульц...»

Подпись обрывалась. Недоставало последней буквы и обычного росчерка.

Марсель и Октав молча переглянулись, потрясенные всесокрушающей ненавистью, которой полны были последние мысли этого гения зла.

Бросив последний взгляд на застывшее в зловещей усмешке лицо, они поднялись и направились к выходу.

Там, в лаборатории, в этой могиле, которая погрузится в беспросветный мрак, когда прекратится ток и погаснет электрическая лампа, труп стального короля сохранится подобно мумии какого-нибудь еги-

петского фараона, покоящейся в своем саркофаге тысячи лет.

Час спустя Марсель с Октавом, освободив Сигимера, который весьма удивился этой неожиданной для него милости, распростились со Стальным городом и вышли на дорогу, ведущую в Франсевилль. Вечером они были дома.

Доктор Саразен работал у себя в кабинете, когда ему сообщили о том, что друзья вернулись.

— Зовите их скорей сюда! — вскричал он и бросился им навстречу.

— Ну, что? — только и мог вымолвить он, увидя их.

— Доктор, — сказал Марсель, — мы принесли вам добрую весть. Вы теперь можете быть спокойны. Вам больше нечего опасаться. Шульце больше нет. Шульце погиб.

— Погиб! — вскричал доктор Саразен и, опустившись в кресло, несколько секунд сидел молча, в глубокой задумчивости глядя на Марселя.

— Дитя мое, — сказал он, наконец овладев собой, — пойми меня, я должен был бы радоваться его смерти, потому что она избавляет нас от страшного бедствия — от войны, которую я ненавижу больше всего в мире, от несправедливой, бессмысленной войны. Но, как это ни странно, твое известие наводит меня на горькие размышления. Почему этот человек с такими исключительными способностями объявил себя нашим врагом? Почему не направил он свой талант на служение добру? Сколько пользы он мог бы принести, если бы, объединив свои усилия с нашими, посвятил себя великой доброй цели — служению человечеству! Вот что невольно заставило сжаться мое сердце, когда я услышал эти слова — Шульце погиб. Но расскажи мне все, что ты знаешь о его смерти.

Марсель начал подробно рассказывать, как они нашли Шульце в его таинственной лаборатории, которую он устроил так, что никто не знал о ее существовании и не мог оказать ему помощи. Он

пал жертвой своего невероятного тщеславия, ибо, одержимый идеей самовластия, хотел один управлять всем.

Но волею провидения могущественные силы, которые он желал один держать в руках, внезапно обратились против него и против его адских целей.

— Иначе и быть не могло, — сказал доктор. — Герр Шульце построил систему, основанную на совершенно ошибочных данных. Наилучшая система управления — это та, в которой нет ничего секретного, и в силу этого бразды правления после смерти одного правителя могут быть без всяких осложнений переданы другому.

— Вы сейчас увидите, доктор, — продолжал Марсель, — как все то, что произошло в Штальштадте, наглядно подтверждает ваши слова. Мы застали герра Шульце за его письменным столом, — это тот центр, откуда исходили все приказы, которым Стальной город подчинялся беспрекословно, ибо они не подлежали обсуждению. Смерть застигла Шульце внезапно, в ту самую минуту, когда он писал приказ. Он предстал перед нами как живой; мне в первое мгновение даже показалось, что он вот-вот заговорит. Но этот злосчастный изобретатель стал жертвой собственного изобретения. Он был убит одним из тех страшных снарядов, которыми он намеревался уничтожить наш город. Этот снаряд взорвался у него в руке в тот самый момент, когда он подписывал приказ о нашем уничтожении. Вот слушайте.

И Марсель громко прочел страшный приказ герра Шульце, который записал на память.

— Если до этого я мог еще сомневаться в смерти Шульце, — сказал он, окончив чтение, — то то, что я увидел в Штальштадте, сразу рассеяло мои сомнения: жизнь Стального города прекратилась с того момента, как Шульце не стало. Подобно тому как в замке спящей красавицы внезапный сон прервал течение жизни, так смерть хозяина Штальштадта парализовала все вокруг.

— Да, — сказал доктор Саразен. — Это рука провидения. В тот самый момент, когда Шульце

готов был обрушить на нас всю силу своего удара, правосудие всевышнего обратило этот удар против него.

— Да, так оно и случилось, — подтвердил Марсель. — Но не будем больше думать о том, что прошло, а займемся лучше настоящим. Смерть Шульце обеспечивает нам мир, но вместе с тем это крах его великолепного предприятия, его полное банкротство. Ослепленный своим успехом и своей бешеной ненавистью к Франции и, в частности, к вам, стальной король совершил ряд неосторожностей. В течение долгого времени он поставлял в кредит вооружение различным странам в надежде заставить их выступить против нас. Платежей по этому кредиту не скоро можно дождаться. Тем не менее мне кажется, что, взявшись серьезно за дело, можно было бы поставить Штальштадт на ноги и употребить во благо те широкие возможности, которые до сих пор служили ненависти и злу. У Шульце может быть только один наследник, этот наследник — вы. Не следует обрекать на гибель такое мощное предприятие. Люди почему-то склонны считать, что наиболее выгодный способ действия — это полное уничтожение мощи противника. Какое заблуждение! Я думаю, вы согласитесь со мной, что из обломков этого гигантского крушения все, что может служить на пользу человечеству, должно и следует спасти. И я со своей стороны готов целиком посвятить себя этому делу.

— Марсель прав, — поддержал его Октав, — и если ты, папа, согласен, я готов работать под его руководством.

— Ну, конечно, я согласен и от всего сердца одобряю вас, дети мои, — ответил растроганный доктор. — Мы располагаем достаточным капиталом, и с вашей энергией и настойчивостью мы сумеем превратить Стальной город в такой арсенал, что никто в мире не посмеет напасть на нас. И так как мы, будучи самыми сильными, стремимся одновременно быть самыми справедливыми, — мы со временем научим человечество ценить блага мира и справедливости. Ах, Мар-

сель, какие это чудные мечты! И когда я думаю, что благодаря тебе я увижу хоть часть этой мечты осуществленной, то мне приходит мысль: отчего у меня не два сына? Почему ты не брат Октава? Мне кажется, для нас троих не было бы ничего невозможного.

ГЛАВА ДЕВЯТНАДЦАТАЯ

Семейное объяснение

Возможно, что в этом рассказе мы слишком мало уделяли внимания личной жизни наших героев. Постараемся восполнить этот пробел и посвятить эту главу их сердечным делам.

Нужно сказать, что добрый доктор Саразен, посвятивший всю свою жизнь высокому делу служения человечеству, не принадлежал к числу людей, которые в увлечении своим идеалом теряют способность замечать чувства и переживания других. Фраза, вырвавшаяся у него, заставила побледнеть молодого эльзасца. Это не ускользнуло от внимания доктора. Пристально поглядев Марселю в лицо, он старался понять причину этого волнения и, может быть, втайне надеялся, что молодой человек откроет ему свои чувства. Но Марсель уже овладел собой и, устремив на доктора спокойно вопрошающий взгляд, казалось, с интересом ждал продолжения прерванного разговора.

Доктор Саразен, несколько уязвленный этим удивительным самообладанием и уклончивостью молодого человека, подошел к нему поближе и, привычным жестом врача взяв его за руку, удержал ее в своей, как если бы имел дело с больным, у которого он хотел проверить пульс. Но так как Марсель, повидимому не догадываясь о его намерении, продолжал стоять молча, доктор решил сам прервать молчание.

— Марсель, друг мой, — ласково сказал он, — мы еще не раз успеем поговорить с тобой о будущем Шталь-

штадта. Но разве тем, кто посвящает себя служению на благо человечества, запрещено заниматься судьбой своих близких? Мне хочется рассказать тебе о том, как некая упрямая молодая девица, имя которой я потом тебе назову, отвечала своим родителям, когда они допрашивали ее, почему она категорически отказывает всем молодым людям, пытающимся просить ее руки...

Тут Марсель довольно резким движением выдернул свою руку, но доктор Саразен, сделав вид, что не заметил этого, продолжал:

— «Объясни мне, пожалуйста, — допытывалась мать этой юной особы, — как это надо понимать, что ты в течение этого года отказала уже двадцати молодым людям, не пожелав даже выслушать их. Ведь все это были люди образованные, с положением, с капиталом и многие из них даже очень недурны собой. Почему же ты так решительно, поспешно, не подумав, не взвесив, отвечаешь «нет»? Обычно ты не так скора в своих решениях».

Почувствовав в этих словах упрек, молодая особа пожелала оправдать себя в глазах матери, и так как она была чиста сердцем и обладала ясным умом, вот что она ответила:

«Дорогая матушка, я отвечаю «нет» так же искренне, как я ответила бы «да», если бы такой ответ подсказало мне мое сердце. Я не отрицаю, что вы предлагали мне очень хорошие партии. Но, сказать вам по правде, мне кажется, что все эти молодые люди, претендующие на мою руку, интересуются не столько мной, сколько тем, что называют лучшей, то есть самой богатой невестой в городе, и, конечно, это не вызывает у меня желания ответить «да». И раз уж вы хотите услышать от меня всю правду, признаюсь вам, что среди всех этих предложений нет того, которого я жду... И увы, быть может, оно еще долго заставит себя ждать, если только...»

«Что я слышу, сударыня?..» — воскликнула потрясенная мать и, не кончив фразы, устремила беспомощный, умоляющий взгляд на своего супруга, призывая его прийти ей на помощь.

Но супруг, видимо, хотел уклониться от этого тягостного объяснения или, может быть, не считал нужным вмешиваться, пока они до чего-нибудь не договорятся. Он сделал вид, что не заметил этого отчаянного призыва, и бедная девочка, вся красная от стыда и обиды, решилась высказать все.

«Я вам говорю правду, дорогая матушка, — продолжала она, — предложение, которого я жду, может заставить ждать себя очень долго, и очень может быть, что мне никогда его не сделают. И я могу сказать, что нисколько этому не удивляюсь и не вижу в этом ничего для себя обидного. Вся беда в том, что я, на свое несчастье, считаюсь очень богатой, а он очень бедный. Поэтому он и не делает мне предложения. Он ждет...»

«Чтобы мы его сделали...» — поспешно сказала мать, не давая договорить дочери фразы, которую ей больно было бы услышать.

И тут вмешался супруг. «Друг мой, — сказал он, нежно обнимая жену за плечи, — разве мы могли ожидать чего-нибудь другого, если наша дочка, которая привыкла уважать и слушаться тебя с тех пор, как она себя помнит, слышит изо дня в день, как ты расточаешь похвалы мужественному, достойному юноше, выросшему в нашей семье, как ты горячо присоединяешься к своему мужу, когда он превозносит его исключительные способности и с умилением говорит о его самоотверженной привязанности ко всем нам. Если бы наша дочка, видя все это, осталась равнодушной к этому юноше, нам бы пришлось сознаться, что мы вырастили плохую дочь».

«Ах, папа! — вскричала бедная крошка, пряча свое смущенное личико на груди матери. — Но если вы с матушкой догадываетесь сами, зачем же вы заставляете меня признаваться?»

«Затем, моя душенька, — лаская ее, ответил отец, — чтобы ты нас порадовала, чтобы я мог после твоих слов убедиться, что не ошибся, и сказать тебе, что мы оба от всего сердца одобряем твой выбор, что мы только об этом и мечтали. А что касается предложения, которого этому бедному юноше не позволяет

сделать достойное чувство гордости, это предложение я сам ему сделаю... Да, да! Потому что я прочел в его сердце то же, что и в твоем. Будь покойна, я обещаю тебе при первом же удобном случае спросить Марселя, не согласится ли он стать моим зятем...»

Марсель, который никак не ожидал, что этот длинный рассказ закончится таким прямым и решительным вопросом, вскочил в полном смятении и беспомощно поглядел на Октава. Октав молча сжал ему руку, а доктор Саразен взял его за плечо и привлек в свои объятия. Юный эльзасец был бледен как полотно. Так нежданное счастье потрясает мужественную душу и повергает ее в смятение своим внезапным приходом.

ГЛАВА ДВАДЦАТАЯ

Эпилог

Франсевилль, позабыв о своих несчастьях, живет в мире со всеми своими соседями и под мудрым управлением достойных правителей благоденствует и процветает. У него нет завистников, ибо он наслаждается заслуженным счастьем, а его сила внушает уважение всем любителям бряцать оружием.

Стальной город, некогда представлявший собой один колоссальный завод, страшное орудие разрушения в железной руке герра Шульце, ныне благодаря усилиям Марселя Брукмана превратился в крупный промышленный центр, объединяющий всевозможные отрасли полезной промышленности.

Марсель уже больше года наслаждается супружеским счастьем с Жанной, а недавно появившийся на свет младенец является для них источником новых семейных радостей.

Октав, добровольно подчинившись руководству своего деверя, помогает ему во всех его начинаниях. Жанна хочет во что бы то ни стало женить его на своей подруге, очаровательной девушке с твердым и

спокойным характером, которая сумеет прибрать его к рукам и сделает его прекрасным семьянином.

Мечты доктора Саразена и его супруги сбылись. В кругу своих детей они наслаждаются полным покоем и счастьем и, можно было бы сказать, заслуженной славой, если бы только слава занимала какое-либо место в их светлых, благородных стремлениях.

Ныне можно с уверенностью сказать, что усилиями доктора Саразена и Марселя Брукмана Франсевиллю завоевана прекрасная будущность и что пример Франсевилля и Штальштадта не пропадет даром для грядущих поколений.

КОММЕНТАРИЙ

ЧЕРНАЯ ИНДИЯ

Роман был впервые издан в 1877 году.

«Черная Индия» — произведение не совсем обычное в творчестве Жюля Верна. Несмотря на обилие приключений, читатель не найдет здесь ни путешествий, ни научной фантастики Действие сосредоточено в одном месте и связано с историей заброшенной, а затем восстановленной угольной шахты в окрестностях Эдинбурга.

Интерес Жюля Верна к Шотландии был вызван первоначально романами Вальтера Скотта — одного из его любимых писателей. При первой же возможности совершить заграничную поездку, которая представилась ему в 1859 году, Жюль Верн посетил Англию и Шотландию, где спускался, между прочим, в угольную шахту. Впоследствии он еще не раз бывал в Шотландии и в своих описаниях шотландской природы, быта и нравов жителей опирался не только на книжные источники, но главным образом — на личные впечатления. Особенно это чувствуется в двух «шотландских» романах Жюля Верна — «Черная Индия» и «Зеленый луч» (1882).

Кроме того, в этих произведениях несомненно отразилось и увлечение Жюля Верна романами Вальтера Скотта, имя которого неоднократно упоминается на страницах обеих книг. В «Черной Индии» произведениями шотландского романтика навеян, повидимому, не только своеобразный шотландский колорит романа, но и образ безумного старика Сильфакса, возомнившего себя властителем недр и оберегающего заброшенные копи Эберфойла.

Ради обострения сюжета Жюль Верн прибегает здесь к традиционным приемам так называемого «романа тайн». нагромо-

ждение загадочных событий, неожиданные обвалы, «чудеса», творящиеся в покинутой шахте, заставляют суеверных углекопов думать о вмешательстве сверхъестественной силы. Но в конце концов тайна раскрывается, все непонятные явления получают свое объяснение и «чудеса» оказываются мнимыми.

Что касается общего замысла и познавательной стороны произведения, то автор раскрывает их сам, объясняя заглавие романа: «Известно, что англичане дали своим обширным угольным копям очень выразительное название «Черная Индия», и эта Индия, быть может, еще больше, чем настоящая, способствовала поразительному обогащению Соединенного королевства. Действительно, там днем и ночью работает целая армия шахтеров, добывая из недр Англии драгоценное горючее, без которого не может обойтись современная промышленность».

Жюль Верн много раз возвращался в своих произведениях к вопросу о минеральном топливе, постоянно ссылаясь на новейшие статистические данные и высказывания специалистов о стремительно возрастающих темпах мировой добычи угля. При этом писатель подчеркивал со свойственным ему оптимизмом, что неизбежное истощение угольных запасов не остановит развития промышленности и не отразится на благополучии человечества, так как со временем люди научатся обходиться без минерального топлива и поставят себе на службу другие источники энергии — энергию солнца, ветра, воды, внутреннего тепла земли и т. п. (см. об этом в романах «Таинственный остров», «Вверх дном», в рассказе «В XXIX веке. Один день американского журналиста в 2889 году» и др).

Роман «Черная Индия» вышел на русском языке в трех разных переводах в том же 1877 году, когда появилось оригинальное издание.

Е. Брандис

ПЯТНАДЦАТИЛЕТНИЙ КАПИТАН

Роман был опубликован в 1878 году в «Журнале воспитания и развлечения» и в том же году вышел отдельным изданием.

За несколько месяцев до начала публикации этого романа Жюль Верн послал издателю Этцелю письмо, из которого видно, какие большие надежды он возлагал на свое новое произведение.

«Дорогой Сталь [1], — писал Жюль Верн, — с января будущего года я должен дать подписчикам нашего «Журнала воспитания и развлечения» начало новой книги, которую я сейчас заканчиваю и которая, как мне кажется, придется им по вкусу. Это — история пятнадцатилетнего капитана. Я надеюсь, что моя новая книга получит такое же распространение, как «Приключения капитана Гаттераса» или «Двадцать тысяч лье под водой». К несчастью и вопреки моему обыкновению, я был болен. Поэтому у меня готова только первая часть, которую я мог бы вам уже сейчас предоставить. Но ведь мы с вами всегда благоразумно считали, что не следует начинать публикацию нового произведения до тех пор, пока оно не будет полностью закончено. Я прошу у наших подписчиков дать мне отсрочку не более чем на два месяца» («Журнал воспитание и развлечение» за 1877 год, т. XXVI, стр. 352).

Жюль Верн нисколько не переоценил свое новое произведение «Пятнадцатилетний капитан» был и остается одним из самых популярных его романов.

Как и в других романах Жюля Верна, мы находим здесь большое количество всевозможных образовательных сведений,

---

[1] Сталь — литературный псевдоним П Ж Этцеля, книгоиздателя и автора многочисленных произведений для детей.

нисколько не снижающих общей занимательности повествования. Но важнейшая задача автора заключалась в том, чтобы дать читателям правдивое представление о трагической участи коренного населения «черного материка».

История географических исследований Африки и ее колонизации европейскими державами интересовала Жюля Верна на всем протяжении его творчества. Кроме «Пятнадцатилетнего капитана», с этой темой связаны и другие его романы· «Пять недель на воздушном шаре», «Приключения трех русских и трех англичан в Южной Африке», «Южная звезда», «Кловис Дардентор», «Деревня в воздухе», «Вторжение моря», «Необыкновенные приключения экспедиции Барсака».

Самые яркие страницы посвящены в «Пятнадцатилетнем капитане» обличению работорговли. Негодование Жюля Верна беспредельно. Иногда он достигает высокого публицистического пафоса:

«Работорговля! Все знают, что значит это страшное слово, которому не должно быть места в человеческом языке».

Зловещие фигуры работорговцев — португальцев Негоро и Коимбра, американца Гэрриса, араба Ибн-Хамиса, вероломного негра Альвеца — отнюдь не являются плодом авторской фантазии. Известно, например, что работорговец Альвец существовал в действительности. Сведения об этом изверге, который продал в рабство десятки тысяч своих соплеменников, Жюль Верн почерпнул, как он сам указывает, из записок английского путешественника Камерона.

Португальские колонии — Ангола на юго-западе Африки, где развертывается действие романа, и Мозамбик на юго-востоке — издавна служили главными центрами работорговли и поставляли негров-невольников преимущественно в Северную и Южную Америку, а также в страны Азии и Востока.

В первой половине XIX века правительства некоторых европейских государств, заинтересованные в том, чтобы использовать народы колониальных стран для разработки природных богатств и добывания сырья на их родине, отменили работорговлю Но, несмотря на то, что движение аболиционистов (сторонников освобождения негров) привело к официальному запрещению работорговли, она еще долго процветала в колониях при попустительстве, а иногда и прямом содействии местной администрации.

«Позорная торговля людьми, — пишет автор, — долгое время с большой выгодой для себя производилась европейскими на-

циями, имевшими колонии за океаном Прошло уже много лет после запрещения работорговли. Однако она все еще ведется и притом в крупных размерах, — главным образом в Центральной Африке...»

«Пятнадцатилетний капитан» был написан в период ожесточенного соперничества и борьбы европейских держав за господство в этой обширной части света. С тех пор в мире произошли большие изменения, но в африканских странах до сих пор еще живы остатки рабовладения — и не только в наиболее отсталых и глухих районах, но и в областях, подчиненных европейской администрации. В частности, в той же Анголе каждый совершеннолетний негр обязан по закону отбывать в течение нескольких лет трудовую повинность. В то же время по соглашению с Южно-Африканским Союзом португальские колониальные власти ежегодно вывозят из Анголы и Мозамбика рабочую силу на серебряные или алмазные рудники, на заводы и фабрики, на строительные работы. Каторжный труд рабочего африканца, получающего примерно в пятьдесят раз меньше заработной платы, нежели рабочий-европеец, настолько изнурителен и тяжел, что рабочая сила может пополняться только методами насильственной «вербовки», мало чем отличающейся от прежней охоты за рабами.

Колонизаторы делают всё возможное для того, чтобы затруднить народам Африки возможность объединиться и встать на защиту своих гражданских прав и независимости. Тем не менее народы Центральной и Южной Африки постепенно становятся на путь освободительной борьбы и начинают сознавать, что только окончательное уничтожение колониального гнета даст им избавление от рабства и сделает их творцами своей собственной судьбы.

Особенно подробно освещая в «Пятнадцатилетнем капитане» положение в португальской колонии Анголе, Жюль Верн то и дело ссылается на свидетельства таких исследователей, как Д. Ливингстон, Г. М. Стенли, В. Л. Камерон.

Пристальное внимание автора привлекает героическая фигура Ливингстона, которому принадлежит большая заслуга в изучении Центральной Африки. За долгие годы своих странствий английский путешественник проявил себя как бескорыстный друг африканских народов, как убежденный противник рабства. Ливингстону казалось, что уничтожение рабства даст возможность

отсталым народам Африки приобщиться к европейской культуре и цивилизации.

Подобно Ливингстону Жюль Верн ошибочно полагал, что правящие круги Англии, Франции и других колониальных держав пошли на отмену рабства исключительно из соображений человеколюбия. Жюль Верн в своем обличении работорговли и жестокостей колонизаторов широко использовал наблюдения Ливингстона, изложенные в его известных книгах — «Путешествия по Южной Африке» (1857) и «Путешествие по Замбези» (1865).

Другой знаменитый исследователь Экваториальной Африки, американский журналист Генри Мортон Стенли, в отличие от Ливингстона, хорошо понимал, что он служит не столько науке, сколько захватническим устремлениям своих хозяев. Европейские и американские капиталисты щедро финансировали его экспедиции.

Многие вожди негритянских племен, вроде царька-алкоголика Муани-Лунга из романа Жюля Верна, принимали непосредственное участие в работорговле и являлись злейшими врагами собственного народа. Зная это, Стенли за ничтожные подарки заключал с ними кабальные соглашения на использование недр или лесных богатств, на право торговли или поставку рабочей силы. По следам экспедиций Стенли шли вооруженные до зубов колониальные войска, которые и приводили эти «договоры» в исполнение.

В конце XIX века раздел Африки между капиталистическими странами был окончательно завершен. Десятки экспедиций избороздили ее вдоль и поперек. Над всеми народами Африки было установлено господство европейских колонизаторов.

В романе «Пятнадцатилетний капитан» необычайные приключения героев, как всегда у Жюля Верна, вызываются цепью случайностей и препятствий, мешающих им осуществить первоначальное намерение. На протяжении всего лишь полугода (действие происходит с февраля по конец июля 1873 года) герои переживают десятки удивительных приключений в открытом море и в дебрях тропической Африки, куда они попадают помимо своей воли, из-за злого умысла закоренелого преступника — работорговца Негоро.

Среди центральных персонажей «необыкновенных путешествий» иногда можно встретить героический образ мальчика или юноши, которому в силу сложившихся условий приходится стать капитаном судна, начальником экспедиции или трудовой общины

колонистов на необитаемом острове («Пятнадцатилетний капитан», «Найденыш с погибшей «Цинтии», «Два года каникул» и др.). Такую необычную роль Жюль Верн поручает молодому герою не только ради обострения сюжета и усиления занимательности повествования. Обращая свои произведения к юным читателям, автор преследовал определенные воспитательные задачи. Об этом он сам говорит в предисловии к роману «Два года каникул» (1888), упоминая здесь и Дика Сэнда, героя «Пятнадцатилетнего капитана»: «В «Пятнадцатилетнем капитане» я попытался показать, что могут сделать ум и храбрость подростка в борьбе с опасностями и трудностями, заставившими его возложить на себя ответственность, несвойственную его возрасту».

Опасности и препятствия закаляют волю Дика Сэнда и формируют его характер.

Лучшие качества характера Дика Сэнда — энергия и сила воли, смелость и настойчивость, справедливость и благородство сделали его одним из самых любимых и популярных героев Жюля Верна.

Положительные отзывы о «Пятнадцатилетнем капитане» стали появляться в русской печати еще до того, как роман в 1879 году впервые был издан в русском переводе (например, рецензия в девятой книге журнала «Русский вестник» за 1878 год).

Е. Брандис

ПЯТЬСОТ МИЛЛИОНОВ БЕГУМЫ

Роман был написан в 1878 году и опубликован в 1879 году в «Журнале воспитания и развлечения» В том же году роман вышел отдельным изданием с приложением рассказа «Мятежники с «Боунти»

Замысел романа относится к середине семидесятых годов и навеян живыми впечатлениями франко прусской войны и Парижской коммуны

В семидесятых годах прогрессивные французские писатели создали ряд произведений, прямо или косвенно связанных с этими историческими событиями «Девяносто третий год» В Гюго, «I N R I» («Жак Ратас») Л Кладеля и др К таким произведениям следует отнести и «Пятьсот миллионов бегумы»

«Пятьсот миллионов бегумы» — роман с неприкрытой политической тенденцией Решительное осуждение милитаризма и захватнических войн сочетается здесь с утверждением гуманистических и демократических идеалов в духе французского утопического социализма (Фурье, Сен Симон, Кабе). Это один из тех романов Жюля Верна, в котором научная фантастика переплетается с социальной не ограничиваясь научно технической фантазией, автор выражает свои взгляды на будущее общественного и государственного устройства

В романе «Пятьсот миллионов бегумы» заметно меняется и творческая манера Жюля Верна от шутки и иронии писатель переходит к едкой сатире, тем более едкой, когда дело касается националистических и расовых предрассудков.

Некоторые научные и фантастические проблемы, выдвинутые Жюлем Верном в этом произведении, получили дальнейшее развитие в его поздних романах

В образе профессора Шульце мы впервые видим у Жюля Верна ученого-человеконенавистника, который ставит науку на службу войне и разрушению и сам же становится жертвой созданных им орудий истребления Разные варианты этого образа встречаются затем в романах «Флаг родины», «Тайна Вильгельма Шторица», «Необыкновенные приключения экспедиции Барсака»

Начиная с семидесятых годов в романах Жюля Верна появляются фантастические проекты идеального города будущего. Впервые эта тема возникает в фантастическом очерке «Амьен в 2000 году» (1875) Идеальный город будущего, как это видно в романе «Пятьсот миллионов бегумы», во многом отвечает социально-утопическим теориям предшественников научного социализма первой половины XIX века

Прямой противоположностью свободного, счастливого Франсевилля выступает в романе Штальштадт — зловещий город смерти и подневольного труда Эта тема варьируется также в поздних романах Жюля Верна и находит свое воплощение в ужасном Блекланде («Необыкновенные приключения экспедиции Барсака») и в капиталистических городах, служащих раем для миллионеров город гигант Центрополис (сатирический рассказ «В XXIX веке Один день американского журналиста в 2889 году») и пловучий город курорт Миллиард-сити, куда допускаются только сверхбогачи («Пловучий остров»).

Наконец, следует отметить, что в романе «Пятьсот миллионов бегумы» впервые обнаруживается интерес Жюля Верна к вопросам военной техники и перспективам ее развития Нельзя не обратить внимания в связи с этим на такую подробность сталь для отливки дальнобойного орудия сварена по рецептам известного русского металлурга Д К Чернова (1839—1921), установившего зависимость свойств и структуры стали от термической и механической ее обработки и нашедшего способ получения стали с наиболее высокими механическими показателями

Мысли автора, как и в некоторых других романах Жюля Верна, выражены здесь в зашифрованной, иносказательной форме Это дало повод критикам для различных толкований не только основных научно фантастических проблем, но и образов героев романа Так, например, зарубежные биографы Жюля

Верна считают, что в образе профессора Шульце писатель изобразил Круппа — основателя «династии» германских пушечных королей.

Во время первой мировой войны роман «Пятьсот миллионов бегумы» был объявлен пророческим произведением: в изобретенной Шульце дальнобойной пушке усматривался прообраз «Большой Берты», из которой немцы обстреливали Париж.

Современная прогрессивная критика Франции считает «Пятьсот миллионов бегумы» одним из самых интересных и значительных произведений Жюля Верна, не утративших своей актуальности и в наши дни.

Один из французских критиков, Жан Марсенак, опубликовавший несколько интересных статей о Жюле Верне, так объясняет основные идеи произведения: «В чудесном романе «Пятьсот миллионов бегумы» доктор Саразен строит Франсевилль, чтобы превратить его в город счастья, в то время как германский стальной король Шульце сооружает гигантскую пушку, чтобы разрушить этот город, ибо для него «закон жизненной конкуренции так же абсолютен, как и закон тяготения». Разве это не покажется проблемой и в наши дни? На одной стороне находятся те, которые считают, что наука имеет своей конечной целью счастье и мирное сосуществование народов, а на другой — те, которые видят в науке только средство навязать миру свою волю и жизненный уклад» («Humanité Dimanche», 1955, 27 марта).

Роман «Пятьсот миллионов бегумы» вышел в русском переводе в том же 1879 году, когда он был впервые опубликован в оригинале, и с тех пор много раз переиздавался.

Е. Брандис

СОДЕРЖАНИЕ

ЧЕРНАЯ ИНДИЯ

Перевод З. А. Бобырь

ПЯТНАДЦАТИЛЕТНИЙ КАПИТАН

Перевод И. Петрова

Часть первая

Часть вторая

ПЯТЬСОТ МИЛЛИОНОВ БЕГУМЫ

Перевод М. П. Богословской

Редактор *Н. Немчинова*

Оформление художника
Т. Цинберг

Художественный редактор
А. Гайденков

Технический редактор *Ф. Артемьева*

Корректоры *В. Брагина* и
Л. Бунчукова

*

Сдано в набор 17/V 1956 г. Подписано
к печати 21/XI 1956 г. Бумага
$84 \times 108^{1}/_{32}$ — 22,5 печ. л. 35 усл.-печ.
л. 35,8 уч.-изд. л. + 4 вкл. = 36 л.
Тираж 390 000. Заказ № 1211.
Цена 12 р.

Гослитиздат,
Москва, Б-66, Ново-Басманная, 19.

*

Министерство культуры СССР.
Главное управление полиграфической
промышленности. 2-я типография
«Печатный Двор» им. А. М. Горького.
Ленинград, Гатчинская, 26.